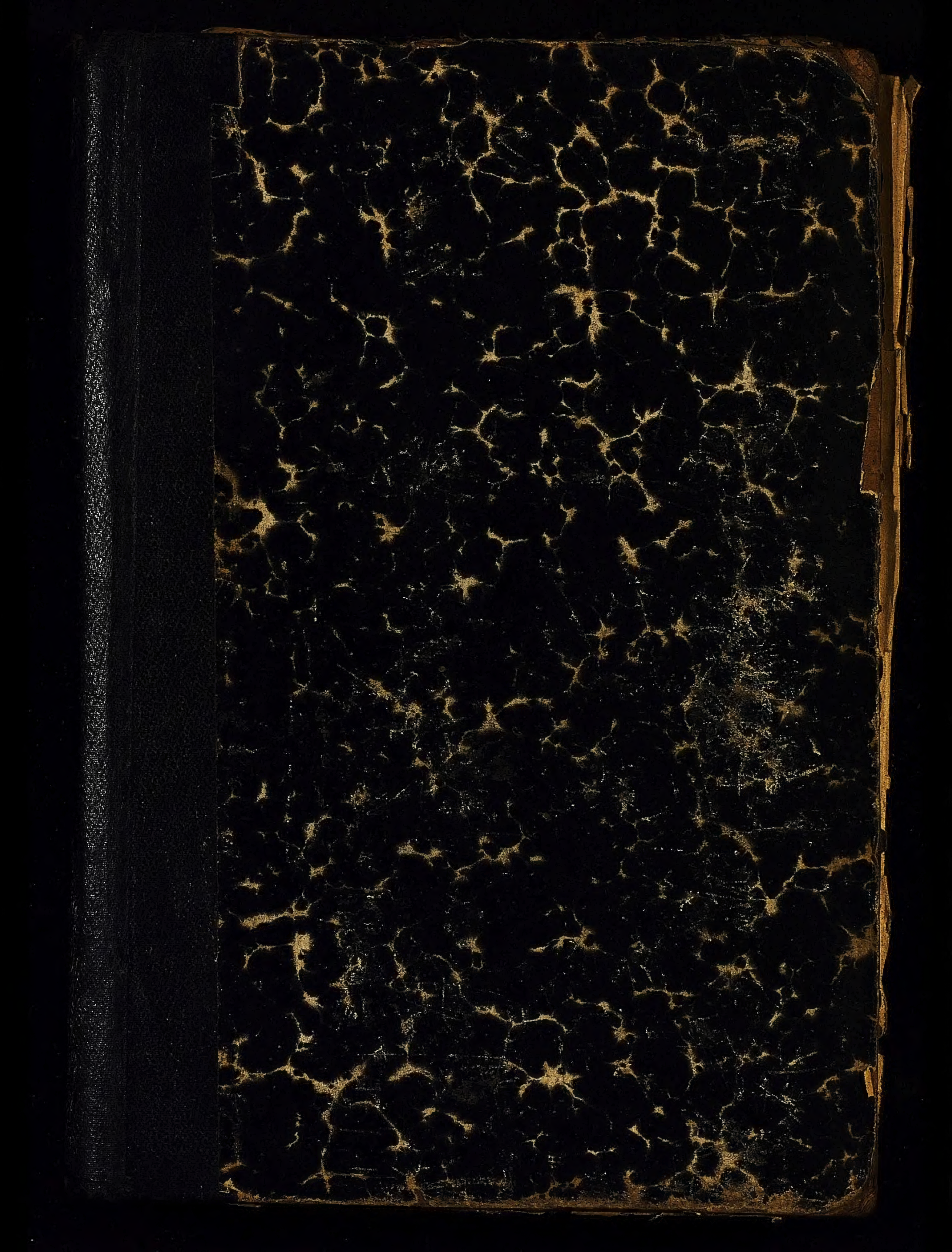
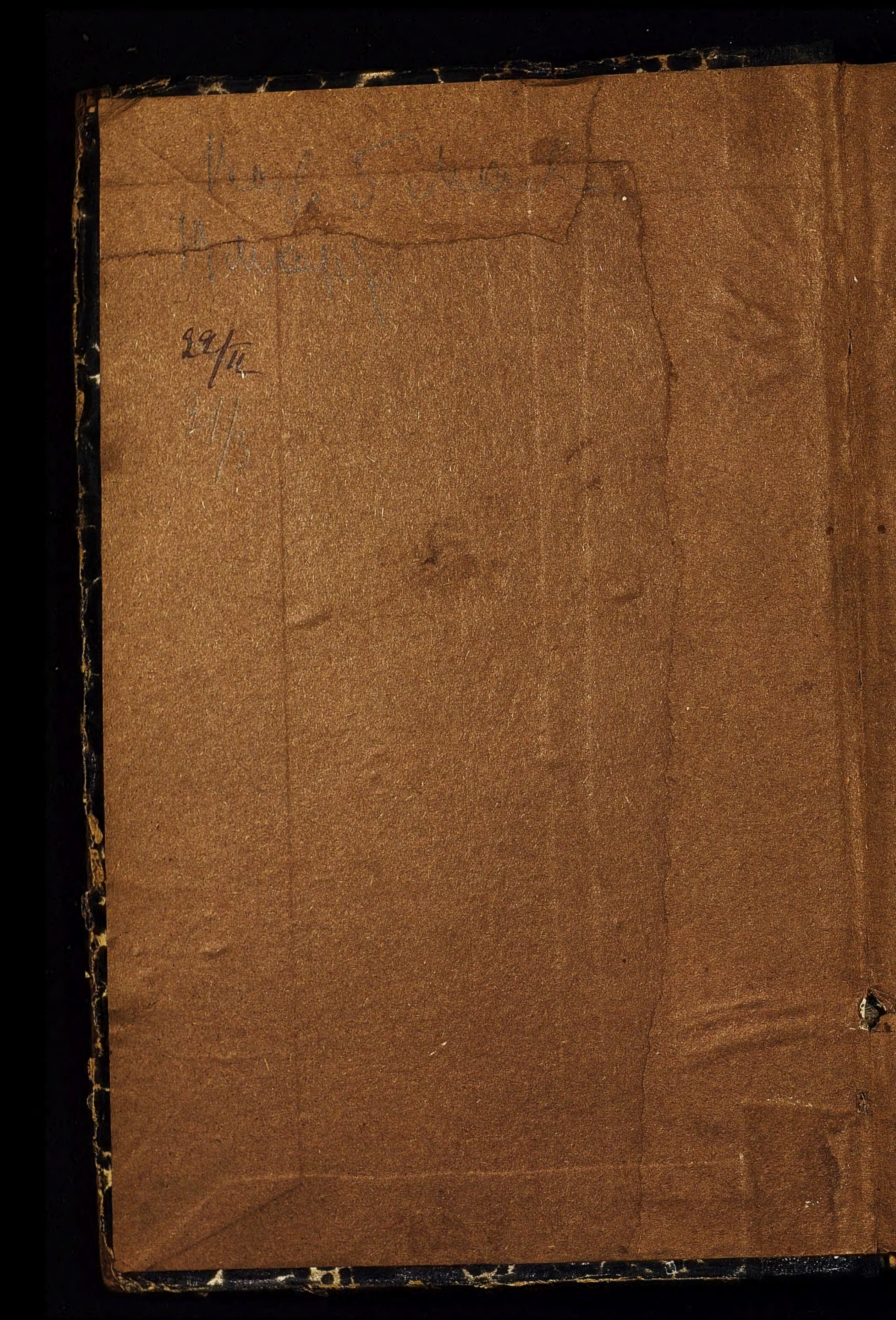
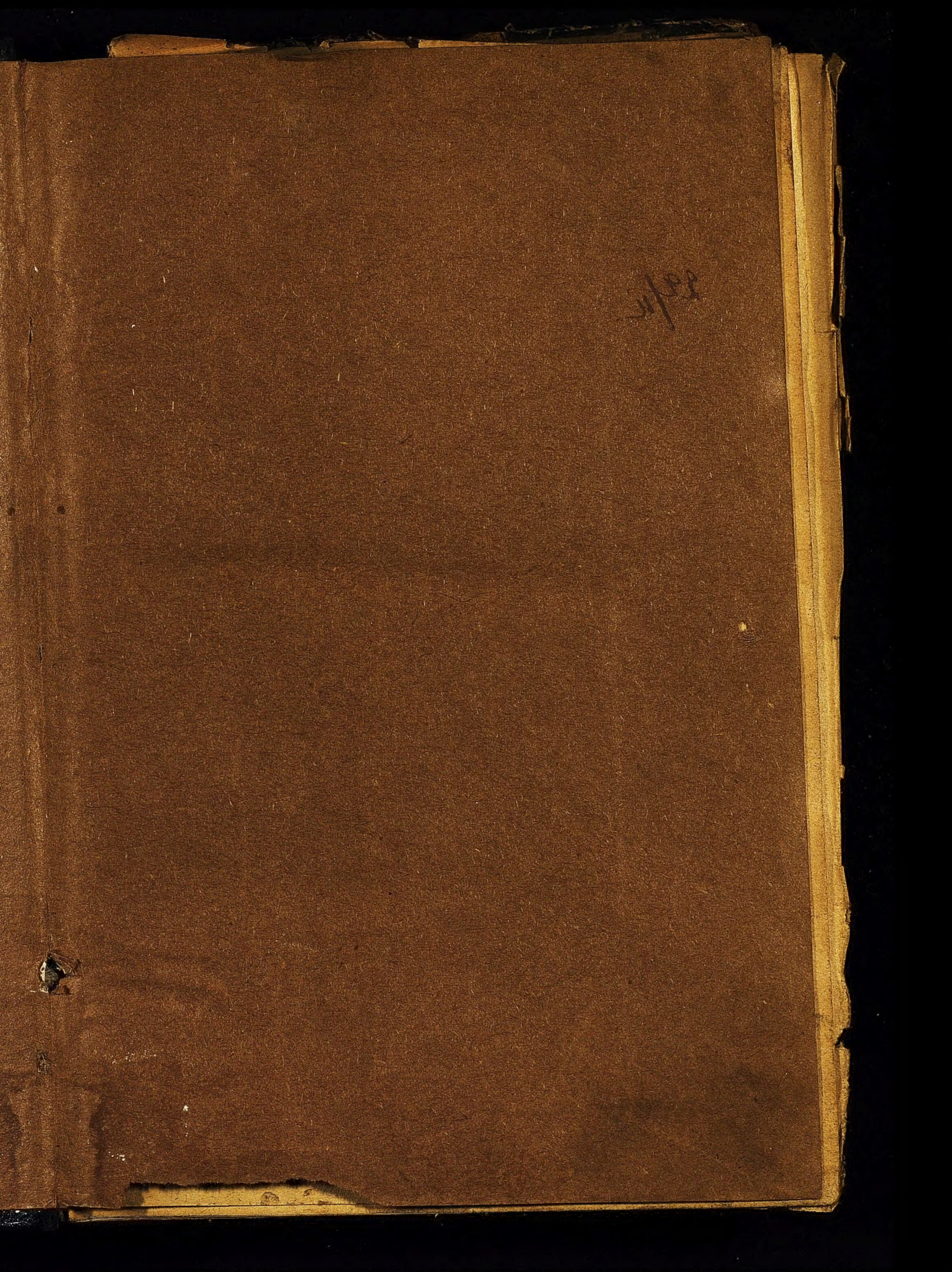

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ

ЖУРНАЛЪ

НАУКИ–ПОЛИТИКИ–ЛИТЕРАТУРЫ,

основанный **М. М. Стасюлевичемъ** въ 1866 году.

СОРОКЪ-ПЯТЫЙ ГОДЪ

АВГУСТЪ

Редакція и Главная Контора журнала: Моховая, 37.

Экспедиція журнала: Пет. ст., Кронверкская ул., 21.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ

1910

4081

ЛАМАРКЪ и ДАРВИНЪ
КАКЪ ТИПЫ УЧЕНЫХЪ

(Окончаніе.)

III *).

Инымъ является образъ другого ученаго—Ламарка.

Его интересовали всѣ тѣ вопросы, которые интересовали и Дарвина. На многіе изъ нихъ онъ далъ отвѣты болѣе или менѣе близкіе къ тѣмъ, которые на эти вопросы далъ Дарвинъ. Вотъ нѣкоторые изъ нихъ.

И Ламаркъ, и Дарвинъ указывали, что понятіе о видѣ неопредѣленно и измѣняется по мѣрѣ нашего ознакомленія съ переходными формами, которыми сглаживаются границы, отдѣляющія виды другъ отъ друга.

Ламаркъ за полъ-вѣка до Дарвина установилъ эволюціонную теорію и безграничную трансформацію видовъ. Эта теорія была до такой степени новой, что когда Эт. Жоффруа Сентъ-Илэръ, двадцать лѣтъ спустя послѣ того, какъ она была высказана Ламаркомъ, взялся за ея защиту, то Жоржъ Кювье характеризовалъ его доводы, во Французской академіи наукъ, какъ грубое заблужденіе.

Прямому вліянію физическихъ условій на тотъ же процессъ Ламаркъ, какъ и Дарвинъ, отводилъ второстепенное значеніе и признавалъ за этимъ факторомъ лишь побочную роль: Дарвинъ—

*) См. іюль, стр. 122.

въ томъ смыслѣ, что физическія условія являются однимъ изъ условій для борьбы за существованіе и для дѣйствія естественнаго отбора, Ламаркъ — въ томъ смыслѣ, что физическія условія измѣняютъ потребности и привычки животныхъ, а съ этимъ вмѣстѣ и всю ихъ дѣятельность.

Ламаркъ, за полъ-вѣка до Дарвина, утверждалъ, что всякая классификація болѣе или менѣе искусственна, что таксаномическія единицы (классы, отряды, семейства, роды)—лишь способы мышленія, безъ которыхъ трудно обойтись, но которыми слѣдуетъ пользоваться съ большою осторожностью, чтобы избѣжать произвола. Цѣль классификаціи — говоритъ Ламаркъ, а послѣ него Дарвинъ—выяснить сродство между организмами. Разница между Ламаркомъ и Дарвиномъ по этому вопросу заключается въ томъ, главнымъ образомъ (и это, разумѣется, очень существенно), что Ламаркъ не замѣтилъ, и потому не принялъ въ расчетъ принципа расхожденія признаковъ, вслѣдствіе вымиранія промежуточныхъ формъ. Не забудемъ, однако, что по собственному сознанію Дарвина этотъ принципъ и ему представился лишь послѣ того, какъ онъ началъ вырабатывать основныя начала своей теоріи.

Въ своей философіи зоологіи Ламаркъ пришелъ къ взглядамъ на филогенію организмовъ въ общихъ чертахъ близкимъ къ воззрѣніямъ Дарвина: онъ сталъ разсматривать классификацію, какъ генеалогическое дерево, со многими крупными вѣтвями, имѣющими свои болѣе мелкія вѣтвленія. Ламаркъ даже отрицалъ существованіе одного общаго ствола у генеалогическаго дерева, утверждая, что необходимо допустить по крайней мѣрѣ два таковыхъ. Наконецъ, къ числу вопросовъ, которыми Ламаркъ занимался до Дарвина, въ свою очередь удѣлившаго имъ значительное вниманіе, принадлежатъ вопросы психологіи животныхъ.

Эта часть изслѣдованій Ламарка заключаетъ въ себѣ такъ много замѣчательнаго по глубинѣ мысли, по удивительной проницательности ученаго, что можно лишь пожалѣть о томъ уклоненіи въ сторону, которое они получили у позднѣйшихъ ученыхъ, въ томъ числѣ у самого Дарвина. Ученіе Ламарка по этимъ вопросамъ такъ интересно и такъ близко отвѣчаетъ на запросы современной науки, что я не рискую изложить его здѣсь въ немногихъ словахъ и отсылаю читателей къ подлиннымъ изслѣдованіямъ ученаго.

Кромѣ перечисленныхъ вопросовъ, мы находимъ у Ламарка спеціальныя главы, посвященныя цѣлому ряду другихъ, которыхъ Дарвинъ или не касается вовсе, или касается лишь постольку,

поскольку они имѣютъ отношеніе къ его теоріи естественнаго отбора. Таковы *способность къ воспроизведенію*; *половое размноженіе*; *связь и соотношеніе между состояніемъ, размѣрами и совершенствомъ* той или другой способности и системой органовъ, ее обусловливающихъ.

Ламаркъ задавался вопросами о томъ, что такое жизнь, чѣмъ отличаются живыя существа отъ тѣлъ органическаго міра и какъ явились первыя живыя тѣла природы. Вопросы эти въ его время рѣшались исключительно метафизиками, которые болтали туманный вздоръ на тему *о жизненной силѣ*, о жизненномъ началѣ (по ихъ терминологіи — *архея*). Ученые, вслѣдъ за Фихте и Шеллингомъ, утверждали, что познавать природу должно не наблюдая и не изучая ее, а исключительно размышляя о ней... Научныхъ данныхъ для опредѣленнаго отвѣта на эти вопросы было мало, но Ламаркъ не счелъ себя въ правѣ уклониться отъ отвѣта на нихъ, такъ какъ эволюціонное ученіе, творцомъ котораго онъ явился, обязывало его признать, что живое должно было получить свое начало отъ неживого.

При этомъ онъ категорически заявлялъ, что метафизическая „архея“ есть слово, не имѣющее за собой никакого основанія. Въ основѣ жизни, по мнѣнію Ламарка, лежатъ обычныя физическія силы: теплота, электричество и магнетизмъ. То, что разумѣлъ подъ этими терминами ученый, было, конечно, не тѣмъ, что подъ ними разумѣютъ физики нашихъ дней—и его толкованія вполнѣ соотвѣтствуютъ тогдашнему пониманію этихъ явленій.

„Жизнь въ тѣлѣ, гдѣ порядокъ и состояніе вещей не препятствуютъ ея проявленію, есть истинная сила, вызывающая многочисленныя и разнообразныя явленія,—писалъ Ламаркъ,—эта сила не имѣетъ, однако, ни цѣли, ни намѣренія, не можетъ дѣлать ничего другого, кромѣ того, что она дѣлаетъ, и представляетъ собою только совокупность дѣйствующихъ причинъ, а не отдѣльное существо. Я первый установилъ эту истину еще въ то время, когда жизнь считалась за особый принципъ, за нѣкоторое начало или же существо“ [1]).

На вопросъ о возникновеніи жизни на землѣ (о самозарожденіи) Ламаркъ отвѣчаетъ слѣдующими соображеніями. „Въ водахъ древняго міра, да и въ настоящее время накоплялись и накопляются массы слизистаго вещества. Подъ вліяніемъ свѣта, нѣкоторые элементы, тепловые и электрическіе, вступали въ эти

---

[1]) См. „Ламаркъ и его ученіе“, В. Половцева („Извѣстія С.-Петербургской біологической лабораторіи подъ редакціей П. Лесгафта“. Т. 1, вып. 4).

тѣльца. Тѣльца становились способными вдыхать и выдыхать газы. Начались жизненныя движенія, и такимъ образомъ возникло элементарное животное или растеніе". Небольшія студенистыя массы, путемъ взаимнаго притяженія, способны образовать клѣточную ткань (tissu cellulaire). Въ этихъ клѣточкахъ еще не было того, что позднѣе открыли Шлейденъ и Шванъ; до этого еще было очень далеко. Попутно съ біологіей Ламаркъ работалъ и въ областяхъ физики, химіи, геологіи и минералогіи, то-есть въ областяхъ знанія, изъ которыхъ послѣднія двѣ едва зарождались въ его время.

Приверженцы старой школы Кювье ставятъ Ламарку въ особый упрекъ эти его интересы и его въ этой области соображенія: у него, говорятъ они, не было достаточнаго числа фактическихъ данныхъ для обобщенія; для обобщеній еще не пришло время, точная наука начинается съ фактовъ, и пр., и пр.

Они забываютъ, однако, что человѣческій умъ,—если онъ умъ, а не портфель съ опредѣленнымъ числомъ запирающихся отдѣленій, гдѣ собранные имъ факты располагаются въ томъ порядкѣ, въ какомъ опытные ходатаи по дѣламъ располагаютъ свои документы, — имѣетъ свойственные ему запросы, на которые нельзя сказать: подожди до полученія надлежащихъ справокъ еще десятка три-четыре лѣтъ, а можетъ быть и столѣтій. Есть, разумѣется, ученые, которые ждутъ, но есть и другіе, для которыхъ запросы ума составляютъ настоящую жизненную потребность, требующую удовлетворенія при *наличности имѣющихся у нихъ научныхъ знаній*. Давая то, что они могутъ дать по такимъ вопросамъ, гдѣ знаній у нихъ недостаточно, они ни отъ кого не скрываютъ весьма относительной цѣнности предлагаемыхъ ими данныхъ, и предупреждаютъ читателя, что въ ихъ соображеніяхъ возможны многочисленныя ошибки. Такъ именно и поступалъ Ламаркъ.

Не слѣдуетъ забывать еще, что для людей съ такимъ огромнымъ умомъ, какимъ обладалъ Ламаркъ, и небольшого числа фактическихъ данныхъ бываетъ достаточно для того, чтобы опредѣлить ихъ внутренній смыслъ и научное значеніе. Даже въ той области знаній, которой во времена Ламарка, какъ научной дисциплины, вовсе еще не существовало (я говорю о геологіи), онъ оказалъ, по свидѣтельству Ляйеля, *„великую услугу, доказывая, что никакихъ катастрофъ въ геологіи не происходило* и что медленныя измѣненія, тысячи разъ возобновляющіяся, вѣрнѣе достигаютъ цѣли, чѣмъ бурныя пертурбаціи, театромъ которыхъ была наша планета". Объ изслѣдованіяхъ Ламаркомъ ископае-

мыхъ моллюсковъ („Mémoire sur les coquilles fossiles des environs de Paris")—Ляйель отзывается такъ: „Труды Кювье въ сравнительной остеологіи и Ламарка въ изученіи новѣйшихъ ископаемыхъ раковинъ подняли эти отрасли знанія на такой уровень, до котораго онѣ по прежнимъ понятіямъ никогда бы не могли достигнуть. Изслѣдованія этихъ ученыхъ много содѣйствовали разсѣянію долго господствовавшаго предубѣжденія относительно отсутствія аналогіи между древнимъ и нынѣшнимъ состояніемъ нашей планеты".

Позднѣе, въ своей книгѣ: „Système analytique des connaissances positives de l'homme", которая не менѣе, если еще не болѣе замѣчательна, чѣмъ „Философія зоологіи", Ламаркъ является истиннымъ предтечей *позитивной философіи*. Наблюденіе показываетъ намъ — говоритъ онъ здѣсь, между прочимъ, — что „существуетъ опредѣленный, несомнѣнно созданный и неизмѣнный по волѣ Творца порядокъ вещей, исключительно дѣйствующій на матерію и обладающій силою созидать всѣ наблюдаемыя тѣла, производить въ нихъ всѣ перемѣны, видоизмѣненія, даже разрушенія и обновленія, которыя между ними замѣчаются. Этому порядку вещей мы дали названіе природы. Тщательно изслѣдуя изъ числа доступныхъ наблюденію предметовъ тѣ, которые, повидимому, были сотворены, мы полагаемъ, что ихъ количество ограничивается двумя — матеріей и природой. Высшее Существо при своемъ безграничномъ могуществѣ могло, безъ сомнѣнія, сотворить еще и много другихъ; но о нихъ мы не имѣемъ рѣшительно никакого реальнаго понятія, и нашему знанію доступны только два вышеупомянутыхъ... Матерія, какова бы она ни была, ничего другого въ себѣ не заключаетъ, кромѣ особыхъ качествъ, ей свойственныхъ... Всегда будетъ заблужденіемъ приписывать матеріи способность жить, чувствовать, мыслить или, наконецъ, дѣйствовать самостоятельно... Природа есть тотъ *порядокъ вещей*, который мы наблюдаемъ во вселенной, который и есть причина всего существующаго". Это есть „общая *сила*, всегда дѣйствующая, производящая при благопріятныхъ условіяхъ величайшія измѣненія, которыя влекутъ за собой или образованіе, или разрушеніе тѣлъ... Высшая сила, о которой мы говоримъ, обнимаетъ весь физическій міръ и является въ немъ наиболѣе общей силой. Только матерія подлежитъ ея вѣдѣнію, и хотя эта сила не можетъ ни создать, ни разрушить ни одной частицы матеріи, но она ее постоянно измѣняетъ различными способами и во всѣхъ видахъ. Такимъ образомъ эта общая сила дѣйствуетъ безпрестанно на всѣ предметы,

какъ доступные, такъ и недоступные нашему наблюденію. Она непосредственно дала существованіе земнымъ растеніямъ и животнымъ и всѣмъ другимъ предметамъ, которые на землѣ находятся. Итакъ, эта сила, которую намъ такъ трудно постичь, хотя она повсюду проявляется, эта сила, которая ни въ какомъ случаѣ не есть разумное существо (въ этомъ мы не можемъ сомнѣваться, такъ какъ мы наблюдаемъ ея дѣйствіе, слѣдимъ за ея проявленіями, видимъ, что она совершаетъ все во времени, замѣчаемъ, что она повсюду подчинена законамъ, изъ которыхъ многіе уже намъ извѣстны), эта сила, которая дѣйствуетъ всегда одинаково при одинаковыхъ условіяхъ, а если они измѣняются, то измѣняется и ея дѣйствіе; однимъ словомъ, эта сила, которая дѣлаетъ такъ много удивительныхъ вещей, и есть именно то, что̀ мы называемъ природой. И этой-то слѣпой силѣ, повсюду ограниченной и подчиненной, которая, какъ она ни велика, не можетъ дѣлать ничего кромѣ того, что она дѣлаетъ, которая и существуетъ только по волѣ Высшаго Творца, этой-то силѣ, говорю я, мы приписываемъ намѣренность, цѣль и опредѣленность въ дѣйствіяхъ... Что̀ можетъ быть бо̀льшимъ доказательствомъ нашего полнѣйшаго невѣжества въ томъ, что касается природы и ея законовъ,—законовъ, знаніе которыхъ является единственнымъ путемъ къ достиженію правильнаго сужденія о вещахъ и правильной постановки нашихъ идей!"

Создавъ удивительно стройную и глубокую философскую систему живой природы въ формѣ цѣльнаго міровоззрѣнія, *Ламаркъ* заканчиваетъ свои изслѣдованія тѣмъ, что̀ въ циклѣ наукъ является послѣднимъ звеномъ ихъ цѣпи: *человѣкомъ, какъ индивидомъ и членомъ коллективности*—то-есть, соціологіей.

И здѣсь, какъ по многимъ другимъ вопросамъ, идеи Ламарка существенно отличаются отъ идей Дарвина по глубинѣ и ширинѣ міровоззрѣнія.

За пятьдесятъ лѣтъ до появленія книги Дарвина о происхожденіи человѣка Ламаркъ писалъ:

„Человѣкъ, наиболѣе совершенное и несомнѣнное произведеніе природы, есть живое существо, составляющее часть животнаго царства и принадлежащее къ классу млекопитающихъ; онъ близокъ къ четверорукимъ, отъ которыхъ, однако, отличается различными измѣненіями какъ въ ростѣ и формѣ, такъ и во внутренней организаціи; измѣненія эти обязаны своимъ происхожденіемъ его привычкамъ и его превосходству, обезпечившему преобладаніе его надъ всѣми существами земного шара. Человѣкъ обязанъ своимъ превосходствомъ частью своему уму, стоя-

щему на гораздо высшей ступени развитія, чѣмъ у какого бы то ни было другого существа, частью—своему строенію, формѣ и назначенію своихъ членовъ. Человѣкъ принадлежитъ къ классу млекопитающихъ, такъ какъ его организація сходна съ организаціей млекопитающихъ во всѣхъ своихъ существенныхъ чертахъ и отличается только видовыми измѣненіями. Человѣческій видъ, какъ и другіе виды живыхъ тѣлъ, дѣлится на разновидности, которымъ дали названіе расъ, и изъ которыхъ каждая населяетъ отдѣльную область земного шара".

Ламаркъ, однако, не ограничился только отвѣтомъ на вопросъ о происхожденіи человѣка, какъ это сдѣлалъ Дарвинъ. Онъ, въ связи съ этимъ, старался дать отвѣты, *какъ натуралистъ*, на цѣлый рядъ другихъ вопросовъ не только біопсихологіи, но и біосоціологіи.

Ламаркъ, какъ педагогъ, такъ глубоко понялъ основы правильнаго воспитанія, что если бы мы, слѣдуя его указаніямъ, представили соотвѣтствующую программу общеобразовательной школы нашему министерству народнаго просвѣщенія, то оно нашло бы ее недопустимымъ новшествомъ. Эта программа потребовала бы радикальной ломки всей нашей системы образованія, ломки, для которой „время еще не пришло", и когда оно придетъ, еще неизвѣстно. Лишь немногіе педагоги нашего времени стремятся къ ней приблизиться. Вотъ что пишетъ Ламаркъ въ „Système analytique des connaissances de l'homme": „Необходимо принять во вниманіе, что съ самаго ранняго возраста, то-есть съ того времени, когда у насъ вырабатываются первыя наши понятія, и мы судимъ самостоятельно только о вещахъ, непосредственно дѣйствующихъ на наши чувства, насъ уже пріучаютъ вполнѣ полагаться на сужденія другихъ въ самыхъ важныхъ вопросахъ,—вопросахъ, которые должны рѣшительнымъ образомъ повліять на весь будущій строй нашего мышленія". Ламаркъ настойчиво, много разъ указываетъ на необходимость „признать важность разсмотрѣнія законовъ природы относительно того, что называютъ нравственнымъ проявленіемъ человѣка, и того, что составляетъ источникъ его дѣятельности".

Въ высокой степени поучительны его соображенія какъ психолога. „Человѣкъ—пишетъ Ламаркъ—получилъ отъ природы склонности, которыя обнаруживаются въ зависимости отъ обстоятельствъ его положенія. Я перечислилъ эти склонности во введеніи къ „Histoire naturelle des animaux sans vertèbres" (vol. 1, p. 259). У однихъ людей всѣ склонности остаются какъ бы подавленными, вслѣдствіе бѣдственнаго и зависимаго ихъ положенія;

у другихъ развивается только одна изъ нихъ и можетъ даже обратиться въ страсть; наконецъ, у третьихъ, пользующихся болѣе выгоднымъ соціальнымъ положеніемъ, многія склонности достигаютъ замѣчательнаго развитія, хотя почти всегда одна какая-нибудь дѣлается преобладающею, и если обращается въ страсть, то ослабляетъ или кажется ослабляющей всѣ остальныя. Особенно замѣтнымъ становится развитіе естественныхъ склонностей при наивыгоднѣйшихъ положеніяхъ человѣка въ обществѣ. Именно въ этихъ развивающихся склонностяхъ и слѣдуетъ искать причинъ, имѣющихъ наибольшее вліяніе на направленіе дѣятельности людей. Кромѣ того это направленіе дѣятельности также находится въ зависимости и отъ сужденій даннаго индивида,—отъ того, насколько они правильны и поскольку являются результатомъ большаго или меньшаго запаса знаній, наблюденій и опыта. Причину многихъ моральныхъ бѣдъ, угнетающихъ людей въ различныхъ странахъ, слѣдуетъ искать именно въ невѣжествѣ и узкомъ кругѣ идей большинства".

Не менѣе, если не болѣе интересенъ Ламаркъ какъ соціологъ.

„Нѣтъ сомнѣнія въ томъ,—говоритъ Ламаркъ,—что человѣкъ рождается безъ идей, безъ знаній, обладая только внутреннимъ чувствомъ и общими склонностями, которыя проявляются совершенно машинально. Только со временемъ, съ помощью образованія, опыта и разнообразія встрѣчающихся обстоятельствъ, онъ получаетъ идеи и познанія, такъ какъ съ самаго рожденія уже имѣетъ необходимые для ихъ пріобрѣтенія органы.

„Благодаря своему положенію въ обществѣ и окружающимъ условіямъ, люди пріобрѣтаютъ эти знанія въ очень неравномѣрной степени. Тѣ, которые получаютъ ихъ въ большемъ числѣ, получаютъ такимъ образомъ и средства для господства надъ остальными и не упускаютъ случая воспользоваться этимъ.

„Дѣйствительно, между людьми съ большимъ запасомъ идей большинство бываетъ вынуждено, вслѣдствіе столкновеній интересовъ, постоянно бороться противъ своего собственнаго внутренняго чувства, обуздывать его, скрывать его побужденія. Путемъ упражненія они пріобрѣтаютъ надъ нимъ достаточную власть и привычку его сдерживать. Ясно, какое громадное преимущество оказывается у нихъ въ сравненіи съ людьми болѣе непосредственными. Для умѣющихъ изучать человѣка большой интересъ должно представлять различіе тѣхъ масокъ, подъ которыми скрываются истинные интересы индивидуумовъ, сообразно съ ихъ состояніемъ, положеніемъ, властью и т. п. Вотъ краткій

перечень главныхъ причинъ настоящаго состоянія цивилизованнаго человѣка въ Европѣ—состоянія, при которомъ, не смотря на пріобрѣтенныя знанія или именно благодаря этимъ пріобрѣтеннымъ знаніямъ, люди, обладающіе меньшимъ количествомъ средствъ, всегда оказываются жертвами тѣхъ, которые обладаютъ ими въ бо́льшей степени. Отсюда неизбѣжное подчиненіе громаднаго большинства могущественному меньшинству.

„При такомъ ходѣ вещей я вижу только одинъ путь, который можетъ помочь намъ извлечь для себя наибольшую выгоду изъ нашего положенія, а именно: принявъ, разъ навсегда, извѣстное число правилъ, согласныхъ съ разумомъ, справедливостью и нравственностью, которыя не должны быть нарушаемы ни при какихъ условіяхъ, направить всѣ силы къ изученію природныхъ склонностей человѣка и ихъ различныхъ результатовъ у разныхъ индивидуумовъ, въ зависимости отъ окружающихъ обстоятельствъ. Это знаніе окажетъ намъ величайшую пользу въ нашихъ сношеніяхъ съ людьми. Въ этомъ трудномъ дѣлѣ мы никогда не достигнемъ цѣли, если намъ останется неизвѣстнымъ то значительное вліяніе, которое оказываютъ на дѣйствія человѣка его природныя склонности. Мнѣ кажется, что мы слишкомъ пренебрегаемъ такимъ существеннымъ знаніемъ, и я попробую вкратцѣ набросать его основы. Къ тому же предметъ моихъ теперешнихъ разсужденій разсматривался всегда только какъ составляющій область моралистовъ, между тѣмъ какъ значительная его часть, входящая въ область знаній натуралиста, оставлялась обыкновенно безъ вниманія. Эту-то послѣднюю мнѣ и хотѣлось бы возстановить; она и заставляетъ меня представить здѣсь слѣдующія основы анализа человѣческихъ склонностей и ихъ развитія при современномъ состояніи цивилизаціи.

„Какъ только чувствующій индивидуумъ, а значитъ и человѣкъ, начинаетъ пользоваться внутреннимъ чувствомъ, а слѣдовательно и чувствомъ собственнаго существованія, у него немедленно является внушенная природой любовь къ самому себѣ, которую онъ сохраняетъ въ продолженіе всей своей жизни. Эта любовь къ самому себѣ вызываетъ въ немъ шесть главныхъ склонностей, при чемъ развитіе каждой обусловливается благопріятствующими обстоятельствами.

„Склонности, о которыхъ здѣсь идетъ рѣчь, могутъ быть названы *общими*, такъ какъ ихъ вліяніе замѣчается во всѣхъ дѣйствіяхъ человѣка; вотъ онѣ:

1) Склонность къ самосохраненію.

2) Склонность къ независимости, возбуждающая горячую любовь къ индивидуальной свободѣ.

3) Склонность оказывать себѣ предпочтеніе передъ другими, образующая личный интересъ.

4) Склонность господствовать въ какомъ бы то ни было отношеніи.

5) Склонность, вызывающая постоянное стремленіе къ благополучію, какъ физическому, такъ и нравственному.

6) Наконецъ, склонность, внушающая страхъ смерти".

Эти природныя склонности очевидно суть унаслѣдованные человѣкомъ инстинкты самосохраненія, питанія и размноженія, видоизмѣненные въ своихъ проявленіяхъ культурными условіями соціальной жизни. Склонность къ независимости есть видоизмѣненіе инстинкта самосохраненія; то, что Ламаркъ называетъ личнымъ интересомъ, есть слѣдствіе (по его же объясненію) любви человѣка къ самому себѣ—къ своему физіологическому бытію, то-есть къ удовлетворенію его инстинктовъ питанія и размноженія. Склонность къ господству есть лишь шагъ по пути къ обезпеченію наиболѣе полнаго удовлетворенія тѣхъ же инстинктовъ питанія и размноженія въ условіяхъ общественной жизни. И что поразительно въ этихъ воззрѣніяхъ Ламарка, и чего не только его современники, но и многіе изъ нашихъ понять не могутъ—это его настойчивое требованіе изучать природныя склонности (то-есть унаслѣдованные человѣкомъ инстинкты) для правильнаго рѣшенія вопросовъ человѣческой жизни, какъ индивидуальной, такъ и общественной.

Исходя изъ этихъ соображеній, Ламаркъ пишетъ слѣдующія замѣчательныя строки: „Наблюденіе любого человѣческаго общества на той или другой ступени его развитія показываетъ, что сумма истинъ, знаніе которыхъ совершенно необходимо для счастья отдѣльныхъ индивидовъ, должна быть пропорціональна количеству образовавшихся потребностей. Въ тѣ времена и въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ царствуетъ крайняя простота потребностей, для благополучія достаточно весьма малаго количества хорошо извѣстныхъ истинъ; но тамъ, гдѣ прогрессъ цивилизаціи значительно увеличилъ эти потребности, становится необходимымъ знаніе значительно бо́льшаго количества истинъ, для предотвращенія въ государствѣ всевозможныхъ злоупотребленій и обмановъ. А потому, если количество извѣстныхъ истинъ ниже потребности, или онѣ недостаточно распространены, и если то, что выдается общественнымъ мнѣніемъ за солидное знаніе, есть лишь заблужденіе или ложное знаніе, то все рѣже и труднѣе

будетъ достигаться счастье отдѣльныхъ лицъ. Тогда-то возникаютъ толки, что свѣтъ знанія скорѣе вреденъ людямъ, чѣмъ полезенъ, между тѣмъ какъ на самомъ дѣлѣ вредятъ именно заблужденія и ложныя знанія. Первымъ и важнѣйшимъ источникомъ нашихъ золъ является невѣжественность, въ особенности съ тѣхъ поръ какъ мы начали жить обществами". Точно такъ же опасными могутъ казаться нѣкоторыя истины, только условно: не истины сами по себѣ вредны—вредны онѣ лишь для тѣхъ, кто теряетъ отъ ихъ незнанія и отъ знанія ихъ другими. Въ другомъ мѣстѣ мы читаемъ: „Вмѣсто того, чтобы посвятить себя постоянному изученію природы и ея законовъ, относящихся къ человѣку, къ его повседневнымъ интересамъ, онъ предпочитаетъ полнѣйшее невѣжество въ этомъ отношеніи, сохраняетъ предразсудки, которые ему были внушены, предается неумѣреннымъ желаніямъ, склонностямъ и страстямъ, которыя идутъ въ разрѣзъ съ его важнѣйшими интересами, даже съ его самосохраненіемъ, и такимъ образомъ, постоянно увлекаемый, безъ руководителя, безъ воли,—всегда рабъ и даже жертва,—онъ, въ концѣ концовъ, въ большинствѣ случаевъ, жалокъ".

„О люди,—восклицаетъ Ламаркъ,—вы, имѣющіе такое преимущество надъ всѣми остальными живыми существами въ вашихъ способностяхъ и средствахъ, вы, которыхъ природа помѣстила вмѣстѣ съ остальными существами въ одинъ громадный потокъ, всѣхъ увлекающій,—всмотритесь въ теченіе этого потока, изучите и познайте многочисленные подводные камни, находящіеся въ его глубинѣ, если вы не хотите сдѣлаться жертвами ложныхъ направленій, которыя вы сами, благодаря вашему невниманію къ этимъ подводнымъ камнямъ, можете придать своимъ дѣйствіямъ, ставя ихъ въ противорѣчіе съ порядкомъ вещей, которому вы подчинены!"

И не одно физическое благосостояніе имѣлъ въ виду Ламаркъ, призывая человѣка изучать природу. Причину многихъ моральныхъ бѣдъ, угнетающихъ соціальнаго человѣка въ стольких странахъ, онъ видитъ именно въ невѣжествѣ и узкомъ кругѣ идей, въ которомъ вращается большинство.

Изслѣдованія общественной жизни привели Ламарка, въ концѣ концовъ, къ открытію явленій, которыя лишь много позднѣе сдѣлались предметомъ спеціальныхъ изслѣдованій—явленій, которыя онъ назвалъ общественнымъ разумомъ. По опредѣленію Ламарка, разумъ этотъ заключается въ общемъ признаніи тѣхъ или иныхъ мнѣній ложными или истинными. Этотъ общественный разумъ прогрессируетъ такъ же, какъ прогрессируетъ разумъ индивидуальный.

Ламаркъ не остановился и здѣсь въ своихъ размышленіяхъ о человѣкѣ и его судьбахъ. Точно выяснивъ до-историческое прошлое, установивъ нѣкоторые изъ основныхъ законовъ современной индивидуальной и общественной жизни людей, Ламаркъ устанавливаетъ правила поведенія, которыя, по его мнѣнію, необходимы для обезпеченія нормальной жизни человѣка, какъ члена общества. Вотъ эти правила.

Первый принципъ. Всякое знаніе, не являющееся непосредственнымъ продуктомъ наблюденія или прямымъ слѣдствіемъ, полученнымъ изъ наблюденія, не имѣетъ подъ собой прочнаго основанія и вполнѣ призрачно.

Второй принципъ. Во всѣхъ отношеніяхъ, которыя существуютъ или между отдѣльными лицами, или между обществами, изъ этихъ лицъ составленными, или, наконецъ, между народами и ихъ правительствами, принципомъ добра является согласованіе взаимныхъ интересовъ; разладъ въ этихъ интересахъ вноситъ принципъ зла.

Третій принципъ. Каковы бы ни были привязанности человѣка соціальнаго (кромѣ вложенныхъ природой по отношенію къ семейству) къ различнымъ окружающимъ его предметамъ, эти привязанности никогда не должны становиться въ противорѣчіе съ общественными интересами, то-есть съ интересами націи, къ которой онъ принадлежитъ. „Я думаю,—прибавляетъ Ламаркъ,—что трудно было бы замѣнить эти три принципа другими, которые были бы болѣе полезны, лучше обоснованы и болѣе нравственны, чѣмъ только-что изложенные, имѣющіе цѣлью направлять мысль, сужденія, чувства и дѣйствія цивилизованнаго человѣка“.

Таковъ Ламаркъ, какъ типъ ученаго.

Подведемъ теперь итоги.

IV.

Изъ того, что̀ было сказано о циклѣ вопросовъ, интересовавшихъ Ламарка и Дарвина, и о томъ, что̀ они старались извлечь изъ фактовъ, огромная часть которыхъ была ими лично добыта тяжелымъ и непрерывнымъ трудомъ, наконецъ о томъ, что̀ каждый изъ нихъ ставилъ себѣ задачей изслѣдованія,—не трудно видѣть, въ чемъ заключаются основныя черты различія этихъ двухъ типовъ ученыхъ.

И для Ламарка, и для Дарвина наука была не багажемъ,

который идетъ съ пассажиромъ по пути его жизненной карьеры, къ которому отъ времени до времени онъ обращается при соотвѣтствующей потребности и въ должной мѣрѣ, не предметъ, который при извѣстныхъ условіяхъ можно замѣнить новымъ, болѣе подходящимъ, а то и вовсе бросить за миновавшею надобностью. И для Ламарка, и для Дарвина наука была необходимымъ условіемъ ихъ личной жизни; оба они работали однимъ методомъ изслѣдованія, оба главнымъ образомъ интересовались вопросами живой природы, оба, наконецъ, пришли къ выводамъ во многихъ отношеніяхъ сходнымъ. Но рядомъ съ этими чертами сходства, между Ламаркомъ и Дарвиномъ, какъ типами ученыхъ, существуетъ такая огромная разница, которая дѣлаетъ ихъ въ извѣстномъ смыслѣ антагонистами.

Немногими словами разницу эту можно опредѣлить такимъ образомъ: Дарвинъ—ученый натуралистъ, поставившій себѣ опредѣленную задачу изслѣдованія въ области живой природы; Ламаркъ—ученый натуралистъ и мыслитель, которому, сверхъ того, ничто въ жизни человѣческой не было чуждо и который, по мѣрѣ своихъ силъ, хочетъ способствовать своимъ знаніемъ, своими изслѣдованіями, выработкѣ общаго міровоззрѣнія. Дарвинъ, поэтому, дѣлаетъ каждый шагъ впередъ только тщательно опредѣливъ то мѣсто, на которое собирается ступить; онъ изучаетъ это мѣсто со всѣхъ сторонъ, опредѣляетъ всѣ его свойства, его характеръ, его значеніе. Ламаркъ идетъ впередъ и этимъ путемъ, но, сверхъ того, для той же цѣли пытается опредѣлить самыя отдаленныя точки его умственнаго горизонта. Дарвинъ отмежевалъ себѣ опредѣленный циклъ вопросовъ, поставивъ одну—правда, колоссальную—задачу, и рѣшилъ ее такъ, какъ можетъ рѣшить только огромный умъ, соединенный съ удивительной наблюдательностью, несокрушимой энергіей и поразительной работоспособностью. Ламаркъ задавалъ себѣ задачи несравненно болѣе широкія; онъ искалъ отвѣта на всѣ вопросы, которые ему ставили и живой міръ, и человѣкъ, какъ его высшій представитель. Само собою разумѣется, что ему часто недоставало фактическаго матеріала, такъ какъ уровень научныхъ знаній его времени былъ еще очень далекъ отъ того, что для этого было нужно. Такое различіе между типами ученыхъ, теоретически разсуждая, не представляетъ еще, повидимому, основанія для враждебнаго отношенія одного изъ нихъ къ другому; но если мы припомнимъ исторію развитія точныхъ наукъ, если припомнимъ тяжкія испытанія, которыя пришлось пережить ихъ сторонникамъ отъ представителей спекулятивнаго знанія, отъ умозрительныхъ теорій, отъ того,

что Роджеръ Бэконъ, семьсотъ лѣтъ назадъ, называлъ предразсудками и что приписывалъ недостойнымъ авторитетамъ, косности и невѣжеству; если припомнимъ, что эти представители умозрительныхъ теорій посылали своихъ противниковъ въ тюрьмы, жгли ихъ на кострахъ и умерщвляли на эшафотахъ, то сдѣлается понятнымъ, почему сторонники точнаго знанія, въ концѣ концовъ, должны были, такъ сказать, органически усвоить недовѣрчивое, болѣе того — враждебное отношеніе къ умозрѣнію, даже тогда, когда умозрѣніе это вполнѣ удовлетворяло требованію научныхъ гипотезъ, то-есть исходило изъ наблюденій и фактовъ, хотя и не непосредственно, а путемъ наведенія и заключеніи по аналогіи. Въ этомъ исторически сложившемся чувствѣ опасенія за судьбу научнаго знанія, по моему мнѣнію, и лежитъ источникъ отрицательнаго отношенія натуралистовъ-современниковъ учителя Ламарка—Бюффона—къ его гипотезамъ; ученому „прощались" его умозрѣнія за прекрасныя описанія жизни животныхъ. Въ этомъ историческомъ прошломъ лежитъ причина и отрицательнаго отношенія къ самому Ламарку со стороны его современниковъ; а такъ какъ онъ очень далеко опередилъ ихъ, то и со стороны ученыхъ полъ-вѣка спустя послѣ его смерти, въ томъ числѣ и Дарвина.

Иной вопросъ: основательна ли эта причина?

Этотъ вопросъ тѣмъ болѣе умѣстенъ, что въ наше время къ прежнему антагонизму между двумя міровоззрѣніями присоединяется еще теоретическая борьба сторонъ по вопросу о теоріи познанія.

Выше я уже говорилъ о томъ, что вѣками установившійся путь изслѣдованія въ области точнаго знанія—путь *объясненія причинъ явленій* — или, какъ его называютъ нѣкоторые авторы, путь *причинностей* подвергается жестокой критикѣ со стороны представителей такъ называемаго *эмпиріокритицизма.* Стремленіе *объяснять* одно явленіе *черезъ другія* эмпиріокритики, какъ извѣстно, считаютъ ошибочнымъ въ самой его основѣ. Это, по ихъ мнѣнію, „*черта обыденнаго мышленія*". Оно обыденно и не соотвѣтствуетъ научному методу, потому что для познанія явленій этимъ путемъ приходится прибѣгать *къ доказательствамъ, къ разсужденіямъ, къ убѣжденію* читателя. А этотъ пріемъ, по новой теоріи познанія, безусловно не наученъ. Изъ сказаннаго само собою слѣдуетъ, что на вопросы: чей же путь изученія явленій— Ламарка или Дарвина — правильнѣе, чьи изслѣдованія нужнѣе человѣчеству, кто изъ нихъ двухъ долженъ служить руководителемъ для слѣдующихъ поколѣній,—эмпиріокритики должны бу-

дутъ отвѣтить: Дарвина, а не Ламарка, ибо Дарвинъ описываетъ явленія съ удивительною точностью, и какъ самъ приходитъ, такъ и читателей своихъ приводитъ къ выводамъ главнымъ образомъ, а иногда исключительно силою только описанныхъ имъ фактовъ; Ламаркъ же для рѣшенія многаго множества вопросовъ, на которые давалъ отвѣты, вслѣдствіе ограниченнаго числа фактовъ очень часто дѣлалъ заключенія путемъ, который эмпиріокритики признаютъ ненаучнымъ. И это обстоятельство, думается мнѣ, лучше всякихъ теоретическихъ разсужденій доказываетъ намъ односторонность и спѣшность оцѣнки процессовъ познанія самими эмпиріокритиками. Идеи Маха и Кирхгофа грѣшатъ не тѣмъ, что предлагаемый ими въ *качествѣ единственнаго* путь изслѣдованія *„изсушаетъ познаніе"*, ибо эмпиріокритицизмъ „исключаетъ то живое, что въ пріобрѣтеніи познаній составляетъ иногда самую душу изслѣдованія"; и не тѣмъ, что онъ *„суживаетъ познавательное творчество* человѣка", — какъ это не безъ нѣкотораго основанія утверждаютъ противники эмпиріокритицизма,—а просто тѣмъ, что онѣ расходятся съ фактами. Судьба ученія Ламарка, его вліяніе на развитіе науки лучше всякихъ теоретическихъ выкладокъ свидѣтельствуютъ о томъ, что методъ *„причинныхъ объясненій"* не только не сошелъ со сцены, какъ это утверждаютъ эмпиріокритики, но и не сойдетъ съ нея. Дѣло вовсе не въ томъ, могутъ ли или не могутъ имѣть мѣсто „объясненія", а въ томъ, чтобы эти объясненія держались почвы фактовъ и основывались на данныхъ опыта и наблюденій.

Вотъ почему я на вопросъ о томъ, кто изъ двухъ великихъ ученыхъ—Ламаркъ или Дарвинъ—нужнѣе человѣчеству, кто изъ нихъ двухъ имѣетъ большее основаніе служить примѣромъ для слѣдующихъ за ними поколѣній, съ увѣренностью говорю: *оба*.

Темною ночью въ глухомъ лѣсу каждому изъ насъ одинаково необходимо, одинаково важно имѣть въ рукахъ фонарь, факелъ, еще лучше—яркій и могучій источникъ свѣта, который освѣщалъ бы намъ большую или меньшую часть предстоящей дороги, чтобы мы съ увѣренностью могли дѣлать свои дальнѣйшіе шаги, не боясь оступиться; но вмѣстѣ съ тѣмъ—и это не менѣе важно—намъ надо имѣть возможность хоть изрѣдка заглядывать въ даль, чтобы выяснить общее направленіе движенія. Свѣтъ молніи, слабое мерцаніе звѣздъ, могутъ служить тѣми путеводными точками, какими на морѣ ночнымъ путникамъ служитъ маякъ; человѣчеству въ его движеніи впередъ по пути невѣдомаго и къ невѣдомому нужны аналогичные свѣточи. Ученые типа Дарвина рѣшаютъ

для него первую, а ученые типа Ламарка — вторую изъ этихъ задачъ. Какъ выиграло бы, поэтому, знаніе, какъ выиграло бы съ тѣмъ вмѣстѣ человѣческое просвѣщеніе, если бы недовѣрчивое и нѣсколько высокомѣрное отношеніе сторонниковъ того или другого изъ нашихъ великихъ учителей смѣнилось взаимнымъ довѣріемъ и добрымъ желаніемъ понять другъ друга, вмѣсто взаимнаго и огульнаго отрицанія.

Ламаркъ выстрадалъ слова, которыми заканчивается его удивительная книга „Философія зоологіи“:

„Люди, старающіеся своими трудами расширить предѣлы человѣческаго познанія, знаютъ, что для нихъ недостаточно открыть и указать полезную истину, до тѣхъ поръ неизвѣстную; необходимо также быть въ состояніи распространить ее и заставить принять ее. Но индивидуальный и общественный разумъ, вынужденный въ этихъ случаяхъ испытать нѣкоторое измѣненіе, вообще говоря, ставитъ такія препятствія подобному признанію, что часто труднѣе заставить признать истину, чѣмъ ее открыть...“

Прошло сто лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ были сказаны эти слова, полныя глубокаго, а въ смыслѣ автобіографическомъ — трагическаго смысла. Увы! они ничего не потеряли, ни въ своемъ значеніи, ни въ своей силѣ, ни въ своей... современности.

Влад. Вагнеръ.

КЛЮЧЪ БОГОРОДИЦЫ

Легенда.

Больные и калѣчные
Приходятъ въ этотъ лѣсъ,
Подъ сосны вѣковѣчныя,
За благостью чудесъ.

Приходятъ богомольные
За ключевой водой.
А сосны красноствольныя
Шумятъ надъ головой.

* * *

Жива молва народная—
Стара она, стара...
Была пора голодная,
Тяжелая пора.

И злыя росы падали,
И моръ пошелъ на скотъ.
Отъ зноя ли, отъ града ли
Погибъ зеленый всходъ.

Три раза ходы крестные
Свершали вкругъ села,
Велѣли въ поднебесные
Звонить колокола.

И стонетъ въ ожиданіи
На сходѣ все село...
„За что намъ испытаніе
„Отъ Господа пришло?..

„Не мы ль живемъ по Божьему,
„Пріемля тяжкій трудъ...
„Святители! За что жъ Ему
„Карать крещеный людъ?..“

Горятъ недобрымъ пламенемъ...
И всталъ сѣдой Гаврилъ,
Широкимъ крестнымъ знаменьемъ
Себя перекрестилъ.

И крикнулъ онъ неистово:
— „Причина тутъ одна,—
„Живетъ въ когтяхъ Нечистаго
„Солдатская жена!

„Родила отъ заклятія,
„Растила не крестя...
„Изгонимъ бѣса, братія,—
„Убьемъ ея дитя!“

Пришла толпа суровая
Къ убогому двору:
— „Солдатка непутёвая,
„Мы здѣсь не по добру...

„Отдай свое отродіе—
„Зане Антихристъ въ немъ...
„Для Божьяго угодія
„Убьемъ его, убьемъ!..“

Земля отъ крови красная.
Дитя мертво, мертво...
Смѣется мать несчастная,
Баюкаетъ его...

Баюкаетъ и молится,
Закутала, пошла...

И вотъ, уже околица
Вечерняго села.

И вотъ, ужъ темень темная
Повѣяла съ небесъ.
Безумная, бездомная
Пришла солдатка въ лѣсъ.

Отъ горькихъ слезъ измучена,
Истерзана въ пути,—
Все ищетъ, ищетъ ключъ она,
Но гдѣ его найти?

Легла полуодѣтая
У стараго ствола...
„Заступница Всепѣтая,
„Спаси меня отъ зла!“

Въ глухомъ лѣсу рыданіе
И страхи тишины...
Но чье дрожитъ сіяніе
Подъ хвоями сосны?..

Шли поздніе прохожіе
Тропинкою лѣсной
И видятъ: Матерь Божія
Склонилась подъ сосной...

Глядитъ Она, Пречистая,
На человѣчій судъ,
А слезы серебристыя
Изъ глазъ ея текутъ.

И этимъ чудомъ явленнымъ
Свѣтло озарена
Съ ребенкомъ окровавленнымъ
Солдатская жена.

Прохожіе въ смущеніи
Повѣдали въ село:
— Молитесь о прощеніи,
Къ намъ чудо низошло!..

Спѣшатъ лѣсными чащами
Явленье увидать,
Подъ соснами шумящими
Найти Святую Мать.

И видятъ: надъ солдаткою
Играетъ Божій лучъ,
А около украдкою
Бѣжитъ студеный ключъ.

И моетъ мать безумная
Убитое дитя...
А вѣтеръ въ сосны шумныя
Врывается, свистя...

* * *

И говоритъ преданіе:
Въ комъ вѣра горяча—
Тому горитъ сіяніе
У Божьяго ключа.

Идутъ, идутъ сторонкою
Крестьяне по веснѣ
Молиться предъ иконкою,
Приламенной къ соснѣ.

Свѣтла вода чудесная...
— Помилуй, исцѣли,
Владычица Небесная,
Заступница земли!..

Дмитрій Цензоръ.

ПРИЛИЧНАЯ ЖИЗНЬ

РАЗСКАЗЪ.

(Посвящается А. И. Куприну.)

I.

Супруги Недосвѣтовы ссорятся. Дѣлаютъ они это тихо, вполголоса, чтобы кто-нибудь изъ домашнихъ не услыхалъ.

Самъ Недосвѣтовъ — Владиміръ Федоровичъ, дородный мужчина лѣтъ сорока пяти,—нервно ходитъ по спальнѣ, мягкими толстыми пальцами теребитъ свѣжеподстриженную темную съ легкой просѣдью бородку и низкимъ густымъ басомъ бросаетъ въ отвѣтъ на оскорбленія жены тяжеловѣсныя злобныя слова, стараясь выговаривать ихъ какъ можно яснѣй и тише.

Моментами кажется, что Недосвѣтовъ воркуетъ, до того густъ и низокъ его голосъ.

Въ спальнѣ на туалетномъ столикѣ подъ розовымъ абажуромъ горитъ электрическая лампочка въ двадцать пять свѣчей. Яркіе потоки свѣта падаютъ на столикъ и золотятъ груды мертвыхъ волосъ въ видѣ валиковъ, фрона и накладокъ.

Клавдія Наумовна Недосвѣтова сидитъ передъ зеркаломъ въ нижней юбкѣ и безъ лифа и строитъ хитроумную прическу. Она небольшого роста, хрупкая и смуглая. Свои черные съ просѣдью волосы она въ прошломъ году выкрасила въ рыжій цвѣтъ и теперь объ этомъ крѣпко жалѣетъ.

— Все ты, ты и ты...—тоненькимъ торопливымъ говоркомъ сыплетъ Недосвѣтова, точно щебечетъ. — Ты затѣялъ эти во-

скресники, ты собираешь гостей, ты разоряешь домъ, ты самъ падаешь и насъ тащишь въ нищету... А мнѣ не нужны ни твои гости, ни твои воскресники...

— Ну, и дура. Ахъ, идіотка...—тихо воркуетъ Недосвѣтовъ, возмущенный словами жены.

Владиміръ Федоровичъ въ ту минуту искренно ненавидѣлъ свою жену, съ которой прожилъ двадцать лѣтъ. Обхватывая злыми глазами ея маленькую фигурку, онъ подыскивалъ слова, чтобы выразить свое отвращеніе къ этой внезапно опостылѣвшей ему женщинѣ, у которой такое некрасивое дряблое тѣло, костлявыя плечи и тонкія какъ палки руки, покрытыя темными волосами и крупными пупырышками.

Стоя въ тѣни, онъ хорошо видѣлъ жену, ярко освѣщенную электрическимъ свѣтомъ. Видѣлъ ея узкую, сухую спину и отраженное въ зеркалѣ маленькое мышиное лицо, съ близорукими сѣрыми глазами, подведенными бровями и суровымъ тонкогубымъ ртомъ.

И еще особенно злила Владиміра Федоровича грубая, чисто супружеская откровенность, съ которой Клавдія Наумовна разбросала гору поддѣльныхъ волосъ, не считаясь съ его брезгливостью.

— Вся фальшивая, вся лживая...—тихо ворчалъ Владиміръ Федоровичъ, шагая по узкому проходу между двумя кроватями.

— Ты-то правдивъ и честенъ, — сейчасъ же откликнулась Клавдія Наумовна. — Правдивъ, когда занимаешь деньги безъ отдачи, честенъ, когда измѣняешь мнѣ съ моими кухарками и натураленъ, когда подхалимствуешь и лебезишь передъ...

Но тутъ Недосвѣтовъ не далъ договорить женѣ. Онъ подскочилъ къ ней съ сжатыми кулаками и, задыхаясь отъ злости, прошипѣлъ сквозь крѣпко стиснутые зубы:—Молчи, молчи, говорю тебѣ. Слышишь?.. Я, чортъ знаетъ, что сейчасъ сдѣлаю... Слышишь?..

Клавдія Наумовна пожала плечами, презрительно улыбнулась и замолчала, замолчала не потому, что испугалась угрозы мужа, а просто не хотѣла громкой неприличной ссоры.

И въ спальнѣ наступила тишина.

Этимъ моментомъ воспользовалась дочь Недосвѣтовыхъ, подслушивавшая за дверьми. Когда наступила пауза, она предварительно постучалась, а затѣмъ впорхнула въ спальню, притворяясь веселой, счастливой и ничего незнающей. Ничего.

Лялѣ шелъ четырнадцатый годъ, но благодаря крупнымъ чертамъ лица, почти сформировавшемуся бюсту, крутымъ бокамъ и

большому росту, она казалась старше своихъ лѣтъ. И только коротенькія до колѣнъ платьица да распущенные темнорусые волосы, перехваченные сверху двумя косичками и розовымъ атласнымъ бантикомъ,—указывали на дѣтскіе годы Ляли.

— Мамочка!—воскликнула Ляля, подскочивъ къ матери.—Посмотри, вотъ такъ хорошо?

У Клавдіи Наумовны руки были заняты накладкой, которую она прилаживала къ собственнымъ волосамъ, а въ зубахъ чернѣли головныя шпильки, и она въ первый моментъ ничего не могла сказать, а только сверкнула глазами.

— Напрасно: ты къ гостямъ не выйдешь. Я уже говорила тебѣ,—сказала Недосвѣтова, освободивъ ротъ отъ шпилекъ.

— Ну, мамочка...—прикидываясь маленькой и глупенькой, протянула Ляля.

— Отстань. Я уже сказала и не приставай.

— Но почему, мамочка?

— Потому, что неприлично показываться гостямъ два раза въ одномъ и томъ же платьѣ, а новое еще не готово.

— Мамочка, — продолжала ныть Ляля, — но, можетъ, сегодня другіе гости будутъ, а не тѣ, что въ прошлое воскресенье...

Клавдія Наумовна молчала, едва сдерживая накипѣвшую злобу. Съ трудомъ налаженная прическа отъ неосторожнаго движенія вдругъ развалилась. Собственные волосы, жидкіе и короткіе, не выдержали тяжести наколокъ, фрона, накладокъ—и зданіе, построенное на плохомъ фундаментѣ, рухнуло. Недосвѣтову даже въ потъ ударило отъ этой неудачи.

— Убирайся! Не вертись здѣсь. И безъ тебя тошно! — закричала на дочь Клавдія Наумовна, и, торопясь и нервничая, приступила къ возведенію новой башни.

Ляля надула губы, повела мясистыми круглыми плечами, бросила укоризненный взглядъ на молчавшаго отца, повернулась на толстыхъ съ выпуклыми икрами ногахъ, обутыхъ въ бѣлыя туфли на французскихъ каблукахъ, и вышла изъ спальни.

II.

Черезъ часъ Клавдію Наумовну узнать нельзя было. Высокіе каблуки, двойныя пробки и грандіозная прическа значительно подняли ее и она казалась стройной, молодой, изящной. Умѣло сдѣланный румянецъ на впалыхъ щекахъ, пылающія губы, большіе

сѣрые глаза и тонкія, прекрасно нарисованныя брови—сняли съ лица добрый десятокъ лѣтъ. Одѣта она была въ хорошо сшитое голубое платье съ узкимъ длиннымъ трэномъ. Тонкую и длинную шею она задрапировала въ высокій воротничокъ, отдѣланный ажурнымъ галуномъ и нѣжнымъ блѣдно-кремовымъ рюшикомъ.

Недосвѣтова вышла въ гостиную, открыла электричество и подошла къ трюмо. Передъ зеркаломъ она внимательно осмотрѣла себя, потомъ отошла на середину комнаты, приподняла платье, какъ во время дождя, и бросила любопытный взглядъ на нижнюю юбку, бѣлоснѣжную, зубчатую, отдѣланную легкими кружевами и узорчатыми прошивками. Эту юбку Клавдія Наумовна вчера только пріобрѣла въ Гостиномъ; до того она носила шелковыя юбки.

Недосвѣтова осталась очень довольна осмотромъ и была бы совершенно счастлива, если бы не ссора съ мужемъ. Отъ этой ссоры у Клавдіи Наумовны остался горькій осадокъ, портившій настроеніе.

И когда вслѣдъ за нею въ гостиную вошелъ Владиміръ Федоровичъ, она первая съ нимъ заговорила, стараясь придать голосу оттѣнокъ доброжелательства и примиренности.

— Володя, а крюшонъ у насъ будетъ?—спросила она, хотя отлично знала, что крюшонъ будетъ.

Недосвѣтовъ обнялъ жену мужскимъ взглядомъ и подумалъ: „Женщина—хоть куда“.

— Конечно, будетъ, — отвѣтилъ Владиміръ Федоровичъ и вздохнулъ.

Этотъ вздохъ вытолкнулъ изъ его головы послѣднія горестныя думы о завтрашнемъ днѣ—и Недосвѣтовъ почувствовалъ себя облегченнымъ.

Въ житейской борьбѣ Недосвѣтовъ настолько закалилъ себя, что его перестали страшить и мучить повѣстки судебнаго пристава и угрозы старшаго дворника.

Весь жизненный путь Владиміра Федоровича былъ усѣянъ исполнительными листами, кредиторами, лавочными книжками, мировыми судьями, портными, векселями и ломбардами.

Обладая внушительной наружностью дипломата, увѣреннымъ жестомъ, спокойнымъ, важнымъ краснорѣчіемъ и солиднымъ баритономъ, Недосвѣтовъ въ то же время отличался крайнимъ легкомысліемъ. Всѣ его дѣла, думы, радости, печали, угрызенія совѣсти, любовь, злоба, стыдъ—были чрезвычайно коротенькіе, измѣнчивые и торопливые.

Владиміръ Федоровичъ подошелъ къ двери, ведшей въ столовую, и открылъ еще два выключателя.

И вспыхнула люстра, и бѣлымъ ослѣпительнымъ блескомъ залила гостиную.

— Зачѣмъ такой свѣтъ? Рано еще,—сказала Клавдія Наумовна, думая о нижней юбкѣ.

— Пустяки. Рублемъ больше, рублемъ меньше—не все ли равно? Я люблю свѣтъ. Я всегда любилъ свѣтъ.

И тутъ же Недосвѣтовъ вспомнилъ про монтера, приходившаго вчера отъ электрическаго общества прекратить токъ за неплатежъ. Едва удалось уговорить подождать до понедѣльника.

А до понедѣльника еще осталась цѣлая ночь. Хорошая, веселая ночь, въ собственной квартирѣ, съ гостями, съ выпивкой и музыкой.

И Владиміръ Федоровичъ повеселѣлъ. У него вдругъ явилась надежда, далекая, туманная надежда; но для него и этого было достаточно, чтобы придти въ хорошее расположеніе духа.

— Не робѣй, моя маленькая, все идетъ къ лучшему,—неожиданно воскликнулъ Недосвѣтовъ и обнялъ жену за талію.

— А какъ ты завтра съ приставомъ сдѣлаешься?—спросила Клавдія Наумовна, и большими испуганными глазами взглянула на мужа.

— Какъ всегда: никакого судебнаго пристава ты не увидишь.

— А домовладѣлецъ? — продолжала допытываться Клавдія Наумовна, притворяясь слабой, наивной и довѣрчивой женщиной, далекой отъ житейскихъ дѣлъ и грубыхъ матеріальныхъ интересовъ.

— Не безпокойся, прошу тебя, все, все улажу. И домовладѣлецъ будетъ удовлетворенъ, и старшій дворникъ снова начнетъ передъ нами шапку ломать, и электричество не погаснетъ, и... И все будетъ по старому. Бывали времена похуже—и ничего, слава Богу, оставались живы... Не робѣй, говорю: завтра всѣхъ удовлетворю, всѣхъ до единаго.

Недосвѣтовъ говорилъ увѣреннымъ, властнымъ тономъ, недопускавшимъ никакихъ сомнѣній.

— Но гдѣ ты деньги достанешь?

— Что за наивный вопросъ,—удивленно воскликнулъ Владиміръ Федоровичъ.—Деньги—пустяки. Была бы голова на плечахъ. И кромѣ того, не забывай, что въ Петербургѣ полтора милліона жителей...

И Недосвѣтовъ засмѣялся добрымъ, бархатнымъ смѣхомъ, запустилъ руки въ карманы брюкъ и зашагалъ по гостиной, какъ опытный резонеръ по образцовой сценѣ.

Въ это время въ гостиную вошла горничная, молодая дѣвушка съ веселыми голубыми глазами и задорной улыбкой на полнощекомъ лицѣ. На дѣвушкѣ бѣлый накрахмаленный передникъ съ нагрудникомъ; на взбитыхъ свѣтлыхъ волосахъ, обожженныхъ щипцами, красовалась пышная, старательно сплоенная наколка.

— Барыня, у насъ бокаловъ не хватитъ для крюшона,— сказала горничная.

— Какъ не хватитъ?—воскликнула Клавдія Наумовна, хотя отлично знала, что бокаловъ не хватитъ.—Вы съ Матреной только и знаете, что посуду бить. Недавно дюжину купила. Вотъ что, Дуня: зайдите къ Ставскимъ. Или нѣтъ...

Недосвѣтова обернулась къ мужу.

— Мнѣ бы не хотѣлось одолжаться у нихъ...

— Пустяки,—отозвался Владиміръ Федоровичъ,—берутъ же они у насъ по средамъ и ножи, и вилки, и даже стулья...

Недосвѣтовъ обернулся къ Дунѣ:

— Зайдите къ Ставскимъ сейчасъ, попросите бокалы и скажите: „господа кланяются и просятъ пожаловать къ девяти".

Говоря съ Дуней, Недосвѣтовъ осторожно, боясь жены, гладилъ карими глазами высокій нагрудникъ горничной и взглядомъ этимъ румянилъ щеки дѣвушки.

— Больше ничего?—спросила Дуня, и опустила глаза, не выдержавъ взгляда барина.

— Больше ничего.

Дуня ушла.

Клавдія Наумовна еще разъ посмотрѣла юбку, подошла къ зеркалу, пощупала руками круто завитой рыжій фронъ, и затѣмъ обратилась къ мужу:

— Володя, кто же будетъ у насъ сегодня?

Владиміръ Федоровичъ повернулся на каблукахъ, сдѣлалъ размашистый жестъ рукой и, сверкая влажными темными глазами, игриво отвѣтилъ:

— Всѣ, всѣ будутъ, душа моя.

Недосвѣтовы совершенно забыли о недавней ссорѣ, близко подошли другъ къ другу, снова стали понимать одинъ другого съ полуслова и, какъ всегда, слились въ одно цѣлое.

III.

Ставскіе жили съ Недосвѣтовыми на одной площадкѣ. Занимали такую же точно квартиру, какъ и Недосвѣтовы, съ та-

кимъ же расположеніемъ комнатъ и съ такой же почти обстановкой.

Въ то самое время, когда Недосвѣтовы мирились, у Ставскихъ въ щедро освѣщенной гостиной сидѣлъ Туреневъ — провинціальный актеръ, пріѣхавшій въ Петербургъ дѣлать карьеру.

Это былъ типичный театральный любовникъ, молодой, красивый брюнетъ, высокаго роста, кудрявый и эксцентрично одѣтый. Онъ долженъ былъ нравиться женщинамъ, потому что обладалъ большими черными глазами, влажными, кроткими и слегка на выкатѣ, какъ у молодого барана, былъ всегда чисто выбритъ, говорилъ отчетливо, сладко, зубы имѣлъ бѣлые, крѣпкіе, держалъ себя съ достоинствомъ, со всѣми былъ вѣжливъ, красиво жестикулировалъ и зналъ наизусть массу стиховъ и монологовъ.

Къ Ставскимъ Туреневъ попалъ сегодня во второй разъ. Въ среду его сюда привелъ Пипченковъ; сегодня онъ явился какъ бы съ визитомъ, а на самомъ дѣлѣ, чтобы вмѣстѣ со Ставскими попасть къ Недосвѣтовымъ.

Ставская была очень рада приходу Туренева. Онъ такой славный, милый молодой человѣкъ. И такой талантливый.

На Ставской было черное платье съ открытымъ лифомъ. Темнокаштановые волосы съ золотистымъ отливомъ были причесаны, какъ для вечера. Она была темная шатенка, лѣтъ двадцати шести, съ очень красивымъ лицомъ и громадной фигурой, дѣлавшей ее похожей на каріатиду. Здоровый свѣжій румянецъ, веселый полнозубый смѣхъ и голубые глаза съ горячей искоркой въ глазахъ дѣлали ее очень интересной; но стоило ей только подняться на ноги, какъ становилось немного страшно передъ этимъ грузнымъ, раскидистымъ тѣломъ.

Все въ этой женщинѣ было велико и размашисто: большой животъ, непомѣрно высокая грудь, широкія мужскія плечи, тяжелыя толстыя руки, жирная бѣлая шея въ складочкахъ.

Ставская сидѣла въ качалкѣ, чтобы дать отдохнуть ногамъ, обутымъ въ тѣсные башмаки съ длинными англійскими носками.

Туреневъ сидѣлъ передъ нею на мягкомъ пуфѣ и поминутно мѣнялъ позы.

Самъ Ставскій, круглый, мягкій человѣкъ съ желтой лысиной и большими свѣтлыми усами, неслышно прохаживался тутъ же по гостиной и безпрерывно потиралъ руки.

— Зиночка, уже девять часовъ, — осторожно проговорилъ онъ, взглянувъ на часы.

— Ну и пусть. Не опоздаемъ, — откликнулась жена, а затѣмъ продолжала, обращаясь къ Туреневу:

— Я бы охотно осталась дома, но боюсь обидѣть сосѣдей. У насъ вѣдь на этотъ счетъ очень строго, Борисъ Моисеевичъ...

— Pardon, Борисъ Николаевичъ,—поправилъ Туреневъ.

— Ахъ, да, извините... Я все путаю, потому что у насъ есть знакомый одесситъ, очень похожій на васъ и его зовутъ Борисъ Моисеевичъ... Повѣрьте, Борисъ Николаевичъ, для меня идти къ Недосвѣтовымъ—одно мученіе. Право. Впрочемъ, я тамъ не засиживаюсь.

— Почему? — спросилъ Туреневъ и скрестилъ на груди руки: жестъ Наполеона въ „Санъ-Женъ".

— Сама не знаю. Право. Люди они очень хорошіе, милые, я ихъ очень, очень люблю... Но у нихъ ужасно скучно. Всегда одно и то же, одно и то же.

— Ну, конечно, если часто... А мнѣ, признаться, интересно. Намъ, актерамъ, надо всюду бывать. Отъ хладныхъ финскихъ скалъ до пламенной Колхиды. Мы, какъ писатели, отражаемъ жизнь точно въ зеркалѣ и всюду ищемъ матеріала для творчества.

— Еще бы, вамъ, артистамъ, это необходимо,—согласилась сейчасъ же Ставская, довольная своимъ собесѣдникомъ.

— А знаете, Зинаида Петровна, мнѣ Недосвѣтовъ очень нравится, — сказалъ Туреневъ. — Какое милое пригласительное письмо я отъ него получилъ вчера. Я былъ тронутъ...

— Вотъ какъ! Это дѣйствительно очень мило, — сказала Ставская, и красивый ротъ слегка скривился отъ сдерживаемой улыбки.—У нихъ такой малый кругъ знакомыхъ. Удивляюсь, почему это? Вѣдь они живутъ въ Петербургѣ съ незапамятныхъ временъ. Мы, пріѣзжіе, живемъ здѣсь всего шестой годъ, а знакомыхъ—милліонъ. Мы никогда на свои среды никого не приглашаемъ. Да это, кажется, и не принято.

Пока Ставская говорила, Туреневъ успѣлъ встать, спрятать руки въ карманы брюкъ, выставить впередъ ногу въ лакированномъ ботинкѣ на пуговкахъ и слегка наклонить на бокъ голову—жестъ Кина во второмъ актѣ.

Ставская провела глазами по его высокой, стройной фигурѣ, запомнила его красный бархатный жилетъ съ перламутровыми пуговицами, смуглое горбоносое лицо съ синими пятнами на выбритыхъ щекахъ, подбородкѣ и верхней губѣ и встрѣтилась съ его чернымъ маслянистымъ взглядомъ.

— Простите, Борисъ Николаевичъ, я васъ перебила... Такъ вамъ Недосвѣтовъ очень нравится?

— Да, онъ, знаете ли, такой свѣтскій человѣкъ... Хорошо говоритъ такъ...

— Еще бы, вѣдь онъ адвокатъ. Но вотъ что удивительно: у него совсѣмъ нѣтъ практики... Кстати, а какъ вамъ понравилась Клавдія Наумовна?

— Pardon, это кто — Клавдія Наумовна?

— Ахъ, эти мужчины. Вѣдь вы съ нею у насъ весь вечеръ проговорили. Неужели забыли?

— Да, да, теперь я вспомнилъ. Боже мой, какая у меня память, — воскликнулъ Туреневъ и, отступивъ шагъ назадъ, описалъ руками плавный кругъ, соединилъ руки надъ головой своей и откинулъ назадъ лѣвую ногу: жестъ Гамлета въ сценѣ объясненія съ матерью.

— Merci, что напомнили. Pardon, вы разрѣшите мнѣ записать? — проговорилъ Туреневъ, и досталъ изъ жилетнаго кармана крохотную записную книжечку.

— Пожалуйста.

— Какъ это странно. Я всѣхъ вашихъ гостей записалъ, а Недосвѣтову забылъ. Какая разсѣянность.

— Да, это непростительно, — сказала Ставская и добавила:—Я жду, Борисъ Николаевичъ, отвѣта на мой вопросъ: какъ вамъ понравилась Клавдія Наумовна?

— Очень понравилась. Мнѣ вообще всѣ ваши гости очень понравились. А m-me Недосвѣтова чрезвычайно милая женщина, умная, изящная и такая... легкая, ажурная, если можно такъ выразиться.

— Я понимаю васъ, вы хотѣли сказать—малокровная... Да, она дѣйствительно очень слабенькая. У нея и старшая дочь такая же худосочная. Вѣдь вы, конечно, знаете, что старшая дочь Недосвѣтовой давно уже замужемъ?

Туреневъ почувствовалъ, что ему необходимо изобразить изумленіе; но сидя онъ этого не умѣлъ дѣлать, и ему пришлось снова встать, поднять плечи, выкатить глаза и схватиться за голову—поза Чацкаго, узнавшаго о любви Софьи къ Молчалину.

— Неужели?..—воскликнулъ Туреневъ.—Что я слышу? Но Недосвѣтова такъ молода...

— А дочь давно замужемъ. Вотъ вамъ и чудо,—сказала Ставская и обволокла Туренева кокетливымъ взглядомъ и улыбкой.

— Зиночка!—послышался голосъ Ставскаго,—уже четверть десятаго.

— О, Господи! Хорошо, сейчасъ иду,—откликнулась Ставская и не безъ труда стала выкарабкиваться изъ тѣсной ка-

чалки.—Только предупреждаю, Викторъ,—обратилась она къ мужу,—я уйду до ужина, какъ...

Она не договорила: тѣсные башмаки, когда она встала, желѣзными кольцами сдавили ноги и сотни иглъ вонзились въ ступни и пальцы. Она прикусила нижнюю губу, слегка поклонилась Туреневу и направилась въ слѣдующую комнату, употребляя невѣроятныя усилія, чтобы не вскрикнуть и не хромать.

IV.

Въ гостиной развернутъ столъ на двадцать четыре персоны. Столъ покрытъ бѣлой скатертью. Владиміръ Федоровичъ сосредоточенно готовитъ крюшонъ. Передъ нимъ стоятъ двѣ четвертныя изъ-подъ бѣлаго вина, тоненькій флакончикъ мараскина, полбутылки Шустовскаго коньяка, пятокъ апельсиновъ и картузъ съ сахарной пудрой.

Зеленая крюшонница уже полна до края; но Недосвѣтовъ этимъ не смущается и каждый разъ, прежде чѣмъ бросить нарѣзанный ломтиками апельсинъ, онъ большой разливательной ложкой пробуетъ вино.

И съ каждой выпитой ложкой мысли Владиміра Федоровича становятся быстрѣе, вертлявѣе и какъ искры вспыхиваютъ и кружатся въ разгоряченной головѣ.

Часто мысли переплетаются съ воспоминаніями. Передъ глазами Недосвѣтова встаютъ и проходятъ мимо образы и предметы, недавно окружавшіе его, и будятъ въ немъ разнообразныя чувства. То ему становится чего-то жаль, то онъ кому-то улыбается, кому-то грозитъ, съ кѣмъ-то споритъ, а то вдругъ стыдъ кровью зальетъ все лицо и на рѣсницахъ повиснутъ горячія красныя нити.

Владиміръ Федоровичъ подноситъ ко рту пятую ложку и передъ нимъ вдругъ раскрывается залъ предвыборнаго собранія. Это было третьяго дня. Какой онъ имѣлъ успѣхъ! Онъ говорилъ долго и вдохновенно. Многіе были убѣждены, что онъ—вождь кадетской партіи, хотя онъ стоитъ гораздо лѣвѣе; но зачѣмъ разочаровывать почитателей? И онъ будетъ объ этомъ молчать.

Какой крѣпкій крюшонъ. Надо прибавить сахару.

А вотъ онъ на Невскомъ встрѣчаетъ своего коллегу—моднаго адвоката, разсказываетъ ему о своемъ успѣхѣ и, между прочимъ, проситъ взаймы небольшую сумму, „ну, хоть рублей

триста"; но коллега отказываетъ и грубо напоминаетъ о какой-то неотданной пятеркѣ.

А вотъ, какъ бы въ туманѣ проплываютъ квадратная рожа старшаго дворника, черная борода судебнаго пристава, толстое брюхо мебельщика и сторублевый билетъ—тотъ самый билетъ, что вчера въ продолженіе получаса лежалъ неразмѣнянный въ бумажникѣ, туго набитомъ ломбардными квитанціями.

Какъ быстро растаяли деньги. И ничего отъ нихъ не осталось. Ничего. Только нижняя юбка да вотъ этотъ крюшонъ.

— Володя, ты съ ума сошелъ,—кричитъ Клавдія Наумовна, входя въ столовую,—то-то, я слышу, притихъ ты ужъ очень. Какъ тебѣ не стыдно?

— Что такое? Въ чемъ дѣло? — спрашиваетъ Владиміръ Федоровичъ, притворяясь непонимающимъ.

— Да развѣ можно такими ложками крюшонъ пробовать? Ты хочешь повторить мои именины? Покорно благодарю...

— Ну, ну, душа моя, не буду. Кончилъ. Аминь.

Недосвѣтовъ позвонилъ и велѣлъ явившейся горничной вынести крюшонъ на холодъ.

Супруги отправились въ гостиную, изъ гостиной въ кабинетъ, осмотрѣли, все ли въ порядкѣ и остались очень довольны внѣшнимъ видомъ комнатъ, высокихъ, просторныхъ и хорошо обставленныхъ.

Владиміръ Федоровичъ взглянулъ на часы и сердце у него заныло. Сейчасъ явится Кумушкинъ и весь вечеръ испортитъ. Зачѣмъ онъ его пригласилъ? И какъ сказать объ этомъ женѣ? Весь день Владиміръ Федоровичъ выбиралъ моментъ, чтобы предупредить жену, и каждый разъ откладывалъ это до болѣе удобной минуты, боясь скандала. И вотъ уже девять. Необходимо сказать.

— А знаешь, Клавдія, я забылъ тебѣ сказать: у насъ сегодня будутъ новые гости,—неожиданно для самого себя проговорилъ Недосвѣтовъ и сейчасъ же постарался принять равнодушный видъ.

— Новые? Кто же?—заинтересовалась Клавдія Наумовна.

— Будетъ, между прочимъ, Кумушкинъ...

У Клавдіи Наумовны лицо перекосилось.

— Какой Кумушкинъ?—спросила она, хотя отлично знала, о комъ рѣчь идетъ.

— Неужели ты не знаешь? Кумушкинъ Александръ Павловичъ, у котораго ты обувь берешь...

— Довольно!—воскликнула Клавдія Наумовна и трагически

всплеснула руками.—Ты пригласилъ этого сапожника?.. Нѣтъ, я съ ума сойду... Что подумаютъ люди? Что общаго между нами и сапожникомъ?..

— Погоди, Клавдія, ты напрасно... Во-первыхъ, онъ—не сапожникъ, а купецъ. У него три магазина, человѣкъ онъ со средствами и образованный... окончилъ коммерческое училище, въ обществѣ держитъ себя прекрасно, знаетъ языки, бываетъ за границей...

— Довольно, довольно,—закричала Недосвѣтова и руками закрыла уши.—Ты сейчасъ скажешь, что у этого хама въ жилахъ течетъ королевская кровь, что этотъ сапожникъ... Нѣтъ, я положительно съ ума сойду... Зачѣмъ, зачѣмъ, я спрашиваю тебя, понадобился тебѣ этотъ мужикъ?

— Позволь, Клавдя, у меня съ нимъ дѣла... Ты напрасно горячишься. Вотъ увидишь, онъ будетъ себя держать отлично и никто не замѣтитъ... А вотъ, что ты скажешь относительно второго гостя? Будетъ у насъ еще, знаешь, кто?..—Недосвѣтовъ выдержалъ маленькую паузу.—Будетъ Туреневъ.

Это былъ чрезвычайно хитрый и удачный маневръ со стороны Владиміра Федоровича. Онъ сразу замѣтилъ, что Туреневымъ жена была сбита съ позиціи.

— Этотъ еще ничего, — проговорила упавшимъ тономъ Клавдія Наумовна и тутъ-же добавила:—Теперь Ставская будетъ говорить, что мы у нихъ гостей отбиваемъ. Она всѣ эти дни носилась съ этимъ актеромъ, какъ добрая няня съ ребенкомъ.

Съ плечъ Недосвѣтова гора свалилась. Слава Богу, гроза прошла благополучно. И въ туманной дали снова зарождалась надежда—надежда на Кумушкина, какъ на богатаго человѣка.

Вошла Ляля, заплаканная и надутая.

— Мама...

— Чего тебѣ?

— Мнѣ, значитъ, раздѣться и спать?

Тоненькія губы Ляли дрожали и она готова была расплакаться.

— Пойди сюда.

Ляля подошла. Клавдія Наумовна внимательно осмотрѣла бебешку, поправила на дочери кружевной воротничокъ и сказала:

— Хорошо, оставайся здѣсь; но помни—какъ гости за столъ, ты пойдешь спать. Слышишь?

— Хорошо, мамочка...

И Ляля вся просіяла.

V.

Еще десяти не было, когда въ гостиной за овальнымъ столомъ на диванѣ и на мягкихъ стульяхъ сидѣли обычные посѣтители Недосвѣтовскихъ журфиксовъ и молча разсматривали альбомы съ фотографіями, иллюстрированнаго Фауста и стихотворенія Апухтина въ сиреневомъ переплетѣ.

Всѣ эти фотографіи знаменитыхъ писателей, балеринъ, политическихъ дѣятелей, клоуновъ, актеровъ, наѣздницъ и композиторовъ, всѣ эти открытки, изображающія достопримѣчательности Парижа, Финляндіи, Египта и Москвы хорошо были знакомы гостямъ, и надъ ихъ наклоненными головами витала тяжелая, нѣмая скука...

Напрасно Клавдія Наумовна старалась завязать разговоръ, напрасно старался казаться веселымъ самъ Недосвѣтовъ—скука невидимыми волнами разливалась по ярко освѣщенной гостиной и дальше погоды разговоръ не шелъ.

Лишь съ появленіемъ Туренева общество оживилось. Клавдія Наумовна слегка пожурила Зинаиду Петровну за поздній приходъ, послѣ чего дамы сердечно и звучно расцѣловались.

Туреневъ вошелъ въ гостиную, какъ Вильгельмъ Телль, съ гордо поднятой головой, увѣренными неторопливыми шагами приблизился къ столу и представился:

— Артистъ Туреневъ,—отчетливо произнесъ онъ, съ легкимъ стукомъ соединилъ каблуки и пластично склонилъ на бокъ свою курчавую изсиня-черную голову.

Муза Ивановна, дѣвица лѣтъ сорока, тощая, сухая и длинная, вся вспыхнула, когда ея костлявая рука очутилась въ теплой мягкой рукѣ Туренева; а Ляля была готова закричать отъ восторга, когда онъ назвалъ ее Елизаветой Владиміровной.

„Откуда онъ знаетъ? Вотъ замѣчательно!“—мысленно воскликнула Ляля и мгновенно въ него влюбилась.

Спустя немного, Туреневъ сдѣлался предметомъ всеобщаго вниманія. Гости, въ особенности дамы, съ него глазъ не спускали и ловили каждый звукъ его голоса, каждый жестъ.

Онъ это почувствовалъ и подтянулся: безпрерывно мѣнялъ позы, старался быть какъ можно изящнѣе, остроумнѣе, черные глаза его, какъ маслины, купались въ маслѣ и на любой вопросъ онъ, не задумываясь, отвѣчалъ словами Гамлета, Чацкаго, Астрова изъ „Дяди Вани“, а иногда не брезговалъ репликами Хлестакова.

И всѣ удивлялись его остроумію, находчивости и умѣнію держать себя.

Слово „Туреневъ“ не сходило съ устъ и носилось въ воздухѣ.

„Туреневъ, какъ вы читаете „Сумасшедшаго“ Апухтина: сидя или стоя?“ „Спросимъ у Туренева.“ „Господинъ Туреневъ навѣрно знаетъ“. Туреневъ, Туреневъ, Туреневъ — только и слышно было.

Пустороелева, молодая вдова полковника, жгучая брюнетка въ бархатномъ платьѣ цвѣта бордо, и сестры Евфратовы, зрѣлыя дѣвицы, дочери начальника дистанціи, обѣ—вѣчныя курсистки, обѣ—курносыя блондинки, и маленькая толстуха Лоранская — жена педагога, и Муза Ивановна, и даже старуха Лунегова, дальняя родственница Недосвѣтова,—всѣ были восхищены Туреневымъ.

Мужчины старались быть равнодушными, но нѣкоторые даже возненавидѣли его. Пуще всѣхъ были недовольны Туреневымъ студентъ Придикъ, золотушный юноша, тяжко влюбленный въ Лялю, мужъ Лоранской, ревнивый неврастеникъ съ птичьей головой, очень похожій на молодого пѣтуха передъ дракой, и Подстаницкій, пожилой хохолъ съ длинными усами, усердно ухаживающій за красивой Пустороелевой.

За то Клавдія Наумовна была счастлива отъ сознанія, что все это происходитъ у нея въ домѣ. Ставская завидовала и злилась. Она уже успѣла сообщить дамамъ, что Туренева она насильно привела сюда изъ жалости къ Недосвѣтовымъ, у которыхъ всегда царитъ адская скука. Она одна называла Туренева по имени и отчеству и ежеминутно подзывала его къ себѣ.

Но хуже всѣхъ чувствовалъ себя хозяинъ дома. Мысль о Кумушкинѣ не покидала его, и онъ съ замираніемъ сердца прислушивался ко всякому движенію въ передней.

Ровно въ одиннадцать пріѣхалъ профессоръ Походня, самый почетный и желанный гость.

— Клавдія Наумовна, профессоръ Походня пріѣхалъ, — громко сообщилъ женѣ Владиміръ Федоровичъ и побѣжалъ въ переднюю.

Недосвѣтовы стояли въ передней и терпѣливо ждали, пока профессоръ при помощи Дуни вылѣзалъ изъ медвѣжьей шубы, изъ глубокихъ ботинокъ, изъ котиковой шапки съ наушниками и изъ мѣховыхъ перчатокъ.

— Морозъ небольшой, а вѣтренно,—шамкалъ профессоръ, вытирая носовымъ платкомъ синіе очки съ большими выпуклыми стеклами.

— Ну, очень благодарны и тронуты, профессоръ, что не забываете насъ,—сказала Клавдія Наумовна.

— Да, я скучалъ очень... Думаю, куда пойти? И вспомнилъ...

Старикъ протянулъ хозяйкѣ руку.

— Спасибо, большое спасибо,—съ чувствомъ проговорилъ Владиміръ Федоровичъ и бережно пожалъ маленькую, холодную руку профессора.—Пожалуйте, милости просимъ,—добавилъ онъ, широко открывая дверь въ гостиную.

Старичокъ засеменилъ ножками и на ходу все ощупывалъ дрожащей рукой крохотную бородку, похожую на клокъ старой ваты.

— Профессоръ Ардаліонъ Ардаліоновичъ Походня,—провозгласилъ Недосвѣтовъ съ такой значительностью, что нѣкоторые изъ гостей невольно поднялись съ своихъ мѣстъ.

Клавдія Наумовна подкатила кресло, сама усадила старика и дала ему альбомъ съ видами Египта.

Профессоръ осмотрѣлся, увидѣлъ красный жилетъ Туренева и заинтересовался.

— Кто это?—спросилъ онъ.

— Актеръ Туреневъ... драматическій артистъ,—торопливо пояснилъ Недосвѣтовъ.—Я его самого сюда попрошу.

Недосвѣтовъ подошелъ къ Туреневу и шепнулъ ему, что Походня, знаменитый ученый, второй Менделѣевъ, пострадавшій за убѣжденія, хочетъ съ нимъ поговорить.

Черезъ минуту Туреневъ стоялъ передъ профессоромъ и съ лицомъ провинившагося выслушивалъ старика.

— Мы, ученые, также не чужды искусству,—говорилъ профессоръ, растягивая слова, какъ резину.—Я хотя въ театрѣ не бываю, но по ночамъ, когда не спится, люблю почитать Шиллера. Да... Шиллера...

Не успѣлъ профессоръ кончить, какъ явился еще одинъ гость Пипченковъ—пожарный репортеръ, собиратель объявленій и переводчикъ Натъ Пинкертона.

Это былъ человѣкъ вездѣсущій, наглый, веселый, прожорливый. Онъ умѣлъ разсказывать неприличные анекдоты, зналъ всѣ новости, называлъ себя литераторомъ, со всѣми былъ на „ты“, игралъ на роялѣ, показывалъ фокусы, слылъ за хироманта и добраго малаго.

— Наконецъ-то явился нашъ режиссеръ,—радостно воскликнулъ Недосвѣтовъ, завидя Пипченкова.—Ты что же опоздалъ сегодня?

— Не могъ, голубчикъ, прости, едва вырвался отъ Бабкиныхъ.

И Пипченковъ обѣжалъ всѣхъ гостей, со всѣми дружески поздоровался и сѣлъ за рояль.

VI.

„Концертъ“ окончился въ полночь. Послѣднимъ и самымъ интереснымъ номеромъ былъ Туреневъ, прочитавшій „Сумасшедшаго“ Апухтина. Закончилъ онъ съ такой силой, съ такимъ ужаснымъ выкрикомъ, что съ Лялей чуть истерика не случилась, хотя она сама упрашивала Туренева прочитать именно это стихотвореніе, находя его „замѣчательно страшнымъ“.

Туреневу долго и дружно апплодировали, а потомъ хозяева стали просить гостей къ столу.

Клавдія Наумовна бережно повела профессора, а за ними потянулись и всѣ остальные. И въ квадратной передней, чрезъ которую надо было пройти, чтобы попасть въ столовую, безпорядочной толпой сгрудились гости, дѣлая видъ, что совсѣмъ не спѣшатъ.

Владиміръ Федоровичъ былъ теперь увѣренъ, что Кумушкинъ уже не явится и бодрое настроеніе духа снова вернулось къ нему. Что же касается единственной и затаенной надежды его, такъ онъ уже рѣшилъ завтра утромъ лично отправиться къ Кумушкину и переговорить съ нимъ.

Пипченковъ помогъ Клавдіи Наумовнѣ усадить гостей, самъ сѣлъ рядомъ съ Туреневымъ и подвинулъ къ себѣ лучшія закуски. Онъ чувствовалъ себя какъ дома и первый взялся за рюмку.

— Господа, — провозгласилъ онъ, — не будемъ терять золотого времени и приступимъ къ дѣлу.

И Пипченковъ запрокинулъ свою бѣловолосую голову и выпилъ залпомъ. За нимъ послѣдовалъ Ставскій, давно жаждавшій выпить. Начался ужинъ.

Гости умолкли и принялись за ѣду. Среди тишины явственно раздавался стукъ ножей и вилокъ и коротенькія фразы въ родѣ: „будьте любезны, сижкà сюда“ или „нельзя ли хлѣбца“... и снова становилось тихо, и снова стучали тарелки.

Пипченковъ почувствовалъ, что становится скучно, что имъ хозяева будутъ недовольны, если онъ не выполнитъ своей обязанности шутника—и заговорилъ громко, на весь столъ:

— Господа, будемъ экономны, будемъ ѣсть, пить и разговаривать въ тоже время. Пора и за рѣчи взяться. Господа, я буду предсѣдателемъ...

— Просимъ, просимъ!..— раздалось нѣсколько веселыхъ голосовъ.

— Благодарю, я тронутъ... Итакъ, приступаю къ своимъ обязанностямъ. Владиміръ Федоровичъ, слово за тобой. Господа! Сейчасъ произнесетъ рѣчь нашъ многоуважаемый и гостепріимный хозяинъ Недосвѣтовъ, Владиміръ Федоровичъ.

— Просимъ, просимъ!—подхватили гости.

Принесли крюшонъ. Недосвѣтовъ сталъ готовиться къ рѣчи. Онъ всталъ, обычнымъ движеніемъ головы откинулъ непокорный клокъ волосъ, высоко поднялъ бокалъ и началъ.

Говорилъ онъ красиво, плавно, пересыпалъ рѣчь мѣткими сравненіями и захватилъ вниманіе слушателей. Темные глаза его загорѣлись и вся его мощная фигура трепетала отъ наплыва чувствъ и мыслей. Онъ говорилъ о современномъ положеніи Россіи, о тяжелой безысходной реакціи, о беззаконіи, о мучениках свободы, о парламентѣ, о литературѣ, о рабочихъ и о великомъ страдальцѣ народѣ.

Къ концу рѣчи онъ перешелъ въ паѳосъ и голосъ его, чистый и сильный, какъ призывный кличъ проносился надъ головами слушателей.

— Но, господа,—говорилъ онъ,—не будемъ падать духомъ, ибо заря свободы уже занялась надъ Русью. Мы, мыслящіе и борющіеся интеллигенты, должны во всеоружіи встрѣтить эту святыню земли—свободу. Стомилліонный русскій народъ, темный, измученный народъ съ упованіемъ и мольбой смотритъ на насъ и ждетъ...

Но тутъ ораторъ умолкъ. Изъ передней раздался рѣзкій звонокъ, не электрическій, а проволочный. Гости вздрогнули. Недосвѣтовъ поблѣднѣлъ, поставилъ бокалъ на столъ, поймалъ испуганный взглядъ жены и выбѣжалъ изъ столовой.

„Это онъ",—промелькнуло въ головѣ Владиміра Федоровича. И не ошибся: это былъ Кумушкинъ.

Ничего ужаснаго въ наружности Кумушкина не было. Это былъ человѣкъ очень высокаго роста, лѣтъ тридцати, съ подстриженной въ видѣ дѣтскаго совочка красной бородкой и мелко завитыми огненнаго цвѣта волосами съ тонкимъ проборомъ по серединѣ.

Кумушкинъ раздѣлся внизу у швейцара и предсталъ предъ Недосвѣтовымъ во фракѣ и при бѣломъ галстукѣ.

„Шаферъ изъ Галерной гавани",—съ тоской подумалъ Владиміръ Федоровичъ и сказалъ:

— Что такъ поздно?

— А я забылъ, сегодня мой кумъ именинникъ,—шопотомъ отвѣтилъ Кумушкинъ, — вотъ я и того... запоздалъ. Ужъ вы извините.

— Ничего, ничего... пожалуйте сюда,—упавшимъ голосомъ сказалъ Недосвѣтовъ. Ему почему-то показалось, что Кумушкинъ не совсѣмъ трезвъ.

— Господа,—произнесъ Недосвѣтовъ, вводя Кумушкина въ столовую,—вотъ явился представитель того великаго народа, о которомъ я только-что говорилъ. Александръ Павловичъ Кумушкинъ. Пожалуйте сюда, садитесь...

Владиміръ Федоровичъ говорилъ машинально, не понимая собственныхъ словъ. Предъ его глазами разстилался туманъ и онъ плохо видѣлъ гостей. Ему казалось, что всѣ лица слились въ одно лицо, смѣющееся и многоглазое.

Клавдія Наумовна сгорала со стыда и подозрительно поглядывала на дамъ. Отъ ея глазъ не скрылось движеніе Ставской, наклонившейся къ Пусторослевой и что-то шепнувшей сосѣдкѣ. И послѣдняя ехидно улыбнулась.

Кумушкинъ сѣлъ за столъ и охотно чокнулся съ Пипченковымъ, который и тутъ пришелъ на помощь хозяевамъ.

— Господа,—снова заговорилъ Недосвѣтовъ, немного успокоившись,—я буду продолжать свою рѣчь. Кстати, посвящу нѣсколько словъ представителю народа, сидящему сейчасъ среди насъ.

Недосвѣтову пришла мысль возвеличить Кумушкина и этимъ сгладить неловкость, внесенную его появленіемъ, столь неожиданнымъ, для всѣхъ и онъ продолжалъ:

— Передъ вами, господа, настоящій русскій самородокъ, собственными силами выбившійся на дорогу. Я бы сравнилъ его съ Ломоносовымъ. Представьте себѣ, господа, неграмотнаго ребенка, родившагося въ нищетѣ...

— Позвольте, Владиміръ Федоровичъ,—перебилъ вдругъ Недосвѣтова Кумушкинъ, — насчетъ нищеты вы напрасно... Мой родитель никогда нищимъ не былъ-съ. У моего родителя мастерская была огромная, что твои бани. Да-съ. И заказы валились какъ снѣгъ зимой-съ. Да-съ...

Недосвѣтовъ покраснѣлъ до корней волосъ, а Клавдія Наумовна омертвѣла и предъ ея глазами завертѣлись огненные обручи. И наступило тяжелое придавленное молчаніе.

Попытка Пипченкова расшевелить общество не удалась и его анекдотъ про еврея, армянина и грека ни въ комъ не вызвалъ даже улыбки.

VII.

Пятый часъ утра. Гости давно разошлись и въ столовой остались допивать остатки Ставскіе, Туреневъ, Пипченковъ и Кумушкинъ.

Послѣдній совсѣмъ развеселился и даже затянулъ тонкимъ теноромъ „Послѣдній нонѣшній денечекъ“.

Всѣ были въ градусѣ; даже Клавдія Наумовна и Ставская слегка подвыпили и смѣялись безъ конца.

Въ столовой царилъ безпорядокъ. На столѣ валялись окурки, коробки отъ консервовъ, огрызки хлѣба, скатерть была залита виномъ и подъ ноги попадались апельсинныя корки изъ крюшона.

Недосвѣтовы растратили весь запасъ стыда, сердце у нихъ давно уже переболѣло—и они рѣшили махнуть рукой на все.

Владиміръ Федоровичъ жилъ теперь одной только мыслью: использовать какъ можно лучше Кумушкина и этимъ вознаградить себя за всѣ непріятности.

И Недосвѣтовъ всю доброту свою и ласку толкнулъ къ Кумушкину, забывъ о другихъ. Онъ ухаживалъ за нимъ, какъ за тяжело больнымъ, безпрерывно чокался съ нимъ и пилъ за его здоровье. Ни пѣсни Туренева, ни анекдоты Пипченкова, ни приставанія пьянаго Ставскаго выпить съ нимъ на брудершафтъ, за что онъ обѣщался, какъ инспекторъ страхового общества, безвозмездно застраховать его жизнь, не могли Недосвѣтова оторвать отъ Кумушкина. Онъ никого не слышалъ, никого не видѣлъ. Все его существо было переполнено одной только мыслью, однимъ желаніемъ: взять у Кумушкина взаймы—„ну, хоть рублей триста“.

И Владиміръ Федоровичъ выбиралъ моментъ; но каждый разъ ему кто-нибудь мѣшалъ и онъ злился, страдалъ и былъ въ отчаяніи.

Наконецъ Кумушкинъ вспомнилъ, что завтра надо въ лавку и рѣшилъ проститься.

Недосвѣтовъ не сталъ задерживать, но просилъ выпить на дорожку.

Владиміръ Федоровичъ вмѣстѣ съ Кумушкинымъ вышелъ на лѣстницу и затворилъ за собою дверь.

— Ну, что, довольны вы, Александръ Павловичъ?—спросилъ Недосвѣтовъ.

— То-есть, очень даже. Хорошіе вы люди. Милости просимъ и къ намъ. Очень рады будемъ.

— Спасибо, спасибо. Непремѣнно будемъ. Съ женой пріѣду. Да, кстати, Александръ Павловичъ,—притворившись равнодушнымъ, продолжалъ Недосвѣтовъ,—у меня къ вамъ маленькая просьба... Это собственно не мнѣ лично нужно, а я хочу выручить одного моего пріятеля...

— Позвольте, Владиміръ Федоровичъ,—перебилъ вдругъ Кумушкинъ Недосвѣтова,—вы никакъ денегъ хотите попросить?

— Да, небольшую сумму... Не для меня...

— Бросьте, Владиміръ Федоровичъ, ей-Богу бросьте... Славный вы человѣкъ... Не надо... Не будемъ портить отношеній.

— Да, да, не будемъ,—глухимъ упавшимъ голосомъ повторилъ Недосвѣтовъ и почувствовалъ, что летитъ въ бездну.

У него еще хватило силъ дать звонокъ швейцару и въ послѣдній разъ улыбнуться уходившему Кумушкину.

А потомъ, когда швейцаръ и Кумушкинъ скрылись, онъ обхватилъ чугунныя перила и прошепталъ: „Подлецъ я, подлецъ"...

А изъ квартиры доносились пьяные голоса Туренева и Ставскаго, пѣвшіе „Тихо качайтесь качели".

А. Свирскій.

СТИХОТВОРЕНІЯ

ВЪ ТУМАНѢ.

Надъ болотомъ туманъ... Безмятежность молчанья,
Сновидѣнье въ странѣ голубой пустоты.
Лунный свѣтъ—одинокой печали созданье,
Свѣто-тканный покой одинокой мечты.

Далеки отъ меня—грохотъ улицъ, трамваи,
Многошумное море людской суеты...
Одиноко въ сіяньи тумана вдыхаю
Грезы луннаго свѣта, молчанья цвѣты.

Какъ мечты сновидѣній крылатыхъ мерцаютъ
Облаковъ отраженья въ недвижной водѣ.
Грезы—дѣвы тумана меня обнимаютъ...
Такъ мечтательно-счастливъ я не былъ нигдѣ.

Умираютъ свѣтло и безбольно желанья.
Я тону въ голубомъ безмятежномъ винѣ.
И молюсь я великой святынѣ молчанья,
Свѣто-тканной святынѣ моей—тишинѣ.

Сновидѣнья печали мерцаютъ и таютъ,
Отраженья моей одинокой мечты.
Хорошо!.. покрываютъ меня, засыпаютъ
Грезы луннаго свѣта, молчанья цвѣты.

Обнимаютъ, ласкаютъ меня сновидѣнья—
Грезы—дѣвы тумана... печали обманъ.
И баюкаетъ свѣтлое море забвенья,
Опьяняетъ виномъ безмятежья туманъ.

Засыпаю... Такъ сладко меня усыпила
Безмятежная власть голубого вина
И глаза поцѣлуями нѣги закрыла
Голубая святыня моя—тишина.

***

Въ моей одинокой печали
Красивые, свѣтлые сны:
Весеннія синія дали,
Зеленыя сказки весны.

Кто это такъ звонко смѣется?
Чей голосъ поетъ, какъ ручей,
И музыкой радости льется
Въ молчанье печали моей?

Кто это зоветъ меня: „Милый,
Мой милый, ты снова со мной.
Я долго ждала и грустила,
Любила зеленой весной.

„Да, долго, давно тебя жду я.
Я—сказка твоя. Я—любовь"...
И въ нѣжномъ огнѣ поцѣлуя
Ликуетъ, поетъ моя кровь.

Я больше не слабъ и не боленъ,
Не скованъ печалью моей:
Я радостно-молодъ и воленъ,
Какъ вѣтеръ лѣсовъ и полей.

Мечты мои—синія дали,
Любовь моя—сказка весны:
Моей одинокой печали
Красивые, свѣтлые сны.

Л. Андрусонъ.

НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧЪ КОСТОМАРОВЪ

Изъ воспоминаній А. Л. Костомаровой *).

Рано утромъ въ субботу 29 марта мы съ матерью поѣхали къ обѣднѣ. Во время служенія я часто оглядывалась: мнѣ казалось, что Н. И. явится къ обѣднѣ, чтобы первымъ поздравить меня съ принятіемъ Св. Тайнъ. Его не было. Мама моя шепнула мнѣ:

„Зачѣмъ оглядываешь всѣхъ по сторонамъ, забывая великое таинство, къ которому приступаешь! Ищешь Николая Ивановича! Наглядишься на него вдоволь во всю жизнь, начиная съ завтрашняго дня".

Предсказанію этому не суждено было осуществиться.

Отъ обѣдни мы поѣхали къ Костомаровымъ. Меня занималъ вопросъ: почему Н. И. не явился хотя къ концу обѣдни. Подъѣхали къ его квартирѣ. Никто не встрѣтилъ насъ у подъѣзда; парадный входъ оказался открытымъ; въ прихожей никого.

— Вотъ какъ славно встрѣчаетъ гостей, кто позвалъ на чай и кофе!—проговорила я мамѣ, не то смѣясь, не то съ укоризной по адресу моего жениха. — Пусть же и посуетится за такую провинность! Я спрячусь, а вы, мама, идите въ залъ однѣ и скажите, что свадьба откладывается по особымъ, неожиданнымъ причинамъ.

Мое нечаянное предсказаніе сбылось...

---

*) См. іюль, стр. 43.

Мать моя подернула плечами, какъ бы выражая этимъ удивленіе ребяческой выходкѣ дѣвушки-невѣсты, а я поспѣшно спряталась за широкую полу двери.

Молодое сердце мое быстро стучало въ ожиданіи, что вотъ-вотъ Н. И. бѣжитъ меня отыскивать... вотъ-вотъ стремительно откроетъ дверь... Но вмѣсто того царила небывалая тишина, и отъ какого-то безсознательнаго смущенія и нетерпѣнія я такъ взволновалась, что сердце застучало еще сильнѣе.

Наконецъ послышались шаги моей матери. Она сказала мнѣ весьма внушительно:

„Полно дурачиться! Иди въ залъ! Здѣсь не до шутокъ!“

Какъ пристыженная школьница, все еще не предчувствуя страшнаго горя, я вышла изъ своей засады и послѣдовала за матерью.

На встрѣчу мнѣ показалась изъ гостиной матушка Николая Ивановича, болѣе обыкновеннаго блѣдная, и какимъ-то упавшимъ голосомъ произнесла:

„Николая нѣту! Ночью взяли!“

— Кто взялъ? Куда взяли? Зачѣмъ? — спрашивала я въ испугѣ и недоумѣньѣ.

„Взяли жандармы, полицеймейстеръ, губернаторъ; за что — не знаю; увезли, а кабинетъ запечатали“.

Татьяна Петровна сѣла у запертыхъ дверей кабинета. На ея блѣдномъ лицѣ сказывалось страданіе; ни слезъ, ни воздыханій не было.

Я взглянула на нее испуганно, взглянула на большія печати на дверяхъ кабинета; помутилось у меня въ глазахъ, въ головѣ... Я не могла понять, что̀ случилось, но только видѣла уже теперь, что случилось что-то роковое, что-то ужасное. Вошелъ Ѳома, тоже блѣдный, истерзанный тревожною ночью, и, увидѣвъ меня, зарыдалъ. Мать моя, съ трудомъ перемогаясь отъ волненія, сказала Татьянѣ Петровнѣ:

„Мы съ Алиной поѣдемъ домой. Чтобы поскорѣе узнать о Николаѣ Ивановичѣ, я попрошу мужа поѣхать къ губернатору — и сейчасъ же сообщу вамъ обо всемъ“.

Татьяна Петровна не возражала, ни о чемъ не просила, сидѣла неподвижная, какъ истуканъ. Она была слишкомъ поражена неожиданною напастью.

Нѣтъ словъ, чтобы выразить, какъ потрясенъ былъ мой добрый вотчимъ нашею ужасною новостью. Ему сдѣлалось дурно, но онъ скоро осилилъ упадокъ духа, оправился, обнялъ меня и со слезами проговорилъ:

„Бѣдное дитя! Не горюй, Богъ милостивъ!“

Вслѣдъ за тѣмъ онъ уѣхалъ узнавать о судьбѣ Ник. Ив., но, протомившись нѣсколько часовъ въ разныхъ канцеляріяхъ, только и узналъ, что на другой день, въ воскресенье, въ день и часъ, назначенные для нашего вѣнчанія, Николая Ивановича „привезутъ“ въ его квартиру проститься съ матерью и съ невѣстой, затѣмъ увезутъ въ Петербургъ.

Мой вотчимъ, послѣ своего мытарства по канцеляріямъ, проѣхалъ къ Татьянѣ Петровнѣ, чтобы выразить ей свое глубокое участіе въ ея и нашей общей скорбной долѣ и передать о предстоящемъ свиданіи ея съ сыномъ на слѣдующій день. Татьяна Петровна спросила обо мнѣ. Добрый мой папа отвѣтилъ, что я прорвусь къ ней и что вѣроятно явлюсь къ ней поутру, чтобы провести съ нею весь день въ ожиданіи свиданія съ Николаемъ Ивановичемъ.

Я все еще не сознавала и не предчувствовала, что наступаетъ моментъ окончательной разлуки моей съ женихомъ.

Нелегко было мнѣ глядѣть на лежавшее въ моей комнатѣ, на диванѣ, прикрытое кисеей, подвѣнечное платье, убранное цвѣтами.

Я заливалась горючими слезами. Мать моя велѣла унести это платье въ гардеробную и спрятать... Папа былъ блѣденъ и молчаливъ; сестра не переставала плакать и занемогла отъ огорченія. Никто изъ насъ не прикоснулся къ пищѣ во весь день той ужасной субботы 29-го марта — и подъ гнетомъ невыносимаго тяжелаго состоянія мы всѣ ранѣе обыкновеннаго времени разошлись по своимъ комнатамъ на ночной отдыхъ.

Можно себѣ представить, подъ какимъ впечатлѣніемъ проведена эта ночь всѣми членами нашей семьи!

Въ воскресенье утромъ, 30-го марта, я стала собираться къ Татьянѣ Петровнѣ на цѣлый день. Въ силу привычки пользоваться на правахъ невѣсты нѣкоторой свободой времяпровожденія, я попросила маму велѣть заложить въ „мою“ колясочку лошадей. „Поѣду къ несчастной матери моего жениха!“

Мама быстро одѣлась, поѣхала со мной и оставалась весь день у Татьяны Петровны. Только впослѣдствіи, когда мнѣ приходилось задумываться надъ пережитымъ, я стала догадываться, что у моей матери, тотчасъ по арестованіи Николая Ивановича, сложилось убѣжденіе въ его виновности и неотвратимой гибели, а также непреклонное рѣшеніе не допустить меня до брака съ Николаемъ Ивановичемъ, который, какъ „политическій преступникъ“ того времени, не могъ ожидать для себя пощады и воз-

вращенія въ общество, въ которомъ вращался до ареста, къ дѣятельности, имъ избранной и поглощавшей всѣ его помыслы.

Убитыя горемъ и утомленныя безсонною, тревожною ночью, мы съ Татьяной Петровной протомились весь день въ ожиданіи вечера, когда „привезутъ“ нашего страдальца. Въ шесть часовъ пополудни онъ пріѣхалъ, въ сопровожденіи полицеймейстера и жандармскаго штабъ-офицера. Наше свиданіе было потрясающее. Николай Ивановичъ плакалъ, обнималъ меня и, прижимая мое исплаканное лицо къ своей груди, твердилъ: „Я не преступникъ, вѣрь мнѣ, я не преступникъ! Что бы ни постигло меня, знай одно, что я люблю тебя, моя Алина, и съ этой любовью въ гробъ пойду“. Ни о чемъ онъ не просилъ ни свою мать, ни мою. Видъ его былъ измученный, убитый.

Жандармскій полковникъ былъ немного знакомъ съ моей матерью. Онъ утѣшалъ насъ всѣхъ, какъ умѣлъ; полицеймейстеръ торопилъ прощаться...

Простились. Намъ было сказано, что Николая Ивановича повезутъ сейчасъ къ губернатору (которымъ былъ въ то время добрѣйшій Фундуклей, лично знавшій Николая Ивановича), а оттуда немедленно отправятъ въ Петербургъ.

Моя мама предложила Татьянѣ Петровнѣ переѣхать къ намъ во флигель на жительство, но она не приняла этого предложенія, отговариваясь тѣмъ, что ей никакъ нельзя покинуть квартиру съ опечатаннымъ кабинетомъ: что-нибудь неожиданное съ нимъ или съ печатями случится, и ее сдѣлаютъ виноватой, привлекутъ къ отвѣтственности, а это помѣшаетъ ей поѣхать въ Петербургъ, чтобы узнать о сынѣ, и переселиться туда, куда заточатъ или сошлютъ его. Какъ и когда состоится ея поѣздка—объ этомъ не было рѣчи.

Мы уѣхали домой. На другое утро мать моя, увидѣвъ мои глаза и лицо распухшими отъ слезъ, подозвала меня къ себѣ, приласкала и объявила, что по совѣту добрѣйшаго папеньки мы поѣдемъ въ Петербургъ съ Татьяной Петровной, такъ какъ было бы непростительно бросить ее въ такомъ тяжкомъ горѣ и отпустить одинокою въ такой дальній путь; притомъ же мы не только поможемъ ей поскорѣе узнать о судьбѣ ея сына, но и сами не будемъ томиться неизвѣстностью.

Мы отправились къ Татьянѣ Петровнѣ съ такимъ предложеніемъ. Она приняла его охотно, тѣмъ болѣе, что жандармы и полиція пріѣзжали къ ней, сняли печати съ дверей кабинета и увезли *всѣ* бумаги и библіотеку Н. И.

Стали готовиться къ путешествію.

Въ то время желѣзныхъ дорогъ не было. Приходилось ѣхать 1.230 верстъ на почтовыхъ. Такъ какъ было начало апрѣля, то, въ виду распутицы, представлялось затрудненіе въ выборѣ экипажа, въ которомъ бы можно было совершить путешествіе, не рискуя засѣсть гдѣ-либо на дорогѣ съ поломанными колесами, осями или рессорами. Совѣтовали намъ обождать двѣ-три недѣли, пока дороги нѣсколько просохнутъ и станутъ удобнопроѣздными, но Татьяна Петровна и я на это не согласились и торопили отъѣздомъ.

Добрая Л. О. Де-Мельянъ (начальница образцоваго пансіона, гдѣ я воспитывалась), незадолго передъ тѣмъ овдовѣвшая, собиралась и сама покинуть Кіевъ, гдѣ она проживала единственно для поддержанія силъ своего престарѣлаго мужа; но такъ какъ она считала своимъ долгомъ довести свою педагогическую дѣятельность въ пансіонѣ до конца учебнаго 1846—47-го года, то и намѣтила на іюль 1847-го года свой переѣздъ въ Курляндію, гдѣ намѣрена была посвятить себя уходу за престарѣлой матерью, баронессою Бринкенъ. Г-жа Де-Мельянъ спросила мою мать, обезпечены ли мы надежнымъ экипажемъ, и, услыхавъ, что у насъ нѣтъ дорожнаго, а имѣются только городскіе экипажи, предложила намъ свой, вѣнскій, легкій и очень прочный, въ которомъ она ѣздила на почтовыхъ со своимъ покойнымъ мужемъ въ Одессу и другія мѣста. Зная, что г-жа Де-Мельянъ предполагаетъ въ іюлѣ переѣхать въ Митаву, мать моя поспѣшила увѣрить Лауру Осиповну, что не только въ іюлѣ, но гораздо ранѣе экипажъ будетъ ей въ цѣлости и съ признательностью возвращенъ, такъ какъ болѣзненное состояніе моего вотчима таково, что мать не можетъ слишкомъ долго оставаться въ Петербургѣ и оставлять бѣднаго больного на попеченіи семнадцатилѣтней своей дочери (моей старшей сестры), не обладающей ни особенно хорошимъ здоровьемъ, ни опытомъ.

Дорогая, глубокочтимая Николаемъ Ивановичемъ и мною г-жа Де-Мельянъ проявляла трогательное участіе къ его печальной судьбинѣ и къ тяжкому горю, постигшему его мать и меня на расцвѣтѣ жизни.

Мой вотчимъ похлопоталъ о снабженіи насъ паспортами и подорожной; наши чемоданы скоро были готовы, и мы—двѣ матери и я, да Ѳома на козлахъ въ роли лакея,—двинулись въ путь 6-го апрѣля. Прощаніе наше съ вотчимомъ и сестрой было болѣе чѣмъ грустнымъ. Никто не могъ тѣшить себя надеждами на хорошій исходъ дѣла Николая Ивановича. Всѣ (кромѣ меня, конечно) тогда знали, что администрація края старалась выста-

вить передъ высшею правительственною властью свое усердіе, свое недремлющее око и потому находила нужнымъ во всѣхъ дѣлахъ политическаго характера дѣлать изъ мухи слона; всѣ знали, что попавшемуся въ передѣлку по политическому дѣлу врядъ ли возможно ожидать освобожденія, и насъ, близкихъ къ Николаю Ивановичу, еще болѣе удручала неизвѣстность, въ чемъ именно его обвиняли.

Весенній разливъ Днѣпра и переправа черезъ него на „дубѣ“ (большое судно), съ экипажемъ и четверикомъ почтовыхъ лошадей, неспокойно переносившихъ качку „дуба“ волной, наводили ужасъ на мою мать: ея нервное состояніе передавалось другимъ, переправлявшимся съ нами на другой берегъ широкой рѣки. Достигли мы, наконецъ, этого берега; ямщикъ съ Ѳомой привели въ порядокъ упряжку, и мы довольно скоро достигли первой почтовой станціи—Бровары, такъ какъ путь къ ней съ недавняго времени былъ шоссированъ, во избѣжаніе странствованія по сыпучимъ пескамъ, представлявшимъ истинное мученіе для ѣхавшихъ по лѣвому берегу Днѣпра.

У самаго подъѣзда станціи мы застали перекладную телѣжку, въ которую торопливо впрягали тройку лошадей. Возлѣ телѣги бродилъ, перекачиваясь, путникъ, сопровождаемый двумя жандармами. Невольно мы въ одинъ голосъ воскликнули: „Еще одинъ арестованный!“ Татьяна Петровна прибавила: „Тарасъ Григорьевичъ Шевченко“. По его „Кобзарю“ я была уже съ нимъ знакома. Николай Ивановичъ не разъ читалъ мнѣ наизусть поэтическія произведенія „Тараса“, но въ лицо я его не знала и здѣсь увидѣла въ первый и послѣдній разъ въ жизни. Услыхалъ ли онъ откликъ Татьяны Петровны или узналъ ее и Ѳому, но не прошло и минуты, какъ „Тарасъ“ подошелъ къ нашему экипажу и со слезой, блеснувшей въ его сѣрыхъ глазахъ, надломленнымъ голосомъ проговорилъ:

„Отце жъ бідна Миколина мати, а це, мабудь, ёго молодесенька дружиноnька. Ой, лихо, лихо тяжке, горенько матерям и дівчині“.

Произнеся такое выраженіе скорби, Тарасъ Григорьевичъ перецѣловался съ нами. Жандармскій офицеръ подошелъ и ласково попросилъ его проститься съ нами и садиться въ повозку. „Тарасъ“ успѣлъ только сказать намъ, что лично о себѣ онъ не горюетъ, потому что онъ одинокъ, „бобыль“, а „Миколи мені жаль, бо в його е мати й дружиноnька і вин нічимъ не винен, хиба тим, що зо мною побратався. Прости жъ мене, матінько, і не кляни!“ Онъ снова перецѣловался съ нами,

сѣлъ съ жандармами въ телѣгу, тройка курьерскихъ лошадей подхватила съ мѣста вскачь, ямщикъ лихо засвисталъ — и не долго намъ пришлось видѣть повозку съ неуклюжей фигурой „Тараса“, поднявшаго высоко надъ своей головой шапку и махавшаго ею въ знакъ прощанія съ нами.

Пока намъ запрягали лошадей, мы молчали, потрясенныя этимъ неожиданнымъ свиданіемъ съ Тарасомъ, а когда лошади наши тронулись и звонъ колокольчика, покрикиванія нашего ямщика и его посвистыванія могли свидѣтельствовать, что ямщикъ не услышитъ нашей бесѣды, мы стали на всѣ лады разсуждать и дѣлать догадки — почему дружеское отношеніе къ Тарасу могло повести къ аресту Николая Ивановича, что такое могъ совершить преступное этотъ добродушный народный поэтъ, чтобы вовлечь въ бѣду нашего Николая Ивановича. Разумѣется, ни до чего мы не додумались и не договорились.

У меня нѣтъ достаточно яркихъ словъ для описанія этого во всѣхъ отношеніяхъ тяжкаго путешествія нашего. Не говоря уже о причинѣ, заставившей его предпринять, скажу только, что тысячу верстъ мы проѣхали по глинистой почвѣ, едва оттаявшей послѣ зимняго замерзанія, представлявшей красноватую жидкость, сквозь которую колеса экипажа вязли въ толстомъ слоѣ густой глины, лежавшемъ на помостѣ изъ толстыхъ бревенъ, положенныхъ поперекъ пути. Мы прорѣзали этотъ слой и прыгали по этимъ бревнамъ. Тряска была невообразимая: насъ подбрасывало, въ особенности когда мы тащились въ гору или спускались подъ гору: тогда казалось, что мы ѣдемъ по ступенямъ лѣстницы. Безъ этихъ бревенъ глубокая и вязкая глинистая пучина засосала бы и лошадей, и экипажъ, и путниковъ. Измученныя лошади на такихъ мѣстахъ шли шагомъ, то подбодряемыя ласковыми прибаутками ямщика, то подхлестываемыя кнутомъ. На каждой станціи мы принуждены были выходить изъ экипажа, чтобы хоть немного расправить свои утомленные члены, а иногда и подкрѣпиться чаемъ и крутыми яйцами, такъ какъ ничего иного на почтовыхъ станціяхъ достать было невозможно. На ночлегъ мы тоже останавливались, но только на такое время, когда темнота мѣшала видѣть дорогу: мы боялись опрокинуться и переломать не только экипажъ, но и свои кости.

Послѣ одного ночлега на станціи, верстъ за триста до Петербурга, поутру, когда экипажъ былъ уже запряженъ и Ѳома, доложивъ намъ объ этомъ, забралъ и унесъ чемоданы, чтобы привязать ихъ какъ слѣдуетъ, вошелъ къ намъ въ комнату станціонный смотритель и, извиняясь за свою нескромность, спро-

силъ: не ѣдемъ ли мы въ Петербургъ вслѣдъ за дорогимъ путникомъ въ золотыхъ очкахъ, провезеннымъ жандармами на курьерскихъ, по подорожной, въ которой была прописана фамилія жандармовъ, ѣдущихъ не съ *будущимъ*, какъ всегда это пишется, а *съ арестованнымъ лицомъ*. Мы отвѣтили, что именно за тѣмъ и ѣдемъ по такой ужасной дорогѣ, чтобы поскорѣе видѣться съ этимъ арестованнымъ. При видѣ нашихъ слезъ станціонный смотритель вынулъ изъ своего кармана маленькое письмецо, написанное торопливой рукой, и почему-то подалъ его мнѣ, взявши съ меня слово уничтожить его, не доѣзжая до Петербурга. Обѣ матери и я поблагодарили смотрителя, усѣлись немедля въ экипажъ и уже въ дорогѣ я прочла вслухъ письмо Николая Ивановича, обращенное ко мнѣ. То былъ вопль наболѣвшей души, разбитыхъ надеждъ и тяжкихъ ожиданій—вопль, заканчивавшійся буквально такъ: „Что бы ни постигло меня, знай и вѣрь, что я не преступникъ, что люблю тебя, моя Алина, всѣми силами души и съ этою любовью въ гробъ сойду". Чтеніе мое прерывалось горючими слезами. Мать моя была видимо взволнована; Татьяна Петровна, блѣдная и бездвижная, не выронила ни слезы, ни вздоха и походила на истукана. Въ продолженіе пути я нѣсколько разъ принималась перечитывать горькія строки Николая Ивановича, пока, наконецъ, мать моя не взяла у меня изъ рукъ этого письмеца и, разорвавъ на мелкіе кусочки, не разметала ихъ по дорогѣ, напомнивъ мнѣ данное смотрителю слово не ввозить письма въ столицу: нежданный визитъ къ намъ жандармовъ могъ подвергнуть добраго человѣка строгой отвѣтственности за передачу письма отъ „арестованнаго лица". Такъ мы ѣхали цѣлую недѣлю, пока, наконецъ, добрались до станціи, черезъ которую пролегало шоссе отъ Варшавы до Петербурга.

Отъ этой станціи путь нашъ представлялся намъ настолько же удобнымъ и безопаснымъ, насколько предыдущій былъ утомителенъ и держалъ насъ въ постоянномъ страхѣ, въ постоянномъ опасеніи, что вотъ-вотъ опрокинемся, поломаются колеса или оси, или лопнутъ рессоры и мы засядемъ гдѣ-либо на дорогѣ, пока насъ не извлекутъ изъ болотной пучины и доставятъ на ближайшую станцію, чтобы хлопотать о починкѣ и терять дорогое время.

У подъѣзда къ станціи насъ обогналъ запряженный шестеркой почтовыхъ лошадей дилижансъ и бойко подкатилъ къ крыльцу. Изъ дилижанса вышли одинъ за другимъ пять пассажировъ различнаго возраста и одна очень молодая, стройная

дама, съ карими глазами, яркимъ румянцемъ и чертами лица, по которымъ легко было узнать красивую малороссіянку. Едва мы вошли въ отдѣльную комнату, какъ эта элегантная путешественница вбѣжала къ намъ и произнесла:

„Позвольте и мнѣ пообѣдать съ вами въ этой комнатѣ. Я такъ устала, ѣдучи изъ Варшавы во всѣ эти дни въ обществѣ пятерыхъ незнакомыхъ мужчинъ...“

— Вы ѣдете въ Петербургъ, какъ и мы? — спросила моя мать.

„Да, ѣду къ мужу“,—отвѣчала наша незнакомка, какъ бы опасаясь, чтобы мы не приняли ее за искательницу приключеній.

— Мы ѣдемъ также въ Петербургъ,—сказала я,—и мнѣ бы очень хотѣлось узнать вашу фамилію.

Мать моя вздвинула плечами въ знакъ неодобренія моей назойливости. Я пристально глядѣла на молодую женщину. Она покраснѣла и отвѣтила: „Бѣлозерская“.

— M-me Кулишъ! — перебила я и взяла ее за руки.

„Господи! откуда же вы это знаете!“—воскликнула она, оглядываясь по сторонамъ и понижая голосъ, словно она стала подозрѣвать въ числѣ пяти своихъ спутниковъ негласнаго стражника, сопровождающаго ее изъ Варшавы и прикидывающагося, будто никто ея не знаетъ.

— Я узнала васъ по описанію мнѣ вашей внѣшности и въ особенности по родинкѣ, украшающей ваше лицо. Мнѣ много говорили о васъ вообще.

„Да кто же говорилъ вамъ обо мнѣ?“

— Бѣдный нашъ Николай Ивановичъ, арестованный наканунѣ своей свадьбы и увезенный жандармами въ Петербургъ,— отвѣчала я съ неудержимымъ волненіемъ и горестью.

„Такъ вы Алина, его невѣста! Неужели? А это—двѣ матери!..“

Мы обмѣнялись поцѣлуями, поплакали.

Она сообщила, что также ѣдетъ узнать о судьбѣ своего мужа, котораго арестовали въ Варшавѣ, захвативши на пути за границу. Насъ сразу сблизила общая наша печаль: ея — о мужѣ, моя—о женихѣ. Но я почувствовала и нѣкоторую зависть къ ея судьбѣ: ея ужъ никто не разлучитъ съ мужемъ, какая бы участь его ни постигла, а меня, шестнадцати-лѣтнюю, неопытную дѣвчонку, кто же пуститъ не только на какую-либо далекую окраину, куда зашлютъ Николая Ивановича, но и на свиданіе, въ крѣпость, гдѣ онъ заключенъ! Невѣста—не то, что мать или

жена: у тѣхъ есть священныя права, которыя онѣ могутъ предъявить, а у невѣсты что? Однѣ слезы...

Обѣдъ на станціи былъ непродолжителенъ. Кондукторъ дилижанса протрубилъ въ рожокъ призывъ къ отъѣзду. Александра Михайловна Кулишъ (рожденная Бѣлозерская) сердечно простилась съ нами, впорхнула въ дилижансъ и любезно проговорила, что надѣется видѣться и бесѣдовать съ нами на каждой станціи во время перепряжки лошадей въ дилижансѣ и въ нашемъ экипажѣ.

На другой день мы доѣхали до Петербурга. Александра Михайловна Кулишъ была встрѣчена своимъ роднымъ братомъ [1]) и помѣстилась у него на квартирѣ, а мы направились въ гостинницу. Черезъ нѣсколько дней мы переѣхали на Моховую улицу, въ домъ Поккіева, гдѣ проживали молодые люди—братья Тепловы (Михаилъ и Василій Николаевичи), сыновья старинной пріятельницы моей матери, и гдѣ нашли для насъ удобную квартиру. Тамъ мы и пребывали два съ половиною мѣсяца, т.-е. вплоть до того времени, когда мы узнали, что Николай Ивановичъ безповоротно приговоренъ къ заключенію на годъ въ Петропавловской крѣпости и затѣмъ къ ссылкѣ въ Вятку безсрочно.

Первый мѣсяцъ нашего пребыванія въ Петербургѣ мы провели въ безплодныхъ развѣдкахъ о мѣстонахожденіи нашего арестованнаго. Татьяна Петровна никуда не обращалась: она ждала свѣдѣній о своемъ несчастномъ сынѣ лишь отъ моей матери и ея знакомыхъ. Прежде всего мать моя отправилась со мной къ незнакомой особѣ, отъ которой, по ея положенію общественному и связямъ, по ея личнымъ качествамъ и теплымъ дружескимъ отношеніямъ къ нашей дорогой Лаурѣ Осиповнѣ Де-Мельянъ, мы могли ожидать помощи въ нашемъ скорбномъ дѣлѣ. То была статсъ-дама Прасковья Ивановна Мятлева. Мы явились къ ней съ письмомъ отъ Лауры Осиповны и были приняты почтенной старушкой радушно, родственно. Прочитавъ письмо, она передала его для прочтенія находившейся въ то время у нея дочери своей—Варварѣ Петровнѣ Бибиковой (супругѣ Ильи Гавриловича) и, глядя на меня съ видимымъ участіемъ и жалостью, замѣтила матери моей, что, помимо нежданнаго нашего горя, болѣе чѣмъ рискованно рѣшаться отдавать замужъ 16-лѣтнюю дѣвочку.

Наша просьба помочь намъ разыскать Николая Ивановича

---

[1]) Василіемъ Михайловичемъ Бѣлозерскимъ.

принята было Прасковьей Ивановной близко къ сердцу; она обѣщала поручить своимъ зятьямъ (Галахову, тогдашнему с.-петербургскому оберъ-полицеймейстеру, и Бибикову) и близкимъ людямъ добыть необходимыя для насъ свѣдѣнія. Я расплакалась. У старушки навернулись слезы, и она сказала:

„Не плачь, дитя мое: отъ нашей дорогой Лауры знаю о тебѣ и раздѣляю ея привязанность къ тебѣ. Погости у меня, познакомься съ моими внучками: онѣ, кажется, тебѣ по возрасту“.

По желанію старушки, компаньонка ея тотчасъ позвала въ гостиную двухъ юныхъ Бибиковыхъ. Когда я увидѣла этихъ моихъ ровесницъ въ коротенькихъ полудѣтскихъ платьицахъ, мнѣ стало какъ-то неловко входить съ ними въ сообщество: онѣ—дѣти—прибѣжали на зовъ бабушки, скользя по паркету, словно на конькахъ по льду, а я—исплакавшаяся, пришибленная горемъ невѣста! Разговоръ между нами не вязался, и я рада была движенію моей матери, показывавшему, что визитъ нашъ оконченъ.

П. И. Мятлева черезъ своихъ близкихъ людей, съ одной стороны, мать моя—черезъ своихъ знакомыхъ, съ другой, узнали, что Николай Ивановичъ содержится въ III-мъ отдѣленіи Собственной Его Величества Канцеляріи. Шефомъ жандармовъ былъ въ то время графъ (впослѣдствіи князь) Орловъ, а его ближайшимъ помощникомъ—генералъ Леонтій Васильевичъ Дуббельтъ. Послѣдній, какъ оказалось, бывалъ, въ качествѣ знакомаго, въ домѣ моихъ родителей въ Вильнѣ во времена польской революціи 1831 г., когда полкъ моего отца стоялъ тамъ. Одновременно съ полученіемъ этихъ свѣдѣній, намъ дали такія же и въ канцеляріи коменданта С.-Петербургской Петропавловской крѣпости, куда мы съ матерью ѣздили узнавать — не содержится ли тамъ въ заключеніи Николай Ивановичъ; намъ отвѣтили, что Костомаровъ не состоитъ въ числѣ узниковъ крѣпости, и такъ какъ дѣло его, повидимому, политическое, то, вѣроятно, производится оно въ III-мъ Отдѣленіи, гдѣ и содержится подсудимый.

О фамильномъ прозвищѣ того, кто былъ въ то время комендантомъ, мать моя не спросила.

Двѣ матери и я отправились къ Дуббельту. Онъ принялъ насъ очень любезно, припоминалъ давнишнее знакомство съ моими родителями, но когда рѣчь коснулась о дозволеніи намъ повидаться съ Николаемъ Ивановичемъ, онъ сказалъ, что это рѣшительно невозможно ранѣе того времени, когда дѣло окончится и опредѣлится участь подсудимаго. Слезы брызнули изъ моихъ глазъ. Леонтій Васильевичъ сказалъ:

„Видно вы ужъ очень любите жениха, что такъ о немъ печалитесь. Полюбите давняго знакомаго старичка, носившаго васъ на рукахъ, и вашему жениху станетъ полегче“.

При этихъ словахъ Дуббельтъ пытался привлечь меня къ себѣ.

— Пусть же станетъ, тогда и полюблю васъ всей душой; а пока Николай Ивановичъ у васъ въ неволѣ — возможно ли васъ любить? — отвѣтила я, освобождаясь отъ объятій „старичка“.

Дуббельтъ мгновенно преобразился; любезный тонъ его перешелъ въ оффиціально-холодный, и онъ сказалъ, обращаясь къ Татьянѣ Петровнѣ:

„Вамъ, г-жа Костомарова, дозволено будетъ повидаться съ сыномъ здѣсь завтра же, и никому болѣе“.

Я отворотилась отъ Дуббельта, утирая слезы; мать моя стала прощаться съ нимъ. Онъ какъ будто смягчился и проговорилъ:

„Для васъ и вашей юной невѣсты остается одно — подождать, пока не перевезутъ преступника въ Петропавловскую крѣпость, куда онъ, по великому милосердію Государя, будетъ заключенъ вмѣсто висѣлицы, которую заслужилъ. Въ должности коменданта крѣпости состоитъ Иванъ Никитичъ Скобелевъ, такой же вашъ старый знакомый по Вильно, какъ и я, и тамъ свиданіе съ преступникомъ, вѣроятно, будетъ вамъ разрѣшено. Г-жа Костомарова, навѣдываясь сюда, освѣдомится о времени перемѣщенія ея сына въ Петропавловскую крѣпость и о дальнѣйшей его судьбѣ“.

Дни шли за днями въ ожиданіи печальной развязки. Мать моя многозначительно и часто заводила разговоръ о бесѣдѣ съ Дуббельтомъ, всегда подчеркивая выраженія: „преступникъ, висѣлица, милосердіе Государя“. Только впослѣдствіи, въ болѣе зрѣломъ возрастѣ, я поняла, что дѣлалось это съ цѣлью внушить мнѣ страхъ къ какимъ-то „темнымъ преступленіямъ“ Николая Ивановича и заставить додуматься, что лучше быть отъ него подальше. Въ то тяжкое время мать моя слѣпо вѣрила, что Николай Ивановичъ былъ однимъ изъ руководителей какого-то преступнаго политическаго заговора и, понятно, старалась отдалить отъ своей юной дочери всякую мысль о возможности раздѣлить участь „преступника“. Однако, моя мать страдала все-таки моимъ горемъ и не рѣшалась поступать со мною слишкомъ круто. Она оставалась со мною въ Петербургѣ ждать не только конфирмаціи по дѣлу Николая Ивановича, но и того времени, когда намъ позволено будетъ свиданіе въ крѣпости.

Весна въ тотъ годъ была ранняя и теплая. Въ первыхъ числахъ мая было такъ жарко, что даже мы, южанки, выходили на улицу въ лѣтней одеждѣ. Прасковья Ивановна Мятлева, катаясь въ открытой коляскѣ, не разъ въѣзжала во дворъ дома Поккіева на Моховой улицѣ, гдѣ мы квартировали, и поручала сопровождавшей ее компаньонкѣ зайти къ намъ и пригласить меня прокатиться съ ними. Въ одну изъ такихъ прогулокъ, Прасковья Ивановна сказала мнѣ, чтобы я пріѣхала къ ней 7-го мая рано утромъ и съ нею побывала у обѣдни въ домовой церкви, а затѣмъ пріѣхала бы къ ней на дачу въ Знаменское (по петергофской дорогѣ) и тамъ погостила бы недѣльку-другую или сколько мнѣ покажется нескучнымъ.

Мы съ мамой узнали, что 7-ое мая — день рожденія г-жи Мятлевой и что всегда въ этотъ день у нея бываетъ большой съѣздъ родныхъ и знакомыхъ. Мать заказала для меня бѣлое тарлатановое платье съ блѣдно-розовымъ кушакомъ изъ муаровой ленты и бѣлую тюлевую шляпку съ пучками блѣдно-розовыхъ розъ, заказала также букетъ свѣжихъ цвѣтовъ и въ такомъ видѣ доставила на домъ г-жи Мятлевой, гдѣ и поручила меня попеченію Наталіи Филипповны Минюшской [1]) (падчерицы г-жи Де-Мельянъ). Прасковья Ивановна приняла очень тепло мое поздравленіе и букетъ, представила меня всѣмъ своимъ гостямъ, и всѣ единогласно выражали свое соболѣзнованіе и изумленіе по поводу такой ранней помолвки и трагической катастрофы, постигшей меня наканунѣ вѣнчанія. Продолжительное сидѣнье за параднымъ обѣдомъ, новизна невиданной мною прежде роскошной обстановки, блестящей знатной публики — и неотвязная мысль о мрачномъ казематѣ, гдѣ томился и, быть можетъ, голодалъ Николай Ивановичъ, въ то время, какъ я, разряженная куколкой, отвѣдывала дорогія яства среди великосвѣтской толпы, возсѣдавшей за столомъ, убраннымъ массою дорогихъ серебряныхъ вазъ и канделябръ, яркими букетами благоухающихъ розъ и иныхъ цвѣтовъ—все это такъ взволновало меня, что въ глазахъ у меня помутилось и мнѣ сдѣлалось такъ дурно, что сосѣдки мои по куверту, внучки Прасковьи Ивановны, вывели меня изъ-за стола въ сосѣдній залъ, откуда, уже въ глубокомъ обморокѣ, я была перенесена въ помѣщеніе Н. Ф. Минюшской, въ томъ же домѣ. Все это сдѣлано было безъ шума и суеты; никто, кромѣ ближайшихъ по мѣстамъ лицъ, не замѣтилъ, какъ

[1]) Здѣсь кстати оговорить опечатку, вкравшуюся въ началѣ записокъ („Вѣстн. Европы“, іюнь 1910 г.): на стр. 198, вторая строка сверху напечатано Минготскій, слѣдуетъ читать: Минюшскій. — *В. К.*

меня ловко вывели, пробираясь за колоннами, къ которымъ примыкалъ обѣденный столъ. Мнѣ передавала Н. Ф. Минюшская, что когда въ концѣ обѣда всѣ гости подходили къ Прасковьѣ Ивановнѣ съ бокалами шампанскаго, чтобы еще разъ выразить ей всякія пожеланія, старушка замѣтила, что я не подходила, и окликнула меня. Ей сказали, что мнѣ сдѣлалось дурно, и что я лежу у Наталіи Филипповны. „Доктора! M-r Адамсъ, взгляните на малютку! Вотъ до чего она уже разстроена нервами въ шестнадцать лѣтъ!"—заволновалась добрая старушка. Ее успокоили, что обморокъ уже прошелъ, и я собираюсь вновь явиться. Прасковья Ивановна потребовала къ себѣ подносъ съ полнымъ бокаломъ шампанскаго, чокнулась съ нимъ своимъ бокаломъ и, проговоривши, что пьетъ за здоровье своей юной гостьи „кіевляночки", поручила отнести полный бокалъ ко мнѣ, обложивши его всякаго рода сластями и рѣдкими по времени плодами.

Вспоминаю съ такими подробностями о тепломъ отношеніи ко мнѣ Прасковьи Ивановны съ тѣмъ большей признательностью, что она ни разу не выразила мнѣ совѣта разойтись навсегда съ Николаемъ Ивановичемъ. Напротивъ, дождавшись конфирмаціи, о которой, по порученію Прасковьи Ивановны, узналъ зять ея, оберъ-полицеймейстеръ Галаховъ, и передалъ ея содержаніе, старушка при появленіи нашемъ на дачѣ въ Знаменскомъ, куда мы ѣздили, чтобы проститься передъ отъѣздомъ въ Кіевъ, обратилась къ моей матери съ просьбой оставить меня въ Петербургѣ въ ея семьѣ и на ея личномъ попеченіи, а ко мнѣ проговорила:

„Проси, крошка, свою маму довѣрить тебя моему сердцу— и оставайся у меня. Богъ милостивъ, годъ пройдетъ безъ особыхъ случайностей для твоего жениха, а за это время ты у меня начнешь расцѣтать; черезъ годъ я повѣнчаю тебя съ нимъ да и снаряжу въ далекій путь — въ Вятку; здѣсь же предоставлю тебѣ первокласснаго учителя музыки, чтобы ты не скучала и имѣла любимое занятіе".

Такое предложеніе покоробило мою мать. Поблагодаривши Прасковью Ивановну, мать проговорила:

— Отецъ и я загрустимъ безъ нашей Алины, а относительно уроковъ музыки позволяю себѣ повторить слова величайшаго изъ артистовъ — Листа, что ей нужна вѣнская консерваторія [1]), и не ради техники, которую не только онъ, но и вы, добрѣйшая Прасковья Ивановна, нашли превосходною, а для изученія теоріи

---

[1]) Въ Россіи еще не было ни одной консерваторіи въ то время.

въ такой полнотѣ, которая необходима для композиціи. Петербургъ не можетъ ей этого предоставить, а въ Вѣну мы не рѣшаемся отпустить нашу молоденькую дочку. Пусть она поупражняется дома: Кіевъ посѣщается знаменитыми артистами—они будутъ руководить ея занятіями.

Старушка не ожидала отказа и, видимо, была недовольна. Мнѣ казалось, что, помимо желанія сдѣлать доброе дѣло, ее главнымъ образомъ увлекала мысль оказать возможную поддержку одной изъ любимѣйшихъ г-жею Де-Мельянъ воспитанницъ ея образцоваго пансіона. О будущей судьбѣ моей Пр. Ив. больше уже не упоминала, сознавая, вѣроятно, что у моей матери твердо сложились новые виды и новыя надежды. Я очень плакала, прощаясь съ доброй старушкой.

Между тѣмъ мать моя исхлопотала у Ивана Никитича Скобелева дозволеніе всѣмъ намъ повидаться съ Николаемъ Ивановичемъ. Былъ день 14-го іюня. Мы явились къ доброму коменданту, выразившему удовольствіе отъ нежданной встрѣчи съ такими старинными знакомыми, какъ моя мать и я. Обращаясь ко мнѣ, онъ произнесъ:

„Такъ вотъ эта чернавка, которую въ Вильнѣ подносила кормилица къ моимъ эполетамъ, а чернавка ухищрялась зацѣпить и тянуть мишурную нитку! Какъ же это твой желанный угодилъ въ крѣпость? Но ты не плачь: я его, варвара, изюмомъ кормлю".

Пока велись эти переговоры, въ кабинетъ ввели Николая Ивановича. Очки были у него отобраны, и онъ, по своей близорукости, узналъ насъ только тогда, когда мы окликнули его. Свиданье наше было краткое и удручающее. Моя мать обѣщала Николаю Ивановичу привезти меня въ Вятку.

Въ послѣднихъ числахъ іюня мы съ мамой возвратились въ Кіевъ. Татьяна Петровна осталась въ Петербургѣ, чтобы навѣщать своего сына-узника въ крѣпости по пятницамъ, и затѣмъ сопровождать его въ Вятку.

Въ Кіевѣ потекла жизнь очень тяжелая для меня. Я и сестра моя подверглись строжайшему надзору моей матери. Насъ устраняли отъ бесѣдъ съ двумя Гальками (Аннами), перевезенными со всѣмъ домашнимъ скарбомъ Костомаровыхъ на попеченіе моихъ родителей, во флигель того дома, гдѣ была наша квартира.

Эти Гальки, двѣ родныя сестры, были крѣпостныя Татьяны Петровны. Отецъ ихъ былъ сосланъ въ Сибирь за кражу, учиненную въ домѣ Татьяны Петровны, а дочерей его она взяла себѣ въ услуженіе подъ тѣмъ предлогомъ, что у нихъ не было

матери. Когда имѣніе было продано, Ѳомѣ, по просьбѣ Ник. Ив., дана была „вольная", а бѣдныхъ Галекъ привезли въ Кіевъ крѣпостными. Онѣ говорили, что Никол. Ив. постоянно просилъ свою матушку отпустить и ихъ на волю; она сердилась, иногда обѣщала, иногда отказывала наотрѣзъ и тѣмъ раздражала Ник. Ив. до безконечности. Гальки объясняли ея упорство властолюбіемъ, свойственнымъ грубымъ и „низкаго" происхожденія людямъ, попавшимъ въ дворянство. По ихъ словамъ, Татьяна Петровна была крѣпостная „дѣвка", такая же, какъ и онѣ, покойнаго Ивана Петровича Костомарова; онъ прижилъ съ нею сына за четыре года до брака — и этотъ сынъ именно и есть Николай Ивановичъ. Гальки разсказали, что мать и сынъ живутъ не мирно: у Татьяны Петровны нравъ крутой и она „сгнущаеться" надъ сыномъ, не допуская его до женитьбы, чтобы не было другой хозяйки въ домѣ помимо ея самой. Такъ было въ Харьковѣ, когда Ник. Ив. посватался тамъ къ какой-то гувернанткѣ; такъ было и теперь въ Кіевѣ.

О Николаѣ Ивановичѣ Гальки разсказывали, что онъ очень горячаго „нрава"—вдругъ взволнуется, закричитъ на весь дворъ, и послѣ каждой домашней сцены такъ страдаетъ головною болью, что его „отливаютъ" холодной водой, а мать уходитъ тогда въ свою комнату и до тѣхъ поръ не является на глаза сыну, пока тотъ не придетъ къ ней въ комнату и на колѣняхъ не испроситъ прощенія за свою вспыльчивость.

Всѣ эти свѣдѣнія о происхожденіи и образѣ жизни Костомаровыхъ были, разумѣется, переданы моей матери другими нашими слугами съ подробностями, когда мы возвратились изъ Петербурга—и тутъ ужъ мать моя считала своимъ материнскимъ долгомъ неустанно объяснять мнѣ всю „мерзость" брачной и родственной связи съ этими „мужиками", изъ которыхъ „незаконнорожденный", скрывая свое „позорное" происхожденіе, осмѣлился посвататься къ дочери честныхъ и „благородныхъ" родителей, скрывалъ и свои „преступныя" политическія затѣи, не побоялся Бога, которому онъ молится по церквамъ, ввелъ въ скорбь и погибель свою будущую жену, ея родителей и прочее. Мать моя твердила мнѣ и всѣмъ нашимъ знакомымъ, что арестъ Николая Ивановича наканунѣ свадьбы слѣдуетъ считать проявленіемъ особой милости Божьей къ нашей семьѣ и что мы, всѣ члены семьи, должны молиться за генералъ-губернатора, который поспѣшилъ арестовать „преступника", не допустивъ его, такимъ образомъ, обвѣнчаться съ невиннымъ, юнымъ существомъ, готовившимся связать свою судьбу съ его судьбой. Я въ ту пору

признавала, да и теперь признаю, что мать моя говорила то, во что свято вѣрила. Въ душѣ моей происходила борьба чувствъ то за Николая Ивановича, то противъ него, и послѣднее возникало отъ неотвязчиваго вопроса: почему не былъ онъ откровененъ со мною?

Онъ говорилъ мнѣ о своей завѣтной идеѣ—необходимости единенія славянъ, объяснялъ, что кольцо, находившееся у него на рукѣ, съ вырѣзанною внутри надписью: „Св. Кириллъ и Меѳодій", носитъ какъ символъ единенія славянъ, но о составленіи устава „Кир.-Меѳ. общества" не упоминалъ. Быть-можетъ, соображаясь съ моимъ юнымъ возрастомъ, онъ мало надѣялся на мое сочувствіе къ его мечтамъ, а быть-можетъ и на самое уразумѣніе его стремленій. Во всякомъ случаѣ это не была тайна предо мною, такъ какъ Николай Ивановичъ, какъ я узнала впослѣдствіи, не скрывался со своими мечтами и отъ такихъ лицъ, которыя стояли въ администраціи и въ обществѣ на высокихъ ступеняхъ. Послѣ многолѣтней съ нимъ разлуки я узнала, что онъ не считалъ своихъ „затѣй" не только преступными, но и секретными, почему и носился со своей мечтой о Кирилло-Меѳодіевскомъ обществѣ единенія славянъ: онъ говорилъ о немъ при губернаторѣ Фундуклеѣ, при попечителѣ и помощникѣ попечителя учебнаго округа, при товарищахъ и при студентахъ.

Изъ числа этихъ лицъ двое добрыхъ людей, прослышавъ о предполагавшемся у Николая Ивановича обыскѣ, хотѣли спасти его и, чтобы предупредить о грозящей ему опасности, звали его къ себѣ по „дѣлу"; но счастливый женихъ былъ занятъ приготовленіями къ свадьбѣ, леталъ къ невѣстѣ и отложилъ на дальнѣйшее время необходимость побывать у лицъ, звавшихъ его къ себѣ „по дѣламъ".

Тѣ добрые люди были кіевскій гражданскій губернаторъ Иванъ Ивановичъ Фундуклей и содержательница частнаго женскаго пансіона, г-жа Залѣсская. Николай Ивановичъ по порученію Фундуклея занимался редакціей „Актовъ Кіевскихъ". Приготовленія къ свадьбѣ замедлили работу — и присылку чиновника съ просьбой отъ губернатора пожаловать къ нему „по важному дѣлу" Николай Ивановичъ объяснилъ себѣ желаніемъ губернатора напомнить о необходимости окончить трудъ. „Пойду послѣ свадьбы"—рѣшилъ Николай Ивановичъ, не предчувствуя и не предугадывая истинной причины приглашенія губернатора. Г-жа Залѣсская постоянно просила Николая Ивановича прибавить хотя одинъ лишній часъ преподаванія исторіи въ ея пансіонѣ: этимъ и объяснилъ себѣ Николай Ивановичъ ея

просьбу „пожаловать по неотложному и важному дѣлу“—и также отложилъ свой визитъ на послѣ-свадебное время. Все это я услыхала отъ Николая Ивановича лишь въ 1873-мъ году.

Вообще времяпровожденіе мое по возращеніи изъ Петербурга было такое тягостное, что не поддается описанію. Мать моя получила отъ Татьяны Петровны письмо, но о содержаніи его не считала нужнымъ сообщить мнѣ. Отъ меня и отъ Галекъ тщательно скрывалось, что мѣсто ссылки для Николая Ивановича было измѣнено и, вмѣсто Вятки, назначено въ Саратовѣ. По наступленіи срока годового пребыванія Николая Ивановича въ крѣпости объявили Галькамъ приказаніе собираться въ далекій путь. Для нихъ были одинаково неизвѣстны оба дальнихъ города: имъ было безразлично, куда бы ихъ ни посылали. Я не успѣла проститься съ ними: ихъ отправили на разсвѣтѣ, и когда я встала отъ сна, мнѣ сказали, что Гальки кланялись мнѣ—и уѣхали.

Начались у меня заботы о томъ, какимъ образомъ адресовать Николаю Ивановичу письмо въ Вятку, чтобы моя мать не знала объ этомъ—и черезъ кого получать отвѣты.

Между нашими многочисленными знакомыми едва нашлось одно лицо, которому я могла открыть свое намѣреніе писать и получать черезъ его посредничество отвѣты; но лицо это, не возражая противъ отправки писемъ черезъ него, наотрѣзъ отказалось отъ согласія получать на его имя отвѣты отъ Николая Ивановича. Это былъ плацъ-адъютантъ при кіевскомъ комендантѣ, Александръ Антоновичъ Ярошевичъ. Мнѣ было объяснено, что гдѣ бы ни былъ политическій ссыльный, за нимъ тайно наблюдаютъ, и непремѣнно станутъ слѣдить за тѣмъ, на чье имя шлетъ ссыльный письма: адресатъ-посредникъ непремѣнно навлечетъ подозрѣніе властей въ неблагонамѣренности—а, при всемъ расположеніи ко мнѣ, врядъ ли найдется лицо, готовое пожертвовать судьбою собственной семьи. Что было дѣлать! Я послала нѣсколько писемъ въ Вятку, прося Николая Ивановича поискать между кіевскими бывшими товарищами по службѣ такого, который бы взялся доставлять его письма ко мнѣ.

Отвѣтовъ, разумѣется, я не дождалась, такъ какъ Николая Ивановича въ Вяткѣ не было. Между тѣмъ мать моя стала постепенно принимать всѣ мѣры для уничтоженія у насъ въ домѣ и у меня въ особенности всего того, что могло напоминать мнѣ о Николаѣ Ивановичѣ. Еще въ первые дни послѣ ареста Николая Ивановича она взяла у меня двѣ подаренныя имъ мнѣ книги („Унія“ и „Вѣтка“) и уничтожила ихъ, боясь обыска

у насъ въ домѣ. Французскую книгу: „L'imitation de Jésus Christ" не считала опасною и оставила ее у меня. Однако, видя, что мать моя все болѣе и болѣе враждебно относится къ Николаю Ивановичу, я нашла нужнымъ спрятать эту книгу съ дорогою для меня надписью. Но куда спрятать? Потребуетъ мать ключи отъ моего стола или комода—я не посмѣю не дать ихъ, и она возьметъ книгу! Я положила ее на одну изъ дощатыхъ перекладинъ, имѣвшихся подъ роялью. Ея вовсе не было видно. Когда мать спросила у меня книгу, я сказала, что запрятала ее сгоряча такъ, что и сама не могу найти. Мать искала книгу по всѣмъ моимъ дѣвичьимъ хранилищамъ, искала внутри рояля... и не нашла. Дождавшись пріѣзда къ намъ нѣкоей Софьи Карловны Каленіусъ, очень любившей меня, я быстро достала книгу изъ моего тайника и сунула въ карманъ почтенной дамы, для храненія книги у нея на дому и въ секретѣ. Она исполнила мою просьбу.

Наконецъ, случайно я узнала, что Николай Ивановичъ въ Саратовѣ.

Послѣ долгихъ соображеній я додумалась написать Николаю Ивановичу черезъ посредничество жившей тогда въ Петербургѣ г-жи Де-Мельянъ, моей дорогой „maman" по пансіонному воспитанію, и обратилась къ ней съ просьбой переслать мое письмо въ Саратовъ, а полученный оттуда отвѣтъ послать въ Кіевъ, на имя Маріи Ивановны Стемпковской, занимавшей должность лазаретной надзирательницы и кастелянши въ кіевскомъ Левашовскомъ училищѣ во время управленія этимъ училищемъ госпожей Де-Мельянъ. Марья Ивановна оставалась тамъ въ прежней должности и посѣщала нашъ домъ въ праздничные дни, такъ какъ г-жа Де-Мельянъ, покидая Кіевъ навсегда, просила меня и мою сестру не прерывать знакомства съ лицами, которыхъ она любила.

Итакъ, два первыя письма отъ Николая Ивановича я получила черезъ г-жу Де-Мельянъ [1]) и М. И. Стемпковскую, а затѣмъ уже я упросила Стемпковскую позволить Николаю Ивановичу адресовать письма ко мнѣ прямо на ея имя. Сама же я находила достаточно времени, чтобы написать въ Саратовъ: мать

---

[1]) Внукъ г-жи де-Мельянъ, Алексѣй Н. Минюшскій, разбирая бумаги своей бабушки послѣ ея кончины въ 1862-мъ году, нашелъ и сберегъ два письма Николая Ивановича къ г-жѣ Де-Мельянъ изъ Саратова, съ просьбой переслать его письмо ко мнѣ въ Кіевъ. Оба эти письма Николая Ивановича переданы мнѣ внукомъ г-жи Де-Мельянъ.

моя любила выѣзды на карточные вечера и, часто оставаясь дома, я бесѣдовала письменно съ Николаемъ Ивановичемъ.

Понятно, съ какимъ волненіемъ я поджидала изъ Саратова отвѣта на мое первое письмо. Цѣлая куча горькихъ предположеній наполняла мою молодую голову, терзала сердце: и умеръ, и позабылъ, и женился, и страдаетъ въ неволѣ, и тоскуетъ по мнѣ, и обвиняетъ меня въ измѣнѣ. Но какъ выразить то, что происходило во всемъ моемъ существѣ по прочтеніи этого перваго отвѣта? Послѣ двухъ-трехъ нѣжныхъ наименованій Николай Ивановичъ въ твердыхъ и отчаянныхъ выраженіяхъ извѣщалъ, что онъ боленъ неизлечимо, что письмо мое оживило его душу, но ни оно, ни мое присутствіе, если бы оно стало возможностью, и ничто, ничто не оживитъ его тѣла, пораженнаго такою болѣзнью, при которой не только совѣсть, но и законъ воспрещаетъ вступать въ бракъ,—и онъ умоляетъ меня забыть о его существованіи, избрать себѣ другого друга и тѣмъ доставить ему успокоеніе, что я не страдаю вмѣстѣ съ нимъ, не загубилъ онъ моей молодости и проч.

Переписка между нами продолжалась около $2^1/_2$ лѣтъ.

Всѣ мои письма Николай Ивановичъ сберегъ до конца своихъ дней; только перваго и послѣдняго изъ моихъ писемъ я не нашла у него, ставши его женой послѣ многолѣтней разлуки. На мой вопросъ о томъ, куда же они дѣвались, Николай Ивановичъ отвѣтилъ мнѣ въ 1875-мъ году, что они были такъ залиты его слезами и истрепаны отъ ношенія съ собой и постояннаго перечитыванія, что стало невозможнымъ сложить всѣ клочки въ одно цѣлое.

Писемъ Николая Ивановича сберегать мнѣ было невозможно. Въ каждое изъ посѣщеній М. Ив. Стемпковской мы обѣ слѣдили за моей мамой, чтобы воспользоваться временемъ, когда она выходила въ другія комнаты: тотчасъ Мар. Ив. вынимала изъ своего кармана полученное изъ Саратова письмо, передавала мнѣ, а я поспѣшно прятала въ свой карманъ и удалялась куда-либо подальше для прочтенія и немедленнаго уничтоженія письма съ такою тщательностью, чтобы мама не нашла ни единаго лоскутка отъ него.

Такое положеніе вещей научило меня скрытности: прежняя откровенность исчезла, и въ душѣ моей все больше и больше поднимался ропотъ на деспотизмъ матери. Я не могла сомнѣваться въ томъ, что мать любитъ меня и желаетъ мнѣ добра. Она баловала меня по-своему, стараясь развлечь меня по-своему—балами, нарядами и проч.

Убѣдившись, что споры и пререканія съ матерью изъ-за Ник. Ив. ни къ чему не ведутъ, кромѣ усиленія настойчивости съ обѣихъ сторонъ, я заботилась уже только о томъ, чтобы мать порѣже возила меня съ собой на карточные вечера. Мать очень любила игру и просиживала за картами до 2—3 часовъ ночи, а я въ это время писала къ Николаю Ивановичу, если у насъ не было въ гостяхъ ни одной изъ подругъ.

Отпрашиваясь постоянно, я могла бы возбудить подозрительность относительно упорнаго пребыванія въ одиночествѣ; и вотъ, чтобы усыпить бдительность матери, я не отказывалась отъ выѣздовъ на балы, концерты и музыкальные вечера. Любезность ко мнѣ и комплименты молодежи приводили мою мать въ восхищеніе. Это служило поводомъ для бурныхъ сценъ между нами. Я чувствовала тяжелый гнетъ ея родительской власти и томилась.

Незабвенный вотчимъ мой смягчалъ своей добротой наши обоюдныя съ матерью ненормальныя отношенія, уговаривалъ мать не стѣснять меня выборомъ мужа, а мать, возражая ему, заключала всѣ свои доводы указаніемъ на свои родительскія права, которыхъ вотчимъ по отношенію къ падчерицамъ не имѣетъ. Я видѣла, что мой больной вотчимъ до глубины души огорчался, когда случалось ему, при возвращеніи домой отъ служебныхъ занятій, заставать меня съ распухшими отъ слезъ глазами и лицомъ: бѣдняга поглядывалъ во время обѣда то на мать, то на меня, вздыхалъ и плохо кушалъ. Это побуждало меня сдерживаться и скрывать отъ вотчима все, что происходило между мною и матерью въ его отсутствіе.

Такъ жизнь длилась до 22-го февраля 1851-го года, когда внезапно скончался мой добрый покровитель-вотчимъ. Не стало его—и не было уже возможности избѣгать жаркихъ споровъ съ матерью, споровъ, разгоравшихся съ каждымъ днемъ до такихъ размѣровъ, что мать заботилась уже только о томъ, чтобы случайные посѣтители не застали насъ обѣихъ съ пылающими лицами, въ слезахъ и внѣ себя отъ волненія. Приказано было прислугѣ никого не принимать и заявлять, что „дома нѣтъ“. Больше всего мать налегала на срамное происхожденіе Николая Ивановича, на его какіе-то, скрываемые, недуги, при которыхъ онъ всегда отказывался отъ пищи и которые, „конечно“, развивали у него припадки „бѣшенства“, доводившіе его до криковъ, до неистовства, до необходимости окачиваться холодной водой. Я защищала Николая Ивановича, какъ могла, и стояла на своемъ. Мать рыдала, рвала на себѣ волосы и въ изступленіи кричала: „Пиши этому висѣльнику, этому безродному мужику,

выбившемуся въ бакалавры, чтобы пріѣзжалъ за тобой, но не иначе, какъ съ дозволенія правительства и въ приличномъ твоему званію экипажѣ; пиши, вѣнчайтесь на другой день по его пріѣздѣ—и вонъ съ глазъ моихъ!"

Что было дѣлать мнѣ, неопытной!? Я знала, что Николая Ивановича не пустятъ изъ Саратова—и рѣшилась написать тайкомъ отъ матери прошеніе Государю о томъ, чтобы Николая Ивановича отпустили въ Кіевъ обвѣнчаться со мной, такъ какъ мать не желаетъ везти меня къ нему. Вмѣстѣ съ тѣмъ я сообщила обо всемъ Николаю Ивановичу, предупредивъ его также, что пришлю ему холодное, такъ сказать оффиціальное письмо, которымъ мать моя разрѣшаетъ мнѣ увѣдомить его о дозволеніи мнѣ вступить съ нимъ въ бракъ, лишь бы онъ самъ пріѣхалъ въ Кіевъ, а въ своемъ секретномъ письмѣ я умоляла его оставить разговоръ о болѣзни, не писать о ней матери и какъ только Государь разрѣшитъ—пріѣхать. Сестра моя, видя мое отчаянное состояніе при полученіи отвѣтовъ отъ Николая Ивановича, ничего иного не заключающихъ, какъ только отказъ пріѣхать, отказъ грустный, мотивированный все тою же неизлечимою болѣзнью,— писала сама Николаю Ивановичу, пытаясь разсѣять его безнадежность и побудить пріѣхать. Ничто не помогло. Николай Ивановичъ стоялъ на своемъ: не честно такому больному, неспособному къ супружеской жизни человѣку вступать въ бракъ съ молодой дѣвушкой, не имѣющей понятія о томъ, какую петлю готова она надѣть на себя по своему невѣдѣнію и великодушію. Какъ послѣднее для себя усиліе, онъ желаетъ воспользоваться отпускомъ, но не для пріѣзда въ Кіевъ, а для поѣздки въ Умань для леченія по методѣ Присница, и лишь для того, чтобы испробовать послѣднее средство—правильное водолеченіе.

Наконецъ, получивъ мое оффиціальное письмо, писанное подъ диктовку моей матери, Николай Ивановичъ, не взирая на мои мольбы, счелъ своимъ долгомъ сообщить моей матери письменно и помимо моего вѣдома, что онъ боленъ и прежде, нежели пріѣхать въ Кіевъ, попытается полечиться въ Умани. Отъ исхода леченія будетъ зависѣть и его судьба.

Взвѣшивая тогдашнее положеніе вещей теперешнимъ ихъ пониманіемъ, для меня ясно, что полученіе такого письма могло вызвать у каждой матери сознаніе долга употребить всѣ усилія, чтобы разлучить свою дочь съ больнымъ женихомъ навсегда. Понятнымъ становится и то, что для достиженія этого *всѣ* мѣры казались моей матери дозволенными — и ей удалось устроить такое разъединеніе, воспользовавшись моимъ къ ней довѣріемъ

и тою благоговѣйною почтительностью, которая внушена была мнѣ воспитаніемъ къ сану матери. Случилось это такъ.

Мать моя строго приказала мнѣ и сестрѣ моей не говорить никому изъ знакомыхъ о ея дозволеніи мнѣ сочетаться бракомъ съ Николаемъ Ивановичемъ и объ ожидаемомъ скоромъ его пріѣздѣ. „Пусть—говорила мать—общество, въ которомъ я живу и остаюсь жить, не вѣдаетъ о моей скорби и о моемъ униженіи до послѣдняго дня: пріѣдетъ этотъ, обожаемый тобою, „полу-человѣкъ“—сейчасъ потихоньку вѣнчайтесь и убирайтесь въ ссылочный городъ, за 2.000 верстъ отъ твоей старухи-матери, а то и забирайте съ собою сестрицу (мою), такъ горячо потакающую твоему безумію, что послѣ твоего отъѣзда мнѣ глядѣть на устроительницу печальной судьбы твоей будетъ невыносимо тяжело“.

Такъ мы и жили съ матерью, скрывая другъ отъ друга (какъ то оказалось впослѣдствіи) все, что для каждой изъ насъ представлялось необходимымъ: я — чтобы достигнуть соединенія съ Николаемъ Ивановичемъ, мать моя — чтобы разлучить насъ. Съ трепетомъ поджидала я появленія М. И. Стемпковской: какую вѣсть принесетъ мнѣ новое, полученное черезъ нее письмо Николая Ивановича. Письма все нѣтъ. Думала — напишетъ изъ Умани. Какъ вдругъ однажды, при происходившемъ у насъ утреннемъ пріемѣ визитовъ, вошелъ жандармскій офицеръ... Мать моя поспѣшила пригласить его въ кабинетъ; сердце у меня забилось такъ сильно, что я принуждена была выйти изъ гостиной въ свою комнату, чтобы скрыть свое невольное смущеніе. Я поняла, что появленіе жандарма имѣетъ соотношеніе съ моимъ дѣломъ, догадывалась, что генералъ Дуббельтъ извѣщаетъ мою мать объ испрашиваемомъ мною отпускѣ для Николая Ивановича. Въ головѣ моей помутилось, въ глазахъ пошли круги; обморокъ былъ близокъ. Въ это время вошла ко мнѣ мать и упавшимъ отъ волненія голосомъ проговорила: „Костомаровъ ходатайствуетъ объ отпускѣ въ Кіевъ для бракосочетанія съ тобой. Правительство, прежде нежели отпустить его, желаетъ имѣть свѣдѣнія, согласны ли на это мы съ тобой, и требуются отъ насъ подписки. Я подписала, подпиши и ты вотъ здѣсь“. Мать очень нервно сунула мнѣ перо въ руку и указала мѣсто для подписи. Ничего не видя передъ собой, кромѣ указательнаго пальца матери, я машинально исполнила приказаніе и подписала, а волненіе мое все усиливалось въ ожиданіи бури, которую предстояло вынести послѣ отъѣзда жандарма и всѣхъ нашихъ гостей. Я догадывалась, что правительство объявило моей матери о моемъ

тайномъ ходатайствѣ отпуска для Николая Ивановича и запрашивало о ея согласіи на мой бракъ.

Мысль, что теперь уже не можетъ быть сомнѣнія въ близости времени свиданія съ Николаемъ Ивановичемъ и нашего бракосочетанія, подбадривала меня, и я твердо рѣшилась не входить болѣе съ матерью ни въ какія пререканія, молчать и стараться успокоить ее всевозможными проявленіями моихъ ласкъ и почтенія къ ней. Теперь, думалось мнѣ, уже не можетъ быть со стороны моей матери ни запрета, ни колебаній: послана въ Петербургъ подписка моей матери и моя о согласіи на бракъ мой съ Николаемъ Ивановичемъ.

Къ изумленію моему, мать ни единымъ словомъ не отозвалась ко мнѣ послѣ отъѣзда нашихъ гостей, но была серьезна и казалась нездоровой, вслѣдствіе чего не выходила и не выѣзжала изъ дому. Для меня не было никакой возможности ни писать Николаю Ивановичу, ни передать надежному лицу мое письмо для сдачи на почту. Такъ проходили томительные дни, пока, наконецъ, одна близкая знакомая наша, пожилая особа, явилась къ намъ и упросила мою мать отпустить меня погостить у нея въ деревнѣ, въ 30-ти верстахъ отъ Кіева. Это была та самая Софья Карловна Каленіусъ, у которой хранилась книга Ѳомы Кемпійскаго, подаренная мнѣ Николаемъ Ивановичемъ. Милая и добрая Софья Карловна питала ко мнѣ какое-то обожаніе, раздѣляла мое желаніе сохранить эту книгу, какъ дорогую памятку, но самымъ дружескимъ образомъ непрестанно внушала мнѣ, что если я выйду за Николая Ивановича, неизлечимо больного и лишеннаго своей ученой дѣятельности, то погибну прежде него и даже очень скоро, такъ какъ здоровье мое упало, и докторъ профес. Цыцуринъ сравниваетъ меня съ весьма тонкимъ хрустальнымъ сосудомъ, требующимъ бережливаго обращенія; притомъ характеры Николая Ивановича и его матери не таковы, чтобы они могли понять хрупкость моего организма и съумѣть сберечь меня. Она снисходительно выслушивала меня, но не соглашалась быть посредницей для корреспонденціи моей съ Николаемъ Ивановичемъ. Слезы выступали у нея на глазахъ, и она говорила: „Алина, другъ мой! прости меня, но я *не могу* способствовать твоему самоубійству. Вернешься въ Кіевъ — напишешь, да и Богъ знаетъ напишешь ли, если поймешь, въ чемъ дѣло: нельзя же навязываться больному человѣку, осуждающему себя на безбрачіе. Понимаю, что дальнѣйшая жизнь твоя у матери невыносима для тебя, и въ особенности потому, что мать безъ ненависти не можетъ вспомнить о Николаѣ Ивановичѣ, а

изъ-за тебя преслѣдуетъ и сестру твою. Но тебя ищутъ другіе, достойные люди, и мать страдаетъ, когда ты отказываешь каждому изъ нихъ: она сердечно желаетъ видѣть своихъ дочерей „пристроенными". Обдумай, не лучше ли тебѣ разстаться съ матерью безъ проклятій съ ея стороны, не лучше ли тебѣ выйти замужъ, напримѣръ, за моего Мишеля? Онъ служитъ на Кавказѣ, но онъ побывалъ въ отпуску въ Кіевѣ, плѣненъ тобою — и если бы ты стала моей дочерью, какъ бы мы всѣ были счастливы!" На мой протестъ и на мое заявленіе, что Michel слишкомъ молодъ и слишкомъ красивъ собой, чтобы за него шли „не влюбившись" въ него, а я неспособна „влюбиться", притомъ нервна и болѣзненна и потому не принесу счастья молодому мужу, моя добрая Софья Карловна возражала. Кончилось тѣмъ, что она предлагала мнѣ выйти, безъ всякой идеализаціи, за пожилого человѣка — Петра Ѳедоровича Пинкарнелли, который уже два года какъ ищетъ моей руки: „безусловно честенъ, всѣми уважаемъ, симпатиченъ, хорошо обезпеченъ родовымъ имѣніемъ, хорошо служитъ, полковникъ, ожидаетъ производства въ генералы, хотя далеко не достигъ еще пятидесяти лѣтъ, скроменъ и очень религіозенъ. Такой „партіей" твоей и мать будетъ довольна, и ты будешь успокоена. Онъ не разъ просилъ меня узнать отъ тебя, не оскорбишься ли ты его предложеніемъ, такъ какъ ему извѣстны твои надежды на пріѣздъ Николая Ивановича".

Я отвѣтила: „Душевно уважаю Петра Ѳедоровича, почему и прошу васъ, вмѣсто моего отвѣта, дать ему прочесть то, что написано моимъ женихомъ на принесенной мнѣ имъ въ подарокъ книгѣ; я увѣрена, что по этой одной надписи Петръ Ѳедоровичъ оцѣнитъ моего жениха и пойметъ, что замѣнить его другимъ я не могу". — Надпись была прочтена, и добрый Пинкарнелли, вздохнувши, сказалъ моей старой подругѣ, что ему не равняться съ Николаемъ Ивановичемъ и онъ только позволяетъ себѣ остаться съ одинаковыми ко мнѣ чувствами безпредѣльной любви и уваженія.

Послѣ возвращенія моего въ Кіевъ изъ деревни, чуть ли не съ перваго дня мать моя прямо объявила мнѣ, что „Костомаровъ, какъ видно, не пріѣдетъ въ Кіевъ", и безъ обиняковъ заявила мнѣ требованіе выйти замужъ за другого. Меня возмутило такое насиліе. Протесты не помогли. Я сказала матери, что я и сестра моя уже пріискиваемъ себѣ службы въ институтѣ и потому просимъ ее отпустить насъ и тѣмъ успокоиться самой и намъ дать покой.

„А въ монастырь не желаете ли? Я не пущу васъ въ услу-

женіе ни за что: это для меня унизительно. Какъ непослушныхъ и непочтительныхъ дочерей, я упрячу васъ скорѣе въ монастырь, откуда ужъ не выйдете; лучше выходите замужъ — будете свободны, покойны и меня успокоите".

Не смотря на то, что моей сестрѣ было 21 годъ, а мнѣ 20, мы были по своему воспитанію такъ наивны, что и понятія не имѣли о человѣческихъ правахъ по достиженіи совершеннолѣтія по закону. Идти жаловаться на мать и кому? — такіе вопросы для насъ оставались неразрѣшимыми, да и самая мысль о нихъ казалась преступной...

Тутъ черезъ М. Ив. Стемпковскую я получила отъ Николая Ивановича письмо такого содержанія, которое мало что повергло меня въ отчаяніе, разбило всѣ надежды, но и глубоко оскорбило меня. Въ нѣсколькихъ сильныхъ строкахъ Николай Ивановичъ выразилъ, что я, ни на что не глядя, слишкомъ настойчиво тороплю его пріѣхать въ Кіевъ: ужъ не покинута ли я какимъ-либо другимъ женихомъ?!.. Убитая и оскорбленная такой выходкой, я невольно простилась съ Николаемъ Ивановичемъ навсегда—и хотя поняла, что такое подозрѣніе не могло возникнуть у Николая Ивановича, а внушено близкой особой, но я не могла помириться съ безхарактерностью, допустившею жениха бросить незаслуженное оскорбленіе въ лицо своей невѣстѣ. Подъ гнетомъ душевной боли я додумалась, что заявить такое подозрѣніе можно только дѣвушкѣ, которую не уважаешь, а стало быть не любишь, но съ которою послѣ двухъ-трехъ лѣтъ разлуки соглашались вступить въ бракъ только въ силу сдѣланнаго въ оное время предложенія. Но тутъ надвигалась мысль, почему же Николай Ивановичъ такъ обрадовался въ Саратовѣ первому полученному отъ меня письму, послѣ двухъ лѣтъ разлуки? Если бы не любилъ, не обрадовался бы и не велъ бы со мной переписки въ продолженіе двухъ съ половиною лѣтъ! Ясно: онъ написалъ мнѣ такую гадость подъ внушеніемъ... его вооружаютъ противъ меня заранѣе... готовится семейный адъ въ будущемъ! Я не рѣшилась написать Николаю Ивановичу о моей догадкѣ, чтобы не воздавать подозрѣніемъ за подозрѣніе, и отвѣтила только, что ищущіе моей руки не отвернулись отъ меня, и хотя въ ихъ числѣ есть достойнѣйшіе люди, но я замужъ не выйду. Такъ чувствовала и думала я въ то время. Судилось мнѣ иное!..

Писемъ отъ Николая Ивановича я болѣе не получала. Мать моя не упоминала о немъ, была здорова и покойна, а я расхворалась. Тяжело было переживать все здѣсь описанное.

М. И. Стемпковская, являясь къ намъ, выражала мнѣ (по секрету) соболѣзнованіе, что нѣтъ писемъ изъ Саратова и что вѣроятно ихъ гдѣ-нибудь перехватываютъ. Вскорѣ она и совсѣмъ перестала бывать у насъ.

Описывать дальнѣйшее теченіе моей жизни въ материнскомъ домѣ нѣтъ силъ. У кого будетъ желаніе и терпѣніе прочесть 33 моихъ письма, посланныхъ въ Саратовъ и сбереженныхъ Николаемъ Ивановичемъ до конца его дней, тому станетъ понятною нравственная пытка, поведшая меня, по указанію моей матери, подъ вѣнецъ съ прекраснымъ, но почти неизвѣстнымъ мнѣ человѣкомъ.

Изъ числа лицъ, искавшихъ въ то время моей руки, Петръ Ѳедоровичъ Пинкарнелли былъ устраненъ моею матерью по ея личнымъ видамъ, а въ избранномъ ею для меня Маркѣ Дмитріевичѣ Кисель она обрѣла неуклоннаго исполнителя ея главнаго желанія—найти въ мужѣ моемъ покровителя остающейся въ дѣвицахъ сестрѣ моей Стефаніи. П. Ѳ. Пинкарнелли находилъ ее несимпатичной и имѣлъ неосторожность выразиться, что третье лицо никогда не желательно въ домѣ новобрачныхъ. За то онъ и потерялъ меня по волѣ моей матери.

Я не удержалась, чтобы не проститься съ Николаемъ Ивановичемъ письменно. Кратко и безъ упрековъ я написала ему, что послѣ всего происшедшаго и въ силу обстоятельствъ я нашлась вынужденною отдать свою судьбу на волю моей матери. По этой волѣ я на-дняхъ буду обвѣнчана съ человѣкомъ, ею избраннымъ мнѣ въ мужья. Николаю Ивановичу я пожелала здоровья и возможнаго счастья. Отвѣтное письмо его, переданное мнѣ уже послѣ моего вѣнчанья Стемпковскою, было проникнуто глубокою скорбью. Оно жгло мнѣ душу... Приложивши его къ наболѣвшей груди, я опустилась на колѣни передъ кивотомъ съ иконами, безмолвно молилась, съ закрытыми глазами, а когда опомнилась, то встала и поднесла письмо Николая Ивановича къ лампадкѣ, горѣвшей у моихъ иконъ... „Все кончено!“—твердила я—„все кончено!“

О моемъ вѣнчаніи могу сказать только то, что мать моя приняла всѣ мѣры, чтобы не произошло какого-либо замѣшательства, могущаго открыть нравственное надо мной насиліе. Такъ, священникъ меня не спросилъ: не обѣщалась ли я кому-либо другому и по доброй ли волѣ вѣнчаюсь. Везла меня къ вѣнцу моя добрая Софья Карловна Каленіусъ, и во время этой поѣздки почему-то спросила меня: „Скажи, что должна я сдѣлать съ твоей книгой, отданной мнѣ тобою на храненіе?“ Я

отвѣтила: „Отдадите мнѣ ее тогда, когда будете убѣждены, что я могу спокойно глядѣть на нее“.—Это было 11 ноября 1851 г.

Итакъ, главными дѣятелями для достиженія разлуки моей съ Николаемъ Ивановичемъ были: самъ Николай Ивановичъ, считавшій въ оное время долгомъ чести извѣстить мою мать о своей мнимонеизлечимой болѣзни, при которой не слѣдуетъ вступать въ бракъ,—и двѣ наши матери, обѣ горячо любившія своихъ дѣтей и считавшія своимъ материнскимъ правомъ устраивать ихъ счастье и разстраивать ихъ браки сообразно своимъ воззрѣніямъ.

Черезъ недѣлю послѣ моей свадьбы мать моя привезла ко мнѣ сестру мою для постояннаго при мнѣ жительства. Сестра сопровождала насъ повсюду, куда приходилось переѣзжать по дѣламъ военной службы моего мужа. Меня утѣшало сознаніе, что страданія моей сестры изъ-за меня прекратились. Маркъ Дмитріевичъ относился къ ней какъ добрый старшій братъ. Отъ насъ она вышла замужъ въ 1856-мъ году.

Я прожила съ М. Д. Кисель 19-ть лѣтъ. Онъ уважалъ мои чувства по отношенію къ Николаю Ивановичу и никогда не трогалъ больного мѣста души моей, т.-е. не упоминалъ о моемъ прошломъ. Въ 1860-мъ году я лечилась въ Кіевѣ, въ продолженіе 4-хъ мѣсяцевъ, отъ тяжкой болѣзни. Когда выздоровленіе шло замѣтнымъ образомъ, врачи предписали мнѣ прогулки, сначала въ экипажѣ, затѣмъ пѣшкомъ. Въ одну изъ такихъ прогулокъ я зашла въ магазинъ, гдѣ были выставлены портреты Николая Ивановича и купила одинъ изъ нихъ. Зиму съ 1862 по 63 годъ мы проводили въ Кіевѣ, гдѣ я вновь была подъ наблюденіемъ врачей. Одна изъ посѣщавшихъ меня знакомыхъ спросила меня, извѣстно ли мнѣ, что въ кіевскихъ книжныхъ магазинахъ выставлена книжечка—новое сочиненіе Николая Ивановича, посвященное мнѣ. Когда я отвѣтила, что поспѣшу пріобрѣсти эту книжку, мужъ мой тотчасъ поѣхалъ въ магазинъ и привезъ мнѣ ее. Это была драма „Кремуцій Кордъ“. На второмъ заглавномъ листкѣ я прочла дорогое для меня свидѣтельство, что, не смотря на 15 лѣтъ, протекшихъ со времени нашей разлуки, Николай Ивановичъ сохранилъ обо мнѣ добрую память. Вотъ то посвященіе: „Посвящается незабвенной А. Л. К. на память 14-го іюня 1847-го года“.

Это день послѣдняго нашего свиданія. Оно произошло въ Петропавловской крѣпости, въ пріемной коменданта И. Н. Скобелева. Впереди текста драмы „Кремуцій Кордъ“ имѣется эпиграфъ изъ поэмы Мицкевича „Konrad Walenrod“:

Lecz dotąd w mojem zachowalaś lonie
Też same oczy, twarz, postawę, szaty:

Tak motyl piękny, gdy w bursztyn utonie,
Na wieki całą zachowuje postać... [1]).

Зиму съ 1864 на 1865 годъ мы съ мужемъ провели въ Петербургѣ. Мнѣ случилось встрѣтиться съ Николаемъ Ивановичемъ на тротуарѣ Невскаго проспекта. Съ трудомъ я узнала его, да и то больше по походкѣ и по крайней оригинальности зимней шапки, изъ-подъ мѣховой опушки которой блестѣли золотые очки. Онъ, конечно, не только не узналъ меня, по причинѣ своей близорукости, но и не обратилъ ни малѣйшаго вниманія на то, что я остановилась, поровнявшись съ нимъ. Я стояла и глядѣла ему вслѣдъ, пока другіе пѣшеходы не заслонили его отъ моихъ глазъ. Прійдя въ свое помѣщеніе, я разсказала мужу о своей встрѣчѣ. Онъ отвѣтилъ, что Николаю Ивановичу было бы отрадно, если бы я его окликнула, и онъ не отказался бы посѣтить меня. Я возразила: „Зачѣмъ бередить старыя раны! Если бы я узнала, что онъ не имѣетъ своей семьи или женатъ, но не вполнѣ счастливъ, то и ему и мнѣ было бы очень тяжело. Нѣтъ! я не хочу и не могу говорить съ нимъ. Я поглядѣла на него, какъ на дорогой моей душѣ памятникъ прошлаго, и... конецъ!“

Въ 1870-мъ году добрый и до послѣдняго своего вздоха обожавшій меня мужъ мой скончался. Изъ троихъ, бывшихъ тогда въ живыхъ, дѣтей нашихъ старшему было всего 15 лѣтъ, младшей дѣвочкѣ—8 лѣтъ. Похоронивъ мужа въ Кіевѣ, рядомъ съ незабвеннымъ вотчимомъ моимъ, я возвратилась въ село Дѣдовцы, Прилукскаго уѣзда, Полтавской губерніи, въ родовое имѣніе мужа, гдѣ мы проживали съ весны 1865 г., по причинѣ неизлечимой болѣзни его. Много непосильныхъ заботъ лежало на моихъ плечахъ; особенно тяготила меня тяжба съ сонаслѣдниками мужа за имущество, оставшееся послѣ его дяди. Право на отысканіе имущества было передано мнѣ мужемъ при его жизни по „улиточной“ записи [2]), и я обязана была довести до конца дѣло, начатое въ 1857-мъ году. Если хватитъ у меня времени, я опишу эту, чуть не двадцатилѣтнюю процедуру отысканія наслѣдства и тотъ дневной и безпрепятственный грабежъ,

[1]) До сей поры въ груди ты сохранилъ моей
Все тѣ-жъ: глаза, лицо, осанку, одѣянье.
Такъ чудный мотылекъ, застывшій въ янтарѣ,
Наружность вѣкъ хранитъ роскошнаго созданья.
По переводу В. Г. Бенедиктова.—*В. К.*

[2]) Особый, допускаемый закономъ только въ губерніяхъ малороссійскихъ (Полтавской и Черниговской) актъ, которымъ соучастникъ общаго владѣнія или наслѣдства можетъ передать свое право другому лицу.—*В. К.*

которому подвергалось отысканное судебнымъ порядкомъ, но еще не выдѣленное мнѣ родовое имѣніе. Николай Ивановичъ впослѣдствіи просилъ меня описать этотъ разгромъ, какъ весьма характерное свидѣтельство нравовъ того времени и беззащитности имуществъ, не смотря на „судъ правый, скорый и милостивый“ [1]).

Годы моего вдовства, 1870 — 1874, я посвятила исключительно веденію хозяйства въ деревнѣ и заботамъ о судебномъ выдѣлѣ слѣдуемой мнѣ части отыскиваемаго имущества. Дѣти мои воспитывались въ Кіевѣ и пріѣзжали ко мнѣ, вмѣстѣ съ моей матерью, на лѣто въ Дѣдовцы. Въ 1872-мъ году ближайшій мой сосѣдъ и мужъ моей дорогой сосѣдки въ Дѣдовцахъ М. П. Совченко, навѣщая меня вмѣстѣ съ женой ежедневно, какъ-то полушутя, изъ желанія развлечь меня и посмѣшить, сказалъ мнѣ, что его „просили“ двое изъ землевладѣльцевъ Прилукскаго уѣзда помочь имъ чаще видѣться со мною, въ виду того, что я живу затворницей, нигдѣ не бываю и никого, кромѣ своего сельскаго „батюшки“ и добрыхъ сосѣдей Совченковыхъ, не принимаю. На такое сообщеніе я отвѣтила, что подобныя шутки не вызываютъ смѣха у меня, а несдержанный языкъ хорошаго знакомаго мужа моей дорогой „Маріули“ болталъ: „хорошіе, прекрасные женихи у нашей „Худобки“ [2])—вдовцы, оба съ хорошимъ состояніемъ и по всему достойные“. „Да пусть и достойнѣйшіе, но я, кажется, не заслуживаю отъ васъ такого обо мнѣ сужденія, что въ 42 года жизни, при троихъ дѣтяхъ и при всемъ моемъ прошломъ, я способна думать о новомъ бракѣ“.

„Голубочко! не обижайтесь на Александра, — сказала жена его, моя Маріуля:—онъ не хотѣлъ сказать вамъ непріятность,— ну, а относительно брака, развѣ бы вы не приняли его, если бы явился съ такимъ предложеніемъ къ вамъ Н. И. Костомаровъ?“

---

[1]) Сколько мнѣ извѣстно, А. Л. не удалось осуществить это ея намѣреніе и исполнить желаніе Николая Ивановича. Сожительство съ Николаемъ Ивановичемъ поглощало все время и силы А. Л. на заботы о здоровьѣ надломленнаго организма Николая Ивановича и на весьма дѣятельное сотрудничество въ его литературныхъ трудахъ. Послѣ смерти Николая Ивановича и затѣмъ послѣ потери весьма любимой ею дочери здоровье А. Л., въ особенности состояніе зрѣнія, настолько стало ухудшаться, что ей приходилось особенно экономить силы и время, чтобы исполнить безусловно необходимое, которымъ она считала личное корректированіе повторныхъ изданій сочиненій Николая Ивановича и составленіе публикуемыхъ здѣсь записокъ ея. Въ послѣдніе годы А. Л. работала только однимъ глазомъ и для сохраненія его должна была очень остерегаться его напряженія. Диктовать же работу кому-либо она не могла.—*В. К.*

[2]) Худоба по-малороссійски означаетъ имущество, но какъ я по худобѣ своего тѣла казалась очень изнуренной, то сосѣдъ въ одномъ выраженіи „худобка“ совмѣщалъ и кличку для меня.

— Это иной вопросъ!—возразила я:—не знаю, не знаю, да зачѣмъ и думать о томъ, что невозможно!

Прошло мѣсяца два послѣ этого разговора съ сосѣдями. Я бывала у нихъ по воскресеньямъ. Наши сады были смежны, и калитка вела изъ одного въ другой. Я застала у сосѣдей одного изъ болѣе дальнихъ сосѣдей, недавно окончившаго курсъ Кіевскаго университета и только-что пріѣхавшаго изъ Кіева. Между прочимъ, онъ разсказалъ о самой крупной кіевской новости: „былъ въ Кіевѣ нѣсколько дней Костомаровъ проѣздомъ въ Екатеринославъ, но какъ теперь въ Кіевѣ холера, то Николай Ивановичъ, прихворнувшій нѣсколько желудкомъ, поспѣшилъ покинуть Кіевъ“.

— Счастливъ я, — сказалъ молодой человѣкъ,—что видѣлъ Костомарова и бесѣдовалъ съ нимъ. Старикъ онъ, сѣдой, беззубый, а энергіи масса. Изъ Кіева мы всѣ, его почитатели, проводили на вокзалъ: онъ уѣхалъ въ Екатеринославъ и оттуда въ Крымъ для морского купанья. Въ іюлѣ 1874-го года, т.-е. черезъ два года, онъ проведетъ въ Кіевѣ больше мѣсяца, т.-е. все время занятій археологическаго съѣзда.

Для меня это была дѣйствительно самая свѣжая вѣсть о Николаѣ Ивановичѣ. О его жизни въ Петербургѣ я ничего не знала, да и спрашивать было не у кого.

Въ зиму съ 1872 на 73-й годъ я была удручена разгромомъ той части моего имущества, о выдѣлѣ которой судебнымъ порядкомъ сталъ ходатайствовать въ Полтавѣ опытный и очень свѣдущій присяжный повѣренный Квачевскій. Тутъ же подкралась ко мнѣ и болѣзнь. Я ѣздила въ Кіевъ на Рождественскіе праздники, чтобы провести ихъ съ дѣтьми и вмѣстѣ съ тѣмъ полечиться. Лучшіе кіевскіе врачи нашли мои недуги настолько серьезными, что запретили мнѣ заниматься хозяйствомъ, тѣмъ болѣе, что и двигаться я рѣшительно не могла, а только лежала или сидѣла въ креслѣ. Поэтому мнѣ пришлось сдать свои маленькіе Дѣвовцы въ аренду. Почти все лѣто 1873-го года я плохо владѣла ногами, больше лежала и ожидала окончанія каникулъ, чтобы везти дѣтей въ учебныя заведенія въ Кіевъ и тамъ остаться въ квартирѣ моей матери для болѣе продолжительнаго леченія у кіевскихъ врачей. Нервы мои были въ такомъ крайне разстроенномъ состояніи, что я стала уже бояться за свою жизнь, а она была тогда нужна моимъ дѣтямъ.

Алина Костомарова.

(Окончаніе слѣдуетъ.)

СЪ ИТАЛЬЯНСКАГО

Въ вершинахъ деревьевъ, въ дали необъятной
О чемъ вѣтеръ шепчетъ и что говоритъ?
Ласкаетъ, баюкаетъ шопотъ невнятный
И смутною риѳмой какой-то звенитъ.

***

Измучено сердце мое, мать-природа,
И, чувствую, близится жизни предѣлъ.
А все же мнѣ сердце—будь горе, невзгода—
Растрогать всегда шопотъ вѣтра умѣлъ.

М. Ватсонъ.

ЗАТРАВИЛИ

РАЗСКАЗЪ.

I.

Маленькая Оля сидѣла въ своей комнаткѣ и учила урокъ по закону Божьему. Изъ столовой къ ней доносились громкіе голоса. Ея отецъ, Петръ Сергѣевичъ Мусинъ, по обыкновенію горячо спорилъ о чемъ-то со своимъ пріятелемъ и сослуживцемъ Васильевымъ. На улицѣ шелъ дождь; слышно было, какъ въ оконныя стекла ударяли дождевыя капли.

Оля, заткнувъ уши, старательно выводила вполголоса слова Нагорной проповѣди. Шумъ дождя и громкій споръ взрослыхъ отвлекали ея вниманіе.

— Нѣтъ-съ, милѣйшій Иванъ Ивановичъ, — доносился изъ столовой отцовскій голосъ,—такъ нельзя. Мы все время витаемъ въ облакахъ, думаемъ объ общественной пользѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ рѣшительно не умѣемъ бороться съ жизнью...

... „блаженни милостивіи, яко тіи помилованы будутъ... блаженни милостивіи, яко...“,—стараясь не слушать, зубрила Оля.

— Барышня, чтой-то я у тебя спрошу,—дверь въ комнату отворилась, и въ ней показалась толстая фигура кухарки Василисы:—самоваръ-отъ пора подавать?

... „яко тіи утѣшатся“... Ахъ, Василиса! Спроси у папы...

Кухарка ушла, но настроеніе у Оли уже было испорчено. Она машинально прочла еще нѣсколько разъ трудныя слова урока, вздохнула и задумалась.

Олѣ шелъ двѣнадцатый годъ; она училась во второмъ классѣ гимназіи. Дѣвочка она была худенькая, хрупкая, съ большими черными глазами, вѣчно какъ будто испуганными. Застѣнчивая и робкая, она боялась учителей, классныхъ дамъ, начальницы. Училась, несмотря на всѣ свои старанія, плохо, при малѣйшемъ окрикѣ со стороны взрослыхъ сразу терялась и, отъ страха и волненія, совсѣмъ не могла говорить. Вотъ и сегодня, Оля шла по коридору, а навстрѣчу ей начальница. Оля поторопилась, хотѣла сдѣлать реверансъ, поскользнулась и упала. Ученицы засмѣялись. А начальница разсердилась и закричала: „Что за неловкая дѣвчонка!“ Тутъ пробилъ звонокъ, Оля побѣжала въ классъ и только успѣла сѣсть за парту и вынуть книги, какъ пришла учительница географіи и вызвала ее къ доскѣ. Оля не могла сказать ни одного слова. А урокъ вѣдь она приготовила хорошо. Вотъ и сейчасъ помнитъ, что Китайская имперія имѣетъ восемнадцать провинцій, а внѣшній Китай состоитъ изъ семи; и города тоже помнитъ: Пекинъ, Нанкинъ, Кантонъ, Шанхай... А учительница поставила ей двойку... Вотъ папа говоритъ: „надо бороться съ жизнью“. Развѣ она не борется? у нея уже заведено: десять разъ каждый урокъ...

— Оля! Иди, налей намъ чаю.

Дѣвочка очнулась при голосѣ отца, мелькомъ заглянула въ книгу и пошла въ столовую.

— Вотъ я и говорю: мы ужасно пассивны, ничего не знаемъ, ничего не умѣемъ. Какой тутъ соціализмъ, когда мы даже не научились быть приличными буржуа, сознающими свое достоинство и силу. А какъ мы воспитывались? Стыдно сказать. Нѣтъ, своей дочери я дамъ другое воспитаніе, чѣмъ получилъ самъ. Пусть съ дѣтскихъ лѣтъ привыкнетъ бороться съ жизнью и заботиться о себѣ... Кстати, Оля, ты уроки приготовила?

— Не всѣ, папочка, по закону очень трудно...

— У васъ кто законоучителемъ? Отецъ Вознесенскій? — Гость, толстенькій господинъ съ большой лысиной, ласково смотрѣлъ на Олю. — Знаю я его, строгій попъ, трудно на него угодить...

— Онъ несправедливый, — сказала дѣвочка, наливая гостю чаю. — Онъ меня недавно спрашивалъ о молитвѣ Господней. Я ему все вѣрно отвѣчала. А Маня Иваницкая его спрашиваетъ: „Зачѣмъ учить другія молитвы, если Іисусъ Христосъ велѣлъ читать одну?“ Батюшка разсердился, ей единицу поставилъ, а мнѣ двойку. А я не виновата...

— Не понимаю,—перебилъ Олю отецъ,—зачѣмъ въ школахъ преподаютъ законъ Божій? Палкой вѣрить не заставишь. Религія— это дѣло совѣсти каждаго человѣка. Преподаваніе морали, это, пожалуй,—да, если хотите, необходимо. Но не ветхій, не новый завѣтъ, извращенныя библія и евангеліе... А это нехорошо, что ты двойку-то получила. Набей мнѣ папиросъ да иди заниматься, постарайся не получать двоекъ.

Оля наскоро допила свою чашку, набила отцу папиросъ и опять ушла въ свою маленькую комнату доучивать уроки.

II.

Классная дама, Зинаида Исидоровна, дѣвица лѣтъ сорока, худая и длинная, безцвѣтными выпуклыми глазами строго оглянула ученицъ, тихо сидѣвшихъ за партами, и, поднявъ на лобъ свои очки, громко сказала:

— Скажите мнѣ: кто вы такія? Уличныя дѣвчонки или мои воспитанницы? Сколько разъ я вамъ говорила: на молитвѣ нужно стоять молча, благоговѣйно, а вы стрекочете, какъ сороки.

Былъ первый урокъ. Учитель французскаго языка, по обыкновенію заигравшись въ клубѣ до ранняго утра, опоздалъ къ началу занятій, и классная дама, воспользовавшись свободнымъ временемъ, читала дѣтямъ нотацію. Дѣвочки сидѣли смирно и во всѣ глаза смотрѣли на сердитую воспитательницу.

— Безстыдницы! Скверно учитесь, шалите, ничего не дѣлаете, старшихъ не уважаете, на молитвѣ ведете себя неприлично, шепчетесь, совершенно не похожи на воспитанныхъ дѣвицъ...

Долго еще томила своими причитаніями классъ Зинаида Исидоровна. Наконецъ, выдохлась, сѣла на стулъ и вызвала дежурную.

— Ну, кого сегодня нѣтъ?

Дежурная дѣвочка съ бойкими карими глазенками торопливо стала перечислять:

— Высоцкой, Глаголевой, Мусиной, Пандопуло...

Въ это время дверь класса робко отворилась, и въ ней показалась маленькая фигурка Оли.

— А-а, — протянула классная дама, — изволили прибыть?.. Ты что же это опаздываешь къ урокамъ, не исполняешь обязанностей? Всѣ работаютъ, занимаются, а ты валандаешься, на

постели валяешься, а потомъ чаи распиваешь, въ гимназію опаздываешь, негодяйка этакая! Вотъ останься послѣ уроковъ, посиди. Позже пришла, позже и уйдешь!

Оля пыталась что-то сказать въ свое оправданіе, но отдѣльныя слова: папа... кухарка... самоваръ... были заглушены громкимъ голосомъ надзирательницы, дребезжащимъ, какъ извозчичьи дрожки по мостовой...

Оля тихонько сѣла на мѣсто, украдкой стараясь стереть платкомъ набѣгавшія на глаза слезы. Въ классѣ была томительная тишина. Напуганныя дѣвочки боялись шевельнуться, и только слышенъ былъ шелестъ перелистываемаго журнала въ рукахъ классной дамы.

— А вотъ и я!—Въ классъ шумно вбѣжалъ толстый розовый человѣкъ, французъ Депре. Господинъ очень жизнерадостный, легкомысленный, но не злой. Онъ любилъ острить, шутить съ гимназистками, и хотя довольно сносно говорилъ по-русски, но, чтобы посмѣшить публику, часто коверкалъ русскія слова. Реалисты и гимназистки старшихъ классовъ характеризовали этого педагога куплетами изъ Беранже:

„Какъ яблочко румянъ,
Одѣтъ весьма безпечно,
Не то, чтобъ очень пьянъ,
Но веселъ безконечно"...

Депре галантно подошелъ къ классной дамѣ и, памятуя, что къ ней очень благоволитъ начальница, расшаркался и попросилъ извиненія, что заставилъ себя ждать. Зинаида Исидоровна, жеманно улыбаясь и подбирая свои юбки, уступила мѣсто педагогу, а сама пересѣла къ окну. Депре смѣшливыми глазами оглядѣлъ классъ.

— А та-та-та! Почему mademoiselle Мусина такая печальная? Venez-ici, я васъ развеселю. Какъ будетъ futur simple отъ глагола s'amuser?—Депре въ эту ночь выигралъ въ клубѣ двадцать рублей, и потому былъ очень веселъ.

Оля молчала. Ее пугали грозные взгляды, бросаемые на нее классной дамой.

— Не знаете? Некаррошо! Eh bien, passé défini? Тоже не знаете? Ну, со временемъ узнаете! Садитесь...

Пробилъ звонокъ. Депре, поспѣшно задавъ урокъ, выкатился изъ класса. Ушла и Зинаида Исидоровна. Ученицы вздохнули свободно.

Дѣвочки окружили Олю, стараясь утѣшить плачущую подругу.

— Оля, не плачь! Французъ ничего не поставилъ, я видѣла...

— Ты почему опоздала?..

— Папа вчера всѣ папиросы выкурилъ, а Василиса не разбудила меня пораньше,—сквозь слезы объясняла подругамъ Оля,—и самоваръ опоздалъ...

— Скверно! Самовара-то не накажутъ, а тебя наказали!..

— Ой, дѣвочки, какая злюка Сидориха! Чистая кикимора. Я думаю, что она когда-нибудь отъ злости лопнетъ!..

— А и взаправду лопнетъ!..

— Худая больно!..

Ученицы говорили всѣ сразу, щебеча, какъ стая птичекъ на крышѣ дома.

III.

Начальница гимназіи, Каролина Федоровна фонъ-Бокъ, сидѣла въ своемъ кабинетѣ за письменнымъ столомъ. А передъ ней, въ почтительной позѣ, стояла надзирательница седьмого класса Рѣдникова, рыжеватая, вертлявая барышня, и что-то шипящимъ голосомъ докладывала. Начальница фонъ-Бокъ или, какъ ее обыкновенно звали, баронесса была дама очень толстая. Сѣдые локоны обрамляли пухлое лицо со вздернутымъ носикомъ, на которомъ еле-еле держалось пенснэ. Глазки у нея были маленькіе, заплывшіе. И вся она была похожа на жирную кошку, особенно когда она бывала чѣмъ-либо разсержена и глазки ея сверкали зеленоватымъ свѣтомъ.

Рѣдникова разсказывала, какъ на-дняхъ въ квартирѣ земскаго врача Перова была вечеринка по случаю именинъ его дочери-гимназистки. На этой вечеринкѣ, кромѣ учащихся, были и взрослые, а также высланный въ ихъ городъ подъ надзоръ полиціи бывшій студентъ Переверзевъ.

Понижая голосъ до едва слышнаго шопота, классная дама говорила:

— Представьте, баронесса, они даже не танцовали. А сидѣли и слушали этого лохматаго недоучку, а что говорилъ имъ Переверзевъ, это прямо ужасно! Онъ говорилъ, что въ Россіи можетъ быть республика...

Грузная фигура начальницы при послѣднихъ словахъ даже какъ-то осѣла на креслѣ, и она взволнованно прервала наперсницу:

— Не можетъ быть! Это ужасно...

— Какъ не можетъ быть, баронесса, это правда... Во время ужина всѣ пѣли „Отрѣшимся отъ стараго міра", а потомъ докторъ запѣвалъ „Дубинушку".

— Откуда такія подробности? Вы, что-ли, сами тамъ были?

— Ахъ, баронесса, какъ можете вы такъ думать! Мнѣ все это разсказала Сойкина, а она была тамъ. Хотя Сойкина не дружна съ Перовой, но она нарочно еще днемъ была у нея и подарила альбомъ. Перова и пригласила Сойкину на вечеръ. Я не скрою, баронесса, подобный планъ Сойкиной посовѣтовала я и даже денегъ дала на подарокъ. Но Сойкина такая милая дѣвочка, такая нравственная и правдивая, что я невольно отмѣчаю ее среди другихъ. Ей бы слѣдовало, баронесса, найти хорошій урокъ; она меня объ этомъ просила...

Въ дверь постучались. Вошла Зинаида Исидоровна.

— Что, баронесса, прикажете сдѣлать съ ученицей Лебедевой? Она опять самовольно ушла съ уроковъ.

— Ахъ, я такъ взволнована, дорогая моя, такъ взволнована!.. Скажите при случаѣ ея отцу. Но только, пожалуйста, въ легкой формѣ. Вѣдь онъ, какъ городской голова, имѣетъ для нашей гимназіи большое значеніе... А вамъ, mademoiselle Рѣдникова, я поручаю разслѣдовать все о вечеринкѣ. На ближайшемъ педагогическомъ совѣтѣ мы рѣшимъ, какъ оградить гимназію отъ заразы.

— Только я васъ попрошу, баронесса, никому не говорить отъ кого я получаю свѣдѣнія.

— Ну, конечно, милая. Это наша педагогическая тайна, и безъ такихъ средствъ нельзя обойтись въ школѣ.

Кабинетъ началъ наполняться другими классными дамами, преподавателями и учительницами. Было 20-ое число, и всѣ спѣшили послѣ уроковъ получить свое жалованье. Слухъ о неразрѣшенной вечеринкѣ извѣстенъ былъ почти всѣмъ, и теперь служилъ общей темой для разговоровъ. Рѣдникова съ таинственнымъ видомъ передала нѣсколько пикантныхъ подробностей. Докторъ Перовъ со своей дочерью послѣ ужина проплясалъ кекъ-уокъ, а бывшій студентъ Переверзевъ, подъ аккомпаниментъ одной гимназистки, пропѣлъ сочиненные имъ на гимназическое начальство куплеты.

— Это любопытно! — заинтересовался Депре, небрежно засовывая полученное жалованье въ карманъ жилета и перевертываясь на одной ножкѣ. — Oh-la-la! Это любопытно! Вы не знаете что именно?

— Непозволительно и преступно! — отозвался законоучи-

тель.—Врачъ Перовъ человѣкъ превратныхъ мыслей и предосудительнаго образа жизни. Необходимо давно обратить вниманіе не только наше, но и другихъ властей на то обстоятельство, что домъ господина Перова является очагомъ крамолы и большого соблазна для мирныхъ обывателей нашего города.

— Ахъ, отецъ Иванъ, отецъ Иванъ, вы совершенно правы,— поддержала законоучителя начальница.—Но что же дѣлать? Такъ много работы, за всѣмъ не услѣдишь... Къ тому же и нашъ предсѣдатель, почтенный Иванъ Адамычъ, такъ некстати заболѣлъ... Придется подождать до слѣдующей недѣли, когда будетъ педагогическій совѣтъ... Кому я еще не дала жалованья? Всѣ получили? До свиданія!

Преподаватели, почтительно откланявшись начальницѣ, съ веселыми лицами, переговариваясь и смѣясь, уходили домой. Зинаида Исидоровна, старательно засунувъ свое жалованье во внутреннее отдѣленіе кошелька, незамѣтно подняла верхнюю юбку, и спрятала кошелекъ въ карманъ нижней. Ее торопила учительница географіи итти вмѣстѣ съ ней въ магазинъ, въ которомъ была назначена распродажа дамскихъ вещей.

— Кстати, фуфайку себѣ выберу,—подумала Зинаида Исидоровна.

— А я васъ за это угощу шоколадомъ,—и учительница географіи, подхвативъ подъ-руку классную даму, потащила ее одѣваться.

IV.

Кончились занятія. Усталая молодежь, наскоро сложивъ свои учебники и тетради, несмотря на грозные окрики надзирательницъ, толкаясь и перегоняя другъ друга, спѣшила уйти отъ давящихъ стѣнъ и духоты на вольный воздухъ, гдѣ нѣтъ назойливаго контроля, томительныхъ уроковъ и того нервнаго напряженнаго состоянія, какое переживаетъ большинство учащихся, сидя на партахъ и ожидая, что вотъ-вотъ сейчасъ вызовутъ къ доскѣ и спросятъ. Въ раздѣвальной постепенно смолкаетъ гулъ молодыхъ голосовъ, въ послѣдній разъ громко хлопаетъ выходная дверь; въ длинныхъ коридорахъ и пустыхъ классахъ дѣлается непривычно тихо и мрачно. Сѣрыя стѣны кажутся какъ будто еще сѣрѣе, грязный, давно некрашенный полъ—еще грязнѣе. Классная доска съ забытой на ней географической картой выдѣляется страннымъ пятномъ среди тоскливой пустоты класса.

Въ нижнемъ коридорѣ послышался смѣхъ и отдаленный разговоръ уходящихъ домой преподавателей. И опять все тихо...

Въ глубинѣ классной комнаты на одной изъ заднихъ партъ сидитъ маленькая дѣвочка и, закрывъ лицо руками, горько, беззвучно плачетъ. Это Оля Мусина... Давно ушли ея подруги. Онѣ уже дома. А она сидитъ одна, безъ обѣда, за то, что опоздала на уроки. У Оли болитъ голова. Она не выспалась. Вчера легла поздно, а ночью ее разбудилъ звонокъ отца, вернувшагося изъ клуба, куда онъ ушелъ со своимъ гостемъ. Нѣсколько разъ пыталась Оля попросить прощенія у Зинаиды Исидоровны и объяснить ей причину своего опозданія, но то мѣшала ей ея обычная робость, то классная дама была чѣмъ-либо занята. И вотъ Оля сидитъ одна въ уже полутемномъ классѣ, такая маленькая, несчастная, заброшенная. Всѣ на нее сердятся, всѣ ею недовольны. Даже папа, и тотъ... Развѣ она не старается дѣлать все, что слѣдуетъ. Охъ, какъ тяжело бороться съ жизнью! Особенно, когда нужно выучить уроки. Батюшка требуетъ отвѣта слово въ слово и кричитъ и бранится, если что-нибудь забудешь. Французъ насмѣхается... Скоро четверть. У Оли будутъ двѣ двойки... Слезы сильнѣе закапали у бѣдной дѣвочки. Маленькій платокъ былъ совершенно мокръ, и Оля вытирала глаза передникомъ... Около печки что-то заскребло и зашуршало. Она испуганно посмотрѣла туда. Небольшой мышенокъ, забавный и веселый, выбѣжалъ изъ какой-то щелки и старательно возился въ углу съ объѣдкомъ колбасы. Дѣвочка съ удивленіемъ смотрѣла на хорошенькаго звѣрька, который, не замѣчая ея присутствія, съ аппетитомъ утолялъ свой голодъ. Олѣ тоже захотѣлось ѣсть. И она стала думать о томъ, какъ придетъ папа, Василиса накроетъ на столъ, и въ четыре часа они сядутъ обѣдать. И Оля съ нетерпѣніемъ ждетъ, когда придетъ дежурная классная дама и отпуститъ ее домой. Вѣдь она давно уже ея дожидается, давнымъ-давно, даже устала сидѣть, болитъ голова и все тѣло. Оля потянулась и громко вздохнула. Мышенокъ стремглавъ полетѣлъ къ печкѣ и гдѣ-то незамѣтно исчезъ. Олѣ сдѣлалось непріятно, что она его испугала, и стало еще тоскливѣе, а голова заболѣла сильнѣе. „Наказываютъ ли мышенка?—подумала Оля:—онъ тоже, бѣдняжка, голоденъ“. Оля встала, осторожно пошла между партъ, замѣтила въ одной изъ нихъ пыльный кусокъ сухой булки, внимательно посмотрѣла на него, повертѣла въ рукахъ и, подойдя къ печкѣ, положила его въ уголокъ въ то мѣсто, гдѣ, ей казалось, жилъ мышенокъ.

Въ нижнемъ коридорѣ пробили стѣнные круглые часы. Оля

считала: „разъ, два... четыре... Какъ же такъ? Папа уже пришелъ домой, а меня не отпускаютъ!" Дѣвочка заволновалась. Сильно-сильно забилось ея сердце, въ вискахъ застучало, руки сдѣлались холодныя и быстро теребили передникъ. Оля безпомощно оглянулась и, прижавшись въ уголъ къ печкѣ, снова горько-прегорько заплакала...

По лѣстницѣ послышались шаги. Кто-то тяжелый шелъ наверхъ, громко топоча ногами, и напѣвая какую-то пѣсенку. Странно было слышать эти громкіе шаги и звуки хриплаго голоса въ пустой тишинѣ громаднаго зданія, обвѣяннаго сумракомъ гаснущаго осенняго дня. Шаги приближались, и кто-то остановился въ дверяхъ класса.

— Ахъ, Ванька!—бормоталъ старческій голосъ,—классы-то не прибралъ, чтобъ тебѣ пусто было!

Старикъ Петровичъ, швейцаръ гимназіи, начальническимъ взоромъ заглянулъ въ классъ и вдругъ увидѣлъ притаившуюся у печки маленькую фигурку.

— Это кто? Барышня, чего вы тутъ дѣлаете? Да никакъ Оленька Мусина! Экое дѣло! Никакъ плачете?

— Не знаете, Петровичъ,—робко спросила очнувшаяся дѣвочка:—скоро придетъ Зинаида Исидоровна меня отпустить?

— Фью,—свистнулъ Петровичъ и махнулъ рукой,—никого ужъ нѣту-ти. Дожидаться ихъ, такъ до завтра. А ты вотъ-что, грѣховодница, ступай-кось домой. Видно про тебя-то забыли. Сегодня 20-е, не до насъ съ тобой! Да пойди въ учительскую, обмойся, а то, вишь, все личико вымазала...

Петровичъ гладилъ шершавой рукой головку дѣвочки и сокрушенно вздыхалъ. Отъ него пахло дешевымъ табакомъ и выпитой водкой, но Олѣ онъ казался добрымъ волшебникомъ, чудесно ее освободившимъ изъ тяжелаго плѣна.

— Спасибо, милый, добрый Петровичъ, я дома умоюсь,—и, благодарно вскинувъ на старика влажные глаза, торопливо побѣжала одѣваться.

V.

— Наконецъ-то!—ироническимъ возгласомъ встрѣтилъ Мусинъ свою маленькую дочку. Онъ хотѣлъ прочитать ей суровое наставленіе, но, замѣтивъ заплаканное личико Оли, ея усталый, страдальческій видъ, промолчалъ и только сердито крикнулъ:

— Василиса, подавай обѣдъ.

Мусинъ былъ не одинъ. У него сидѣлъ какой-то господинъ, съ большими кудрявыми волосами, еще молодой и очень высокій. Оля посмотрѣла на него съ удивленіемъ и робко подошла поздороваться.

— Здравствуйте, милая дѣвица,—незнакомецъ отложилъ въ сторону газету, которую читалъ, ласково взялъ своими обѣими ручищами крохотную ручку Оли и внимательно посмотрѣлъ на нее.—Да какая вы худенькая! Ну, познакомимтесь, меня зовутъ Степанъ Переверзевъ, бывшій студентъ, званіе такое имѣется особое, пріятель всѣхъ гимназистокъ, малыхъ и большихъ, и пугало вашего начальства,—говорилъ весело гость, не выпуская Олиной руки.

— На-дняхъ со мной такой случай былъ. Послушайте, Петръ Сергѣичъ. Шелъ это я по Дворянской улицѣ, вижу—стоятъ двѣ знакомыя гимназистки, носы повѣсили, сами красныя-прекрасныя, а передъ ними какая-то жердь, въ родѣ меня, въ дамскомъ одѣяніи строго-престрого имъ нотацію читаетъ. А голосъ у нея скрипитъ, какъ немазанная телѣга. Мимо публика идетъ, прислушивается; приказчики смотрятъ изъ магазиновъ, смѣются. Гляжу, одна изъ дѣвицъ уже заплакать готова, а другая, того и гляди, драться полѣзетъ... Выручать надо, думаю, пріятельницъ. Подхожу, жердь эту плечомъ эдакъ—виноватъ, молъ, не замѣтилъ, а дѣвицамъ говорю: „Здравствуйте, господа; какъ поживаете?“ А жердь-то какъ взглянетъ на меня, повернулась, да скорѣе маршъ-маршъ... Освободилъ барышень! Это, оказывается, классная дама имъ на улицѣ рацеи читать стала.

— А вѣдь это Сидориха была,—улыбаясь сказала Оля.

— Жердь-то самая? Ага! ну, Сидориха, такъ Сидориха, шутъ съ ней! А вѣдь я, Оленька, ѣсть хочу, да и вы, поди, тоже...

Веселый гость понравился Олѣ, и она очень обрадовалась, когда узнала, что ея отецъ пригласилъ Переверзева заниматься съ ней по нѣкоторымъ предметамъ.

— Вотъ только съѣзжу въ одно мѣсто по дѣлу на недѣльку,—сказалъ студентъ,—вернусь обратно, и такъ мы съ вами эту гимназическую науку двинемъ, что сразу всѣмъ класснымъ дамамъ тошно будетъ...

— Но почему ты, Оля, такъ сегодня опоздала?—закуривая въ концѣ обѣда сигару, спросилъ Мусинъ.—Безъ обѣда оставалась?!. Чортъ знаетъ, какія глупости!.. И ты говоришь, тебя отпустилъ швейцаръ Петровичъ? Вы подумайте, Переверзевъ, какое безобразіе! Надо будетъ съѣздить въ гимназію. Я съ ними

тамъ побесѣдую. Чортъ знаетъ, что! Оставили дѣвочку безъ обѣда и забыли...

— Не надо, папочка, не ходи. Мнѣ хуже будетъ. Вонъ Манина мама тоже была въ гимназіи, а теперь Манѣ проходу нѣтъ. Онѣ всѣ несправедливыя.—И Оля, вспомнивъ обиду, опять закручинилась и притихла.

— А, пожалуй, маленькая-то дѣвица права. Коли идти въ гимназію ругаться, такъ окончательно, чтобы взять дѣвочку оттуда.

— Нѣтъ, это уже крайность. Зачѣмъ? Вы, какъ молодой человѣкъ, простите меня, увлекаетесь. Нѣтъ, я и такъ сумѣю, не возбуждая страстей, поставить на видъ и объяснить господамъ педагогамъ всю нелѣпость ихъ поведенія. И повѣрьте, сдѣлаю это въ такой формѣ, что на отношеніяхъ ихъ къ Олѣ совершенно не отразится. Кто же, если не мы, родители, будетъ защищать интересы нашихъ дѣтей. Это я считаю нашимъ правомъ и долгомъ. Мало еще какія они тамъ глупости выдумаютъ, такъ все и спускать...

Студентъ не возражалъ. А Оля тоскливо думала, сколько непріятныхъ вещей наговорятъ про нее отцу и классная дама, и начальница, и всѣ...

VI.

Прошло нѣсколько дней. Мусинъ все еще не собрался поѣхать въ гимназію. Можетъ быть онъ не побывалъ бы тамъ совсѣмъ, отвлеченный различными служебными дѣлами, если бы само гимназическое начальство не прислало ему приглашеніе явиться въ гимназію для объясненій съ начальницей по вопросу о поведеніи и успѣхахъ Ольги Мусиной, ученицы 2-го класса. Такъ гласила офиціальная бумага.

— Что такое ты тамъ еще натворила?—раздражительно спросилъ онъ Олю.—И такъ у меня много всякихъ непріятностей, а тутъ еще изволь изъ-за тебя съ этими рептиліями объясняйся.

Оля была очень смущена. Не желая огорчать отца, она не разсказала ему, что какъ-то на-дняхъ, совершенно случайно, водя указкой по географической картѣ, проткнула ее. Купить же новую карту, какъ того потребовала Зинаида Исидоровна, она хотѣла на тѣ деньги, которыя давалъ ей изрѣдка на лакомства отецъ.

— Папочка, я нечаянно карту разорвала. Ты возьми мои сорокъ копеекъ, отдай имъ, у меня больше сейчасъ нѣтъ...

— Какая карта? Какія сорокъ копеекъ? Вѣчно ты съ глупостями!—и отецъ сердито ушелъ въ кабинетъ...

Явившись на другой день въ назначенное время въ гимназію, Мусинъ чувствовалъ себя ужасно глупо. Пріемная, гдѣ ему пришлось дожидаться, была строго-офиціальнаго вида и наводила какое-то особое офиціальное уныніе и сонную тоску на сидящихъ въ ожиданіи родителей. Они почему-то нервничали, говорили шопотомъ. Какая-то старенькая женщина, бѣдно одѣтая, поминутно вздыхала и своими вздохами и жалкой фигурой наводила на присутствующихъ еще большее уныніе.

Мусинъ съ дѣланной развязностью, громко шаркая ногами, ходилъ по пріемной.

„Фу, какая адская скучища,—думалъ онъ,—образцовая казенщина, словно въ пріемной у какого-нибудь директора департамента". Остановившись передъ портретомъ пузатаго господина въ форменномъ мундирѣ, Мусинъ вынулъ портсигаръ, звонко захлопнулъ его и закурилъ папиросу. Мимо него шмыгнула одна изъ классныхъ дамъ.

— Милостивый государь, здѣсь курить не разрѣшено,—бросила она на ходу озадаченному Мусину.

— Виноватъ—и Мусинъ смущенно сталъ оглядываться по сторонамъ, ища мѣсто, куда бы онъ могъ положить папиросу.

— Господинъ Мусинъ, пожалуйте къ ея сіятельству,—сказалъ сторожъ, заглянувъ въ пріемную.

Торопливо погасивъ папиросу пальцами и сунувъ ее въ карманъ, Мусинъ вышелъ въ коридоръ, и тотъ же сторожъ провелъ его въ кабинетъ начальницы.

Баронесса встрѣтила его очень сухо. Холодно поздоровавшись, она сквозь зубы, надменно цѣдя слова, сообщила ему, что педагогическій совѣтъ, принимая во вниманіе малоуспѣшность его дочери, частыя опаздыванія въ гимназію и крайне разсѣянное поведеніе на урокахъ, постановилъ предупредить объ увольненіи его дочери, въ случаѣ дальнѣйшаго проявленія этихъ дефектовъ.

— Я не скрою,—прибавила начальница,—что, быть можетъ, это постановленіе носитъ нѣсколько суровый характеръ; но педагогическому совѣту приходится также считаться и съ семейной обстановкой воспитанницъ, и съ политическими убѣжденіями и общественной дѣятельностью ихъ родителей... Вы меня, надѣюсь, понимаете, monsieur Мусинъ?

Мусинъ нервно передернулъ плечами:

— Но при чемъ тутъ дѣти, баронесса?

— Простите, мнѣ некогда... Я только совѣтую вамъ серьезнѣе подумать объ участи вашей дочери и постараться улучшить ея положеніе въ гимназіи, для чего со своей стороны рекомендую вамъ пригласить для занятій на дому съ вашей дочерью ученицу 7-го класса, mademoiselle Сойкину. Подъ вліяніемъ этой достойной дѣвушки, я вполнѣ надѣюсь, что ваша дочь скоро поправится...

— Благодарю васъ. Мнѣ, право, жаль, но я уже пригласилъ репетитора, студента Переверзева.

— Переверзева?—возмущенно протянула баронесса.—Этого только недоставало! Ну, какіе вы, родители, странные люди! Нѣтъ, чтобы придти къ намъ, попросить совѣта... Извините, я не могу позволить, чтобы ваша дочь, пока она состоитъ ученицей ввѣренной мнѣ гимназіи, входила въ какія-либо сношенія съ политическимъ преступникомъ...

— Ну, какой онъ преступникъ! — пытался возразить Мусинъ.—Добрѣйшій юноша...

— Извините, мнѣ некогда. Я вамъ рекомендую Сойкину, а вы поступайте, какъ хотите... Я умываю руки... Пожалуйста, зайдите въ канцелярію, тамъ числятся за вами какія-то недоимки, — брезгливо прибавила начальница и величественнымъ жестомъ отпустила совершенно растерявшагося Мусина.

„Чортъ знаетъ, что̀ такое! Словно мальчишка какой!—бранилъ себя Мусинъ, выходя изъ кабинета. — А Переверзеву придется отказать... Ничего. Онъ неглупый человѣкъ, пойметъ, что иначе поступить нельзя. Надо будетъ только его чѣмъ-либо вознаградить, найти какую-нибудь работу“...

Заплативъ въ канцеляріи за изорванную Олей карту и сунувъ полтинникъ въ руку швейцара, онъ сердито вышелъ на улицу.

— Извозчикъ, — крикнулъ Мусинъ непривычно громко, — сюда подавай, болванъ, не видишь, что ли?! Да поѣзжай живѣе, с-скотина!..

VII.

Опять тѣ же самыя сѣрыя стѣны, тоскливая непривѣтливая классная комната; опять французъ Депре опоздалъ на свой урокъ, и Зинаида Исидоровна читаетъ второклассницамъ нравоученія. Ученицы со скучающими личиками тихо сидятъ и въ десятый разъ слышатъ нудныя слова, надоѣдливыя, какъ скрипъ старой ставни во время долгой осенней ночи...

Маленькой Олѣ кажется, что она всю свою жизнь сидитъ на этой партѣ, въ этой сырой и сѣрой комнатѣ и все слышитъ никому ненужныя слова, безцѣльное ворчаніе старой и всѣмъ надоѣвшей классной дамы. И опять Олѣ хочется спать. Съ трудомъ она таращитъ свои большіе черные глаза, дѣлая видъ, что внимательно слушаетъ Сидориху. Но глаза плохо слушаются, тяжелыя вѣки такъ и слипаются. За послѣдніе дни дѣвочка еще больше похудѣла и поблѣднѣла. Разочарованіе, усталость и тоска въ конецъ измучили и безъ того слабый дѣтскій организмъ...

Ни въ чемъ не везетъ Олѣ въ послѣднее время. Ей такъ хотѣлось заниматься съ тѣмъ добрымъ, веселымъ студентомъ. Раза три видѣла она его и совсѣмъ мало съ нимъ говорила, но онъ чѣмъ-то сумѣлъ побѣдить ея робость и всецѣло овладѣлъ ея маленькимъ сердечкомъ. Оля чувствовала себя съ нимъ свободно и легко, какъ съ подругой,—будто онъ не взрослый бородатый человѣкъ, а такой же маленькій, какъ и она. И вдругъ почему-то явилась эта злюка Сойкина, съ которой, какъ Оля слышала, и подруги семиклассницы не хотятъ дружить...

Дни сдѣлались какіе-то длинные-длинные, а времени какъ-то не хватаетъ совсѣмъ, даже для того, чтобы окончить давно уже начатое Олей платье для любимой куклы... Придетъ Оля изъ гимназіи, наскоро пообѣдаетъ и сейчасъ же садится за уроки, спѣшитъ приготовить ихъ къ приходу Сойкиной. Потомъ приходитъ Сойкина, всегда почему-то сердитая и недовольная, занимается съ ней, а послѣ нея Оля опять повторяетъ уроки... И каждый день теперь у Оли болитъ голова, а Сойкина ей не вѣритъ и называетъ лѣнтяйкой. А она вовсе не лѣнтяйка, она старается изо всѣхъ силъ. Она, право, не виновата, что не понимаетъ объясненій Сойкиной. И ничего она не можетъ подѣлать съ собой. Днемъ ей всегда очень-очень хочется спать, а вотъ ночью не можетъ, да и только. Ворочается, ворочается въ постели, то на правый бокъ ляжетъ, то на лѣвый, только голова болитъ и кружится. Жаловалась папѣ, онъ говоритъ: малокровіе, лѣтомъ въ деревню повезетъ. А до лѣта далеко, далеко, только вторая четверть началась, а ихъ всѣхъ четыре и потомъ экзамены. Пока же надо терпѣливо ждать, или, какъ говоритъ папа, бороться съ жизнью. И зачѣмъ съ ней нужно бороться? Никакъ не поймешь...

Охъ, какъ спать хочется! Вотъ положить бы голову на парту и заснуть бы крѣпко-крѣпко.. Какъ бы хорошо!.. И Оля неожиданно для самой себя вдругъ зѣвнула сладко-сладко на весь классъ и даже не успѣла прикрыть рукой свой маленькій ротъ.

— Это что за невоспитанная дѣвчонка!—закричала Зинаида Исидоровна. — Я учу васъ приличнымъ манерамъ, забочусь о вашемъ будущемъ и вдругъ, на тебѣ, эта грубіянка вытаращила глаза и зѣваетъ мнѣ прямо въ лицо! Нечего сказать, хорошее домашнее воспитаніе получаешь... Да встань ты, когда съ тобой говорятъ, невѣжа!.. Впрочемъ, что же и требовать! Вы знаете, дѣвочки, кого хотѣли пригласить ей въ репетиторы? Этого лохматаго студента, который бѣгаетъ съ нашими семиклассницами—тоже хороши—по Дворянской... Подумайте, какое можетъ быть воспитаніе подъ руководствомъ такого чучелы! Хорошъ репетиторъ! Чучело гороховое! Ха-ха-ха! — и Зинаида Исидоровна стала смѣяться какимъ-то особеннымъ злымъ, обиднымъ смѣхомъ...

Нѣсколько гимназистокъ угодливо вторило ей, другія обернулись и смотрѣли на Олю. А Оля стояла съ зардѣвшимся личикомъ, и на глазахъ у нея блестѣли слезы. Что-то давило ей горло, дрожали колѣни, а руки мяли и теребили носовой платокъ. Кружилась голова... Что-то новое, совсѣмъ незнакомое, почувствовала она въ эту минуту. Негодованіе къ смѣющимся недругамъ и страшная ненависть къ классной дамѣ вдругъ съ неудержимой силой охватили Олю. Она не видѣла больше ни учениць, ни классной доски, какой-то туманъ покрылъ всѣ предметы, и только худая высокая фигура ненавистной Сидорихи стояла передъ ней олицетвореніемъ жестокой насмѣшки и тяжелой обиды...

И вдругъ эта смирная, кроткая дѣвочка, запуганная и затравленная, крикнула звонкимъ и рвущимся голосомъ:

— Сами вы... чучело гороховое!.. Жердь проклятая!..

Классъ оцѣпенѣлъ. Зинаида Исидоровна отъ неожиданности взмахнула руками и замерла въ трагической позѣ... А Оля уже билась въ истерическихъ рыданьяхъ и что-то кричала сдавленнымъ голосомъ. Заплакали и закричали другія гимназистки, повскакивали съ мѣстъ. Неистово визжала Зинаида Исидоровна:

— Выгоню, дрянь! Выгоню!..

Шумъ былъ невообразимый. Вбѣжавшій Депре растерянно топтался на мѣстѣ и тщетно взывалъ то къ классной дамѣ, то къ дѣтямъ — его никто не слушалъ... И только, когда вплыла величественно въ классъ сама баронесса, безпорядокъ утихъ, слышались одни лишь рыданія Оли...

Судъ и расправа начались.

Ослабѣвшую Олю увели въ библіотеку и заперли тамъ одну въ большой и холодной комнатѣ. Зинаиду Исидоровну заботливо

уложили на кушеткѣ въ пріемной врача и отпаивали валерьяновыми каплями. Въ классѣ начальница съ прибѣжавшей къ ней на помощь Рѣдниковой производила дознаніе...

На большой перемѣнѣ въ кабинетѣ баронессы собрались педагоги и спѣшно обсуждали происшедшій инцидентъ. Старшіе классы глухо волновались. Тревожно бѣгали классныя дамы по коридору, едва сдерживая волнующуюся юность.

Учителя рѣшили собраться экстренно вечеромъ на педагогическій совѣтъ, чтобы офиціально санкціонировать уже состоявшееся предварительное рѣшеніе—исключить Ольгу Мусину за оскорбленіе классной надзирательницы при исполненіи служебныхъ обязанностей. Зинаидѣ Исидоровнѣ педагоги единогласно постановили выразить горячее соболѣзнованіе по поводу нанесенной ей незаслуженной обиды... Оля была приведена въ кабинетъ и здѣсь ей было объявлено, что она исключается изъ гимназіи.

VIII.

Темно въ маленькой комнаткѣ. Если бы не уличный фонарь, бросающій черезъ окно тусклый лучъ жалкаго свѣта, не видно было бы дѣтской фигуры, лежащей неподвижно на постели. Въ домѣ пусто и глухо. Отецъ съ утра куда-то уѣхалъ по дѣламъ за городъ и еще не вернулся. Давно спитъ у себя на кухнѣ Василиса...

Оля лежитъ навзничь съ открытыми глазами и думаетъ, думаетъ... Какъ тяжелый болѣзненный сонъ встаютъ передъ нею неясные обрывки сегодняшняго дня. Ярче всего ей вспоминается минута тяжелаго униженія, когда ее, какъ бѣшеную собаку, заперли одну въ библіотекѣ... Это Рѣдникова назвала ее бѣшеной собакой, когда пришла за ней, чтобы отвести въ кабинетъ начальницы... Начальница сидѣла за столомъ, а вокругъ нея классныя дамы и учителя. О чемъ-то спрашивали ее, обидно и зло, а потомъ сказали, что она исключена...

Олѣ казалось, что она маленькій затравленный мышенокъ въ углу большой комнаты, а на другомъ концѣ этой комнаты сидятъ и стоятъ злые кошки-люди. И вотъ они сейчасъ на нее нападутъ. Что-то случится ужасное... Плохо помнитъ она, какъ ей велѣли уйти, какъ пришла домой...

Сойкиной сегодня не было. Цѣлый день она была одна, и только Василиса приставала и спрашивала, почему она не ѣла ничего за обѣдомъ...

И вотъ лежитъ Оля много часовъ и все думаетъ, думаетъ. Думы ея неясныя, обрывчатыя и все объ одномъ: какъ бы сдѣлать такъ, чтобы заснуть крѣпко-крѣпко, и все забыть, и ни о чемъ не помнить. Иногда мелькнетъ въ сознаніи, что хорошо бы заснуть совсѣмъ, умереть. Теперь ее никто не жалѣетъ, всѣ на нее сердятся, мучаютъ, бранятъ ее. Она лишняя и всѣмъ надоѣла... А умретъ, ее пожалѣютъ, и папа, и начальница, и даже Сидориха. А Сидорихѣ будетъ еще стыдно и совѣстно. Всѣ ее пожалѣютъ и скажутъ, какъ Василиса:

— Кабы мать родная была, не обиждали бы дѣвочку...

...Мать, мама... Милое и ласковое что-то въ этомъ словѣ, такое ласковое и милое, что въ горлѣ щекочетъ, плакать хочется... „Какая была у меня мама?—думаетъ Оля.—У папы почему-то и портрета маминаго нѣтъ". И не помнитъ, не знаетъ ея совсѣмъ дѣвочка. „Должно быть такая свѣтлая, свѣтлая... и добрая... Гдѣ она? Должно быть въ царствіи небесномъ, какъ говоритъ Василиса... А, можетъ, тамъ ея и нѣтъ... И царствія небеснаго нѣтъ... Вѣдь папа умнѣе и Василисы, и батюшки, а онъ въ рай не вѣритъ; это Оля знаетъ. Папа ни во что не вѣритъ и все осуждаетъ... Надъ начальницей смѣется, надъ учителями тоже. А самъ велитъ учиться... Странно какъ-то..."

Опять всплываетъ въ мозгу сцена въ кабинетѣ начальницы. Всѣ злые-злые. Ни одного ласковаго взгляда... Всѣ кошки, а она, Оля—мышенокъ въ углу около дверей. „Мышатъ травятъ,— почему-то думается Олѣ,—или кошки ихъ ѣдятъ..." И кажется Олѣ, что начальница щуритъ зеленые глазки, открываетъ ротъ съ мелкими острыми зубами и вотъ-вотъ сейчасъ бросится на нее и, придавивъ тяжелымъ тѣломъ, начнетъ ее грызть... А Сидориха тянетъ къ ней худыя руки, и вытаращенные глаза ея блестятъ и сверкаютъ, какъ у сосѣдской кошки, когда та ловитъ воробьевъ. Ухъ, какія!.. Оля испуганно вздрагиваетъ, приподнимается на постели, но въ комнатѣ пусто, никого нѣтъ, только большое блѣдное пятно на стѣнѣ отъ уличнаго фонаря.

„Заснуть бы... крѣпко-крѣпко... Кажется, у папы есть лѣкарство. Синенькая коробочка, такая хорошенькая, а въ ней лепешки... Когда у папы непріятности, и онъ не можетъ спать, онъ ихъ глотаетъ, одну или двѣ. А если сразу, то можно заснуть совсѣмъ и не проснуться, такъ папа говорилъ... Придетъ Василиса, начнетъ будить и не разбудитъ... И Сидориха не разбудитъ... И не надо больше бороться съ жизнью, а только лежать и спать..."

Встаетъ дѣвочка съ постели, ищетъ на столикѣ спички, за-

жигаетъ свѣчку, беретъ ее и идетъ. Дрожитъ тяжелый подсвѣчникъ въ слабенькой рукѣ, колеблется пламя свѣчи... Прыгаютъ тѣни по стѣнамъ... Комнаты какія-то чужія, незнакомыя... Папина спальня... На комодѣ въ ящикѣ должно быть и лежатъ лепешки... Какая хорошенькая коробочка!.. А это кто?.. Это она, Оля, въ зеркалѣ. Какіе у нея большущіе глаза, черные, пречерные. Никогда такихъ не видала. Даже страшно смотрѣть...

Оля опять идетъ въ свою комнатку и садится на постели... „Сколько же ихъ съѣсть? Вѣдь и папѣ надо оставить... Оставлю ему двѣ, остальныя съѣмъ, съѣмъ и засну, а потомъ умру... А вдругъ они подумаютъ, что я нарочно? И папа подумаетъ и будетъ сердиться... Сказать папѣ надо, написать!"

Дѣвочка идетъ къ своему столику, ищетъ листикъ бумаги... Нѣтъ листика. Беретъ тетрадь—все равно больше не надо,—вырываетъ чистую страницу, садится, пишетъ:

„Милый папа! не сердись на меня. Очень хочу спать и умереть. Не могу больше бороться съ жизнью"..

Вотъ и написала. А теперь скорѣй въ постельку, спать, спать... Раздѣться? Не стоитъ—все равно.

Оля беретъ коробочку, высыпаетъ на ладонь облатки. Беретъ одну въ ротъ, глотаетъ. Поперхнулась, закашлялась... „Глупая какая, съ водой надо!" Наливаетъ изъ графина въ стаканъ воду. Пьетъ. Проскочила. „Теперь другая, третья... еще. Папѣ двѣ... А сейчасъ спать, спать... Завтра въ гимназію не идти... Завтра не разбудятъ".

. . . .

Лежитъ маленькая дѣвочка въ маленькой постелькѣ. Закрыты ея черные глаза. Она спитъ крѣпко-крѣпко...

Звенитъ громко входной звонокъ. Сонная Василиса, тяжело ступая босыми ногами, отворяетъ возвратившемуся Мусину двери. Тихо о чемъ-то шепчутся они. На цыпочкахъ, чтобы не разбудить дочь, проходитъ отецъ въ свою спальню. Уходитъ досыпать въ кухню и Василиса. Глухо и тихо въ темномъ домѣ...

IX.

Странная компанія. Никогда не было такихъ гостей въ домѣ Мусина. У окна сидѣлъ молодцоватый полицеймейстеръ съ бойкими глазами, теперь, прилично случаю, опущенными долу. Онъ нервно теребитъ лихо закрученный усъ и то вынимаетъ, то прячетъ въ боковой карманъ какую-то бумагу.

На диванѣ помѣщалась толстая рыхлая баронесса, багровая отъ волненія. У нея слезятся глаза, и она ихъ вытираетъ кружевнымъ надушеннымъ платкомъ. Тутъ же и законоучитель гимназіи отецъ Иванъ, угловатый, холодный.

Всѣ они сидятъ въ кабинетѣ Мусина и старательно въ чемъ-то его убѣждаютъ. Мусинъ, блѣдный, съ воспаленными глазами, быстро ходитъ отъ шкафа съ книгами къ письменному столу, молчитъ...

Говоритъ полицеймейстеръ вкрадчиво, осторожно, подбирая выраженія:

— Повѣрьте, почтеннѣйшій Петръ Сергѣичъ, такъ лучше будетъ... Мы искренно сочувствуемъ вашему горю. Скорбимъ, можно сказать, всѣмъ сердцемъ. Но, простите, зачѣмъ поднимать шумъ? Оглаской горю не поможете, не воскресите вашу дочку. Право-съ, ничего хорошаго не выйдетъ. Всѣ мы люди, всѣ мы человѣки—иной разъ и ошибаемся. По-христіански бы надо, простить... Однѣ только лишнія для васъ непріятности. Еще разъ убѣдительно просимъ, откажитесь отъ намѣренія...

Мусинъ, ходя по кабинету, только нервно дернулъ плечомъ въ отвѣтъ на слова полицеймейстера... Наступила неловкая, томительная пауза. Непріятное молчаніе прервалъ законоучитель:

— И я вамъ скажу, лучше закончить по хорошему. Вопреки церковному правилу, похоронимъ мы юную самоубійцу по православному обряду, какъ надлежитъ. И вамъ будетъ пріятственно, и намъ. И закончится печальное происшествіе по Божьему соизволенію. Не испытывайте, господинъ Мусинъ, Господа Бога. Вы, можетъ быть, невѣрующій—вонъ у васъ въ кабинетѣ и иконы-то нѣтъ,—а я, какъ священникъ и духовникъ вашей дочери, обязанъ озаботиться участью заблудшей души и примирить ее съ Господомъ Богомъ... А иначе, какое успокоеніе для насъ всѣхъ, когда будетъ лежать она въ землѣ даже безъ креста надъ могилой. Совѣтую, подумайте...

Священникъ умолкъ, многозначительно поднявъ брови. Жалобно всхлипывая, застонала и баронесса:

— Успокойте насъ, дорогой monsieur Мусинъ! Я такъ волнуюсь, такъ волнуюсь... Мы всѣ просто въ отчаяніи. А Зинаида Исидоровна больна, доктора боятся за ея разсудокъ... Пощадите!

Мусинъ не слушалъ причитаній баронессы. Имъ все больше и больше овладѣвало чувство безразличности. Хотѣлось уйти отъ этихъ людей, не видѣть ихъ и не слушать. Въ груди было пусто. „Все равно,—думалъ Мусинъ,—Олю не воротишь, а эти будутъ мучить и надоѣдать".

— Такъ, какъ же рѣшаете?—началъ снова священникъ:—успокойте насъ, пожалѣйте душу дорогой покойницы.

— Да-съ, надо кончить,—посмотрѣвъ на золотые часы, сказалъ и полицеймейстеръ.

— Ахъ, все равно, все равно!.. Дѣлайте, что хотите, только... уйдите, пожалуйста, уйдите скорѣе, я хочу быть одинъ...

— Вотъ и прекрасно! — радостно вздохнулъ полицеймейстеръ.—Значитъ, заявленьице ваше позволите разорвать?.. Ну, а эту бумажку потрудитесь, пожалуйста, подписать. Вотъ вамъ и перышко. Здѣсь, въ этомъ мѣстѣ... Да не горюйте, родной мой. — Полицеймейстеръ спряталъ въ боковой карманъ подписанную Мусинымъ бумагу, сдѣлалъ общій поклонъ, щелкнулъ шпорами и удалился.

Поднялась съ дивана и баронесса и вмѣстѣ съ отцомъ Иваномъ тихо вышла изъ кабинета. Задержались на минуту въ залѣ. Тамъ посрединѣ стоялъ маленькій глазетовый гробикъ, а въ немъ маленькая худенькая дѣвочка спала желаннымъ крѣпкимъ, вѣчнымъ сномъ. Постояли... Перекрестились... Ушли.

„И иконъ-то въ домѣ нѣтъ,—думалъ священникъ, надѣвая шубу.—Безбожники!..“

На крыльцѣ ихъ дожидался полицеймейстеръ.

— Ну-съ, баронесса, можно васъ поздравить,—радостно говорилъ онъ, галантно усаживая начальницу въ экипажъ.—Весьма крупной непріятности изволили избѣжать. Теперь можете быть покойны—скандала не будетъ... До пріятнаго свиданія!..

Баронесса уѣхала. А полицеймейстеръ съ отцомъ Иваномъ пошли не спѣша по домамъ, оживленно бесѣдуя.

X.

Ночью приморозило. А къ утру выпалъ первый пушистый снѣгъ. День былъ яркій, солнечный, и Переверзеву, послѣ безсонной ночи, проведенной въ дорогѣ, совсѣмъ не хотѣлось спать. Жилъ онъ на окраинѣ города, въ маленькомъ деревянномъ домикѣ, принадлежавшемъ сапожныхъ дѣлъ мастеру Ивану Филатову, какъ значилось на прибитой къ покосившимся воротамъ вывѣскѣ.

Возвратившись домой, Переверзевъ попросилъ поставить самоварикъ, а самъ усѣлся къ окну съ видомъ на большую проѣзжую дорогу и сталъ просматривать накопившіяся за его отсутствіемъ газеты. Однако Переверзеву не читалось. Очень ужъ

весело смотрѣло солнышко, блестѣлъ снѣгъ, и даже въ тепло натопленной комнатѣ чувствовался бодрящій запахъ морознаго воздуха.

„Славно съѣздилъ!“ —думалъ студентъ, потягиваясь у окна на плетеномъ креслѣ. Припоминая нѣкоторые эпизоды изъ своей поѣздки, онъ широко улыбался и энергично потиралъ руки. Въ деревнѣ Кунгуровой его едва не захватилъ стражникъ, какъ бы невзначай зашедшій къ мужику, у котораго остановился Переверзевъ. Къ счастью, студентъ былъ въ сѣняхъ, и за темнотой стражникъ его не замѣтилъ. Пришлось задворками пробраться въ другое мѣсто, на противоположный конецъ деревни. Теперь Переверзеву было смѣшно вспоминать, какъ онъ, шагая длинными ногами черезъ огородныя гряды, потерялъ гдѣ-то калоши, и, весь грязный и мокрый, до смерти перепугалъ семью крестьянина, ввалившись неожиданно въ избу.

— Да это ты, лохматый!? А мы думали ужъ Богъ знаетъ что,—разглядѣвъ гостя, привѣтствовала хозяйка.

При этомъ воспоминаніи Переверзеву сдѣлалось весело и онъ захохоталъ.

— Чему это вы такъ радуетесь, Степанъ Тимоѳеевичъ?—спросилъ его сапожникъ Филатовъ, внося кипящій и брызжущій во всѣ стороны, ярко вычищенный самоваръ.—А тутъ о васъ справлялись. Квартальный приходилъ, такъ мы ему сказали, что вы въ городѣ на урокѣ, а у кого—не знаемъ. А вчера, такъ раза три какія-то молоденькія барышни прибѣгали; должно гимназистки...

— Ну, и ладно. Давайте, Иванъ Филатовичъ, чаи гонять. Погода-то какая! Благодать!

— Дѣйствительно, денекъ чудесный.—И хозяинъ, уже въ качествѣ гостя, съ достоинствомъ присѣлъ къ чайному столу.

Студентъ хлопоталъ за самоваромъ. Едва они успѣли выпить по стакану, какъ съ улицы послышалось похоронное пѣніе.

— Кого это?—сказалъ хозяинъ и потянулся къ окну. Подошелъ и Переверзевъ.

— Да это никакъ барышню Мусину... Я и забылъ вамъ, Степанъ Тимоѳеевичъ, сказать...

— Мусину? Какую Мусину?—перебилъ студентъ.

— Дочку Мусина, который въ земской управѣ служитъ... Гимназистку. Сказываютъ, не своей смертью померла, отравилась, что ли...

Показалась похоронная процессія. Молодыя дѣвушки несли на рукахъ маленькій гробикъ. Пѣлъ хоръ учащихся. За гробомъ шло очень много молодежи. Отдѣльной кучкой солидно шагали

педагоги. Переверзевъ узналъ среди нихъ и ту классную даму, которую онъ какъ-то вспугнулъ на Дворцовой улицѣ...

Онъ быстро повернулся къ хозяину.

— Вы говорите—она отравилась?—рѣзко спросилъ онъ.

— Говорятъ,—отвѣтилъ озадаченный сапожникъ.—Кухарка Василиса, что у нихъ живетъ, видите, которая у гроба-то идетъ рядомъ съ бариномъ Мусинымъ, моей кумѣ сродственницей приходится, такъ она ей и сказывала, что барышню ихнюю изъ гимназіи исключили, а она у папеньки сонные порошки взяла, да и отравилась, сердечная.

— Какое безобразіе! Какая подлость!

— Вы это про что?

Но Переверзевъ, не обращая вниманія на хозяина, поспѣшно накинулъ пальто, схватилъ шапку и быстро выбѣжалъ изъ комнаты... Удивленный хозяинъ видѣлъ въ окно, какъ его постоялецъ энергично зашагалъ вслѣдъ за удаляющейся процессіей...

Переверзевъ шелъ въ концѣ печальнаго шествія. Глубокое чувство возмущенія передъ гибелью маленькой славной дѣвочки цѣликомъ захватило его.

„Что бы мнѣ раньше пріѣхать! — думалъ онъ. — Стали бы заниматься... Можетъ-быть этого и не случилось бы... Отецъ-то у ней слюнявая тряпка какая-то, не усмотрѣлъ за дѣвочкой... А эти подлые... Ухъ, я имъ ужо!..“ —и студентъ даже скрипнулъ зубами отъ страшной ненависти.

— Хорошо, что вы пришли, Переверзевъ. А мы васъ, товарищъ, искали, искали. Три раза на квартирѣ были.—Знакомая студенту молодая дѣвушка нетерпѣливо дергала его за рукавъ.— Гдѣ это вы пропадали?.. Вѣдь Олю Мусину изъ-за васъ исключили. — И гимназистка подробно передала все случившееся съ Олей въ гимназіи.

Переверзевъ еще болѣе нахмурился и поблѣднѣлъ.

— Иконниковъ, знаете — реалистъ, приготовился рѣчь на могилѣ говорить, да начальство пронюхало, должно быть черезъ Сойкину—она вѣдь форменной шпіонкой оказалась, мы узнали— и пригрозило его исключить... Не знаемъ, что и дѣлать... Сами убили, а теперь комедію устраиваютъ. Посмотрите, преподы наши всѣ тутъ, благо воскресенье...

XI.

Переверзевъ, невидимый для другихъ, стоя за какимъ-то неуклюжимъ купеческимъ памятникомъ, внимательно наблюдалъ

происходившую передъ его глазами картину. Около свѣже вы-
рытой могилки помѣстились педагоги съ постными лицами, оттѣ-
сняя назадъ учащихся. Возлѣ гроба стоялъ совершенно обезси-
ленный Мусинъ, а рядомъ, держа его подъ руку, виднѣлся бра-
вый полицеймейстеръ. Молодежь и пришедшіе горожане толпи-
лись позади. Мальчики и дѣвочки взлѣзли на памятники, на
деревья и красными отъ мороза ручонками держались за кресты
и вѣтки. Въ сторонѣ, ближе къ церковнымъ воротамъ стоялъ
нарядъ городовыхъ, подъ командой молоденькаго околодочнаго...

Кругомъ было бѣло. Свѣжій снѣгъ лежалъ на деревьяхъ, на
могилахъ и крестахъ. Солнце, все обливая свѣтомъ, отражалось
на металлическихъ пуговицахъ форменныхъ пальто, серебрило
снѣгъ и равнодушно освѣщало человѣческія лица...

Кончался печальный обрядъ. Смолкали послѣдніе звуки по-
хоронной пѣсни. Сейчасъ приколотятъ крышку и опустятъ уснув-
шую навѣки маленькую дѣвочку въ холодную могилу.

— Дайте мнѣ еще взглянуть на барышню, въ послѣдній
разочекъ! — съ громкими причитаніями стала протискиваться
черезъ толпу къ могилѣ старая Василиса.

Этимъ моментомъ воспользовался Переверзевъ и вслѣдъ за
старухой проникъ въ кругъ и быстро взобрался на набросанную
около могилы кучу земли.

Его увидали.

— Слово! Слово! Надгробное слово!—раздались въ толпѣ
юношескіе голоса.

Смущенно смотрѣли другъ на друга педагоги. Они совер-
шенно растерялись и отъ неожиданности не знали, что дѣлать.

Полицеймейстеръ безпокойно оглядывался и бѣгающими тре-
вожно глазами искалъ полицейскаго пристава. Но тотъ мирно
бесѣдовалъ вдали съ какой-то купчихой и совсѣмъ не замѣ-
чалъ таинственныхъ знаковъ начальства.

— Да, я скажу слово,—громко крикнулъ Переверзевъ,—
прежде чѣмъ глухая земля скроетъ въ себѣ эту маленькую не-
винную жертву человѣческаго лицемѣрія, насилія и злобы!

Полицеймейстеръ, не видя своего помощника, пошелъ его
разыскивать. Педагоги стали отступать отъ могилы. Впередъ вы-
двинулись учащіеся. Законоучитель гимназіи, стоявшій рядомъ съ
кладбищенскимъ священникомъ, громко шепталъ ему на ухо:

— Пойдемте, отецъ Геннадій! — Но тотъ, какъ бы не за-
мѣчая его, молитвенно сложилъ руки, внимательно слушалъ сту-
дента, и тихія слезы текли по старому морщинистому лицу...

— ...Не гимназистку Олю Мусину хоронятъ здѣсь, затра-

вленную мертвыми людьми, но всю молодую Россію, свѣтлую юность... Травятъ насъ, мучаютъ и, когда, обезсиленные и замученные, какъ эта маленькая дѣвочка, падаемъ мы въ изнеможеніи и погибаемъ, жестокіе убійцы торжественно хоронятъ насъ, да еще лицемѣрно поютъ „вѣчную память“... Спи спокойно, маленькая кроткая дѣвочка! Твоя добровольная смерть еще шире открываетъ глаза всѣмъ, кто хочетъ видѣть правду, и громкимъ призывомъ свободы вольется въ отверстыя уши желающихъ слышать!..

Молодежь плотнымъ кольцомъ охватила оратора и жадно слушала его, совершенно не обращая вниманія на свое начальство...

— Пропустите, пропустите! — напрасно взывалъ къ учащимся молоденькій околодочный, не рѣшаясь прибѣгнуть къ насилію. Передъ нимъ, тѣсно сжавшись, стояли гимназистки, и онъ смущенно топтался на мѣстѣ.

Баронесса вмѣстѣ съ Зинаидой Исидоровной, затертыя толпой учащихся, не могли изъ нея выбраться и должны были противъ воли и желанія слушать страшныя для нихъ слова студента и ощущать на себѣ острые, полные ненависти взгляды молодежи.

А Переверзевъ продолжалъ:

— Смотрите, сюда пришли палачи, убившіе маленькую дѣвочку. Зачѣмъ они пришли? Для чего? Вѣдь даже нѣкоторые прокуроры, содѣйствующіе присужденію обвиняемыхъ къ смертной казни, уклоняются отъ присутствованія при послѣднихъ минутахъ... А эти пришли... Хотя теперь и бѣжали, услышавъ о себѣ правду... И будетъ время, когда они исчезнутъ совсѣмъ и не вернутся для новыхъ насилій и убійствъ!..

Въ толпѣ произошло замѣшательство. Нѣсколько дюжихъ городовыхъ, предводительствуемые полицеймейстеромъ, грубо расталкивая учащихся, пробивались къ могилѣ.

— Уходите, Переверзевъ, уходите!—взволнованно шептала стоявшая съ нимъ рядомъ гимназистка.—Васъ арестуютъ...

— Не безпокойтесь, это ничего,—быстро шепнулъ ей студентъ, и продолжалъ свою рѣчь.

Городовые уже были возлѣ него, внизу. Чьи-то руки пытались стащить его...

— Мои юные друзья! Не бойтесь жертвъ и помните, что все же побѣда за нами!—успѣлъ громко прокричать ораторъ и вдругъ исчезъ въ кучкѣ схватившихъ его городовыхъ...

Молодежь рванулась къ могилѣ, но было уже поздно...

— Расходитесь! Расходитесь!—злобно кричалъ полицеймейстеръ,—а то арестую всѣхъ! И куда вы лѣзете? — Онъ грубо оттолкнулъ плечомъ какую-то гимназистку...

Въ это время могильщики, поспѣшно спустивъ гробикъ, быстро работая лопатами, забрасывали могилу землей...

Учащіеся запѣли похоронный маршъ и группами стали расходиться съ кладбища...

Около могилы остались городовые, да старенькій кладбищенскій священникъ, утѣшавшій тихо рыдающаго Мусина.

Аркадій Белкій.

ВЪ АВГУСТѢ

Былъ тихій день. Жужжали пчелы,
И ароматъ отъ лѣса шелъ
Такой медовый и тяжелый,
Что заглушалъ гудѣнье пчелъ...

Сверкалъ предательскимъ багрянцемъ
Кой-гдѣ на тополѣ листокъ,
Но межъ осинъ съ красивымъ танцемъ
Паукъ разматывалъ мотокъ.

И, прикрѣпивъ къ сукамъ основу,
Крестообразно плелъ онъ сѣть,
Какъ будто съ пыльцею сосновой
Сбирался на-поле летѣть.

И краснымъ стройнымъ корридоромъ,
Какъ свѣчи, уходили въ глубь
Колонны сосенъ. Косогора
Лежалъ за ними грузный крупъ.

Хрустѣлъ коверъ изъ палыхъ иголъ,
Чешуйно-палевый коверъ,
И колесо свое все двигалъ
Паукъ, сметая съ нитей соръ.

И желто сосны отцвѣтали,
Но верескъ безъ огня горѣлъ...
Шмели и пчелы хлопотали,
А день тепломъ осеннимъ грѣлъ.

Вл. Нарбутъ.

ЗАБАСТОВКА

(Изъ жизни на «золотыхъ» прiискахъ.)

Въ воздухѣ что-то носилось.

Расплывчатое, недоговоренное, но зловѣщее.

Немного дней осталось до праздника Рождества, а никто почти не готовился къ этому празднику.

Чего-то ждали и боялись.

Ждали чего-то большого, чего-то новаго, страшнаго и интереснаго.

Что-то темное нависло надъ тайгою.

Въ воздухѣ пахло бурей.

Говорили о разномъ.

Гдѣ-то „бастовали". На какихъ-то заводахъ убили управляющаго. Гдѣ-то собрался стотысячный „митингъ". Кто-то добился „экономическихъ" преимуществъ. Погромы. Избiенiе и разгонъ казаками массовокъ. Побѣда рабочихъ надъ капиталомъ.

Но все это было гдѣ-то далеко, на Уралѣ.

Газеты читали нарасхватъ.

Читали служащiе. Читали мастеровые и рабочiе.

Долгое время говорили о прочитанномъ.

Въ казармахъ рабочихъ не слышно было обычныхъ возгласовъ игроковъ-картежниковъ:

— Мирю, да подъ тебя полтину!

— Замирилъ!

— Съ нашей, куда не шло!

— Ходи, язви тебя!..

Не слышалось драки, не слышалось еще болѣе обыкновеннаго:

— Эй, Кузяхъ, схлеснемся на бутылку, что-ли?

— А пошто не такъ!

— Валяй! У „Зубчихи" крестьяне [1]) нонѣ свѣженькаго навезли.

Теперь въ казармахъ слышалось иное:

— Нельзя же, въ самомъ дѣлѣ, весь день, съ четырехъ утра до десяти вечера, робить!

— Вонъ, говорятъ, на Уралѣ только восемь часовъ въ сутки работаютъ, посмѣнно значитъ!

— Добились!

— Молодцы, значитъ; не то что мы! Э-эхъ-ма!

— Самое главное—настойчивость.

— Конечно!

— И держаться твердо всѣмъ за одно.

— Правильно!

Рабочій Шляповъ, маленькій, живой и черный какъ уголь, кричалъ съ наръ:

— Главное, ребята, пить не надо. Опять же пальцемъ никого не тронуть, чтобъ тихо было!..

— Это опять же правильно... Ужъ при водкѣ какое дѣло!— поддакивали ему.

— Тихо, смирно чтобъ. Вотъ молъ, такъ и такъ, не желаемъ, молъ, работать восемнадцать часовъ въ сутки. Если желаете, такъ за ту же цѣну — восемь часовъ смѣна—робить будемъ, а не желаете—давайте всѣмъ разсчетъ!..

— Прравильно!

— Извѣстно—восемь часовъ—смѣна!

— Опять же тутъ всѣмъ надо, и дворникамъ, и конюхамъ... однимъ словомъ—всѣ вообще.

Въ главной слесарной мастерской собрались слесаря.

Читали газеты. Спорили. Горячо обсуждали.

— Другіе добиваются, а мы что же?

— Въ другихъ-то мѣстахъ теперь не такъ тѣснятъ нашего брата.

— Да, а мы все по старому мантулимъ! Мы, видно, у Бога теленка съѣли, что ли! Э-эхъ-ма!

[1]) На „золотыхъ" пріискахъ, въ послѣднее время, роль спиртоносовъ стали играть крестьяне, доставляющіе сѣно, овесъ, муку и т. п.

— А управляющій-то, братцы, заюлилъ. Чуетъ. „Вы—говоритъ—погодите малость, я въ главную контору письмо пошлю о разрѣшеніи укоротить рабочій день".

— Знаемъ мы, куда онъ гнетъ!

— Знаемъ мы, кому онъ письмо-то пошлетъ. Не даромъ ѣздилъ вчерась къ исправнику.

— Такъ въ чемъ же дѣло, господа, — говорилъ высокій и худощавый слесарь-машинистъ Герлихъ, — въ чемъ же дѣло? Надо митингъ собрать да и объявить всеобщую экономическую забастовку!..

Нестройнымъ хоромъ отвѣтили голоса:

— Такъ за чѣмъ же дѣло! Давайте!

— Оповѣстить, кого нѣтъ!

— Конечно, дѣйствовать надо!

— Подъ лежащій камень вода не подбѣжитъ!

— Сдѣлаемъ предварительное собраніе, какъ полагается,— продолжалъ Герлихъ,—выработаемъ планъ дѣйствій... изберемъ депутатовъ для переговоровъ съ управленіемъ... ну, да тамъ видно будетъ... начать-то надо! Давайте собраніе сначала...

— Собраніе, такъ собраніе!

— Выбирайте предсѣдателя, какъ полагается!

— Такъ и пусть Герлихъ будетъ предсѣдателемъ, чего еще? Герлиха, ребята! Эй, Герлихъ, ты и говори, дѣйствуй, значитъ! Чего тутъ волынку-то разводить!

— Валяй, Герлихъ, ты можешь!

— Урра!

— Всеобщая, таежная, экономическая забастовка!

Герлихъ взлѣзъ на ящикъ съ инструментами.

— Товарищи!..

Въ квартирѣ управляющаго собрались всѣ служащіе съ семьями.

Винтили. Танцовали. Выпивали и закусывали.

Но веселье не направлялось.

Между служащими шли разговоры совсѣмъ не обыденные: новые, непривычные для тайги.

— Вы слышали,—говоритъ управляющій сосѣдняго пріиска другому,—вы слышали, что поговариваютъ рабочіе?

— Что такое?

— Да на Лѣсномъ пріискѣ управляющій, Вихревъ-то, прогнать хотѣлъ одного рабочаго. У него, у рабочаго-то, семья, видите, большая, чуть не полъ-казармы занимаетъ, а на Лѣсномъ,

знаете, помѣщеній мало. Ну вотъ, Вихревъ-то и хотѣлъ его разсчитать. Онъ, знаете, сначала просилъ, чтобъ его оставили, а потомъ видитъ, что ничего не выходитъ, и говоритъ: „какую вы, говоритъ, полную праву имѣете меня съ семьей безъ предупрежденія гнать!“ Понимаете, „праву“, п-падлецы, какую-то искать захотѣли, понимаете!

— Ну, знаете, Вихревъ ужъ дѣйствительно безсовѣстно дѣлаетъ. Онъ, да еще Орловъ на Елизаветинскомъ, который былъ раньше квартальнымъ въ городѣ, очень возбуждаютъ противъ насъ народъ. Знаете, ужъ не тѣ нынѣ времена, на забой [1]) не притащишь розогъ, да не прикажешь всыпать штукъ двадцать пять для острастки. Нѣтъ, братъ, не тѣ времена!

Управляющій Вѣрнинскимъ пріискомъ, краснолицый, приземистый, среднихъ лѣтъ человѣкъ, съ ярко-рыжими бородой и волосами, тихо разговаривалъ въ кабинетѣ съ главнымъ монтеромъ мастерскихъ.

Высокій, худой англичанинъ-монтеръ утвердительно кивалъ лысой головой съ оттопыренными ушами.

— Эсть, эсть,—говорилъ онъ.

— Я былъ вчера у исправника и говорилъ ему, что нужно быть готовымъ ко всему. Слесаря и рабочіе волнуются. Начитались, мерзавцы, всякой глупости, того и гляди сами взбунтуются. Бѣда!

— Это ваша сдѣлать.

— Вотъ, вотъ, я и говорю Эразму Эдуардовичу, что не мѣшало бы казаковъ изъ города выписать.

— Казакъ?.. ну да, это... которые съ нагайки?

— Вотъ, вотъ, съ шашками, нагайками и пиками... такія, знаете, длинныя палки, а на концѣ не то ножъ, не то багоръ, въ родѣ этого, что-то такое придѣлано.

— Бугоръ?.. это... какъ рыбу?

— Нѣтъ, это, я говорю, пика... пика, понимаете?

— Не понимайтъ!

— Ну, да это не важно. Эразмъ Эдуардовичъ мнѣ сказалъ, что онъ приметъ всѣ мѣры и пошлетъ ко мнѣ на пріискъ еще двухъ стражниковъ.

— Это хорошо, хорошо, меньше спиртоносы, меньше водки пить будутъ.

— Нѣтъ, я не насчетъ водки. Если-бъ только водка, —

[1]) Въ недавнемъ прошломъ на забоѣ (край разрѣза, гдѣ добывается золотосодержащій песокъ) наказывали рабочихъ за лѣность, а также за разные проступки, розгами.

такъ чортъ съ ними, пусть бы лакали, я насчетъ забастовки... Вы знаете,—зашепталъ управляющій,—вѣдь меня и васъ убить могутъ.

— Меня? Зачѣмъ меня убить? Въ Англіи забастовъ многа эстъ и никого не убить, совсѣмъ никого не убить!

— Такъ то въ Англіи, то въ Россіи, экій вы, мистеръ, непонятливый!

— Я не понимайтъ? Зачѣмъ убить?

Быстро вошелъ помощникъ управляющаго.

— Что вамъ?—съ неудовольствіемъ спросилъ управляющій.

— Бѣда! Въ мастерской забастовка! Герлихъ предсѣдателемъ избранъ. Не работаютъ! Кричатъ!

Управляющій поблѣднѣлъ.

— Вотъ оно! Господи! А что же, стражники пріѣхали отъ исправника?

— А казакъ съ нагайка и... какъ это... съ бугоръ, эстъ?— спрашивалъ англичанинъ.

Съ крикомъ вбѣжала жена управляющаго:

— Миша, что такое? Говорятъ, забастовка?!

Въ залѣ царило смятеніе.

Управляющіе тотчасъ разъѣхались по своимъ пріискамъ.

Часть служащихъ быстро разошлась по домамъ.

Молодой конторщикъ Лушновъ взволнованно утѣшалъ свою рыдающую жену.

Красивое интеллигентное лицо его было оживлено. Обнявъ припавшую къ его плечу молодую женщину, онъ быстро шепталъ:

— Ну, что ты, глупая, что ты плачешь? Ну, забастовка, такъ что-жъ изъ этого? Не плачь же, не плачь, Катя!

— А... если... убьютъ!..

— Почему ты думаешь, что убьютъ?

— Въ Томскѣ... читала... въ Одессѣ...

— Такъ, вѣдь, тамъ же хулиганы, союзники, грабители, а здѣсь люди, желающіе только укоротить свой тяжелый рабочій день. Я вотъ сейчасъ пойду къ нимъ и скажу имъ, что я ихній товарищъ, что я имъ сочувствую...

— Не ходи... ради Бога не ходи... они убьютъ тебя!..

Жена бухгалтера, растерянная, красная, толстая, суетилась.

— Надо ѣхать! Сейчасъ же ѣхать въ резиденцію исправника! Ахъ, Господи! Тамъ казаки и стражники! Не дадутъ насъ этимъ... въ обиду! Степанъ Петровичъ,—обратилась она къ мужу, стоявшему на серединѣ комнаты и растерянно разводившему руками,—Степанъ Петровичъ, пошли сказать, чтобъ запрягали, что ты кисляемъ-то стоишь?!

— Я... я ничего, что-жъ, ѣхать, такъ ѣхать...

Вбѣжала запыхавшаяся горничная.

— Господинъ управляющій, Михаилъ Семеновичъ, васъ спрашиваютъ!

— Кто?.. Гдѣ?..—засуетился блѣдный управляющій.

— Тамъ, на кухнѣ, рабочіе требуютъ!

— А... рабочіе, — залепеталъ трясущимися губами управляющій,—что имъ нужно?.. я... спроси, что имъ нужно?..

— Да, говорятъ, васъ лично хотятъ видѣть.

— Меня?.. что-жъ, я пойду, но зачѣмъ же именно сразу меня?.. вотъ пусть Федоръ Трофимовичъ...—указалъ онъ на помощника.

Федоръ Трофимовичъ вышелъ. Черезъ минуту онъ воротился.

— Лошадей просятъ, хотятъ ѣхать на Вознесенскій пріискъ.

— А... лошадей... а они безъ всего пришли? понимаете, безъ всего? Безъ ружей и палокъ?

— Безо всего, безо всего,—со злой и насмѣшливой улыбкой сказалъ помощникъ.

— А... понимаете... они кричатъ, ругаются?

— Нѣтъ, нѣтъ, очень даже вѣжливы.

Управляющій замѣтно успокоился.

— Такъ пусть войдутъ сюда,—сказалъ онъ.

Вошли трое слесарей и Шляповъ и спокойно остановились.

— Что вамъ нужно? Что вамъ нужно?—крикливо обратился къ нимъ управляющій.

— Мы присланы къ вамъ, господинъ управляющій, делегатами отъ всѣхъ рабочихъ и слесарей пріиска съ просьбой разрѣшить намъ взять лошадей, чтобъ снять по всей тайгѣ съ работъ товарищей.

— Вы что же это?.. бунтовать!..

— Мы просимъ у васъ лошадей, господинъ управляющій,— настойчиво, но сдержанно и спокойно повторили депутаты.

Всѣ находящіеся въ залѣ смотрѣли на эту сцену.

Одни съ любопытствомъ, другіе со страхомъ.

Удивлялись. Разводили руками. Шептались, качая головами.

А у дверей стояли четверо и спокойно смотрѣли на вдругъ покраснѣвшаго управляющаго.

— Вы... бунтовать!—безсмысленно повторялъ управляющій, тараща глаза.

Къ нему вплотную подошелъ Герлихъ, въ упоръ взглянулъ на него и тихо, но внятно и твердо, какъ сталь, прозвучали слова:

— Мы требуемъ у васъ лошадей!

Управляющій вдругъ какъ-то съежился, отступилъ назадъ и залепеталъ:

— Лошадей?.. хорошо... Федоръ Трофимовичъ, распорядитесь, чтобъ дали господамъ делегатамъ лошадей... сколько понадобится.

Чуть замѣтная улыбка дернула губы делегатовъ.

Вознесенскій пріискъ спалъ.

Было раннее утро.

Восходящее солнце золотило вершины горъ и окрашивало пурпуромъ тонкіе столбы дыма изъ печныхъ трубъ пріисковыхъ домовъ.

Бодрая, морозная, тихая и ясная погода.

Съ колокольцами подъ дугами, съ бубенчиками на „гусевыхъ" лошадяхъ, въ просторныхъ кошевахъ нагрянули делегаты съ Вѣрнинскаго.

Рабочіе вскочили. Собрались въ кучки по нѣсколько человѣкъ. Большинство уже знали въ чемъ дѣло.

— Сходку надо, сходку устроить!

— Въ слесарную, въ слесарную пойдемте.

Въ просторной слесарной уже собрались слесаря.

Ввалились гости, шумные, веселые, окутанные облакомъ морознаго воздуха, съ возбужденными лицами, горящими глазами.

— Товарищи,—зазвенѣлъ голосъ,—довольно намъ работать, какъ скотамъ въ ярмѣ. Не выходите на работу. Объявляемъ всеобщую экономическую забастовку! Пусть сократятъ рабочій день до восьми часовъ въ сутки и еще пусть исполнятъ вотъ эти требованія!

Въ рукахъ оратора появился листъ бумаги.

— Не выходите на работу до тѣхъ поръ,—продолжалъ ораторъ,—пока не будутъ удовлетворены эти ваши справедливыя требованія!

— Урра!

— Стой крѣпко, ребята!

Прибѣжалъ растерянный помощникъ управляющаго.

— Что вамъ надо, господа? Чего вы требуете? Зачѣмъ собрались въ слесарную?

— Попросите сюда управляющаго, намъ нужно лошадей.

— По какому праву! Зачѣмъ лошадей? Кто вы такіе?!

— Намъ нужно лошадей!

Грозная стѣна сдвинулась. Окружила кольцомъ.

Задніе ряды кричали:

— Что съ нимъ тутъ разсусуливать. Управляющаго сюда!

Оторопѣлый служащій что-то забормоталъ прерывающимся голосомъ.

— Господинъ служащій, передайте господину управляющему, что мы, делегаты съ пріисковъ, просимъ у него лошадей, такъ какъ наши уже сдѣлали сорокъ пять верстъ, а намъ нужно ѣхать дальше. Въ противномъ случаѣ намъ придется самимъ лично просить объ этомъ управляющаго.

Сила послышалась въ голосѣ. Новое что-то, непривычное.

И служащій понялъ, почувствовалъ эту силу.

— Хорошо, передамъ управляющему.

Ушелъ.

Управляющій не пожелалъ, чтобы къ нему явились „делегатишки, какіе-то м-мерзавцы"—и приказалъ дать лошадей.

Черезъ полчаса делегаты уѣхали.

Но на пріискѣ уже не было тихо.

Кучки рабочихъ и слесарей ходили изъ казармы въ казарму, изъ помѣщенія въ помѣщеніе и говорили между собою, размахивая руками.

— Самое главное, ребята, они сказываютъ, штобъ не пить, значитъ, потому, штобъ тихо, значитъ, было.

— Извѣстно, водка самое послѣднее дѣло.

— Съ ей толковъ не будетъ.

— И штобъ не трогать служакъ, алиба дома — строенія, однимъ словомъ ни-ни то-есть. Штобъ смирно значитъ.

— Конешно! Надо тонко политику свою вести. Чтобъ комаръ носу...

А въ кабинетѣ управляющаго тихо разговаривали управляющій, помощникъ управляющаго и сѣденькій матеріальный.

— Что, уѣхали тѣ, дьяволы-то?—спросилъ управляющій.

— Уѣхали.

— Ну, а наши какъ?

— Да ничего. Давеча встрѣтилъ, — поклонились вѣжливо, какъ всегда.

— А вы спрашивали ихъ, на работу пойдутъ?

— Спрашивалъ. Нельзя, говорятъ, не имѣемъ права. Товарищи, говорятъ, заказали. Съ нашимъ бы, говорятъ, удовольствіемъ.

— Такъ вотъ что, — сказалъ управляющій, обращаясь къ матеріальному, — по всѣмъ видимостямъ наши не сильно зара-

зились. Если съ ними покруче поступить, такъ они пойдутъ на работу. Вы вотъ что, не давайте имъ ни фунта припасовъ. Ни мяса, ни муки, понимаете? Ни фунта! Тѣмъ, кто имѣетъ за конторой заслугу, я прикажу выдать разсчетъ съ квитанціей на полученіе денегъ черезъ двѣ недѣли, а припасами ни фунта. Голодъ—лучшій нашъ союзникъ. Врутъ, пойдутъ!

— Какъ бы хуже не сдѣлать, — нерѣшительно замѣтилъ матеріальный.

— Чѣмъ хуже! Мы всегда успѣемъ поправить дѣло. Если они попробуютъ взять силой, или если они взломаютъ амбары—пусть, намъ же лучше. Тогда, значитъ, есть грабежъ и насиліе—преступленіе, караемое строго.

— Что-жъ, хорошо! — вздохнулъ матеріальный, глядя почему-то въ сторону.

Они разошлись, сухо раскланявшись и не глядя въ глаза другъ другу.

Нѣсколькимъ бабамъ понадобилось мясо.

Имъ не выдали.

Рабочіе заволновались.

Послали къ управляющему депутатовъ.

Принялъ. Строго сказалъ:

— Выходите на работы—или разсчетъ по квитанціи съ полученіемъ денегъ черезъ двѣ недѣли.

— Хорошо, выдайте разсчетъ, но частью припасами,—сказали послы.

— Ни фунта. Я кормлю только тѣхъ, кто работаетъ.

— Но вѣдь мы просимъ за деньги, которыя намъ слѣдуетъ получить.

— Это все равно. Если я буду кормить бездѣльниковъ, у меня не хватитъ припасовъ.

Выдвинулся одинъ изъ делегатовъ, молодой, смѣлый и интеллигентный слесарь.

— Вы вынуждаете къ насилію,—тихо сказалъ онъ.

— Я требую только, чтобъ вы вышли на работы.

— Такъ и не выдадите припасовъ?

— Не выдамъ.

Депутаты ушли.

Черезъ нѣсколько минутъ крыльцо дома окружили рабочіе.

Угрюмый ропотъ несся изъ толпы.

Сумрачныя лица. Стиснутые зубы.

Вышелъ управляющій.

— Что вамъ?

— Хлѣба, мяса, муки,—загалдѣли кругомъ.

— Говорите одинъ кто-нибудь.

Вышелъ тотъ же молодой слесарь.

— Товарищи просятъ припасовъ.

— Я же сказалъ, что кто выйдетъ на работу—тому дамъ, а бездѣльникамъ не выдамъ ни фунта, ни крошки!

— А если они сами возьмутъ?

— Берите!

— Не хуже ли будетъ вамъ тогда,—зловѣще понизилъ голосъ слесарь.

— Нѣтъ, вамъ тогда хуже будетъ! — воскликнулъ управляющій.

Толпа придвинулась къ крыльцу. Мрачная, рѣшительная, но безмолвная.

— Такъ не дадите?—еще разъ спросилъ слесарь.

Конвульсіи пробѣгали по его лицу. Плотнѣе сѣрый, угрюмый полукругъ у крыльца.

— Идите на работу—дамъ.

Изъ толпы быстро вышелъ рослый кузнецъ.

— Ты... с-сволочь, — задыхаясь отъ ярости, прохрипѣлъ онъ,—ты, с-сволочь, долго народъ мутить будешь?

И неожиданно раздался звукъ сильной пощечины.

— Н-на! Вотъ тебѣ!

Кузнеца оттащили.

— У-убью с-собаку,—хрипѣлъ онъ, вырываясь.

Управляющій, зажавъ щеку, быстро скрылся въ домѣ.

Черезъ полчаса матеріальный выдавалъ припасы.

Но рабочіе не успокоились.

Ходили кучами. Громко говорили.

— Такъ вотъ какъ съ ними только можно?!

— Они, значитъ, не понимаютъ, когда по совѣсти просятъ?!

— Значитъ, только плюхѣ вѣрь!

Глаза горѣли. Размахивали руками. Ругались. Грозили кому-то.

Страсти разгорались.

Всколыхнулось пріисковое море.

Всколыхнулось и забушевало, плеская волнами людскихъ страстей въ отдаленные свои закоулки.

Жизнь на пріискахъ приняла какую-то новую физіономію.

Царствовалъ рабочій.

Служащіе, за исключеніемъ немногихъ, почти не участвовали въ забастовкѣ и сидѣли смирно по квартирамъ.

Управляющіе стушевались.

„Забастовщики" брали лошадей, не спрашивая прiисковую администрацію, и ѣздили съ пріиска на пріискъ, „снимая" съ работъ еще не забастовавшихъ и устраивая митинги.

Вскорѣ работы прекратились повсемѣстно.

Делегаты отъ каждаго пріиска требовали на митинги то одного, то другого управляющаго и ему говорили:

— Вы не угодны намъ. Вы несправедливы. Выѣзжайте изъ тайги. Мы не хотимъ, чтобъ вы управляли пріискомъ.

И управляющій спѣшно собирался и выѣзжалъ съ золотыхъ пріисковъ.

Выѣхали Вихревъ съ Лѣсного и другіе.

Орловъ съ Елизаветинскаго униженно извинялся передъ митингомъ и обѣщалъ „исправиться".

Рабочіе торжествовали.

Съ трудомъ „коноводы" удерживали еще „забастовку" въ границахъ самосознанія.

Почти диктаторская власть кружила головы.

Исправникъ тоже лебезилъ передъ „забастовщиками".

На одинъ изъ митинговъ потребовался и исправникъ.

Онъ немедленно явился, смущенный, растерянный.

Ему сказали, чтобъ онъ не безпокоился, такъ какъ рабочіе требуютъ только экономическихъ реформъ.

— Политической „закваски" нѣтъ въ нашей забастовкѣ.

Исправникъ благодарилъ и кланялся, здороваясь и прощаясь съ делегатами „за руку".

Однажды исправникъ встрѣтилъ одного изъ делегатовъ. Тотъ, не поклонившись, прошелъ мимо.

Исправникъ, любезно улыбаясь, сказалъ ему:

— Что, богаты стали, и не здороваетесь?

И протянулъ руку.

Успѣхъ опьянилъ „забастовщиковъ". Головы закружились. Не выдержали. Появилась водка. И загуляла, расходилась темная разнузданная толпа.

Прорвалась плотина сознанія.

Завертѣлась въ дикой стихійной пляскѣ, въ вихрѣ темной силы, въ водоворотѣ безсознательной воли рѣка людскихъ пороковъ.

Тщетно Герлихъ и другіе уговаривали не пить.

— Братцы, товарищи, все дѣло провалите! Не пейте!

Ничего не дѣйствовало на толпу.

Озвѣрѣли. Почувствовали силу. И пили, пили безъ конца.

Появились громилы. Въ конторѣ и у управляющаго Вѣрнинскимъ пріискомъ разбили окна.

Жена конторщика Лушнова страшно перепугалась и, одѣвшись въ шубу, одѣвъ и своихъ маленькихъ дѣтей, приготовилась бѣжать.

Она думала, что начинается погромъ всѣхъ служащихъ.

А она такъ много читала о погромахъ въ Томскѣ, въ Одессѣ и въ другихъ городахъ.

Лушнова дома не было. Онъ былъ на сосѣднемъ пріискѣ на митингѣ.

Несчастная женщина, полумертвая отъ испуга, обнявъ дѣтей, рыдая, стояла у окна и смотрѣла, какъ бьютъ окна въ конторѣ.

Въ двери сильно постучали.

Перепуганная прислуга отворила.

Ввалился незнакомый рабочій.

Пьяный, наглый, огромный, злой.

— Водки!

Лушнова подала ему стаканъ.

Выпилъ. Улыбнулся.

— Что, боитесь, видно? Не бойтесь! Дайте еще.

Еще стаканъ.

Лушнова близка къ обмороку.

Дѣти и прислуга плачутъ.

— Не бойтесь. Вс-се-е по бревнышку раскатаемъ! Потому— наша взяла! Дайте еще стакашекъ.

— Вотъ вся водка, больше, ей Богу, нѣтъ.

— Ничего. Выпьемъ и эту.

Выпилъ.

— Вы куда же собрались?

— На митингъ хотимъ ѣхать, мужъ сейчасъ придетъ,—съ храбростью отчаянія пролепетала помертвѣвшая женщина.

— А, значитъ, съ нами заодно. Это хорошо.

— Да, мужъ всегда говорилъ...

— Ну, дайте еще водки.

— Нѣтъ больше.

— Какъ нѣтъ!? Какъ это нѣтъ? Кр-ро-вопивцы! П-по бревнышку раскатаемъ!

Выпучилъ красные глаза.

Хотѣлъ еще что-то сказать, поднялъ кулакъ.

Но вдругъ стихъ и улыбнулся пьяной улыбкой.

— Не бойся, барынька, не реви, ты, говоришь, съ нами заодно?

— Да, да, конечно, я знаю... вамъ такъ тяжело...

— Ну, дай я тебя поцѣлую.

И полѣзъ къ ней.

Собралась съ силами и не то съ визгомъ, не то съ рыданіемъ оттолкнула.

Пьяный взмахнулъ руками и грянулся на полъ.

Всталъ на четвереньки, шарашился и бормоталъ:

— А... ты такъ... п-пагади!

Лушнова уже была на улицѣ, и, держа обоихъ ребятъ на рукахъ, быстро бѣжала къ квартирѣ бухгалтера.

А ей вслѣдъ неслось отъ громилъ конторы:

— У-лю-лю! Тю, лѣшій!..

Къ громиламъ подбѣжалъ делегатъ Шляповъ.

— Братцы, товарищи, что вы дѣлаете! Не нужно ничего трогать, а то стражники пріѣдутъ! Говорятъ, казаковъ выписали и мы виноваты будемъ!

Раздались возбужденные голоса:

— А ты что, продался, что-ли?

— Сколько получилъ отступного?

— Самъ „сбилъ“ насъ на забастовку, а теперь на попятный?!

— Н-нѣтъ, ш-шалишь, братъ!

— Ишь ты, что выдумалъ!

— Бей его!

— Ишь, заступникъ явился, служакъ жалѣетъ!

— Извѣстно—служака-собака за хозяина стоитъ. Хозяйскій прихвостень. Кр-ровопивцы!

— Бей его, ребята, што съ имъ разсуждать!

— Учитель нашелся!

Толпа угрожающе окружила Шляпова, но не трогала.

Шляповъ говорилъ:

— А уговоръ-то забыли? Наклюкались гдѣ-то? Э-эхъ вы! Кто говорилъ, что съ водкой толковъ не будетъ? Вѣдь сами же потомъ виноваты окажетесь! Вотъ пріѣдутъ казаки...

Онъ не договорилъ.

Изъ толпы выскочилъ бородатый пьяный и его тяжелый кулакъ сшибъ съ ногъ Шляпова.

— Р-разъ!

— Бей!

Долго съ остервенѣніемъ били.

Топтали ногами. Озвѣрѣли.

Прибѣжали слесаря съ Герлихомъ. Шляпова подняли. Двое слесарей повели его подъ руки въ помѣщеніе.

Шляповъ едва шелъ между ними, отиралъ рукавомъ кровь съ лица и плакалъ навзрыдъ.

— За нихъ вѣдь... за нихъ же хотѣлъ! — прерывающимся голосомъ говорилъ онъ.

А громилы уже садились въ розвальни и нѣсколько паръ, гремя колокольцами и бубенчиками, понесли ихъ на другой пріискъ, къ новымъ подвигамъ. Со свистомъ, пѣніемъ и гармоникой неслась ватага по таежной дорогѣ.

По бокамъ стоялъ угрюмый таежный лѣсъ и, казалось, съ удивленіемъ смотрѣлъ на непривычную картину.

Качали головами мохнатыя пихты.

Пять паръ быстрыхъ лошадей, запряженныхъ въ просторныя розвальни, лихо неслись по мягкой дорогѣ, взрывая отводами облака пушистаго снѣга.

Въ каждыхъ саняхъ, въ самыхъ разнообразныхъ позахъ, сидитъ по нѣсколько человѣкъ.

Далеко по тайгѣ, въ тишину вѣкового лѣса, врѣзается и несется нестройное, пьяное пѣніе-ревъ, свистъ, звуки гармоники, звонъ колокольцовъ, щелканье бичей и безсмысленное улюлюканіе.

Это катитъ „митинга".

„Забастовщики" дошли до скотскаго состоянія.

— У-у-у!—несется по тайгѣ, повторяясь горнымъ эхомъ.

— А-а-ахъ ты, Ваня!..

— Во-отъ какъ мы! Ва-аляй!..

Встрѣчные съ испугомъ шарахались въ сторону.

Сидѣвшіе въ саняхъ кричали:

— „Митинга" ѣдетъ!

— Да-авай дороги!

— Расшибемъ!

И довольно гоготали.

По захолустнымъ пріискамъ понеслись тревожные слухи:

— „Митинга" на Вознесенскомъ избилъ до смерти стражника.

— На Владимірскомъ „митинга" разбилъ амбары.

— Тамъ зарѣзалъ бабу. Задавилъ лошадьми ребенка...

Подъ именемъ „митинга" стали подразумѣвать какое-то буй-

ное цѣлое, что-то чудовищно-сверхъестественное, не разбиравшее ни своихъ, ни чужихъ.

Боялись какъ лѣшаго.

Боялись, чтобъ къ нимъ „митинга“ не нагрянулъ.

Слагались фантастическіе разсказы.

— Иду я, мать ты моя, по Александровскому, — говорила баба,—ничегосеньки не знаю. Вдругъ, отколь ни возьмись „митинга“ этотъ самый! Палъ на коня да ка-акъ ухнетъ! Я такъ, мать моя, и присѣла — ноженьки мои не идутъ. А онъ, „митинга“-то, какъ шуганетъ мимо меня да и сгинулъ-пропалъ.

— Господи, съ нами крестная сила!..

У исправника собрались почти всѣ управляющіе.

Думали. Обсуждали, какъ подавить „бунтъ“.

Вчера прискакали изъ города казаки, которыхъ уже давно ждали.

Исправникъ говорилъ:

— Нужно прежде всего изловить этихъ главарей: Шляпова, Герлиха, Бородина, Коровина, Пашкова и другихъ. Потомъ, посмотрите, забастовка сама прекратится, и не будетъ никакихъ погромовъ.

— Нѣтъ, Эразмъ Эдуардовичъ,—сказалъ одинъ изъ присутствующихъ, — они, эти главари, не виноваты въ погромахъ. Я самъ...

— Что вы говорите! — съ досадой перебилъ исправникъ,— что вы говорите? Это самые скверные люди. Все это, что произошло на пріискахъ, устроили эти „делегатишки“. Этотъ Шляповъ—отчаяннѣйшій мерзавецъ! Повѣрьте моей опытности! Да вотъ, погодите, узнаютъ они меня!

— Нѣтъ, я не могу согласиться съ вами. Я самъ видѣлъ, какъ громилы били Шляпова за то, что онъ не позволялъ имъ громить...

— Э-э, батенька, они хитрѣе чорта, эти Шляповы и тому подобные. Они какъ лисицы... или... кто это тамъ путаетъ-то слѣды?.. да, заяцъ, такъ они какъ зайцы путаютъ слѣды къ своимъ норамъ, вотъ что!—опять перебилъ кто-то говорившаго.

Исправникъ продолжалъ:

— Я пошлю сейчасъ казаковъ на Алясковскій пріискъ. Они тамъ, эти „делегаты“. Мнѣ ужъ донесли объ этомъ. У нихъ „митинга“ тамъ долженъ быть сегодня. Пусть имъ мои молодцы покажутъ митингъ. К-канальи!

— Хорошо, хорошо, это ваша сдѣлать! — говорилъ англичанинъ.—Ихъ нада... эта... какъ рыбу... бугоръ, а потомъ нагайки!

Всѣ весело разсмѣялись.

Пошли къ закусочному столу успокоившіеся, веселые, почувствовавшіе подъ ногами почву.

Герлихъ, Шляповъ, Бородинъ и другіе делегаты отъ пріисковъ, а также болѣе сознательные рабочіе и мастеровые собрались на Алясковскомъ пріискѣ.

Собралось человѣкъ сорокъ.

Межъ ними былъ и Лушновъ.

Горячо обсуждалось направленіе, принятое забастовкой. Говорили, какъ образумить пьяныхъ громилъ.

Шляповъ съ завязанной головой говорилъ:

— Надо собрать всѣхъ трезвыхъ и правильныхъ товарищей и составить вооруженную охрану.

— А оружіе гдѣ?—говорили ему другіе.

— Собрать со всѣхъ пріисковъ... отобрать у пьяницъ... у служащихъ попросить ружья...

— Нѣтъ, не то, не то... надо имъ выяснить, вразумить ихъ, этихъ дураковъ. Сказать имъ... доказать!—растерянно говорилъ Герлихъ.

— Говорятъ, казаки выписаны и ѣдутъ изъ города,—ровно и отчетливо сказалъ угрюмый Бородинъ.

— Пропало! Все дѣло пропало!—взявшись за голову руками, простоналъ Шляповъ.

И поникъ завязанной головой.

Тихо стало въ большой комнатѣ.

Казалось, что-то зловѣщее крадется изъ темноты.

— Темная, жалкая, безсознательная она, эта рабочая сила,— задумчиво и тихо заговорилъ Лушновъ, — не вижу я просвѣта впереди. Зря пропадутъ ваши труды, друзья мои, и на васъ самихъ, повѣрьте, всѣхъ горше отзовется все это! Взгляните на Шляпова! Вѣдь его убили бы, не подоспѣй слесаря съ Герлихомъ! А мою жену напугали до болѣзни и, быть можетъ, еще хуже было бы, не спасись она во-время бѣгствомъ. И это та самая темная толпа, за которую вы стараетесь. Нѣтъ, не доросла еще она, эта толпа. Это еще безпросвѣтно темное стадо!

Тяжелое, гнетущее молчаніе царило въ отвѣтъ.

Слова Лушнова прозвучали, какъ отходная молитва.

— Нѣтъ, надо бороться! — воскликнулъ вдругъ Шляповъ, поднявъ голову,—надо доказать всѣмъ, что мы...

Но договорить ему не пришлось.

Быстро въ домъ вбѣжалъ слесарь и вскричалъ:

— Казаки! Человѣкъ двадцать казаковъ!

У входа въ домъ послышалась команда и бряцаніе оружія.

„Митинга", объѣхавъ весь округъ, попьянствовавъ на каждомъ пріискѣ и надебоширивъ вездѣ, возвращался на Вѣрнинскій.

Пьяные, довольные, сытые.

Но на пріискѣ ихъ ждалъ неожиданный сюрпризъ.

Вездѣ по пріиску виднѣлись кучками казаки.

У казармъ стояли стражники.

Смолкли разгульныя пѣсни. Стихли разнузданныя слова. Замерли въ страхѣ. Глядятъ.

Остановился „митинга".

Казаки окружили.

— Выдавайте вашихъ зачинщиковъ, главарей вашихъ!—скомандовали казаки.

И противно свистнули въ воздухѣ нагайки.

— Шляповъ, Герлихъ, Пашковъ,—забормотали растерянно „забастовщики".

— Ну, эти уже у исправника на исправленіи,—балагурили насмѣшливые казаки, — а вы давайте новыхъ! Кто васъ сбилъ съ панталыку-то?

Растерянно переглядывались. Недоумѣвали. Почесывались. Переругивались между собой.

— Да все тѣ же, которые... Бородинъ, Герлихъ больше... Шляповъ тоже... опять Пашковъ... они все... мы бы ни въ жисть.

Даже казакамъ стало противно.

— Ну, маршъ по казармамъ, да завтра на работу, сволочь!

— Выйдемъ. Спасибо вамъ, братцы. Мы бы ни въ жисть. Ну, ее, эту самую забастовку!

Угрюмо разошлись по казармамъ, обезкураженные. Вздыхали.

— Погуляли видно, будетъ!

— Вотъ тебѣ, баушка, и Юрьевъ день!

— А что-жъ тѣмъ, робя, будетъ?

— Извѣстно что, не посмотрятъ...

— Цыцъ ты, окаянный, чего каркаешь!

Не смотрѣли другъ на друга.

Чего-то стыдно было.

Жены и дѣти арестованныхъ Лушнова, Герлиха, Шляпова и другихъ провожали своихъ мужей и отцовъ.

Горько плакали. Жаловались. Упрекали кого-то. Прощались.

Кругомъ стояли казаки. Острили. Перемигивались.

Арестованные сидѣли на розвальняхъ и уныло глядѣли въ даль и въ сторону.

— Витя, милый Витя!—рыдала Лушнова.

— О-охъ, Господи!—рыдала и жена Герлиха.

Шляпова окружили его дѣти, и онъ, плача, цѣловалъ ихъ.

Только одинокій Бородинъ угрюмо смотрѣлъ въ сторону Вѣрнинскаго пріиска и грозилъ кому-то своимъ огромнымъ кулакомъ, а изъ глазъ его выкатились, повисли на усахъ и замерзли двѣ крупныя слезы.

Раздалась команда. Поѣздъ тронулся. Заскрипѣли полозья по гладкой таежной дорогѣ.

Рыданія раздались сильнѣе. Причитаніе. Стонъ.

Солнце на дивно-голубомъ небѣ безпечно дарило все и всѣхъ снопами лучей.

А. Семеновъ.

СМЕРТНИКИ

(Окончаніе.)

V*).

Въ тюрьмѣ было четыре секретки. Всѣ четыре помѣщались ниже уровня земли. Узкія, сырыя, вѣчно полутемныя, онѣ невольно заставляли думать о могилѣ. Каждая секретка освѣщалась узкимъ окномъ, задѣланнымъ толстой рѣшеткой и поднимавшимся на аршинъ надъ землею. Особымъ коридорчикомъ двери секретокъ изолировались отъ остальныхъ помѣщеній тюрьмы, но окна секретокъ выходили въ тюремный дворъ и черезъ эти окна заключенные, сидѣвшіе въ противоположномъ корпусѣ тюрьмы, могли видѣть смертниковъ и сообщаться съ ними.

Во время сессій военно-окружного суда относительно смертниковъ соблюдался въ тюрьмѣ такой порядокъ. Утромъ въ день суда заключенные, обвиняемые по „смертной“ статьѣ, выходили на коридоръ со всѣми своими вещами и съ казеннымъ матрасомъ. Дѣлалось это для того, чтобы приговоренный къ смерти не заходилъ послѣ суда въ свою камеру, гдѣ у него могло быть припрятано что-нибудь въ родѣ ножа, яда и т. п. Оправданный или приговоренный къ каторгѣ по возвращеніи изъ суда получалъ обратно матрасъ и вещи и помѣщался въ прежнюю камеру. Матрасы, оставшіеся на коридорѣ, показывали число приговоренныхъ въ этотъ день къ смертной казни. Осужденные на смерть не возвращались въ камеры: ихъ подъ воротами пере-

*) См. іюль, стр. 206.

одѣвали въ другое казенное бѣлье и платье, заковывали по рукамъ и по ногамъ и отводили въ одну изъ секретокъ. Въ теченіе сессіи военнаго суда съ каждымъ днемъ расло число заключенныхъ въ секреткахъ. Къ концу сессіи это число поднималось до пятидесяти и выше. Затѣмъ, послѣ закрытія сессіи, секретки начинали мало-по-малу освобождаться: нѣкоторымъ заключеннымъ объявляли замѣну казни каторжными работами, другихъ то по-одиночкѣ, то по-двое, по-трое, то бо̀льшими группами переводили въ N-ную часть и тамъ вѣшали.

Трудно, не видѣвъ, представить себѣ, что̀ представляла собой жизнь смертниковъ въ этихъ секреткахъ. Если и въ другихъ камерахъ тюрьмы жизнь была не сладкая, то здѣсь былъ подлинный адъ.

Въ тѣсной, сырой камерѣ, безъ коекъ, безъ наръ, безъ всякаго подобія мебели, сидѣло по десяти-двѣнадцати человѣкъ. Скованные по рукамъ и по ногамъ, они не могли ни лечь, ни сѣсть на землю безъ того, чтобы желѣзо не впивалось имъ въ тѣло. Нельзя было ни расправить онѣмѣвшіе члены, ни перемѣнить бѣлье, ни согрѣться усиленнымъ движеніемъ. Секретки почти не отапливались; воздухъ былъ въ нихъ затхлый, сырой. Зимой вода струйками стекала со стѣнъ, стояла лужами на полу, а паръ отъ дыханія клубами держался въ воздухѣ. Разбитыя стекла въ окнахъ не вставлялись. Арестанты валялись на земляномъ полу безъ матрасовъ, не имѣя чѣмъ прикрыться. Нѣкоторые, чтобы согрѣться, ходили изъ угла въ уголъ. И днемъ, и ночью неслись изъ секретокъ рѣзкіе звуки бряцанія ручныхъ и ножныхъ цѣпей. Чтобы понять эту пытку, нужно знать, что̀ такое ручныя и ножныя цѣпи, въ которыя заковывались смертники. Ножныя цѣпи, налагаемыя по закону на всѣхъ каторжанъ, сами по себѣ не очень сильно стѣсняютъ движеніе. Онѣ мѣшаютъ только быстрой ходьбѣ, сильно утомляютъ ноги, вызываютъ въ ногахъ ревматическія боли. Мучительными становятся онѣ лишь зимою, при морозахъ и при отсутствіи теплой одежды и подкандальниковъ. Ручныя цѣпи, по закону, налагаются лишь на короткое время: при перевозкѣ арестантовъ, на буйствующихъ арестантовъ въ видѣ наказанія и въ нѣкоторыхъ случаяхъ на каторжанъ высшихъ разрядовъ. Эти цѣпи почти не обременяютъ рукъ (такъ какъ вѣсъ ихъ—отъ $1\frac{1}{2}$ до 2 фунтовъ—для рукъ мало ощутителенъ); ихъ кольца, довольно широкія и обшитыя кожей, не рѣжутъ тѣло. Въ этомъ отношеніи ручныя цѣпи представляютъ для арестанта менѣе тяжелую обузу, чѣмъ ножныя кандалы. Но ручныя цѣпи настолько коротки, что

совершенно парализуютъ движенія арестанта. Совершенно невыносимо единовременное наложеніе ручныхъ и ножныхъ кандаловъ, особенно при той обстановкѣ, въ которой сидѣли смертники. Если смертники подходили къ окнамъ, шумѣли, если вообще они навлекали на себя чѣмъ-нибудь гнѣвъ администраціи, имъ заворачивали руки за спину и сзади за спиной сковывали ихъ. Въ такомъ положеніи не только нельзя было лечь на землю, не испытывая боли, но нельзя было ни ѣсть, ни пить иначе, какъ опустивъ голову въ кадушку съ водой или въ бакъ съ казеннымъ обѣдомъ. Въ такомъ положеніи смертниковъ оставляли иногда по нѣсколько дней. Въ это время натянутыя сзади оковы почти не бряцали. Изъ секретокъ слышался лишь звонъ тяжелыхъ ножныхъ кандаловъ.

Смертники были лишены книгъ и письменныхъ принадлежностей. Большую часть времени они были лишены также чая и сахара. Но, пожалуй, всего мучительнѣе было для нихъ лишеніе табаку. При страшномъ напряженіи нервовъ, при удручающей внѣшней обстановкѣ, въ ожиданіи дня и часа казни, человѣкъ до болѣзненности остро ощущаетъ потребность хоть чѣмъ-нибудь, хоть папироской одурманить себя... Въ литературѣ, при описаніи смертныхъ казней, часто рисуютъ осужденнаго, послѣднее желаніе котораго передъ казнью заключается въ томъ, чтобы ему дали выкурить папироску, сигару или трубку. Я допускаю, что въ этомъ нѣтъ натяжки: по крайней мѣрѣ смертники въ секреткахъ ни на что не жаловались такъ, какъ на отсутствіе табаку... Другіе заключенные старались помочь смертникамъ, старались облегчить ихъ положеніе, употребляли всевозможныя ухищренія, чтобы передать имъ хоть немного махорки и нѣсколько спичекъ. Иногда удавалось забросить пакетикъ съ табакомъ въ окно. Иногда пакетикъ отскакивалъ отъ прутьевъ рѣшетки, падалъ на землю подлѣ самаго окна—и смертники со скованными руками по полчаса, по часу бились, чтобы втащить въ камеру этотъ крошечный пакетикъ съ $^1/_2$ восьмушки махорки. Иногда подъ окнами секретокъ оказывался часовой съ жалостливымъ сердцемъ, и заключеннымъ удавалось склонить его передать смертникамъ немного табаку. Порой изъ секретокъ слышались взрывы смѣха, звуки пѣсни. Да! и въ этихъ ужасныхъ условіяхъ бодрость и веселость не всегда покидали людей. Тягостны были эти звуки неестественнаго веселья, вылетавшіе изъ секретокъ.

У смертниковъ часто выходили столкновенія съ часовыми изъ-за окна. Запертые въ душной и темной ямѣ, смертники не-

вольно тянулись къ окну. Слишкомъ тяжело было дышать въ глубинѣ секретки. Слишкомъ темно было тамъ, слишкомъ мрачно. А въ окно виденъ былъ клочекъ неба, видны были окна противоположнаго корпуса тюрьмы, видны были сочувствующія лица другихъ заключенныхъ. Въ окно иногда можно было переброситься парой словъ съ товарищемъ или знакомымъ, можно было уловить его участливый взглядъ, послать ему прощальную улыбку. Часовые не подпускали смертниковъ къ окну, штыкомъ отгоняли ихъ отъ рѣшетки, поминутно съ угрозами закрывали окна секретокъ. Часто смертники безропотно подчинялись требованію часового: отходили послѣ его окрика отъ рѣшетки, не пытались открыть закрытаго имъ окна. Но иногда приходилось наблюдать такія сцены.

За рѣшеткой секретки блѣдныя лица смертниковъ. Часовой остановился прямо противъ окна, но смертники какъ будто не замѣчаютъ его.

— Отойди отъ окна!..

Смертники стоятъ за рѣшеткой не двигаясь.

— Тебѣ говорятъ, отойди!

Изъ секретки раздается нетвердый просительный голосъ:

— Господинъ часовой! Дышать вѣдь нечѣмъ! Смотрите, сколько народу набито... Больные есть.

— Не разговаривай! Отходи, когда сказано!

Смертники что-то возражаютъ, но часовой съ шумомъ захлопываетъ окно и отходитъ съ видомъ побѣдителя, въ сознаніи своей силы. Но черезъ минуту окно снова открывается. Часовой опять бросается къ секреткѣ.

— Кто окно открылъ?.. Собаки!

— Господинъ часовой, дышать вѣдь нечѣмъ...

— Не разговаривать! Арестантская морда! Какъ собаку застрѣлю!.. Закрой окно!..

— Ну, стрѣляй, бей! Не боимся тебя.

Часовой цѣлится, наводя ружье то на одного изъ заключенныхъ, то на другого.

Арестанты, громко перебивая другъ друга, бранятъ часового, стараясь раздразнить его, стараясь заставить его выстрѣлить, чтобы пуля его ружья хоть одного изъ нихъ избавила отъ этихъ мукъ. Но часовой сбитъ съ толку и не знаетъ, что дѣлать. Онъ продолжаетъ грозиться, продолжаетъ кричать, но не рѣшается стрѣлять и отходитъ отъ секретки. А смертники остаются за рѣшеткой у открытаго окна, съ блѣдными, унылыми лицами. Смерть, легкая, хорошая смерть отъ ружейной пули

только-что улыбнулась имъ, но они напрасно понадѣялись на нее.

Убить смертника для тюремной администраціи не представляло никакого смысла. И смертниковъ не убивали. Но били смертниковъ безпощадно. Били ихъ по жалобѣ часовыхъ и надзирателей за всевозможныя мелкія нарушенія дисциплины, били и безо всякаго повода. Въ секретку входило сразу отъ 10 до 12 вооруженныхъ надзирателей, и пока двое-трое изъ нихъ били, остальные держали толпу смертниковъ подъ дулами наведенныхъ револьверовъ. Слышны были звуки ударовъ, стоны избиваемыхъ, крики, бряцаніе цѣпей.

Въ окна видно было, какъ брали смертниковъ на казнь. Брали ихъ изъ секретокъ при вечерней повѣркѣ.

Вотъ въ секретку вошло сразу человѣкъ 15 надзирателей. Револьверы у большинства въ рукахъ, у нѣкоторыхъ въ рукахъ берданки. Смертники, выстроившіеся у стѣны въ ожиданіи повѣрки, знаютъ, что это значитъ. Знаютъ они и то, чья сегодня очередь. Двое изъ надзирателей подходятъ къ намѣченному смертнику и берутъ его за плечи. Выведя его на середину секретки, его пригибаютъ къ землѣ, такъ что цѣпь, которою скованы его руки, оказывается на землѣ.

— Подыми ногу!..

Осужденнаго берутъ за ногу и заставляютъ его переступить черезъ лежащую на землѣ цѣпь, сковывающую его руки. Затѣмъ его тянутъ за плечи вверхъ и заставляютъ наполовину выпрямиться. Скрещенныя ручныя и ножныя цѣпи натягиваются, и несчастный окончательно лишается способности двигать руками и ногами. Два надзирателя подхватываютъ смертника сзади, третій, съ ружьемъ наготовѣ, становится прямо передъ нимъ.

— Пошелъ!..

И группа изъ четырехъ человѣкъ двигается въ путь. Два надзирателя несутъ смертника, третій замыкаетъ шествіе. И не звенятъ крѣпко натянутыя скрещенныя цѣпи. И замираютъ на устахъ послѣднія слова:

— Прощайте, товарищи!

VI.

То, что я написалъ о жизни переполненныхъ смертниками секретокъ, можетъ дать лишь самое слабое представленіе объ этой жизни. Нужно быть художникомъ, чтобы изобразить этотъ

адъ, а я не могу быть художникомъ. Я хочу только, какъ невольный наблюдатель, возможно точно передать хоть часть того, что видѣли мои глаза, что слышали мои уши за послѣдніе полтора года. Но слишкомъ бѣдно мое слово сравнительно съ ужасомъ пережитыхъ непосредственныхъ впечатлѣній.

Казни какъ-то вошли въ обиходъ жизни, казались чѣмъ-то естественнымъ и обычнымъ. Всѣ сознавали, что происходитъ передъ ними, но не чувствовали ужаса того, что происходитъ. Или нѣтъ! Всѣ чувствовали этотъ ужасъ, задыхались отъ этого ужаса, но совершенно не воспринимали, не оцѣнивали отдѣльныхъ явленій, изъ которыхъ онъ слагался.

Однажды изъ переполненной секретки послышался страшный, отчаянный вопль. Этотъ вопль несся по всей тюрьмѣ, заглушая всѣ звуки. Заключенные бросились къ окнамъ. Въ окнѣ одной изъ секретокъ виднѣлся голый человѣкъ. На немъ не было никакой одежды, ни рубахи, ни штановъ. Только на рукахъ и на ногахъ его были цѣпи. Руки и ноги его были далеко просунуты между прутьевъ рѣшетки. Впившись въ рѣшетку, онъ кричалъ дикимъ, нечеловѣческимъ голосомъ. Ни словъ, ни мысли, ни выраженія не было въ этомъ крикѣ. Какъ будто это былъ не голосъ человѣка, а вой животнаго. Сзади виднѣлись встревоженныя лица товарищей несчастнаго. Они пытались оторвать его отъ рѣшетки, успокаивали его, хватали его за плечи.

Къ окну подбѣжалъ часовой съ ружьемъ наперевѣсъ, съ наставленнымъ штыкомъ. Увидѣвъ сумасшедшаго, онъ остановился передъ нимъ въ недоумѣніи. Сбѣжались надзиратели, пришелъ помощникъ начальника тюрьмы. Но смертникъ никого не видѣлъ передъ собой, ничего не слышалъ и продолжалъ кричать. Его безсвязный крикъ сталъ только болѣе осмысленнымъ, и среди звуковъ звѣринаго воя можно было разобрать отдѣльныя слова:

— Оставьте... Пустите... Бою-юю-юю-сь... Стра-а-а-шно... Аа-а!

Нѣсколько надзирателей вошли въ секретку и силой оторвали сумасшедшаго отъ рѣшетки. Но изъ глубины секретки попрежнему несся его крикъ. Наконецъ звуки смолкли: несчастнаго куда-то увезли.

Другіе случаи умопомѣшательства носили болѣе тихій характеръ; но основная бредовая идея, пунктъ помѣшательства во всѣхъ случаяхъ были одинаковы.

Всегда ли такъ дѣйствуетъ крикъ сумасшедшаго, или этотъ крикъ казался ужаснымъ именно здѣсь—я не знаю. Но только...

Я считалъ всегда, что у меня нервы крѣпкіе... И все же, когда я слышалъ крикъ сумасшедшаго, мнѣ казалось, что вотъ-вотъ, сейчасъ и я начну кричать, какъ онъ.

Другой сумасшедшій все время видѣлъ передъ собой какое-то ужасное и вмѣстѣ съ тѣмъ необыкновенно забавное зрѣлище. Онъ громко смѣялся, билъ въ ладоши, кричалъ, какъ бы охваченный какимъ-то бѣшенымъ восторгомъ. И по нѣкоторымъ словамъ, прорывавшимся въ его крикѣ, можно было опредѣлить, что забавное зрѣлище, рисовавшееся его воображенію, было зрѣлище... висѣлицы и смертной казни.

Этого человѣка администрація сперва сочла за симулянта, и его очень долго не брали изъ секретки.

Сумасшествіе являлось такимъ естественнымъ выходомъ изъ положенія смертника, что много разъ приходила мнѣ въ голову мысль: почему столь малый процентъ смертниковъ сходитъ съ ума? Почему сумасшествіе среди осужденныхъ на казнь не принимаетъ болѣе массоваго характера? По моимъ наблюденіямъ изъ ста приговоренныхъ къ висѣлицѣ съ ума сходятъ лишь три-четыре человѣка, не больше. Можетъ быть, это зависитъ отъ того, что у большинства смертниковъ уже до суда почти исчезаетъ страхъ смерти.

Другой естественный выходъ изъ положенія смертника— самоубійство. Нѣкоторыя самоубійства смертниковъ попадаютъ въ газеты; но еще больше такихъ случаевъ остаются неизвѣстными обществу. Въ тюрьмѣ самоубійства у всѣхъ на виду, и администраціи никогда не удается скрыть ихъ отъ заключенныхъ. При мнѣ девять человѣкъ изъ числа смертниковъ покончили съ собой. А пытавшіеся покончить съ собой, изыскивавшіе средства къ самоубійству составляютъ очень значительную часть всего числа смертниковъ.

Людямъ, у которыхъ есть завтрашній день, людямъ, которые не приговорены къ смертной казни, трудно представить себѣ, какое мѣсто въ жизни смертниковъ занимаетъ вопросъ о самоубійствѣ. У приговореннаго къ казни имѣются только два пути, избавляющіе его отъ висѣлицы: первый путь—замѣна смертной казни каторгой, второй путь—самоубійство. И кто не надѣется на замѣну, надѣется на то, что ему удастся избѣгнуть висѣлицы посредствомъ самоубійства. Чуть ли не каждый смертникъ думаетъ о самоубійствѣ. Но тѣ, въ комъ всего сильнѣе говоритъ голосъ страха смерти, только *думаютъ* о самоубійствѣ, не предпринимая никакихъ шаговъ для осуществленія этой мысли: на первомъ планѣ для нихъ остается надежда на замѣну висѣлицы

каторгой. Остальные всѣ заняты изысканіемъ средствъ, какъ покончить съ собой. Различные способы самоубійства, преимущество различныхъ видовъ смерти—одна изъ обычнѣйшихъ темъ разговора между смертниками. Какую жилу легче всего вскрыть себѣ при помощи осколка стекла, чѣмъ можно вѣрнѣе всего отравиться, какой ядъ легче всего достать—вотъ кругъ вопросовъ, въ которомъ естественно вращается мысль смертника.

Призракъ висѣлицы дѣлаетъ для смертника отвратительной мысль о томъ, чтобы покончить съ собой при помощи самоудушенія; мнѣ пришлось за полтора года наблюдать лишь одну такую попытку. Еще рѣже смертники, задумавъ самоубійство, обращаются къ ножу. Происходитъ это по всей вѣроятности потому, что никто не вѣритъ въ возможность покончить съ собой сразу при помощи самодѣльнаго жестяного ножичка или осколка стекла. А слегка ранить себя, мучиться, чтобы потомъ все же умереть отъ руки палача? Нѣтъ! Лучше спокойно ждать, когда возьмутъ тебя на казнь... Отъ такихъ отчаянныхъ способовъ самоубійства, какъ самосожженіе, попытка разбить себѣ голову объ камни, попытка уморить себя голодомъ, большинство удерживалось потому, что всѣ эти виды смерти сопряжены съ жестокими физическими мученіями. Вообще, какъ мнѣ кажется, такія отчаянныя попытки самоубійства не могутъ быть продиктованы простымъ желаніемъ избавиться отъ петли: за ними должны стоять другія, болѣе могущественныя, болѣе настоятельныя побужденія.

Многіе пытаются покончить съ собой при помощи имѣющихся подъ рукой средствъ—напр., выпивъ густой настой изъ восьмушки махорки на одинъ стаканъ воды, съѣвши цѣлый фунтъ или полфунта чаю. Но эти средства оказываются недостаточными. Настой махорки вызываетъ сильный жаръ, иногда соединенный съ бредомъ, рвоту, кровохарканье; но эти страданія не приносятъ съ собой избавительницы—смерти. Большое количество сухого или размоченнаго въ водѣ чая сильно дѣйствуетъ лишь на людей съ больнымъ сердцемъ. Но и у нихъ дѣло ограничивается сильнымъ сердечнымъ припадкомъ, обморокомъ, продолжительной слабостью — а смерть не приходитъ. Остается, значитъ, одна единственная надежда: на „настоящій“ ядъ. И люди, которымъ предстоитъ смертная казнь, усердно ищутъ яда. Съ неменьшимъ усердіемъ ищутъ его и тѣ, которые имѣютъ близкихъ и друзей, ждущихъ смерти въ секреткахъ. Какъ проникаетъ ядъ въ тюрьму? Какъ попадаетъ онъ въ руки смертниковъ? Да тѣмъ же путемъ, какимъ проходитъ въ тюрьмы

оружіе, динамитъ: благодаря продажности тюремной стражи... Мечтой каждаго смертника былъ ціанистый кали. Но это средство и на волѣ достать очень трудно: оно оказывалось въ рукахъ лишь у тѣхъ, кто заранѣе, еще до тюрьмы, приготовился къ смерти и ухитрился пронести ядъ съ собою въ тюрьму... Гораздо чаще употребляли морфій и стрихнинъ. Но при попыткахъ отравленія морфіемъ—а такихъ попытокъ при мнѣ было не менѣе двадцати—обнаруживалось странное явленіе: морфій не дѣйствовалъ на смертниковъ. Не знаю, отъ чего это зависѣло. Можетъ-быть, имѣвшійся въ распоряженіи смертниковъ морфій былъ ненадлежащаго качества. Можетъ-быть, смертники слишкомъ дробили имѣвшійся у нихъ драгоцѣнный ядъ и принимали недостаточныя дозы его. Можетъ-быть, въ отдѣльныхъ случаяхъ, дозы, напротивъ, были слишкомъ велики. Можетъ-быть, наконецъ, морфій, который, кажется, поражаетъ центральную нервную систему, не дѣйствуетъ на людей, нервы которыхъ находятся въ черезчуръ напряженномъ состояніи. И тяжело было пробужденіе смертниковъ, безуспѣшно пытавшихся покончить съ собой при помощи морфія.

Гораздо вѣрнѣе дѣйствовалъ стрихнинъ. Въ тюрьмѣ былъ праздникъ, когда по камерамъ разносилась вѣсть, что одному-двумъ смертникамъ удалось покончить съ собой: вѣдь это была побѣда надъ висѣлицей.

VII.

У смертниковъ бросалось въ глаза отсутствіе какихъ бы то ни было духовныхъ интересовъ, въ частности—поразительное отсутствіе интереса къ политикѣ. Говорили о казни, о самоубійствѣ, о различныхъ нападеніяхъ, экспропріаціяхъ, террористическихъ актахъ, и во всѣхъ разговорахъ была кровь, кровь и кровь. Другихъ, болѣе „мирныхъ“ разговоровъ среди смертниковъ почти не было.

Въ большомъ ходу были въ тюрьмѣ самосуды надъ предателями и надъ лицами, заподозрѣнными въ предательствѣ. Предателей среди заключенныхъ дѣйствительно было немало, такъ какъ на допросахъ, изъ страха смерти, многіе выдавали товарищей. Часто, однако, нельзя было установить съ достаточной точностью, кто кого оговорилъ, кто кого выдалъ. И тогда дѣло рѣшалось сплеча, безъ провѣрки обвиненія, даже безъ попытки разобраться въ немъ, и рѣшалось по большей части убійствомъ.

Кровавый самосудъ и раньше практиковался въ тюрьмахъ уголовными. Но среди уголовно-политическихъ это было новое явленіе, развивавшееся параллельно тому, какъ расло число смертниковъ. И самосуды, которые происходили при мнѣ, поражали своей жестокостью, отсутствіемъ необходимой осторожности. Казалось, что люди, осужденные на смерть, считали совершенно естественнымъ осудить на смерть другого; ихъ совсѣмъ, повидимому, не пугала мысль, что убиваемый ими человѣкъ можетъ оказаться невиновнымъ.

Я встрѣтился въ тюрьмѣ съ однимъ человѣкомъ, который судился и военно-окружнымъ, и военно-полевымъ судомъ, привлекался по нѣсколькимъ смертнымъ дѣламъ и болѣе двухъ лѣтъ просидѣлъ въ тюрьмѣ между жизнью и смертью. На волѣ это былъ довольно грубый экспропріаторъ, обыкновеннаго, вульгарнаго типа. Можетъ-быть, онъ обиралъ лавочки, можетъ-быть и стрѣлялъ въ полицейскихъ. Но звѣрскихъ убійствъ за нимъ не было. Это былъ именно обыкновенный преступникъ. Въ то время, когда я встрѣтился съ нимъ, онъ готовъ былъ убить любого мало-мальски несимпатичнаго ему человѣка, если только это возможно было сдѣлать, не боясь отвѣтственности, если только кто-нибудь третій соглашался „взять дѣло на себя". Казалось страннымъ, какъ могъ человѣкъ дойти до такого забвенія всѣхъ человѣческихъ чувствъ. Такимъ сдѣлала его жизнь съ веревкой на шеѣ.

Большинство смертниковъ только и бредили, что убійствомъ и местью. Для революціонера, даже прибѣгающаго къ террору, всякое убійство, всякое кровопролитіе всегда отвратительно, и если онъ идетъ на подобный актъ, то только потому, что считаетъ его необходимымъ. Мысль о мести, какъ таковой, безъ представленія о цѣляхъ движенія—это не мечта революціонера, а бредъ больного человѣка. И этимъ бредомъ отравлены были мысли каждаго смертника. За весьма немногими исключеніями, даже въ тѣхъ смертникахъ, которые продолжали считаться революціонерами, революція рисовалась въ томъ безобразномъ, уродливо-извращенномъ, безумномъ видѣ, въ какомъ она когда-то была изображена въ извѣстномъ стихотвореніи:

...Убійству я придамъ манящую красивость...
...И духъ возлюбитъ кровь, возлюбитъ крови алость.

Меня поразилъ одинъ особый пріемъ, которымъ довольно часто пользовались смертники, чтобы расплатиться со „шпиками" и провокаторами, которыхъ они знали по волѣ. „Эксъ-

исты“ всегда знали многихъ агентовъ охраннаго отдѣленія, такъ какъ порой вмѣстѣ съ агентами ходили на „дѣла“, и во всякомъ случаѣ частенько вмѣстѣ съ ними пьянствовали. И видя, что съ висѣлицы ужъ „не сорваться“, люди начинали сговариваться между собой, какъ передъ смертью сдѣлать „хоть одно доброе дѣло“. Такимъ добрымъ дѣломъ было „взять съ собой на висѣлицу“—т.-е. оговорить—какого-нибудь агента охраннаго отдѣленія или „шпика“. Иногда брали шпиковъ, которые дѣйствительно участвовали въ совершеніи преступленія, иногда другихъ, которыхъ знали по случайной встрѣчѣ или по общей выпивкѣ. Въ тюрьмѣ среди смертниковъ это встрѣчало почти общее сочувствіе и казалось дѣйствительно хорошимъ дѣломъ.

Иногда арестанты и другъ друга „брали съ собой по дѣлу“ изъ мести. При оцѣнкѣ такого поступка арестанты обыкновенно спорили между собой о томъ, кто подалъ поводъ къ ссорѣ и т. п. Вопроса о принципіальной недопустимости извѣстнаго рода извѣтовъ не существовало въ насыщенной кровью атмосферѣ, среди людей, надъ которыми должна была совершиться казнь черезъ повѣшеніе...

Вообще масса смертниковъ производила впечатлѣніе глубокаго нравственнаго одичанія. Но ясно было одно: не это одичаніе толкнуло ихъ на путь преступленія, а напротивъ—самое одичаніе явилось результатомъ ихъ уродливаго положенія, какъ смертниковъ.

Поразительно легкимъ отношеніемъ къ человѣческой жизни, естественно развивающимся среди смертниковъ, объясняются многія трагическія исторіи, разыгравшіяся за послѣдніе годы въ русскихъ тюрьмахъ. Я имѣю въ виду попытки массоваго побѣга, которыя часто предпринимались безъ надежды на успѣхъ, даже безъ достаточныхъ стараній обезпечить удачу,—предпринимались смертниками „такъ себѣ“, „на авось“, „съ отчаянія“ и давали тюремной администраціи поводъ для кровавой расправы съ арестантами.

Но попытки отдѣльныхъ смертниковъ бороться передъ смертью со своими палачами случались при мнѣ сравнительно рѣдко. Я помню всего лишь двѣ такихъ попытки. Кажется, и въ другихъ тюрьмахъ такія попытки случались немногимъ чаще. Много разъ мнѣ приходилось слышать отъ смертниковъ такія рѣчи: „Не понимаю, какъ можетъ человѣкъ спокойно ждать казни, когда ужъ, все равно, ему конецъ. Я послѣ суда ждать не стану... Или тамъ же въ судѣ брошусь на конвой... Или здѣсь, въ тюрьмѣ, что-нибудь сдѣлаю.... Пусть убиваютъ! Все же лучше, чѣмъ

ждать". И люди, говорившіе такъ, все же безъ протеста и безъ попытки бороться шли послѣ суда въ секретку, и такъ же покорно, безъ борьбы, отдавались въ руки палача, когда доходила до нихъ очередь. Болѣе смѣлые и болѣе твердые передъ самой казнью бранили палача, прокурора, священника, пытались сами накинуть петлю себѣ на голову... Но бороться, сопротивляться и они не пытались. Болѣе робкіе принимали священника и выслушивали отъ него напутственное слово. Самые слабые, не ожидавшіе казни, плакали, бились о землю...

Отъ чего происходила эта удивительная покорность казнимыхъ? Мнѣ кажется, что она вполнѣ объясняется упадкомъ энергіи, особой пассивностью, которая овладѣваетъ человѣкомъ, потерявшимъ надежду на жизнь, человѣкомъ, у котораго нѣтъ завтрашняго дня. Не надѣясь ни на что, ни во что не вѣря, живя изо дня въ день въ кошмарномъ бреду, въ хаосѣ физическихъ и нравственныхъ мукъ и мыслей о мести, онъ уже не можетъ дѣйствовать. Ему трудно и самому покончить съ собою, и бороться за сохраненіе жизни. Остается лишь ждать дня казни.

VIII.

Съ вопросомъ о томъ, какъ вліяетъ атмосфера висѣлицъ на людей, тѣсно связанъ вопросъ о палачахъ. Это отвратительный вопросъ, какъ отвратительно и все остальное, о чемъ мнѣ приходится писать. Пройти молча мимо этого вопроса я не могу и хочу подѣлиться нѣкоторыми своими наблюденіями.

Въ той тюрьмѣ, гдѣ я сидѣлъ, въ 1906-мъ году не было палача. Нѣсколько разъ выполненіе смертнаго приговора откладывалось на многіе мѣсяцы, такъ какъ властямъ не удавалось подыскать человѣка, который привелъ бы въ исполненіе приговоръ. Въ 1907-мъ году палачъ нашелся. Въ одной большой камерѣ арестанты-уголовные избили одного изъ своей среды. Неизвѣстно, на какой почвѣ произошла свалка. Избитый просилъ администрацію, чтобы его перевели въ отдѣльную камеру. Его перевели. Въ отдѣльной камерѣ онъ сталъ обдумывать планъ мести своимъ обидчикамъ, и, надумавъ, предложилъ начальству свои услуги въ качествѣ вѣшателя. Это былъ здоровый, сильный человѣкъ, съ очень обыкновеннымъ и очень тупымъ лицомъ. Сидѣлъ онъ за какой-то мелкій разбой съ убійствомъ. Начальство признало его годнымъ для роли палача.

Я видѣлъ этого палача въ N-ой части. На какихъ условіяхъ

онъ работалъ, я не знаю. Надзиратели передавали, что за каждаго повѣшеннаго онъ получаетъ 25 рублей и три мѣсяца скидки со своего срока. Кромѣ того каждый разъ послѣ приведенія въ исполненіе приговоровъ, вынесенныхъ послѣдней сессіей военнаго суда, онъ получалъ въ подарокъ новое платье. Передъ каждой казнью его поили водкой.

Благодаря тому, что работы было много, этотъ палачъ весьма быстро „отработалъ" свой срокъ, и уже въ 1908-мъ году вышелъ на волю. Но черезъ нѣсколько мѣсяцевъ его снова привели въ тюрьму—на этотъ разъ въ качествѣ смертника. Оказалось, что за короткое время, проведенное на свободѣ, онъ успѣлъ совершить цѣлый рядъ грабежей, изъ которыхъ нѣкоторые сопровождались убійствами. Не дожидаясь суда, онъ подалъ прошеніе о томъ, чтобы ему разрѣшили приняться за отправленіе своего прежняго ремесла, чтобы загладить этимъ путемъ свои преступленія. Его прошеніе было принято благосклонно. Но въ это время въ тюрьму былъ уже переведенъ изъ западнаго края другой палачъ—и товарищамъ пришлось дѣлить между собой работу.

Палачъ, переведенный изъ западнаго края, былъ невысокаго роста, очень широкоплечій, приземистый. Ходилъ онъ согнувшись, озираясь по сторонамъ, и всегда пряталъ въ рукавъ палку или камень, какъ будто вѣчно опасаясь нападенія изъ-за угла. Онъ никогда не смѣялся, не улыбался. Я даже не слышалъ, чтобы онъ говорилъ съ кѣмъ-нибудь. Встрѣтивъ его въ толпѣ, всякій невольно обратилъ бы на него вниманіе и невольно вздрогнулъ бы отъ отвращенія. Глубоко ушедшая въ плечи голова; узкій, косой лобъ; густыя черныя брови, почти сросшіяся на переносицѣ; маленькіе, безконечно злые глаза, безпокойно бѣгающіе изъ стороны въ сторону, почти закрытые падающими въ безпорядкѣ длинными черными волосами; маленькое безбородое лицо съ выраженіемъ хищника; большой неулыбающійся ротъ съ узкими неподвижными губами и крупными хищными зубами. Невѣроятно отвратительно было это лицо, и при видѣ его почему-то сразу являлась мысль, что такимъ, вотъ именно такимъ и долженъ быть палачъ.

Этотъ палачъ тоже былъ смертникомъ. Разсказывали, что онъ служилъ гдѣ-то въ охранномъ отдѣленіи, совершалъ экспропріаціи... Затѣмъ попался, угодилъ подъ военный судъ. Сейчасъ „отрабатываетъ" свой срокъ послѣ замѣны смертной казни. Оба палача сидѣли вмѣстѣ въ одной камерѣ. Вскорѣ къ нимъ присоединился третій товарищъ. Этотъ палачъ не имѣлъ въ своей

наружности ничего отталкивающаго, и сперва заключенные не подозрѣвали, какую службу онъ несетъ въ тюрьмѣ. Онъ стоялъ одно время дневальнымъ на томъ коридорѣ, гдѣ я сидѣлъ. Каждый день онъ приносилъ къ дверямъ нашей камеры хлѣбъ, воду, обѣдъ, кипятокъ. Мы брали изъ его рукъ воду и пищу, разговаривали съ нимъ и ни минуты не думали, что имѣемъ дѣло съ палачемъ. Это былъ еще совершенно молодой парень, безъ всякихъ признаковъ растительности на лицѣ, высокій и стройный, съ довольно безцвѣтнымъ и полнымъ лицомъ, съ длинными волосами, съ узкими прищуренными въ видѣ двухъ щелокъ глазами, съ мягкимъ, вкрадчивымъ голосомъ. Всегда чрезвычайно вѣжливый, расторопный и услужливый, онъ больше всего походилъ на полового изъ трактира или на приказчика изъ сквернаго магазина... И вдругъ разнесся слухъ, что этотъ молодой парень вѣшаетъ осужденныхъ, что онъ уже повѣсилъ шесть человѣкъ. Кто-то изъ заключенныхъ спросилъ его: правда ли это? Парень отвѣчалъ, что это злая клевета, и на другой день передалъ намъ записку, содержаніе которой я могу возстановить почти дословно. Вотъ что въ ней говорилось: „Товарищи! Это неправда, что разсказали вамъ про меня. Я этого себѣ никогда не позволю, такъ какъ я тоже сознательный. А то, что я будто служилъ въ охранномъ, это правда. Но только это было раньше, а не теперь. Это вотъ какъ было. Я раньше былъ воромъ, и также помогалъ сыскному отдѣленію, но совсѣмъ мало получалъ за это. А потомъ меня арестовали, потому что нашли краденыя вещи. И я сидѣлъ въ тюрьмѣ. Здѣсь я узналъ настоящихъ людей, и они мнѣ все разсказали и про полицію, и про правительство, и все остальное. И я понялъ, что все это афера особаго рода. Такъ что послѣ тюрьмы я поступилъ въ охранное отдѣленіе, но не для своей пользы, а я старался за народъ. Я старался такъ дѣлать, чтобы меня считали за вѣрнаго человѣка. А когда я добился, приставъ далъ мнѣ четырехъ городовыхъ и послалъ, чтобы дѣлать обыскъ. Но я, какъ сознательный, туда не пошелъ, а пошелъ къ одному помѣщику-буржую и скомандовалъ ему: „Руки вверхъ!" И я взялъ у него 540 р. настоящихъ денегъ, какъ будто за фальшивыя. А потомъ меня хотѣли предать военному суду. Но какъ я опытный и надежный агентъ для пользы службы, то раздумали. И вотъ какъ я попалъ въ тюрьму. Но я знаю, что такое сознательный, и никогда не позволю, чтобы дѣлать зло другому арестанту, который также носитъ сѣрую шапку, какъ и я. Такъ что, товарищи, прошу васъ не вѣрить тому, что вамъ сказали про меня".

Черезъ нѣсколько дней оказалось, что нашъ дневальный дѣйствительно работалъ за палача. Съ коридора его тотчасъ же убрали. Но все остальное, что разсказывалъ онъ про свою прежнюю карьеру, подтвердилось вполнѣ: очевидно палачъ хотѣлъ полной откровенностью усыпить наши подозрѣнія. Именно эта своеобразная откровенность и дѣлаетъ автобіографію палача настолько интереснымъ документомъ, что я считалъ умѣстнымъ привести ее полностью и, насколько могъ, дословно.

Между тремя палачами часто происходили ссоры и даже драки на почвѣ профессіональнаго соперничества. Каждому хотѣлось залучить всю работу въ свои руки, а между тѣмъ приходилось дѣлить ее между тремя. И на трехъ работы было маловато: не выходило на кругъ и двухъ смертниковъ въ мѣсяцъ на брата. Сперва два палача—нашъ дневальный изъ охраннаго отдѣленія и старый палачъ, отработавшій уже раньше свой срокъ—пытались уговорить третьяго, пріѣхавшаго изъ западнаго края, чтобы онъ просилъ перевода въ другую губернію. Но тотъ не согласился. Тогда нашъ дневальный заключилъ союзъ съ палачомъ изъ западнаго края, и они вмѣстѣ напустились на третьяго конкурента. Имъ удалось оттѣснить его и забрать всю работу себѣ. Палачъ, оставшійся безъ работы, не выдержалъ и... повѣсился. Его сокамерники-палачи еле живого сняли его съ петли.

Эта „исторія трехъ палачей" можетъ показаться выдумкой. Но въ ней нѣтъ преувеличеній. И передалъ я ее потому, что она характеризуетъ атмосферу, которой дышитъ переполненная смертниками тюрьма. Развѣ люди, ждущіе казни, могутъ не интересоваться спорами и ссорами между палачами, которые другъ у друга оспариваютъ ихъ головы и шеи?..

Чѣмъ чаще становились смертныя казни, тѣмъ больше оказывалось людей, предлагающихъ свои услуги для приведенія въ исполненіе смертныхъ приговоровъ. Нѣкоторые изъ смертниковъ, въ порывѣ отчаянія, подавали прошенія о предоставленіи имъ должности палача. Сколько было такихъ прошеній за каждую сессію—не знаю. Называли въ тюрьмѣ огромную цифру. Не привожу этой цифры, такъ какъ самъ считаю ее преувеличенной. Относительно принятыхъ, уваженныхъ прошеній въ тюрьмѣ были болѣе точныя свѣдѣнія: въ одной изолированной камерѣ тюрьмы содержалось пять бывшихъ смертниковъ, которымъ смертная казнь была замѣнена каторгой и которымъ была обѣщана работа палачей. Здѣсь сидѣли они, пять кандидатовъ въ палачи. А сколько еще смертниковъ въ секреткахъ смотрѣло на нихъ съ тайной завистью?..

IX.

Живя среди смертниковъ, я научился отдѣлять вопросъ о смертной казни отъ тѣхъ второстепенныхъ, совершенно постороннихъ вопросовъ, съ которыми его обыкновенно смѣшиваютъ.

Не существенно для вопроса о смертной казни то, мучительна ли или безболѣзненна эта казнь. Вѣшаютъ ли приговоренныхъ или сажаютъ на колъ, сносятъ ли имъ голову гильотиной или ихъ сжигаютъ на кострѣ, удавливаютъ ли ихъ ошейникомъ по-испански или четвертуютъ по-китайски—все это не относится къ существу вопроса. Все это относится къ техникѣ смертной казни. И только съ технической (а не съ принципіальной) точки зрѣнія можно обсуждать эти подробности.

Не существенно для вопроса о смертной казни и то, какъ относится къ смертной казни осужденный — встрѣчаетъ ли онъ ее съ полнымъ спокойствіемъ или сходитъ съ ума отъ страха. Вѣдь то, что человѣкъ боится смерти, не увеличиваетъ его права на жизнь. А то, что человѣкъ прямо смотритъ смерти въ глаза, не даетъ другому человѣку права убить его.

Не существенно для вопроса о смертной казни и то, насколько нравственны, чисты и непорочны люди, которыхъ вѣшаютъ. Убійство всегда остается убійствомъ, смертная казнь всегда остается смертной казнью—а казнь всегда есть убійство. Личныя качества казнимыхъ могутъ опредѣлять степень нашего сочувствія къ нимъ, могутъ опредѣлять и соціальную убыточность казни. Но вопросъ о смертной казни не долженъ имѣть ничего общаго ни съ соображеніями соціальной убыточности, ни съ сочувствіемъ, ни съ жалостью. При чемъ здѣсь сочувствіе, когда сегодня Ивановъ — палачъ, Сидоровъ — жертва, а вчера еще Сидоровъ могъ оказаться палачемъ, Ивановъ — жертвой? При чемъ здѣсь жалость, когда на висѣлицу идетъ X, не нуждающійся въ жалости, а рядомъ съ нимъ—какой-нибудь убійца, не стоющій жалости? Долженъ быть такой взглядъ на казнь, при которомъ исчезаетъ личность казнимаго и остается лишь одно: казнятъ человѣка! Лишь эти два слова: *казнятъ человѣка*.

Кромѣ принципіальной оцѣнки смертной казни, какъ таковой, можно изучать ее и съ различныхъ спеціальныхъ точекъ зрѣнія. Меня въ тюрьмѣ занимала юридическая точка зрѣнія на вопросъ: можно ли прослѣдить непосредственную связь между практикой смертныхъ казней и ростомъ преступности? Для

того, чтобы отвѣтить съ полнотою на этотъ вопросъ, нужны болѣе широкія и, во всякомъ случаѣ, болѣе спокойныя наблюденія. Но вотъ нѣсколько подмѣченныхъ мною черточекъ, которыя, быть можетъ, представляютъ нѣкоторый интересъ въ качествѣ матеріала.

Въ тюрьмѣ мнѣ пришлось узнать подробности многихъ нападеній, покушеній и отстрѣливаній, которыми въ свое время наполнялись столбцы газетной хроники. Пришлось познакомиться и съ героями этихъ преступленій. У нихъ бросался въ глаза какой-то странный избытокъ молодечества, бравированіе опасностью, то, что на языкѣ полицейскихъ протоколовъ и газетныхъ отчетовъ обозначается словами: „необыкновенная дерзость". Эта „дерзость" въ глазахъ властей часто является *признакомъ* при рѣшеніи вопроса о томъ, отнести ли данное преступленіе къ разряду обыкновенныхъ „уголовныхъ" дѣлъ—или „уголовно-политическихъ", направить ли его въ общій уголовный судъ—или передать его въ военный судъ, „для сужденія по законамъ военнаго времени". Если преступленіе совершено со всѣми предосторожностями, съ явнымъ желаніемъ выполнить дѣло „въ тихую"—это уголовный *грабежъ*. Если нападеніе совершено съ трескомъ и блескомъ, на-удалую, съ вызывающей прямотой, съ выраженіемъ полной готовности лицомъ къ лицу встрѣтить опасность,—это уголовно-политическая *экспропріація*. Или, говоря иначе, если за угрозой ножомъ, ломомъ или топоромъ слѣдовала команда: „лежи и ни съ мѣста"—это *уголовное* дѣло; если же вслѣдъ за появленіемъ съ револьверомъ раздались сакраментальныя слова: „руки вверхъ"—это дѣло *уголовно-политическое*...

Такое дѣленіе настолько вошло въ практику нашихъ судовъ, что всѣ считаютъ его вполнѣ естественнымъ. И нельзя не признать, что здѣсь дѣйствительно имѣются налицо двѣ существенно различныя группы явленій. При сравненіи подробностей въ двухъ сходныхъ между собой нападеніяхъ, изъ которыхъ одно—уголовное, а другое—уголовно-политическое, я всегда поражался глубокимъ ихъ различіемъ. Тамъ—холодный разсчетъ, стремленіе получить извѣстную добычу, не подвергаясь ни риску, ни опасности. Здѣсь—стремительный натискъ, желаніе захватить добычу и вмѣстѣ съ тѣмъ показать себя, испытать острое чувство опасности. Тамъ—будничное дѣло, черная работа. Здѣсь—искусство, спортъ, жестъ, игра со смертью.

Рѣзко различаются между собой и участники тѣхъ и другихъ нападеній. Тамъ—по большей части рецидивисты, начавшіе съ мелочи, закончившіе свое образованіе въ тюрьмѣ, постепенно

усовершенствовавшіеся въ своемъ ремеслѣ, постепенно расширявшіе районъ и размахъ своей дѣятельности, постепенно поднимавшіеся вверхъ по лѣстницѣ уголовныхъ статей. Здѣсь—на первомъ планѣ заводская молодежь, рабочіе и безработные, затѣмъ мелкіе служащіе, учащіеся. Тамъ—мрачныя, отталкивающія лица, часто съ ясной печатью вырожденія, лица тупыя, равнодушныя, забитыя. Здѣсь — молодыя свѣжія лица, въ которыхъ даже предубѣжденный глазъ не найдетъ никакихъ внѣшнихъ признаковъ преступности или порочности.

А мотивы преступленія? Въ обыкновенныхъ „уголовныхъ" дѣлахъ эти мотивы такъ просты, такъ понятны. Въ такъ называемыхъ „уголовно-политическихъ" дѣлахъ не то. Вотъ молодой рабочій, зарабатывавшій на волѣ около 80-ти рублей въ мѣсяцъ, жившій вполнѣ безбѣдно съ родителями, не пьянствовавшій, не предававшійся никакимъ излишествамъ. Вмѣстѣ съ тремя товарищами онъ идетъ экспропріировать артельщика, въ сумкѣ котораго, по ихъ разсчетамъ, должно находиться около тысячи рублей. Нужны ли были ему эти деньги? Нѣтъ. Идя на экспропріацію, стрѣляя въ людей и самъ подставляя свою грудь подъ выстрѣлы, онъ самъ не отдавалъ себѣ точнаго отчета въ томъ, на что̀ употребитъ онъ эти деньги, на что̀ онѣ нужны ему, да и нужны ли ему вообще эти деньги. Можетъ-быть, онъ не зналъ, что за нападеніе его ждетъ висѣлица? Нѣтъ! Это онъ зналъ превосходно, такъ какъ каждый день читалъ о нападеніяхъ и о смертныхъ казняхъ; въ послѣдніе годы ни о чемъ не говорили вокругъ него такъ много, какъ о висѣлицахъ. Можетъ-быть, это развращенный злодѣй, которому нужно насиліе ради насилія, которому невыносимъ честный трудъ? Нѣтъ! Это простой, трудолюбивый парень, про котораго десятки свидѣтелей могутъ показать, что онъ всегда былъ честенъ и добросовѣстенъ, никогда не кралъ, никогда не дрался... Что̀ же толкнуло его на поступокъ, за который его ждетъ висѣлица?

Это не праздные вопросы. Это вопросы, которые съ чудовищной яркостью становятся передъ каждымъ человѣкомъ, живущимъ среди смертниковъ. Когда передо мной приподнялся край завѣсы, скрывающей отъ постороннихъ глазъ душевную жизнь этихъ людей, мнѣ было страшно видѣть, что многіе изъ нихъ пришли къ своему нынѣшнему положенію, пришли къ висѣлицѣ безъ *всякихъ* къ тому поводовъ, „*такъ себѣ*", зря. Жилъ-жилъ человѣкъ, никого не трогалъ. И вдругъ совершилъ дѣло, котораго никто не могъ ожидать отъ него. Что̀ же толкнуло его на роковой путь, приведшій его къ висѣлицѣ?

Много разъ обращался я съ этимъ вопросомъ къ отдѣльнымъ смертникамъ. И послѣ краткаго раздумья, они отвѣчали какъ-то странно, неопредѣленно.

— Вы ради денегъ шли на первую экспропріацію?

— Отчасти изъ-за денегъ... А больше, такъ себѣ, зря, сдуру...

Такой отвѣтъ мнѣ пришлось слышать не одинъ десятокъ разъ. Нерѣдко приходилось слышать и вотъ что:

— Я и не думалъ идти. Да парни знакомые затащили. У нихъ, видите, было дѣло одно задумано. Нужно было всего пятерыхъ, а у нихъ пятаго не хватало. А какъ они знали меня за такого, который не выдастъ, то и предложили мнѣ участвовать. Я и пошелъ!..

Оказывалось, такимъ образомъ, что человѣкъ пошелъ на висѣлицу, чтобы не отказать товарищамъ въ маленькой услугѣ. Такихъ „случайныхъ" смертниковъ въ тюрьмѣ было довольно много. Но еще чаще смертники иначе описывали причины, толкнувшія ихъ на роковой путь.

— Развѣ я изъ-за денегъ шелъ?—говорилъ мнѣ одинъ молодой и очень типичный эксъ-истъ. Безъ денегъ, конечно, не обойдешься, да и денегъ у меня и изъ заработка хватало: могъ еще и подѣлиться съ кѣмъ нужно... А просто испытать хотѣлось... Думалъ попробовать... Вижу, другіе дѣлаютъ. И смѣло продѣлаютъ, и не боятся же петли! Ну, я и думаю: дай-ко попробую, какъ оно выходитъ, что чувствуешь?..

Я задумывался надъ этими словами, и передо мною открылся весь ужасный смыслъ этихъ „глупыхъ", безтолковыхъ" словъ. Человѣкъ шелъ на преступленіе, чтобы испытать острое чувство, жгучее волненіе. Человѣкъ шелъ на висѣлицу, чтобы попробовать, „какъ оно выходитъ, что чувствуешь". Значитъ, висѣлица съ какой-то чудовищной силой притягивала его къ себѣ, подобно тому, какъ пропасть притягиваетъ къ себѣ слабыхъ людей, заставляетъ ихъ свѣшиваться надъ бездной, пробуждаетъ желаніе сдѣлать еще одинъ шагъ, одинъ маленькій шагъ впередъ. Значитъ, человѣкъ стрѣлялъ въ людей для того, чтобы испытать то острое чувство, которое на всемірной выставкѣ въ Чикаго можно было испытать за деньги въ кабинетѣ предпріимчиваго устроителя висѣлицы! Значитъ, висѣлица, это безобразное чудовище, поставленное людьми на стражѣ закона, поставленное для устрашенія, для того, чтобы отпугнуть другихъ людей отъ пути преступленія,—эта висѣлица стала маякомъ, она сама притягиваетъ къ себѣ все новыя и новыя жертвы.

Да! Висѣлица сама создаетъ преступниковъ. Висѣлица, мать-

кормилица палача, сама принимаетъ на себя заботу о томъ, чтобы палачъ не оставался безъ дѣла и не накладывалъ на себя руки съ отчаянія. Висѣлица сама создаетъ и палачей, и висѣльниковъ. И пока твердо стоитъ висѣлица — ни въ палачахъ, ни въ висѣльникахъ никогда не будетъ недостатка!

Мнѣ кажется, что притягательное дѣйствіе висѣлицы вполнѣ понятно. Она гипнотизируетъ и влечетъ къ себѣ человѣка такъ, какъ гипнотизируетъ и привлекаетъ къ себѣ свою жертву змѣя, какъ гипнотизируетъ и притягиваетъ бездна. И я самъ испыталъ это дѣйствіе висѣлицы... Тамъ, въ тюрьмѣ, среди висѣлицъ, въ атмосферѣ казней являлись дикія мысли, складывались дикіе планы, какихъ раньше я никогда не замѣчалъ въ своей головѣ. Вдругъ являлось желаніе сдѣлать что-нибудь такое, за что слѣдуетъ висѣлица. Не являлось, правда, мысли о томъ, чтобы ограбить кого-нибудь... Но — выхватить револьверъ изъ кобуры надзирателя, выстрѣлить... Не для того, чтобы убить, не для того, чтобы пробиться къ выходу, не для того, чтобы покончить съ собой, не для того, чтобы напугать палачей, а просто „такъ себѣ", попробовать. И когда я замѣчалъ такія мысли въ себѣ, человѣкѣ хладнокровномъ, и скорѣе сильномъ, чѣмъ слабомъ, — могъ ли я сомнѣваться въ томъ, что разсказывали мнѣ другіе люди, описывавшіе, какъ встали они на ведущій къ висѣлицѣ путь „такъ себѣ", чтобы попробовать?..

И не разъ, въ дни казней, кто-нибудь изъ сидѣвшихъ вмѣстѣ со мной товарищей говорилъ какъ бы про себя:

— Вотъ теперь, когда выйдемъ на коридоръ, схватить бы надзирателя, вытянуть его револьверъ — и пошелъ бы смолить!..

Я смѣялся:

— Вотъ выдумалъ! У тебя вѣрно не все въ порядкѣ! Что ты съ револьверомъ сдѣлаешь?

И другіе тоже смѣялись. Каждый чувствовалъ, что и въ его душѣ шевелятся тѣ же странныя мысли.

Да! Висѣлица влекла къ себѣ свои жертвы. Но болѣе сильные люди удерживались, болѣе слабые шли — и умирали въ петлѣ.

Это я говорю не объ единичныхъ идейныхъ террористахъ, которыхъ вела на висѣлицу другая сила. Я говорю о той сѣрой массѣ смертниковъ, которыхъ только въ насмѣшку можно назвать „борцами за народъ", которыхъ только по ошибкѣ можно считать „революціонерами", о той массѣ, которая составляетъ большую часть казнимыхъ. Я не могъ не отмѣтить нравственнаго одичанія этихъ людей, но не могу не отмѣтить и того, что сдѣлало ихъ такими.

Взять хотя бы фантастическія сопротивленія и отстрѣливанья, которыя въ теченіе послѣднихъ лѣтъ наблюдались во всѣхъ частяхъ Россіи, гдѣ только примѣнялись смертныя казни: въ царствѣ польскомъ, на югѣ Россіи, на Кавказѣ, въ Петербургѣ. Какой смѣшной и жалкой комедіей кажется рядомъ съ этими сопротивленіями пресловутый „фортъ Шаброль“ въ Парижѣ! Нигдѣ въ мірѣ не могли бы имѣть мѣсто такія перестрѣлки, такія сопротивленія одного человѣка цѣлымъ ротамъ солдатъ, которыя въ Россіи одно время вошли въ повседневный обиходъ и никого уже не удивляли. Но почему это такъ? Или власть у насъ недостаточно сильна? Или люди у насъ смѣлѣе, предпріимчивѣе и преступнѣе, чѣмъ, напр., въ Англіи? Или все это продолженіе революціи? Не буду искать отвѣта на эти вопросы, не буду входить въ разборъ происхожденія русскаго бандитизма. Отмѣчу лишь одно наблюденіе. Отчаянная смѣлость, безусловное презрѣніе къ смерти, безконечное молодечество—всѣ эти черты воспитаны въ значительной степени практикой смертныхъ казней. Много ли нужно, чтобы развились эти черты въ человѣкѣ? Для этого достаточно имѣть крѣпкіе, напряженные нервы и искренно исповѣдывать, что жизнь — копѣйка. Остальное приложится. А что̀ можетъ такъ хорошо подготовить нервы людей къ отчаяннымъ кровавымъ подвигамъ, какъ висѣлица? Можетъ ли быть придумано лучшее средство для постепеннаго вытравленія всѣхъ нравственныхъ цѣнностей изъ души человѣка?

Въ соціальной педагогикѣ смертная казнь—одно изъ самыхъ сильныхъ средствъ. Теоретически я, конечно, зналъ это и до тюрьмы. Но нужно было пожить среди висѣлицъ, чтобы оцѣнить все значеніе этого средства.

Извѣстно, что тюрьма является школой преступленій, академіей, хранящей и разрабатывающей традиціи преступнаго міра; тюрьма сама воспитываетъ своихъ будущихъ кліентовъ, такъ что тотъ, кто попалъ въ тюрьму на короткій срокъ, почти неизбѣжно снова попадаетъ въ нее уже на болѣе продолжительное время. Но достаточно ли сознаютъ, что и висѣлица сама готовитъ преступниковъ? Какъ тюрьма дѣйствуетъ автоматически, напередъ обезпечивая себя жильцами, чтобъ никогда не пустовали ея камеры, такъ же и висѣлица обезпечиваетъ себя жертвами, чтобы не болталась напрасно въ воздухѣ ея веревка...

Въ тюрьмѣ у меня являлся иногда вопросъ: что̀ получилось бы, если бы у насъ были обложены смертной казнью не нападенія съ цѣлью грабежа, а какія-нибудь другія преступленія? Если бы, напр., вздумалось бы кому-нибудь передавать

военному суду и судить по 279-ой статьѣ всѣ дѣла о дуэляхъ или объ изнасилованіяхъ? И мнѣ казалось почти несомнѣннымъ, что такая мѣра вызвала бы, при „неукоснительномъ“ ея примѣненіи, эпидемическое усиленіе соотвѣтствующихъ преступленій... Полной увѣренности въ такомъ вопросѣ, конечно, не можетъ быть, пока не произведено опыта. Но судя по тому, что наблюдалъ я среди смертниковъ, соціально-педагогическое дѣйствіе смертной казни именно такое.

X.

Еще нѣсколько словъ о дѣйствіи казни на окружающихъ.

Мнѣ много разъ приходилось имѣть свиданіе одновременно со смертниками. Передъ одной сѣткой стояли мы, заключенные, за другой сѣткой, въ разстояніи 1—2 аршинъ отъ насъ, стояли люди, пришедшіе къ намъ на свиданіе. Рядомъ со мной стояли смертники, скованные по рукамъ и по ногамъ. И я не могъ разговаривать со своими, а все смотрѣлъ на этихъ людей, для которыхъ настоящее свиданіе, быть можетъ, было послѣднимъ...

Помню, разъ рядомъ со мной стоялъ молодой рабочій. Онъ держалъ руки опущенными внизъ, чтобы мать и сестра, пришедшія къ нему на свиданіе, не замѣтили его ручныхъ кандаловъ. Лицо его было спокойно и даже улыбалось слабой, болѣзненной улыбкой, но голосъ вздрагивалъ и прерывался. А за 1—2 аршина отъ него, прижавшись къ желѣзной сѣткѣ, рыдали двѣ женщины — сѣдая, бѣдно одѣтая старушка и молодая дѣвушка. Онѣ не могли говорить и только повторяли одно дорогое имъ имя:

— Андрюша... Андрюша...

А смертникъ, блѣдный, но спокойный, болѣзненно улыбаясь и скрывая отъ ихъ взглядовъ скованныя руки, говорилъ:

— Ну, прощайте, дорогія! Живите, счастливо живите... Я не боюсь. Разъ вышло такъ, ничего ужъ не подѣлаешь... Ну, не плачьте. Будетъ! Живите... Живи, сестра!.. Спасибо, что пришли навѣстить въ послѣдній разъ... Будьте счастливы. Хорошо живите...

И вдругъ мать его закричала:

— Андрюша... Вѣдь не послѣдній разъ... Свидимся еще.

И сестра тоже говорила:

— Вѣдь не скоро еще... можетъ-быть замѣнятъ... Андрюша! Подумай.

Смертникъ вздрогнулъ и нахмурился, но снова овладѣлъ собой:

— Не замѣнятъ! Я знаю. О томъ и говорить не стоитъ. А предпослѣднiй разъ я такъ себѣ сказалъ. Можетъ-быть и не скоро. А лучше всегда быть готовымъ. Ну, не плачьте... Я вѣдь спокоенъ. Кончится все такъ скоро, такъ просто... Это только со стороны страшно.

— Андрюша... Андрюша...

Рыдали обѣ женщины. Надзиратель прiоткрылъ дверь въ каморку свиданiй:

— Кончай свиданiе!..

Смертникъ заторопился.

— Ну, прощайте, милыя... Спасибо, что пришли... живите...

И онъ твердымъ шагомъ двинулся къ выходу. Но снова остановился и почти не глядя на мать и сестру, глухо сказалъ:

— Вѣдь въ послѣднiй разъ сегодня...

Я не видѣлъ лицъ пришедшихъ къ нему на свиданiе женщинъ, не слышалъ, что отвѣчали онѣ ему...

Когда мы шли черезъ дворъ, я замѣтилъ слезы на глазахъ у смертника. Болѣзненно улыбаясь, онъ сказалъ мнѣ:

— Меня этимъ вечеромъ возьмутъ... Сегодня моя очередь и Кирилла... У насъ знаютъ. А имъ я не могъ сказать... Хотѣлъ подготовить, да не могъ... Не поймутъ онѣ.

Сколько разъ приходилось слышать это „не поймутъ“ изъ устъ приговоренныхъ, ждущихъ казни. Сколько разъ приходилось наблюдать, какъ встрѣчаютъ казнь преступники и какъ относятся къ этому событiю близкiе имъ люди, остающiеся въ живыхъ. И мнѣ бросалась въ глаза одна черта смертной казни, одна особенность, неизбѣжно присущая этому виду „наказанiя“: вѣдь смертная казнь почти всегда самого преступника затрагиваетъ менѣе сильно, чѣмъ его близкихъ. Это можетъ считаться аксiомой. Для смертника мученье кончается въ моментъ совершенiя казни, въ моментъ приведенiя приговора въ исполненiе. Для его близкихъ только въ этотъ моментъ начинается самое ужасное, начинается кошмаръ того, что уже совершилось. И потому смертная казнь является мщенiемъ, направленнымъ не столько противъ самого преступника, сколько противъ всѣхъ его близкихъ, противъ его семьи. Въ этомъ отношенiи куда логичнѣе было старинное установленiе родовой мести.

При видѣ слезъ отчаянiя матерей и сестеръ смертниковъ я не раздумывалъ, конечно, о родовой мести и о другихъ юридическихъ древностяхъ. Но мучительно-назойливо лѣзла въ глаза

чудовищная несправедливость того, что совершалось изо-дня въ день. Пусть виновенъ преступникъ. Но вѣдь не его одного казнитъ палачъ. Развѣ этой, такой простой и вмѣстѣ съ тѣмъ такой чудовищной истины можно не видѣть...

Я сидѣлъ одно время во второмъ этажѣ тюрьмы; окна моей камеры выходили на дорогу, по которой утромъ отправляли преступниковъ въ военный судъ и по которой вечеромъ приводили ихъ обратно въ тюрьму, уже приговоренныхъ къ смертной казни. Изъ окна видна была часть дороги противъ тюрьмы. Во время сессіи военнаго суда не проходило ни одного дня безъ смертнаго приговора. Иные дни судъ выносилъ сразу по три-четыре смертныхъ приговора, и больше... Впереди окруженной конвоемъ партіи арестантовъ гарцовалъ на конѣ стражникъ. Арестантовъ и конвойныхъ не было видно: ихъ скрывала отъ глазъ высокая тюремная стѣна. Но ясно доносилось съ дороги бряцаніе цѣпей. Не было видно за стѣной и людей, провожавшихъ отъ суда до тюрьмы осужденныхъ. Но когда процессія подходила къ самымъ воротамъ тюрьмы, вдругъ начинался крикъ, плачъ. И, бывало, ворота уже захлопнулись за смертниками и другими осужденными, приговоренные къ каторгѣ уже заперты въ своихъ камерахъ, приговоренные къ висѣлицѣ уже помѣщены въ секреткѣ—а передъ тюрьмой все еще продолжаются вопли отчаянія, плачъ, крики. Каждый звукъ отчетливо ясно доносился въ камеры черезъ открытое окно, и каждый звукъ мучительнымъ ударомъ падалъ на напряженные нервы. Плачъ и вопли передъ тюрьмой продолжались иногда по полчаса, иногда дольше. Затѣмъ на площадку передъ тюремными воротами выѣзжали стражники:

— Расходись!..

Стучали по камнямъ подковы лошадей, пронзительно звонко кричали женщины. Потомъ все смолкало. Толпа разошлась. Не слышно было и криковъ отчаянія, но чувствовалось, какъ-то болѣзненно ясно чувствовалось, что эти вопли и крики продолжаются, что они только перемѣстились туда, дальше за стѣну тюрьмы.

Насъ сидѣло въ камерѣ больше десяти человѣкъ. Большинство составляли рабочіе. Среди насъ были различные люди. Нѣкоторымъ предстояло въ недалекомъ времени познакомиться съ намыленной веревкой. Большинство составляли люди суровые и меньше всего склонные къ какимъ бы то ни было сантиментальностямъ. И все же на насъ потрясающимъ образомъ дѣйствовали эти крики передъ воротами тюрьмы.

Но самыя смертныя казни производили на насъ слабое впечатлѣніе. Къ казнямъ мы привыкли и старались не обращать на нихъ вниманія. Мы только считали, сколько человѣкъ казнено съ начала сессіи, сколько человѣкъ получило замѣну висѣлицы каторгой, сколько остается еще въ секреткахъ въ ожиданіи рѣшенія своей участи.

Живые люди исчезали для насъ за этими цифрами, такъ же какъ для постоянныхъ читателей газетъ живые люди исчезали за безстрастными статистическими данными.

Такое отношеніе къ смертнымъ казнямъ сложилось, конечно, не сразу и не могло оставаться вполнѣ неизмѣннымъ, вполнѣ устойчивымъ. Помню, въ первое время моего пребыванія въ тюрьмѣ казни дѣйствовали на меня удручающе. Когда начались казни, я не находилъ себѣ мѣста, ни о чемъ другомъ, кромѣ висѣлицъ, не могъ думать, ничѣмъ не могъ заняться. Я старался узнать имя каждаго казнимаго и всѣ подробности его дѣла. Мнѣ казалось, что я долженъ запечатлѣть въ душѣ весь ужасъ того, что дѣлалось на моихъ глазахъ. И картины казни огненными чертами врѣзывались въ душу.

Это было для меня самое мучительное время. Мнѣ казалось, что голова не выдержитъ. Но затѣмъ впечатлѣніе отъ новыхъ смертныхъ казней стало постепенно ослабѣвать. Я ужъ не справлялся объ именахъ, справлялся только о числѣ казненныхъ и о томъ, повѣшены ли или нѣтъ такіе-то и такіе-то болѣе близко знакомые мнѣ смертники. Затѣмъ, по мѣрѣ того, какъ расло число казней, цифры тоже начали утрачивать свою яркость, свою выразительность. Я началъ сбиваться со счета...

То же самое происходило и со всѣми другими заключенными. Всѣ привыкали мало-по-малу къ смертнымъ казнямъ, пріучались смотрѣть на нихъ и не замѣчать ихъ. Воздухъ кругомъ весь былъ наполненъ убійствомъ и смертью, отвратительными призраками казней и казненныхъ, предсмертной тоской и отчаяніемъ. И на этомъ фонѣ терялись отдѣльныя казни. Ибо что такое въ концѣ-концовъ отдѣльная казнь? Убійство одного человѣка, одна смерть — не больше. А въ окружавшей насъ обстановкѣ мы пріучались жить, приноровившись къ ней и не замѣчая ея чудовищной уродливости.

Помню, какъ удивило насъ открытіе, что мы привыкли къ смертнымъ казнямъ. Какъ-то вечеромъ мы сидѣли въ своей камерѣ вокругъ стола и играли въ шашки. Повѣрка уже отошла. Въ тюрьмѣ было тихо. Вдругъ со двора донесся стукъ и шумъ. Взглянули въ окно: калитка въ тюремныхъ воротахъ была

открыта, во дворъ входили надзиратели и стражники. Кто-то замѣтилъ:

— За смертниками пошли... Будутъ брать на казнь.

Но другіе не прерывали игры и продолжали сидѣть за столомъ, не поднимая головъ.

Надзиратели вошли въ корпусъ тюрьмы. Изъ нижняго этажа слышались звуки тяжелыхъ шаговъ, сдержаннаго говора многихъ голосовъ, затѣмъ лязгъ отпираемаго замка... Черезъ нѣсколько минутъ во дворѣ снова показались темныя мужскія фигуры, поспѣшно направлявшіяся къ воротамъ.

Стоя у окна, товарищъ считалъ проходившихъ въ двери.

— Троихъ взяли... Лицъ не разобрать. Нужно будетъ завтра спросить имена.

Остальные молчали, не отрываясь отъ игры.

— Твой ходъ.

— Я дамкой хожу...

И снова молчаніе. И вдругъ одинъ съ удивленіемъ проговорилъ:

— Странно, товарищи! Какъ это мы приспособились! Не замѣчаемъ даже казней. А раньше-то, еще два мѣсяца тому назадъ, что̀ было?

И игра какъ-то сразу прекратилась. Всѣмъ стало тяжело на душѣ.

И не то, чтобы совѣстно было за недостатокъ сочувствія къ казнимымъ. Никто въ тюрьмѣ не считалъ своимъ долгомъ „сочувствовать" всѣмъ, кого вели на казнь, и никто не старался притворяться сочувствующимъ. Безстрастное отношеніе къ смерти было необходимо намъ, и мы уважали и цѣнили это душевное качество. И все же каждому стало жутко и неловко, когда мы замѣтили, что казни перестали волновать насъ, что мы можемъ спокойно продолжать играть въ шашки въ то время, какъ мимо нашего окна ведутъ трехъ человѣкъ на казнь... Каждый невольно подумалъ о томъ, сколь многое должно было перегорѣть и отмереть у него въ душѣ для того, чтобы смертная казнь перестала волновать его.

Да, въ этой атмосферѣ, пропитанной кровью, медленно, но неизбѣжно стирались, выцвѣтали всѣ чувства, тускнѣли всѣ цѣнности. Это было то же одичаніе, которое въ болѣе рѣзкихъ проявленіяхъ я замѣчалъ у смертниковъ.

Но неизмѣнно твердымъ оставалось чувство общаго ужаса. Чувствовалось, что этотъ ужасъ не ограничивается тюремными стѣнами, что, перешагнувъ черезъ тюремный порогъ, все же не

уйдешь отъ этого кроваваго кошмара. Вѣдь ужасъ положенія не въ томъ, что здѣсь вблизи отъ меня совершаются убійства людей черезъ посредство палача, и я не могу помѣшать этимъ убійствамъ. Ужасъ былъ въ томъ, что эти убійства вообще совершаются. То обстоятельство, что я запертъ въ тюрьмѣ, заставляло меня видѣть вблизи этотъ ужасъ. Но я могъ бы быть далеко, могъ бы быть по ту сторону тюремной стѣны, могъ бы не видѣть, не слышать ничего. Было ли бы это лучше для меня? Нѣтъ! Ибо ничего нѣтъ отвратительнѣе спокойствія и благодушія человѣка, когда это спокойствіе основывается на томъ, что человѣкъ не видитъ и не слышитъ, что происходитъ вдали отъ него. Пусть въ куски рвется сердце, но человѣкъ долженъ все видѣть, долженъ все слышать! Пусть въ куски рвется сердце, но это лучше, чѣмъ благополучное существованіе съ закрытыми глазами и заткнутыми ушами.

И являлась мысль: повсюду вѣдь то же самое! Выхода нѣтъ. Я безсиленъ и безпомощенъ. Быть-можетъ мое положеніе скоро измѣнится: я выйду на волю, вернусь къ любимой наукѣ, вернусь къ общественной дѣятельности. Но вѣдь это останется. Я не буду видѣть секретокъ, трагическихъ лицъ, не буду слышать стоновъ, криковъ, вѣчнаго звона кандаловъ. Я забуду эти картины и эти звуки. Но вѣдь это значитъ просто закрыть глаза и заткнуть уши! Этого я не хочу, этого я не могу принять. А другого выхода нѣтъ! Или на подобіе перепуганнаго страуса зарыть свою голову въ песокъ, или жить съ открытыми глазами, съ открытыми ушами. А въ послѣднемъ случаѣ—вѣчно остаться въ кровавомъ туманѣ. Куда ни пойдешь—этотъ туманъ не покинетъ меня. Повсюду будутъ преслѣдовать тебя оставленные далеко позади картины и звуки. Ты останешься среди висѣлицъ, гдѣ бы ты ни былъ и тамъ, внѣ тюремныхъ стѣнъ.

Не было выхода!

Это сознаніе было безконечно тягостно. Съ этимъ сознаніемъ все умирало въ душѣ. Не оставалось мѣста ни жаждѣ свободы, ни желанію сохранить жизнь. Не оставалось ничего, кромѣ чудовищнаго кошмара, и не чувствовалось ему конца.

С.

ПРАВО
ПРИНУДИТЕЛЬНАГО ОТЧУЖДЕНІЯ

Вопросу о принудительномъ отчужденіи земельной собственности суждено стать центральнымъ и основнымъ вопросомъ русской экономической жизни и государственной политики. Правда, въ наши дни члены землевладѣльческой Государственной Думы утверждаютъ, что вѣра русскаго мужичка „въ пространство“ ненадежна. Но экономическая жизнь народа, особенно трудовыхъ массъ, имѣетъ свои собственные законы внутренняго развитія, а массовая психологія, выросшая на почвѣ историческихъ условій и бытовой обстановки, обладаетъ большою способностью сопротивленія. Пройдутъ года. Экономическая эволюція совершитъ дальнѣйшій кругъ развитія, и вновь передъ русскимъ обществомъ, передъ русскимъ народомъ встанетъ все тотъ же старый, наболѣвшій вопросъ о принудительномъ отчужденіи. Не смотря на кажущійся упадокъ интереса къ нему, онъ сохраняетъ значеніе современной проблемы.

Въ настоящей работѣ я намѣренъ остановиться исключительно на вопросѣ о *юридическихъ основаніяхъ* права принудительнаго отчужденія. Въ современной юридической, экономической и соціологической литературѣ накопилось не мало доводовъ и аргументовъ въ пользу института принудительнаго отчужденія, съ точки зрѣнія *дѣйствующаго* права, *положительнаго* законодательства. Доказать, что идея принудительнаго отчужденія цѣликомъ вкладывается въ рамки современнаго дѣйствующаго права — такова задача настоящаго труда.

I.

По справедливому замѣчанію одного изъ изслѣдователей вопроса о правѣ принудительнаго отчужденія, проф. Grünhut'a, „исторія права принудительнаго отчужденія отражаетъ въ себѣ отчасти соціальные перевороты, которымъ подверглось въ теченіе міровой исторіи индивидуальное право собственности" [1]). Въ этихъ словахъ отмѣчена тѣсная связь, существующая между понятіемъ права на принудительное отчужденіе и болѣе общимъ понятіемъ самаго права собственности. Изъ взгляда на объемъ дѣйствія и предѣлы вліянія права собственности вытекаетъ соотвѣтствующій взглядъ на поводы и границы допустимаго принудительнаго отчужденія. Необходимъ, поэтому, предварительный анализъ идеи собственности въ ея современномъ пониманіи.

Идея собственности является однимъ изъ основныхъ, первичныхъ понятій, лежащихъ въ основѣ всякаго общественнаго уклада. По словамъ проф. Петражицкаго, „основной типъ и главный базисъ распредѣленія хозяйственныхъ благъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, основной базисъ экономической и соціальной жизни вообще представляетъ явленіе собственности индивидуальной—основной базисъ такъ называемаго частнохозяйственнаго или капиталистическаго соціальнаго строя, или коллективной—основа первобытнаго или иного коллективистическаго соціальнаго строя... Люди такъ привыкли къ явленію собственности, что для нихъ обыкновенно здѣсь не возникаетъ никакихъ проблемъ; то явленіе, что имѣнія и разные другіе предметы словно какими-то невидимыми связями закрѣплены за опредѣленными лицами, наивному мышленію вовсе не представляется загадкой и не возбуждаетъ любознательности и потребности причиннаго объясненія... Научнаго, реально-психологическаго изученія и причиннаго объясненія подлежащихъ явленій здѣсь не имѣется, и соотвѣтственныхъ вопросовъ не возникаетъ... Дѣлаются попытки опредѣлить природу собственности. Эти попытки до сихъ поръ не увѣнчались успѣхомъ, и вопросъ о природѣ собственности, такъ же, какъ и другія важнѣйшія и основныя проблемы правовѣдѣнія, представляетъ спорный вопросъ" [2]).

[1]) C. J. Grünhut, „Das Enteignungsrecht" (Вѣна, 1873); его же статья „Enteignung" въ „Handwörterbuch der Staatswissenschaften", т. III.

[2]) Проф. Л. I. Петражицкій, „Теорія права и государства въ связи съ теоріей нравственности" т. I, Спб., 1907. Leo v. Petrazycki, „Die Lehre vom Einkommen", т. II, Берлинъ, 1895.

Преобладающее теченіе въ наукѣ права разсматриваетъ собственность какъ непосредственную связь лица съ вещью, какъ господство, власть лица надъ вещью. По словамъ проф. Шершеневича, „опредѣленіе права собственности представляетъ значительныя затрудненія, не смотря на видимую его простоту и ясность. До сихъ поръ въ наукѣ не установлено точнаго понятія о немъ. По наиболѣе распространенному опредѣленію, совпадающему съ житейскимъ представленіемъ о правѣ собственности, послѣднее представляетъ неограниченное и исключительное господство лица надъ вещью“ [1]). Дальше проф. Шершеневичъ, однако, замѣчаетъ, что признакъ неограниченности встрѣчаетъ возраженія: право собственности, какъ и всякое другое право, ограничено, и въ дѣйствительности всѣ законодательства ставятъ предѣлы волѣ собственника. Чтобы обойтись безъ этого признака, устанавливаютъ понятіе о правѣ собственности, какъ о правѣ наиболѣе полнаго господства лица надъ вещью. Правильно ли такое опредѣленіе? Возражая противъ него, проф. Петражицкій замѣчаетъ, что и въ томъ случаѣ, если не вещь находится во власти собственника, а собственникъ—во власти вещи (напр., собственникъ звѣринца—въ лапахъ своего же медвѣдя или тигра), право собственности этимъ нисколько не затрогивается, не нарушается. Изъ чрезвычайной искусственности этого примѣра еще не слѣдуетъ ошибочность иллюстрируемой имъ мысли. Кантъ считаетъ собственность метафизической связью, умопостигаемымъ, сверхчувственнымъ владѣніемъ. И это опредѣленіе, облеченное въ явно-метафизическую оболочку, мало кого способно удовлетворить. Наконецъ, по новѣйшему ученію юристовъ, собственность представляется отношеніемъ не къ вещи, а къ другимъ людямъ и, притомъ, отношеніемъ, существующимъ между собственникомъ и всѣми другими. Проф. Петражицкій возражаетъ и противъ этого мнѣнія, во всеоружіи своего самостоятельнаго взгляда на психологическую природу права. Я считаю эти возраженія не рѣшающими вопроса по существу. Несомнѣннымъ остается то, что во взглядѣ на институтъ собственности, какъ на проявленіе власти человѣка надъ всѣми другими людьми, сквозитъ правильная точка зрѣнія, вскрывающая настоящую соціологическую природу даннаго явленія. И вмѣстѣ съ тѣмъ, это опредѣленіе не находится въ принципіальномъ противорѣчіи съ обычнымъ опредѣленіемъ права собственности, видящимъ сущ-

---

[1]) Проф. Г. Ф. Шершеневичъ, „Учебникъ русскаго гражданскаго права“, 7-ое изд., Спб. 1909.

ность его во власти человѣка надъ вещью. Непосредственная власть человѣка надъ вещью приводитъ къ власти человѣка надъ всѣми другими людьми, и только эта власть второго порядка способна интересовать науку гражданскаго права, какъ науку соціологическую, какъ науку, изучающую общественныя отношенія, въ которыя вступаютъ между собою отдѣльныя лица или цѣлыя группы лицъ по поводу своихъ вещей, своихъ имуществъ. Если это такъ, если право собственности выражается во власти человѣка надъ другими людьми, то на долю государства выпадаетъ серьезная соціальная обязанность: наблюдать, какъ бы неограниченное проявленіе правъ собственности отдѣльныхъ лицъ не привело къ ограниченію правъ и свободы всѣхъ другихъ лицъ. Ограниченіе права собственности вытекаетъ, такимъ образомъ, изъ самаго понятія права собственности. И мы видимъ, что работа по ограниченію права собственности наполняетъ собою юриспруденцію въ теченіе долгаго періода ея историческаго развитія.

По словамъ извѣстнаго новатора въ области юриспруденціи, австрійскаго юриста Антона Менгера, всякій существовавшій до сихъ поръ правовой порядокъ проистекалъ, въ послѣднемъ счетѣ, изъ того или иного соотношенія силъ, и, какъ таковой, всегда имѣлъ своей цѣлью защиту интересовъ могущественнаго меньшинства на счетъ широкихъ народныхъ массъ. И вопреки безчисленнымъ попыткамъ низшихъ классовъ народа преобразовать въ свою пользу государственный и общественный строй, правовая система, охраняющая интересы широкихъ народныхъ массъ, а не могущественнаго меньшинства, должна быть еще создана и въ теоріи, и на практикѣ. При этомъ, въ основѣ спора между приверженцами стараго и новаго порядка лежитъ вопросъ о формахъ владѣнія и собственности. И это вполнѣ естественно, такъ какъ главнымъ источникомъ противоположностей, дробящихъ человѣчество, является собственность [1]).

Старому римскому праву свойственъ былъ индивидуалистическій взглядъ на природу собственности. Юристы, поэтому, говорятъ объ „индивидуалистическомъ римскомъ правѣ", какъ о правѣ, проникнутомъ началами неограниченности и неприкосновенности правъ отдѣльнаго лица надъ вещью. Но уже трудами выдающихся романистовъ—Виндшейда, Дернбурга, Захаріи, Rand'a и многихъ другихъ—разъяснено, что римское право знало всевозможныя ограниченія собственности, устанавливаемыя

---

[1]) Anton Menger, „Neue Staatslehre" (Iена, 1903; есть русскій переводъ).

частью въ видахъ охраны публичныхъ интересовъ, частью въ интересахъ сосѣдей или другихъ лицъ. Современная частная собственность ведетъ свое происхожденіе изъ римскаго права, но за послѣднія столѣтія это понятіе подверглось значительнымъ измѣненіямъ. По словамъ Менгера, процессъ развитія формъ частной собственности привелъ къ тому, что современныя формы ея являются только тѣнью римскихъ формъ собственности. Правамъ собственника должны быть поставлены опредѣленные предѣлы, такъ какъ ничѣмъ неограниченное господство надъ имуществомъ, въ особенности недвижимымъ, могло бы создать непреодолимыя препятствія для осуществленія самаго права собственности въ дѣйствительной жизни. Если бы, напримѣръ, собственники недвижимыхъ имуществъ могли безъ всякихъ ограниченій осуществлять всѣ права, вытекающія изъ абсолютнаго права собственности, то сосѣдскія между ними отношенія были бы совершенно невозможны: болѣе сильный и болѣе смѣлый собственникъ имѣлъ бы возможность выжить своихъ сосѣдей или принудить ихъ къ уступкѣ принадлежащихъ имъ земель за самую ничтожную цѣну. Водворилось бы безправное состояніе, возгорѣлась бы война каждаго противъ всѣхъ и всѣхъ противъ каждаго. Это было бы несовмѣстно какъ съ основами государства, которому собственники обязаны признаніемъ и защитой своего права, такъ и съ экономическими и соціальными требованіями, защита которыхъ является призваніемъ государства, какъ верховнаго хранителя общаго блага. Въ дѣйствительности, поэтому, право собственности является ограниченнымъ въ силу общихъ постановленій закона, по которымъ собственникъ или лишается права совершать надъ своимъ имуществомъ тѣ или другія дѣйствія, на которыя вообще онъ имѣетъ право, или же обязывается терпѣть то или другое воздѣйствіе, которое, по общему правилу, могло бы быть имъ устранено [1]).

Весьма интересные взгляды по вопросу объ ограниченіи права собственности были высказаны знаменитымъ юристомъ Рудольфомъ Іерингомъ. Его аргументація вкратцѣ сводится къ слѣдующему. Говорятъ о неприкосновенности частной собственности. Взглядъ юристовъ и обывателей сходится въ томъ, что сущность собственности заключается въ неограниченномъ господствѣ собственника и что всякое ограниченіе его содержитъ въ себѣ покушеніе на собственность, несовмѣстимое съ идеей

---

[1]) См. объяснительную записку къ Проекту гражданскаго уложенія, кн. III, томъ I (Спб., 1902, стр. 141—2).

этого института. „На мой взглядъ, это представленіе въ корнѣ ошибочно",—рѣшительно заявляетъ Іерингъ. Собственность находится въ такомъ же отношеніи къ обществу, какъ и семья. Уже въ Римѣ, въ императорскія времена, когда вслѣдствіе непомѣрно тяжелыхъ земельныхъ налоговъ 520 землевладѣльцевъ запустили свои помѣстья, ихъ земля была предложена желающимъ ее обработывать. Аналогичные случаи имѣли мѣсто въ горномъ правѣ. Вообще ошибочно смотрѣть на собственность съ точки зрѣнія индивидуальной, а не общественной. И римляне уже понимали опасность такой точки зрѣнія. Невѣрно, поэтому, что собственность по идеѣ своей заключаетъ въ себѣ абсолютное право распоряженія. Собственности въ такомъ видѣ общество не можетъ терпѣть, да никогда и не терпѣло. Идея собственности не можетъ содержать въ себѣ чего-либо противорѣчащаго идеѣ общества. Основная мысль Іеринга, по его собственнымъ словамъ, заключается въ томъ, что и частное право имѣетъ несомнѣнный общественный характеръ. „Не надо быть пророкомъ, чтобы предвидѣть, что такое общественное пониманіе частнаго права въ будущемъ отвоюетъ все больше и больше позицій у индивидуалистическаго" [1]).

Мысль объ общественномъ пониманіи частнаго права становится все болѣе распространенною среди нѣмецкихъ, въ особенности австрійскихъ юристовъ, сторонниковъ такъ называемаго соціальнаго законодательства. По словамъ Офнера, обычное дѣленіе права на публичное и частное страдаетъ искусственностью, такъ какъ въ дѣйствительности „оба эти отдѣла перекрещиваются другъ съ другомъ. Въ области частнаго права приходится примѣнять публично-правовыя положенія, а въ области публичнаго права—положенія частно-правовыя" [2]). Такъ же смотритъ на дѣло и Гирке. Дѣленіе всей области права на право публичное и частное, по его мнѣнію, „не можетъ служить послѣднимъ словомъ... Частное право и публичное право суть дѣти одной матери, и хотя каждое изъ нихъ слѣдуетъ своему собственному призванію, но они не расходятся другъ съ другомъ, какъ враждебные братья, а всегда въ концѣ-концовъ снова сходятся вмѣстѣ въ работѣ надъ однимъ дѣломъ" [3]).

Оба автора проникнуты мыслью о соціальномъ значеніи гражданскаго права. Конечно,—разсуждаетъ Гирке,—„гражданское право имѣетъ своей задачей прежде всего охрану имуще-

[1]) Rudolph von Ihering, „Der Zweck im Recht", т. I (Лпц., 1904).
[2]) Dr Julius Ofner, „Studien sozialer Jurisprudenz". (Вѣна, 1894).
[3]) Dr Otto Gierke, „Die soziale Aufgabe des Privatrechts" (Берлинъ, 1889).

ственной силы отдѣльныхъ индивидуумовъ. Однако, всякое право является не одностороннимъ, а двустороннимъ отношеніемъ. Нѣтъ права безъ соотвѣтствующей обязанности". Въ основѣ права, — говоритъ Офнеръ, — „лежатъ интересы отдѣльныхъ лицъ. Каждый стремится осуществить свой интересъ, содержаніе своихъ желаній. Отдѣльныя лица ведутъ борьбу между собой, и побѣдитель повелѣваетъ. Однако, въ полномъ видѣ такой порядокъ характеризуетъ лишь раннія ступени историческаго развитія. Въ общественной организаціи борьба не исчезаетъ, но получаетъ иное направленіе. Личность преклоняется предъ общественной властью, но ищетъ вліянія на нее и способовъ существованія при ея помощи. Все это должно отражаться и на построеніи нормъ гражданскаго права. Мы видимъ въ гражданскомъ правѣ каждаго народа въ данное время кристаллизованными соціальныя отношенія власти. Гражданское право является отраженіемъ распредѣленія власти внутри народа". Въ этомъ и заключается „соціальный характеръ гражданскаго права".

Всѣ указанные выше авторы, исходя изъ сознанія соціологической природы гражданскаго права, считаютъ возможнымъ и необходимымъ вмѣшательство государства и общества въ сферу частныхъ имущественныхъ отношеній. Они не только подчеркиваютъ существованіе цѣлаго ряда спеціальныхъ „соціально-политическихъ" законовъ въ новѣйшихъ кодексахъ, но идутъ дальше и требуютъ преобразованія гражданскаго права на началахъ соціальныхъ, публично-правовыхъ.

Таковы взгляды, господствующіе въ современной юриспруденціи. Согласно этимъ взглядамъ, не существуетъ рѣзкой, принципіальной границы, отдѣляющей частное право отъ публичнаго. Съ точки зрѣнія именно этихъ публично-правовыхъ элементовъ гражданскаго права не существуетъ, далѣе, неограниченнаго, неприкосновеннаго права частной собственности. Наоборотъ, по соображеніямъ именно публичнаго права собственность подлежитъ и на дѣлѣ всегда подвергается всевозможнымъ ограниченіямъ. И въ числѣ этихъ неминуемыхъ ограниченій права собственности одно изъ самыхъ видныхъ мѣстъ занимаетъ право принудительнаго отчужденія,—право, которое въ приведенныхъ общихъ теоретическихъ соображеніяхъ находитъ свое юридическое и соціологическое обоснованіе.

II.

Институтъ принудительнаго отчужденія имѣетъ свою длинную, вѣковую исторію. Онъ вырабатывался постепенно; процессъ его зарожденія восходитъ къ древнимъ вѣкамъ человѣчества. Греція не знала самостоятельнаго права принудительнаго отчужденія. Идея государства тамъ возобладала надъ правами отдѣльныхъ лицъ. Государство стояло въ центрѣ греческой жизни; оно всѣмъ управляло, всему давало тонъ. При такихъ условіяхъ частное гражданское право не получило особаго развитія: для этого недоставало такого аттрибута гражданскаго общества, какъ цѣнность индивидуальной человѣческой личности. Правда, и въ Греціи существовали мѣры охраны частной собственности, но эти мѣры предпринимались по отношенію къ гражданамъ, а не къ государству, которое непререкаемо вторгалось въ сферу частныхъ имущественныхъ отношеній гражданъ, не зная опредѣленныхъ границъ и предѣловъ. Достаточно упомянуть о такомъ учрежденіи древне-греческой жизни, какъ сиссахтія. Земельные раздѣлы составляли заурядное явленіе въ Греціи. Многочисленны были также и мѣры государства по регулированію владѣнія рабами. Во всѣхъ этихъ случаяхъ греческое государство дѣйствовало во всеоружіи своей власти и господства, не считаясь съ институтомъ частной собственности, какъ съ противоположною, равноправною силою. При такихъ условіяхъ не могъ развиться принципъ принудительнаго отчужденія, какъ регулярный институтъ права. Этого принципа, этого института не знало греческое законодательство.

Нѣсколько инымъ сочетаніемъ исходныхъ пунктовъ, основныхъ элементовъ отличалось римское право. Здѣсь мы находимъ гражданское право, въ которомъ, по справедливому выраженію Мейера, господство личности въ отношеніи къ частной собственности получило наиболѣе рѣзкое выраженіе. По опредѣленію Грюнхута, римской системѣ права было свойственно признаніе *я*, какъ основы права. Но и Мейеръ, и Грюнхутъ, и многіе другіе юристы единогласно подтверждаютъ, что это признаніе индивидуальныхъ правъ гражданъ отнюдь не можетъ считаться основаніемъ публичнаго римскаго права. Напротивъ, въ области публичнаго права здѣсь нераздѣльно господствовалъ верховный принципъ: „Salus rei publicae prima lex esto“. При всей незыблемости и неприкосновенности, по римскому праву, частной

собственности, все же, въ случаѣ конфликта между общественнымъ, государственнымъ интересомъ и интересомъ частныхъ собственниковъ, съ точки зрѣнія того же римскаго права, жертва должна была быть принесена частнымъ лицомъ въ пользу общаго блага. Личность должна уступить цѣлому [1]). Отсюда возникаетъ предположеніе, что въ Римѣ довольно рано должно было сложиться и развиться право принудительнаго отчужденія. Бринцъ, Блюнчли, Гилебрандъ, Тиль, Кохъ и Iерингъ держатся различныхъ взглядовъ по этому вопросу. Общераспространеннымъ является мнѣніе, что лишь въ императорскую эпоху римской исторіи право принудительнаго отчужденія получило значеніе вполнѣ развитой и разработанной системы; но постепенно оно вырабатывалось въ теченіе предъидущихъ вѣковъ.

Римское общество организовалось на основѣ собственности на землю. Уже съ колыбели римскаго народа собственность на землю принадлежала отчасти государству (ager publicus), отчасти частнымъ лицамъ (ager privatus). Существовало предположеніе, что Ромулъ создалъ только общественную собственность на землю, а частная собственность была создана впослѣдствіи, Нумою. Частная собственность у римлянъ возникла изъ общественной. При такомъ способѣ возникновенія частной собственности, отмѣченной съ самаго начала печатью общественнаго происхожденія, право принудительнаго отчужденія обладало естественной тенденціей къ развитію и росту. Въ древнія времена въ частную собственность отходили лишь незначительные участки земли, въ два югера. Крупные участки земли находились въ рукахъ государства. При такомъ соотношеніи размѣровъ государственной и частной собственности, не было сильныхъ побудительныхъ мотивовъ къ отчужденію частной собственности, не было и внушительныхъ поводовъ для выработки идеи права принудительнаго отчужденія. Съ выступленіемъ на арену римской исторической жизни новаго класса — плебеевъ, значительно измѣняется положеніе дѣла. Институтъ частной собственности на земли, находящіяся въ частномъ обладаніи, остается неприкосновеннымъ, но въ иномъ положеніи оказывается вопросъ объ ager publicus. Собственникомъ его оставалось государство, но къ владѣнію имъ допускались только патриціи. И вотъ, въ начавшейся борьбѣ плебеевъ за право обладанія ager publicus замѣчаются первые признаки права экспропріаціи, права принудительнаго отчужденія. Идутъ законы Сервія Туллія, Кассія, Лицинія Столона, пытаю-

[1]) G. Meyer, „Das Recht der Exrropriation“ (Лпц., 1868).

щіеся дать плебеямъ доступъ къ ager publicus. Въ этихъ мѣрахъ, которыя были предпринимаемы противъ владѣльцевъ ager publicus, приходится искать первыхъ основъ для позднѣйшаго права принудительнаго отчужденія. Въ теченіе весьма долгаго періода не могло, однако, быть рѣчи о принудительномъ отчужденіи, такъ какъ урегулированіе земельныхъ отношеній достигалось путемъ добровольныхъ продажъ земельныхъ участковъ. Но дальнѣйшее движеніе аграрнаго законодательства, въ связи съ трагическимъ концомъ братьевъ Гракховъ, привело мало-по-малу къ сознанію необходимости жертвовать частными интересами въ пользу общаго блага—и это положеніе стало краеугольнымъ камнемъ позднѣйшаго права принудительнаго отчужденія.

Довольно рано выработалось право вмѣшательства государства въ право собственности римскихъ гражданъ надъ рабами. Въ этой области принципы общественности гораздо скорѣе могли получить развитіе, чѣмъ по отношенію къ институту земельной собственности. Правда, нѣкоторые авторы находятъ, что освобожденіе рабовъ производилось римскимъ государствомъ по нѣсколько инымъ основаніямъ, чѣмъ отчужденіе частной собственности [1]. Но въ этомъ случаѣ болѣе правы Мейеръ и Грюнхутъ, разсматривающіе случаи производившагося римскимъ государствомъ частичнаго принудительнаго изъятія рабовъ изъ частной собственности римскихъ гражданъ, какъ типичное проявленіе права принудительнаго отчужденія. Аналогія эта покоится на томъ незыблемомъ основаніи, что рабы составляли такой же объектъ неприкосновенной частной собственности, какъ и всѣ другіе предметы частнаго оборота. И на производившееся государствомъ, по соображеніямъ общественной пользы и государственной необходимости, изъятіе рабовъ изъ состава частной собственности отдѣльныхъ гражданъ нельзя, разсуждая принципіально, смотрѣть иначе, какъ на случаи принудительнаго отчужденія частной собственности. Таинственныя „иныя основанія", выдвигаемыя Дальке, но не описанныя имъ въ ихъ конкретныхъ признакахъ, не разрушаютъ силы высказаннаго общаго положенія о полной аналогіи случаевъ этого рода съ другими случаями принудительнаго отчужденія.

Съ распространеніемъ господства Рима за предѣлы Италіи возникаетъ, какъ извѣстно, особая, такъ называемая бонитарная собственность для жителей провинцій — перегриновъ, сущность

---

[1]) См., напр., *A. Dalcke*, „Das Gesetz über die Enteignung von Grundeigentum vom 11-ten Iuni 1874" (Берлинъ, 1874).

которой сводится къ тому, что право собственности на землю остается за римскимъ народомъ, а право владѣнія и пользованія переходитъ къ провинціаламъ. И здѣсь, въ сферѣ бонитарной собственности, также получаютъ распространеніе случаи экспропріаціи. Такимъ образомъ, право экспропріаціи государствомъ владѣній въ ager publicus, провинціальныхъ участковъ земли, а также рабовъ—все это уже существовало въ Римѣ къ тому моменту, когда на арену исторической жизни выступилъ Тиберій Гракхъ, съ своимъ широкимъ аграрнымъ законодательствомъ. Исторія этого законодательства общеизвѣстна. Ростъ латифундій и вытѣсненіе мелкихъ крестьянъ изъ ихъ помѣстій — таковы основныя черты аграрныхъ отношеній, побудившихъ Гракха выступить со своими аграрными реформами. Онъ внесъ предложеніе, чтобы во владѣніи каждаго римскаго гражданина могло оставаться не больше 500 югеровъ земли для собственнаго потребленія и по 250 югеровъ для каждаго взрослаго сына; вся же остальная земля подлежала изъятію изъ собственности владѣльцевъ и распредѣленію между бѣдными гражданами. Въ этихъ предложеніяхъ замѣтны уже явные признаки принудительнаго отчужденія. Дальнѣйшее законодательство послѣ Гракховъ до самаго возникновенія имперіи служитъ только къ утвержденію принципа принудительнаго отчужденія. Во времена римской имперіи принципъ принудительнаго отчужденія торжествуетъ полную побѣду. Всемогущій императоръ не зналъ границъ своей власти. Свободно было его отношеніе къ частной собственности, И на этой почвѣ легко возникало право принудительнаго отчужденія. Необходимость экспропріаціи вызывалась возникшей потребностью въ проведеніи дорогъ, мостовъ и т. п. Такимъ образомъ уже при Августѣ не было никакого сомнѣнія въ томъ, что цезарь можетъ практиковать принудительное отчужденіе. Въ позднѣйшія императорскія времена вырастаетъ болѣе или менѣе сложившееся право принудительнаго отчужденія. Къ числу случаевъ принудительнаго отчужденія въ этомъ періодѣ относится, напримѣръ, законъ о томъ, чтобы въ случаѣ разстройства улицы вслѣдствіе наводненія или обвала сосѣдній земельный собственникъ предоставлялъ свой участокъ земли для проведенія новой улицы. Другой законъ предусматриваетъ слѣдующій случай: по утвержденіи плана постройки императоромъ, частныя зданія, мѣшающія исполненію этого плана, могутъ быть отчуждаемы за соотвѣтствующее вознагражденіе. При общественныхъ постройкахъ допускалось принудительное отчужденіе участковъ земли, находящихся въ частной собственности. Въ юстиніановомъ правѣ были преду-

смотрѣны многочисленные случаи, когда собственники бывали принуждаемы къ уступкѣ своихъ рабовъ. Наконецъ, особымъ закономъ собственники хлѣбныхъ запасовъ принуждались, въ случаѣ голода, уступать часть своего хлѣба за обыкновенное вознагражденіе. Такимъ образомъ, по мнѣнію Мейера, если въ юстиніановомъ правѣ и не существовало закона о принудительномъ отчужденіи въ строгомъ, новѣйшемъ смыслѣ этого слова, то все же дѣйствовало уже то основное положеніе, что частная собственность, по соображеніямъ общественнаго блага, можетъ подлежать принудительному отчужденію.

Таково наслѣдіе римскаго права въ вопросѣ о принудительномъ отчужденіи. Ясно, что это право, индивидуалистическое par excellence, проникнутое, по общераспространенному мнѣнію, основной идеей „неприкосновенности" священной, ненарушимой частной собственности, въ дѣйствительности допустило рядъ отступленій отъ этого основного принципа и уже на раннихъ стадіяхъ развитія идеи общественности включило, по соображеніямъ именно общественной необходимости, въ составъ своего юридическаго міровоззрѣнія и юридическаго обихода право принудительнаго отчужденія. Въ этомъ—лучшее доказательство того, что существуетъ тѣсная логическая связь между самымъ яркимъ выраженіемъ „индивидуалистическаго" права собственности и правомъ принудительнаго отчужденія, и что нѣтъ — или, по крайней мѣрѣ, не было въ исторіи — такого „индивидуалистическаго" права, которое бы исключало право принудительнаго отчужденія.

Воззрѣнія римлянъ въ области гражданскаго права сыграли міровую роль въ исторіи, сохраняя и до сихъ поръ во многихъ случаяхъ существенно важное значеніе. Въ извѣстной преемственной связи съ дѣйствующими правовыми институтами оказалась и жившая въ римскомъ правѣ идея принудительнаго отчужденія. Но развитіе этой идеи обнаружилось не безъ скачковъ, не безъ перерывовъ. Въ древнемъ германскомъ правѣ нѣтъ слѣдовъ права экспропріаціи. Случаи коллизій между общественными интересами и частной собственностью были въ то время весьма рѣдки, а поскольку они возникали, государство не обращало на нихъ должнаго вниманія. Задачей государства считалось охраненіе интересовъ частной собственности; о народномъ хозяйствѣ и народной культурѣ государство не несло никакихъ заботъ. Къ тому же у древне-германцевъ получилъ большое распространеніе феодализмъ, съ его крупными латифундіями. Предъ лицомъ феодальнаго могущества государственной власти недоставало силы,

которая способна была бы вызвать къ жизни право принудительнаго отчужденія по соображеніямъ общественной необходимости.

Уже въ средѣ средневѣковыхъ юристовъ возникли, однако, споры по вопросу о правѣ принудительнаго отчужденія. Правда, Грюнхутъ полагаетъ, что то не были на самомъ дѣлѣ споры о самомъ правѣ, о самомъ принципѣ принудительнаго отчужденія; онъ думаетъ, что предметомъ разногласія было существованіе или несуществованіе права на вознагражденіе въ случаѣ отчужденія. Но въ этомъ нельзя не усмотрѣть чрезвычайнаго суженія рамокъ вопроса о принудительномъ отчужденіи, вознагражденіе при которомъ выставляется столь необходимымъ элементомъ данной сдѣлки, что отсутствіе его какъ бы снимаетъ съ очереди самый вопросъ о принудительномъ отчужденіи. Правъ Мейеръ, указывающій на то, что, въ противоположность древне-германскому праву, право экспропріаціи, право принудительнаго отчужденія подробно разрабатывается въ итальянской юридической литературѣ XII — XVI вѣковъ, вслѣдствіе чего мало-по-малу „экспропріація становится институтомъ публичнаго права". Дальнѣйшее развитіе идеи экспропріаціи мы находимъ у глоссаторовъ. Большой вкладъ въ литературу вопроса вносятъ юристы XVI и XVII вѣковъ. Боденъ и Гуго Гроцій сплетаютъ свои славныя имена съ вопросомъ о принудительномъ отчужденіи. Особое мѣсто развитію идеи принудительнаго отчужденія посвящаетъ Монтескье въ своемъ „Духѣ законовъ". На этихъ интересныхъ страницахъ міровой литературы, гдѣ впервые было раскрыто естественно-правовое, общественное и государственное значеніе принципа принудительнаго отчужденія, я, къ сожалѣнію, не могу остановиться подробно. Отмѣчу только, что новѣйшая государственная идея, легшая въ основу принципа принудительнаго отчужденія, была принесена великой французской революціей. Съ этого момента пришли къ убѣжденію, что интересы общества, живого государственнаго организма требуютъ со стороны гражданъ „жертвъ и крови" (Грюнхутъ). Съ точки зрѣнія этой новѣйшей государственной идеи, для предохраненія общества отъ переворота зачастую нужны мѣры, связанныя съ тяжелыми жертвами для собственниковъ. Въ особенности Грюнхутъ подчеркиваетъ тотъ фактъ, что удручающее состояніе крестьянскаго землевладѣнія, которое не разъ приводило къ кровавымъ возстаніямъ (Уатъ-Тайлеръ въ Англіи, Жакерія во Франціи, крестьянскія войны въ Германіи), служило особымъ побудительнымъ мотивомъ для разработки вопроса о правѣ принудительнаго отчужденія. Для новѣйшаго законодательства именно инте-

ресы крестьянства служили тѣмъ объективнымъ моментомъ, тѣмъ фактическимъ фундаментомъ, на которомъ постепенно воздвигалось стройное зданіе теоріи принудительнаго отчужденія.

Новыя идеи права, принесенныя французской революціей, пали на почву, значительно удобренную прецедентами. Такъ, въ самой Франціи случай экспропріаціи отмѣченъ въ 1303-мъ году, когда она была произведена съ цѣлью постройки церквей и соборовъ. Дальнѣйшіе случаи отмѣчены въ 1358-мъ, 1470-мъ годахъ; немало ихъ было и въ XVII-мъ столѣтіи. Въ Германіи до конца среднихъ вѣковъ ничего не слышно объ экспропріаціяхъ; затѣмъ онѣ начинаютъ практиковаться въ горномъ дѣлѣ. Въ Англіи довольно рано развилась экспропріаціонная система, осуществлявшаяся путемъ судебнаго процесса. И все же, еще къ самому концу XVIII-го вѣка ощущается весьма слабое развитіе законодательства объ экспропріаціи. Сильный толчокъ этому развитію данъ въ XIX-мъ вѣкѣ. Въ настоящее время всѣ европейскія законодательства обладаютъ болѣе или менѣе опредѣленнымъ закономъ объ экспропріаціи. Законы о принудительномъ отчужденіи существуютъ въ Германіи и въ отдѣльныхъ нѣмецкихъ государствахъ, во Франціи, Бельгіи и Италіи, въ Австріи и Венгріи, въ Швеціи, въ Англіи и въ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ [1]). Вездѣ принципіально признано за государствомъ право принудительнаго отчужденія, на условіяхъ, о которыхъ будетъ упомянуто ниже.

Въ русскомъ законодательствѣ экспропріація или принудительное отчужденіе составляетъ довольно распространенное явленіе. По мнѣнію Побѣдоносцева, обыкновенный видъ такого отчужденія состоитъ въ продажѣ имущества съ публичнаго торга для удовлетворенія долговъ владѣльца, особенно долговъ по закладнымъ. Сюда же могутъ быть отнесены случаи взятія имущества въ казну въ видѣ взысканія. Особенный видъ принудительнаго отчужденія составляетъ отчужденіе частнаго имущества по распоряженію правительства, когда это требуется для какой-нибудь государственной или общественной пользы или необходимости. Это понятіе само по себѣ весьма обширно. Сюда вообще можно отнести мѣры, принимаемыя правительствомъ къ освобожденію крестьянъ отъ крѣпостной зависимости, съ надѣленіемъ или безъ надѣленія ихъ землей, принудительные займы, мѣры, принимаемыя по случаю голода и т. д. [2]). Побѣдоносцевъ напоминаетъ и дру-

[1]) См. *Thiel*, „Das Exrpropriationsrecht und das Exrpropriationsverfahren“ (Берлинъ, 1866).

[2]) К. Побѣдоносцевъ, Курсъ гражданскаго права, ч. I. (Спб. 1896, стр. 439).

гіе случаи экспропріаціи. Такъ, 10-го декабря 1865-го года изданъ указъ объ обязательной продажѣ польскими помѣщиками своихъ имѣній въ Западномъ краѣ. Въ 1892-мъ году признано необходимымъ прибѣгнуть къ принудительному отчужденію поселенческихъ участковъ изъ владѣній башкиръ. Въ положеніи о крестьянахъ Лифляндской губерніи 13-го ноября 1860-го года и Эстляндской — 5-го іюля 1856-го года есть правило, коимъ установляется въ пользу имѣнія или, что то же, въ пользу помѣщика право принудительнаго отчужденія участковъ помѣстья, перешедшихъ (арендой или куплею) во временное или постоянное пользованіе стороннихъ лицъ. Въ губерніяхъ Царства Польскаго допускается, безъ согласія и вопреки волѣ частнаго владѣльца, отводъ на земляхъ его частнымъ промышленникамъ площадей для разработки каменнаго угля, камня и свинцовой руды.

Независимо отъ этихъ отдѣльныхъ случаевъ болѣе или менѣе крупной экспропріаціи, въ русскомъ законодательствѣ имѣются общія постановленія объ ограниченіяхъ владѣльцевъ при производствѣ построекъ, раскопокъ, разсадокъ и при устройствѣ складовъ вблизи линіи желѣзныхъ дорогъ; объ отчужденіи земель подъ подъѣздные пути къ желѣзнымъ дорогамъ; о ежегодномъ краткосрочномъ пользованіи прилегающими къ линіи желѣзной дороги владѣльческими землями для устройства снѣговыхъ защитъ. Особый порядокъ установленъ также для отчужденія участковъ изъ поіезуитскихъ имѣній, для отчужденія земель церковныхъ, башкирскихъ, земель въ Закавказьѣ подъ каналы и сооруженія, необходимыя для устройства орошенія, и т. д.

Въ т. X ч. I Свода гражданскихъ законовъ имѣются слѣдующія статьи, предусматривающія принудительное отчужденіе:

Ст. 575. Принудительное отчужденіе недвижимыхъ имуществъ, равно какъ и временное занятіе ихъ, или же установленіе права участія въ пользованіи ими, когда сіе необходимо для какой-либо государственной или общественной пользы, допускается не иначе, какъ за справедливое и приличное вознагражденіе.

Ст. 576. Всѣ случаи, въ коихъ представится нужнымъ отчужденіе или временное занятіе недвижимаго имущества, или же установленіе права участія въ пользованіи имъ, опредѣляются Именными Высочайшими указами. Проекты сихъ указовъ представляются на Высочайшее воззрѣніе подлежащими министрами и главноуправляющими отдѣльными частями черезъ Государственный Совѣтъ. Въ представленіи излагаются данныя, указывающія на общеполезное значеніе предпріятія и на необходимость принудительнаго отчужденія или ограниченія права на недвижимое имущество, а если испрашивается отчужденіе съ отступленіемъ отъ общаго порядка, то объясняется и необходимость подобнаго отступленія.

Въ Основныхъ Государственныхъ Законахъ, изданныхъ 23-го апрѣля 1906-го года, имѣется статья 35-я, которая гласитъ:

„Собственность неприкосновенна. Принудительное отчужденіе недвижимыхъ имуществъ, когда сіе необходимо для какой-либо государственной или общественной пользы, допускается не иначе, какъ за справедливое и приличное вознагражденіе".

Замѣчательно, что эта статья нашихъ основныхъ законовъ представляетъ собою почти буквальный сколокъ со статьи 17-й Декларацiи правъ человѣка и гражданина 1789-го года:

„Такъ какъ право собственности ненарушимо и священно, то никто не можетъ быть лишенъ своей собственности, за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда этого очевидно требуетъ общественная польза, законнымъ порядкомъ удостовѣренная, и не иначе, какъ подъ условіемъ предварительной уплаты справедливаго вознагражденія".

Въ этой статьѣ Декларацiи правъ человѣка и гражданина содержится явное ограниченіе права собственности, перешедшее отсюда во всѣ современныя европейскія законодательства. Въ Декларацiи устанавливается, что никто не можетъ быть лишенъ своей собственности иначе, какъ за справедливое вознагражденіе. „Конечно,—замѣчаетъ по этому поводу Жоресъ,—это гарантія для собственности. Тѣмъ не менѣе важно, что буржуазному обществу приходится уже въ самой своей хартіи правъ предвидѣть законное принудительное отчужденіе, экспропріацію для цѣлей общественной пользы. Основы собственности этимъ не поколеблены, такъ какъ лицо, отъ котораго принудительно отчуждено имущество, получаетъ равноцѣнность того, что беретъ у него общество. Но послѣднее признаетъ за собою право мѣнять *форму* собственности въ рукахъ лица. Напрасно собственникъ будетъ возражать, что данная форма собственности для него дороже ея цѣнности: законъ, въ интересахъ общества, лишаетъ его того, что вошло въ его привычки, насилуетъ его волю. И здѣсь, по буржуазному кодексу, въ интересахъ буржуазнаго общества, соціальное право ограничиваетъ и попираетъ неограниченное право частной собственности" [1]).

Таковъ смыслъ правила о принудительномъ отчужденіи, нашедшаго себѣ мѣсто въ Декларацiи правъ и ставшаго съ тѣхъ поръ образцомъ для законодательствъ всего міра. Здѣсь принудительное отчужденіе приведено въ связь и соотвѣтствіе съ сохраненіемъ самаго института частной собственности.

М. Ратнеръ.

(Окончаніе слѣдуетъ.)

---

1) Ж. Жоресъ, „Очерки соціализма" (Спб., 1906).

ВОСПОМИНАНІЯ

о

В. С. СОЛОВЬЕВѢ

Это было для меня время нравственныхъ исканій, жажды вѣры и идеала. Изъ выдающихся людей около меня былъ одинъ яркій, глубоко даровитый писатель и вѣчно мятущійся человѣкъ (Н. С. Лѣсковъ). Онъ только волновалъ, но не умиротворялъ мою душу— до того это была бурная, при своихъ слишкомъ пятидесяти годахъ неуравновѣшенная натура. Мнѣ нуженъ былъ кто-то, могущій вывести меня изъ лѣса сомнѣній на прямой путь.

И вотъ, мнѣ попадается въ „Вѣстникѣ Европы“ одна изъ статей Вл. Соловьева, вошедшихъ потомъ въ его „Оправданіе Добра“. Идея о неприкосновенности человѣческой личности обдала меня струей живительно свѣжаго воздуха. Личность автора заинтересовала меня. Мнѣ и раньше приходилось читать нѣкоторыя изъ его статей, но яснаго представленія о немъ, какъ о писателѣ, у меня еще не было, и мнѣ захотѣлось узнать, каковъ же этотъ человѣкъ, проникнутый евангельскимъ духомъ и горячей жаждой истины.

Я разспрашивала о немъ Лѣскова: тотъ опредѣлилъ его, какъ дѣвственника и вегетаріанца. Когда я восторгалась статьей Соловьева, Н. С. спросилъ меня: „Чѣмъ собственно она вамъ нравится?“

— „Своимъ христіанскимъ характеромъ“, — отвѣтила я.— „Это неопредѣленно,—сказалъ Лѣсковъ:—ея значеніе въ томъ, что въ ней вѣра отдѣляется отъ нравственности“.

На выставкѣ въ Академіи Художествъ я увидала бюстъ Соловьева въ молодые годы, его задумчивое чело и мужественную голову—и образъ этого мыслителя становился для меня все болѣе и болѣе привлекательнымъ. Однажды, возвратившись съ лекціи П. И. Вейнберга о Фаустѣ, я написала В. С. горячее письмо: я говорила ему о нравственномъ холодѣ и тоскѣ человѣка нашего времени, проникнутаго матеріалистическими взглядами въ области мысли, удрученнаго милитаризмомъ и гнетомъ въ сферѣ общественно-государственной. „Ваши слова являются лучомъ солнца, упавшимъ въ темный подвалъ. Спасибо за нихъ, большое спасибо".

Я отправила письмо въ редакцію „Вѣстника Европы" и долго не получала никакого отклика, что меня и не удивляло: могла ли я надѣяться привлечь вниманіе такого извѣстнаго, погруженнаго въ труды писателя?

21-го февраля 1896-го года умеръ Н. С. Лѣсковъ. Я чувствовала, что порвалась моя единственная связь съ заманчивымъ литературнымъ міромъ. Случилось не такъ: на свѣжей могилѣ Лѣскова для меня выросли цвѣты. Я была убѣждена, что Соловьевъ будетъ на похоронахъ извѣстнаго писателя, своего хорошаго знакомаго. Въ небольшой сумрачной церкви на Волковомъ кладбищѣ, гдѣ отпѣвали Н. С., я увидѣла высокаго, худощаваго человѣка, съ головой, обрамленной вьющимися сѣдыми волосами, съ узкой темной бородой, съ глазами, словно проницающими въ какую-то невѣдомую даль, за предѣлы земного. Онъ стоялъ погруженный въ молитвенное созерцаніе. Я замѣтила, что онъ часто хмурился, какъ будто подъ натискомъ глубокихъ думъ. Когда зарывали могилу, я подошла къ своему знакомому, В. П. П—му, и попросила его познакомить меня съ Соловьевымъ, съ которымъ, я видѣла, онъ разговаривалъ на кладбищѣ. „А позвольте узнать—вы вѣрующая?"—озадачилъ онъ меня вопросомъ.—„Я ищущая",—отвѣтила я ему. Онъ исполнилъ мое желаніе. „В. С., я взяла на себя смѣлость писать вамъ,—сказала я Соловьеву.—Я знаю, вы такъ заняты, что я не могла разсчитывать на отвѣтъ".—Куда вы писали, въ Финляндію?—„Нѣтъ, въ „Вѣстникъ Европы". Онъ спрашиваетъ фамилію, я называю. Тогда онъ вынимаетъ изъ кармана письмо и подаетъ его мнѣ. „Такъ я вамъ написалъ отвѣтъ и сегодня какъ разъ хотѣлъ его отправить". Я радостно взяла это письмо, ниспосланное мнѣ самой судьбой. „В. С., нельзя ли къ вамъ прійти когда-нибудь побесѣдовать",—обратилась я къ нему. — „Отчего же, только вѣдь я здѣсь не живу. Лучше я къ вамъ приду",—любезно отвѣтилъ онъ и запи-

салъ мой адресъ. „Обидно будетъ, если вы меня не застанете".— „Тогда я приду въ другой разъ, на Сергіевской я часто бываю". Условились, что онъ мнѣ напишетъ. Нечего и говорить о моемъ восторгѣ. Затѣмъ мы заговорили о покойномъ Н. С.; я выразила скорбь по поводу его кончины. „Жаль старика..."—вырвалось у меня.—„Что дѣлать!"—промолвилъ П., замѣтивъ, что все въ этой болѣзни какъ бы подготовляло конецъ. И Соловьевъ согласился, что, значитъ, пришелъ часъ. Я передала В. С. свой набросокъ о Лѣсковѣ, вылившійся у меня подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ его смерти. Затѣмъ мы разошлись. Я тутъ же на кладбищѣ прочла завѣтное письмо.

„Многоуважаемая Наталья Алексѣевна. Вотъ запоздалое спасибо за ваше доброе и умное письмо. Прошу васъ вѣрить, что размѣры моей душевной признательности за вашу симпатію значительно превышаютъ размѣры этой записки. На большую часть получаемыхъ мною писемъ я вовсе не отвѣчаю, и чтобы вы меня не осудили, вотъ списокъ работъ, лежащихъ на мнѣ въ настоящее время:

1) печатаю Нравственную философію; 2) готовлю къ печати метафизику; 3) idem эстетику; 4) idem объ антихристѣ; 5) пишу статьи о русской политикѣ; 6) редактирую философскій отдѣлъ въ энциклопедическомъ словарѣ Брокгауза-Ефрона и большую часть въ этомъ отдѣлѣ пишу самъ; 7) обѣщалъ участвовать въ разныхъ благотворительныхъ сборникахъ и чтеніяхъ, редактировать чужіе переводы и т. д.

Все это я долженъ дѣлать своими руками, не имѣя никакого вспомогательнаго инструмента въ родѣ жены, секретаря и т. п. Къ тому же, пріѣзжая въ Петербургъ, могу работать только ночью, такъ какъ днемъ или ѣзжу по своимъ и чужимъ дѣламъ, или принимаю у себя въ гостинницѣ разный народъ. Вотъ и сейчасъ ужъ кто-то стучится.

Еще разъ спасибо за Ваше милое письмо.

Душевно преданный Влад. Соловьевъ".

Недѣли черезъ двѣ послѣ моей встрѣчи съ В. С. мнѣ пришлось слышать его чтеніе у С—хъ. Пригласительнаго билета у меня не было, къ тому же я опоздала, и мнѣ пришлось стоять въ дверяхъ, такъ что я слышала лишь часть рѣчи С—ва. (Этотъ рефератъ его — о средневѣковомъ міросозерцаніи — напечатанъ въ январьской книжкѣ журнала „Вопросы Философіи и Психологіи" за 1901-ый годъ).

Но все же скажу, что замѣчательное получалось впечатлѣніе. Залъ былъ переполненъ свѣтскою толпой; нарядныя дамы, ка-

валергарды внимали проповѣди изможденнаго аскета, повѣствовавшаго объ отступничествѣ средневѣковой церкви отъ своего главы—Христа. „Вы пошли не по пути Андрея Первозваннаго, но Іуды Искаріота", — говорилъ онъ, рисуя историческую картину, какъ отрекшіеся отъ Христа революціонеры, атеисты стали ближе ему по духу, нежели его мнимые послѣдователи.

— Но придетъ время, когда Ѳома воскликнетъ: „Господь мой и Богъ мой!" — время, когда и сомнѣвающійся воззоветъ: „Вѣрую, Господи, помоги моему невѣрію!..."

Въ толпѣ царило благоговѣйное молчаніе. Когда я увидала согбеннаго философа, шедшаго подъ руку съ хозяйкой дома, онъ имѣлъ изнеможенный видъ.

Наконецъ мнѣ выпало великое удовольствіе принять В. С. у себя. Это было 8-го марта. Онъ пришелъ довольно поздно, разчасу въ 11-мъ. Наша семья сидѣла за чайнымъ столомъ. Разговоръ коснулся современнаго властителя думъ, Л. Н. Толстого. (Тогда только-что вышелъ его „Хозяинъ и Работникъ").

— Онъ имѣетъ громадный обличительный талантъ, — замѣтилъ В. С., — его глазъ видитъ мельчайшія пятна. Но у Толстого никогда не было исторической перспективы, пониманія исторіи.

Коснулись статьи Толстого объ эмпирической нравственности. Я сказала, что меня не удовлетворяетъ отношеніе Толстого къ наукѣ, которую онъ подраздѣляетъ на еврейскую, средневѣковую и т. п., между тѣмъ какъ наука, въ смыслѣ стремленія къ истинѣ, несмотря на всѣ свои уклоненія, одна. „Ну да, Толстой понимаетъ науку въ смыслѣ нравственнаго отношенія къ жизни, а не какъ мы понимаемъ ее",—пояснилъ В. С. „Вѣдь Толстой считаетъ безполезной дѣятельность астронома, открывающаго звѣздочку",—замѣтилъ П—ій, на что С—въ возразилъ: „Все дѣло въ силѣ и способности ученаго: одинъ открываетъ звѣздочку, а другой — міровые законы, какъ какой-нибудь Коперникъ".

Я попросила В. С. объяснить мнѣ затронутые имъ въ слышанномъ мною чтеніи вопросы о Троичности и двухъ естествахъ Христа. Онъ отвѣтилъ, что въ нѣсколькихъ словахъ этого не передать, что вообще напрасно онъ касался этихъ вопросовъ. Я наивно спросила: „Надо много прочесть, чтобы усвоить себѣ это?" — „Прочесть или передумать", — отвѣтилъ онъ. По его мнѣнію, нѣтъ надобности въ знаніи догматическихъ тонкостей. Онъ вкратцѣ развилъ взглядъ на Бога въ индійскомъ міросозерцаніи, въ мусульманскомъ, въ христіанскомъ. Въ индійскомъ—Богъ все

собой поглощаетъ; все сводится къ ничему, послѣдняя степень котораго есть Нирвана. Въ мусульманскомъ міровоззрѣніи Богъ не представляется благимъ; наоборотъ, добро хорошо потому только, что оно отъ Бога. Является такимъ образомъ признаніе деспотизма. Въ христіанствѣ Богъ абсолютно благъ.

В. С. перешелъ къ вопросу о Тріединствѣ, но, заговоривъ о бытіи, дѣйствіи и сознаніи, вдругъ пріостановился и, мило улыбнувшись, сказалъ, что такихъ предметовъ легко касаться нельзя: они слишкомъ высоки. Со временемъ, когда мы поближе познакомимся, можно будетъ о многомъ побесѣдовать. Я замѣтила, что съ такимъ человѣкомъ, какъ онъ, не хочется говорить объ итальянской оперѣ, а хочется у него чему-нибудь научиться. Онъ опять мило улыбнулся, но своихъ взглядовъ болѣе не развивалъ, а обѣщалъ еще зайти и дать мнѣ свою книгу о Богочеловѣчествѣ. Мы какъ-то перешли къ Ренану, котораго В. С. знавалъ лично и опредѣлилъ какъ поверхностнаго мыслителя и чисто французскаго фантазера. Онъ привелъ въ примѣръ характеристику Маріи Магдалины: въ ея поклоненіи Учителю Ренанъ видитъ романтическую любовь. „Это даже невѣрно исторически, — замѣтилъ В. С., — потому что въ то время любовь понималась иначе: романтизмъ есть продуктъ христіанства и среднихъ вѣковъ. Вмѣсто того, чтобы пересоздать вѣру, Ренанъ отринулъ ее совсѣмъ и не пришелъ ни къ какому выводу. „Vie de Jésus“ недостойна трактуемаго ею предмета“. Опять мы перешли къ Толстому. „Да, это отрицательный умъ, — повторилъ В. С.: — онъ показываетъ въ художественно яркихъ картинахъ, что современныя церковь, государство, семья нехороши, и отсюда заключаетъ, что они совсѣмъ ненужны. Между тѣмъ это крайняя односторонность. Отъ того, что невѣрующій священникъ совершаетъ литургію, таинство не менѣе дѣйствительно“. Когда В. С. заговорилъ о таинствѣ, о его реальности, я была поражена: въ то время какой бы то ни было мистицизмъ мнѣ казался несовмѣстимымъ съ философіей. Цѣня въ С—вѣ исключительно философа, я не знала его съ религіозной стороны; между тѣмъ она-то и составляетъ ядро его міровоззрѣнія. И когда я сказала: „Ну да, понимая таинство символически?“ — онъ отвѣтилъ: „Нѣтъ, въ настоящемъ его смыслѣ“. „Въ чемъ я согласенъ съ Толстымъ, — продолжалъ В. С., — это въ томъ, что когда человѣкъ умираетъ, значитъ, пришла пора ему перейти въ высшее состояніе“. Я еще болѣе изумилась. „А какъ же души умершихъ младенцевъ?“ — спросилъ его П—ій. „Я допускаю, что душа грѣшника переходитъ въ рождающагося мла-

денца, чтобы, пострадавши, очиститься отъ грѣховъ. Впрочемъ, это уже метафизика",—заключилъ онъ, какъ обыкновенно, когда заходилъ въ слишкомъ дремучіе лѣса мысли.

В. С. оставался у насъ недолго; онъ пошелъ къ своему пріятелю, художнику Ярошенко, жившему въ томъ же домѣ, и обѣщалъ зайти въ другой разъ. Его бесѣда произвела на меня сильное и вмѣстѣ съ тѣмъ странное впечатлѣніе: какъ будто меня коснулась таинственная рука. Въ мистическомъ освѣщеніи представлялся мнѣ этотъ отшельникъ, живущій среди скалъ Финляндіи, у шумящаго водопада (онъ жилъ въ то время близъ Иматры). Я чувствовала себя бредущей въ сѣверную лунную ночь, и мнѣ было какъ-то не по-себѣ: мнѣ хотѣлось видѣть весь міръ въ солнечномъ освѣщеніи мысли, чтобы лучи ея проникали во всѣ закоулки бытія. А эта область таинственнаго, затрогиваемая философомъ, казалась мнѣ чуждой и мрачной. Въ моей душѣ происходилъ внутренній разладъ, но я живо чувствовала, что видѣла нѣчто необыкновенное...

23-го марта мнѣ пришлось слышать чтеніе В. С. объ А. Толстомъ въ домѣ одного изъ министровъ. Это былъ литературно-музыкальный вечеръ, еще болѣе оригинальный, чѣмъ у С—выхъ: тамъ происходила проповѣдь христіанства въ свѣтскомъ собраніи, здѣсь—выясненіе идеала свободы въ домѣ русскаго министра. Съ покойнымъ А. Толстымъ С—ва соединяло чувство личной дружбы; онъ отмѣтилъ высокій нравственный обликъ, христіанское чувство его поэзіи. Идеалистъ въ политикѣ, какъ и въ жизни, Толстой былъ поклонникомъ кіевской Руси и ненавистникомъ московской, приверженцемъ истинной свободы во всѣхъ областяхъ мысли и человѣческой дѣятельности. Но такое глубокое ея пониманіе, внѣ партій и лагерей, сдѣлало его одинокимъ, поставило его „противъ теченія", т.-е. противъ толпы, какая бы она ни была: уличная или свѣтская. Соловьевъ закончилъ свою бесѣду гимномъ свободѣ и выраженіемъ вѣры въ отечество, которое, надо надѣяться, изберетъ себѣ ея путь.

Громъ аплодисментовъ покрылъ его слова. Во время его чтенія электричество потухло, потомъ опять вспыхнуло, и именно въ подходящій моментъ, когда говорилось о мракѣ и свѣтѣ на Руси. Впослѣдствіи мнѣ не разъ приходилось слышать изъ устъ С—ва слова какъ бы въ сторону, относившіяся не къ самому предмету его чтенія, а къ современному положенію родины. Это было нѣчто въ родѣ воззванія къ исправленію, вставленнаго въ изображеніе вспоминаемаго событія или лица.

Въ этотъ вечеръ В. С. имѣлъ большой успѣхъ: онъ былъ

окруженъ, какъ свѣтская красавица. Мой сосѣдъ сказалъ его сестрѣ (Allegro): „Вашъ братъ входитъ въ моду“. Пожалуй, что это мало подходящее къ знаменитому философу выраженіе было вѣрно: его приглашали нарасхватъ и въ литературные, и въ аристократическіе дома. Я слышала отъ одной свѣтской дамы, отличавшейся эксцентричнымъ характеромъ и артистическими вкусами, о ея желаніи пригласить къ себѣ С—ва. „Я такъ хотѣла бы познакомиться съ какимъ-нибудь знаменитымъ философомъ“,—говорила она, разсказывая о своемъ влеченіи къ философіи, интересѣ къ Платону и т. д. И я думаю, что тутъ было не одно любопытство: среди своей суетной жизни она чувствовала потребность въ философѣ, какъ больной — въ священникѣ.

Въ описанный мною вечеръ, выходя изъ обширныхъ залъ министра, я уловила моментъ, чтобы пригласить къ себѣ В. С. Онъ назначилъ слѣдующій день.

По возвращеніи домой я провела полъ-ночи за письменнымъ столомъ; подъ впечатлѣніемъ вечера у меня вылилось слѣдующее стихотвореніе:

* * *

Освѣтила заря эту темную ночь...
Ужъ казалось, не будетъ разсвѣта,
И придется душѣ отъ тоски изнемочь,
Не услышавъ ни слова привѣта.

Но живительный голосъ раздался въ ночи,
Возвѣщая слова упованья,
И мы жадно внимали свободной рѣчи,
Послѣ мукъ затаенныхъ молчанья.

Этотъ голосъ вѣщалъ, что на свѣтѣ есть Богъ,
Что любовь есть всей жизни основа,
Что изъ всѣхъ пролегающихъ въ мірѣ дорогъ
Лишь свобода есть путь для благого.

На слѣдующій день В. С. пришелъ часа въ четыре и согласился на мою просьбу отобѣдать у насъ. Я знала о его вегетаріанствѣ; обѣдъ былъ постный, къ тому же это было великимъ постомъ. Садясь за столъ, В. С. осѣнилъ себя крестнымъ знаменіемъ.—Никогда онъ не казался мнѣ болѣе милымъ, простымъ и доступнымъ. Среди оживленнаго разговора онъ приводилъ цитаты изъ своего любимца, Кузьмы Пруткова. Заговорили о вчерашнемъ вечерѣ. С—въ передавалъ, что министръ остался имъ недоволенъ, попенялъ ему, зачѣмъ онъ читалъ неподходящія

вещи. „Удивляюсь, — замѣтилъ С—въ: — зачѣмъ же онъ тогда согласился на выборъ А. Толстого?“ Вспоминая о вечерѣ у С—выхъ, В. С. спросилъ, не показалась ли странной его проповѣдь среди салона. Я съ затаеннымъ волненіемъ предложила В. С. прочесть мое стихотвореніе, написанное ночью. „А это не слишкомъ лестно для меня?“—шутливо спросилъ онъ и сталъ читать. — „Вообще очень правильный у васъ стихъ и такой гладкій, хорошій“, — замѣтилъ онъ и взялъ стихи себѣ на память. Я предложила ему выслушать еще одно стихотвореніе, посвященное памяти Герцена (напечатанное десять лѣтъ спустя во „Всемірномъ Вѣстникѣ“ за 1905 г.). Завязалась бесѣда о Герценѣ. В. С. отозвался о немъ съ симпатіей, какъ о большомъ талантѣ. — „Еще недавно мнѣ попались его „Письма объ изученіи природы“,—сказалъ онъ:—мнѣ понравилось его изложеніе исторіи философіи. Но странно, что Герценъ, будучи въ душѣ идеалистомъ, поборникомъ свободы и гуманности, не пришелъ ни къ какой религіи, остался при матеріалистическихъ взглядахъ“.

Я чувствовала все большее желаніе высказаться передъ В. С. относительно своихъ религіозныхъ взглядовъ. Я сказала ему, что испытываю порою религіозную жажду, признаю что-то Высшее, но не могу принять разумомъ чуда. „Что вы называете чудомъ?“—спросилъ онъ меня. Я привела примѣръ насыщенія пятью хлѣбами пяти тысячъ человѣкъ. С—въ замѣтилъ, что не берется объяснить всякое евангельское чудо, потому что, по его мнѣнію, не всѣ разсказы о чудесахъ провѣрены критикой. Онъ понимаетъ чудо, какъ явленіе до сихъ поръ необычайное, но которое будетъ естественнымъ въ будущемъ. Зарожденіе клѣточки въ неорганическомъ мірѣ было тоже своего рода чудомъ. Весь міръ подлежитъ законамъ, но одни изъ нихъ доступны нашему пониманію, другіе же еще не изслѣдованы. Воскресеніе Христа намъ кажется чудомъ, потому что это первое изъ явленій новаго порядка вещей, ожидающаго людей при второмъ пришествіи. Это полное торжество духа надъ матеріей, а Преображеніе — подготовительная къ нему ступень. „Но къ чему тутъ такое чисто физическое явленіе, какъ сіяніе лица?“ — спросила я. „Развѣ ваше лицо не оживится, не просіяетъ при какой-нибудь радостной вѣсти? А у Христа это духовное сіяніе произошло подъ видомъ Преображенія“,—былъ отвѣтъ В. С.

Хотя В. С. и говорилъ, какъ часто досужіе посѣтители нарушаютъ его одиночество, но мы съ П—мъ выразили желаніе навѣстить его въ Раухѣ (близъ Иматры) и получили милое при-

глашеніе. А я его просила лѣтомъ собраться въ нашу деревенскую глушь (въ Новгородской губерніи). Меня сильно влекло посѣтить поэтическое убѣжище В. С., побесѣдовать съ нимъ о вѣчныхъ вопросахъ посреди суровой финляндской природы. Но моя мечта не осуществилась, потому что какъ разъ въ это время В. С. неожиданно переѣхалъ въ Петербургъ. Это было въ началѣ мая; мы съ нимъ опять увидались. Въ ожиданіи его я набросала длинное стихотвореніе, подъ заглавіемъ: „Отшельникъ", и еще слѣдующее короткое:

* * *

Какъ путника въ палящій зной
Манитъ источникъ средь пустыни,
Искала я душѣ святыни.
Когда же ключъ воды живой

Передо мною заструился,
Я въ Бога вѣру обрѣла,
И средь страданія и зла
Мой духъ Всевышнему молился.

С—въ на этотъ разъ оставался съ нами недолго.

Долго послѣ этого намъ не пришлось видѣться. Напрасно я ждала его лѣтомъ: усиленныя занятія помѣшали В. С. заглянуть въ нашъ уголокъ.

Затѣмъ, поглощенный своимъ „Опредѣленіемъ Добра", онъ поселился въ Царскомъ Селѣ, замкнулся въ своемъ убѣжищѣ, и мы съ нимъ всю осень и зиму не видались. Онъ мнѣ передалъ черезъ П—го, что не чувствуетъ въ себѣ таланта педагога, чтобы руководить чьимъ-нибудь философскимъ развитіемъ. А я такъ надѣялась прослушать изъ его устъ развитіе новой философіи... Тоска во мнѣ все усиливалась, обострялась.

Вотъ образчикъ ея выраженія въ стихахъ:

* * *

На груди скрещены мои руки,
На душѣ—неотвязный вопросъ,
Голова тяжелѣетъ отъ муки,
Затуманились очи отъ слезъ.

Я нуждалась въ живительномъ словѣ,
Одинока я въ жизни, повѣрь...
И какъ путникъ, просящій о кровѣ,
Я несмѣло стучусь въ твою дверь...

Въ своихъ безпокойныхъ исканіяхъ я направлялась въ сторону Л. Н. Толстого. На Новый годъ у меня сложилось стихо-

твореніе, посвященное „Пророкамъ“, т.-е. обоимъ нашимъ избранникамъ.

Почти одновременно съ В. С., весною 1895-го года, я познакомилась съ однимъ изъ учениковъ Толстого, П. И. Бирюковымъ. Я увидала его въ первый разъ въ маленькомъ кружкѣ, почитающимъ изложеніе своей вѣры. Идеаломъ выставлялся подвижническій аскетизмъ, условіями счастья—жизнь въ деревнѣ, среди здороваго труда, безъ денегъ и собственности. Не соглашаясь съ идеями Бирюкова, я тѣмъ не менѣе почувствовала нравственное обаяніе его личности и сразу съ нимъ по душѣ разговорилась. Онъ радушно пригласилъ меня въ свою костромскую усадьбу, если я интересуюсь образомъ жизни людей его взглядовъ. Я позвала его къ себѣ; онъ пришелъ на слѣдующій день. Для меня Бирюковъ представлялъ живѣйшій интересъ, какъ наглядный выразитель толстовскаго вѣроученія и какъ близкій Л. Н. человѣкъ. Не будучи согласна съ нравственно-соціальнымъ устройствомъ жизни по этому вѣроученію, я не могла не чувствовать духовной высоты самого Бирюкова: меня трогала его искренность, убѣжденность и душевная чистота. И вотъ, когда зимою я почувствовала внутренній разладъ и жажду куда-нибудь приложить свои силы, я написала въ Москву, въ редакцію „Посредника“, предлагая Бирюкову свое сотрудничество и намѣчая при этомъ подходящія для разработки темы. Бирюковъ отвѣтилъ мнѣ очень сочувственно, излагая вкратцѣ программу своей издательской дѣятельности. Онъ одобрялъ мои темы и предлагалъ разработать эпоху въ родѣ Крестовыхъ походовъ или Возрожденія. Я предполагала заняться этимъ вопросомъ за границей, куда собиралась поѣхать. До отъѣзда мнѣ удалось свидѣться съ В. С. Встрѣча наша была случайная—на вокзалѣ въ Царскомъ. Я робко подошла къ нему: у меня было затаенное чувство, что онъ за что-то мною недоволенъ. Но это было только воображеніемъ. Онъ заговорилъ со мной, по обыкновенію, привѣтливо. Дорогой я разсказала В. С. о своемъ проектѣ и просила у него указанія на источники. Онъ обѣщалъ прислать мнѣ въ подарокъ диссертацію Корелина объ итальянскомъ гуманизмѣ, что и исполнилъ. Разговоръ у насъ не лился потокомъ; наоборотъ, мы долго молчали и смотрѣли въ окно, на очертанія облаковъ, озаренныхъ золотистымъ багрянцемъ. Вечеромъ я пошла на двѣнадцать Евангелій; это былъ великій четвергъ. В. С. однимъ своимъ присутствіемъ настраивалъ меня религіозно. Послѣ долгаго ряда сомнѣній я почувствовала смут-

ный порывъ вѣры и выразила его въ стихотвореніи, которое и послала С—ву.

* * *

Чувство вѣры и покоя
Въ душу просится мою.
Въ этомъ мірѣ есть святое,
Я всѣмъ сердцемъ признаю.

И опять на жизнь готова,
Я пускалась въ дальній путь,
Постоять за правды слово,
Закаливъ бронею грудь.

Пусть же въ праздникъ воскресенья
Мнѣ звучитъ надежды гласъ,
Что для міра есть спасенье,
Въ немъ свѣтильникъ не угасъ.

19-го апрѣля я опять поѣхала въ Царское. У меня явилось сильное желаніе навѣстить В. С. въ его одинокой кельѣ, и я направилась къ розовому домику на Церковной улицѣ. Я застала его въ небольшой, заваленной рукописями комнатѣ, одѣтаго въ пальто, повидимому за работой. Это былъ удачный визитъ: В. С. далъ мнѣ на память свой портретъ, съ собственноручной надписью.

Черезъ нѣкоторое время В. С. заѣхалъ ко мнѣ проститься: въ маѣ я уѣзжала за границу. Гуляя по залу, онъ замѣтилъ цвѣты у окна и, подошедши, сталъ нюхать гіацинтъ. Я предложила ему сорвать цвѣтокъ.—„Зачѣмъ, оставьте, вѣдь онъ живетъ"—остановилъ онъ меня, и я почувствовала въ немъ религіознаго созерцателя живой природы. Вошла моя мать. В. С., здороваясь, поцѣловалъ у нея руку. Это меня удивило и тронуло: очевидно онъ, аскетъ, хотѣлъ почтить въ ней материнство. Заговорили о предстоявшей коронаціи; мама ужасалась, чего это будетъ стоить народу и зачѣмъ? „Это необходимо по понятіямъ того же народа" — замѣтилъ Соловьевъ. Прощаясь, онъ спросилъ меня, куда именно я ѣду. Я отвѣтила, что въ сѣверную Италію, въ окрестности Генуи. „Теперь еще ничего, а ужъ въ маѣ тамъ невыносимо будетъ изъ-за цвѣтовъ, такъ они ароматичны,—сказалъ В. С.,—я положительно не могъ спать, когда мнѣ пришлось быть въ это время года въ Италіи".—Помню, въ другой разъ онъ презабавно разсказывалъ, какъ гдѣ-то, чуть ли не въ Ниццѣ, за табль д'отомъ, разбирали его наружность, не зная къ какой его отнести національности: кто принималъ его за итальянца, кто за испанца, еще кто-то за еврея, а по профессіи—за художника.

Я уѣхала за границу. Съ разными людьми пришлось мнѣ тамъ столкнуться, но я чувствовала, что второго, какъ С—въ, нѣтъ на искушенномъ сомнѣніями Западѣ.

Осенью я вернулась въ Петербургъ и скоро увидѣлась съ В. С. въ Царскомъ Селѣ, у одного изъ нашихъ общихъ знакомыхъ. Мы совершили втроемъ прогулку по чудному царскосельскому парку. Разговоръ какъ-то коснулся мистицизма и проф. Вагнера. В. С. отозвался о Вагнерѣ, какъ о человѣкѣ, глубоко посвященномъ въ сущность вопроса о потустороннемъ мірѣ.

За чаемъ въ тотъ же вечеръ В. С. разсказывалъ про явленіе ему діавола, о чемъ онъ упоминаетъ и въ одномъ изъ своихъ стихотвореній. „Ѣхалъ я на пароходѣ; вдругъ почувствовалъ, какъ что-то сдавило мнѣ плечи; я увидалъ бѣлое туманное пятно и услыхалъ голосъ:—„А, попался, длинный, попался“.—Я произнесъ самое сильное заклинаніе, какое существуетъ:—„Именемъ Іисуса Христа Распятаго...“ Діаволъ исчезъ, но весь день я чувствовалъ себя разбитымъ“. Признаюсь, мнѣ было тяжело это слышать. „Зачѣмъ онъ, философъ, распространяетъ предразсудки?“—думала я, объясняя себѣ его повѣствованіе чистой галлюцинаціей, что было возможно при его повышенной нервности. В. С. продолжалъ разсказывать о сверхъестественныхъ ему явленіяхъ: какъ однажды ночью онъ увидалъ трехъ женщинъ, въ платкахъ, одѣтыхъ богомолками, которыя стали передъ нимъ на колѣни и поклонились ему. „Это были души умершихъ, просившія поминовенія,—сказалъ онъ:—три ночи подъ-рядъ онѣ мнѣ являлись“.

Послѣ этого я больше года не видала В. С. Не видя его, я тѣмъ не менѣе слѣдила, гдѣ онъ находится, и получала отъ него оттиски его статей.

Мнѣ пришлось увидать его на торжествѣ русской мысли и его собственномъ, именно на открытіи Философскаго Общества въ Петербургѣ. Залъ университета кишѣлъ народомъ; и публика, и масса молодежи сошлись привѣтствовать новорожденное общество и знаменитаго представителя русской философіи. Раздались громкіе аплодисменты, когда на каѳедрѣ показалась высокая, худощавая фигура этого выходца изъ эпохи первыхъ вѣковъ христіанства. Онъ началъ съ выраженія радости, что находится опять въ дорогихъ ему стѣнахъ университета, бывшихъ для него закрытыми вотъ уже шестнадцать лѣтъ (съ 1881 г., послѣ его знаменитой рѣчи о смертной казни). Темой его была жизненная драма Платона. В. С. заговорилъ о трагическомъ моментѣ въ жизни великаго философа, когда „погибъ отецъ, погибъ правед-

никъ", и вѣра Платона въ добро и правду должна была пошатнуться. Какая же сила спасла его отъ упадка духа, отъ измѣны завѣтнымъ идеаламъ?.. Недолго говорилъ нашъ философъ, почувствовавъ трудность держать рѣчь въ большомъ залѣ, въ многолюдномъ собраніи. Онъ отвыкъ отъ каѳедры въ своемъ уединеніи. Извинившись передъ заинтересованной аудиторіей, онъ сошелъ съ каѳедры и удалился. Почитатели ждали его въ коридорѣ и сочувственно пожимали ему руки.

Онъ продолжалъ свою бесѣду о Платонѣ въ Кредитномъ обществѣ. Основная идея его была та, что послѣ смерти учителя Платона подкрѣпляла идея *любви*, покамѣсть—только подъ видомъ *эроса*, въ античномъ пониманіи ограниченнаго, но содержавшаго задатки дальнѣйшаго развитія. Если бы Платонъ былъ послѣдователенъ и пошелъ дальше, онъ приблизился бы къ самой сущности Христова ученія. Но онъ остановился на полпути, измѣнивъ, по духу, своему учителю—Сократу. Бесѣда объ эросѣ носила мистическій характеръ, мало понятный для непосвященнаго ума. И сама я это чувствовала, и слышала подобныя же сужденія въ публикѣ.

Осенью 1898-го года я опять слушала В. С. въ Философскомъ Обществѣ: онъ читалъ о Бѣлинскомъ, память котораго чествовалась весною того года. Обрисовавъ вкратцѣ гуманитарную роль этого *праведника*, В. С. поставилъ ему въ укоръ нѣкоторую непослѣдовательность. Этотъ „мужъ желаній", проповѣдникъ гуманности и жизненнаго христіанства, не развилъ своихъ философскихъ воззрѣній до настоящей вѣры. А себя В. С. упрекнулъ за то, что въ прежніе годы, увлекаясь неразрѣшимымъ пока вопросомъ о соединеніи церквей, онъ упускалъ изъ виду болѣе насущные интересы современности, которымъ служилъ Бѣлинскій. Это было какъ бы публичное покаяніе общественнаго дѣятеля, вернувшагося къ жизненной дѣятельности. „Mea culpa, mea maxima culpa!"—восклицалъ онъ. Еще и теперь многое изъ чаяній Бѣлинскаго осталось неисполненнымъ, и завѣты его для насъ должны быть святы. Осуществленіе ихъ не обходится безъ жертвъ, но надо стремиться къ тому, чтобы благо родины достигалось съ наименьшимъ ихъ количествомъ и съ наибольшей полнотой.

Свою бесѣду В. С. закончилъ обращеніемъ къ русскому обществу съ пожеланіемъ, чтобы оно не остановилось на своемъ равнодушіи къ религіи. „Богъ дастъ,—говорилъ онъ,—настанетъ время, когда истинная вѣра въ Бога живого осѣнитъ, одухотворитъ и нашу родную землю". Вспоминая людей 40-хъ годовъ, В. С.

коснулся Герцена, упрекнувъ его за эмиграцію, за жизнь внѣ родины.

Сопоставивъ жизненную драму Платона съ художественной— Шекспира, философъ отдалъ предпочтеніе, по внутренней правдѣ и полнотѣ, первой, приведя слова покойнаго Фета: „другъ мой, повѣрьте, самый великій поэтъ и драматургъ есть Господь Богъ".

Больше намъ не пришлось уже свидѣться. Вернувшись изъ Парижа весной 1899 г., я звала и ждала В. С., но онъ вскорѣ уѣхалъ въ Москву и затѣмъ за границу. А черезъ годъ съ небольшимъ его уже не стало.

Въ Парижѣ мнѣ случилось присутствовать на эпизодахъ дрейфусовской драмы: на митингахъ и университетскихъ лекціяхъ, взывающихъ къ перестройкѣ общественнаго зданія. Слышала я блестящихъ ораторовъ, видѣла и горячихъ народолюбцевъ, и глубокихъ ученыхъ, и политиковъ, и педагоговъ, но такого мыслителя и человѣка, какъ В. С. Соловьевъ, мнѣ не пришлось, да и не придется никогда увидать. Онъ и жилъ и умиралъ со словами: „Тяжела работа Господня..."

Н. Макшеева.

КУЛЬТУРА
И
ВОЕННОЕ ДѢЛО

ЗАМѢТКИ «ШТАТСКАГО» ЧЕЛОВѢКА.

Благородной памяти Ивана Емельяновича Кажданскаго.

Предлагаемыя „замѣтки" составились, дѣйствительно, изъ замѣтокъ, написанныхъ подъ вліяніемъ „безумія и ужаса" нашей войны съ Японіей и частью появившихся въ различныхъ газетахъ, частью оставшихся въ записной книжкѣ автора. Первоначальный планъ—связать эти отрывки въ одно цѣлое и выпустить ихъ въ свѣтъ въ видѣ отдѣльной брошюры или журнальной статьи немедленно послѣ окончанія войны—остался безъ исполненія, вслѣдствіе возникшей-было увѣренности, что „обновленіе" нашего государственнаго строя прежде всего начнется съ признанія тѣхъ обще-культурныхъ требованій, которымъ должна соотвѣтствовать огранизація военныхъ силъ всякаго современнаго государства. Увы! эта увѣренность не оправдалась, и „замѣтки" вновь пріобрѣли въ глазахъ автора свое прежнее значеніе.

I.

Среди вопросовъ военнаго дѣла необходимо отличать тѣ, въ разрѣшеніи которыхъ компетентны лишь достаточно подготовлен-

ные спеціалисты, отъ тѣхъ, которые могутъ и должны интересовать вообще интеллигентныхъ людей. Въ рѣшеніи послѣднихъ должны быть съ возможно большей послѣдовательностью проведены принципы всякаго общественнаго дѣла, всякой общественной организаціи—принципы, относительно которыхъ всякій общественною жизнью живущій человѣкъ можетъ высказываться съ извѣстной долей авторитетности. И не слѣдуетъ думать, что первые вопросы безусловно господствуютъ надъ вторыми, что армія можетъ рѣшительно не удовлетворять требованіямъ, важнымъ, такъ сказать, съ „штатской" точки зрѣнія—и въ то же время отличаться превосходными боевыми качествами. Нѣтъ: „штатскія" требованія, какъ болѣе общія, являются вмѣстѣ съ тѣмъ и наиболѣе настоятельными, наиболѣе существенными. Мы могли бы привести немало примѣровъ, когда военные спеціалисты приходили къ ошибочнымъ заключеніямъ именно потому, что не могли или не умѣли выйти за предѣлы своей спеціальности. Ограничимся лишь однимъ, наиболѣе поразительнымъ. Передъ нами лежитъ „Изборникъ Развѣдчика" за 1903-й годъ, представляющій собою безплатное приложеніе къ спеціально-военному журналу „Развѣдчикъ". Въ этомъ „Изборникѣ" помѣщена, между прочимъ, статья шт.-капит. Бурцева, посвященная японской арміи и написанная въ 1902-мъ году—меньше, чѣмъ за два года до возникновенія войны, — во время пребыванія автора въ Токіо, куда онъ, въ качествѣ слушателя восточнаго института, былъ командированъ „для изученія практически разговорнаго языка и ознакомленія съ бытомъ туземцевъ". Съ состояніемъ вооруженныхъ силъ Японіи г. Бурцевъ „главнымъ образомъ знакомился черезъ военнаго агента въ Японіи, полковника генеральнаго штаба Г. М. Ванновскаго, благодаря радушію, вниманію и любезности котораго имѣлъ возможность широко воспользоваться его работой о японской арміи". Къ какимъ же заключеніямъ пришелъ штабсъ-капитанъ Бурцевъ, находившійся въ условіяхъ столь благопріятныхъ для правильной оцѣнки японскихъ вооруженныхъ силъ? Онъ самъ формулируетъ эти заключенія съ большой опредѣленностью и рѣшительностью. На стр. 65-й мы находимъ слѣдующую характеристику всѣхъ трехъ родовъ оружія японской арміи:

„Что касается дисциплины и тактической подготовки войскъ, то въ Японіи эти два важнѣйшихъ элемента въ созданіи серьезной арміи *еще не поняты* [1]), ибо не вяжутся съ бытомъ, тра-

[1]) Курсивъ вездѣ нашъ.

диціями и своеобразной культурой народа. Лишь у немногихъ, сравнительно, офицеровъ, побывшихъ за границей болѣе или менѣе продолжительное время, замѣтно европейское вліяніе въ нѣсколько болѣе сознательномъ отношеніи къ дисциплинѣ и тактикѣ, которыя въ японской арміи усвоены исключительно лишь съ внѣшней стороны *и мало-мальски серьезное испытаніе едва ли выдержатъ*. Сравнительно лучше другихъ обучена пѣхота. Кавалерія какъ по конскому составу, такъ и по обученію, можно сказать, *не существуетъ* въ качествѣ этого рода оружія, и усилія создать ее въ Японіи, надо думать, тщетны. Артиллерія *мало искусна* въ маневрированіи и *производствѣ огня* и слаба по конскому составу; матеріальная часть ея содержится сравнительно удовлетворительно, но амуниція и пригонка ея въ большинствѣ случаевъ плохи". Затѣмъ слѣдуетъ общій и окончательный приговоръ. „Пройдетъ *еще много лѣтъ*, пока японская армія усвоитъ себѣ *нравственныя основанія*, на которыхъ зиждется устройство всякаго европейскаго войска, и ей станетъ по плечу тягаться хотя бы *съ одной изъ самыхъ слабыхъ* европейскихъ державъ, и это, конечно, въ томъ случаѣ, если страна выдержитъ тотъ внутренній разладъ, который происходитъ отъ слишкомъ быстраго наплыва чуждыхъ ея культурѣ и исторической жизни идей".

Такъ судилъ и писалъ о японской арміи русскій офицеръ, чуть не наканунѣ момента, когда Японія бросила воинскій вызовъ одной изъ самыхъ сильныхъ европейскихъ державъ. И мы видимъ, что спеціалистъ военнаго дѣла дѣлаетъ попытку выбраться изъ тѣснаго круга своей спеціальности: онъ говоритъ о „нравственныхъ основаніяхъ", на которыхъ зиждутся европейскія военныя организаціи, о „культурѣ", о „внутреннемъ разладѣ". Очевидно, однако, недостаточная подготовка препятствуетъ ему оцѣнить истинное значеніе этихъ моментовъ; иначе онъ пришелъ бы къ заключеніямъ совершенно иного характера. Что касается „слишкомъ быстраго наплыва" въ Японію „чуждыхъ" ея культурѣ идей, то, дѣйствительно, стоитъ лишь сравнить внутреннюю жизнь Россіи и Японіи за послѣдніе, предшествовавшіе войнѣ годы, чтобы признать быстроту японскаго прогресса прямо-таки головокружительной для капитана русской службы. Японскій народъ въ 1868-мъ году вступилъ на путь обновленія всей жизни и съ тѣхъ поръ идетъ все болѣе и болѣе скорымъ темпомъ по пути прогресса. Въ 1868-мъ году управленіе страной перешло непосредственно къ микадо, до тѣхъ поръ игравшему неопредѣленную роль. Въ 1869-мъ году былъ изданъ указъ о всеобщей воинской повинности. Въ 1871-мъ году японскіе

крестьяне освобождены отъ крѣпостной зависимости. Съ паденіемъ послѣдней разрушился вѣковой феодальный строй. Въ 1872-мъ году построены первая фабрика и первая желѣзная дорога. 1875-й годъ ознаменовался указомъ объ обязательномъ начальномъ обученіи, подъ угрозой штрафа. Въ 1876-мъ году проведена судебная реформа. Въ 1877 г. открытъ первый мужской университетъ. Въ 1879 г. изданъ законъ о земскихъ учрежденіяхъ. Въ 1884 г. объявлена конституція. Въ 1898 г. открытъ второй университетъ. Въ 1900 г. изданъ указъ о расширеніи избирательныхъ правъ народа. Въ 1901 г. открытъ первый женскій университетъ. Въ 1902 г. заключенъ союзъ съ Англіей. За время съ 1868 по 1904 г. торговые обороты Японіи увеличились въ 20 разъ; вся страна покрылась сѣтью дорогъ; нѣкоторыя отрасли фабричной промышленности соперничаютъ теперь съ Англіей и Америкой. Грамотность возросла до 70%. Число учащихся въ Японіи на 100.000 болѣе, чѣмъ въ Россіи, тогда какъ въ Россіи населенія на 85 милліоновъ больше, чѣмъ въ Японіи. Книгъ выходитъ въ Японіи по одной на 1.600 человѣкъ, въ Россіи—по одной на 11.000 чел. Грамотность въ Россіи достигаетъ 22%.

Россія на 10 лѣтъ раньше Японіи вступила на путь великихъ преобразованій. Въ 1861 г. русскіе крестьяне освобождены отъ крѣпостной зависимости. 17-го апрѣля 1863 г. изданъ указъ объ отмѣнѣ тѣлесныхъ наказаній. 18-го іюля 1863-го года утвержденъ университетскій уставъ. Въ 1864 г. обнародована судебная реформа. 7-го февраля 1865 г. открыты первыя земскія учрежденія. 6-го апрѣля 1865 г. состоялся новый законъ о печати. Въ 1870 г. утверждено городовое положеніе. Въ 1874 г.—уставъ о воинской повинности. Но параллельно съ реформами, открывавшими пути къ прогрессу, стали появляться узаконенія противоположнаго характера, и послѣднія скоро получили верхъ надъ первыми. Положеніе 14-го августа 1881 г. о мѣрахъ къ охраненію государственнаго порядка и общественнаго спокойствія значительно расширило власть министра внутреннихъ дѣлъ и губернаторовъ во всѣхъ отрасляхъ общественной жизни. Университетскій уставъ 1884 г. лишилъ высшія учебныя заведенія прежней самостоятельности. 12-го февраля 1887 г. ограничена публичность судопроизводства. Въ 1889-мъ году ограничена компетенція присяжныхъ засѣдателей, уничтожены почти вездѣ мировые судьи, созданъ институтъ земскихъ начальниковъ, съ соотвѣтственнымъ ограниченіемъ правъ крестьянъ и крестьянскаго самоуправленія. Земское положеніе 1890 г.

разрушило идею всесословности земскихъ учрежденій, положенную въ основу реформы 1864 г. Законъ 1892 г. ограничилъ избирательное право городского населенія. Въ томъ же духѣ продолжалось усиленіе реакціонныхъ тенденцій вплоть до 1904-го года. И къ началу XX-го столѣтія вся внутренняя политика русскаго правительства, вся дѣятельность министерства внутреннихъ дѣлъ свелась къ „борьбѣ съ крамолой". Наиболѣе дѣятельнымъ и усерднымъ союзникомъ „полицейскаго" министерства являлось въ этой борьбѣ министерство народнаго просвѣщенія..... Въ 1904 г. была объявлена война.

II.

Испано-американская и англо-бурская войны даютъ болѣе чѣмъ достаточныя основанія для критическаго отношенія къ мнѣніямъ военныхъ спеціалистовъ въ наиболѣе общихъ, наименѣе спеціальныхъ вопросахъ военнаго дѣла. И тутъ и тамъ арміи, сформированныя изъ „настоящихъ" солдатъ, оказались малосостоятельными въ борьбѣ со „штатскими" людьми, достаточно хорошо вооруженными и воодушевленными сознаніемъ патріотическаго долга. Но подобныя обобщенія чисто эмпирическаго характера всегда являются весьма спорными. Для объясненія успѣховъ, достигнутыхъ сѣверо-американскими, наскоро изъ волонтеровъ сформированными полками въ борьбѣ съ закаленными испанскими солдатами, прошедшими „вейлеровскую школу", могутъ указать на отсталость испанской военной техники, на неспособность вождей испанской арміи, на громадность матеріальныхъ рессурсовъ, которыми располагаетъ великая заатлантическая республика. Точно также пораженія, понесенныя англійскими регулярными и столь блестящими по внѣшности войсками въ южно-африканской кампаніи, объяснялись и объясняются удаленіемъ театра войны отъ основной питательной базы англійскихъ военныхъ силъ, боевою неподготовленностью англійскаго офицерскаго корпуса, наемническимъ составомъ англійской арміи и т. п. Для выясненія истиннаго характера и значенія всѣхъ этихъ „причинъ" намъ пришлось бы говорить очень много и все-таки едва ли удалось бы убѣдить военныхъ „спеціалистовъ", что въ настоящее время военное дѣло въ культурныхъ странахъ достигло такого фазиса развитія, когда судьбы кампаній рѣшаются въ гораздо большей зависимости отъ моментовъ общаго соціальнаго характера, чѣмъ отъ спеціально-военныхъ; что нельзя себѣ представить сколько-

нибудь крупной націи, передовой во всѣхъ отношеніяхъ и совершенно безсильной въ военномъ; что, наоборотъ, нельзя себѣ представить націи, въ которой гражданская самостоятельность отсутствовала бы, наука презиралась бы, техника не культивировалась бы, и которая, тѣмъ не менѣе, обладала бы первоклассной арміей. Иначе говоря, наша мысль заключается въ томъ, что культура и цивилизація, наука и искусство, общественная иниціатива и гражданская свобода — суть не только блага „вообще", но также и *необходимыя* военныя блага. Военные спеціалисты признаютъ, что стратегическіе моменты въ военномъ дѣлѣ играютъ все бо̀льшую роль сравнительно съ тактическими, что Мольтке являются болѣе цѣнными военными величинами, чѣмъ Скобелевы [1]), и что самая тактика, вслѣдствіе обширности фронта современныхъ битвъ, переходитъ, такъ сказать, въ „малую стратегію". Но въ то же время они не хотятъ или не умѣютъ дать достаточно распространительнаго и—главное — достаточно глубокаго толкованія термину „стратегическій моментъ".

— „Позвольте",—можетъ замѣтить кто-либо изъ военныхъ спеціалистовъ: „еще Монтекукули—ужъ кажется военный человѣкъ—говаривалъ, что „для войны нужны три вещи: деньги, деньги и деньги". Это ли не распространительное толкованіе стратегическихъ моментовъ? Кто же изъ современныхъ, сколько-нибудь образованныхъ людей не понимаетъ значенія обще-культурныхъ факторовъ для военнаго развитія страны? Кто не сознаетъ пользы и въ военномъ отношеніи желѣзныхъ дорогъ, телеграфовъ и телефоновъ, грамотности населенія, развитія строительной, металлургической и всякой другой техники?"—Несомнѣнно, все это сознается и признается теоріей военнаго дѣла; но несомнѣнно и то, что даже теоретическое уваженіе военныхъ спеціалистовъ къ „культурнымъ благамъ" носитъ слишкомъ формальный характеръ. Культурныя блага цѣнятся и уважаются, но какъ нѣчто *извнѣ приходящее*, готовое и затѣмъ примѣняемое сообразно военнымъ потребностямъ. Что же касается военной практики, то въ ея сферѣ „культурнымъ благамъ" приписывается почти исключительно „академическое" значеніе. И на вопросы нашего военнаго спеціалиста мы могли бы отвѣтить рядомъ контръ-вопросовъ:

— А въ самый „внутренній строй" арміи проникаетъ ра-

---

[1]) Мы отнюдь не желаемъ умалять военныя дарованія „бѣлаго генерала"; мы хотимъ лишь сказать, что онъ не успѣлъ обнаружить и развить свой стратегическій талантъ, которымъ онъ, по всей видимости, обладалъ, тогда какъ его тактическій геній проявился съ удивительной яркостью.

спространительное толкованіе стратегическихъ моментовъ? Понимають ли военные люди, что армія Россіи XX-го вѣка не можетъ въ своей внутренней организаціи строиться на тѣхъ же принципахъ, на которыхъ образовалась армія Фридриха Великаго? Если бы сѣверо-американскіе военные организаторы формировали полки волонтеровъ, руководствуясь тѣми же началами и пріемами, которые приняты какимъ-нибудь афганскимъ или персидскимъ военнымъ начальствомъ, то развѣ эти полки были бы побѣдоносными? Однимъ словомъ: должна ли *сама* армія впитать въ себя, *усвоить* себѣ тѣ *„культурныя блага"*, благодаря которымъ народы становятся великими?... Военные писатели нерѣдко касались области, такъ сказать, штатско-военныхъ отношеній. М. И. Драгомировъ, напримѣръ, много и охотно говорилъ о вопросахъ „гражданской" и „военной" чести. Позволительно, слѣдовательно, и штатскимъ людямъ съ чисто-штатскимъ мѣриломъ подойти къ нѣкоторымъ сторонамъ военнаго быта и военной дѣятельности. Это тѣмъ болѣе позволительно въ странѣ, гдѣ военнымъ людямъ часто поручалось завѣдываніе такою „штатскою" областью общественной жизни, какъ народное просвѣщеніе. И еще болѣе позволительно послѣ такихъ событій, какъ сдача Портъ-Артура, Мукденское пораженіе и Цусимскій разгромъ, послѣ многихъ мѣсяцевъ „слѣпой" войны, какъ ее назвалъ Вас. Ив. Немировичъ-Данченко.

III.

Военная дисциплина является лишь однимъ изъ условій, содѣйствующихъ развитію воинственности, воинскаго „духа", и притомъ не необходимымъ. Полчища Аттилы и Чингизъ-хана несомнѣнно отличались большою воинственностью, но были крайне слабо дисциплинированы. На слабую дисциплинированность буровъ жаловался знаменитый Деветъ въ своей книгѣ, посвященной войнѣ южно-африканскихъ республикъ съ англичанами— и, тѣмъ не менѣе, едва ли какая-либо армія въ мірѣ отличалась столь серьезнымъ, столь возвышеннымъ воинскимъ духомъ, какой въ теченіе трехлѣтней борьбы съ неизмѣримо сильнѣйшимъ по численности непріятелемъ не переставали обнаруживать миніатюрные отряды бурскихъ генераловъ. Носителемъ воинскаго духа является каждый воинъ въ отдѣльности. Человѣкъ, ни къ какой, хотя бы самой примитивной военной организаціи не принадлежащій, никакой военной дисциплинѣ не подчиненный, можетъ

отличаться большою воинственностью. Какъ и всякая общественная организація, армія, конечно, немыслима безъ совокупности извѣстныхъ нормъ, опредѣляющихъ функціи, права и обязанности членовъ организаціи. Но никакая въ мірѣ военная дисциплина не можетъ явиться источникомъ воинскаго духа, не можетъ людей невоинственныхъ сдѣлать воинственными. Мало того: представляя собою одно изъ условій развитія воинскаго духа, военная дисциплина не всегда — или, точнѣе, не всякая военная дисциплина, — содѣйствуетъ этому развитію. Легко можно себѣ представить военную дисциплину, убивающую воинскій духъ.

Насъ могутъ упрекнуть въ чрезмѣрной общности и очевидности нашихъ замѣчаній. Но мы и не имѣемъ намѣренія дѣлать какія-либо открытія, возвѣщать какія-либо „новыя слова“ въ области военнаго дѣла. Памятуя, что „правильно поставить вопросъ—значитъ наполовину рѣшить его“, мы хотѣли бы лишь указать тѣ дѣйствительно самые общіе и теоретически почти общепризнанные принципы, на необходимость проведенія которыхъ въ практику военнаго дѣла съ такою яркостью указала наша война съ Японіей. Развитіе частностей—дѣло спеціалистовъ. И, съ другой стороны, развѣ эти принципы такъ ужъ общепризнаны въ теоріи? Развѣ въ правительственныхъ сферахъ различныхъ странъ не существовало и не существуетъ, въ скрытомъ или явномъ видѣ, убѣжденіе, что государственная власть, въ видахъ собственной безопасности, обязана искоренять въ народныхъ массахъ всякія проявленія воинственности и что, несмотря на это, она при помощи надлежащей дисциплины можетъ сформировать „воинственныя дружины“ изъ гражданъ, которымъ иногда запрещается пользоваться оружіемъ даже въ видахъ личной самозащиты? Уже Адамъ Смитъ высказывалъ опасенія, что мануфактурное раздѣленіе труда уничтожитъ въ рабочемъ классѣ всякую воинственность и возлагалъ надежды на правительство, съ его „противодѣйствующими мѣропріятіями“. Успѣхи культуры, увеличеніе личной безопасности гражданъ, болѣе совершенное правосудіе, болѣе тѣсная зависимость частно-хозяйственной дѣятельности отъ общественной экономической жизни, въ весьма значительной степени уменьшили вліяніе факторовъ, воспитывающихъ въ народныхъ массахъ воинственныя склонности. И нельзя сказать, чтобы правящіе классы были особенно обезпокоены уменьшеніемъ этого вліянія, по крайней мѣрѣ въ тѣхъ странахъ, въ которыхъ существуютъ многочисленныя постоянныя арміи. Скорѣе напротивъ.

Здѣсь намъ надо оговориться. Читателю можетъ показаться,

что мы считаемъ безусловно вреднымъ развитіе мирныхъ склонностей въ современныхъ обществахъ, что мы забываемъ о надеждахъ „свѣточей человѣчества“ на установленіе вѣчнаго „мира“, забываемъ, наконецъ, о евангельской морали, отрицающей всякую воинственность. Во всемъ этомъ мы не можемъ признать себя виновными. Мы полагаемъ, что воинственныя склонности могутъ уживаться съ миролюбіемъ, подчиняясь одному и тому же регулирующему началу—чувству справедливости. Мы не только надѣемся, но увѣрены, что установленіе „вѣчнаго мира“ есть лишь вопросъ времени, что оно неминуемо осуществится, когда политическая власть будетъ находиться въ рукахъ общественныхъ классовъ, никого не эксплуатирующихъ и, слѣдовательно, не имѣющихъ никакого интереса вести войны. Наконецъ, что касается евангельской морали, то, во-первыхъ, она не получила еще всеобщаго признанія, а во-вторыхъ, не обнимаетъ всей сферы нашей частной и общественной жизни. Если получившій ударъ по щекѣ можетъ считать себя обязаннымъ подставить ударившему другую свою щеку, то остается все-таки открытымъ вопросъ о поведеніи третьяго лица, присутствующаго при нанесеніи кому-либо ударовъ... Воинственностью мы, конечно, называемъ не жажду войнъ и кровопролитій, не стремленіе къ военнымъ приключеніямъ, а постоянную готовность хотя бы и силой, хотя бы и при помощи оружія отстаивать права—свои личныя, своего ближняго, своего общества, своего государства. Воинственность аттиловыхъ и чингизъ-хановыхъ полчищъ была, конечно, совершенно иною; но развитія лишь такой воинственности, какую мы имѣемъ въ виду, въ правѣ желать современный культурный человѣкъ.

Практики военнаго дѣла — именно тѣ изъ нихъ, которые больше всего вѣрятъ въ чудесное порожденіе воинственности военною дисциплиной,— обыкновенно сводятъ послѣднюю къ одной лишь ея части: къ субординаціи. Военное законодательство также считаетъ эту часть важнѣйшею и за нарушеніе субординаціи налагаетъ несравненно болѣе суровыя кары, чѣмъ за неисполненіе другихъ требованій военной дисциплины. Изъ совокупности нормъ, опредѣляющихъ отношенія членовъ военной іерархіи ко всему міру, къ ихъ профессіональному дѣлу и другъ къ другу, особенно выдвигается и культивируется одна часть: отношеніе младшихъ членовъ іерархіи къ старшимъ. Исторически это вполнѣ понятно и легко объяснимо. Военная дисциплина устанавливалась сверху, а не снизу. И хотя въ „словесности“, проповѣдуемой нашимъ новобранцамъ, терминъ „солдатъ“ опредѣляется какъ „имя

славное, знаменитое" или что-то въ этомъ родѣ,—тѣмъ не менѣе мы, „штатскіе" люди, помнимъ, что происхожденіе этого термина совсѣмъ не почетное. Въ первоначальномъ своемъ значеніи онъ совершенно точно переводится на русскій языкъ словами: „состоящій на жалованіи" или „наемникъ". Когда постоянныя арміи составлялись изъ всякой „сволочи", которою такъ были богаты города и деревни средневѣковья, тогда, конечно, не было надобности много толковать съ этими „солдатами" объ обязанностяхъ ихъ передъ обществомъ и отечествомъ, о правахъ ихъ по отношенію къ военной власти. „Нанялся—продался", „дѣлай, что тебѣ велятъ"—такова несложная сущность военной дисциплины „добраго" стараго времени. Солдаты этой эпохи были въ буквальномъ смыслѣ слова „наемными шкурами", съ которыми можно было дѣлать что угодно, лишь бы не изорвать ихъ, ибо онѣ „денегъ стоили". О какой-либо спеціальной воинской чести не могло быть при этихъ условіяхъ и рѣчи не только для солдатъ, но и для офицеровъ. Вмѣсто солдатской чести существовала лишь „солдатская честность"—честность наемника, получившаго по договору деньги и обязаннаго предоставить „полностью" свой „товаръ": жизнь и мускульную силу. Что же касается офицерской чести, то это была „дворянская", „жантильомская" честь, которой приносило, впрочемъ, не малый ущербъ то обстоятельство, что многіе офицеры были также наемниками, служившими тому господину, который больше платилъ. Лишь благодаря проникновенію въ общественное сознаніе болѣе возвышенныхъ соціально-этическихъ началъ возвысились понятія о чести среди военнаго сословія. Объ этомъ слѣдуетъ помнить военнымъ „мыслителямъ" школы покойнаго М. И. Драгомирова, защищающимъ офицерскій самосудъ надъ обидчиками-штатскими и въ то же время пресерьезно разсуждающимъ на тему, слѣдуетъ ли ввести въ войскахъ обращеніе на „вы" съ нижними чинами.

Если воинственностью называть готовность отстаивать хотя бы и силой, хотя бы и при помощи оружія, права своей личности, своихъ ближнихъ, своего отечества, то, очевидно, что большею воинственностью будутъ отличаться люди, съ одной стороны, болѣе привычные къ употребленію оружія, къ пользованію своими физическими силами, а съ другой—обладающіе болѣе правильнымъ пониманіемъ своихъ человѣческихъ правъ, своего человѣческаго достоинства. Съ этой точки зрѣнія, напримѣръ, граждане Сѣверо-американской республики болѣе воинственны, чѣмъ бедуины Аравіи, чѣмъ горцы Кавказа. Несмотря на свою кровожадность, несмотря на „любовь" къ „военнымъ приключеніямъ" — или

къ военной добычѣ,—первобытный дикарь менѣе воинственен, чѣмъ гражданинъ современнаго культурнаго государства: онъ легче поддается паникѣ, онъ спокойнѣе выноситъ тираннію и гнетъ всякаго рода. Для того, чтобы содѣйствовать развитію воинственности, воинская дисциплина, не должна, слѣдовательно сводиться къ субординаціи. Она не должна быть ни односторонней, ни кривобокой. Честь каждаго солдата должна оберегаться дисциплиною съ такою же строгостью, какъ и честь каждаго офицера. Съ точки зрѣнія современнаго правосознанія не можетъ быть „большей" и „меньшей" чести у человѣческой личности, въ зависимости отъ занимаемаго ею общественнаго положенія. Не можетъ быть и утилитарныхъ различій въ дѣлахъ чести: офицеръ, молъ, важнѣе для арміи, а потому его честь должна быть болѣе тщательно охраняема. Въ военное время эти утилитарныя различія имѣютъ право на существованіе, но лишь по отношенію къ физическимъ личностямъ: физическая неприкосновенность главнокомандующаго важнѣе неприкосновенности рядового, поэтому первая и охраняется несравненно болѣе тщательно. Но въ мирное время какъ физическая личность, такъ и честь каждаго гражданина, каждаго воина, отъ солдата до генерала, должна быть одинаково ограждена законодательствомъ со всею возможною тщательностью, со всею доступною ему строгостью.

Смѣшивая дисциплину съ субординаціей, военная практика смѣшиваетъ также строгость дисциплины съ ея оскорбительностью. Когда военнымъ практикамъ указываютъ на оскорбительность тѣхъ или иныхъ требованій военной дисциплины, то они обыкновенно отвѣчаютъ замѣчаніемъ, что въ такомъ серьезномъ, отвѣтственномъ дѣлѣ, какъ военное, „безъ строгости нельзя обойтись". Военные теоретики драгомировскаго склада были бы очень удивлены, услышавъ, что всякій оскорбительный моментъ въ требованіяхъ военной дисциплины неминуемо ведетъ къ пониженію воинственности въ войскахъ, ибо понижаетъ уровень ихъ понятія о чести, достоинствѣ и правахъ человѣческой личности. Собственно говоря, если принять тѣ принципы, которыми до сихъ поръ, сознательно или безсознательно, руководствуется военная практика въ нѣкоторыхъ, сравнительно даже культурныхъ государствахъ, то придется признать, что лишь неспособность барановъ къ стрѣльбѣ и „штыковой работѣ" препятствуетъ сформированію изъ нихъ какихъ-либо войсковыхъ частей. Увѣряютъ же иные военные спеціалисты, что всякая „идеологія" вредитъ развитію воинственности, что путемъ гипнотизирующаго вліянія требованій субординаціи и военно-учебной

дрессировки изъ самыхъ невѣжественныхъ, самыхъ неразвитыхъ людей можно выработать „прекрасныхъ" солдатъ!..

Еще болѣе были бы удивлены подобные „мыслители", еслибъ имъ указали, что строгость военной дисциплины можетъ быть сколько угодно интенсивной, сколько угодно мелочной, но что во всякомъ случаѣ она должна быть ограничена требованіемъ возможно болѣе полной и широкой свободы для военно-служащихъ. Военная профессія—и свобода! Это ли не ересь, это ли не потрясеніе всяческихъ основъ для тѣхъ людей, которые подъ свободой понимаютъ возможность вести себя подобно умалишеннымъ, а путемъ дрессировки надѣются выработать бойцовъ, мужественно и охотно защищающихъ свое отечество. Между тѣмъ, изъ сущности нашего опредѣленія воинственности съ очевидностью слѣдуетъ, что всякія ненужныя для дѣла, для настоящаго военнаго дѣла требованія, ограничивающія свободу военно-служащихъ и, слѣдовательно, умаляющія ихъ права, неминуемо должны вести къ пониженію воинственнаго духа. Изъ требованій военной дисциплины должно быть исключено все для воинскаго дѣла ненужное, показное, мишурное,—все, льстящее самолюбію высшихъ и унижающее низшихъ, все нелѣпо-строгое и оскорбительное.

Н. Новиковъ.

(Окончаніе слѣдуетъ.)

ОЧЕРКИ ИЗЪ ИСТОРІИ ОБЩЕСТВЕННАГО НАСТРОЕНІЯ ВЪ РОССІИ

ВЪ ШЕСТИДЕСЯТЫХЪ ГОДАХЪ ПРОШЛАГО ВѢКА

Шестидесятые годы въ освѣщеніи нашего времени.

I.

Когда во дни близкаго прошлаго, въ дни нудные, полные унынія и раздраженія, русскій прогрессистъ желалъ себя подбодрить, то не въ мечтѣ о будущемъ искалъ онъ этой бодрости. Тягота настоящаго и ощущеніе чего-то страшнаго, что надвигалось, отнимали у него охоту нѣжиться въ мечтахъ, столь несогласныхъ съ наличностью переживаемыхъ явленій, хотя онъ и вѣрилъ, что добрая доля того, о чемъ онъ не прочь былъ бы помечтать, когда-нибудь да сбудется. Отрекаясь отъ мечты, онъ подбадривалъ себя воспоминаніемъ, и воспоминаніемъ именно о шестидесятыхъ годахъ. Память о нихъ была дорога русскому прогрессисту почти какъ греза о какой-то героической эпохѣ.

Героизма было, дѣйствительно, немало въ этотъ знаменательный періодъ нашей исторіи, и на извѣстномъ разстояніи онъ сильно выигрывалъ. Все повседневное, прозаическое, сѣрое и мрачное отступало на задній планъ и на фонѣ нашей дореформенной жизни необычайно ярко обрисовывался обликъ молодой,

обновленной Россіи, съ новыми скрижалями законовъ въ рукахъ, съ обломками разбитыхъ цѣпей у ея ногъ, со взоромъ, устремленнымъ увѣренно на встрѣчу восходящему солнцу новой жизни. Вокругъ этого символическаго облика мощи и здоровья размѣщалась цѣлая толпа лицъ, съ которыми молодая Россія, поборница правды и справедливости, вступала на новый, широкій путь жизни. Здѣсь были и государственные дѣятели, и люди всѣхъ вольныхъ профессій, ученые, писатели и публицисты, и старики, и молодые; особую группу составляла либеральная и радикальная молодежь обоего пола, страстная, убѣжденная, готовая на самопожертвованіе и дѣйствительно приносившая себя въ жертву. Красивая получалась картина, и такъ какъ она была не мечта, а воспоминаніе о несомнѣнно пережитомъ, то созерцаніе этой картины и могло въ трудную минуту жизни служить утѣшеніемъ. И мы любили вспоминать объ этихъ славныхъ годахъ исхода изъ стараго плѣна.

Положимъ, любой переживаемый нами день могъ убѣдить насъ въ томъ, что этотъ плѣнъ продолжался, но—въ силу многихъ странностей человѣческой психики — мы часто позволяли себѣ мирить недовольство современностью съ благодарной и поэтичной памятью о тѣхъ годахъ, прямымъ продолженіемъ которыхъ эта современность являлась. Годы владычества либеральной власти и годы кипѣнія юныхъ общественныхъ силъ мы причисляли къ самымъ знаменательнымъ эпохамъ нашей исторической жизни, съ которыхъ, какъ съ эпохи Петра или съ первыхъ годовъ царствованія Александра I, можно начинать новое лѣтосчисленіе. Съ шестидесятыхъ годовъ XIX-го вѣка мы обыкновенно и начинали такое новое лѣтосчисленіе, полагая, что дореформенная Россія отошла съ этими годами въ прошлое, и началась Россія новая.

За шестидесятыми годами навсегда останется, конечно, ихъ слава; но обозрѣвая въ настоящую минуту движеніе дарованныхъ тогда реформъ, на протяженіи пятидесяти лѣтъ (1855—1905) ихъ развитія, едва ли можно сказать, что именно съ тѣхъ лѣтъ началась исторія новой Россіи. Шестидесятые годы были скорѣе эпилогомъ дореформенной Россіи, чѣмъ первыми годами новой, реформированной. Много измѣненій въ укладѣ общественной и государственной жизни принесли они съ собой, но эта новизна и эти реформы въ своемъ ростѣ и развитіи оставались въ зависимости отъ началъ и традицій стараго порядка, несмотря на то, что реформы были даны именно въ цѣляхъ упраздненія традицій и принциповъ стараго режима.

Не новая жизнь стала бить ключомъ въ эти годы, а лишь старая давала чувствовать свою ветхость.

II.

Первое, что оправдываетъ такой взглядъ на эпоху реформъ — это и до сей поры косное, темное и экономически нищенское состоянiе огромной народной массы. Ей реформы дали лишь ничтожную часть того, что обѣщали. По своему мiросозерцанiю, по общему складу жизни, личной, семейной и общественной, эта масса въ общемъ осталась почти неизмѣнной въ своемъ духовномъ составѣ. До самаго послѣдняго времени, когда она такъ стихiйно разбушевалась, она жила столь же косно и инертно, какъ и раньше. О новыхъ горизонтахъ мысли, о живомъ подъемѣ энергiи, предпрiимчивости, о нравственномъ оздоровленiи — въ той мѣрѣ, въ какой все это могло совершиться на протяженiи цѣлаго полстолѣтiя — въ ея средѣ говорить не приходится. Крестьянская масса, численностью столь великая, никакой „исторiи не дѣлала". Сколь велики богатства ума и характера, таящiяся въ нѣдрахъ народа, этого опредѣлить не могъ ни онъ самъ, ни тѣ, кто жилъ съ нимъ одной жизнью. Главный и обильный родникъ силъ, которымъ должна была питаться жизнь всего государства, продолжалъ и послѣ реформъ течь какъ-то незримо и глухо подъ землей, не имѣя возможности обнаружить наглядно всей своей глубины и своего обилiя.

А что дали реформы для тѣхъ классовъ общества, которые были болѣе или менѣе свободны въ обнаруженiи и развитiи своихъ силъ? Уже въ самые годы дарованiя реформъ, и тѣмъ болѣе въ годы за ними слѣдовавшiе, стало ясно, что реформы отчислены въ разрядъ явленiй очень опасныхъ, дѣйствiе которыхъ подлежитъ строжайшему контролю и послѣдовательному ограниченiю.

Кто помнитъ исторiю земскихъ и судебныхъ учрежденiй, кто помнитъ цензурные уставы и политику министерства народнаго просвѣщенiя, тотъ долженъ признать, что при проведенiи въ жизнь всевозможныхъ реформъ власть руководствовалась не тѣмъ идеаломъ будущаго, какой эти реформы обѣщали, а скорѣе сожалѣнiемъ о томъ прошломъ, которое онѣ упраздняли. Желанiе повернуть назадъ сказывалось ясно, изъ недостатка ли смѣлости государственнаго взгляда, изъ непониманiя ли задачъ жизни, изъ неправильнаго ли пониманiя „народныхъ идеаловъ", или

по мотивамъ гораздо менѣе чистымъ — все равно. Полстолѣтіе, прошедшее со времени дарованія реформъ, было занято истребительной войной прогрессивныхъ общественныхъ силъ съ силами, какъ принято говорить, охранительными. Масса ума, таланта, труда и энергіи ушла на междоусобную гражданскую войну вмѣсто того, чтобы уйти на согласное и дружное строительство. Борющіяся силы были настолько несходны между собой, оружіе, которымъ онѣ боролись, было у нихъ столь разное, что естественное разрѣшеніе всякой борьбы—т.-е. побѣда одной стороны надъ другой или ихъ соглашеніе — было невозможно, и борьба затянулась на долгіе, долгіе годы. Такой порядокъ парализовалъ нормальное развитіе реформъ и въ корнѣ подрывалъ общественную самодѣятельность—самое цѣнное, что̀ могли дать дарованныя реформы. И такое отсутствіе общественной самодѣятельности или уродливое, чахоточное ея развитіе и было тѣмъ вторымъ важнѣйшимъ недочетомъ, который, вмѣстѣ съ косностью и раззореніемъ народной массы, лишалъ эпоху великихъ реформъ самаго существеннаго результата всѣхъ ея бореній, идейныхъ и иныхъ. Какъ бы великъ ни былъ трудъ, затраченный интеллигентнымъ обществомъ на борьбу за свободу мысли, чувства и поступковъ, какъ бы велики ни были тѣ шаги впередъ, которые общество, въ его цѣломъ, сдѣлало за полстолѣтіе своихъ счетовъ съ ревнивой властью, эти побѣды прогрессивныхъ элементовъ не составляли отличительнаго, характернаго признака времени, и вся эпоха, считая съ момента дарованія реформъ вплоть до самаго близкаго къ намъ времени, оставалась, по господствующимъ своимъ тенденціямъ и по осязаемымъ плодамъ такихъ тенденцій, эпохой обузданія всякихъ попытокъ общественной иниціативы, самодѣятельности и самоопредѣленія — однимъ словомъ, всего того, чѣмъ только и можетъ жить великая народность, которая имѣетъ что̀ сказать міру.

III.

Безъ такой самодѣятельности и самоопредѣленія нѣтъ здоровой и плодотворной національной жизни. Жизнь, которою живетъ цѣлая нація, должна быть построена на такихъ основаніяхъ, при которыхъ всѣмъ самобытнымъ силамъ и способностямъ гарантировано свободное развитіе и свободное примѣненіе къ дѣлу. Найти такія основанія и придать имъ опредѣленную юридическую форму — въ этомъ вся тайна той научной практики или

практической науки, которая называется государственнымъ строительствомъ. Трудъ такого строительства растягивается на цѣлые вѣка, онъ есть трудъ постоянный, никогда не заканчиваемый, всегда учитывающій приростъ историческаго опыта и сообразно съ нимъ мѣняющій характеръ и направленіе работы. Поэтому-то споръ о томъ, какая изъ формъ политическаго устройства наиболѣе совершенная—споръ едва-ли разрѣшимый. Лучшая форма—та, которая даетъ наибольшій просторъ и свободу примѣненія всѣмъ разнообразнымъ дарованіямъ тѣхъ лицъ, совмѣстная жизнь которыхъ объединена этой формой.

Но одно можно сказать съ увѣренностью: эта лучшая форма государственнаго устройства ни въ какомъ случаѣ не можетъ основываться на отрицаніи за обществомъ самаго права на самодѣятельность и на систематической правительственной опекѣ надъ всѣми областями и сферами народной жизни—опекѣ, которая сознаетъ себя не временной необходимостью, а неизмѣнной правительственной мудростью. А именно такою сознавала себя та опека, которая, сдѣлавъ въ шестидесятыхъ годахъ уступку назрѣвшимъ потребностямъ, сочла нужнымъ усиливать свою бдительность и расширять свою компетенцію какъ разъ въ то время, когда нужно было оказывать наименьшее давленіе и постепенно пріучать людей обходиться безъ указки. Въ свое оправданіе опека указывала на крайне возбужденное состояніе отдѣльныхъ общественныхъ или частныхъ группъ, дѣятельность которыхъ могла угрожать всему государственному строю. Такое возбужденіе несомнѣнно было, и оно дѣйствительно угрожало разными безпорядками. Но количественно эти группы „опасныхъ“ лицъ были столь малы, средства для ихъ обузданія были столь велики, что налагать опеку на всю общественную жизнь въ виду лихорадочнаго пароксизма нѣсколькихъ сотенъ—было большой ошибкой. А именно такое примѣненіе правила о круговой порукѣ было установлено одновременно съ дарованіемъ реформъ. Результатомъ примѣненія этого правила оказался страшный застой во всѣхъ областяхъ государственной жизни, экономической, политической, умственной и религіозной. Реформы не дали того, что онѣ должны и могли бы дать, и всѣ столь намъ извѣстныя жалобы на народную нищету и невѣжество, на вялость земской жизни, на халатность въ веденіи городскихъ дѣлъ, на произволъ въ сферѣ судебной, на рутину въ сферѣ военной, на скудость научной мысли, на полную несостоятельность системы народнаго воспитанія и образованія, наконецъ на страшное паденіе гражданскаго чувства—всѣ эти жалобы могутъ быть подтверждены

огромнымъ количествомъ оправдательныхъ документовъ. Отъ общей эпидеміи маразма спаслось лишь русское искусство, великое всемірное искусство—конечно, потому, что эта область духовной жизни по существу своему менѣе другихъ поддается воздѣйствію извнѣ—или по-своему, даже иногда съ выгодой для себя, съ этимъ воздѣйствіемъ справляется.

17-го октября 1905-го года было даровано то, на что былъ данъ намекъ 19-го февраля 1861-го года.

Наивенъ будетъ тотъ, кто за этой послѣдней реформой признаетъ силу чудотворенія и повѣритъ, что она быстро вернетъ здоровье всѣмъ зачахшимъ реформамъ, ее возвѣщавшимъ. Много лѣтъ пройдетъ, и лѣтъ, вѣроятно, очень тревожныхъ, прежде чѣмъ народное представительство дастъ тѣ плоды, о которыхъ мечтаютъ его сторонники. И эту реформу ждутъ, конечно, годы испытанія. Но какъ бы то ни было, историческій фактъ совершился и, не гадая о будущемъ, можно вполнѣ увѣренно говорить объ его колоссальномъ значеніи для нашей жизни.

IV.

Народное представительство, какъ извѣстная форма государственнаго устройства, имѣетъ, конечно, своихъ защитниковъ и своихъ враговъ. Что эта форма можетъ подать поводъ къ весьма острымъ спорамъ именно среди насъ — людей столь мало политически развитыхъ—въ этомъ мы убѣждаемся ежедневно и вѣроятно будемъ убѣждаться еще долго. Но всякій не ослѣпленный страстью человѣкъ долженъ признать, что установленіе этого новаго порядка, даже въ самыхъ скромныхъ его очертаніяхъ, было единственнымъ средствомъ призвать націю къ самостоятельному труду и дать ей возможность расправить зачерствѣлые члены. Это поняла власть, которая сразу совершила рѣшительный шагъ въ одинъ изъ самыхъ страшныхъ моментовъ народной смуты.

Какъ бы ни былъ туманенъ горизонтъ, открывающійся передъ нами со дня новаго уложенія, одно великое культурное пріобрѣтеніе останется несомнѣнно за нами. Въ принципѣ съ насъ снята опека, и сколько бы времени на дѣлѣ она еще ни продержалась, она можетъ быть поддержана лишь искусственно, мѣрами „исключительными“. То, что называется „голосомъ народа“, „голосомъ страны“, пріобрѣло свой законный органъ—и этотъ голосъ, выражающій самыя разнообразныя мнѣнія, заявля-

ющій о самыхъ разнообразныхъ потребностяхъ всѣхъ слоевъ и классовъ общества, голосъ, говорящій языкомъ всѣхъ національностей, входящихъ въ составъ великой имперіи — раздается теперь на всю Россію, и всякія попытки заглушить его перестали быть „законными" актами. Такой оптимистическій взглядъ на совершившуюся перемѣну — взглядъ, пока мало оправдываемый наличной дѣйствительностью—все-таки единственно правильная оцѣнка новой реформы. Вся она, со всѣми ея благотворными послѣдствіями—въ будущемъ, а не въ томъ настоящемъ, которое платитъ по счетамъ вчерашней внѣшней и внутренней катастрофы. Когда эти счета будутъ полностью покрыты, тогда скажется значеніе новой силы, призванной теперь къ участію въ рѣшеніи судебъ всего государства. Какъ и въ какую сторону эта сила повернетъ нашу жизнь—объ этомъ гадать пока безполезно; но то, чего мы не имѣли никогда, а именно право на самоопредѣленіе, на естественный, самобытный ростъ, какой бы онъ ни былъ,—теперь закрѣплено за нами закономъ.

V.

Всякое великое событіе, существенно видоизмѣняющее народную жизнь, не только освѣщаетъ путь, уходящій въ туманную даль будущаго, но бросаетъ немало свѣта и на путь пройденный.

И намъ, вступающимъ въ новую жизнь, облегченъ теперь болѣе систематичный взглядъ на недавно прожитое прошлое. Этимъ прошлымъ приходится не открывать новую эру, а замыкать старый періодъ нашей дореформенной исторіи.

Оглядываясь на истекшее пятидесятилѣтіе (1855—1905), начинаешь теперь только видѣть всю законченную цѣльность очертаній этой характерной эпохи. До послѣдняго времени, до нашего вступленія въ новый фазисъ общественнаго и государственнаго развитія, эти очертанія какъ-то сливались и характеръ эпохи былъ намъ неясенъ. Во всемъ теченіи развертывавшихся со времени шестидесятыхъ годовъ событій, дѣйствительно негдѣ было поставить точки, и вся эпоха представлялась какой-то незаконченной, растянутой, исторической симфоніей въ минорномъ тонѣ и тревожномъ темпѣ, безъ заключительнаго аккорда.

Въ самомъ дѣлѣ, если перенестись мечтой въ недавнее прошлое, то каждый изъ насъ помнитъ, насколько онъ былъ безо-

руженъ передъ вопросомъ—куда мы идемъ и чѣмъ все это кончится?

Для весьма многихъ людей этотъ вопросъ былъ однимъ изъ тѣхъ „проклятыхъ", надъ которыми ломаешь голову и о которыхъ, уставъ отъ такой ломки, перестаешь думать; и многіе, очень многіе жили такъ изо дня въ день, въ тревожномъ или спокойномъ созерцаніи того, что̀ творилось. Къ числу такъ или иначе успокоившихся относилось и огромное большинство у власти стоявшихъ людей, которые продолжали по инерціи дѣлать свое казенное дѣло и надѣялись, что все какъ-нибудь обойдется. Изъ тѣхъ немногихъ, которые никакъ не могли успокоиться, одна часть оставалась при своей мелкой, муравьиной работѣ прогрессиста на разныхъ постахъ, натыкаясь на каждомъ шагу на препятствія и превозмогая ихъ по мѣрѣ силъ, а то и ломаясь о нихъ, но все же уповая на мирную развязку затянувшагося узла. Наконецъ, были люди, которые жили въ ожиданіи несомнѣнно надвигавшейся катастрофы и такъ или иначе ее торопили.

Но какими бы программами ни руководились въ своихъ дѣйствіяхъ отдѣльныя группы общества, переживавшаго эти сумрачные годы, едва-ли какая-либо изъ нихъ могла твердо отвѣтить на вопросъ: куда мы причалимъ? Вопросъ былъ до того запутанъ, жизнь, которой жила страна, была столь непохожа на все, что̀ мы знали изъ исторіи, что многіе вопрошатели стали утѣшать себя старымъ афоризмомъ, сказаннымъ нѣкогда остроумнымъ дипломатомъ, который, вѣроятно самъ запутавшись въ этомъ же вопросѣ, утверждалъ, что умомъ Россію измѣрить нельзя, а въ нее можно только вѣрить.

Можно было предположить, что власть съ конечной реформой медлитъ, желая подготовить къ ней страну и не рѣшаясь давать ей сразу въ руки столь опасное оружіе, какъ свободный и рѣшающій голосъ въ вопросахъ государственнаго законодательства. Но нѣтъ никакихъ указаній на то, что власть имѣла въ виду такую подготовку. Если не считать довольно слабыхъ попытокъ прислушаться къ мнѣніямъ нѣкоторыхъ „свѣдущихъ" людей,—попытокъ, сдѣланныхъ въ концѣ царствованія Александра II и началѣ царствованія Александра III-го, — то вся политика со средины шестидесятыхъ годовъ говоритъ совершенно ясно не о политическомъ воспитаніи страны, а наоборотъ—о воспитаніи, которое бы ограждало страну отъ всякаго соблазна политической мысли. А между тѣмъ всѣ институты, вызванные къ жизни реформами, продолжали жить, и въ жизни своей должны

были руководствоваться узаконеніями, которыя вызывали у власти лишь подозрѣніе и недоброжелательство.

Положеніе получалось до-нельзя запутанное. Въ виду кричащихъ противорѣчій, возникавшихъ на каждомъ шагу, въ виду все нараставшихъ „исключительныхъ" случаевъ, власти оставалось только одно—прибѣгать для сведенія концовъ съ концами къ „исключительнымъ" мѣрамъ, т.-е. къ установленію диктатуры въ расширенномъ или сокращенномъ видѣ. При такомъ режимѣ страна жила нѣсколько десятилѣтій, рѣшительно не угадывая, куда онъ ее приведетъ. Думать, что онъ приведетъ къ тому, что реформы получатъ, наконецъ, свое естественное и логическое завершеніе, было невозможно, такъ какъ ничто не предвѣщало такого поворота, а наоборотъ, все говорило объ его удаленіи вглубь грядущаго. Съ другой стороны, думать, что мы придемъ къ полному отрицанію реформъ, къ ихъ формальному уничтоженію, что мы юридически и фактически вернемся къ старому, дореформенному строю — была нелѣпица мысли, которую не разрѣшалъ себѣ никто, даже въ минуту крайняго раздраженія.

VI.

Эпоха реформъ открылась годами общественнаго благодушія и довѣрчивости съ одной стороны и, пожалуй, такой же довѣрчивости, хоть и не благодушной, а основанной на сознаніи оказаннаго благодѣянія—съ другой. Власть была убѣждена, что все, что она намѣрена дать, будетъ не только принято съ благодарностью, но и признано за maximum того, что можетъ быть дано вообще. Общество, ожидая съ несомнѣнной благодарностью обѣщаннаго, было увѣрено, что это вовсе не maximum, а скорѣе minimum того, что необходимо. Это необходимое рисовалось, однако, столь легко достижимымъ, и притомъ достижимымъ съ помощью благомыслящей власти, что никакихъ пока причинъ для общественнаго возбужденія и недовольства быть не могло. Этотъ блаженный, аркадскій періодъ эпохи первыхъ реформъ, періодъ обѣщаній, увѣреній и ожиданій продолжался очень недолго.

Наступили „шестидесятые" годы; началось исполненіе обѣщаннаго. Власть продолжала послѣдовательно давать одну реформу за другой, но довѣріе къ благодарному обществу было утрачено. Съ момента первой же реформы правительство могло убѣдиться, что оно рѣзко разошлось со всѣми прогрессивными

общественными элементами въ пониманіи самаго существеннаго вопроса, а именно вопроса о томъ, какимъ способомъ, при участіи какихъ силъ должно совершаться дальнѣйшее развитіе реформъ и ихъ проведеніе въ жизнь. Съ опекой, хотя бы въ либеральныхъ цѣляхъ, прогрессивныя группы общества не мирились; для нихъ всѣ даруемыя реформы были только предвѣстниками конечной реформы, долженствующей измѣнить самыя основы государственнаго строя. Мысль о такомъ коренномъ измѣненіи стала въ интеллигентныхъ слояхъ того времени мыслью очень ходкой. Въ особенности занимала она умы всего лѣваго фланга, въ его безчисленныхъ развѣтвленіяхъ. Этотъ лѣвый флангъ, вербовавшійся почти исключительно изъ молодежи, по численности своей незначительный, былъ одной изъ самыхъ живыхъ и рѣшающихъ силъ общественнаго движенія шестидесятыхъ годовъ.

Съ необычайной быстротой сформировалась эта сила и поразительно смѣло расли тѣ требованія, которыя предъявляли къ жизни и къ власти эти группы либераловъ и радикаловъ разной окраски. Самодѣятельность общества, его свободная иниціатива должна была, по ихъ мнѣнію, въ самомъ ближайшемъ времени создать совсѣмъ „новую“ жизнь, на совсѣмъ новыхъ умственныхъ, нравственныхъ, политическихъ и экономическихъ началахъ.

Броженіе радикальной мысли, въ связи съ нѣкоторыми явленіями несомнѣнно революціоннаго характера, подали власти поводъ усилять правительственную опеку въ той мѣрѣ, въ какой усиливалось ея отрицаніе. Радикальную мысль такая политика только обострила, а за грѣхи этой политики расплачивалось все общество, своимъ здоровьемъ и своимъ умственнымъ и нравственнымъ развитіемъ. Внѣшній покой покупался цѣною непомѣрно высокой.

Власть, учтя количественную слабость противника, укрѣпилась въ мысли о возможности справиться съ нимъ при помощи чисто административныхъ и полицейскихъ мѣръ. Сторонники новой жизни, несмотря на успѣхъ своихъ теорій въ нѣкоторыхъ общественныхъ слояхъ, увидали ясно, что съ наличными силами никакая успѣшная борьба невозможна, и стали искать союзника, сильнаго хотя бы только физической силой. Къ концу шестидесятыхъ годовъ въ такіе союзники былъ опредѣленно намѣченъ простой русскій народъ—народъ крестьянскій и начинавшая формироваться рабочая масса. Вся сила ума и темперамента большинства прогрессистовъ, невзирая на отличіе въ теоріяхъ, перемѣстилась изъ области радикальной логики въ область радикальной пропаганды въ народной средѣ.

Наступила эпоха семидесятыхъ годовъ. Характерной чертой ея была все болѣе и болѣе разгоравшаяся борьба политической агитаціи, во всѣхъ ея видахъ, съ правительствомъ. Работа „народниковъ" была направлена къ тому, чтобы подвести итогъ всѣмъ умственнымъ и нравственнымъ силамъ народной массы, всѣхъ ея слоевъ и профессій, съ косвенной цѣлью убѣдиться, насколько эта масса готова къ борьбѣ за новую жизнь, или съ цѣлью отыскать и упрочить пріемы для ея подготовки къ бою. Рядомъ съ этимъ шла и теоретическая разработка экономическихъ и политическихъ вопросовъ, преимущественно въ духѣ западнаго соціализма. Наконецъ, въ это же время сорганизовались и отдѣльные революціонные кружки, которые вели одновременно агитацію въ массахъ и боевую политику терроризма.

Всѣ эти группы передовыхъ людей съ рѣзкой окраской были окружены густой, нараставшей, хотя и медленно, толпой обще-либеральнаго цвѣта, толпой, довольно энергично дѣйствовавшей въ сферѣ разныхъ профессій, но въ общемъ, конечно, съ раздробленными силами. Власть за это время не измѣнила той тактики, которой она придерживалась въ предыдущее десятилѣтіе и только усиляла административное воздѣйствіе. Дарованныя реформы стали казаться наиболѣе опасными очагами, гдѣ могли тлѣть всевозможныя затаенныя искры пожара. Основныя положенія объ этихъ реформахъ стали обставляться дополнительными параграфами и, дополненныя, реформы съеживались и чахли. Къ концу семидесятыхъ годовъ, однако, и сама власть задумалась надъ этой политикой огражденія и устрашенія, и стала помышлять о завершеніи реформъ тою, которая одна могла поправить дѣло, измѣнивъ не букву закона только, а самый духъ, какимъ долженъ былъ жить обновленный законъ. Произвести эту реформу предполагалось, однако, какъ-нибудь такъ, чтобы она осталась въ согласіи съ системой опеки, т.-е. власть занялась рѣшеніемъ неразрѣшимой задачи—и за этой работой она была застигнута несчастіемъ 1-го марта 1881-го года.

Долголѣтняя безплодная борьба общества съ властью и въ особенности кровавая катастрофа во многомъ измѣнили психику борющихся сторонъ. Въ обществѣ наступили обычная послѣ всякой изнурительной борьбы усталость и распряженіе нервовъ. Отсюда апатическое отношеніе къ тому, что раньше составляло предметъ страсти. Катастрофа ошеломила своей неожиданностью, весьма многихъ напугала, а иныхъ отбросила изъ лагеря прогрессивнаго въ консервативный. Власть напрягла всѣ свои силы

для предупрежденія, обороны и воздѣйствія, и, не считаясь съ проектами новой реформы, какъ она была задумана въ концѣ царствованія Александра II, вступила твердо на дорогу систематической реакціи. Этотъ послѣдній періодъ въ исторіи реформъ, до дарованія закона о новомъ способѣ ихъ выработки и проведенія въ жизнь, довелъ принципъ опеки до его апогея. Реформы прошлыхъ лѣтъ вступили въ фазисъ мнимаго существованія.

Всѣ только-что перечисленные акты одного общаго историческаго дѣйствія полны самаго глубокаго драматизма и могутъ дать богатѣйшій матеріалъ для исторіи человѣческаго ума и сердца, которые при всѣхъ своихъ дарованіяхъ иногда такъ плохо понимаютъ свою прямую выгоду, такъ теряются въ выборѣ прямой дороги, такъ часто позволяютъ страстямъ овладѣвать собой, бываютъ такъ самоувѣренны, такъ недовѣрчивы къ ближнему, такъ склонны къ скачкамъ въ крайности и къ деспотизму, такъ легко принимаютъ желаемое за настоящее, а настоящее за призракъ, такъ легко вскипаютъ и утихаютъ, такъ любятъ свободу и такъ покорно носятъ цѣпи.

VII.

Назрѣваетъ время, когда это пятидесятилѣтіе, непосредственно къ нашей жизни примыкающее, можетъ стать предметомъ историческаго научнаго обслѣдованія. Вся эпоха теперь закончена и закруглена. Она несомнѣнно очень близка къ намъ и трудно взглянуть на нее вполнѣ трезвыми очами, но она для насъ все-таки прошлое и если, говоря объ этомъ прошломъ, мы волнуемся, то это еще не причина для того, чтобы отсрочить всякую попытку хладнокровнаго разсужденія о немъ. Близость къ извѣстнымъ историческимъ событіямъ, неудобная въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, можетъ оказаться весьма полезной и удобной въ другихъ. Вѣдь все-таки, чтобы понять людей, надо имѣть съ ними извѣстное родство духа—а такое родство въ мысляхъ, чувствахъ, характерѣ, темпераментѣ, настроеніяхъ быстро сглаживается и стирается временемъ. Убѣжденные въ томъ, что издали виднѣе, мы ждемъ, пока между изслѣдователемъ и людьми, о которыхъ онъ говоритъ, ляжетъ такой промежутокъ времени, который всякое сужденіе поневолѣ обращаетъ въ догадку.

Намъ, конечно, не грозитъ эта опасность, когда мы говоримъ о шестидесятыхъ годахъ. Пусть во многихъ вопросахъ жизни и

духа мы отошли отъ нашихъ отцовъ, но наше положеніе, какъ общественныхъ единицъ, пока еще мало измѣнилось, а потому мысли и чувства, вытекающія изъ этого положенія, у насъ тѣ же, что и у старшихъ нашихъ родственниковъ. Выгода нашего положенія—въ томъ, что намъ открыты тайники многихъ душъ, которыя отдаленному наблюдателю несомнѣнно покажутся загадочными.

Остановить успѣшную разработку недавняго прошлаго можетъ, однако, недостаточное количество достовѣрнаго матеріала. Есть области государственной и общественной жизни, исторія которыхъ не можетъ быть написана въ настоящее время въ виду недоступности или отсутствія документовъ, какъ оффиціальныхъ, такъ и частныхъ. Само собою разумѣется, что чѣмъ ближе къ намъ извѣстные годы, тѣмъ трудность подбора этого матеріала увеличивается. Но въ отношеніи къ шестидесятымъ годамъ мы поставлены уже и теперь въ довольно выгодныя условія, которыя позволяютъ начать разработку этой эпохи болѣе систематично, чѣмъ это дѣлалось до сихъ поръ.

VIII.

Къ шестидесятымъ годамъ мы, въ общемъ, относились пока довольно внимательно. Помимо публицистики и работъ, не претендующихъ на ученость и полноту свѣдѣній, мы располагаемъ немалымъ количествомъ трудовъ, посвященныхъ разработкѣ того или другого отдѣльнаго вопроса, связаннаго съ исторіей означеннаго времени. Есть изслѣдованія въ области внѣшней политики царствованія Александра II, есть біографіи нѣкоторыхъ государственныхъ дѣятелей его времени, есть много цѣнныхъ работъ по исторіи отдѣльныхъ реформъ и институтовъ, ими созданныхъ, по исторіи крестьянской реформы, судебной, земской; есть очерки жизни и дѣятельности выдающихся писателей, публицистовъ, критиковъ, ученыхъ и художниковъ; существуютъ, наконецъ, цѣлые обзоры литературныхъ теченій тѣхъ годовъ.

Но нѣкоторые очень существенные вопросы остались въ тѣни и они должны быть разработаны, прежде чѣмъ общая картина эпохи станетъ возможна. Нѣтъ, напримѣръ, работъ, которыя освѣтили бы намъ интимную жизнь отдѣльныхъ слоевъ общества. Для насъ почти полная тайна—жизнь крестьянской массы со времени освобожденія, несмотря на то, что писатель художникъ и публицистъ потратилъ на эту работу немало

труда и времени. Исторія рабочей массы, мѣщанства, купечества, духовенства, чиновничества и дворянства съ шестидесятыхъ годовъ, — какія имѣемъ мы о ней свѣдѣнія, кромѣ самыхъ общихъ, взятыхъ въ большинствѣ случаевъ изъ повѣстей и романовъ? А несомнѣнно, что весьма богатые матеріалы для исторіи этихъ русскихъ душъ, единичныхъ и соборныхъ, сохранены въ архивахъ разныхъ присутственныхъ мѣстъ и учрежденій, возникшихъ одновременно съ этими новыми душами. Съ группировкой и разработкой этого матеріала слѣдуетъ поторопиться, хотя бы въ чисто-практическихъ цѣляхъ, именно теперь, когда всѣ общественныя группы получили возможность заявлять громко о своихъ нуждахъ и вліять на ходъ законодательства, регулирующаго ихъ жизнь.

Не менѣе поучительна могла бы быть и исторія общественнаго *настроенія* тѣхъ годовъ, которая также не написана. Такую исторію настроенія нужно отличать отъ исторіи идей. Хотя связь между идеями, которыя обращаются въ обществѣ и между тѣмъ настроеніемъ, какимъ бываетъ оно охвачено, очень тѣсна и почти неразрывна, но все-таки этимъ двумъ сторонамъ человѣческой психики отведены разныя сферы дѣятельности. Только возбуждая извѣстное эмоціональное отношеніе къ жизни, напрягая нашу волю, понижая или повышая чувство въ насъ — вліяетъ идея на ходъ нашей жизни, и всегда успѣшное ея проведеніе въ жизнь зависитъ отъ особенностей темперамента и характера тѣхъ лицъ, которыя становятся ея сторонниками или врагами.

Исторію идей, какія вращались въ нашемъ обществѣ шестидесятыхъ годовъ, написать нетрудно. Матеріалы даны въ достаточномъ количествѣ въ журналистикѣ и въ переводныхъ и оригинальныхъ книгахъ. Цензурная рогатка на первыхъ порахъ можетъ, конечно, обезкуражить историка. Но тотъ, кто знакомъ съ исторіей соотвѣтствующихъ идей на Западѣ, легко, по одному намеку, ускользнувшему отъ цензорскаго ока, возстановитъ весь умолчанный ходъ мысли писателя. Наконецъ, далеко не во всѣхъ теченіяхъ тогдашней мысли приходится бороться съ такими трудностями.

Мысль строго научная была свободна, за исключеніемъ нѣкоторыхъ конечныхъ выводовъ, о которыхъ догадаться не трудно. Обмѣнъ мыслей по вопросу о задуманныхъ реформахъ сохраненъ въ запискахъ, которыя были представляемы на обсужденіе соотвѣтствующихъ инстанцій. Кромѣ того реформы обсуждались въ печати, съ извѣстной осторожностью, но все-таки достаточно опредѣленно и ясно. Идеи морали личной и семейной тракто-

вались также достаточно открыто, частью въ публицистическихъ статьяхъ, а всего больше въ беллетристикѣ.

Исключеніе составляли только два порядка идей, наиболѣе, конечно, опасныхъ для стараго режима. Это были идеи религіозныя и политическія. На этихъ мысляхъ лежалъ несомнѣнный запретъ, и возстановить ихъ ростъ въ шестидесятыхъ годахъ дѣйствительно не легко. Но и это препятствіе едва-ли остановитъ историка.

Что касается религіозной мысли, то за эти годы ея общественная роль была очень незначительна. Люди того поколѣнія о религіи думали мало и неохотно. Религіозная мысль жила жизнью патріархально косной—внизу, и индифферентно косной—въ интеллигентныхъ кругахъ. Въ инертномъ состояніи находилась она и въ тѣхъ духовныхъ кругахъ, которые должны были заботиться объ ея движеніи, за исключеніемъ, конечно, ученой академической работы, которая въ широкую публику не проникала. Характеренъ былъ только приростъ безвѣрія въ молодомъ поколѣніи духовнаго сословія. Дебаты о религіозныхъ вопросахъ шли собственно въ интеллигентныхъ кругахъ болѣе или менѣе лѣвой окраски. Но въ этихъ кругахъ съ религіозными проблемами расправлялись очень рѣшительно и быстро. Люди были убѣждены, что чѣмъ скорѣе они съ этими проблемами покончатъ, тѣмъ это будетъ выгоднѣе для того земного дѣла, которымъ они были заняты. Временно покончить съ этими трудными вопросами было легко: стоило только примкнуть къ крайнимъ выводамъ антирелигіозной мысли на Западѣ. А посему тотъ, кто желалъ бы опредѣлить ходъ религіозной мысли въ умахъ и сердцахъ людей, дѣйствительно ею интересовавшихся, можетъ въ своихъ сужденіяхъ спокойно руководствоваться источниками, откуда наши прогрессисты брали и конечные выводы, и, по мѣрѣ надобности, аргументацію.

Иначе обстоитъ дѣло со взглядами политическими. Они очень сильно волновали всю интеллигентную среду того времени. Для Россіи, которая за царствованіе императора Николая Павловича совершенно отвыкла отъ этихъ проблемъ, онѣ составляли несомнѣнно совершенно новую культурную задачу, которую приходилось рѣшать во что бы то ни стало, такъ какъ именно къ этой проблемѣ сводился, въ концѣ-концовъ, философскій смыслъ дарованныхъ и даруемыхъ реформъ. Какъ всегда бываетъ съ новыми вопросами, на которые общество сгоряча набрасывается,—общество, голодное и разсерженное долгимъ невольнымъ молчаніемъ—отвѣты на нихъ получались крайне спѣшные, страстные, категорическіе и весьма пестрые. Та часть общества, которая считала

себя оффиціальнымъ или неоффиціальнымъ охранителемъ порядка, въ политическіе споры не вступала и довольствовалась установившейся практикой господствующаго государственнаго режима; противъ новыхъ политическихъ взглядовъ, вызванныхъ потребностями текущей минуты и развивавшихся крайне нервно и быстро, она не выдвигала никакихъ теорій, не вела никакой борьбы теоретической, такъ какъ считала всѣ новые взгляды нелегальными, съ которыми надо бороться не словомъ, а прямымъ воздѣйствіемъ власти.

Такой пріемъ со стороны господствующей политической мысли оправдывался отчасти тѣмъ, что враждующая съ нею политическая мысль была въ сущности,—несмотря на свой быстрый ростъ и распространеніе—неуловима и неуязвима. За исключеніемъ мысли славянофильской, которая въ очень оригинальной, хотя и туманной формѣ стремилась помирить новизну со стариной, за исключеніемъ корректно либеральной мысли на англійскій манеръ, всѣ иные оттѣнки политическихъ взглядовъ, удалявшихся въ лѣвую сторону, не имѣли права открытой пропаганды. Передовые журналы были насквозь пропитаны самой радикальной политической мыслью. Власть это отлично чувствовала и знала, но вольный духъ былъ такъ хитро разсѣянъ и размѣщенъ во всѣхъ книжкахъ, что былъ неосязаемъ, хотя и вездѣсущъ.

Но по легальной печати нельзя, конечно, судить о тѣхъ крайнихъ граняхъ, до которыхъ доходила политическая мысль въ лѣвомъ лагерѣ. Она развертывалась полностью лишь въ частныхъ кружкахъ, въ интимныхъ бесѣдахъ и частью въ нелегальной литературѣ, которая печаталась въ Россіи и за границей.

При такихъ условіяхъ составить себѣ ясное представленіе о ростѣ политической мысли въ Россіи шестидесятыхъ годовъ повидимому трудно, и трудность эта несомнѣнна уже въ виду того, что сама эта новая для Россіи мысль находилась въ страшномъ броженіи, дѣлала очень неожиданные и быстрые скачки, и ясностью, конечно, не отличалась; ясность въ такихъ вопросахъ всегда получается какъ плодъ долгой, открытой, всесторонней и выдержанной работы. Но если учесть всѣ эти обстоятельства, то, при современномъ состояніи науки, все-таки возможно и въ эту область идейной жизни нашего недавняго прошлаго внести и достаточный порядокъ, и достаточный свѣтъ.

Политическія и экономическія ученія тѣхъ годовъ были, прежде всего, малооригинальны. Работая въ этой области, наша мысль шла на помочахъ европейской политической науки, а посему и не трудно подобрать ключъ къ потаеннымъ русскимъ мыслямъ въ кни-

гахъ, шумѣвшихъ на Западѣ. Кромѣ этого, въ нашемъ распоряженіи находится обширная нелегальная литература, напечатанная на Западѣ. Добавленіемъ къ ней можетъ служить обнародованная въ самое послѣднее время нелегальная же литература, вышедшая изъ-подъ вольныхъ станковъ въ самой Россіи. Наконецъ, мы располагаемъ большимъ количествомъ изданныхъ судебныхъ документовъ по самымъ выдающимся политическимъ процессамъ того времени. Этихъ матеріаловъ на первый разъ вполнѣ достаточно.

Итакъ, исторія мысли тѣхъ годовъ, мысли научной, религіозной, общественно-политической и экономической, особенныхъ трудностей для историка не представитъ.

Но если и выполнить такую работу—она освѣтитъ намъ лишь одну сторону дѣла. Особое значеніе и совсѣмъ особый колоритъ придавали эпохѣ шестидесятыхъ годовъ не столько тѣ мысли, которыя были пущены въ оборотъ, сколько то настроеніе, съ какимъ онѣ усвоялись и пропагандировались. Историческія условія были столь новы для Россіи, и застали они общество настолько врасплохъ, что въ самомъ отношеніи людей къ переживаемымъ событіямъ было очень много характернаго, помимо самаго смысла этихъ событій. Это настроеніе, конечно, съ тѣхъ поръ улетучилось, и возстановить его значительно труднѣе, чѣмъ воспроизвести ходъ мысли, которая почти цѣликомъ закрѣпляется на бумагѣ. Но попытка такого воскресенія старыхъ чувствъ, старыхъ темпераментовъ, всевозможныхъ оттѣнковъ эмоціональнаго отношенія людей къ событіямъ и къ тѣмъ же идеямъ — все-таки не грозитъ быть безплодной и неосуществимой попыткой.

Въ этой работѣ большую помощь можетъ оказать намъ наше собственное настроеніе—настроеніе людей, находившихся долгіе годы въ томъ же положеніи, въ какомъ были наши отцы, когда имъ приходилось такъ или иначе мирить проснувшееся чувство личной иниціативы и самоопредѣленія съ ощущеніемъ опекаемаго со всѣхъ сторонъ человѣка. Эта работа возстановленія исчезнувшихъ настроеній по аналогіи можетъ быть успѣшно дополнена тѣми типами, которые списаны были художниками того времени съ живыхъ людей. Такихъ портретовъ сохранилось очень много, и нужды нѣтъ, что большинство изъ нихъ писано кистью не первоклассныхъ художниковъ. Можно сказать даже, что художники средней руки въ данномъ случаѣ—болѣе цѣнные и надежные свидѣтели, такъ какъ они ближе придерживались оригинала и часто портретъ замѣняли простой фотографіей. Кромѣ этого

обильнаго материала, который даетъ литература во всѣхъ ея развѣтвленіяхъ, мы располагаемъ также въ достаточномъ количествѣ воспоминаніями и другими интимными документами.

IX.

Каждая изъ общественныхъ группъ и силъ того времени имѣла свои традиціи и, попавъ въ необычную для нея новую струю жизни, по-своему съ ней считалась.

Отмѣтимъ нѣкоторыя изъ главнѣйшихъ силъ, которыми приводилась въ движеніе тогдашняя жизнь—и мы увидимъ сколь различны должны были быть настроенія, какими онѣ были охвачены.

Во главѣ ихъ всѣхъ надо поставить личность самого императора Александра Николаевича. Выросшій въ традиціяхъ своего отца, несомнѣнный сторонникъ его системы, противъ которой онъ не возвышалъ голоса за все царствованіе своего родителя, онъ почти на сороковомъ году жизни долженъ былъ отступить отъ этой системы и взять на себя иниціативу ея упраздненія. Черезъ полосы какихъ настроеній долженъ былъ проходить этотъ человѣкъ, когда дѣло, которое могло ему казаться спокойно осуществимымъ, такъ невѣроятно запуталось? Когда по мѣрѣ уступокъ съ его стороны стали въ невѣроятной прогрессіи возрастать требованія недовольныхъ? Когда ему пришлось правой рукой давать реформы, а лѣвой — ихъ тормозить? Когда онъ увидалъ, что даже жизни его грозитъ опасность? Когда онъ вынужденъ былъ сознаться, что онъ принесъ съ собой не миръ, а войну? Когда наконецъ, уже старикомъ, онъ увидалъ, что его система отнюдь не крѣпче той, которую онъ отмѣнилъ въ законодательномъ порядкѣ, но духъ которой остался фактически неупраздненнымъ? Исторію этого настроенія, эту шекспировскую тему, когда-нибудь разработаетъ историкъ, который пожелаетъ написать не житіе, а жизнь Царя-Освободителя.

Непосредственно около государя стояла группа его ближайшихъ совѣтниковъ, сотрудниковъ и лицъ, которымъ было поручено руководство важнѣйшими частями государственной машины. Эти люди также воспитались на традиціяхъ прошлаго царствованія, и они должны были со старой душой дѣлать новое дѣло. Отвѣтственность на нихъ лежала меньшая, чѣмъ на государѣ, и имъ, конечно, жилось легче. Настоящихъ убѣжденныхъ сторонниковъ новаго порядка среди нихъ было мало, и эти немногіе должны были скоро отойти, если смерть не спасала ихъ отъ

той трагедіи, которую переживали ихъ друзья, оставшіеся не у дѣлъ или державшіеся у дѣла съ яснымъ сознаніемъ того, что государственный корабль терпитъ аварію. Многіе, вѣроятно, даже радовались возникавшимъ затрудненіямъ и противорѣчіямъ въ самой системѣ управленія, радовались потому, что въ душѣ ко всему новому относились враждебно, но не имѣли смѣлости открыто высказать свою вражду, боясь навлечь на себя недовольство власти.

Состояніе духа чиновнаго міра, въ большей или меньшей степени зависимаго, было очень тревожно и смутно. Приходилось идти одновременно и впередъ, и назадъ, повиноваться, когда хотѣлось возражать, таить свои мысли, дѣлая видъ, что служишь извѣстной идеѣ, и заботиться о томъ, какъ-бы не потерять равновѣсія, подавшись то слишкомъ влѣво, то слишкомъ вправо. Выходовъ изъ такого положенія было много. Можно было приноровиться и вести двойную игру: либеральничать на словахъ и придерживаться на дѣлѣ системы строжайшаго обузданія; можно было на все махнуть рукой и превратиться въ валекъ, принимающій и выбрасывающій извѣстное количество бумагъ въ сутки; можно было жать всѣхъ, кто отъ тебя зависѣлъ, вымещая на нихъ неловкость своего положенія; можно было вообще начать мстить людямъ за то, что наступили времена, когда съ людьми приходится такъ или иначе церемониться; можно было страдать, терпѣливо сносить всѣ удары и всѣ уколы самолюбію въ надеждѣ все-таки сдѣлать кое-какое доброе дѣло; наконецъ, можно было покинуть свой постъ, унося съ собой въ отставку всевозможныя воспоминанія, кромѣ пріятныхъ.

Еще болѣе характерна и несомнѣнно болѣе страстна была та драма, которую пришлось пережить помѣщикамъ. Много среди нихъ было такихъ, которые сознательно, движимые гражданскими чувствами, сами торопили ликвидацію стараго порядка. Въ первые годы обѣщаній они могли быть счастливы, въ надеждѣ, что жизнь эти обѣщанія покроетъ; но какъ велика должна была быть ихъ печаль, когда они увидали, сколь скудна была жатва. Не унывая, они все-таки продолжали свою тихую работу на пользу безпомощнаго, хоть и свободнаго сосѣда. Въ ихъ душѣ былъ миръ, хотя бы грустный. Этого мира не было въ сердцѣ всѣхъ тѣхъ, кто въ главнѣйшей реформѣ той эпохи видѣлъ прямое посягательство на свое личное благополучіе или на благополучіе всего сословія. Большую душевную смуту переживали эти крѣпостники всевозможныхъ оттѣнковъ, люди, ко-

торые принуждены были идти на уступки и должны были передѣлывать и свою жизнь, и свою психику на новый ладъ. Переустройство это происходило на почвѣ сильнѣйшаго раздраженія и противъ власти, и противъ освобожденнаго раба. Всѣ силы человѣка уходили на чувства безсильнаго гнѣва, всѣ помыслы—на попытки сорвать свою злобу на комъ-нибудь, а вся энергія—на измышленіе новыхъ способовъ огражденія своихъ матеріальныхъ интересовъ. Было среди помѣщиковъ немало и такихъ, которые отнеслись къ новому порядку не то что спокойно, а какъ-то безалаберно примиренно и легкомысленно. Старый строй, какъ они думали, налагалъ на нихъ извѣстныя нравственныя обязательства; теперь обязательства были съ нихъ сняты, и эти люди, которымъ деревня въ достаточной мѣрѣ надоѣла, занялись ликвидаціей своихъ дѣлъ. Если они не успѣвали поступить на службу, то быстро разорялись.

Само собою разумѣется, что и для среднихъ сословій, и для духовенства, новый порядокъ могъ стать источникомъ своеобразныхъ думъ и ощущеній. Но эти классы на первыхъ порахъ были ограждены отъ сильнаго душевнаго волненія патріархальностью строя ихъ жизни. Они были задѣты новизной постольку, поскольку они видѣли и чувствовали, что нѣчто очень серьезное и новое вокругъ нихъ происходитъ. Уровень ихъ интеллектуальнаго развитія въ громадномъ большинствѣ случаевъ былъ такъ невысокъ, что они къ новому положенію примѣнялись безъ какой-либо инипіативы съ ихъ стороны, примѣнялись пассивно, при случаѣ, когда въ ихъ патріархальную среду окружающая жизнь забрасывала одинъ изъ своихъ новыхъ лучей. И это примѣненіе было также богато глубокими психическими движеніями и часто также влекло за собой душевную драму.

А какъ глубока должна была быть эта драма въ душѣ крестьянской! Послѣ многихъ столѣтій рабства сознать себя свободнымъ—это была, конечно, великая радость. Но если мы вспомнимъ, какъ безоруженъ въ умственномъ отношеніи былъ народъ въ тотъ день, когда ему сказали, что онъ свободенъ; если мы припомнимъ, какъ онъ былъ развращенъ долгимъ рабствомъ, какъ въ немъ были сильны отнюдь не благодушныя чувства, на которыя реформаторы возлагали такія надежды; если подумаемъ о томъ, какой враждой былъ окруженъ этотъ народъ въ непосредственномъ своемъ сосѣдствѣ съ самаго момента, когда онъ былъ объявленъ независимымъ, какъ на другой же день снятія опеки онъ увидалъ, что промѣнялъ стараго опекуна на нѣсколькихъ новыхъ; наконецъ, если вспомнимъ, что онъ почти ни-

щимъ вступалъ въ новую жизнь—то едва-ли въ обрисовкѣ его психики тѣхъ годовъ можно руководствоваться сентиментальными представленіями объ облагодѣтельствованномъ рабѣ, вступающемъ на дорогу свободнаго труда и свободнаго развитія своихъ способностей. Исторія внутренней и внѣшней жизни народа тѣхъ годовъ когда-нибудь будетъ написана и тогда мы прочтемъ очень скорбную эпопею.

X.

Намъ въ настоящую минуту совершенно ясно видна коренная ошибка всего тогдашняго порядка, который юридически освободилъ многомилліонную массу, оставивъ ее въ безпомощномъ состояніи передъ лицомъ новыхъ и труднѣйшихъ задачъ жизни, который далъ цѣлый рядъ очень гуманныхъ реформъ — и не хотѣлъ учить людей самостоятельному творчеству въ области строительства общественнаго и государственнаго. Намъ, которымъ жизнь предъявила за всѣ эти годы длинный и грозный счетъ, видны теперь всѣ просчеты.

Они, конечно, были видны въ тѣ годы лишь немногимъ.

Если скинуть со счетовъ людей темныхъ или полутемныхъ, которые не могутъ гадать о завтрашнемъ днѣ; если отбросить тѣхъ, которые по вялости ума или характера привыкли принимать явленія жизни къ свѣдѣнію и къ спокойному руководству, не заглядывая въ даль и довольствуясь ближайшей минутой; если не считаться съ людьми, которые принципіально враждовали со всякой новизной; если пройти мимо людей, по природѣ своей благодушныхъ, которые были всѣмъ довольны,—то въ шестидесятыхъ годахъ люди чутко относившіеся къ переживаемому моменту дѣлились рѣзко на двѣ группы.

Одни говорили: реформы даны, идейная стоимость этихъ реформъ самая гуманная; онѣ дадутъ то, что обѣщаютъ; онѣ ветхую Россію преобразятъ въ новую, но только постепенно, при условіи осторожнаго воспитанія, которое необходимо для народа, политически и общественно невоспитаннаго. Надо вѣрить и ждать; надо прежде всего умѣть быть спокойнымъ; сведенная со стараго пути страна нуждается въ постоянномъ руководительствѣ, и спокойствіе, купленное хотя бы дорогой цѣною—единственный залогъ успѣшнаго движенія впередъ, отъ старыхъ формъ общественно-политической жизни къ новымъ. Какимъ—покажетъ будущее.

Другіе смотрѣли на положеніе дѣлъ съ совершенно противоположной точки зрѣнія. Дарованныя реформы въ ихъ глазахъ были лишь обѣщаніемъ, и даже не первымъ камнемъ зданія. Ограничиться этими реформами—значило не двинуться съ мѣста: это значило лишь осудить сами реформы на безплодное прозябаніе. Самое необходимое въ настоящее время — вовсе не терпѣливое ожиданіе и спокойствіе, а наоборотъ, возможно большее развитіе общественной смѣлости и даже задора, пробужденіе въ людяхъ мыслей и чувствъ безгранично свободныхъ. Именно на этотъ подъемъ ума и темперамента надлежитъ обратить прежде всего вниманіе и его должно купить какой угодно цѣною. Каждый здравомыслящій человѣкъ имѣетъ право, даже нравственно обязанъ пропагандировать ту форму общественной и политической жизни, которую онъ считаетъ разумной и справедливой. Надо допустить эту свободу предложенія и обсужденія — и сама жизнь осуществитъ ту программу, которая всего лучше отвѣчаетъ ея назрѣвшимъ потребностямъ. Признать законность опеки теперь, когда сами реформы признали страну совершеннолѣтней, значило бы въ концѣ подрѣзать всякую надежду на общественное оздоровленіе и приравнять самыя реформы къ мертвой буквѣ.

Жизнь, осудивъ крайности послѣдняго взгляда, показала, что онъ былъ болѣе дальнозорокъ и глубокъ, чѣмъ первый — безстрастный, осторожный и съ виду столь разумный. Если не оправдались надежды поборниковъ свободной инвціативы и подъема, то сбылись всѣ ихъ опасенія. Эпоха реформъ и ея многолѣтнее продолженіе знаменовали собой отнюдь не вступленіе въ новую жизнь, а попытку старой жизни продлить свое существованіе.

XI.

Оба взгляда, о которыхъ только-что шла рѣчь, могутъ быть приняты за общіе итоги тѣхъ весьма разнообразныхъ убѣжденій и мнѣній, которыя дѣлили въ шестидесятыхъ годахъ нашу интеллигенцію на отдѣльныя партіи, группы и кружки.

Эта интеллигенція, въ шестидесятыхъ годахъ уже внѣсословная, была большой общественной силой, несмотря на свою количественную слабость. Можно сказать даже, что именно она, эта внѣклассовая группа лицъ самыхъ пестрыхъ профессій, а иногда и совсѣмъ безъ оныхъ, придала всей эпохѣ шестидесятыхъ годовъ ея темпераментъ.

Оставимъ въ сторонѣ тѣхъ лицъ, которыя принципіально отрицали новый порядокъ. Эти лица могли своимъ вліяніемъ тормозить ходъ реформъ, могли вести противъ нихъ публицистическую войну—довольно, впрочемъ, безталанную и слабую,—могли, наконецъ, довольствоваться угрюмымъ молчаніемъ, но настоящей общественной силы они собой не представляли. Съ того момента, какъ реформы были даны, эти ярые консерваторы были отставлены отъ жизни; имъ оставалось только изыскивать способы какъ-нибудь помириться съ новымъ положеніемъ или, не мирясь съ нимъ, продолжать на него злобствовать.

Идейное направленіе и темпераментъ придавали эпохѣ именно тѣ двѣ группы людей, которыя, признавъ перемѣну положенія неизбѣжной и необходимой, расходились въ опредѣленіи и въ оцѣнкѣ средствъ и способовъ, какими такая перемѣна должна производиться. Одни ждали обновленія сверху и думали, что право выбора момента для словъ и рѣшеній должно исключительно принадлежать верхамъ; другіе вѣрили, что это обновленіе можетъ выйти только изъ среды самого общества и требовали для этого общества права свободной рѣчи и свободнаго поведенія. Между этими общими оцѣнками положенія существовало много переливовъ и оттѣнковъ. По мѣрѣ того, какъ общественная атмосфера насыщалась страстями, оба взгляда, вмѣсто того, чтобы приближаться другъ къ другу, стали расходиться и становиться на крайнія позиціи, на которыхъ они и остались стоять во все время очень скоро разгорѣвшагося боя.

Несторъ Котляревскій.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

ТѢНЬ ЛЮБВИ

Романъ Марсель Тинэйръ.

IX *).

Дениза представляла себѣ госпожу Фавьеръ холодной, замкнутой и немного суровой. Женщина—молодая женщина—которую она встрѣтила на вокзалѣ въ Монадузѣ, сразу поставила ее въ тупикъ своею внѣшностью, своимъ туалетомъ, своей манерой говорить.

Природа и раса создали ее красавицей, эту арлезіанку съ правильнымъ профилемъ, красиво очерченнымъ ртомъ и большими мечтательными глазами, которые казались глубокими, а на самомъ дѣлѣ были пусты. Но госпожа Фабръ предпочитала быть хорошенькой и, какъ истая женщина, при помощи разныхъ граціозныхъ деталей, вносила поправки къ величавости типа. Она укладывала въ затѣйливую прическу свои отъ природы слегка вьющіеся волосы; но видно было, что если ихъ распустить, они упадутъ темной волной до колѣнъ. Легкая примѣсь косметиковъ оживляла румянцемъ лицо, удивительно молодое, несмотря на то, что ей было ужъ за сорокъ, съ кожей, сохранившей гладкость мрамора и его ослѣпительную бѣлизну. А когда она сняла свой длинный жакетъ, Дениза была поражена гибкостью ея стана, почти не стянутаго корсетомъ, и красотой этого дивнаго тѣла, не утратившаго юности, благодаря гимнастикѣ, массажу и строго соблюдаемой гигіенѣ.

---

*) См. іюль, стр. 135.

Всю жизнь она жила въ атмосферѣ мужской страсти и мужскихъ желаній, ступала по нимъ, какъ по алому мягкому ковру, который даже перестала замѣчать. Дорожившая только своей красотой, не особенно чувственная, не „фантазерка“, она осталась добродѣтельной—изъ равнодушія. Она, по-своему, любила своего перваго мужа и сына, потому что они были возлѣ нея... А теперь тоже любила своего мужа и сына, жившихъ съ нею; но это уже были другіе мужъ и сынъ...

Она очень мило освѣдомлялась о здоровьѣ Жана и увѣряла, что вполнѣ надѣется на его выздоровленіе. Дениза и Кайроль оставили сына и мать вдвоемъ. Когда Дениза пришла звать госпожу Фабръ завтракать, она и Жанъ, держась за руки, болтали уже почти весело. Волненіе давно жданной встрѣчи уже успѣло разсѣяться.

Два дня она жила въ комнатѣ Денизы, разложивъ на ея туалетѣ множество флаконовъ, щеточекъ, тонкаго надушеннаго бѣлья. Съ милой простотой она все осматривала: садъ, деревню, спустилась даже къ каскадамъ, и на каждомъ шагу повторяла:

— Это очаровательно!

А послѣ обѣда усаживалась въ бѣлой комнатѣ и съ большимъ вниманіемъ и любовью подчищала свои холеные ногти. Жанъ смотрѣлъ и восхищался всѣмъ: изящными пилочками изъ слоновой кости, изящными жестами, игрою свѣта на ногтяхъ, которые становились розовыми и красивыми, какъ живыя раковинки.

Однажды онъ пожаловался:

— Ахъ, мамочка... Ты слишкомъ красива... Зачѣмъ ты такая красавица... Я бы предпочелъ...

Онъ не докончилъ. Госпожа Фабръ перебила его.

— Я не крашусь, не стягиваюсь, не употребляю никакихъ притираній... Если я не безобразна, чѣмъ же я виновата — это ужъ отъ природы...

Она положила чуточку кораллового порошка на лѣвый мизинецъ и продолжала своимъ невозмутимымъ голосомъ:

— Мужъ мой говоритъ то же самое... Онъ женился на мнѣ потому, что я была хорошенькая, а теперь огорчается, что я не очень быстро старѣюсь...

— Ты не старишься, да онъ-то старится,—сказалъ Жанъ.

Она не поняла.

Но Дениза, приготовлявшая чай, слышала — и поняла, что Жанъ много выстрадалъ изъ-за красоты своей матери, какъ

только можетъ страдать мужчина изъ-за женщины... Не будь она красивой, она бы не вышла замужъ за г. Фабра; не будь она красивой, она, быть-можетъ, обожала бы своего сына.

И если теперь она съ застѣнчивой гордостью говорила о своемъ второмъ ребенкѣ, это оттого, что материнскій инстинктъ проснулся въ ней поздно, уже на закатѣ ея роскошной молодости.

Госпожа Фабръ обѣщала провести цѣлую недѣлю въ Монадузѣ. Но уже черезъ три дня объявила, что ей надо ѣхать; и Жанъ не удерживалъ ея.

— Теперь мы уже скоро свидимся,—сказала она. — Пріѣзжай къ намъ, когда захочешь: мы всегда будемъ рады тебѣ...

Онъ обѣщалъ пріѣхать къ ней осенью.

И она уѣхала, какъ пріѣхала, красивая, спокойная, улыбающаяся, подаривъ мадемуазель Кайроль бездѣлку — старинную брошку изъ марказита.

Совѣсть ни въ чемъ не упрекала ее: она исполнила свой материнскій долгъ.

Дениза на весь вечеръ оставила открытымъ окно въ своей комнатѣ, чтобы вывѣтрился запахъ духовъ — „царской вербены". Она вздохнула свободнѣе, почти обрадовалась этому отъѣзду...

Но Жанъ загрустилъ.

Первыя фіалки принесла Фортунада.

— Я не сама рвала,—сказала она, когда Жанъ сталъ благодарить ее.—Мнѣ ихъ дали... Онѣ изъ Шастана.

Она запнулась, сконфузившись, что слишкомъ много сказала, но потомъ храбро выпалила:

— Мнѣ ихъ далъ Вейдреннъ-сынъ.

— Ты, значитъ, видишься съ нимъ?—удивилась Дениза.

— Да, онъ иногда по пути заходитъ къ намъ.

— Выпить?

— Да, конечно, но только онъ платитъ...

— Какими же это деньгами?

— Своими собственными... Развѣ вы не знаете, что теперь онъ взялся за работу?

Краска гордости залила ея щеки.

— Да, работаетъ... въ угольныхъ ямахъ въ Шаданѣ... Я и думала: не переговорите ли вы съ баронессой — можетъ, она взяла бы его къ себѣ, на поденную работу... вамъ она не

откажетъ... Онъ вѣдь здоровый, сильный парень, этотъ Вейдреннъ.

— Но у него плохая репутація.

— А если онъ теперь хочетъ стать честнымъ человѣкомъ?

— Ну, это неправдоподобно,—вставилъ Жанъ.

Дениза покачала головой:

— Я боюсь, моя бѣдная Фортунада...

Дѣвушка подняла на нихъ свои великолѣпные глаза, въ которыхъ горѣлъ мрачный огонь.

— Вы даете лѣкарства больнымъ, и, когда они начинаютъ выздоравливать, вы довѣряете имъ... Ну, и я ему довѣряю: я вѣрю, что онъ еще можетъ исправиться... Во всякомъ случаѣ, онъ старается. Не надо разбивать въ немъ этого настроенія.

— Хорошо, я поговорю съ баронессой... Но, все-таки, ты, моя бѣдняжка, остерегайся!

— Чего?.. Да неужто же вы меня такъ мало знаете?.. Вы думаете, что онъ ухаживаетъ за мной. Не можетъ быть, чтобы вы это думали—вы, мадемуазель Дениза!

— Остерегайся его, если не себя.

— Онъ мнѣ ни разу не сказалъ дурного слова... Если онъ только посмѣетъ, не видать ему меня, какъ своихъ ушей... Полно-те, онъ не такъ глупъ...

И она расплакалась. Дениза, чтобъ утѣшить ее, обѣщала, не откладывая, побывать въ Сенъ-Дюминѣ...

И на другой же день сдержала свое обѣщаніе.

Чтобы попасть въ замокъ, надо пройти черезъ Монадузъ и, за церковью, свернуть направо, по набивной, кремнистой дорогѣ. Совсѣмъ близко, подъ деревяннымъ мостомъ катитъ свои бурливыя воды потокъ. На дворѣ мельницы мельникъ Шозакъ, двоюродный братъ Вейдренна, о которомъ на деревнѣ тоже говорили, что у него „дурной глазъ“, нагружалъ на телѣжку мѣшки съ мукой.

Перейдя черезъ мостикъ, Дениза пошла по тропинкѣ, огибавшей холмъ, между верескомъ. На кривыхъ каштанахъ, нагнувшихся надъ тропинкой, еще не было листьевъ. Внизу, въ глубокомъ и узкомъ ущельѣ, бурлила бѣлая вода, поминутно разбиваемая осыпавшейся землей, летѣвшей внизъ, и ущелье гранитной стѣной поднималось вверхъ, рисуя на облачномъ небѣ другую призрачную неровную стѣну.

Наконецъ, показался и замокъ, съ огромной крышей, раздѣленной на мансарды, но одноэтажный, съ полукруглыми окнами до земли, въ стилѣ Регентства. Терраса съ балюстрадой укра-

шала западный фасадъ; другой фасадъ, попроще, выходилъ на дворъ съ хозяйственными постройками и конюшнями.

Вокругъ лиловѣли деревья парка, разбитаго на правильныя аллеи. Поодаль, прудъ отражалъ въ себѣ свинцовое небо. Подъ деревьями зеленѣлъ ползучій плющъ, и межъ остроконечными листочками барвинка, пережившими зиму, уже кое-гдѣ показывались желтенькіе и голубенькіе цвѣточки.

Давно уже Дениза не совершала такой долгой, утомительной прогулки. Она немного устала; у нея слегка кружилась голова; близость весны заставляла кровь быстрѣе бѣжать по жиламъ. Ея платье изъ сѣраго кашмира, которое ей надоѣло подбирать, съ мягкимъ шелестомъ волочилось по гравію аллей. Свѣтлый вуаль, откинутый назадъ, развѣвался по вѣтру.

Какъ все пустынно!.. Какъ будто все спитъ... Ни одного лакея не видно... Ставни изнутри полуоткрыты...

Залаяла собака, и горничная отворила стеклянную дверь вестибюля, увѣшаннаго оленьими рогами и кабаньими головами, въ перемежку съ темными портретами.

— Баронесса въ гостиной съ графиней де-Салисъ... Я сейчасъ доложу... Баронесса будутъ такъ рады.

Графиня де-Салисъ! Дениза видала эту родственницу баронессы, каждыя пять-шесть лѣтъ пріѣзжавшую погостить въ Лимузенъ и скандализировавшую крестьянъ своими крашеными волосами, острымъ язычкомъ и яркими румянами на морщинистыхъ щекахъ. Нѣкогда она была статсъ-дамой императрицы, участвовала въ живыхъ картинахъ въ Компьенѣ... была смѣла, красива, любима... И о ней ходили цѣлыя легенды, лишь поверхностно извѣстныя Денизѣ.

Госпожа де-Сенъ-Дюминъ, семидесятилѣтняя старуха, болѣзненная и подъ старость сдѣлавшаяся благочестивой, теперь, какъ и всю жизнь, подчинялась обаянію своей кузины, ея ровесницы, но какъ прежде жадной до перемѣнъ и новизны, безумно любившей развлеченія и заднимъ числомъ влюбленной въ любовь. Старая грѣшница успокоивала старую ханжу своими капризными выходками и возвращала ей своей веселостью иллюзію молодости, какъ бы отдалявшую близость конца.

Мадемуазель Кайроль вошла и удивилась: въ гостиной царила необычная темнота. Госпожа де-Сенъ-Дюминъ была одна закутанная въ теплый платокъ, она полу-лежала на канапэ чернаго дерева, обитомъ алой парчей. Какія-то странныя занавѣски, съ ламбреkенами и бахромой и съ переплетомъ изъ золоченыхъ деревянныхъ палочекъ, наполовину затемняли всѣ

три окна, и въ этомъ полумракѣ свѣтились только два предмета: большая люстра съ бронзовыми цѣпочками и хрустальными подвѣсками и, на каминѣ, бюстъ госпожи де-Сенъ-Дюминъ, совсѣмъ молоденькой, съ шиньономъ изъ локоновъ, съ полнымъ оваломъ лица, надменнымъ ртомъ и царственными покатыми плечами.

Дениза едва не опрокинула лакированный столикъ, на которомъ стояла плетеная корзиночка съ сухими колосьями и верескомъ. Старческій голосъ, усталый и шамкающій, видимо исходящій изъ беззубаго рта, простоналъ:

— Здѣсь ничего не видно, милое дитя, — не правда ли?.. Мои бѣдные глаза нуждаются въ темнотѣ... Осторожнѣе, не наткнитесь на кресло... Подойдите поближе. Я ужъ потеряла надежду видѣть васъ...

— У меня такъ мало свободнаго времени. Простите меня, баронесса.

— Да, у васъ теперь на рукахъ больной... Какая скука! Больные—такой же несносный народъ, какъ и старики.

Маленькая ручка, увядшая и холодная, маленькое личико, безцвѣтное и какъ будто даже безплотное, выдвинулись изъ шалей и платковъ, въ которые они были укутаны. Баронесса была блѣдна, непріятной зеленоватой блѣдностью личинокъ, которыхъ находятъ подъ листьями, въ трещинахъ коры. Черная кружевная косынка прикрывала накладку изъ фальшивыхъ сѣдыхъ волосъ. Перепончатыя вѣки то и дѣло опускались на тусклые зрачки. Зрѣніе и слухъ отказывались ей служить, она стала худенькая, какъ дѣвочка, питалась только молокомъ—но, тѣмъ не менѣе, жила и хилые члены ея какъ-будто съеживались, чтобъ дольше сохраниться и отстоять еще уцѣлѣвшую въ нихъ частицу жизни.

— Больные отвратительны — я съ этимъ согласна, — подхватила госпожа де-Салисъ, незамѣтно вошедшая въ гостиную и съ трудомъ пробиравшаяся между наставленной мебелью, какъ лоцманъ между рифами. — Что же касается до стариковъ, они должны забыть о своихъ годахъ и заставить другихъ забыть о нихъ... Не выношу я этихъ престарѣлыхъ дѣдушекъ и бабушекъ, которыхъ противно видѣть и невыносимо слушать. Они отравляютъ жизнь молодымъ, на томъ лишь основаніи, что имъ семьдесятъ пять лѣтъ... Подумаешь, какая заслуга... Мнѣ тоже семьдесятъ пять лѣтъ, но я нисколько этимъ не горжусь...

— Вы такъ молоды умомъ, душой,—любезно сказала Дениза.

Госпожа де-Салисъ засмѣялась.

— Мой желудокъ молодъ, и нервы тоже... Въ этомъ—весь секретъ. Я ненавижу врачей и лѣкарства, не имѣю понятія о времени и такъ люблю жизнь, что даже не увѣрена, что я когда-нибудь умру... Оттого я и не боюсь смерти. Если и вспоминаю о ней, то лишь для того, чтобъ лучше наслаждаться жизнью... Это васъ удивляетъ, прекрасная молодая дѣвица?.. Вы думаете, что я—старая дура... Нѣтъ, дитя мое, я, наоборотъ, представляю собой рѣдкій примѣръ истинной мудрости. Подражайте мнѣ, если сможете, когда начнете стариться; а пока молоды, пользуйтесь своею молодостью...

— Мадемуазель Кайроль—дѣвушка простая и серьезная,— возразила госпожа де-Сенъ-Дюминъ.

— Но вѣдь ей нѣтъ и тридцати, и она хорошенькая... А въ самомъ дѣлѣ, милое дитя, вы хорошенькая, или нѣтъ?.. Вы прежде подавали надежды стать хорошенькой... Подите-ка сюда, поближе къ окну, дайте посмотрѣть на васъ... Вотъ такъ... Нѣтъ, вы не хорошенькая, но могли бы быть... Вы не умѣете... Вы не бережете вашего цвѣта лица... Вы плохо причесаны... Слѣдите за собой... Не слѣдуетъ выходить безъ вуали—это портитъ кожу... а бѣлокурые волосы съ годами становятся каштановыми... Непремѣнно мойте ваши волосы нѣмецкой ромашкой... И никогда не мойте лицо мыломъ...

— Спасибо за совѣтъ и за любезность,—сказала Дениза.— Я никогда и не мою лицо мыломъ; но мѣнять цвѣтъ волосъ у меня нѣтъ ни малѣйшаго желанія... Пусть будутъ, какіе есть— въ Монадузѣ, все равно, некому смотрѣть на нихъ.

Она находила красно-рыжіе волосы графини ужасными.

Госпожа де-Салисъ, огромная, съ одутловатымъ лицомъ и мѣшками подъ глазами, не имѣла другихъ морщинъ, кромѣ тѣхъ, которыя оставляетъ послѣ себя смѣхъ и сладострастіе. Слезы не проложили на ея вялыхъ щекахъ столь трогательной двойной борозды, которою отмѣчены лица женщинъ на картинахъ, изображающихъ снятіе со креста. Графиня никогда не стремилась внушать уваженіе, и руина съ расписанными веселыми тонами, которую представляло собой ея лицо, вызывала совсѣмъ иныя чувства.

— „Она похожа — сказалъ о ней однажды докторъ Кайроль—на стараго индійскаго вождя, который уже не участвуетъ въ бояхъ, но разрисовываетъ свое лицо, какъ подобаетъ воину“.

Но эта раскрашенная старуха, съ маской влюбленной Іезавели, казалась скорѣе страшной, чѣмъ смѣшной... Дениза смотрѣла на нее, какъ молодыя дѣвушки 1825-го года смотрѣли

на шестидесятилѣтнихъ дамъ, вернувшихся послѣ эмиграціи, нарумяненныхъ, напудренныхъ, въ длинныхъ корсетахъ, въ пышныхъ юбкахъ и съ вольной рѣчью, модной въ дни ихъ молодости.

Госпожа де-Салисъ одѣвалась въ Парижѣ и по модѣ; но всѣ ея платья казались на ней старомодными, такъ какъ всѣ ея жесты, осанка, походка были приспособлены въ былое время къ иному типу одежды. Старинный корсетъ, съ выпуклой грудью, короткою таліей, широкій въ бокахъ, такъ долго стягивалъ это пышное тѣло, что навсегда наложилъ на него свой отпечатокъ. Госпожа де-Салисъ носила массивныя брошки, браслеты, тяжеловѣсный шиньонъ. Ея юбка, широкая, съ воланами, занимала очень много мѣста.

Въ своихъ взглядахъ на жизнь графиня придерживалась удобной и несложной философіи второй имперіи. Въ новомъ мірѣ, болѣе утонченномъ чѣмъ прежній, она по прежнему умѣла развлекаться, высмѣивая „умственниковъ" и неврастениковъ, изъ которыхъ, по ея мнѣнію, сплошь состояло молодое поколѣніе. Католичка изъ приличія, эпикурейка по натурѣ, она противопоставляла старости свой безпечный оптимизмъ, свое великолѣпное здоровье и легкомысліе, не позволявшее уму отяжелѣть въ сосредоточенности. И увѣряла, что она очень счастлива.

Молодыя женщины искали ея общества. И она сама предпочитала быть въ обществѣ молодыхъ женщинъ, любовалась ими, когда онѣ были красивы, и охотно становилась ихъ повѣренной. Но матроны среднихъ лѣтъ шипѣли на нее...

— Предположимъ, что вы уѣдете изъ Монадуза, милое дитя мое, и переселитесь въ большой городъ—ну, скажемъ, въ Парижъ... Предположимъ, что на васъ станутъ заглядываться молодые люди... Вѣдь это же вполнѣ возможно... Что же, не будете вы жалѣть, что не сберегли своихъ волосъ и цвѣта лица? Вѣрьте моей опытности: добродѣтель безъ красоты рискуетъ остаться незамѣченной... Будьте прежде всего хорошенькой—тогда оцѣнятъ и другія ваши достоинства...

— Но я вовсе не собираюсь уѣзжать изъ Монадуза, и замужъ выходить не собираюсь.

— И, все-таки, старайтесь быть хорошенькой... Но неужели вы останетесь всю жизнь въ этой дырѣ? Это было бы преступленіемъ. Здѣсь слишкомъ обидно состариться... Состариться, не живши... Какая ужасная перспектива!.. Не миритесь съ этимъ, мадемуазель Кайроль... Жанна, милая, надо спасти эту малютку... Надо найти ей хорошаго жениха... Или у васъ здѣсь, въ Лимузенѣ, одни только дураки и мужланы?

— Дѣло въ томъ, что... у меня нѣтъ приданаго, — мягко возразила молодая дѣвушка. — И потомъ — у насъ никто не бываетъ...

— И за васъ никогда никто не сватался?

— Никто.

— Это невѣроятно!.. И, все-таки, вы счастливы?

— Очень счастлива.

Госпожа де-Сенъ-Дюминъ своимъ стонущимъ голоскомъ попросила чаю; графиня позвонила... Дениза, которую нѣсколько раздражалъ этотъ разговоръ, поспѣшила перемѣнить тему и стала ходатайствовать за Вейдренна.

— Вамъ я, разумѣется, не могу отказать, — сказала баронесса. — Завтра придетъ управляющій — я скажу ему... Пусть Вейдренну передадутъ, что мы возьмемъ его на пробу...

Дениза поблагодарила. Подали чай; зашелъ разговоръ о докторѣ, о Жанѣ, о лѣченіи баронессы... Затѣмъ мадемуазель Кайроль ушла.

Она спустилась обратно по каменистой тропинкѣ, подъ каштанами. Было около четырехъ часовъ; тучи порѣдѣли и казались теперь голубоватыми, пронизанныя солнцемъ. Вѣялъ теплый вѣтерокъ.

Въ лѣсу куковала кукушка, вопросительно и печально, и впервые въ этомъ году Дениза услыхала хриплые вздохи дикаго голубя. Мягкость воздуха, благоуханія земли, поглощенной своей весенней работой, птичьи зовы, смыслъ которыхъ не былъ для нея тайной, волновали молодую дѣвушку, навѣвая на нее грусть. Послѣ визита въ замокъ ей было какъ-то странно не по себѣ; какое-то уныніе овладѣло ею... Госпожа де-Салисъ говорила съ ней совсѣмъ какъ Лапейри, въ послѣдній свой пріѣздъ, и почти въ тѣхъ же выраженіяхъ.

Это состраданіе, смѣшанное съ любопытствомъ, раздражало и обижало ее.

— Пусть бы они оставили меня въ покоѣ. Вовсе мнѣ не надобно мужа, чтобы быть счастливой... въ особенности такого мужа, какого можно найти здѣсь...

Она перебирала въ памяти мужчинъ, съ которыми она здѣсь встрѣчалась: буржуа изъ сосѣдняго маленькаго городка и деревенскихъ франтиковъ, честныхъ людей, любившихъ хорошій столъ, тихую жизнь безъ тревогъ и волненій. Наиболѣе интеллигентные изъ нихъ находили исходъ своей энергіи въ мелкихъ распряхъ мѣстной политической борьбы, старались округлить свои небольшія владѣнія, порой увлекались невинною страстью къ архео-

логіи или статистикѣ. Неспособные ни на какую оригинальную мысль, они прежде всего были осмотрительны, сообразовали свои взгляды со своими интересами и высказывали ихъ заученными формулами, не всегда которыя понимали.

Эти господа очень уважали доктора Кайроля и его дочь, но относительно женской молодости и красоты держались старыхъ провинціальныхъ предразсудковъ. Дениза, двадцати-семилѣтняя и безъ приданаго, вовсе не казалась имъ „дѣвушкой на выданьѣ“. Ни одинъ изъ нихъ не пытался ухаживать за ней, такъ какъ она внушала почтеніе и наиболѣе самоувѣреннымъ — и сама она никѣмъ изъ нихъ не была сколько-нибудь заинтересована.

Въ шестнадцать лѣтъ она мечтала о женихѣ и мужѣ, не то чтобы непремѣнно красивомъ и богатомъ, но съ интеллигентной внѣшностью и благороднымъ сердцемъ — совсѣмъ не такомъ, какъ всѣ эти господа. Въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ она ждала его и, не встрѣтивъ, думала теперь о немъ, какъ объ умершемъ, съ грустью, но безъ горечи.

Никогда она не чувствовала вокругъ себя атмосферы мужскихъ желаній; никогда не выслушивала признаній и даже не подозрѣвала въ себѣ какого бы то ни было обаянія и соблазнительности. Вдали отъ развлеченій свѣтской жизни, вдали отъ вліяній музыки и литературы, она жила спокойно, и чувства ея еще дремали.

А въ паркѣ, въ вершинахъ высокихъ деревьевъ, перекликались голуби и голубки, волнуемые желаніемъ свить себѣ гнѣздо. И этотъ призывъ будилъ въ груди взрослой дѣвушки, вполнѣ созрѣвшей какъ женщина, великій материнскій инстинктъ, болѣе глубокій, чѣмъ любовныя вожделѣнія. Дениза сознавала въ себѣ эту расцвѣтшую мощь, эту не нашедшую себѣ выхода силу, которая дѣлала ее не хорошенькой куколкой, не орудіемъ любви, но типомъ женщины по преимуществу — женщины и матери. Здоровая, сильная, съ чистой кровью, она могла бы стать родоначальницей могучей расы, которая пила бы жизнь изъ ея прекрасной груди... А между тѣмъ этому сильному тѣлу, съ его роскошными формами и богатствомъ жизненныхъ соковъ, предстояло изсохнуть въ безплодіи, какъ тѣлу монахини.

„Я послѣдняя въ родѣ, и умру цѣликомъ, вся безъ остатка, никому не передавъ того свѣточа жизни, который былъ врученъ мнѣ. Я никогда не узнаю святого страданія матерей и ихъ радостей — радостей, которыя мужчина не умѣетъ себѣ представить и которыя я такъ хорошо понимала еще въ раннемъ дѣт-

ствѣ... О, это сладостное прикосновеніе къ нѣжному, тепленькому дѣтскому тѣльцу... Этотъ устремленный кверху пристальный взглядъ младенца, сосущаго грудь, который смотритъ, какъ въ небо, въ лицо матери, склонившееся надъ нимъ. Всѣ эти дивныя ощущенія—не для меня. Мнѣ не суждено испытать ихъ, осуществить свое женское предназначеніе".

По щекамъ ея текли слезы. Она такъ рѣдко плакала, что устыдилась своей слабости.

— Съ чего это я вдругъ?.. Что за безуміе!.. Вѣдь я отказалась отъ этого счастья... Что я говорю? Мнѣ не пришлось и отказываться, такъ какъ никто его не предлагалъ мнѣ. Привязанность моего отца, дружба бѣдняковъ, надежда, что мнѣ втайнѣ удастся сдѣлать немного добра—вотъ мой удѣлъ въ этомъ мірѣ... Потомъ, когда я останусь одна, когда я состарѣюсь, я, быть-можетъ, возьму на воспитаніе маленькаго ребеночка...

Эта мечта, которую она все время лелѣяла въ душѣ, не сознаваясь въ томъ, немного успокоила ее. Она вытерла слезы и продолжала свой путь.

X.

Такъ тянулись, одинъ за другимъ, тоскливые дни; но здоровье Жана видимо шло на поправку. Улучшеніе продолжалось, безостановочное и такое быстрое, что молодой человѣкъ могъ уже вставать, спускаться въ садъ и даже ѣздить кататься. Баронесса де-Сенъ-Дюминъ спеціально для этого одолжила Кайролямъ „дюкъ" — кабріолетъ стариннаго фасона, удивительно легкій на ходу, съ фартукомъ и верхомъ. Жана укутывали козьими шкурами, и то Дениза, то Кайроль возили его подышать воздухомъ въ окрестностяхъ Монадуза.

Дни прибывали; мѣнялись цвѣта и оттѣнки далей — не красновато-фіолетовыхъ, какъ зимою, и не темно-ультрамариновыхъ, какъ лѣтомъ, а нѣжно окрашенныхъ въ свѣтлые, рыжеватые и голубоватые тона, съ большими просвѣтами цвѣта зеленой яри. Сквозь тонкія вѣтки безлистныхъ тополей и березъ отчетливо видны были малѣйшія детали пейзажа, который смѣялся новому солнцу, плакалъ подъ мимолетными ливнями и разстилался, безъ тѣней и дымки, безъ тайны, невинный и нагой, какъ новорожденный младенецъ.

Когда докторъ запаздывалъ къ завтраку, удерживаемый своими профессіональными обязанностями, Дениза и Жанъ уѣз-

жали сейчасъ же послѣ завтрака и возвращались только на закатѣ дня. Въ легкой плетеной колясочкѣ, и формой напоминавшей корзинку, было какъ разъ довольно мѣста для двоихъ. Дениза правила твердой рукой, натягивая вожжи на крутыхъ спускахъ, все время слѣдя за изгибами дороги и за ушами лошадки. Въ своемъ пледѣ цвѣта мшистой коры, въ шапочкѣ-токѣ съ фазаньими перьями, съ толстой косой, скрученной на затылкѣ и на солнцѣ отливавшей золотомъ осеннихъ листьевъ, она походила на дріаду, соскользнувшую съ дуба и украсившую свою голову живыми листьями и живою птицей.

Она говорила о своемъ родномъ краѣ, о полевыхъ работахъ, о животныхъ, о растеніяхъ; каждую травку она знала по имени. Жанъ Фавьеръ, горожанинъ, провелъ дѣтство и юность въ лицейской казармѣ и путешествовалъ только по странамъ, спеціально фальсифицируемыхъ для туристовъ и изуродованныхъ отелями. Онъ интересовался больше картинами въ музеѣ, чѣмъ пейзажами. Его полное незнакомство съ природой сказывалось на каждомъ шагу.

Дениза, мало знакомая съ книжной премудростью, здѣсь была наставницей Жана. Онъ научился смотрѣть ея глазами и чувствовать жизнь природы. Купаясь въ воздухѣ и свѣтѣ, передъ широкими далями, которыя влекутъ и будятъ мечту, среди разлитой вокругъ упорной работы растеній, пробивающихся наружу, цвѣтущихъ и увядающихъ, онъ, казалось ему, постигалъ во всей ихъ разумной и творческой силѣ законы природы, о которыхъ пишутъ въ книгахъ и которые до тѣхъ поръ оставались для него только абстракціями. И, не возмущаясь, онъ отдавался во власть ихъ, предчувствуя ясность пантеистическаго міровоззрѣнія, душевный миръ, вызываемый сліяніемъ съ вѣчнымъ порядкомъ вселенной. Во всей полнотѣ этотъ покой нисходитъ лишь на немногихъ. Жанъ Фавьеръ былъ еще слишкомъ молодъ; слишкомъ много было въ его душѣ неутоленныхъ желаній, неудовлетвореннаго любопытства. Онъ принадлежалъ къ числу тѣхъ, кому страшны страданія и смерть, кто хотѣлъ бы расти и развиваться во времени и пространствѣ и чувствовать себя центромъ міра.

Но мысль о страданіи и смерти была далека отъ него въ эти золотые солнечные дни, когда и его цѣликомъ захватывала радость возрожденія.

Дениза возила его къ прудамъ Сенъ-Дюмина, на высокія плато Брахъ, въ Шаданъ, въ Абитарелль. Долины, подъ матовымъ, нѣжнымъ небомъ, въ прозрачномъ воздухѣ, голубыя, со-

всѣмъ голубыя, разстилались среди розовато-лиловыхъ холмовъ, и все это купалось въ какомъ-то блаженномъ перламутровомъ свѣтѣ, отливающемъ жемчугомъ. Въ ущельяхъ мелкіе дубки сохранили свои бронзово-золотые листья; луга пестрѣли ивами, оранжевыми и цвѣта охры; одна только трава была зеленая, усѣянная прошлогодними увядшими нарциссами; въ еще оголенныхъ вѣтвяхъ прыгала и рѣзвилась весна, рыжая, какъ лѣсная бѣлка, и дикая, какъ она.

Жанъ скоро страстно влюбился въ эту лимузенскую землю. Нѣтъ древнѣе этого края, кромѣ древней Бретани; на гребняхъ его утесовъ—сѣдое бремя вѣковъ. Здѣсь уцѣлѣли еще священные фонтаны, языческіе обряды, процессіи. Пастухи, умѣющіе „заговаривать“ волковъ, говорятъ и понынѣ на языкѣ Бертрана де-Борнъ и Бернарда де-Вантадуръ. Пахари, бороздя плугомъ „поля Цезаря“, натыкаются порою на древнее латинское оружіе, шлемъ легіонера, или орла изъ оксидированной бронзы. А въ пещерахъ находятъ камни съ вырѣзаннымъ на нихъ изображеніемъ мамонта, и кости людей, которые жили и умирали тутъ на зарѣ міра.

Иностранецъ, проѣзжая мимо, не замѣтитъ или не сочтетъ достойной вниманія эту страну—древнюю старуху, усѣвшуюся у подножія вулкановъ. Она такъ нищенски убога, она кажется такою грубой. Но кто приблизится къ ней почтительно и благоговѣйно, для того заблестятъ ея глаза, тотъ услышитъ ея вѣковую жалобу въ дрожащемъ звукѣ волынки, и послѣ того ужъ не сможетъ забыть ея: нищая старуха околдовала его.

Лимузенская земля, поросшая верескомъ, привѣтливо встрѣчала Денизу и Жана. Иной разъ молодая дѣвушка, чтобы дать передохнуть лошади, останавливала ее въ какой-нибудь деревушкѣ. Въ каждой изъ маленькихъ церквей въ романскомъ стилѣ было на что посмотрѣть: тамъ — интересная лѣпка на капители колонны; здѣсь — запрестольный образъ, почернѣвшій отъ дыма свѣчъ и кадилъ; почти вездѣ какой-нибудь шедевръ стариннаго ювелирнаго мастерства—серебряный ковчежецъ для мощей, голубь, съ переливающимися оттѣнками синей и зеленой эмали... Случалось, Дениза заходила въ какую-нибудь лачугу, и Жанъ усаживался рядомъ съ нею на плохо отесанной скамьѣ *канту*, возлѣ печки. Ребятишки, тонконогіе, какъ козлята, поднимали плачъ при видѣ „барина“. Мать унимала ихъ, хвастаясь передъ мадемуазель Кайроль своимъ младшимъ, груднымъ... Обѣ оживленно болтали между собою на мѣстномъ нарѣчіи, которое такъ красиво звучало въ устахъ Денизы. Жану здѣсь все было

интересно: онъ восхищался и чугуннымъ треножникомъ на очагѣ, и шкафомъ съ деревянной рѣзьбой, и рѣзной оловянной кружкою, атласисто-сѣрою, замѣшавшеюся среди обыкновенной посуды, и, въ особенности, освѣщеніемъ—смолистыми тѣнями, красноватой свѣтотѣнью, яркими пятнами свѣта, льющагося въ единственное маленькое оконце деревенской избы.

Онъ видѣлъ такое освѣщеніе только на картинахъ фламандскихъ художниковъ, и восторженно говорилъ Денизѣ:

— Это Питеръ де-Гоогъ... Это Брейгель...

Дениза не понимала и дивилась, что ему нравятся эти деревенскія избы съ огромной печью, темныя и загроможденныя. А онъ говорилъ себѣ, что она не чувствуетъ ихъ красоты потому, что не видитъ самой себя — лучезарнаго центра всѣхъ этихъ темныхъ картинъ, бѣлой и золотой, прекрасной, какъ день. Когда она неловкимъ жестомъ брала изъ люльки ребенка и склонялась надъ нимъ златокудрой головкой, словно свѣтъ струился отъ ея лица и волосъ. И Жану она казалась идеальнымъ воплощеніемъ Матери-Дѣвы.

На память объ этихъ прогулкахъ онъ обыкновенно покупалъ какую-нибудь бездѣлушку—фарфоровую чашку, оловянное блюдо, и вечеромъ преподносилъ ихъ доктору, восторгаясь ихъ дешевизной. Кайроль восхищался вслѣдъ за нимъ, но тутъ же признавался, что въ этомъ „ничего не смыслитъ“.

Однажды въ Абитареллѣ, въ одной избѣ, Жанъ нашелъ старинныя серьги съ подвѣсками, серебряныя, филиграновой работы, и колечко, тоненькое, истертое, съ гнѣздомъ изъ двухъ сплетенныхъ рукъ.

Онъ отдалъ за нихъ золотую монету, потому что Дениза нашла ихъ красивыми. И мечталъ подарить ихъ ей, но она пояснила:

— Это кольцо—обручальное. У моей бабушки было кольцо въ этомъ же родѣ; его положили съ ней въ гробъ.

И прибавила задумчиво:

— Мою маму тоже похоронили съ кольцомъ. Въ нашемъ роду, сколько мы съ отцомъ помнимъ, никто, овдовѣвъ, не женился и не выходилъ замужъ вторично. И каждый уносилъ съ собой въ вѣчность кольцо, которымъ онъ обручился или вѣнчался.

Жанъ повторилъ: „обручальное кольцо!“

Лошадь бѣжала быстро, но Дениза, собравъ вожжи въ правую руку, разглядывала золотое колечко, лежавшее на ладони лѣвой.

— Примѣрьте его, прошу васъ!—пролепеталъ Жанъ.

И, прежде чѣмъ молодая дѣвушка успѣла отвѣтить, онъ надѣлъ ей на палецъ символическое кольцо. Но оно было слишкомъ велико для нея, это кольцо крестьянки: оно соскользнуло и скатилось въ складки платья, а оттуда въ траву...

Остановили лошадь. Дениза и Жанъ вышли оба, искали долго, но кольца не нашли.

Не закатилось ли оно въ канаву съ водой? Или, можетъ быть, зарылось подъ прошлогодними листьями?

Молодая дѣвушка огорчилась.

— Это моя вина,—сказалъ Жанъ,—не огорчайтесь, мадемуазель Дениза.

Она не замѣтила, что на глазахъ его были слезы.

XI.

Необходимо было нанести благодарственный визитъ г-жѣ де-Сенъ-Дюминъ, которая такъ любезно дала свой экипажъ и при каждомъ удобномъ случаѣ освѣдомлялась о здоровьѣ Жана. Дениза предложила побывать въ замкѣ до отъѣзда г-жи де-Салисъ. Докторъ одобрилъ это, но настаивалъ на томъ, чтобы визитъ былъ кратокъ.

— Жану не годится долго быть въ атмосферѣ этой темной гостиной, заставленной мебелью. Это для него нездорово... Посидите полчасика, потомъ погуляйте въ паркѣ, провѣтритесь хорошенько и возвращайтесь до заката солнца.

И еще прибавилъ:

— Я настаиваю на этомъ—понимаешь, Дениза? Вотъ уже нѣсколько дней, какъ вы оба ведете себя неблагоразумно. Возвращаетесь въ сумерки... Это мнѣ не нравится по многимъ причинамъ...

Всю дорогу Жанъ Фавьеръ не переставалъ жаловаться: онъ не любитъ старухъ, боится столкнуться съ кѣмъ-нибудь изъ знакомыхъ...

— Но увѣряю же васъ, что эти барыни ни съ кѣмъ здѣсь не водятъ знакомства. Лѣтомъ еще пріѣзжаютъ иной разъ на автомобилѣ сосѣди помѣщики. А въ это время года мы рискуемъ встрѣтить въ замкѣ только управляющаго, г. Изальяка, да монадузскаго кюрэ... А всего вѣроятнѣе, что никого не встрѣтимъ.

Такъ оно и было сначала. Обѣ дамы, растроганныя, наперерывъ одна передъ другой старались приручить Жана. Его

эти ископаемыя старухи сперва испугали, потомъ стали казаться ему забавными; къ нему вернулась самоувѣренность свѣтскаго человѣка, онъ разговорился и болталъ безъ умолку, весело, остроумно. Дениза не узнавала его. Госпожа де-Салисъ была совершенно очарована имъ.

Когда мадемуазель Кайроль сказала, что пора ѣхать, баронесса возмутилась: такіе гости въ замкѣ слишкомъ рѣдки; онѣ не отпустятъ г. Фавьера безъ чаю... Жанъ согласился остаться.

Дениза думала: „Его дурное настроеніе разсѣялось... Онъ ухаживаетъ за г-жею де-Салисъ, какъ будто ей двадцать лѣтъ, стараясь покорить ея сердце. Онъ любитъ, чтобъ его любили. Онъ не выноситъ равнодушія даже тѣхъ, кто для него самого безразличенъ. Онъ вскружилъ голову Франсунеттѣ; добился того, что покорилъ сердце Фортунады и Жанту. Теперь и эти двѣ старухи будутъ обожать его“.

Ей вспоминались слова г. Лапейри, объяснявшаго ей характеръ Жана, и она говорила себѣ: „увѣряютъ, будто женщины всегда стремятся нравиться; но я гораздо менѣе кокетка, чѣмъ Жанъ, и меньше дорожу мнѣніемъ другихъ... Какъ онъ долженъ былъ страдать, когда болѣзнь оттолкнула отъ него неискреннихъ друзей—и всѣхъ остальныхъ!“

Это желаніе нравиться, такъ наивно сквозившее во всемъ у Жана, въ другомъ мужчинѣ шокировало бы Денизу; но къ этому мальчику, совершенно не подходившему подъ ея идеалъ жениха или мужа, она была снисходительна до слѣпоты. Что бы онъ ни говорилъ, что бы ни дѣлалъ, она ни съ кѣмъ его не сравнивала и не пыталась критиковать: вѣдь его недугъ ставилъ его внѣ всякихъ правилъ и нормъ.

Чай былъ поданъ на террасѣ; г-жа де-Сенъ-Дюминъ, закутанная въ безчисленныя шали, исчезла въ глубинѣ плетенаго кресла; г-жа де-Салисъ усѣлась на самомъ свѣту, какъ бы выставляя на показъ свое заново раскрашенное лицо, огненно-рыжій шиньонъ и широчайшее платье.

— Садитесь сюда, поближе ко мнѣ,—сказала она Жану.

Онъ понравился ей. Она принадлежала къ тому поколѣнію, которое не боялось микробовъ. Ея покладистый оптимизмъ не позволялъ ей, притомъ, долго огорчать себя чужими бѣдами.

— Что это мнѣ о васъ говорили?.. Что вы выздоравливаете? Да вы совсѣмъ здоровы. На будущій годъ вы вернетесь въ Парижъ здоровякомъ.

— Я надѣюсь!

Но г-жа де-Сенъ-Дюминъ боялась, какъ бы молодой чело-

вѣкъ не простудился, и все убѣждала его пересѣсть въ „геритку“—одну изъ плетеныхъ будочекъ, которыя она очень любила и которыхъ около террасы было множество. Жанъ отказывался, и Дениза поддержала его, говоря, что свѣжій воздухъ не можетъ быть ему вреденъ.

Всѣ четверо только-что принялись за свои чашки, любуясь дивной панорамой ущелій и холмовъ, какъ затрубилъ рожокъ автомобиля, сперва вдали, потомъ совсѣмъ близко, подъ каштанами. Автомобиль остановился передъ замкомъ; изъ него вышли четверо сѣдоковъ неопредѣленнаго возраста и пола, закутанные въ кожу, мѣха, каучукъ и вуали разныхъ цвѣтовъ. Когда пальто и вуали были сброшены, подъ ними оказались молодой человѣкъ и три молоденькихъ дамы,—племянникъ, племянница и двѣ пріятельницы баронессы, возвращавшіеся изъ Пиринеевъ въ Парижъ длиннѣйшимъ путемъ. Они охотно согласились остаться въ замкѣ на нѣсколько часовъ, чтобы отдохнуть. Хозяйка представила ихъ остальнымъ и попросила Денизу напоить чаемъ новоприбывшихъ.

Пока молоденькія женщины — брюнетка, блондинка и шатенка—разсказывали разные эпизоды изъ своей экскурсіи, молодой человѣкъ, братъ блондинки и почти ровесникъ Жана, помогалъ мадемуазелль Кайроль разливать чай и угощать пирожнымъ. Это былъ премилый юноша, румяный и подъ налетомъ загара, прекрасно сложенный; какъ у мольеровскаго маркиза, у него были красивые зубы, красивыя ноги и двѣ бѣлокурыхъ кисточки вмѣсто усовъ: Клитандръ въ обличьѣ шоффера... Онъ усердно ухаживалъ за подругами своей сестры, въ особенности за шатенкой, но и брюнетка не оставалась въ накладѣ. Они обмѣнивались такими рискованными фразами, что блондинка говорила:

— Послушайте, кончите вы когда-нибудь флиртовать?.. Это становится прямо-таки неприличнымъ!

Но всѣ четверо были такъ молоды, такъ похожи на школьниковъ во время вакацій, что веселое легкомысліе ихъ никого не шокировало, а напротивъ, вызывало улыбку и сочувствіе, какъ бы сообщничество... Г-жа де-Салисъ подстрекала ихъ и смѣшила. Даже баронесса была захвачена этой игрой.

Молчали только Жанъ и Дениза. Молоденькія гостьи скоро угадали то, что имъ не было сказано, и, не нарушая учтивости, поспѣшили отодвинуться отъ этого юноши, блѣднаго и худого, съ лихорадочнымъ взглядомъ.

И онъ, который въ былое время состязался бы въ остроуміи и любезности съ Клитандромъ-шофферомъ изъ-за ласковаго взгляда

и улыбки этихъ юныхъ красавицъ, кокетливыхъ, насмѣшливыхъ, немного соперничающихъ между собой, онъ, который хотѣлъ бы взять ихъ себѣ всѣхъ трехъ,—съ мучительной застѣнчивостью забился вглубь плетеной будки и жаждалъ только одного: чтобы на него не обращали вниманія.

Дениза, почувствовавшая, что онъ загрустилъ, подошла къ нему и шепнула:

— Пора ѣхать... Уже не рано: и такъ придется сократить прогулку...

— Да, да, ѣдемъ... Я тоже хочу домой...

Они простились и уѣхали. Г-жа де-Сенъ-Дюминъ смотрѣла имъ вслѣдъ и сокрушалась о Жанѣ. Ея пріятельница уже цѣликомъ посвятила себя новымъ гостямъ. Молодыя женщины вздохнули свободнѣе, избавившись отъ тягостнаго зрѣлища...

Тонкая деликатность Денизы не позволила ей попытаться утѣшить Жана, или хотя бы намекомъ показать ему, что она понимаетъ его настроеніе; она только сказала, что рада снова быть съ нимъ вдвоемъ въ лѣсной тиши. Въ душѣ ей было больно, какъ матери, когда ея увѣчнаго ребенка изобидятъ злые люди... Она, всегда такая сдержанная, такая ко всѣмъ благожелательная, объявила, что племянница г-жи де-Сенъ-Дюминъ и ея подруги очень невоспитаны, а племянникъ—фатишка и снобъ.

— Мнѣ гораздо больше нравятся старухи.

Жану онѣ тоже больше нравились.

— Но все-таки на нихъ жутко смотрѣть. Точно муміи, одна хорошо сохранившаяся, другая—плохо; на одной цѣлы всѣ бинты и краски, у другой изъ-подъ пергамента видны кости; но отъ обѣихъ пахнетъ смертью... О, какой ужасъ эта старость!

— Всѣ мы, рано или поздно, состаримся.

— Только не я... къ счастью!

— Почемъ вы знаете?

Онъ не отвѣтилъ и вздрогнулъ, хоть и былъ тепло укутанъ.

— Вамъ холодно?

— Нѣтъ.

Дениза нагнулась, чтобы поправить пледъ, все время соскальзывавшій съ колѣней Жана, потомъ выпрямилась—и испугалась, заглянувъ ему въ лицо, такое оно было блѣдное, увядшее, старческое; глаза сразу ввалились и избѣгали встрѣчаться съ ея глазами.

— Нѣтъ, вамъ положительно нехорошо. Вернемся кратчайшимъ путемъ.

— Почему?.. Мнѣ вовсе не хочется домой... Вѣдь я же не жалуюсь...

Въ голосѣ его звучало обиженное нетерпѣніе. Дениза смолкла, боясь задѣть его неосторожнымъ словомъ. Онъ пролепеталъ:

— Простите! Я смѣшонъ. Мнѣ стыдно, но... еслибъ вы знали! Мелочи причиняютъ иногда такую боль!..

— Вы нервны, какъ женщина, и ваше воображеніе раздуваетъ эти мелочи, усиливаетъ ихъ жестокость... О! я хорошо васъ изучила за то время, что мы живемъ вмѣстѣ. Я все время наблюдала васъ. Я васъ понимаю...

— Вы понимаете меня, Дениза?..

Въ первый разъ онъ назвалъ ее просто по имени, и эта вольность показалась имъ обоимъ вполнѣ естественной.

— Да, Жанъ. Я понимаю, что ваша гордость уязвлена. Ни съ того, ни съ сего вы вообразили себя ниже всѣхъ другихъ людей... и вы обижаетесь, когда вамъ выказываютъ сочувствіе, потому что въ этомъ сочувствіи вы видите только жалость.

Она дотронулась до больного мѣста его души.

— Я не хочу, чтобы меня жалѣли! — вскричалъ Жанъ. — Жалость накладываетъ особую печать на человѣка, обособляетъ его отъ всѣхъ другихъ, вноситъ фальшь въ каждое чувство, внушенное имъ. Онъ взываетъ къ дружбѣ, къ любви—ему откликается жалость, многоликая, многообразная; она—тѣнь дружбы; она — тѣнь любви... Ахъ, сколько я выстрадалъ изъ-за нея!.. Вотъ и сегодня я видѣлъ жалость, смѣшанную съ отвращеніемъ и страхомъ, въ глазахъ этихъ женщинъ. А теперь... я не смотрю на васъ, чтобъ не прочесть ея въ вашихъ глазахъ!

— Напрасно. Взгляните на меня, и вы успокоитесь. Я жалѣю васъ, мой бѣдный Жанъ, но не такъ, какъ вы думаете... Мнѣ жалко, что вы такъ упорно стараетесь отравить себѣ каждую радость... Вы больны тѣломъ, но это пройдетъ. Меня не трогаютъ недуги, которые постепенно уменьшаются и проходятъ... Но я другъ вашъ, и меня огорчаетъ вашъ душевный недугъ, который можете побороть только вы сами.

Жанъ Фавьеръ успокоился.

— Такъ вы увѣрены, что я поправляюсь?

— Безусловно увѣрена.

— Можетъ быть, и не безусловно... все равно, вы не сказали бы мнѣ правды!

— Не знаю... можетъ быть... Но тогда я не стала бы и бранить васъ, какъ браню теперь... Не посмѣла бы... я была бы снисходительнѣе...

— О, нѣтъ! Не надо! Не будьте снисходительны!.. Ваша доброта иной разъ пугаетъ меня... Я говорю себѣ: „Она все терпитъ отъ меня, потому что мнѣ уже недолго осталось мучить ее... Она балуетъ меня, какъ старшая сестра, но это... не сердитесь!.. это баловство — все равно что папироска, которую даютъ осужденному передъ казнью...

Дениза пожала плечами.

— Другъ мой, это нелѣпость... Но все-таки говорите, облегчите ваше сердце; все, что хотите, только не замыкайтесь въ молчаніи...

Подъ косыми лучами солнца алѣли вѣтки деревьевъ; лошадь, почуявъ, что поводья опущены, замедлила ходъ.

— Что это тамъ блеститъ между елями?—спросилъ Жанъ.

— Сенъ-Дюминскій прудъ.

— Хотите, пойдемъ туда?—Мнѣ надо какъ-нибудь встряхнуться, отвлечься отъ этихъ мыслей...

Она согласилась.

— А не поздно будетъ возвращаться?

— Нѣтъ, нѣтъ... Идемте, другъ мой.

Онъ соскочилъ на песокъ и предложилъ руку Денизѣ, чтобы помочь ей сойти. Лошадка шажкомъ пошла за ними, время отъ времени останавливаясь и щипля траву.

Дениза спрашивала себя:

„Удалось ли мнѣ убѣдить его? И надолго ли?.. Онъ не хочетъ, чтобъ я жалѣла его, а я именно изъ жалости всячески изощряюсь, стараясь поддержать въ немъ надежду. Какъ это трудно! Приходится слѣдить за каждымъ словомъ, за выраженіемъ своего лица, напускать на себя спокойствіе, котораго нѣтъ въ душѣ, говорить о будущемъ...“

Жанъ все время наблюдалъ за нею.

— О чемъ вы думаете?.. У васъ такой серьезный видъ.

— Я думаю о томъ, что напрасно я исполняю всѣ ваши капризы.

— Да вы посмотрите, какъ здѣсь хорошо!

Передъ ними былъ широкій въѣздъ въ каштановую рощу и круглые холмы, мутно-зеленые, обступившіе прудъ Сенъ-Дюмина. Отблескъ заката ложился радужными огнями на сумрачное уже небо. Возлѣ самаго берега вода горѣла какъ раскаленные уголья. И на фонѣ этой яркой алости бархатисто-черными вырисовывались линіи берега и силуэтъ дерева, склонившагося къ водѣ. А дальше небо, кажущееся еще болѣе далекимъ по контрасту съ рѣзкими цвѣтами передняго плана, небо, съ прозрачной радуж-

ностью опала, прорѣзанной огненными струйками. Между небомъ и его отраженіемъ повисъ, какъ облачко, удлиненный золотой вырѣзъ узкой косы. Коса эта была окаймлена стройными темными елями, которыя легкими, нѣжными силуэтами вырисовывались въ свѣтломъ воздухѣ, повторяясь опрокинутыми въ жидкомъ свѣтѣ воды...

Дениза и Жанъ стояли рядомъ, не смѣя заговорить. Эта вода, это небо, эти деревья, этотъ узенькій полуостровъ казались пейзажемъ-призракомъ, капризомъ волшебницы, болѣе хрупкимъ, чѣмъ мыльный пузырь на концѣ соломинки. Дунетъ вѣтерокъ, зазвучитъ человѣческій голосъ — и онъ исчезнетъ, разсѣется... Но нѣтъ, миражъ не исчезалъ, только съ минуты на минуту блѣднѣлъ въ очарованномъ безмолвіи вечера.

Дениза смотрѣла на своего спутника и видѣла, что онъ взволнованъ, растроганъ, что зависть и злоба — грязь души, на минуту всколыхнувшаяся и всплывшая на поверхность, снова осѣла. Подвижное лицо съ большими глазами, обведенными темными кругами, было грустно, но иной, облагораживающей грустью—грустью человѣка, сознающаго свою эфемерность рядомъ съ природой, которая, какъ онъ, мѣняется и умираетъ, но безпрестанно возрождается.

Жанъ шепталъ:

— О, Дениза! еслибъ вы знали, какъ мнѣ хочется жить!.. Никогда мнѣ не хотѣлось этого такъ безумно... Никогда мнѣ не было такъ трудно смириться. Въ такія минуты, какъ сейчасъ, мнѣ безумно жаль жизни... Я слишкомъ молодъ! слишкомъ мало жилъ!.. Слишкомъ люблю жизнь!.. Я долженъ жить!.. Подумайте, мнѣ двадцать пятый годъ! Я ничего не сдѣлалъ, ничего не оставлю послѣ себя, ни даже нѣжной грусти въ чьей-нибудь душѣ... Я умру весь, и меня забудутъ, сейчасъ же забудутъ... У моей матери есть другой сынъ; у моихъ друзей—другіе друзья; у моей любовницы—другой любовникъ... Всѣ они уже похоронили меня въ своей памяти... Я живу одинъ и умру одинъ... Это ужасно!

Изъ глазъ его текли слезы.

— Это малодушіе... я знаю... Мнѣ стыдно... Мнѣ не слѣдовало признаваться вамъ, какъ мнѣ страшно... Но тѣ, кто говоритъ: „Не страшно“ —лгутъ... Не вѣрьте имъ... Они лгутъ...

— Не дѣлайте усилія надъ собою, Жанъ, плачьте, не стыдитесь меня... Меня это не удивляетъ и не возмущаетъ... Но послушайте, бѣдный ребенокъ: вѣдь ваши страхи призрачны. Вы будете жить, будете счастливы, будете долго-долго наслаж-

даться красотой этого міра; у васъ будутъ друзья лучше прежнихъ; вы встрѣтите женщину, которая васъ полюбитъ... И тогда вспомните этотъ вечеръ и свое безуміе — и улыбнетесь. Жанъ, довольно быть нервнымъ ребенкомъ: будьте мужчиной, который храбро смотритъ въ лицо будущему. Вы будете жить, клянусь вамъ!..

— О, Дениза!.. Еслибъ это была правда! — Я бы не былъ недостоинъ любви... Я ждалъ бы мужественно, терпѣливо, той... той, которая мнѣ нужна, которая, можетъ быть, когда-нибудь полюбитъ меня... Я едва смѣю мечтать о ней... Но я такъ хочу, чтобъ она вложила свою руку въ мою... Я знаю, что это еще невозможно... Такъ! не говорите ничего.—Погодите.—Я не хочу, чтобъ она подарила мнѣ свое сердце, какъ милостыню, эта женщина, которая должна прійти... Но я хотѣлъ бы быть увѣреннымъ, что она придетъ... Скажите мнѣ: вы думаете, она придетъ?

— Да, Жанъ, она придетъ... Но это вы должны заслужить...

— Я заслужу.

— Побѣдите въ себѣ страхъ. Будьте мужественны.

— Буду...

Она властно увлекала его за собой.

— Теперь идемъ. Пора ѣхать. Успокойтесь... Кризисъ прошелъ... Пусть онъ будетъ послѣднимъ.

Она усадила его и сама сѣла рядомъ, но руки ея такъ дрожали, что она едва въ силахъ была держать вожжи. Наконецъ, ея женскіе нервы не выдержали. Она вся задрожала и заплакала.

— О, Дениза! простите!—лепеталъ Жанъ.—Я готовъ цѣловать ваши ноги... О, моя утѣшительница, жизнь моя, мой единственный свѣтъ.

Небесныя розы блѣднѣли; опаловый блескъ въ водѣ погасъ, и звонкій призывъ жабы разбудилъ на небѣ первую звѣздочку.

XII.

Этьеннъ Кайроль не могъ преодолѣть своей тревоги.

Шесть часовъ! А ихъ все нѣтъ и нѣтъ. Что бы это могло значить? Несчастный случай? — Но лошадь надежная и Дениза правитъ чудесно... Жану вдругъ стало худо? Но графиня первымъ дѣломъ послала бы за врачемъ.

Не зная, что думать, онъ взялъ свою шляпу, суковатую палку и пошелъ по направленію къ Монадузу, навстрѣчу дочери и Жану.

Солнечный дискъ, весь огненный, безъ единаго пятнышка, спускался, яркій и четкій, надъ долиной, уже окутанной дымкою паровъ. Погрузившись въ низкіе слои атмосферы, онъ утратилъ чрезмѣрную яркость, слѣпившую глазъ, но косые лучи его еще грѣли деревню, и всѣ предметы какъ-то сразу приняли свой вечерній видъ—выраженіе серьезной, важной сосредоточенности и ожиданія.

Съ перекрестка доносился визгъ пилы, обличавшій присутствіе Шастра, пильщика и обтесывателя досокъ, въ хорошую погоду устраивавшагося со своимъ „инструментомъ“ прямо на улицѣ, напротивъ часовни, куда выносили мертвыхъ. На выступѣ кладбищенской ограды сидѣли слѣпой Фотъ, Бюнепль и старики Бранду, прислонившись къ шаткой рѣшеткѣ.

Кайроль едва не спросилъ ихъ, не видали ли они экипажа? Но Бранду и Бюнепль первые окликнули его, требуя, чтобы онъ, которому все извѣстно, сказалъ бы имъ — правду ли говорятъ, будто кто-то покупаетъ каскады, строитъ отель, и скоро со всей Франціи туристы начнутъ стекаться въ Монадузъ.

Эта новость взволновала доктора. Онъ, въ свою очередь, сталъ разспрашивать, кто же покупаетъ—частный предприниматель или же цѣлая компанія. Вѣдь главныхъ три водопада: Большой Каскадъ, „Капельный“ или Лошадиный Хвостъ, и „Редоль“, вмѣстѣ съ прибрежною землей, принадлежатъ тремъ различнымъ владѣльцамъ. Пейру-сынъ—тотъ охотно продастъ свой участокъ, и стараго Арсейкса, пожалуй, не трудно будетъ убѣдить; но Барбазанъ, племянникъ г. кюрэ, заклятый врагъ всякихъ новшествъ и прогресса, ни за что не продастъ „Редоля“.

— Ну, г-нъ докторъ, это еще вопросъ, — возразилъ Бюнепль.—Деньги—вѣрное дѣло. И потомъ, „Редоль“, при всей его красотѣ, все же третій по счету. Не очень-то онъ доступенъ, полюбоваться имъ вблизи сопряжено почти съ такою же опасностью, какъ и осмотръ четвертаго каскада, того, что плохо виденъ и зимою, когда вода прибываетъ и деревья стоятъ безъ листьевъ. Что же касается „Инферно“, чернаго ледяного провала тамъ, въ самомъ низу, то въ этомъ скверномъ мѣстѣ бываютъ только форели... и утопленники... потому что, вы знаете, мосье Кайроль, силой теченія туда сноситъ сверху все: и падаль, и христіанское тѣло.

— Разъ крестьянинъ изъ Тюлля упалъ съ моста,—добро-

душно вставилъ старикъ Бранду:—онъ всплылъ на поверхность недѣлю спустя, въ черномъ провалѣ. Голова у него была какъ разбитый орѣхъ, а самъ онъ былъ голый, такъ какъ зубья утесовъ изорвали на немъ въ клочья одежду... Мы его вытащили—полевой сторожъ, мэръ и я, принесли сюда, къ часовнѣ... Его похоронили на тюлльскомъ кладбищѣ; родные его дали пятьдесятъ франковъ тѣмъ, кто несъ его тѣло. На мою долю досталось десять франковъ...

— Что же ты съ ними сдѣлалъ?

— Купилъ себѣ шапку на заячьемъ мѣху на Коррезской ярмаркѣ...

Докторъ уже не слушалъ.

Очевидно, толки о его санаторіи обратили на Монадузъ вниманіе невѣдомыхъ капиталистовъ, которые хотятъ эксплоатировать каскады... Почему бы имъ не заинтересоваться его замысломъ, не взять дѣла въ свои руки? Начатыя имъ постройки не совсѣмъ еще утратили цѣну, а тяжбы въ судѣ можно было бы покончить полюбовнымъ соглашеніемъ.

Тѣмъ временемъ пильщикъ Шастръ кончилъ работу. Бюнепль и Бранду, обѣдавшіе спозаранку, пошли домой ужинать; ушелъ и слѣпой, ощупывая землю своимъ посохомъ и затянувъ протяжное заунывное „Adusias“.

Кайроль посмотрѣлъ на часы: половина седьмого!..

Въ воздухѣ уже вѣяло вечерней прохладой и сыростью отъ горнаго потока, когда, наконецъ, изъ-за большого вала на перекресткѣ показался кабріолетъ. Дениза и Жанъ смутились при видѣ доктора и принялись извиняться, но Кайроль только сказалъ:

— Прибавьте ходу. Я иду вслѣдъ за вами.

Они снова сошлись всѣ трое за столомъ, уже накрытымъ къ обѣду. Жанъ, путаясь и сбиваясь, принялся объяснять, почему они такъ запоздали... Молодая дѣвушка боялась выговора, даже вспышки гнѣва, такъ какъ докторъ былъ вспыльчивъ и сдержанностью не отличался. Но Кайроль только сказалъ:

— Я посылаю васъ кататься не для того, чтобы вы любовались солнечными закатами—Денизѣ это извѣстно. Я довѣрилъ ей больного — она за него и отвѣтитъ. Если завтра у Жана будетъ лихорадка, если у него поднимется температура, вина падетъ на Денизу... А если вы еще разъ позволите себѣ подобную неосторожность, я верну экипажъ г-жѣ де-Сенъ-Дюминъ...

Онъ пожалъ плечами.

— Вы оба дѣти, и я напрасно такъ довѣрялъ вамъ. Я это

замѣчаю уже не съ сегодняшняго дня... Нѣтъ, нѣтъ, Фавьеръ, не протестуйте... я сказалъ свое; оставимъ этотъ разговоръ.

Послѣ обѣда молодой человѣкъ ушелъ къ себѣ. Дениза хотѣла-было взяться за шитье, но отецъ остановилъ ее.

— Оставь работу на сегодня. Вечеръ такой теплый. Выйдемъ на террасу. Мнѣ надо потолковать съ тобой.

Она накинула платокъ и вышла вслѣдъ за отцомъ.

Она боялась этого разговора. Но Кайроль, повидимому, вовсе не сердился. Онъ взялъ ее подъ-руку, прошелся съ нею. Въ безмолвіи сердца ихъ успокоились и поняли другъ друга.

— Отецъ, ты уже больше не сердишься?—спросила наконецъ Дениза.—Я знаю, что это было нехорошо съ моей стороны; я это признаю, и мнѣ жаль, что такъ вышло... Въ другой разъ я въ точности исполню твой приказъ; только скажи, что ты ужъ больше на меня не сердишься.

— Сержусь—нѣтъ; безпокоюсь—да.

— За Жана?

— За Жана... и за тебя...

— Отецъ!

— Я уже нѣсколько дней, какъ хочу съ тобой потолковать, моя дѣвочка; но мы теперь никогда не бываемъ одни.

— Ты думаешь, что я тебя забросила, что Жанъ Фавьеръ беретъ у меня много времени, что онъ всегда съ нами...

— Не только съ нами, Дениза—между нами...

Она возмутилась.

— О, папа! неужели же ты ревнуешь къ этому ребенку за то, что я въ дружбѣ съ нимъ? Вѣдь это же ребенокъ... Неужели ты предполагаешь...

— Я не ревную, дочка... и ничего не предполагаю... Полно! успокойся... Что это ты такъ взволновалась? присядемъ вотъ здѣсь, на скамейку... Я знаю твое сердце, малютка, знаю, какъ ты любишь меня, и поэтому совсѣмъ не ревную... Но, повторяю—безпокоюсь, очень безпокоюсь...

Она присѣла возлѣ него на мшистой скамьѣ. Холмы уже потонули во мракѣ. Докторъ чиркнулъ спичкой; зеленоватый зигзагъ прорѣзалъ тьму, и докторская трубка выдѣлилась на ней огненной точкой.

— Дениза, тебѣ никогда не приходило въ голову, что Жанъ Фавьеръ можетъ влюбиться въ тебя?

— О!..

— Не ужасайся!.. Онъ живетъ съ тобой подъ однимъ кровомъ, съ утра до вечера видитъ тебя, восхищается тобой.

— Онъ уважаетъ меня.

— Уваженіе—не помѣха любви. Ты держишься съ нимъ свободно,—можетъ быть даже слишкомъ свободно. Ты забываешь, что ты молода и что онъ не слѣпой.

Дениза сдѣлала надъ собой усиліе и заставила себя отвѣтить спокойно.

— Послушай, отецъ, надѣюсь, это шутка? Вѣдь не думаешь же ты, чтобъ я могла... что я... Я на четыре года старше Жана. И притомъ, онъ боленъ.

— Относительно тебя я ничего не предполагаю. И если говорю тебѣ: „Будь осторожна!"—то только въ интересахъ Жана... Ты—чортъ возьми! ты слишкомъ разсудительна для того, чтобы влюбиться въ сантиментальнаго мальчишку, хотя бы онъ былъ и здоровъ. А ужъ въ больного и подавно—вѣдь я тебя знаю... Но онъ-то, онъ! вѣдь онъ думаетъ, что онъ еще можетъ выздоровѣть, и мы оба поддерживаемъ въ немъ эту иллюзію... Ахъ! этого я не предвидѣлъ, когда оставилъ тебя возлѣ него въ качествѣ сидѣлки, товарища, друга, въ роли старшей сестры...

Дениза вспыхнула. Сердце ея такъ колотилось, что ей было трудно дышать. Кайроль начиналъ раздражаться.

— Что же ты молчишь? Говори, отвѣчай!.. Или въ самомъ дѣлѣ что-нибудь есть?.. Вѣдь ты не станешь мнѣ лгать!

— Я ничего не замѣтила... Жанъ любитъ быть со мной, потому что онъ боится одиночества... Но еслибъ онъ выздоровѣлъ, еслибъ уѣхалъ отсюда, онъ бы скоро забылъ меня.

— Я не увѣренъ въ этомъ.

— А я увѣрена.

— Ты не думаешь, что въ его воображеніи уже создался маленькій романъ?

— Маленькій романъ?—Увы! скажи лучше: большая драма... Временами онъ чутьемъ угадываетъ истину и тогда его одолѣваетъ страхъ. Если онъ ищетъ моего общества, бесѣды со мной, то лишь затѣмъ, чтобы не оставаться одному съ своими мыслями... Ни больше, ни меньше!

— Ты, быть можетъ, и права. Ахъ, дѣвочка моя, какъ бы я хотѣлъ, чтобы ты не ошиблась!.. Потому что это было бы большимъ несчастьемъ и для насъ, и для Жана, если бы онъ влюбился въ тебя... Но, случись это, я не задумался бы...

— Что бы ты сдѣлалъ?

— Удалилъ бы его отсюда... помѣстилъ бы въ санаторію... Вѣдь, все равно, не можетъ же онъ жить у насъ вѣчно...

— А если бъ онъ не захотѣлъ переѣхать въ санаторію?

— Я сказалъ бы ему: „Другъ мой, я сдѣлалъ для васъ, что могъ. Теперь вы вольны дѣлать съ собой что хотите“.

— Это жестоко.

— Я не сталъ бы поощрять, хотя бы молчаніемъ, фантазію, мечту... самая мысль о которой возмущаетъ меня. Держать у себя въ домѣ чахоточнаго, умирающаго, который докучалъ бы тебѣ своей любовью... еще, чего добраго, смутилъ бы твою душу: слуга покорный! И если бы Фавьеръ не захотѣлъ понять, если бъ я замѣтилъ, что тебя трогаетъ его любовь, я объяснился бы на чистоту.

— То-есть? Сказалъ бы ему, что онъ безнадеженъ?

— Сказалъ бы.

Денизѣ представилось блѣдное лицо Жана, измученное, постарѣвшее, залитое слезами. Въ ушахъ ея прозвучалъ его крикъ: „мнѣ жутко!“—и въ душѣ ея родилась странная потребность защитить его, хотя бы для этого пришлось пойти наперекоръ отцу.

— Тебѣ не придется проявить такую жестокость. Оставь свои тревоги. Если Жанъ и любитъ какую-нибудь женщину, то прежнюю свою подругу... ты помнишь, дядя разсказывалъ о ней. Эту... Жюльетту...

— Откуда ты знаешь? Онъ тебѣ признался?

— Иногда онъ зоветъ ее... во снѣ...

Она лгала только наполовину, но все же лгала, съ истинно женской находчивостью. И ей больно было произнести имя этой Жюльетты, которая сыграла такую грустную роль въ жизни Жана и до сихъ поръ еще являлась ему иногда въ сновидѣніяхъ.

— Да, въ такомъ случаѣ, другое дѣло,—сказалъ докторъ.— Лучше ужъ это.

Онъ снова раскурилъ погасавшую трубку. Дочь прижалась къ нему, и порой онъ чувствовалъ на своей щекѣ живой и ароматный шелкъ ея невидимыхъ кудрей.

Дениза вдругъ спросила:

— Отецъ, такъ ты дѣйствительно увѣренъ, что Жанъ Фавьеръ не можетъ выздоровѣть?

— Увѣренъ! Увѣренъ!.. Развѣ можно быть въ чемъ-нибудь увѣреннымъ?.. Я могу только сказать: одинъ шансъ на сто за выздоровленіе...

— Однако, онъ поправляется!

— Съ виду...

— Тссъ! не забудь, что мы сидимъ какъ разъ подъ его окномъ.

Докторъ понизилъ голосъ.

— Съ виду — да, онъ поправляется, но, повторяю тебѣ, у такихъ нервныхъ субъектовъ часто бываютъ такія кажущіяся поправки. У нихъ надо всѣмъ господствуетъ воображеніе. Какъ только онъ перестаетъ страдать, Жанъ уже воображаетъ, что онъ выздоровѣлъ—и сейчасъ же, подъ вліяніемъ улучшеннаго настроенія, ему становится на самомъ дѣлѣ лучше.

— Но вѣдь не все же здѣсь воображеніе, — возразила молодая дѣвушка, видимо плохо убѣжденная.—Вѣдь онъ же прибавляется въ вѣсѣ и кривая температуры...

— Ты посмотри на нее завтра, Низя, ты увидишь, что значитъ въ такихъ случаяхъ маленькая неосторожность... Ну да! за эти четыре мѣсяца строгій режимъ и наше моральное воздѣйствіе, самое благотворное, до извѣстной степени вернули силы Жану Фавьеру... Мы ему таки прибавили жизни. Быть можетъ, если бы онъ поучился слѣдить за собою, дисциплинировать себя, — быть можетъ, намъ бы и удалось спасти его, если бы онъ не опоздалъ пріѣхать въ Монадузъ... по крайней мѣрѣ на два года.—Припомни: какихъ только способовъ леченія онъ ни испробовалъ—пилюли, сыворотки, всякое шарлатанство!—Вѣдь это же страшно разрушаетъ организмъ. Я въ ужасъ пришелъ, когда изслѣдовалъ его... Увы! всѣ наши заботы, всѣ рессурсы, которыми располагаетъ медицина, не могутъ возстановить легкихъ, когда они на три четверти сгнили... Не создавай себѣ иллюзій, Низя. Жизнь Жана — это факелъ, который горитъ подъ открытымъ небомъ... Пока нѣтъ вѣтра, пламя колеблется, но горитъ. Но стоитъ подуть вѣтру...

Дениза не отвѣтила. Отцу и дочери представилась одна и та же мрачная картина.

— Но если ты не ошибаешься,—наконецъ выговорила она,— если онъ долженъ умереть (голосъ ея дрогнулъ на этомъ словѣ), что же мы можемъ сдѣлать для него?

— Ничего, дитя мое, или почти ничего—то, что мы и дѣлаемъ: успокоивать физическую боль, отгонять страхи воображенія, поддерживать надежду до послѣдняго вздоха.

— Это немного.

— Что же можетъ сдѣлать большаго человѣческое провидѣніе?

— Лжетъ оно, твое „человѣческое провидѣніе"!

— Божественное провидѣніе также ошибалось.

— Тогда не стоило и мѣнять одно на другое!

Докторъ возмутился.

— Дениза! ты ли говоришь это—ты, интеллигентная женщина, ты, любящая истину! Человѣческое провидѣніе лжетъ лишь поневолѣ, и это временная ложь: настанетъ пора, когда люди будутъ видѣть въ смерти такую же роковую неизбѣжность, какъ и все прочее въ ихъ существованіи—и *только*. Идея смерти освободится отъ всѣхъ дополнительныхъ аксессуаровъ, дѣлающихъ ее омерзительною... Когда призракъ загробной жизни будетъ сданъ въ архивъ, человѣкъ смирится и охотнѣе будетъ погружаться въ ничто...

— Ты думаешь, отецъ?.. Ты думаешь, что это утѣшеніе говорить себѣ: моя смерть входитъ въ планы бытія вселенной; она—результатъ мнѣ непонятныхъ законовъ?

— Ну да, это утѣшеніе...

— По-твоему, это могло бы утѣшить Жана Фавьера?

— Его — нѣтъ... Потому мы и принуждены лгать Жану Фавьеру. Но впослѣдствіи люди научатся спокойно выслушивать правду.

— Черезъ сколько вѣковъ?

— Нѣкоторые уже научились. Ну, взять хотя бы меня, Дениза—ты думаешь, я боюсь смерти? Вся моя жизнь уходитъ на борьбу съ нею. Я сталкиваюсь съ нею ежедневно, во всѣхъ ея видахъ, и нерѣдко заставляю ее отступить... И, отстраняя ее, я въ то же время пріучаюсь смотрѣть ей въ лицо безъ напраснаго страха. Когда она позоветъ меня, я не стану бунтовать... Я внесъ свою лепту въ чудесное дѣло міра. Мои дѣянія, мои мысли будутъ жить; мои усилія не пропали даромъ. Ты, дорогая моя, будешь моимъ продолженіемъ среди людей. Частицы моего „я“ будутъ жить въ орѣшникахъ на кладбищѣ, и въ землѣ, въ водѣ, въ самомъ воздухѣ этой страны, которую я такъ любилъ!..

Онъ остановился, чтобы перевести духъ, и чиркнулъ спичкой. На мигъ освѣтилось мужественное лицо, съ галльскими усами, съ яркимъ румянцемъ на щекахъ — и снова въ темнотѣ блестѣлъ лишь красноватый огонекъ сигары.

Кайроль продолжалъ говорить. Въ эту тихую ночь, подъ темнымъ и сверкающимъ звѣздами небомъ, ему мнилось, что онъ слышитъ трепетъ жизни вселенной, приливъ могучаго океана, въ которомъ каждая отдѣльная волна на мигъ всплываетъ на поверхность и снова падаетъ, смѣшиваясь съ другими. Онъ говорилъ о человѣчествѣ, состоящемъ изъ несчетныхъ мертвецовъ, и о живыхъ, которыми управляютъ мертвые. И дочь чувствовала, что въ душѣ у него больше, чѣмъ примиреніе: что онъ спокоенъ.

Ей вспоминались прежнія ихъ бесѣды, когда она только-что вышла изъ монастыря. И она подъ его вліяніемъ проникласъ ясностью духа тѣхъ, кто уже не ищетъ и не вздыхаетъ. У нея прошла охота устремлять взоры къ непознаваемому, за предѣлы знакомаго будничнаго горизонта. Но въ этотъ вечеръ, передъ перспективой неотвратимой гибели существа, уже слишкомъ ей дорогого, ея женское сердце возмущалось и умомъ снова овладѣвала метафизическая тревога.

Ее волновали воспоминанія: въ обители урсулинокъ умерла одна монахиня, отъ рака; она мучилась жестоко, ея агонія длилась цѣлый день, но эта агонія была поэмой любви и надежды, и когда смерть наконецъ прекратила ея муки, по лицу ея разлилось выраженіе необычайнаго, блаженнаго спокойствія. Лишь только смерклось, ангелъ смерти сорвалъ ее, какъ лилію. И сестры-монахини не плакали, а завидовали этой мучительной и блаженной кончинѣ.

— *Этой* никто не лгалъ, никто не скрывалъ отъ нея, что она должна умереть.

Правда, бываетъ, что и атеисты умираютъ необычайно мужественно, а христіане низко трусятъ, идя къ своему Богу. Но сколько умирающихъ были утѣшены остаткомъ надежды, неожиданнымъ возвратомъ вѣры въ загробную жизнь!

Денизѣ вспомнилась рождественская проповѣдь. Тогда она улыбалась ея наивности. Аббатъ Барбазэнъ одной фразой резюмировалъ сложную проблему, которую напрасно силятся разрѣшить ученые и руководители народовъ:

„Человѣкъ не легко мирится съ несправедливостью и зломъ, съ тѣмъ, что у него умираютъ близкіе и что самъ онъ умираетъ, не зная, зачѣмъ... Братья мои, кто замѣнитъ вамъ Христа?"

Кайроль вдругъ спросилъ:

— Тебѣ не холодно?

— Нѣтъ... Мнѣ хорошо.

Она раскрыла глаза. Надъ головой ея, на лицевомъ фасадѣ, сквозь притворенныя ставни пробивалась узенькая полоска свѣта. Въ комнатѣ Жана, за свѣтлой полотняной шторой, горѣлъ ночникъ, не яркій, не блестящій, какъ затаенная нѣжность, неизмѣнно ровная...

Выше надвигался темный выступъ горы, а еще выше было небо, головокружительно высокое, темно-синяя бездна, усѣянная перламутровой пылью млечнаго пути и геометрически правильными фигурами созвѣздій. Среди этихъ созвѣздій были просвѣты, которые казались пустыми; но взоръ Денизы, впиряясь въ нихъ,

замѣчалъ, что и тамъ какъ бы копошились атомы созвѣздій, разсыпанныя сѣмена будущихъ солнцъ.

Сколько звѣздъ высыпало на небѣ! И какъ близки онѣ кажутся въ такія ночи, эти огромныя планеты въ ослѣпительныхъ одеждахъ съ огненными поясами, вѣчно кружащіяся въ хороводѣ съ неизмѣннымъ ритмомъ — какъ близки онѣ кажутся жителямъ крохотной земли, вотъ такъ, сжатыя на небольшомъ пространствѣ, какъ цвѣты въ саду или какъ дѣти одного народа!.. Развѣ онѣ не сестры намъ, развѣ онѣ не воодушевлены одними съ нами чувствами? И то, что зовется притяженіемъ свѣтилъ—не есть ли устремленіе и согласованіе непостижимыхъ взаимныхъ симпатій?.. Нѣкогда люди, охотившіеся на медвѣдя и зубра въ первобытныхъ лѣсахъ, на склонахъ не вполнѣ еще погасшихъ вулкановъ, а позже — пастухи-колдуны, не даромъ вѣрили, что существуетъ таинственная связь между звѣздами и человѣческими душами. Первый астрологъ родился раньше перваго жреца: въ былое время жизнью каждаго человѣка управляла особая звѣзда... Когда же на небѣ явился Богъ, небосводъ заблисталъ любовью, какъ искрящееся море, вѣщая о славѣ Творца. Бѣлые рои освобожденныхъ душъ поднялись въ безконечность, гдѣ молитва смиреннѣйшаго изъ людей сливалась съ хоромъ планетъ. Человѣкъ, мыслящее и чувствующее существо, уже не былъ одинъ во вселенной.

Но пришло иное время, когда человѣкъ измѣрилъ часть безконечности, доступную его взору, далъ названія звѣздамъ, вычислилъ съ математическою точностью колоссальныя разстоянія между ними. И нынѣ онѣ уже не сестры нашихъ душъ, а рабыни, подвластныя закону, обреченныя на разрушеніе, безчисленныя и въ то же время одинокія. Въ небѣ ужъ не чувствуется Богъ; онъ разсѣялся, какъ призракъ, и мучительный вопль человѣка падаетъ безъ отклика, безъ отвѣта въ бездну безмолвія.

Дениза чуетъ равнодушіе природы тамъ, гдѣ отецъ ея чуялъ умиленный трепетъ жизни. Холодъ смерти леденитъ ее до мозга костей. Ея глаза, отвращая взоръ отъ неба, приковываются къ узкой полоскѣ свѣта между ставнями—скромному символу человѣческой нѣжности.

XIII.

На другое утро, за завтракомъ, снова соединившимъ всѣхъ троихъ, Кайроль зорко слѣдилъ за Денизой и Жаномъ. У Жана были блѣдныя щеки, блестящіе глаза, слишкомъ порывистые

жесты, лихорадочная веселость, прерываемая долгими паузами; но это былъ его обычный видъ и настроеніе. Въ разговорѣ онъ чаще обращался къ отцу, чѣмъ къ дочери; но онъ и всегда былъ съ докторомъ особенно деликатенъ и почтителенъ. Кайроль пришелъ къ выводу, что любовь Жана, если она и существовала, была скорѣй сердечной склонностью, мимолетнымъ увлеченіемъ, чѣмъ сознательной страстью, у которой есть и надежды, и желанія, и планы.

— Сударь, — сказала Фортунада, подавая кофе, — тамъ къ вамъ пришли больные; дожидаются.

День былъ базарный; съ утра пріемная Кайроля была полна крестьянами изъ окрестныхъ деревень, пріѣхавшими на базаръ, а заодно и посовѣтоваться къ доктору.

— Иду — сказалъ Кайроль. — Вотъ ремесло! Никогда не имѣешь покоя. Давеча ночью мнѣ пришлось вправить сломанную руку, перевязать бабу, обварившуюся кипяткомъ, и присутствовать при родахъ. И все это между двѣнадцатью ночи и пятью утра, въ трехъ деревняхъ... Хоть бы конкуррентъ у меня тутъ завелся, что ли!..

Жанъ Фавьеръ улыбнулся.

— Я не прочь изучить медицину. А потомъ вы меня возьмите—не въ конкурренты, а въ помощники. Хотите?

— Эта работа не по васъ, милѣйшій другъ.

— Въ настоящее время—да. Я самъ еще слишкомъ слабъ, чтобы лечить другихъ. Но потомъ, когда я буду совсѣмъ здоровъ...

— У васъ нѣтъ призванія.

— Почему вы знаете, докторъ? Духъ дышитъ, гдѣ хочетъ, и вотъ примѣръ.

— Ба! у васъ слишкомъ много воображенія. Въ моей жизни и въ моемъ ремеслѣ вы видите только живописную, романическую сторону; но есть вѣдь и другая сторона, грубая и грязная, которая скоро оттолкнула бы васъ... Вотъ ужъ не могу себѣ представить васъ деревенскимъ докторомъ, въ толстыхъ сапогахъ и кожаной курткѣ, ночью, зимой, разъѣзжающаго по размытымъ, невозможнымъ дорогамъ, выслушивающаго заскорузлыхъ отъ грязи больныхъ въ ихъ грязныхъ и смрадныхъ постеляхъ.

Голосъ доктора звучалъ сердито, ворчливо. Жанъ прикусилъ губы и не сразу отвѣтилъ. Наконецъ, сказалъ:

— Вы не принимаете меня въ-серьезъ, докторъ. Вы думаете, что я такъ-таки ужъ ни на что не гожусь. Вотъ въ чемъ дѣло.

— Какъ вы все преувеличиваете!

— Нѣтъ, нѣтъ... Дядя изобразилъ меня вамъ балованнымъ ребенкомъ... или неудачникомъ. Я самъ хорошо знаю, чего мнѣ не хватаетъ; но дайте мнѣ сначала выздоровѣть, а затѣмъ подождите нѣсколько лѣтъ—и вы увидите. Балованный ребенокъ скоро превратится въ мужчину... Я не имѣлъ въ виду обидѣть васъ, говоря, что вашъ примѣръ заставилъ меня задуматься надъ тѣмъ, чѣмъ могла бы быть моя жизнь... Позвольте сказать прямо: я восхищаюсь вами и вижу васъ счастливымъ. И мнѣ пришло въ голову, что я могъ бы, со временемъ, пойти вашимъ путемъ...

— Съ чего вы взяли, что я обидѣлся, — сказалъ Кайроль, уже раскаявшійся въ своей рѣзкости.—Я, конечно, очень тронутъ... но я сомнѣваюсь, чтобы на практикѣ... Иду, иду, Фортунада. Скажи, что я сейчасъ иду.

Онъ отворилъ дверь въ сосѣднюю комнату.

— Здорово, братцы!.. Ну, что? какъ дѣла? Надѣюсь, ничего серьезнаго?.. Сейчасъ увидимъ.

Нѣсколько тягучихъ, гнусавыхъ голосовъ хоромъ привѣтствовали Кайроля.

— Будьте здоровы, господинъ докторъ.

На скамьѣ въ передней сидѣло человѣкъ шесть крестьянъ, съ корзинами между ногъ и съ палками въ рукахъ. Одинъ изъ нихъ, съ грязными окровавленными перевязками на головѣ и въ мѣховой шапкѣ, всталъ первый и пошелъ за докторомъ. Остальные немного раздвинулись; одинъ старичокъ пересѣлъ на конецъ скамьи. Лицо у него было какъ-будто деревянное, раскрашенное, какъ у деревенскихъ святыхъ; борода, больше похожая на мохъ, начиналась подъ бритымъ подбородкомъ и доходила до золотыхъ колецъ въ ушахъ.

Фортунада, убиравшая со стола, проходя мимо, сказала ему:

— Однако, вы не стѣсняетесь, дядюшка Гаргалу. Вы что думаете—дерево на скамейкѣ отраститъ заново, что ли?

Старикъ какъ будто не разслышалъ. Онъ держалъ въ опущенной рукѣ полуоткрытый ножъ и что-то такое украдкой строгалъ, стараясь дѣлать это незамѣтно.

Дверь затворилась.

— Курьезная вещь,—сказала Дениза.—Гаргалу всякій разъ, какъ онъ придетъ къ моему отцу, непремѣнно отстругнетъ уголокъ отъ скамейки, или отвинтитъ шишечку отъ кресла, или отрѣжетъ кусочекъ бахромы отъ занавѣски. Онъ увѣренъ, что вся наша мебель „заговоренная“ и что въ ней тоже есть цѣлебная сила.

Жанъ не отвѣтилъ. Онъ сидѣлъ у окна и смотрѣлъ въ садъ, гдѣ старуха Франсунетта наливала воду въ лохани, приготовляясь къ стиркѣ.

Дениза поняла, что слова доктора задѣли его за живое.

„Отецъ ревнуетъ"—подумала она, и сердце ея сжалось...

Она, всегда преклонявшаяся передъ отцомъ и всецѣло довѣрявшая ему, осмѣливалась теперь, хотя и робко, порицать его. Она находила, что докторъ слишкомъ подозрителенъ, немного несправедливъ и очень жестокъ. Медленно она подошла къ Жану Фавьеру, стала за спинкой его кресла и шепнула:

— Ну, полно!.. Не сердитесь... Отецъ не хотѣлъ васъ огорчить. Онъ раздражителенъ, и это для меня въ немъ ново... Но онъ такъ любитъ васъ.

Въ передней застучали деревянные сабо; дважды хлопнула, отворяясь и затворяясь, входная дверь, и голосъ Кайроля крикнулъ:

— Теперь вы пожалуйте, Леонассу.

Жанъ приподнялъ уголокъ занавѣски. Открылся садъ, весь залитый солнцемъ, съ розовыми кустами, у которыхъ вѣтки были совсѣмъ красныя, съ сиренью, уже выпустившей тысячи мелкихъ коготковъ-листочковъ, съ капустными грядками, на которыхъ уже зеленѣла разсада, съ бесѣдкой, обвитой виноградомъ, скрученнымъ, чернымъ и какъ будто мертвымъ. Фортунада и Франсунетта, подобравъ юбки, такъ что видны были грубые синіе чулки, таскали ведрами воду. Голубь камнемъ палъ на землю возлѣ самаго дома. Лапки у него были пурпуровыя, какъ бутонъ розъ, а спина переливалась всѣми цвѣтами, какъ мокрая черепица, когда солнышко свѣтитъ сквозь дождикъ.

Жанъ опустилъ занавѣску. Столовая вся была полна бѣлымъ свѣтомъ, какой-то размѣренной, теплой тишиной; часы тикали мѣрно, какъ здоровое, спокойное сердце. Кисея занавѣски прильнула къ стеклу, совершенно изолировавъ Денизу и Жана. Молодой человѣкъ закинулъ голову назадъ и поднялъ обѣ руки; онѣ встрѣтились съ руками Денизы, лежавшими на спинкѣ кресла, и поднятые кверху глаза Жана встрѣтились съ глазами Денизы, которая говорила и вдругъ смолкла...

Они смотрѣли другъ на друга: онъ—взоромъ, полнымъ обожанія, она—взоромъ, полнымъ мольбы... Ея глаза были какъ вечернее небо, зеленовато-сѣрое, грустное и нѣжное. Щеки ея были блѣдны; вся кровь отхлынула къ сердцу. Губы были крѣпко сжаты, словно скованныя печатью тайны. Волосы будто свѣтлымъ вѣнчикомъ обрамляли лобъ.

Она смотрѣла на Жана, готовая склониться надъ нимъ съ цѣломудренной лаской. Смотрѣла на прозрачные виски съ сѣтью голубенькихъ жилокъ, на благородныя очертанія лба, тонкія брови и уже рѣдѣющіе шелковистые волосы, на чистыя линіи носа съ будто восковыми ноздрями, на усталыя измятыя вѣки и темные круги подъ глазами, въ глаза, черные, томные и тоскующіе, какъ у животнаго. И ей казалось, что она читаетъ въ нихъ вопросъ и укоръ. Она видѣла, сколько опустошеній уже произвела болѣзнь на этомъ юношескомъ лицѣ: впалость щекъ, выдавшіяся скулы, поблекшую кожу, запекшіяся губы, къ которымъ никогда уже не прильнутъ съ поцѣлуемъ женскія уста. Вѣрная добыча смерти, глина, которая скоро утратитъ человѣческій обликъ, тлѣнъ и прахъ, который скоро опустятъ въ могилу!.. Но вѣдь пока это былъ еще живой человѣкъ, это былъ Жанъ, съ его мыслями, желаніями, съ его любовью... И глаза Жана смотрѣли на нее, загораясь радостью и восторгомъ, начиная сіять, какъ солнце изъ-за тучъ, все ярче и ярче. Горячая, сладостная ласка этихъ глазъ грѣла лицо Денизы, слѣпила ей очи, проникала въ самую душу...

За дверью слышались голоса, шаги. Голубь тяжело поднялся съ земли и загребалъ крыльями въ воздухѣ, прежде чѣмъ взвиться и парить... Ни одного слова. Ни одного жеста. А между тѣмъ все было сказано.

Взглядъ Жана говорилъ: „Вѣдь это тебя я люблю... ты же знаешь“. И взглядъ Денизы отвѣчалъ: „Я знаю“.

Ничего больше. Жанъ отъ избытка счастья закрылъ глаза. Дениза отвела руки и вышла, вся дрожа, какъ будто она совершила преступленіе.

Перев. съ франц. З. Журавская.

(Окончаніе слѣдуетъ.)

ТАЙНА
ФРЕДЕРИКА МАРСИНЕЛЯ

Разсказъ Жюля Детре.

I.

Очевидно у Фредерика Марсинеля была тайна. Вся его жизнь измѣнилась и никто не могъ бы указать причины этой перемѣны. Никто, даже его старый другъ, предсѣдатель суда Луврье, съ которымъ Фредерикъ Марсинель такъ часто, послѣ засѣданій, велъ откровенныя бесѣды...

Марсинель былъ однимъ изъ старѣйшихъ жандармовъ страны. Поступивъ на службу двадцати пяти лѣтъ отъ роду, онъ терпѣливо, послушно обучался своему трудному дѣлу и выдержалъ всѣ установленныя испытанія. Черезъ четыре года онъ получилъ нашивку, черезъ восемь лѣтъ—двѣ, послѣ десяти лѣтъ службы—орденъ. Онъ былъ назначенъ кандидатомъ въ бригадиры, затѣмъ бригадиромъ. Онъ показывалъ свою форму и свою мощную осанку въ различныхъ округахъ страны.

Сынъ Арденскаго земледѣльца, посланный очень рано въ городскую школу, онъ сохранилъ, изучая чтеніе и письмо, страстное влеченіе къ лѣсамъ и къ животнымъ. Вся обстановка, гдѣ протекло его дѣтство—холмы, покрытые чудеснымъ лѣсомъ, океанъ волнующейся зелени, ширь и уединеніе, тишина подъ тѣнью могучихъ дубовъ, таинственная жизнь, скрывающаяся подъ ихъ вѣтвями, дороги, идущія, точно сѣрыя ленты, отъ одной деревни, отъ одной фермы къ другой,—часто занимали его мысли.

Лѣтомъ въ казармѣ встаютъ въ пять часовъ. Когда Марсинель, вмѣстѣ съ товарищемъ, пускался въ путь, лошади шли шагомъ среди утренней свѣжести. Они проѣзжали по еще спавшимъ деревнямъ. Птицы щебетали въ кустахъ. Лѣсъ былъ наполненъ нѣжнымъ ароматомъ земли и зелени. Лошади, казалось, какъ и ихъ всадники, принимали участіе въ этой окружающей радости. По замедленію шага, по едва уловимымъ движеніямъ можно было понять, что онѣ узнавали мѣста, гдѣ останавливались всадники, чтобы освѣжиться. Марсинель по отношенію ко всѣмъ смутнымъ порывамъ своей лошади обнаруживалъ удивительное пониманіе и предупредительность. Онъ любилъ животное, угадывалъ предметъ его неясныхъ заботъ и радовался, когда могъ доставить ему удовольствіе. Большими горестями профессіональной жизни Марсинеля были болѣзни и смерть лошадей, которыхъ онъ воспитывалъ, училъ спокойствію, сохраняемому этими благородными животными въ толпѣ.

Когда Марсинель былъ посланъ въ городъ, гдѣ происходитъ дѣйствіе нашего разсказа, онъ встрѣтилъ тамъ судью Луврье. Случайный разговоръ открылъ ему, что они происходятъ изъ довольно близкихъ одна отъ другой арденскихъ деревень и связаны любовью къ природѣ и чувствомъ уваженія къ власти. Это сблизило ихъ сразу, и когда дѣловыя отношенія позволили судьѣ оцѣнить драгоцѣнныя качества жандарма, его благоволеніе получило оттѣнокъ уваженія и обратилось незамѣтно въ настоящую дружбу. Марсинель мало-по-малу занялъ привилегированное положеніе. Его начальники, сперва по оффиціальной просьбѣ прокурора или судебнаго слѣдователя, затѣмъ безъ спеціальной рекомендаціи давали ему щекотливыя порученія, оставляли за нимъ все, что могло приблизить его къ магистратурѣ. Постоянно находясь въ общеніи съ жизнью суда, Марсинель сдѣлался, казалось, необходимымъ для нормальнаго теченія дѣлъ: онъ внушалъ страхъ молодымъ адвокатамъ, снисходительно давалъ совѣты молодымъ чиновникамъ, находившимся въ затрудненіи. Всѣ знали, что ему обезпечено высокое покровительство предсѣдателя Луврье.

Насколько жандармъ былъ необыкновененъ, настолько судья былъ баналенъ. Въ Луврье профессіональные навыки мало-по-малу заглушили нормальную человѣчность. У него были честныя намѣренія, но его разумъ былъ ограниченъ и парализованъ совокупностью готовыхъ идей, правильность которыхъ онъ не хотѣлъ провѣрить. Въ обыденной жизни онъ выказывалъ доброе сердце; но онъ считалъ бы, что измѣнилъ полномочію, дарованному ему властью, еслибы допустилъ въ судебной дѣя-

тельности малѣйшее послабленіе. Онъ съ какимъ-то религіознымъ чувствомъ относился къ закону, и когда изъ фактовъ ему удавалось извлечь рѣшеніе, хотя бы и очевидно противное справедливости, но согласное, какъ ему казалось, съ текстомъ закона и авторитетными толкованіями, онъ не колеблясь останавливался на немъ. Когда онъ удовлетворялъ явно недобросовѣстное требованіе, онъ не чувствовалъ ни заботы, ни угрызеній совѣсти; онъ даже не подозрѣвалъ, что узаконяетъ несправедливость. Невинность привлеченнаго къ суду казалась ему чѣмъ-то неправдоподобнымъ; свидѣтели обвиненія являлись для него непогрѣшимыми, свидѣтели защиты — подозрительными и сговорившимися между собою; агенты власти не могли, по его мнѣнію, ни ошибаться, ни лгать. Онъ не могъ допустить, чтобы полицейскій комиссаръ неточно передалъ сдѣланное ему заявленіе. Никогда онъ не осмѣлился бы оправдать, когда фактъ былъ установленъ. Привыкнувъ къ рабскому исполненію закона, онъ не допускалъ, чтобы установленная кара могла быть смягчена. Всякое нововведеніе казалось ему пагубнымъ. Онъ былъ глубоко честенъ и безпристрастенъ, никто цѣною золота не могъ бы купить его совѣсть; но достаточно было быть съ нимъ однихъ политическихъ убѣжденій, чтобы пользоваться его симпатіей. Онъ допускалъ умѣренную оппозицію правительству, но тѣхъ, кто мечталъ о лучшемъ устройствѣ общества и говорилъ о радикальныхъ реформахъ, онъ считалъ опасными людьми и по отношенію къ нимъ находилъ законными самыя суровыя мѣры.

Въ его расположеніи къ Марсинелю чувствовалась не только личная симпатія, но и любовь къ жандарму, поскольку онъ является живымъ и блестящимъ символомъ существующаго порядка. Ему не нравилось только, что Марсинель былъ очень мало религіозенъ. Онъ тщетно пытался указать ему дорогу въ церковь и объяснить ему преимущества благочестія; въ отвѣтъ на эти указанія онъ всегда встрѣчалъ вѣжливые, но рѣшительные отказы.

Но вдругъ онъ узналъ, что Фредерика Марсинеля видѣли въ церкви. Что̀ это означало? Къ тому же онъ сталъ замѣчать, что Фредерикъ уклоняется отъ бесѣды съ нимъ, точно спѣшитъ уйти, мучимый какой-то скрываемой мыслью. Въ нѣсколькихъ дѣлахъ, разбиравшихся за послѣднее время, жандармъ выказалъ снисходительность, граничившую съ слабостью, поколебался подтвердить оскорбленія, занесенныя въ протоколъ. Что̀ происходило въ его душѣ?

Судья подумалъ, что Марсинель боленъ. Онъ обѣщалъ себѣ

разъяснить этотъ вопросъ при первой же встрѣчѣ. Но когда онъ увидѣлъ прямую и гордую осанку жандарма, столь мужественнаго несмотря на годы, онъ долженъ былъ признать, что никогда его другъ не былъ такимъ здоровымъ. Однако, лицо жандарма было непривычно серьезнымъ. Нѣсколько вопросовъ, которые предложилъ ему судья, были обойдены съ большой вѣжливостью. Рѣшительно, у Марсинеля была тайна...

Въ судѣ разнесся слухъ о предстоящей отставкѣ Марсинеля. Предсѣдатель пересталъ понимать что-либо. Однажды, послѣ длиннаго засѣданія, протянувшагося за полдень, онъ сдѣлалъ знакъ Фредерику, что хочетъ поговорить съ нимъ. Наскоро снявъ, среди тишины опустѣвшаго суда, свою мантію и собравъ бумаги, Луврье спустился по лѣстницѣ и подошелъ къ жандарму, который ждалъ его.

Они шли нѣкоторое время молча. Былъ сѣрый осенній день; казалось, печаль витала надъ городомъ. Предсѣдатель не зналъ, какъ начать бесѣду; онъ остановился наконецъ на одномъ способѣ, который показался ему шутливымъ.

— Ну-съ, Фредерикъ, что̀ это значитъ? Говорятъ, ты становишься святошей?

— Ахъ! господинъ предсѣдатель—отвѣчалъ смущенный Марсинель,—и вы... вы говорите мнѣ это?

— Извини меня, мой другъ; я хотѣлъ пошутить. Я вижу, что это неумѣстно. Но объяснишь ли ты мнѣ происшедшую въ тебѣ перемѣну? И правда ли, что ты выходишь въ отставку? Это причинило бы мнѣ большое горе.

— Правда, господинъ Луврье. Правда, что я теперь сталъ вѣрующимъ. Правда также, что я хочу скоро васъ покинуть.

— Но почему? Что̀ случилось, Фредерикъ?

— Я долженъ былъ бы раньше сказать вамъ объ этомъ, господинъ предсѣдатель. Но дружба, которую вы всегда высказывали мнѣ, помѣшала мнѣ сдѣлать это. Я такъ боялся оскорбить, рассердить васъ. Къ тому же я опасался, что не смогу дать вамъ понять происшедшее въ моей душѣ. Но если вы такъ добры, что спрашиваете меня, то я хочу вамъ отвѣтить. Я не могу порвать связь между нашими сердцами, созданную воспоминаніями столькихъ лѣтъ, не показавъ вамъ моей души. Я не ожидаю, чтобы вы согласились со мной. Но надо, чтобы вы все знали: можетъ быть, это единственная услуга, которую еще можетъ оказать вамъ моя преданность, хотя и съ рискомъ вамъ не угодить... Идите за мной!

Слова жандарма показались предсѣдателю загадочными и

немного дерзкими, но онъ позволилъ вести себя по улицамъ, ничего не спрашивая. Сѣрый туманъ спускался на землю; прохожіе имѣли видъ призраковъ. Луврье и Марсинель остановились въ бѣдномъ кварталѣ, передъ грязнымъ домомъ, стѣны котораго были изъѣдены плѣсенью, а запачканныя окна, безъ шторъ и занавѣсокъ, напоминали выколотые глаза. Безчисленная куча дѣтей толпилась, играла, ссорилась, кричала на тротуарѣ, въ коридорахъ и на лѣстницахъ. Марсинель вошелъ, со словами:

— Это здѣсь наверху.

Отвратительный запахъ нищеты заставилъ предсѣдателя остановиться на одну минуту; но онъ послѣдовалъ за своимъ товарищемъ.

Въ пятомъ этажѣ они постучались. Не послѣдовало никакого отвѣта. Марсинель отворилъ дверь, сдѣлалъ нѣсколько шаговъ въ темнотѣ и прошепталъ:

— Еще хуже, чѣмъ я ожидалъ.

Прошло нѣкоторое время, прежде чѣмъ Луврье отдалъ себѣ отчетъ въ томъ зрѣлищѣ, на которое его пригласили.

Комната была освѣщена слуховымъ окномъ, пробитымъ въ крышѣ; одно разбитое стекло было замѣнено старой газетой. Въ зараженномъ воздухѣ чувствовался запахъ отъ испражненій, алкоголя, гніенія...

Никакой мебели: два соломенныхъ матраца, брошенные въ углу, разорванные мѣстами; разбитая посуда... Посреди комнаты лежали женщина въ обморокѣ, у которой лобъ былъ въ крови, и мужчина, мертвецки пьяный, потрясаемый судорожной икотой. Взоры, въ концѣ-концовъ, замѣчали прижавшихся въ углу двухъ дѣтей, истощенныхъ и оборванныхъ, смотрѣвшихъ безмолвно, съ ужасомъ, на своихъ распростертыхъ родителей и на двухъ вошедшихъ. Когда они узнали жандарма, они ухватились за его мундиръ съ мольбой и рыданіями. Мать послала ихъ нищенствовать и побила ихъ, потому что они не принесли достаточно денегъ, а отецъ какъ разъ въ это время вернулся злой и избилъ жену. Сосѣди подтвердили этотъ разсказъ, прибавляя, что такія сцены случались очень часто и оставлялись безъ вниманія. Мужъ былъ лѣнтяй, не имѣлъ опредѣленныхъ занятій, пропивалъ все, что могъ заработать. Жена съ нѣкотораго времени тоже искала въ можжевеловой водкѣ утѣшенія въ своемъ горѣ. Дѣти, покинутыя, измученныя, бѣгали по улицамъ. Семья существовала скудною поддержкой благотворительныхъ обществъ.

Комнату освѣжили; пьяница былъ положенъ на одинъ изъ соломенныхъ матрацовъ; раненой была оказана необходимая по-

мощь. Судья и жандармъ спустились по отвратительной лѣстницѣ, оба глубоко потрясенные и погруженные въ разнородныя мысли.

Предсѣдатель первый прервалъ безмолвіе.

— Фредерикъ, нужно будетъ составить протоколъ. Драка, пьянство, подстрекательство къ нищенству—все это мы должны преслѣдовать и строго наказывать.

— Наказывать? Опять! — съ горечью сказалъ жандармъ.— Всегда наказывать! Безконечно углублять рану! Нѣтъ, господинъ предсѣдатель. Не надо наказывать, повѣрьте мнѣ. Если я васъ привелъ сюда, то лишь для того, чтобы доказать вамъ на живомъ примѣрѣ, что вы и я, мы уже достаточно наказывали. То, что вы видѣли, это мое дѣло... и ваше!

— Что? Ты съ ума сходишь, мой другъ!

— Я такъ и думалъ, что вы скажете это, господинъ предсѣдатель; часто люди считаютъ безумными тѣхъ, кто идетъ въ разрѣзъ съ ихъ мыслями. Но позвольте мнѣ по крайней мѣрѣ объяснить вамъ мое безуміе. Помните ли вы дѣло Кинэ?

— Кинэ? Нѣтъ, нисколько!

— Я могъ бы поклясться въ этомъ. Я тоже не вспоминалъ бы о немъ, разумѣется, еслибы случай не столкнулъ меня съ этимъ приговореннымъ. Подумать только,—прибавилъ онъ съ выраженіемъ безконечнаго отчаянія,—что вы и я, мы говоримъ въ нашихъ протоколахъ, можетъ быть, о сотняхъ такихъ Кинэ, имена которыхъ мы даже не помнимъ... Этотъ Кинэ былъ рабочимъ въ окрестностяхъ города. Ни хорошій, ни дурной, похожій на всѣхъ. Можно было упрекнуть его въ нѣкоторой слабости къ вину. Женившись, онъ жилъ то хорошо, то дурно, не заботясь о завтрашнемъ днѣ. Однажды, въ прошломъ году, онъ, выпивъ больше, чѣмъ слѣдуетъ, возвращался домой въ сопровожденіи своего брата. Оба они шатались, распѣвая; Кинэ держалъ открытымъ зонтикъ. Въ это время я попался ему на встрѣчу. Молодой жандармъ Серве былъ со мною. Мы видѣли, какъ они проходили. Когда они прошли около пятидесяти метровъ, Серве спросилъ меня, не надо ли составить протоколъ. Онъ принялъ мое молчаніе за согласіе, соскочилъ съ лошади, побѣжалъ за пьяницами и, схвативъ Кинэ за воротъ, спросилъ его имя. Тотъ, удивленный, разсердился, старался избавиться отъ него, чуть не упалъ, ухватилъ Серве за эксельбанты и оборвалъ ихъ; затѣмъ, защищаясь, пытался ударить его своимъ зонтикомъ. Потомъ они упали, схватившись. Оба были окровавлены. Вы знаете Серве: онъ отличается силою Геркулеса, онъ молодъ и запальчивъ, и, часто получая похвалу за свою силу, никогда не

отдѣляетъ въ своемъ рвеніи энергію отъ грубости. Кинэ провелъ тяжелую четверть часа. Связанный, онъ былъ отведенъ подъ арестъ. Что касается меня, я только поддерживалъ собрата. Протоколъ былъ составленъ: Кинэ обвинялся въ пьянствѣ, оскорбленіи, сопротивленіи и т. д. Дѣло приняло серьезный характеръ, когда узнали, что Кинэ долженъ былъ по болѣзни оставаться десять дней въ постели. Нѣкоторые изъ многочисленныхъ свидѣтелей, привлеченныхъ этой сценой, утверждали, что Серве ударилъ его саблей по головѣ. Въ душѣ я находилъ образъ дѣйствій моего коллеги неумѣстнымъ и некорректнымъ, но защищалъ его настойчиво. Пожалуй, мы преувеличили пьянство, буйство, сопротивленіе. Вы предсѣдательствовали въ томъ засѣданіи, господинъ Луврье. Вы были на нашей сторонѣ и угрожали свидѣтелямъ защиты тюрьмой. Прокуроръ выступилъ съ красивыми фразами объ уваженіи, съ какимъ нужно относиться къ установленному порядку. Вы приговорили Кинэ къ заключенію въ тюрьму на пять мѣсяцевъ, въ видѣ урока для другихъ. Совѣсть ваша была спокойна, вы больше о немъ не думали. Ну-съ, теперь вы его снова увидѣли...

— Что же это доказываетъ, Фредерикъ? Что это дурной, неисправимый субъектъ и что его снова надо осудить!

— Я опасаюсь, что не сумѣю васъ убѣдить, господинъ предсѣдатель. Послѣ того, какъ мы столько времени были одного мнѣнія, теперь мы смотримъ по-разному. По-моему, все только-что видѣнное нами доказываетъ съ ослѣпительной очевидностью, что было бы лучше вовсе не осуждать! Нѣтъ, не прерывайте меня и дайте досказать до конца. Кинэ, убѣдившись въ безполезности борьбы противъ жандармовъ, не подавалъ апелляціи. Его просьба о помилованіи была отклонена. Онъ просидѣлъ весь срокъ въ тюрьмѣ. Когда онъ вышелъ изъ тюрьмы, зараженный бездѣльемъ, отвыкшій отъ своего ремесла, испорченный, онъ искалъ работы, но находилъ ее только временами. Онъ началъ пить. Жена пыталась, насколько могла, воспитывать дѣтей. Эти четверо несчастныхъ, изъ которыхъ трое, по крайней мѣрѣ, были невинными, постепенно спускались по ступенямъ нищеты. Я, конечно, не зналъ о плачевномъ результатѣ осужденія Кинэ. Но однажды его жена, нещадно избитая, явилась въ казармы просить помощи. Первое мое впечатлѣніе было, какъ и ваше, что Кинэ надо снова осудить. Но что сталось бы тогда съ женой и съ дѣтьми? Эти слабыя созданія, которыхъ тянулъ за собой Кинэ и которыя силою вещей должны были страдать изъ-за провинностей, имъ совершенно чуждыхъ, заставили меня по-

колебаться, затѣмъ размышлять. И однажды вечеромъ, когда я объ этомъ думалъ, я неожиданно взглянулъ совсѣмъ иначе на мою роль во всѣхъ этихъ несчастьяхъ. Ахъ! еслибъ я не обратилъ вниманія на безобиднаго пьяницу! Еслибъ я удержалъ злобу Серве! Еслибъ я передъ судомъ изложилъ факты съ меньшею примѣсью сословнаго духа, съ большею снисходительностью, съ большею правдивостью — да, съ большею правдивостью! Рабочій былъ бы и теперь въ мастерской, а жена у домашняго очага, воспитывая съ любовью своихъ крошекъ! Это умозаключеніе было глубокимъ, неожиданнымъ, точно внезапно разорвали покрывало, застилавшее мнѣ глаза. Я удивлялся, что такъ долго могъ не видѣть очевиднаго. Я знаю, что возмущаю васъ, господинъ предсѣдатель, но это мнѣ кажется столь яснымъ, свѣтлымъ, вѣрнымъ, что я счелъ бы свой долгъ неисполненнымъ, еслибы ради васъ я скрылъ свои убѣжденія... Нельзя распутать сразу сплетеніе ложныхъ понятій, на которыхъ держалось все существованіе. Я началъ сомнѣваться: произвелъ небольшіе опросы, открылъ цѣлую серію мелкихъ фактовъ, которые вамъ, можетъ быть, покажутся незначительными, но которые подтверждаютъ мое мнѣніе: я былъ причиною несчастья такихъ людей, какъ Кинэ...

— Какое преувеличеніе, Марсинель! Этотъ человѣкъ былъ алкоголикъ и долженъ былъ такъ кончить. Ты исполнилъ свой долгъ. Тебѣ не въ чемъ упрекать себя. Еслибъ Кинэ не встрѣтилъ тебя, онъ нашелъ бы какой-нибудь другой случай для паденія, причина котораго лежала въ его дурной природѣ.

— Это очень возможно, господинъ предсѣдатель. Я и не считаю себя одного виновнымъ въ томъ, что произошло. Но подобно тому, какъ слабое перемѣщеніе стрѣлки достаточно для того, чтобы послать поѣзда въ разныя направленія, такъ и человѣческая жизнь можетъ быть предопредѣлена сравнительно ничтожнымъ событіемъ. Судьба Кинэ была именно такою. Она могла казаться счастливой и простой, пока онъ шелъ по торному пути; но ему пришлось споткнуться о камень — и именно я оказался тѣмъ камнемъ, который вызвалъ его паденіе. Это мучило меня больше, чѣмъ я могу сказать, господинъ предсѣдатель. Тогда-то я сблизился съ церковью. У насъ у всѣхъ есть свое внутреннее „я“, съ которымъ надо жить въ мирѣ. Часто оно засыпаетъ, убаюканное воспитаніемъ, привычками, условностями. Но когда оно заговоритъ, нельзя его не слышать. Моя совѣсть спросила меня, единиченъ ли случай съ Кинэ—и я долженъ былъ отвѣтить, что во многихъ другихъ случаяхъ наказаніе было недѣйствительно, даже поводъ къ нему сомнителенъ...

— Постой, Марсинель!—заворчалъ разсерженный предсѣдатель.—Это уже слишкомъ! Я черезчуръ добръ, что слушаю весь этотъ вздоръ. Какую дурную революціонную книгу ты прочелъ, что у тебя въ головѣ такія нелѣпыя мысли?

— Евангеліе, господинъ предсѣдатель. Въ немъ всѣ вѣчныя истины, сверкающія простотой. Но у людей недостаточно хорошо зрѣніе, чтобы читать ихъ. Тамъ я прочелъ: „Не судите!“ — и божественныя слова, казалось, учили меня, устраняя всякую двусмысленность, тому, что̀ я вывелъ изъ моихъ размышленій и мучительныхъ сомнѣній. Вы знаете этотъ текстъ, господинъ предсѣдатель?

— Разумѣется, но ты смѣшно преувеличиваешь его смыслъ, мой бѣдный другъ,—сказалъ смягчившійся чиновникъ, по-своему искренне благочестивый. Полная уваженія серьезность, съ которой Марсинель говорилъ о святой книгѣ, тронула его.—Спаситель никогда не говорилъ, что не надо судить преступниковъ.

— „Не судите“, однако, очень ясно сказано, господинъ предсѣдатель. Зачѣмъ ограничивать свѣтъ, исходящій изъ столь точныхъ и простыхъ словъ? Зачѣмъ толковать, урѣзывать, уменьшать всѣми нашими мелкими человѣческими комментаріями страшныя и повелительныя слова? Вы думаете, что я ошибаюсь; но Евангеліе цѣликомъ является выраженіемъ этого только божественнаго суда. И еслибъ это не было сказано прямо, развѣ всѣ эпизоды Страстей не взывали бы къ нашему разуму? Что̀ такое это большое распятіе, которое помѣщено посрединѣ церкви и къ которому поднимаются дымъ кадилъ и молитвы вѣрующихъ, если не торжественный апоѳеозъ юридической ошибки? Зачѣмъ оно находится въ вашемъ судѣ, если не для того, чтобы напоминать вамъ о неосновательности человѣческихъ осужденій? Почему Богъ захотѣлъ, чтобы первый праведникъ былъ осужденъ? Нашъ Спаситель былъ подсудимымъ, какъ и тѣ, которыхъ вы судите каждый день; Онъ былъ преслѣдуемъ и арестованъ такими же жандармами, какъ и я, Онъ былъ осужденъ и наказанъ такими же судьями, какъ вы. Еслибы я Его привелъ къ вамъ завтра, вы упрекнули бы Его за общеніе съ людьми низшаго класса и дурного поведенія, за Его мятежныя рѣчи, за Его гнѣвные нападки на обязательную силу законовъ. Вы Его не узнали бы, какъ не видѣли Его во всѣхъ тѣхъ, кого я вамъ приводилъ. Между тѣмъ Онъ находился въ нихъ, какъ и во всякомъ человѣкѣ...

Наступила пауза. Послѣдній лучъ заходящаго солнца освѣщалъ разрисованныя окна часовни; кровавыя красныя полосы

сверкали, блестѣло золото. Фредерикъ Марсинель снова заговорилъ:

— Если недостаточно Евангелія и Страстей, подумайте о жизни святыхъ. Вотъ одинъ, добродѣтели котораго прославляетъ это старинное изображеніе на стеклѣ, озаренное лучами заходящаго солнца: современные ему судьи осудили его! И много другихъ, другихъ безъ конца, осужденныхъ правосудіемъ ихъ времени! Вѣщее слово, съ тѣхъ поръ, какъ я его понялъ, кажется мнѣ написаннымъ повсюду, и я слышу, какъ камни святыхъ мѣстъ говорятъ мнѣ: не судите!

— Марсинель, это безуміе. Никогда церковь не учила подобнымъ заблужденіямъ.

— Вы мнѣ это уже говорили, господинъ предсѣдатель. Позвольте мнѣ повторить вамъ почтительно, что я не придерживаюсь вашего мнѣнія. Религія научила меня тому, что значеніе каждаго акта заключается прежде всего въ его конечной цѣли. Нѣтъ абсолютной морали; то, что является долгомъ для одного, можетъ быть паденіемъ для другого. Каждый человѣкъ можетъ дѣйствовать только по своему толкованію добраго и злого, и сообразно этому толкованію онъ долженъ быть судимъ. Это—состояніе души, въ которомъ другіе не могутъ разобраться. Чтобы справедливо оцѣнить поступокъ человѣка, надо было бы поставить себя вполнѣ въ тѣ же условія, быть освѣщеннымъ тѣмъ же умственнымъ или духовнымъ свѣтомъ, какъ и онъ. Очевидно— это невозможно, и поэтому безумны наши претензіи судить другихъ. Есть только одинъ судья, господинъ предсѣдатель: тотъ, который съ милосердіемъ смотритъ въ глубину сердецъ и совѣсти, т.-е. Богъ. Только Богъ можетъ судить, только Богъ можетъ наказывать, и когда мы присвоиваемъ себѣ столь высокія прерогативы, наша ребяческая гордость заставляетъ насъ попадать въ сѣти демона!

— Слѣдовательно, у меня помощникомъ дьяволъ, по-твоему?

— Вамъ можетъ показаться очень смѣшнымъ то, что̀ я вамъ говорю. Къ тому же я не прошу васъ вѣрить мнѣ на слово; провѣрьте все это сами. Да, я думаю, что злой духъ сильно радуется всему дурному, что̀ вы дѣлаете съ самыми лучшими намѣреніями!

— Будемъ говорить серьезно, Фредерикъ. Ты хотѣлъ бы уничтожить суды? Но это цементъ, который скрѣпляетъ все соціальное зданіе; безъ него—полное паденіе, уничтоженіе всякаго авторитета, анархія.

— Господинъ предсѣдатель, я допускаю, что общество, какъ

всякое живое существо, имѣетъ право защищать свое существованіе, что оно можетъ и должно съ этой цѣлью принимать необходимыя мѣры предосторожности. Если оно слѣдитъ за тѣмъ, чтобы всякій вредъ былъ исправленъ, чтобы воздавали Кесарю Кесарево, чтобы для этого существовали суды—это вполнѣ, я думаю, сообразно съ божественными указаніями; но пусть оно не судитъ и не наказываетъ людей! Если власть дѣйствительно полезна и благотворна, она будетъ уважаема въ силу своихъ достоинствъ; если же, напротивъ, она притѣснительна и вредна, лучше пусть она совсѣмъ не уважается. Я не вѣрю въ абсолютную анархію. Мнѣ кажется, что мы ходимъ въ жизни сопровождаемые призраками всего того, что мы сдѣлали, сказали или подумали — и иногда одинъ изъ нихъ вдругъ хватаетъ васъ за горло. Болѣе или менѣе скоро, болѣе или менѣе явно, но все получаетъ отплату. Вотъ почему я вовсе не убѣжденъ, что неудобства, которыя явились бы слѣдствіемъ уничтоженія всякаго репрессивнаго правосудія, были бы больше неудобствъ, свойственныхъ современной администраціи. Если моя точка зрѣнія кажется вамъ слишкомъ радикальной, согласитесь, по крайней мѣрѣ, что система карательныхъ мѣръ должна была бы быть совсѣмъ иной. Поменьше жестокости и грубости въ соціальномъ дѣлѣ. Въ этомъ отношеніи идея, которая вдохновила законъ объ условномъ осужденіи, кажется мнѣ геніальной: она указываетъ на возможность спасительной эволюціи...

— Фредерикъ, но вѣдь тогда число преступленій страшно увеличится; добрые граждане не будутъ больше въ безопасности...

— Меня увѣряли, господинъ предсѣдатель, что судьи, подобные вамъ, говорили то же самое, когда уничтожали пытку, отмѣняли смертную казнь, словомъ — каждый разъ, какъ прогрессъ нравовъ смягчалъ правосудіе. Эти предсказанія вовсе, къ счастію, не оправдались.

— Если ты дѣйствительно думаешь такъ, Марсинель, какъ же ты могъ работать съ свойственнымъ тебѣ рвеніемъ, умомъ, точностью, во имя репрессивной справедливости?

— Но вѣдь я и ухожу, господинъ предсѣдатель. Теперь вы знаете мотивы моего ухода. Его будутъ приписывать, разумѣется, такимъ мотивамъ, о которыхъ я и не думалъ... Истинная его причина состоитъ въ томъ, что я задыхаюсь въ вашемъ судѣ. Я тамъ долго чувствовалъ себя счастливымъ; теперь мнѣ тамъ не по себѣ. Точка зрѣнія, съ которой я смотрѣлъ на вещи, измѣнилась; какой-то свѣтъ проникъ въ мою душу. Я чувствую себя привязаннымъ къ дѣлу если не дурному, то сомнительному.

Все, что я вижу, все, что меня окружаетъ, удивляетъ и огорчаетъ меня. Сегодня утромъ я былъ въ засѣданіи. Я слышалъ, какъ вы приговорили къ тремъ мѣсяцамъ тюрьмы человѣка, который, встрѣтивъ несчастную женщину, недостойно брошенную мужемъ-пьяницей съ тремя маленькими дѣтьми, заинтересовался ими и кончилъ тѣмъ, что храбро сталъ выполнять по отношенію къ нимъ обязанности, отъ которыхъ отказался другой...

— Внѣбрачная связь! Таковъ законъ!

— Я слышалъ, какъ вы осудили за клевету сказавшаго правду...

— Да, но законное доказательство факта не было доставлено.

— Я слышалъ, какъ вы осудили одного старика за то, что онъ вылечилъ нѣсколькихъ больныхъ...

— Да, но онъ незаконно лечилъ.

— Я слышалъ, какъ вы приговорили къ тремъ мѣсяцамъ тюрьмы двухъ мальчиковъ, которые, перелѣзая черезъ стѣну, воровали кизиль.

— Это минимумъ наказанія, предусмотрѣннаго въ законѣ.

— Я слышалъ, какъ вы оправдали умѣло мотивированнымъ приговоромъ неукротимаго эксплуататора, вызывавшаго съ большой прибылью для себя безконечный рядъ банкротствъ.

— Установленные закономъ признаки мошенничества не были на лицо въ данномъ случаѣ.

— Я слышалъ, какъ вы оправдали машиниста, обвинявшагося въ неосторожности—и видѣлъ, какъ вышелъ изъ суда, съ трудомъ двигаясь на костыляхъ, навсегда ставшій калѣкою по его винѣ и лишенный средствъ къ жизни человѣкъ, котораго вы приговорили заплатить судебныя издержки.

— Чего ты хочешь! Это законъ!

— Законъ! Законъ! Вы думаете только о законѣ, господинъ предсѣдатель, въ то время, какъ я мечтаю о справедливости. Когда законъ приводитъ къ справедливости, онъ имѣетъ право на полное уваженіе. Когда онъ отдаляется отъ нея, онъ становится невыносимой тиранніей. Принужденіе по отношенію къ личностямъ допустимо только въ силу услугъ, которыя имъ оказываетъ законъ. Когда вмѣсто того, чтобы помочь имъ, законъ налагаетъ на нихъ оковы, онъ долженъ исчезнуть. Я предпочелъ бы обходиться лучше совсѣмъ безъ законовъ, чѣмъ имѣть дурные или плохо примѣняемые законы.

— Какъ плохо примѣняемые?

— Разумѣется. Во многихъ случаяхъ законъ предоставилъ судьѣ очень большую свободу оцѣнивать поступки. Большин-

ство судей боятся пользоваться этой свободой. Они считаютъ, что ихъ долгъ — исполнять законъ послушно, буквально, узко его толкуя. Они боятся всякой иниціативы, рабски слѣдуютъ установленнымъ традиціямъ и выработанной юриспруденціи. Они ограничиваются тѣмъ, что взвѣшиваютъ, съ большею или меньшею ловкостью, благопріятныя и неблагопріятныя данныя и примѣняютъ текстъ закона къ результату этой операціи. Они дѣйствуютъ, точно математикъ съ числами, спокойно заставляя молчать свои чувства. Развѣ они помнятъ, что находятся не передъ теоретическими и абстрактными величинами, а передъ такимъ же человѣкомъ, какъ и они? Развѣ они смотрятъ на обвиняемаго, какъ на брата, и стремятся помочь ему? Развѣ они послѣ засѣданія занимаются судьбой людей, которыхъ они осудили, развѣ стараются узнать, былъ ли плодотворенъ приговоръ?

— Все это смѣшно, Фредерикъ. Мы должны только примѣнять законъ. Что общаго между всѣми этими сентиментальными разглагольствованіями и правосудіемъ?!

— Вотъ именно потому, что у нихъ ничего нѣтъ общаго съ вашимъ правосудіемъ, я и ухожу. Я возвращаюсь въ деревню. Мои родители оставили мнѣ нѣсколько десятинъ земли, которыя я хочу воздѣлывать. Я посѣю рожь, которая кормитъ людей, и посажу цвѣты, которые ихъ радуютъ. У меня не будетъ угрызеній совѣсти. И когда наступитъ послѣдній вечеръ, я усну спокойно, потому что мои поступки будутъ согласны съ идеями, истину которыхъ угодно было Спасителю мнѣ указать. Прощайте, господинъ Луврье; простите мою горячую исповѣдь, если она была вамъ непріятна...

Послѣ отъѣзда Марсинеля предсѣдатель суда, вмѣстѣ съ товарищемъ своимъ Жакаромъ, посѣтилъ деревню, куда уѣхалъ старый жандармъ. Лицо Марсинеля, теперь настоящаго крестьянина, освѣтилось радостью, когда онъ пожималъ руку обоимъ судьямъ. Банальныя привѣтствія, разговоры о здоровьѣ, о температурѣ воздуха, о мелкихъ приключеніяхъ во время путешествія прошли съ обычной вѣжливостью. Марсинель передалъ много подробностей о своемъ трудолюбивомъ и спокойномъ существованіи. Онъ подвелъ судей къ маленькому домику и выказалъ имъ почтительную предупредительность.

Жакаръ пытался заставить Марсинеля заговорить о судѣ и о наказаніи. Марсинель сдѣлалъ неопредѣленный жестъ.

— Я забылъ,—сказалъ онъ.—Я вѣдь не ученый человѣкъ.

Господинъ предсѣдатель разсказывалъ вамъ о моемъ отъѣздѣ. На это была самая простая причина. Я послѣдовалъ призыву моей совѣсти. Я хотѣлъ жить сообразно моей вѣрѣ. Дѣло суда показалось мнѣ сомнительнымъ, жестокимъ, дурнымъ. Говорятъ, что оно необходимо. Я слишкомъ ничтожный человѣкъ, чтобы рѣшать этотъ вопросъ, но на мой взглядъ основа жизни — не месть и ненависть, а любовь!

Жакаръ, знавшій литературу, вспомнилъ, что таковъ взглядъ Льва Толстого.

— Я люблю все это,—продолжалъ Марсинель:—люблю мой бѣдный домикъ, гдѣ столько воспоминаній, люблю обширныя поля, гдѣ я дышу свободно, люблю животныхъ, которыя такъ наивно выражаютъ свою преданность, люблю деревья, растенія, цвѣты. Все меня приводитъ въ восторгъ. Прежде я не испытывалъ такого внутренняго удовлетворенія. Чего еще желать?

— Вы не одни?—спросилъ Луврье.

— Нѣтъ, господинъ предсѣдатель,—сказалъ Марсинель, понижая голосъ, точно ему было стыдно признаться въ своемъ добромъ поступкѣ.—Я взялъ къ себѣ двухъ дѣтей этого несчастнаго Кинэ. Ихъ улыбки освѣщаютъ мой домикъ!

Жакаръ былъ немного разочарованъ. Онъ представлялъ себѣ Марсинеля въ видѣ пророка, а вмѣсто того видѣлъ скромнаго и молчаливаго человѣка, который охотно стушевывается. Онъ сдѣлалъ еще попытку: заговорилъ о новыхъ сочиненіяхъ соціологовъ, о готовящихся реформахъ. Марсинель слушалъ его снисходительно, съ утомленнымъ видомъ и съ почти неуловимымъ оттѣнкомъ состраданія. Когда Жакаръ спросилъ у него прямо его мнѣніе, онъ тихо сказалъ:

— Зачѣмъ до такой степени все усложнять, господинъ судья? Можетъ-быть это долгъ тѣхъ, кто составляетъ законы, кто пишетъ книги. Но я научился многому не изъ книгъ. Я знаю, кто далъ мнѣ внутреннее спокойствіе, радость души, вѣру въ жизнь. Это такъ просто; надо только прислушаться къ тому, кто говоритъ съ вами всегда, если только перестать слушать земной шумъ.

Жакаръ восторгался глубокимъ и новымъ смысломъ, какой въ устахъ Марсинеля получали слова любви. Они, разумѣется, извѣстны издавна; цѣлыми вѣками всѣ тѣ, которые призывали человѣчество къ идеалу и счастью, повторяли ихъ въ мало различныхъ выраженіяхъ. Но все же они оставались тайной для большинства людей, которые слышали ихъ, не понимая. Люди не пытались задуматься надъ ними, еще меньше—руководиться

ими въ своихъ поступкахъ. Пробѣгая по пути жизни въ погонѣ за эфемерными благами, они проходили, спѣша и волнуясь, возлѣ истины и бросали на нее только разсѣянный взглядъ. Тайна Фредерика Марсинеля имѣла ту прелесть, что ее можно было проповѣдывать въ поляхъ или въ судилищахъ, кричать о ней въ рѣчахъ и въ книгахъ, нисколько не уменьшая ея таинственности и глубины.

Перев. съ франц. М. Веселовская.

ЦѢПИ

Повѣсть Элизы Оржешко.

Едва только снѣгъ, покрывавшій крыши и улицы, началъ темнѣть въ раннихъ зимнихъ сумеркахъ, окна большого, красиваго дома засвѣтились яркимъ свѣтомъ. На ихъ золотомъ фонѣ выступили богатые узоры занавѣсей, изящныя подставки лампъ, группы растеній и движущіяся тѣни людей.

Когда на улицѣ затихалъ шумъ колесъ, сквозь эти окна съ двойными рамами доносились слабые звуки фортепіано. Нетрудно было догадаться, что люди тамъ веселятся, стараясь пріятно провести время, улетающее такъ быстро...

У воротъ стояло нѣсколько экипажей съ прекрасной запряжкой и кучерами въ ливреяхъ; кучера или дремали, свѣсивъ головы, или хлопали себя озябшими руками по плечамъ и по бокамъ. Изъ воротъ выбѣжалъ лакей во фракѣ и передалъ кучерамъ приказаніе разъѣзжаться по домамъ. Колеса заскрипѣли по снѣгу; кареты, подхваченныя застоявшимися лошадьми, потянулись вереницей вглубь улицы, на которой, какъ разъ въ это время, между сѣрѣющимъ снѣгомъ и еще синеватымъ небомъ, начали загораться два ряда фонарей.

Потомъ улица затихла; иногда только проѣзжали одноконныя санки, съ тихимъ звономъ; на бѣлые троттуары изъ оконъ магазиновъ падали неподвижныя полосы свѣта, въ которыхъ мелькали профили прохожихъ.

Въ это время изъ воротъ освѣщеннаго дома вышелъ мужчина. Его сѣдая борода казалась хлопьями снѣга, положенными ему на грудь. Мѣховое пальто съ дорогимъ воротникомъ плотно

окутывало довольно высокую, нѣсколько сгорбленную фигуру; край мѣховой шапки касался золотой оправы очковъ. Одежда, движенія, даже манера надѣвать перчатки показывали, что это— человѣкъ высшаго общества. Съ внѣшними признаками старости не согласовалась быстрота, съ которой онъ шелъ по троттуару. Его походка и жесты выражали нетерпѣніе, какъ будто ему хотѣлось какъ можно дальше уйти отъ дома, изъ котораго онъ вышелъ.

И дѣйствительно, каждый разъ, какъ пріемныя комнаты его дочери наполнялись шумомъ блестящихъ, легкихъ, пустыхъ разговоровъ, а въ кабинетѣ зятя разставлялись карточные столы, ему было не по себѣ; на него нападала грусть, скука, и онъ торопился уйти изъ ихъ дома, который былъ и его домомъ.

Онъ ли, постарѣвъ, разлюбилъ свѣтъ, или свѣтъ отъ него отвернулся? Въ обоихъ предположеніяхъ была доля правды. Для него, дѣдушки взрослыхъ внуковъ, даже отцы и матери семействъ были молоды.

Пусть будетъ такъ, но вѣдь можно любить молодежь и быть ею любимымъ. Только онъ уже плохо понимаетъ жизнь молодыхъ поколѣній. У него были въ свое время излюбленные идеалы, служившіе ему мѣриломъ для сужденія о людяхъ и вещахъ. При приложеніи этого мѣрила къ дочери, зятю, внукамъ — они оказывались необыкновенно мелкими. Онъ не хочетъ быть несправедливымъ; въ немъ сказывается отцовская привязанность. Дочь, зять, внуки и внучки—вовсе не чернильныя пятна. У нихъ есть свои достоинства, свои способности; только онъ рѣдко можетъ въ чемъ-нибудь сойтись съ ними. У него другіе взгляды и вкусы. Они бы заснули отъ скуки, еслибы онъ началъ имъ говорить о воспоминаніяхъ, переживаемыхъ имъ и днемъ, и ночью. Онъ живетъ у дочери и зятя въ роскоши и блескѣ—а проживъ день, точно сбрасываетъ съ плечъ мѣшокъ съ пескомъ и тащится къ своему концу такъ же медленно, какъ идетъ по троттуару. Изъ воротъ онъ вышелъ быстрыми шагами, а теперь едва передвигаетъ ноги.

Когда онъ проходитъ мѣста, на которыя изъ оконъ магазиновъ падаетъ яркій свѣтъ, у него блестятъ бобровый воротникъ, золотая оправа очковъ и чеканенный набалдашникъ палки. Но когда онъ входитъ въ пространство, погруженное въ полумракъ, на немъ ужъ ничего не блеститъ и онъ идетъ мимо встрѣчныхъ, согнувшись, какъ тѣнь, съ хлопьями снѣга, спереди положеннымъ на грудь и сзади выбивающимся изъ-подъ шапки. Освѣщенныя мѣста попадаются все рѣже, а погруженныхъ въ полу-

мракъ становится все больше. Уличное движеніе ослабѣваетъ; шума колесъ совсѣмъ не слышно, только изрѣдка раздаются колокольчики санокъ. Даже фонари какъ будто свѣтятъ меньше сквозь мутныя стекла; стѣны стали ниже, троттуары уже; освѣщенныя окна еще встрѣчаются, но ихъ немного; совсѣмъ не видно за ними высокихъ лампъ, роскошныхъ вазъ, и не слышно звуковъ музыки.

Эта часть города гораздо бѣднѣе той, въ которой живутъ его богатыя дѣти и гдѣ живетъ онъ самъ. Здѣсь живетъ бѣднота, но еще не крайняя, хотя и очень къ ней близкая. Скромныя лавочки пошли вмѣсто магазиновъ съ великолѣпными выставками; ярко раскрашенныя вывѣски мелькаютъ при слабомъ свѣтѣ у низкихъ воротъ и небольшихъ оконъ; нѣкоторыя изъ нихъ, покачиваясь отъ вѣтра, скрипятъ надъ головами прохожихъ.

Покачивается по временамъ и поскрипываетъ доска съ темнымъ фономъ и намалеваннымъ на немъ циферблатомъ часовъ, огромнымъ, бѣлымъ, точно старое, заплаканное лицо. Слинявшія цифры его и стрѣлки похожи на морщины, вырытыя временемъ, а лѣтняя пыль и осенніе дожди покрыли его множествомъ черныхъ пятнышекъ, словно засохшими слезами.

Взглядъ стараго барина въ бобровой шубѣ случайно упалъ на раскрашенный циферблатъ часовъ, который отъ вѣтра заколыхался и заскрипѣлъ. Часы точно жалостно приглашали его войти. Часовщикъ! Это отлично! Какъ разъ его часы требуютъ починки. Съ нѣкоторыхъ поръ они все время отстаютъ, минуты на двѣ въ день. Онъ постоянно передвигаетъ стрѣлку: ничего не помогаетъ. А вѣдь онъ знатокъ въ часахъ, и всѣ часы въ домѣ находятся подъ его исключительнымъ наблюденіемъ. Но для стараго друга надо спросить совѣта врача. Поднявшись по лѣстничкѣ, онъ вошелъ въ лавочку, закрылъ за собою дверь и остановился на нѣсколько минутъ у порога, слушая и всматриваясь.

Маленькая, низенькая комнатка была сверху до низу наполнена страннымъ шумомъ, тревожнымъ, монотоннымъ и вмѣстѣ съ тѣмъ неспокойнымъ и быстрымъ. Это былъ не шумъ, а скорѣе наполнявшее всю комнату жужжаніе, не усиливающееся, но и не ослабѣвающее, а непрерывное, однообразное, не останавливающееся ни на минуту. Здѣсь ничего другого не было слышно: ни уличнаго движенія, ни скрипа вывѣсокъ, ни какого-либо другого звука живого міра. Ничего, только отъ потолка до полу и отъ стѣны до стѣны шелъ разговоръ часовъ, висящихъ на стѣнахъ, перебивающихъ другъ друга множествомъ сухихъ и рѣзкихъ голосовъ: „такъ-такъ... такъ-то-такъ... такъ-то-такъ“...

Среди этого жужжанія, среди этого разговора, казавшагося вѣчнымъ, у единственнаго окна, за столикомъ, на которомъ горѣла лампа съ длинной горѣлкой, сидѣлъ человѣкъ надъ множествомъ блестящихъ колесиковъ, пружинокъ, крючечковъ. На немъ было длинное поношенное платье, съ двумя снѣжными хлопьями, однимъ на груди, другимъ надъ согнутой шеей; но это были не хлопья снѣга, а сѣдая борода и сѣдые волосы, выбивавшіеся изъ-подъ бархатной ермолки. Въ большихъ очкахъ, съ маленькими щипцами въ рукѣ, онъ сидѣлъ и работалъ надъ блестящими мелочами. Лобъ у него былъ наморщенъ, губы оттопырены; глубокое вниманіе свѣтилось серебряной искрой изъ-подъ сѣдыхъ бровей и покраснѣвшихъ вѣкъ. Вѣроятно, его ухо такъ свыклось съ разговоромъ часовъ и постояннымъ шумомъ, что другіе звуки онъ воспринималъ съ трудомъ. Онъ не слышалъ, какъ вошелъ посторонній человѣкъ.

Вдругъ раздался голосъ громкій, звонкій, удивительно ясный и свѣжій, на всю комнату прокричалъ: „ку-ку", потомъ равномѣрно повторялъ: „ку-ку, ку-ку!" и только послѣ восьмого раза замолкъ, а комнатку снова наполнила шумная и, несмотря на совершенную равномѣрность, торопливая, неспокойная бесѣда часовъ.

Старый еврей, со снѣжными хлопьями старости спереди и сзади, поднялъ голову. Выпяченныя губы его растянулись въ блаженную улыбку; довольнымъ взглядомъ онъ осмотрѣлся вокругъ и встрѣтился съ лицомъ вошедшаго, на которомъ также разлилась улыбка. Привставъ немного со стула, онъ коснулся пальцами ермолки и началъ было:

— Что вамъ, сударь...

Замѣтивъ дорогую шубу, очки въ золотой оправѣ, сгорбленную, но осанистую фигуру, онъ поправился:

— Что вамъ, баринъ, угодно?

Баринъ, вмѣсто того, чтобы отвѣтить, подошелъ къ стѣнѣ съ жужжащими часами и остановился передъ тѣми, изъ которыхъ раздался голосъ кукушки.

— Откуда у тебя эти часы? Старинные?.. Такой циферблатъ— рѣдкость!.. Откуда они у тебя? Чьи они?

Еврея точно пружина подбросила со стула; онъ двумя быстрыми шагами сталъ возлѣ стараго господина, передъ высокимъ шкафчикомъ изъ чернаго дерева, откуда виднѣлись часы съ кукушкой.

— Чьи это часы? А чьи же они могутъ быть? Они мои! Они такъ же мои, какъ я сынъ моего отца, какъ я прія-

тель моего пріятеля. А вы, баринъ, можетъ быть, думали, что эти часы отданы мнѣ въ починку? Что кто-нибудь придетъ и ихъ возьметъ отсюда? Ай, ай, я бы палкой отколотилъ того, кто бы захотѣлъ взять у меня эти часы. Если бы кто-нибудь ихъ захотѣлъ унести, я бы такой поднялъ шумъ, что сбѣжались бы люди и выгнали бы того, кто взялъ эти часы... потому что они мои.—Онъ говорилъ съ большимъ жаромъ, оживленіемъ и съ плутовской улыбкой на устахъ, но вдругъ замолчалъ и сталъ внимательно всматриваться въ посѣтителя. Послѣдній, не обращая на него вниманія, разсматривалъ часы и вдругъ крикнулъ:

— Дай-ка стулъ и лампу! Я не могу разглядѣть пейзажа на циферблатѣ. Вижу, что тамъ есть пейзажъ, но какой—не разберу.

При этихъ словахъ онъ взобрался на стулъ, пододвинутый ему евреемъ, съ такой гибкостью, какъ будто онъ никогда не волочилъ ногъ.

— Дай-ка лампу!—крикнулъ онъ.

— Сейчасъ, сейчасъ, баринъ.

Говоря эти слова, старый еврей влѣзъ съ лампою въ рукѣ на другой стулъ, который придвинулъ къ посѣтителю.

— Женева!—воскликнулъ старый баринъ.—Да, да! Швейцарская фабрика. Не знаешь какая?

— Какъ же мнѣ не знать? Можетъ ли быть, чтобы я о нихъ чего-нибудь не зналъ?

Онъ торжественно назвалъ уже давно не существующую фабрику.

— Это была такая фабрика, какой теперь уже на свѣтѣ нѣтъ.

— Да, это правда, что такой фабрики на свѣтѣ уже нѣтъ! А какъ они заводятся?

Старый еврей точно вытряхнулъ ключъ изъ рукава и держалъ его въ пальцахъ. На самомъ дѣлѣ онъ вынулъ ключъ изъ ящика, находившагося въ шкафу.

— А вотъ какъ они заводятся: видите, баринъ? Какъ хорошо, что я ихъ сегодня еще не заводилъ и могу вамъ показать. Прелесть! Такой старый ключъ, а идетъ какъ по маслу.

— Такъ! Да! А я думалъ, что они заводятся съ другой стороны.

— Вы, баринъ, ошиблись... Такіе часы никогда не заводятся сзади. А вотъ теперь я вамъ покажу карнизикъ, посмотрите какая тонкая работа, какая рѣзьба, позолота хорошая...

— Подожди, подожди; а это что за пружинка?

— Ну, это такая пружина, что если я ее надавлю, то сейчасъ изъ часовъ вылетитъ птица, помашетъ крыльями и начнетъ кричать.

— Да, правда, я видѣлъ какъ-то такой механизмъ.

— Ну, если вы разъ видѣли, то я вамъ, баринъ, и еще разъ покажу...

Они стояли на стульяхъ рядомъ, но совсѣмъ не походили другъ на друга. Хозяинъ былъ тоньше и ниже гостя. Лампа, которую еврей держалъ въ поднятой рукѣ, освѣщала два совсѣмъ разныхъ лица, только одинаково покрытыхъ множествомъ морщинъ. Оба съ одинаковымъ восторгомъ глядѣли на часы. Въ это время надъ ихъ сѣдыми головами и сморщенными лицами вылетѣла выкинутая нажатой пружиной изъ шкафика металлическая птица, замахала крыльями и начала звучно и звонко кричать на всю комнату: „ку-ку“, „ку-ку“. Еврей первый сошелъ со стула на полъ и, забывъ поставить лампу на столъ, снова сталъ оглядывать гостя.

— Позвольте, баринъ,—шепнулъ онъ робко,—можетъ быть я ошибаюсь, но мнѣ кажется, что мои старые глаза васъ узнали...

— Погоди, погоди,—перебилъ его старый баринъ,—я тоже что-то припоминаю. Какъ будто я тебя когда-то знавалъ?

— Баринъ—вы графъ Ксаверій изъ Струменицы...

— Ну, а ты? Не могу припомнить...

— Я Берекъ, сынъ Шимшеля, который арендовалъ въ Струменицѣ ферму.

— Берекъ! Неужели? Я тебя отлично помню! Ты былъ натурщикомъ у моей сестры для какой-то картины.

Еврей кивнулъ утвердительно головой, поставилъ лампу на столъ, потому что у него задрожали руки, и выдвинулъ изъ угла старое кресло съ продавленнымъ сидѣньемъ и сломанными ручками, прося гостя сѣсть. Онъ чмокалъ губами, смѣялся, моргалъ красными вѣками изъ-подъ сѣдыхъ бровей, точно отъ ослѣпленія. Наконецъ, также усѣвшись, онъ сталъ всматриваться въ гостя и издавать неясные звуки, въ которыхъ слышались радость и изумленіе.

Но и старый баринъ вглядывался въ него съ удивленіемъ.

— Возможно ли это? Ты Берекъ!.. Ты... тотъ самый Берекъ съ кудрявыми золотистыми волосами, съ румянымъ, точно дѣвичьимъ, лицомъ, съ бирюзовыми глазами? Моя сестра писала съ тебя для какой-то картины, потомъ ты часто приходилъ во дворецъ... Такъ это ты?

— Я, я самый, ваше сіятельство. А вы тотъ самый барченокъ, что никогда иначе не поднимался по лѣстницѣ Струменицкаго дворца, какъ перескакивая черезъ четыре ступеньки. Когда меня ея сіятельство молодая графиня рисовала и вы входили въ ту комнату, гдѣ мы находились, то словно солнце всходило. Ай, развѣ я не помню, какъ вы, графъ, ѣздили верхомъ и какъ съ барышнями танцовали!.. Если бы не знаю сколько господъ ѣхало верхомъ, ваше сіятельство всѣхъ перегоняли—и сколько бы ни было барышень, всѣ хотѣли танцовать только съ вами. Я все это видѣлъ, стоя у забора или за окномъ дворца...

— Вѣрно, вѣрно,—подхватилъ графъ.—Я тебя тоже лучше всего помню стоящимъ у рѣшетки, на дворѣ или въ саду, и наблюдающимъ глазами, удивительно выражавшими наивное любопытство и восторгъ... Мы часто говорили съ сестрой, что у тебя такой видъ, точно ты наслаждаешься цѣлымъ міромъ и никогда достаточно насладиться не можешь...

Еврей засмѣялся и тихонько сказалъ:

— А ваше сіятельство развѣ никогда не радовались цѣлому міру?

Графъ задумался и вздохнулъ.

— Конечно,—отвѣтилъ онъ,—то была молодость... Мы тогда были оба молоды, мой Берекъ.

Не спуская глазъ съ графа, еврей снова тихонько спросилъ:

— А теперь?

— Теперь? чтожъ? Мы оба стары...

Еврей уперся ладонями въ колѣни, опустилъ взоръ въ землю, сгорбился, съёжился.

— Тс!.. тс!.. Почему было намъ и не состарѣться вмѣстѣ, если мы были молоды вмѣстѣ? Каждый человѣкъ на свѣтѣ — еврей ли, христіанинъ ли, важный ли, простой ли—бываетъ молодъ и старъ... и для каждаго молодость—радость, а старость—такая печаль, отъ которой до могилы нельзя избавиться... Это удѣлъ каждаго...

Еврей умолкъ. Графъ также молчалъ; только часы на стѣнахъ жужжали сухо и неспокойно: такъ-такъ, такъ-то-такъ, такъ-то-такъ, такъ-то-такъ. Одни изъ нихъ глубокимъ басомъ начали бить: разъ, два, три! Но чуть только они пробили три раза, отозвались другіе и очень тонко пробили: разъ, два! При шестомъ ударѣ звонили уже три голоса, а при седьмомъ ихъ было цѣлыхъ шесть. Семь, восемь, девять вызвонили хоромъ, который потомъ уменьшился до трехъ и двухъ голосовъ, кончая извѣщать о девятомъ часѣ. Графъ съ улыбкой глядѣлъ вокругъ себя.

— Концертъ! — шепнулъ онъ, а потомъ задумчиво прибавилъ:

— Мой Берекъ, сколько уже часовъ отзвонило время для тебя и для меня!

— Ну! — отвѣчалъ еврей, — почему бы времени было и не отзванивать наши часы? Мы были далеко другъ отъ друга, и не видѣлись никогда, и забыли другъ друга, а время на часахъ шло впередъ, и сколько ни пробило часовъ, пробило и для вашего сіятельства и для меня, потому что часы одинаково бьютъ для всѣхъ.

Съ минуту помолчавъ, онъ взглянулъ на гостя и робко началъ:

— А знаете ли, ваше сіятельство, что я помню родителей вашего сіятельства, какъ будто ихъ вчера видѣлъ? Графъ отецъ вашего сіятельства былъ маленькаго роста, но такой гордый съ виду, а у графини-матушки были такія маленькія руки, какъ бѣлые цвѣты... тѣ, что растутъ въ саду. Садовникъ говорилъ, что это лиліи... можетъ быть, я плохо помню... лиліи... лиліи... такіе бѣлые, красивые цвѣты, они сильно пахнутъ... У ихъ сіятельства руки походили на эти лиліи. Ваше сіятельство, вы не разсердитесь, если я спрошу, живы ли ихъ сіятельства папаша и мамаша?

Графъ горько улыбнулся и отвѣтилъ: — Гдѣ ужъ, мой Берекъ! Развѣ можетъ быть, чтобы у меня были родители въ живыхъ? Тѣ бѣлыя лиліи, о которыхъ ты говоришь, давно уже въ землѣ.

У него голосъ дрогнулъ. Сдерживая волненіе, онъ участливо спросилъ:

— А твои родители? Отца твоего я почти не помню, а мать припоминаю отлично. Она была худощавая, небольшая, изнуренная женщина, съ увядшимъ лицомъ, но съ прекрасными еще глазами, черными и огненными.

Еврей немного помолчалъ, а потомъ указалъ сухимъ и темнымъ пальцемъ въ полъ и промолвилъ тихо:

— Тѣ глаза, что̀ ваше сіятельство помните, давно въ землѣ.

Часы жужжали: „такъ-такъ“, „такъ-то-такъ“, „такъ-то-такъ“; а они оба молчали, и души ихъ углубились въ потокъ времени.

Еврей первый очнулся отъ задумчивости и сказалъ:

— А чѣмъ я заслужилъ ту великую милость Господа Бога, что Онъ привелъ ко мнѣ такого стараго знакомаго?

Графъ вынулъ изъ кармана старинные часы и положилъ ихъ на столъ. Еврей любовно взялъ ихъ въ руки и, оглядывая ихъ съ улыбкой, спросилъ:

— А какая на нихъ жалоба? Чѣмъ они согрѣшили? Отстаютъ? Ваше сіятельство пробовали ихъ исправить и ничто не помогло? Тс!.. тс!.. я ужъ вижу, что съ ними неладно, они очень больны. Ихъ надо разобрать и лечить...

У графа глаза сверкнули изъ-за очковъ. Онъ взволновался и вмѣстѣ съ тѣмъ обрадовался.

— Можешь это сдѣлать сейчасъ?

— Почему же нѣтъ? Я буду очень радъ, если ваше сіятельство немного у меня посидите и сами увидите, что я больному не сдѣлаю ничего худого. Только я зажгу лампу побольше, потому что для такой работы при этой маленькой лампѣ мои глаза слишкомъ слабы...

Графъ, приходя все въ лучшее настроеніе духа, сказалъ:

— Тебѣ-то хорошо, ты можешь зажечь большую лампу, а у меня съ собой нѣтъ очковъ, которые я надѣваю, когда починяю часы...

— Ай, ай! Что за бѣда? У меня есть нѣсколько паръ разныхъ очковъ; выберите себѣ, ваше сіятельство, тѣ, которые придутся по глазамъ. Ужъ не просятся ли и глаза вашего сіятельства въ отставку?

— Ой, вѣрно, мой Берекъ, даже очень просятся... и мнѣ чертовски это надоѣло. Безъ очковъ и не двинься, а подчасъ и съ очками трудно...

Еврей вынулъ изъ ящика нѣсколько паръ очковъ и сказалъ:

— Это richtig, какъ у меня. Наши глаза совсѣмъ постарѣли.

Спустя нѣсколько минутъ оба сидѣли нагнувшись надъ столикомъ, погруженные въ работу, разбирали часы и разсматривали разныя ихъ части. Роговая оправа очковъ перерѣзала темными линіями ихъ морщинистые лбы, щеки, виски и исчезала за ушами въ сѣдыхъ волосахъ. Глаза за большими стеклами все болѣе сосредоточивались; свѣтъ лампы зажигалъ въ нихъ серебряныя искры. Работая, старики разговаривали, но только о предметѣ своего занятія, потому что въ эту минуту они совершенно забыли обо всемъ, кромѣ своей работы. Иногда они молчали и, приглядываясь, провѣряя, передѣлывая, отъ сильнаго напряженія вниманія начинали глубоко и громко вздыхать. Иногда перекидывались между собой отрывочными фразами:

— Смотри, смотри, вотъ гдѣ бѣда!

— Если тутъ, то мы бѣду отсюда выгонимъ! но мнѣ кажется, что она гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ.

А иногда начинали спорить.

— Что ты дѣлаешь? Это не такъ! — неспокойно говорилъ графъ.

Еврей отвѣчалъ успокоительно:

— Не бойтесь, ваше сіятельство, ваше сіятельство сейчасъ увидите, что изъ этого выйдетъ...

— Да ничего изъ этого не выйдетъ!.. тутъ прижми... оттуда вынь...

Тутъ еврей возвышалъ голосъ и почти кричалъ:

— Ваше сіятельство ошибаетесь... тутъ есть такія тоненькія пружинки, что ваше сіятельство ихъ не видите.

А графъ тоже громкимъ голосомъ возражалъ:

— Вотъ это мнѣ нравится! я могъ чего-нибудь не замѣтить въ этихъ часахъ...

Но увидавъ, что еврей по-своему, но хорошо дѣлаетъ, бормоталъ потихоньку:

— А правда, правда! ты былъ правъ!..

А тотъ, также уже успокоившись, ворчалъ:

— Когда дѣло касается моей работы, то я всегда правъ...

Снова умолкали, приглядывались, мастерили, приближались другъ къ другу лицами, изборожденными морщинами и темными линіями очковъ; надъ столомъ соединялись ихъ увядшія руки, съ осторожно двигавшимися сухими пальцами; дыханіе ихъ, громкое и протяжное, смѣшивалось съ жужжаніемъ часовъ, текущимъ непрерывной волной.

Въ это время изъ этой волны сухого и торопливаго шума выдѣлился низкій басъ очень чистый и началъ вызванивать: разъ, два, три! За четвертымъ ударомъ ему началъ вторить, какъ отрокъ взрослому мужчинѣ, тоненькій альтовый голосокъ и выкрикнулъ: разъ, два! А за третьимъ ударомъ ему начали вторить другіе голоса, которымъ тотчасъ же пришли на помощь еще другіе, пока цѣлый хоръ, пробивъ вмѣстѣ нѣсколько разъ, не уменьшился снова до трехъ и двухъ голосовъ, кончавшихъ выбивать десять часовъ.

Оба человѣка приподняли отъ стола головы и опустили на колѣни руки. Еврей заговорилъ съ улыбкой:

— Ну, ваше сіятельство—хорошій знатокъ въ часахъ... Ужъ я вижу, что ваше сіятельство имѣете такую же любовь къ часамъ, какъ прежде имѣли къ быстрымъ лошадямъ и красивымъ барышнямъ.

Графъ тоже весело отвѣчалъ:

— Это правда, мой Берекъ, это правда, что на меня на-

пала эта страсть, невѣсть какъ и для чего... Да въ старости всякія чудачества нападаютъ...

Еврей сдѣлалъ гримасу и съ неудовольствіемъ началъ бормотать:

— Чудачество! какое тутъ чудачество? Почему это чудачество? Часы—это прекрасная машина и дѣлаютъ честь человѣческому разуму, который ихъ выдумалъ. Развѣ они кого-нибудь убиваютъ, какъ напримѣръ ружье или пушка? Развѣ они кого-нибудь калѣчатъ, какъ тѣ машины, которыя на большихъ фабрикахъ причиняютъ людямъ всевозможное зло? Часы — это другъ для человѣка; они съ нимъ, когда ему весело и когда грустно; они ему показываютъ въ какое время что̀ дѣлать; они говорятъ, когда никто съ человѣкомъ не разговариваетъ; они его учатъ, что время бѣжитъ и что онъ съ этимъ временемъ, точно по большой рѣкѣ, тоже плыветъ къ безпредѣльному морю...

Онъ махнулъ рукой и докончилъ:

— Знаете что, ваше сіятельство? Они для человѣка иногда лучшій другъ, чѣмъ нѣкоторые люди, потому что они никогда не кусаются! Хи, хи, хи!

Онъ тихонько засмѣялся, но графъ задумчиво слушалъ и, поддакивая ему, отвѣтилъ:

— Ты говоришь умныя вещи: эта говорящая машина всегда съ человѣкомъ, когда ему весело и когда грустно... Знаешь ли ты, что эти часы были у меня уже тогда, когда, какъ ты говоришь, у меня была страсть къ быстрымъ лошадямъ и красивымъ барышнямъ?..

— Ай, ай! — чмокнулъ еврей, — у такого молодого барина уже были такіе дорогіе часы!

Графъ улыбнулся.

— У меня никогда не было недостатка въ дорогихъ вещахъ, но не разъ недоставало дорогихъ людей... Я никогда не забуду предсмертныхъ часовъ моей матери... Докторъ сказалъ, что смерть станетъ приближаться тогда, когда пульсъ начнетъ ослабѣвать, и пошелъ отдохнуть, потому что онъ страшно усталъ и мало спалъ. Я остался одинъ при ея постели и часто, съ часами въ одной рукѣ, съ ея рукой въ другой спрашивалъ себя: не приближается ли уже?.. Чѣмъ болѣе она приближалась, тѣмъ рѣже становились удары пульса, и мнѣ казалось, что тѣмъ скорѣе двигалась часовая стрѣлка. Она двигалась, а въ той лиліи, которую ты помнишь, пульсъ становился медленнѣе, медленнѣе... и остановился. То, что̀ приближалось, пришло. На часахъ было пять минутъ и три секунды перваго часа ночи...

Еврей, со слезами на глазахъ, сочувственно кивалъ головой, а часы жужжали хоромъ: „такъ-такъ“, „такъ-то-такъ“, „такъ-то-такъ“, „такъ-то-такъ“.

Подавляя волненіе, графъ пошутилъ:

— Ты не повѣришь, мой Берекъ, какая на нихъ иногда рѣзвость нападала! Когда я былъ однажды влюбленъ въ одну даму, а могъ быть съ нею всегда очень недолго, каждый разъ, когда я взглядывалъ на часы, меня такая брала злость, что, кажется, я бы ихъ охотно раздавилъ. Я мысленно бранилъ ихъ: „не бѣгите же такъ, глупые! Постойте немножко, отдохните и пусть вмѣстѣ съ вами и время остановится!“ Но они не слушались: бѣжали—и счастье мое... улетѣло!..

Еврей тихонько спросилъ:

— А что, ваше сіятельство, вы всегда по ночамъ хорошо спали?..

Графъ сдѣлалъ рукой ироническій жестъ.

— А когда вы, ваше сіятельство, не спали, то ваши мысли всегда были веселыя? Ну, я самъ знаю, что иногда онѣ должны были быть невеселыми? А когда ваше сіятельство лежали въ темнотѣ, съ невеселыми мыслями въ головѣ, то часы вѣроятно шли очень медленно?

— Но все-таки шли,—отвѣчалъ графъ,—и черныя ночи тянулись...

— А когда онѣ тянулись, всѣ спали и только часы съ вашимъ сіятельствомъ разговаривали... о чемъ они говорили? Они утѣшали ваше сіятельство, что и эта чернота пройдетъ...

— Какъ все проходитъ,—докончилъ графъ и глубоко задумался. Онъ чувствовалъ себя какъ-то странно. Къ чему онъ такъ долго тутъ сидитъ и такъ фамильярно разговариваетъ съ этимъ лапсердакомъ?

Онъ его зналъ когда-то! Ну такъ что же? Общихъ воспоминаній все-таки у нихъ не можетъ быть, и вообще нѣтъ ничего общаго. Графъ не былъ гордъ, у него была врожденная доброжелательность къ людямъ; тѣмъ не менѣе онъ зналъ, какая пропасть отдѣляетъ его отъ Берека, когда-то сына фермера, а теперь часовщика на второстепенной улицѣ города. Попросту, они разнились во всемъ и между ними не было ничего общаго. Онъ зашелъ сюда, чтобы отдать въ починку часы, а засидѣлся нѣсколько часовъ. Но еще болѣе странно было то, что ему совсѣмъ не хотѣлось уходить. Почти неожиданно для самого себя онъ спросилъ:

— Какъ же тебѣ жилось, мой Берекъ? Какъ живется тебѣ теперь? Есть у тебя семья и достаточно средствъ къ жизни?

Еврей поблагодарилъ за эти участливые вопросы и сталъ очень подробно разсказывать.

Онъ не богатъ, капиталовъ не скопилъ, но имѣетъ кое-какія средства къ жизни и нужды не терпитъ. Онъ еще работаетъ и зарабатываетъ столько, сколько ему нужно на жизнь—а много ли ему нужно теперь, когда онъ уже одинъ и при немъ только одна внучка, которая за нимъ присматриваетъ и также кое-что зарабатываетъ шитьемъ! У него нѣсколько дѣтей, множество внуковъ, но это все...

Онъ махнулъ рукой.

— Знаете что, ваше сіятельство? Есть такая загадка и мнѣ очень интересно, знаете ли вы, ваше сіятельство, ее или не знаете... Какъ можетъ случиться, чтобы у человѣка была семья и въ то же время ея не было?—Говоря это, онъ устремилъ на графа вопросительный и вмѣстѣ хитрый взглядъ.

— Ну, ваше сіятельство знаете эту загадку?

На губахъ графа промелькнула ироническая улыбка.

— Знаю эту загадку, Берекъ, очень хорошо знаю...

Еврей обѣими руками хлопнулъ по колѣнямъ и тревожно воскликнулъ:

— Ой, зачѣмъ, ваше сіятельство, ее знаете? Ее лучше не знать! Ну, а если мы оба ее знаемъ, то ужъ я вашему сіятельству о своей семьѣ разсказывать не буду. Они порядочные люди и честные люди, и нѣкоторые даже образованы и богаты, но они не мои... они принадлежатъ себѣ и свѣту, не мнѣ...

У него было нѣсколько дочерей, но только одна не перестала быть для него родной. Она любила его и заботилась о немъ, была свѣтомъ и отрадой для его глазъ; но ужъ онъ давно ея не видѣлъ и никогда болѣе не увидитъ. Ее постигли неудачи и несчастія въ торговлѣ. Она уѣхала съ дѣтьми и мужемъ въ Америку, искать счастья... Иногда онъ получаетъ письма отъ нея, но что письма? Онъ ее никогда больше не увидитъ и это такое большое горе, что его можно перенести спокойно и терпѣливо только потому, что оно исходитъ отъ руки Божіей. Что дѣлать!

Его глаза, когда-то, по словамъ графа, голубые, какъ бирюза, теперь сѣрые и тусклые, съ красными вѣками, подернулись слезами. Но вскорѣ онъ оправился отъ волненія и, благодаря за сочувственные вопросы, прибавилъ нерѣшительно:

— Не сердитесь, ваше сіятельство, если я спрошу о сестрѣ вашего сіятельства, о ея сіятельствѣ молодой графинѣ, которая когда-то меня, бѣднаго еврейчика, рисовала на картинѣ. Ай, какая это была прелестная барышня! Я ее помню. Какъ же мнѣ ее не помнить, если я такой прелестной барышни больше никогда потомъ не видѣлъ? Это былъ ангелъ, она была такая красивая и такая добрая, и такая тихая и нѣжная, какъ ангелъ! Я помню, что ваше сіятельство жили съ ней въ большой дружбѣ. Какъ мнѣ этого не помнить, когда я потомъ такой дружбы ужъ никогда не видѣлъ. Жива ли она? Гдѣ она живетъ? Что дѣлаетъ? Какъ ей живется?

Съ минуту помолчавъ, графъ, устремивъ взоръ на полъ, отвѣчалъ:

— У меня было три сестры, но съ тою, о которой ты спрашиваешь, я былъ больше всего друженъ. Она жива, живется ей хорошо; но я давно ея не видѣлъ и, можетъ быть, никогда уже не увижу. Она вышла замужъ за англичанина, живетъ въ Англіи; сюда она не пріѣзжаетъ никогда, а мнѣ, приближающемуся къ концу длиннаго пути, трудно уже пускаться хотя бы въ короткій... Она для меня умерла, хотя и жива... Что же дѣлать!

Еврей внимательно слушалъ и грустно качалъ головой.

— У вашего сіятельства та же печаль, что и у меня. И ваше сіятельство правду сказали: она умерла, хотя и жива. Я то же самое думаю о своей Мальцѣ. Я думаю, что люди по разному умираютъ: одни отъ болѣзни, другіе уѣзжая, третьи потому, что мѣняются, четвертые... Но къ чему я это говорю вашему сіятельству, когда ваше сіятельство сами знаете...

Онъ махнулъ рукой и замолчалъ, а графъ, все смотря въ полъ, коротко отвѣтилъ:

— Знаю.

Оба замолчали, а вокругъ часы говорили въ безпрерывномъ жужжаніи: „такъ-такъ", „такъ-то-такъ", „такъ-то-такъ", „такъ-то-такъ". И вдругъ раздался изъ-за ихъ жужжанья громкій голосъ, кричавшій на всю комнату: „ку-ку!" „ку-ку!"

Графъ всталъ и, подойдя къ часамъ, остановился передъ ними. Онъ распахнулъ шубу, потому что ему стало жарко въ душной комнатѣ. На глазахъ у него были уже собственные очки въ золотой оправѣ.

Поднявъ голову, онъ долго смотрѣлъ сквозь очки на старинные часы и спросилъ:

— Сколько бы ты взялъ за эти часы?

Еврей, сидѣвшій у стола, поднявъ голову и улыбнувшись, отвѣтилъ:

— Что я могу за нихъ взять? я за нихъ ничего не возьму.

— Какъ такъ? вѣдь ты же торгуешь часами!

— Ваше сіятельство сказали вѣрно. Я торгую часами, но эти часы не продажные.

Графъ съ удивленіемъ обернулся къ нему.

— Почему? Это вещь большой цѣны. Я бы самъ ихъ охотно пріобрѣлъ.

Еврей одобрительно кивалъ головой.

— Я знаю, что это дорогіе часы и что я бы получилъ за нихъ хорошія деньги, но я ихъ не продамъ. Развѣ ваше сіятельство слышали когда-нибудь, чтобы другъ продавалъ друга?

Графъ смотрѣлъ на говорившаго почти съ изумленіемъ.

— Можетъ ли быть?—вскричалъ онъ.—Но ты не богатъ, и ты еврей, а евреи цѣнятъ только деньги!

Еврей тихонько отвѣтилъ:

— Ваше сіятельство изволите ошибаться.

А графъ, посмѣиваясь, сказалъ:

— Въ чемъ же я ошибаюсь? Что ты такъ высоко цѣнишь въ этихъ часахъ, что не хочешь ихъ продать? Вѣдь у тебя столько другихъ! Изъ-за чего эти часы для тебя такъ важны или дороги?

Онъ былъ такъ заинтересованъ или удивленъ, что снова усѣлся возлѣ стола, на креслѣ съ продавленнымъ сидѣньемъ и сломанными ручками.

Еврей началъ медленно говорить:

— Если ваше сіятельство хотите послушать, то я все разскажу. Скоро будетъ уже сорокъ лѣтъ, какъ у меня эти часы. Я купилъ ихъ дешево, и купилъ для того, чтобы продать дороже! Но въ то время мой Мойша—теперь ужъ купецъ и ведетъ крупную торговлю хлѣбомъ,—былъ такимъ маленькимъ мальчикомъ, что ходилъ въ школу, а у меня еще не было другихъ сыновей; я очень боялся, что мнѣ ихъ Господь Богъ не дастъ, и я его очень любилъ. Ай, что это былъ за ребенокъ, мой Мойша! Если бы ваше сіятельство его знали, то сами бы удивились, что на свѣтѣ можетъ быть такое дитя. А когда я купилъ эти часы, то въ тотъ самый день мой Мойша вернулся изъ школы такой ослабѣвшій, такой скучный и блѣдный, что меня страхъ взялъ, какъ бы онъ не заболѣлъ и какъ бы Господь Богъ не отнялъ у меня моего единственнаго сына. Пришелъ мой Мойша изъ хедера, сѣлъ въ уголъ, ѣсть не хочетъ, только смотритъ въ

землю и говоритъ, что у него очень болитъ голова, и что онъ въ школѣ очень измучился, и что учитель очень строгій, и что онъ не хочетъ больше жить! Ай, ай! чтобы такое дитя не хотѣло жить. Это странно, это страшно и это великій грѣхъ! Когда онъ это сказалъ, я схватился за голову, и его мать схватилась за голову, а его сестры начали плакать о томъ, что Мойша жить не хочетъ, и что мы сидимъ, схватившись за головы и покачиваемся отъ великой скорби. Въ это время вдругъ эти часы закуковали. Было десять часовъ, и они долго куковали—десять разъ. Послѣ перваго раза Мойша поднялъ голову и удивился; послѣ второго онъ смотрѣлъ уже не въ землю, а на часы; послѣ третьяго у него глаза заблестѣли и онъ воскликнулъ: „Ай, ай! папа, что это такое? откуда ты это взялъ!" И началъ такъ радоваться часамъ, какъ человѣкъ, котораго долго держатъ въ темнотѣ, радуется, увидя солнце. Я былъ очень доволенъ, что онъ смѣется, вскочилъ на табуретъ и надавилъ пружинку, которую ваше сіятельство знаете: изъ часовъ выскочила птица и начала махать крыльями и еще сильнѣе куковать. Ну, какъ онъ ту птицу увидалъ, мой Мойша, то онъ просто вылетѣлъ изъ угла, схватилъ старшую сестру обѣими руками и началъ съ ней передъ часами танцовать, а видя какъ онъ со старшей сестрой танцовалъ, то и двѣ младшія, такія маленькія, что ихъ едва видно было отъ земли, схватились за ручки и тоже начали танцовать. Они не только танцовали, но съ большой радости, что увидали такую красивую птицу, смѣялись на всю комнату, а глядя на нихъ и мать, приготовлявшая у огня обѣдъ, начала смѣяться. Я не слѣзалъ съ табурета и смотрѣлъ, какъ они всѣ танцовали и смѣялись. Птица куковала, а я, стоя на табуретѣ возлѣ этихъ часовъ, мысленно благодарилъ Господа Бога, что Мойша уже не боленъ и хочетъ жить, и что въ моемъ домѣ такая большая печаль превратилась въ такую большую радость.

Должно быть это была въ самомъ дѣлѣ большая радость, потому что еще теперь, черезъ сорокъ лѣтъ, она отражалась на морщинистомъ лицѣ Берека, а эхо отзывалось тихимъ и протяжнымъ смѣхомъ. Повеселѣвшій, съ блестящими глазами и разставивши руки, онъ продолжалъ:

— Ну, развѣ я могъ въ то время продать часы, когда Господь Богъ ниспослалъ мнѣ черезъ нихъ Свою милость? Я немножко боялся ихъ продать, чтобы отъ меня не отвернулось счастье, а немножко жалѣлъ и дѣтей, для которыхъ та птица, что въ нихъ поетъ, была настоящей забавой и такой радостью, что, бывало, какъ закукуетъ, такъ они и начнутъ танцовать...

У меня были на нихъ покупатели, но я всегда думалъ: лучше послѣ! пусть еще немножко у насъ побудутъ! Но вотъ Господь Богъ послалъ мнѣ тяжкую болѣзнь...

Онъ глубоко вздохнулъ, поднялъ глаза къ потолку и продолжалъ:

— Когда Господь Богъ послалъ мнѣ эту болѣзнь, то я, пожалуй, цѣлый мѣсяцъ не спалъ. Знаете ли, ваше сіятельство, каково это, когда у человѣка внутри сильная болѣзнь, а въ головѣ черныя мысли, и онъ цѣлую ночь лежитъ съ открытыми глазами и смотритъ въ темноту. Я въ той темнотѣ много такого видалъ, что не дай Богъ ни одному доброму человѣку видѣть! Я видѣлъ свою смерть и своихъ дѣтей, которыя безъ меня останутся въ большой нуждѣ, и свои грѣхи, которыми я оскорблялъ Господа Бога, и великій ужасъ, ожидающій меня за нихъ на томъ свѣтѣ... А когда я такъ лежалъ и видѣлъ все это открытыми глазами, то стоило птицѣ закуковать, какъ тотчасъ эти являвшіяся въ темнотѣ видѣнія замѣнялись другими. Можетъ быть, ваше сіятельство догадываетесь, что я видѣлъ въ темнотѣ, когда куковала птица? Тогда я видѣлъ Струменицу и самого себя, какъ я стою у двора за плетнемъ и смотрю на тотъ лѣсъ, который начинался сейчасъ за дворомъ... Ай, какое чудное лѣто! Тотъ садъ, съ выдѣляющимся бѣлымъ дворцомъ, такой зеленый, и изъ него несутся очень пріятные ароматы... Надъ дворцомъ, на такомъ высокомъ деревѣ, такая большая птица съ длиннымъ клювомъ стоитъ на такомъ большомъ гнѣздѣ и кормитъ своихъ птенцовъ лягушками, которыхъ принесла съ луга... а въ томъ лѣсу, на который я смотрю, въ такомъ зеленомъ, другая птица кукуетъ... совсѣмъ такъ кукуетъ, какъ эти часы... Смотря на эти видѣнія, я смѣялся, какъ дитя, когда ему покажутъ игрушку, и благодарилъ Господа Бога, что Онъ далъ мнѣ такую вещь, которая мнѣ въ темнотѣ рисуетъ такія свѣтлыя видѣнія...

Онъ умолкъ и довольно долго сидѣлъ, сложивъ руки на колѣняхъ и свѣсивъ голову.

Графъ, подперевъ голову рукой, сосредоточенно молчалъ, и обѣ ихъ сѣдыя, опущенныя головы обдавало безпрерывное жужжаніе времени: „такъ-такъ", „такъ-то-такъ", „такъ-то-такъ", „такъ-то-такъ".

Черезъ минуту среди этого жужжанья раздался голосъ еврея, пониженный, почти шепчущій:

— Я могъ бы цѣлую недѣлю разсказывать вашему сіятельству объ этихъ часахъ и все же всего бы не пересказалъ. Но

еще одно разскажу. Ужъ не откажите, ваше сіятельство, терпѣливо выслушать еще только это.

Онъ разсказалъ, что когда его любимица Мальца уѣзжала въ Америку, онъ не провожалъ ее на вокзалъ, потому что чувствовалъ, что не удержится отъ слезъ, и не хотѣлъ, чтобы люди жалѣли его старые глаза, которымъ приходится такъ плакать. И вотъ онъ простился съ дочерью и ея дѣтьми здѣсь, въ этой самой комнатѣ, и они ушли, а онъ, еле живой, сѣлъ на полъ, вонъ въ томъ углу, и схватившись обѣими руками за голову, раскачивался и плакалъ, и жаловался Господу Богу, что Онъ ему послалъ такое большое несчастье. Вдругъ онъ вспомнилъ, что при отходѣ поѣзда отъ станціи бываетъ слышенъ протяжный и рѣзкій свистъ, и ему страшно захотѣлось услышать этотъ свистъ. „Хоть бы мнѣ его услышать,—подумалъ онъ,—чтобы знать, когда моя Мальца и ея дѣти уже перестанутъ находиться здѣсь, когда они для меня совсѣмъ пропадутъ“. Онъ зналъ, въ которомъ часу раздается обыкновенно этотъ свистъ, и, сидя въ углу на полу, держась руками за голову, сталъ смотрѣть на часы, на эти часы съ птицей. Смотрѣлъ и думалъ: черезъ четверть часа, черезъ десять минутъ, черезъ пять, черезъ три минуты. Въ это время раздался свистъ протяжный и такой рѣзкій, что пронзилъ его въ самое сердце. Ужъ его Мальцы нѣтъ здѣсь, ужъ она хотя и жива, но для него умерла...

— Повѣрите ли, ваше сіятельство? Я помню, что въ то время было двадцать-три минуты одиннадцатаго...

Графъ задумался. Всталъ.

— Мой Берекъ,—сказалъ онъ,—я хорошо понимаю, почему ты не хочешь продать эти часы. Ты по нимъ читаешь, какъ я по своимъ... прошедшее.

Еврей кивнулъ головой, очень довольный.

— Ваше сіятельство сказали правду. Ваше сіятельство по своимъ часамъ такъ, какъ я по моимъ... читаете прошедшее. Оно есть у каждаго.

Они стояли другъ противъ друга, готовые разстаться, но оттягивали прощаніе, чувствуя присутствіе невидимаго кузнеца, приковывавшаго ихъ другъ къ другу неожиданными цѣпями, а вокругъ ихъ сгорбленныхъ и слабыхъ фигуръ волна времени плыла съ безпрерывнымъ шумомъ: „такъ-такъ“, „такъ-то такъ“, „такъ-то-такъ“.

Графъ сѣлъ снова и даже разсѣлся въ креслѣ, какъ будто для долгой бесѣды, а изъ шума, наполнявшаго комнату, выдѣлился очень чистый басъ — и началъ бить: разъ, два, три! За

четвертымъ ударомъ ему началъ вторить, какъ отрокъ взрослому мужчинѣ, тоненькій альтъ и выкрикнулъ: разъ, два! А за третьимъ ударомъ ему начали вторить другіе голоса, которымъ тотчасъ же пришли на помощь еще другіе, пока цѣлый хоръ, согласно ударивъ нѣсколько разъ, снова уменьшился до трехъ и двухъ голосовъ, кончавшихъ бить одиннадцать часовъ.

Прошло нѣсколько мѣсяцевъ. Была ранняя весна, теплая, солнечная. Старый Берекъ вышелъ изъ комнаты, наполненной вѣчнымъ шумомъ часовъ, и всталъ передъ дверьми на ступенькахъ, которыя спускались къ троттуару. Его тотчасъ залило солнечнымъ свѣтомъ и на золотомъ фонѣ выдѣлилась небольшая фигурка, слабая, немножко сгорбленная, въ длинной и изношенной одеждѣ, въ сплющенной шапкѣ съ измятымъ козырькомъ. Подъ козырькомъ шапки выдѣлилось въ золотомъ освѣщеніи круглое, увядшее лицо, съ небольшимъ румянцемъ на сморщенныхъ щекахъ. Роговая оправа очковъ перерѣзывала черными линіями лобъ, виски и исчезала за ушами въ сѣдыхъ волосахъ. Сѣдая борода блестѣла на груди, какъ кудель съ серебряной пряжей.

Онъ стоялъ на солнцѣ. Свѣтъ и тепло разогрѣли и развеселили его; онъ глядѣлъ сквозь большія стекла очковъ на узкую улицу, украшенную сверху полосой голубого неба. Былъ полдень. Городское населеніе было въ движеніи; съ ближайшихъ, болѣе людныхъ улицъ доходили хорошо знакомые шумъ и стукъ, среди которыхъ ухо еврея тотчасъ же различило менѣе обычные звуки. Это былъ басовый напѣвъ, который то слышался громче, то умолкалъ, то снова лился торжественными звуками среди городского шума.

Берекъ съ минуту вслушивался, потомъ кивнулъ головой, понявъ, что это за звуки. Медленно подвигалось погребальное шествіе, все приближаясь. На узкой улицѣ поднялась суматоха, какая обыкновенно бываетъ, когда толпа торопится взглянуть на интересное зрѣлище. По троттуарамъ затопали торопливые шаги; зашумѣлъ говоръ приподнятыхъ голосовъ.

Берекъ спокойно остановился на ступенькахъ своей лѣстницы, спускающейся на троттуаръ, и смотрѣлъ въ ту сторону, откуда приближалось торжественное пѣніе. Сотни двѣ шаговъ отдѣляли его отъ конца улицы, мимо котораго обыкновенно проходили похоронныя процессіи.

Вскорѣ показалось шествіе. Изъ-за угла высокаго дома

вышло нѣсколько фигуръ въ бѣломъ. Въ залитомъ солнцемъ воздухѣ возносился черный крестъ; развѣвались красныя и синія хоругви; зажженные факелы блеснули цѣпью желтыхъ, мертвыхъ, грустныхъ огней. Раздался погребальный напѣвъ и смѣшался съ изумленнымъ и глухимъ шумомъ колесъ. Зачернѣлъ траурный балдахинъ. Погребальная колесница, запряженная шестеркой лошадей и окруженная людьми въ траурной одеждѣ, везла гробъ, весь залитый серебромъ.

Потомъ снова, при медленно удалявшемся пѣніи—хоругви, факелы и, за пышной колесницей, вереница медленно идущихъ парами людей, одѣтыхъ въ глубокій трауръ, но нарядныхъ. Тяжелыя женскія платья, волочащіяся по мостовой, черный крепъ, спускающійся съ головы до самой земли, черныя повязки на блестящихъ мужскихъ шляпахъ, въ обтянутыхъ чернымъ рукахъ молитвенники въ переплетахъ, украшенныхъ слоновой костью и золотомъ. Длинный рядъ такихъ паръ тянулся посреди двухъ рядовъ зажженныхъ факеловъ, за которыми толпился народъ, тѣснясь на троттуарахъ и по краямъ улицы.

Это были пышныя, богатыя похороны, какія рѣдко въ этомъ городѣ.

Сквозь большія стекла очковъ Берекъ спокойно смотрѣлъ на тянувшееся шествіе и только изрѣдка задумчиво покачивалъ головой. Но когда до его ушей донеслось нѣсколько словъ изъ уличной толпы, онъ вздрогнулъ, выпрямился и началъ разспрашивать, самъ не зная кого:

— Wos? wos? wer? кто такой? графъ! какой графъ? Что это такое? Кто умеръ? Чьи это похороны?

Съ этими вопросами, вырывавшимися изъ его безкровныхъ губъ, онъ очутился на троттуарѣ и загородилъ дорогу какому-то прохожему.

— Ну что? Не задерживай меня, жидъ!

— Чьи это похороны?

— Похороны графа Струменицкаго! Ну такъ чтожъ? Чего еще ты держишь меня за полу?

— Котораго Струменицкаго? Отца... отца... стараго графа Ксаверія...

— Ну пусти, мнѣ некогда!

Еврей отпустилъ полу прохожаго, закинулъ голову и, глядя на голубую полосу неба, заговорилъ, почти закричалъ:

— Онъ умеръ? графъ Ксаверій умеръ? Ну, можетъ ли это быть? Почему онъ умеръ? Онъ былъ совершенно здоровъ, когда ко мнѣ приходилъ! Онъ когда-то такой былъ молодой, и такой

красивый, и такой веселый, а теперь онъ умеръ? Откуда это взяли, что онъ умеръ?

Прохожіе, торопившіеся посмотрѣть на пышныя похороны, толкали его и съ удивленіемъ оглядывались на старика, который, глядя сквозь очки на небо, голосилъ, задавая вопросы. Онъ спрашивалъ неизвѣстно о чемъ и неизвѣстно кого. Кто-то, быстро идущій, оттолкнулъ его къ самой стѣнѣ дома; два еврейскихъ мальчика, пробѣгая, крикнули: Sieh! sieh! a myszugener!— Но это продолжалось недолго, потому что старый еврей, подталкиваемый какой-то непреодолимой силой, побѣжалъ, какъ только могъ, догоняя погребальный кортежъ. Поддерживая руками длинную одежду, онъ бѣжалъ, сгорбленный, съ вытянутой впередъ жилистой шеей, съ торчащей серебристой бородой. Онъ ужасно торопился. Онъ ни о чемъ другомъ не думалъ, какъ только о томъ, чтобы догнать погребальную процессію; у него не было другого желанія.

Процессія подвигалась медленно; догнать ее было нетрудно. Берекъ скоро догналъ послѣдніе ея ряды, но ему этого было мало. Онъ еще бѣжалъ, ловко проскальзывалъ сквозь толпу, гдѣ она была самая густая, пускалъ въ ходъ даже кулаки, пока не очутился среди дамъ и господъ, шедшихъ парами за гробомъ.

Родственники покойнаго, близкіе и далекіе, друзья дома, близкіе знакомые, старые и молодые, высокіе и низкіе, красивые и некрасивые, всѣ были изящны въ глубокомъ трауре, всѣ точно старались выказать свое торжественное настроеніе. За ними слѣдовалъ необозримый рядъ экипажей и слышался топотъ сѣрой массы оттиснутаго подальше простонародья.

По обѣ стороны колесницы тянулись пустыя и залитыя солнцемъ полосы мостовой. Берекъ убавилъ шагу и пошелъ по одной изъ этихъ полосъ, рядомъ съ вереницей дамъ и господъ. Они шли ровно и торжественно; онъ еле тащился и иногда спотыкался о камни. На фонѣ ихъ черныхъ нарядовъ его изношенная одежда казалась выброшенными за негодностью лохмотьями. На его сплющенной шапкѣ не было креповой повязки, а изъ-подъ измятаго козырька видна была черная оправа очковъ, пересѣкавшая морщины его лба и висковъ. Онъ казался каплей, брызнувшею изъ сѣрой, оттиснутой назадъ толпы, и упавшею сзади залитаго серебромъ гроба подъ громаднымъ и пышнымъ балдахиномъ.

Онъ шелъ. Можетъ-быть и обращали на него вниманіе и удивлялись, откуда онъ взялся и зачѣмъ идетъ; но онъ шелъ. Во главѣ процессіи, въ прозрачномъ воздухѣ, высоко возносились

темныя линіи креста и торжественно звучало церковное пѣніе. Скоро онъ самъ сталъ думать:

— Ну, откуда я тутъ взялся? Зачѣмъ я бѣжалъ какъ сумасшедшій? Зачѣмъ я иду?

И все-таки шелъ. Пока онъ бѣжалъ и пробивался сквозь толпу, онъ не думалъ ни о чемъ; онъ двигался инстинктивно; его влекла неясная, непреодолимая сила. Теперь онъ началъ удивляться, зачѣмъ онъ,спотыкаясь о камни, плетется за гробомъ, рядомъ съ родственниками и самыми близкими друзьями покойника.

— Ну, чего онъ тогда сидѣлъ у меня нѣсколько часовъ, почти цѣлую ночь? Чего онъ со мной разговаривалъ, какъ съ братомъ? Чего я бѣжалъ за его гробомъ, когда узналъ, что это его везутъ? Чего я и теперь за нимъ иду?

Такъ онъ думалъ и все больше удивлялся, но шелъ.

За городомъ стало просторно, свѣтло, чисто, прохладно. По обѣ стороны разстилались зеленыя поля; молодыя березы серебрились бѣлой полосой и шелестили молодыми листочками; легкій вѣтерокъ вѣялъ въ прозрачномъ воздухѣ, разнося запахи травъ, пробивавшихся изъ земли; рѣка блеснула изъ-за холмовъ такой горячей синевой, что казалась упавшимъ кусочкомъ неба.

Берекъ ужъ давно не былъ за городомъ, и теперь, какъ только вышелъ въ поле, на него повѣяло Струменицей. Вѣтеръ, березы, лучи солнца, разсѣянные въ воздухѣ, шептали въ оба уха: Струменица! Струменица! Онъ стоитъ у забора двора, смотритъ на тѣ же самыя березы, на тотъ же самый кусочекъ синеватой воды и слушаетъ, какъ въ лѣсу кукуетъ птица...

Онъ устремилъ взоръ на залитый серебромъ гробъ.

— Тутъ родились и ты, и я...

Черезъ настежь открытыя ворота процессія вошла за ограду кладбища и среди усѣянныхъ фіалками могилъ разсыпалась по лѣсу памятниковъ и крестовъ. Берекъ, въ сильной тревогѣ, остановился, и когда людская волна прошла, остался одинъ. На кладбищѣ было много деревьевъ; старый еврей пробрался между березъ и, со свѣсившейся головой, съ растопыренными пальцами опущенныхъ рукъ, блуждалъ съ минуту подъ плакучими вѣтвями, раздумывая, даже бормоча въ полголоса.

— Ну, чего я сюда пришелъ? Откуда я тутъ взялся? Чего я сюда залѣзъ?

Но не уходилъ и чувствовалъ, что невидимый кузнецъ приковывалъ его къ опускаемому въ землю гробу неожиданными цѣпями.

На противоположномъ концѣ кладбища стояла смѣшанная

толпа людей, возносилось торжественное пѣніе, сіялъ крестъ надъ высокой могилой. Еврей, опустивъ голову, топтался между березъ и разсуждалъ самъ съ собой. Ворота на кладбищѣ оставались все время открытыми настежь, но онъ не уходилъ; даже сѣлъ подъ березами...

Подъ березами, плачущими потокомъ мелкихъ листьевъ, посреди бѣлыхъ пней, надъ могилой, усыпанной фіалками, темнѣла опустившаяся на землю фигура стараго еврея, въ сплющенной шапкѣ, съ большими очками въ роговой оправѣ, съ серебряной куделью на груди.

Кладбище спускалось съ высокаго берега къ рѣкѣ, за которой разстилались зеленые луга и желтые пески.

Еврей вытянулъ шею и смотрѣлъ на пески.

— Что это такое?—забормоталъ онъ:—что это значитъ, неужели это оно? я не зналъ, что его можно отсюда видѣть!

На желтыхъ пескахъ выдѣлялось мѣсто, обведенное низкой стѣной. Тамъ не было ни деревьевъ, ни памятниковъ, ничего, только множество торчащихъ камней, красноватыхъ отъ блеска солнца и кругомъ—желтый песокъ. Еврейское кладбище.

Берекъ оперся локтемъ въ колѣно, закрылъ руками лицо и потихоньку покачивался то взадъ, то впередъ, въ тактъ наковальни, на которой между нимъ и гробомъ, опущеннымъ въ могилу, ковались невидимыя цѣпи. Онъ потихоньку говорилъ:

— Тутъ конецъ и твой, и мой!

Онъ пересталъ шептать, но все сидѣлъ подъ березами, выдѣляясь темнымъ пятномъ въ окружавшей зелени, среди щебетанья птицъ, надъ могилой, усыпанной фіалками.

А два кладбища, одно все въ зелени и крестахъ, другое—съ торчащими камнями на желтомъ песку, сковало широкой цѣпью одно общее небо.

Перев. съ польскаго Н. Мѣшкова.

ЗАКОНЪ 9-го НОЯБРЯ

(Мысли и наблюденія деревенскаго обывателя.)

Въ 1909 г. статистическое отдѣленіе владимірской губернской земской управы предприняло среди корреспондентовъ текущей статистики небольшую анкету по вопросамъ, связаннымъ съ примѣненіемъ закона 9-го ноября. Цѣль этой анкеты заключалась, конечно, не въ количественной, а въ качественной характеристикѣ тѣхъ перемѣнъ, тѣхъ, главнымъ образомъ, особенностей массоваго настроенія, которыя успѣли за трехлѣтній промежутокъ времени болѣе или менѣе ясно обозначиться въ деревенской жизни. Предложенные корреспондентамъ вопросы распадались, по своему содержанію, какъ бы на три отдѣльныя части. Прежде всего, предстояло вообще высказаться о сельско-хозяйственныхъ удобствахъ или неудобствахъ хуторской и отрубной формъ владѣнія, сравнительно съ общинной, черезполосной; далѣе — о томъ, въ какой мѣрѣ успѣшно подвигается въ данной мѣстности практика закона 9-го ноября, и если были случаи выдѣловъ, то какъ именно: черезполосно, въ отрубной участокъ или на хуторъ, и какіе разряды хозяйствъ, по имущественному и семейному положенію, предпочтительно предъ другими выдѣлялись; наконецъ — какъ реагируетъ на стремленіе отдѣльныхъ домохозяевъ къ выдѣлу остальная масса крестьянства. Всего было получено 437 отвѣтовъ. Въ нихъ слышится голосъ того населенія, которое несетъ на себѣ и будетъ и дальше нести всѣ послѣдствія современной аграрной политики [1]). И хотя вокругъ закона 9-го ноября, за кратковременное его существованіе, успѣла уже возникнуть обширная литература, однако какъ разъ эта сторона дѣла до сихъ поръ оставалась въ тѣни.

[1]) По крайней мѣрѣ $^4/_5$ общаго числа корреспондентовъ—коренные крестьяне.

Мы почти не знаемъ, что думаетъ, что чувствуетъ и какъ вообще переживаетъ само населеніе тѣ чрезвычайныя неожиданности, которыя свалились ему на голову. Между тѣмъ, казалось бы, оно больше всѣхъ въ правѣ требовать, чтобы его голосъ былъ выслушанъ. А такъ какъ, кромѣ того, губернія, о которой идетъ рѣчь, типична для всего центральнаго промышленнаго района, то все происходящее здѣсь до извѣстной степени характеризуетъ положеніе вещей въ цѣлой широкой полосѣ средней Россіи.

Въ послѣдующемъ изложеніи мы вездѣ предоставляемъ первое слово корреспондентамъ, ограничивая свою роль сводкой и систематизаціей ихъ мнѣній. Нѣкоторые выводы напрашиваются сами собой только потому, что очевидность ихъ слишкомъ велика, и они выдвигаются впередъ большинствомъ корреспондентовъ.

Въ хозяйственномъ отношеніи владимірская губернія не вполнѣ однородна. Отличаясь вообще промышленнымъ характеромъ, она въ отдѣльныхъ своихъ частяхъ обнаруживаетъ, однако, существенныя особенности, въ связи съ той или другой степенью заинтересованности населенія собственно въ земледѣльческомъ промыслѣ. Средина—владимірскій, суздальскій и юрьевскій уѣзды, такъ называемая, по-старинѣ, „опольщина", мѣстность съ лучшими въ губерніи по плодородію почвами и почти лишенная сколько-нибудь развитой фабрично-заводской промышленности,—все еще сильна своими земледѣльческими традиціями, составляющими здѣсь главное содержаніе жизни крестьянской массы. Діаметральную, во всѣхъ отношеніяхъ, противоположность представляетъ сѣверо-восточная часть—шуйскій, ковровскій и, пожалуй, вязниковскій уѣзды, центръ оживленной фабрично-заводской дѣятельности, съ знаменитымъ Иваново-Шуйскимъ фабричнымъ райономъ во главѣ. Въ этой мѣстности сельско-хозяйственные интересы давно уже завяли и играютъ чуть ли не послѣднюю роль въ обиходѣ рядового крестьянина. Остальная территорія занимаетъ какъ бы переходное положеніе между двумя крайностями. Естественно ожидать, что тѣ новыя явленія, которыя возникаютъ въ деревенской жизни на почвѣ закона 9-го ноября, въ различныхъ мѣстностяхъ и сами по себѣ неодинаковы, и неодинаково отражаются въ сознаніи наблюдателя, смотря по тому, насколько прочны или, наоборотъ, слабы его земледѣльческія симпатіи. Въ дальнѣйшемъ мы попытаемся, гдѣ окажется возможнымъ, уловить эти оттѣнки настроеній среди крестьянъ той или другой мѣстности.

Обратимся прежде всего къ той позиціи, которую занимаетъ населеніе по основному вопросу землеустройства—отрубной и хуторской формамъ владѣнія, сравнительно съ общинной, черезполосной. Въ виду слишкомъ откровеннаго съ самаго начала курса правительственной

политики, теперь страннымъ даже кажется и затрогивать подобную тему. Конечно, если бы заданіе всей реформы было иное, если бы на первомъ планѣ стояло не своеобразно понятое „успокоеніе", а дѣйствительное благо страны, то главною ея цѣлью было бы возможно болѣе полное согласованіе ея принципіальныхъ основаній съ тѣми потребностями и запросами, которые успѣли уже назрѣть и отчетливо формулироваться въ представленіяхъ массы. Эти представленія, весьма опредѣленныя, во многомъ идутъ прямо въ разрѣзъ съ видами правительства.

„У меня на двѣ души по пяти полосъ въ полѣ: выѣдешь съ бороной—обернуться некуда, станешь сѣять—то-ли себѣ, то-ли сосѣду" (влад. у.). Картина слишкомъ хорошо знакомая... Развѣ ужъ очень наивный или неопытный защитникъ общины рѣшился бы отрицать, что въ условіяхъ настоящаго внутриобщиннаго малоземелья принципъ уравнительнаго крестьянскаго землепользованія самымъ трагическимъ образомъ столкнулся съ мелкополосицей—столкнулся въ такомъ тупикѣ, изъ котораго ему какъ будто бы нѣтъ даже и выхода. При этихъ условіяхъ стоитъ только намекнуть—и теоретическая мысль деревенскаго наблюдателя охотно послѣдуетъ за вами по той линіи наименьшаго сопротивленія, которою является, въ данномъ случаѣ, хуторъ или отрубъ: средство, на первый взглядъ, простое и, главное, очень понятное. Кромѣ того, почему не помечтать? „Самое лучшее хозяйство на свѣтѣ такое, чтобы усадьба, лугъ, поле и лѣсъ были бы въ одной площади, окруженные рѣками, прудами, колодцами и дорогами, обезпеченные охраной—свѣтло, чисто и безопасно" (шуйск. у.). Это ли — не заманчивая перспектива? „Однако, если не будетъ хватать чего-либо одного изъ сказаннаго, то не только плохо, а даже невозможно", — заключаетъ корреспондентъ, изъ области мечтаній переносясь, очевидно, къ окружающей его дѣйствительности.

Извѣстныя техническія преимущества отрубной и хуторской формъ владѣнія предъ современной мелкополосицей настолько, почти до осязательности, очевидны, что ихъ можно, зажмуривши глаза, по пальцамъ пересчитать. Безъ затрудненія это дѣлаютъ и корреспонденты, приводя обычные въ такомъ случаѣ доводы. „Хуторской способъ удобенъ: близость земли къ дому, легче удобрять, не уходитъ земля на межи между полосами, а, главное, иниціатива крестьянина въ измѣненіи посѣва, обработки и вообще въ улучшеніи землепользованія" (вязник. у.). „Хуторское хозяйство удобнѣе, потому что при хуторскомъ хозяйствѣ вести крестьянство очень сподручно: все находится въ одномъ участкѣ" (горох. у.). Все это—такія соображенія, противъ которыхъ трудно что-либо возразить: въ нихъ просто констатируется фактъ, не подлежащій сомнѣнію. Но практическіе выводы изъ этого факта могутъ быть очень неодинаковы: все зависитъ

отъ того, какъ подходить къ вопросу — съ точки ли зрѣнія безпристрастныхъ историческихъ предпосылокъ, или съ какими-нибудь предвзятыми намѣреніями.

Если разобраться въ мотивахъ, выставляемыхъ корреспондентами въ пользу не-черезполосныхъ формъ владѣнія, и свести ихъ къ нѣсколькимъ общимъ рубрикамъ, то они охарактеризуются слѣдующими процентными отношеніями:

Округленность владѣнія.	Удобство обработки.	Лучшее удобреніе.	Индивидуализація хозяйства.	Безъ объясненія причинъ.	Всего.
25	25	15	20	15	100

Три первыя рубрики, въ сущности, однородны: всѣ онѣ предполагаютъ округленность владѣнія, изъ которой сама собою вытекаетъ возможность лучшаго удобренія и болѣе успѣшной обработки. Такимъ образомъ, чисто техническія удобства составляютъ основу по крайней мѣрѣ $^{2}/_{3}$ общаго числа мнѣній. Подъ рубрикой: „индивидуализація хозяйства“ мы объединили самые разнообразные отзывы, если только въ нихъ, хотя бы даже отдаленнымъ образомъ, чувствовались признаки утомленія общинными порядками. Сюда вошло значительное число такихъ мало характерныхъ случаевъ, какъ переходъ къ болѣе совершеннымъ формамъ сѣвооборота. И все-таки число всѣхъ подобныхъ мнѣній не превосходитъ 20% общаго количества. Интересно, особенно въ виду дальнѣйшаго, отмѣтить нѣкоторыя принципіальныя различія у корреспондентовъ отдѣльныхъ мѣстностей.

	Техническія удобства и безъ объясн. причинъ.	Индивидуализація хозяйства.
	%	%
Земледѣльческій районъ	83	17
Переходный районъ	84	16
Фабричный районъ	71	29

Какъ видимъ, населеніе земледѣльческихъ мѣстностей заинтересовано въ вопросѣ о техническихъ удобствахъ землепользованія, можетъ быть, даже въ большей степени, чѣмъ населеніе фабричныхъ центровъ, но возможные въ этомъ направленіи выходы рисуются ему, очевидно, въ иномъ видѣ: индивидуализація хозяйства, а, слѣдовательно, и связанное съ нимъ ближайшимъ образомъ хуторское владѣніе, встрѣчаетъ здѣсь гораздо меньше сторонниковъ, чѣмъ въ фабричныхъ мѣстностяхъ.

Это обстоятельство слѣдовало бы, конечно, учесть, какъ очень серьезный показатель; но только не случайно ли оно? Или, можетъ

быть, не вытекаетъ ли оно просто изъ большей косности крестьянина-земледѣльца, неспособнаго до конца оріентироваться въ собственномъ положеніи? Оказывается, нѣтъ. Если посмотрѣть, какъ раздѣляются мнѣнія корреспондентовъ между формами владѣнія, то увидимъ слѣдующее:

	Какое хозяйство удобнѣе?			
	Отрубное. %	Черезпол. %	Хуторское. %	Черезпол. %
Земледѣльческій районъ . .	86	14	37	63
Переходный районъ . . .	66	34	42	58
Фабричный районъ	62	38	51	49

Цифры эти въ высшей степени знаменательны. Онѣ показываютъ, что уровень сельско-хозяйственнаго пониманія въ земледѣльческомъ районѣ несравненно выше, чѣмъ въ фабричномъ: весь громадный вредъ отъ мелкополосицы и необходимость болѣе крупныхъ участковъ чувствуется здѣсь гораздо сильнѣе. И, несмотря на это, земледѣльческій крестьянинъ все-таки отдаетъ рѣшительное предпочтеніе обычнымъ формамъ общиннаго землепользованія, какъ только начинаетъ сравнивать ихъ съ хуторскимъ. Въ фабричныхъ мѣстностяхъ точка зрѣнія другая: на переднемъ планѣ здѣсь — хуторъ, индивидуализація хозяйства какъ бы сама по себѣ составляетъ цѣль, которая отчасти, повидимому, заслоняетъ даже вопросы земледѣльческаго порядка. Новаго во всемъ этомъ немного: давно уже извѣстно, что земледѣльческія мѣстности отличаются отъ фабричныхъ свѣжестью своихъ общинныхъ традицій; но только теперь, на почвѣ жгучихъ вопросовъ, поднятыхъ закономъ 9-го ноября, разница эта стала много острѣй, мнѣнія рѣзче опредѣлились. Отношеніе къ хуторскому владѣнію играетъ при этомъ роль очень чувствительнаго критерія: такъ какъ хуторъ—полный и безповоротный разрывъ съ общиной, то естественно, что именно въ этомъ пунктѣ сильнѣе всего и выступаетъ непримиримость противоположныхъ принципіальныхъ позицій.

Итакъ, хуторская форма владѣнія, эта современная правительственная панацея отъ всякихъ золъ, встрѣчаетъ въ массѣ населенія принципіальный отпоръ, тѣмъ болѣе энергичный, чѣмъ выше и прочнѣе ея сельско-хозяйственные интересы и привычки. Настоящая земледѣльческая масса (а на нее, конечно, въ первую голову и разсчитанъ законъ 9-го ноября) не можетъ себѣ представить задачъ землеустройства иначе, какъ въ рамкахъ того самаго общиннаго строя, который служитъ сейчасъ главной мишенью для нападеній аграрной политики, и рѣшительно отворачивается отъ тѣхъ идеаловъ „крѣпкаго крестьянства“, которые занимаютъ самое видное мѣсто въ рецептахъ г. Столыпина. Каковы должны быть задачи

истиннаго землеустройства—обсужденіе этого вопроса не входило въ обязанности корреспондентовъ; но для полноты характеристики общаго настроенія интересенъ предлагаемый очень многими изъ нихъ выходъ, своего рода какъ бы формула: „общинное, но съ болѣе крупными полосами“ (сузд. у.). „По моему мнѣнію, общинный, съ переходомъ на крупныя полосы“ (горох. у.). „Общинный удобнѣй; только правительству нужно раздѣлить на крупныя полосы, а не такъ, какъ сейчасъ—14, 16 и 18 мѣстъ въ каждомъ полѣ“ (юрьевск. у.). „Хуторской въ нашей мѣстности немыслимъ, хотя онъ, по моему мнѣнію, и хорошъ; но замѣнить его можно тѣмъ, что раздѣлить всю общественную землю, какъ пахотную, такъ и луговую, на болѣе широкія полосы“ (вязник. у.). Любопытно, какъ иногда преломляется въ понятіяхъ корреспондентовъ и получаетъ совсѣмъ особое освѣщеніе самая форма хуторского владѣнія. „Удобнѣе, по моему мнѣнію, хуторской; хуторскимъ я называю такой, чтобы земля была въ одномъ мѣстѣ, недалеко отъ деревни“ (судог. у.). „По моему мнѣнію, хуторское хозяйство хорошо, если надѣлъ побольше; а еще лучше, если составится нѣсколько домохозяевъ, съ надѣломъ по 12 дес. и даже меньше того,—тогда можно жить лучше“ (вязник. у.).

Вообще, лишь только изъ области теоретическихъ разсужденій корреспонденты вступаютъ на практическую почву, удѣльный вѣсъ не-черезполоснаго, особенно хуторского владѣнія все больше и больше падаетъ. Очень часто сами сторонники хуторского хозяйства спѣшатъ отъ него отказаться, когда примѣряютъ его къ дѣйствительности. Главнымъ препятствіемъ, по общему признанію, служитъ недостатокъ земли. „Хуторской трудъ продуктивнѣе и болѣе распорядителенъ, но малы участки земли: кабы хозяину приходилось не менѣе 15 дес.“ (юрьевск. у.). „Хуторской способъ хозяйства, можетъ быть, и выгоднѣе, но онъ не можетъ быть примѣненъ по малоземелью: для хуторского хозяйства надо имѣть по крайней мѣрѣ 15 дес. земли“ (муромск. у.). „У насъ земли очень мало: всякой земли—пахотной, сѣнокосной, лѣсной и прочей — падаетъ десятины по 3 на домохозяина. Хуторъ хорошъ для обработки земли, если бы ея было 10 или 15 десятинъ; а тутъ, я такъ думаю, ни одна коммиссія ничего не сдѣлаетъ. А если сдѣлаетъ, то я просилъ бы губернскую управу дать мнѣ разъясненіе: какъ мнѣ прожить на 1-ой десятинѣ? Насъ четыре брата, а земли 3 дес., и то—двѣ болотной, неудобной“ (переясл. у.). Цифра 10—15 дес., которая вообще часто мелькаетъ въ разсужденіяхъ корреспондентовъ, далеко не случайна и заслуживаетъ серьезнаго вниманія. Если исчислять необходимый во владимірской губерніи minimum земли для хуторского хозяйства по трехпольному сѣвообороту (а другого разсчета корреспонденты, конечно, и дѣлать не могутъ), то она является совершенно правильной. Въ другомъ

мѣстѣ [1]) намъ пришлось показать, что каждая рабочая пара въ состояніи здѣсь обработать 5 дес. посѣвной площади, при 3 дес. покоса; прибавимъ сюда другія угодья, — приблизительно и получится около 12 дес.

Слѣдующимъ важнымъ препятствіемъ считается вопросъ о выпасѣ, водоснабженіи и нѣкоторыхъ другихъ потребностяхъ, которыя легче и дешевле удовлетворяются при общинныхъ распорядкахъ. „Общинное пользованіе болѣе подходяще, чѣмъ хуторское: обгораживаніе полей, вырываніе прудовъ и колодцевъ, пастьба скота, пути сообщенія болѣе примѣнимы къ общинному пользованію“ (судог. у.). „Хуторской былъ бы хорошъ, если бы возможно было производить на немъ пасево, потому что для пасева нужно будетъ имѣть изгородь, а у насъ лѣсу нѣтъ: мы за хворостомъ ѣздимъ за 20 в.“ (юрьевск. у.). „Деревни всегда расположены около рѣкъ, рѣчекъ, озеръ и ручьевъ; а если гдѣ таковыхъ и не имѣется, то деревней вырыть колодезь или прудъ, что̀ не составляетъ такихъ затратъ, какъ хуторянину. Общинная пастьба скота лучше хуторской; отправленіе какъ общественныхъ, такъ и общегосударственныхъ службъ и повинностей удобнѣе при общинѣ“ (вязн. у.). Въ связи съ крайней степенью деревенской бѣдности всѣ эти соображенія получаютъ особенную силу. Одинъ изъ корреспондентовъ, убѣжденный принципіальный сторонникъ хуторского хозяйства, немедленно ставитъ на немъ крестъ, лишь только сталкивается съ этимъ вопросомъ. „Дѣло въ томъ“—говоритъ онъ,— „что̀ для перехода на хуторъ нужно много положить труда, а, главное, денежныхъ расходовъ. Вѣдь для того, чтобы пріобрѣсти участокъ, допустимъ, десятинъ въ 10, нужно немало денегъ; затѣмъ — перенести постройки, вырыть колодезь и т. д. Хотя правительство и помогаетъ въ подобныхъ случаяхъ — выдаетъ ссуды при помощи крестьянскаго банка, но, по-моему, это не велика помощь: вѣдь хозяинъ, разорившись въ конецъ и имѣя массу долга въ банкъ и частнымъ лицамъ, долго не выплетется изъ него и не радъ будетъ и хутору“ (шуйск. у.). „Выходъ на хуторъ сопряженъ съ очень большими издержками“—говоритъ другой:—„нужно каждому хозяину вырыть свой колодезь, обстроить усадьбу и непремѣнно всю землю огородить, на что̀ потребуется много денегъ,—такой суммы крестьянинъ и во снѣ не видалъ. На субсидію же разсчитывать нечего, потому что съ субсидіей въ 300—400 руб. ничего ровнымъ счетомъ не сдѣлаешь, субсидировать же нужно всѣхъ и сполна“ (вязн. у.). Продолжая развивать дальше свою мысль, тотъ же корреспондентъ пишетъ: „Но если, предположимъ, крестьяне и будутъ выселены на хутора, то никакой

[1]) См. „Землевладѣніе и землепользованіе въ влад. губ.“, Влад. на Клязьмѣ, 1910.

пользы это не принесетъ, кромѣ, развѣ, что увеличитъ безработныхъ, которыхъ и сейчасъ хоть отбавляй. Разсчитывать, что крестьяне при переходѣ на хутора улучшатъ свое хозяйство, немыслимо; думать такъ—значитъ строить воздушные замки. И прежде чѣмъ мы дождемся улучшенія хозяйства, крестьяне почти всѣ лишатся своей земли. Крестьянину для улучшенія хозяйства нужны не хутора—нѣтъ! Ему нужны образованіе, школы, хорошіе учителя, опытныя поля и дѣльные и трудолюбивые агрономы, которые наглядно бы учили его раціональному веденію хозяйства. Защитники хутора скажутъ, что все это и нужно сдѣлать, и тогда на хуторѣ дѣло пойдетъ гораздо лучше и скорѣе, потому что каждый будетъ стараться для себя. Очень хорошо; но только если крестьянинъ будетъ образованъ, то онъ и не подумаетъ о хуторѣ, не захочетъ даже никогда и слушать о немъ. Крестьяне тогда свободно разберутся въ окружающей ихъ жизни и сами найдутъ ключъ къ своему благосостоянію. Они заведутъ тогда свои потребительскія лавки, кооперативныя мастерскія и трудовыя артели и перемѣнятъ теперешнее трехполье на болѣе прибыльную многопольную систему" (корр. крестьянина нагуевской волости).

По мѣрѣ того, какъ окончательно разсѣивается миражъ хуторского хозяйства, все больше и больше растутъ симпатіи къ общинѣ. И случайно это или нѣтъ, но только она всегда находитъ себѣ самыхъ горячихъ и краснорѣчивыхъ защитниковъ. Приведемъ два первыхъ попавшихся мнѣнія: оба они принадлежатъ крестьянамъ. „Общинному землевладѣнію можно сдѣлать упрекъ только вслѣдствіе невѣжества населенія; но преимуществъ при немъ очень много: общій выгонъ, общій водопой, общій наемъ пастуховъ, общія дороги и переправы и сосѣдскія отношенія, а отсюда повседневная, можетъ быть мелочная, но значительная по результатамъ помощь" (покр. у.). „Общинное въ сто разъ лучше. На хуторъ намъ выдѣляться нельзя, потому что у насъ малоземелье; въ общинѣ же все стоитъ дешевле: вода, починка дорогъ, пастьба скота и пр. Въ общинѣ легче сообща купить сельско-хозяйственныя орудія и помогать другъ-другу во всей сельской жизни. Община много преодолѣла и еще много преодолѣетъ. Она—основа великаго будущаго" (сузд. у.).

Такова та почва настроеній и взглядовъ, на которую упалъ законъ 9-го ноября. Если бы подобные вопросы рѣшались не соотношеніемъ политическихъ конъюнктуръ, а простымъ большинствомъ, то всѣ усилія правительства не привели бы ровно ни къ чему, и самыя даже героическія съ его стороны попытки насадить институтъ частной собственности разлетѣлись бы въ пыль при первомъ же соприкосновеніи съ народной жизнью. Къ несчастію, дѣло обстоитъ иначе: въ противовѣсъ народному мнѣнію на историческіе вѣсы брошенъ вра-

ждебный ему классовый интересъ, на сторонѣ котораго—матеріальныя средства и силы. Невѣроятно, чтобы предпринятый правительствомъ походъ прошелъ для народной жизни безслѣдно. Невѣроятно, чтобы вся эта громадная армія чиновниковъ отъ землеустройства, безконечные отряды спеціально инструктированныхъ агрономовъ и землемѣровъ, безпрестанныя побужденія губернаторовъ и земскихъ начальниковъ, подкрѣпленныя обязательнымъ содѣйствіемъ становыхъ и урядниковъ, непрекращающійся, наконецъ, рядъ министерскихъ внушеній и прочія, какъ оффиціально дозволенныя, такъ даже и недозволенныя средства воздѣйствія,—невѣроятно, чтобы все это минуло безслѣдно и не вызвало очень серьезныхъ потрясеній въ историческихъ основахъ народнаго быта.

По части усиленной пропаганды новыхъ идей владимірская губернія ни въ какомъ случаѣ не можетъ почитать себя обиженной. Мѣстный губернаторъ былъ отмѣченъ особымъ вниманіемъ министерства, по случаю малоуспѣшности его дѣйствій, и претерпѣлъ соотвѣтствующее внушеніе. Съ увѣренностью можно сказать, что оно сильно подогрѣло его административную распорядительность и немедленно отразилось на всѣхъ подвѣдомственныхъ ему лицахъ и учрежденіяхъ. Отголоски энергичной кампаніи по проведенію въ жизнь закона 9-го ноября слышатся во многихъ корреспонденціяхъ. „Крестьяне стараются удержать общину, но старанія ихъ безуспѣшны: г. земскій начальникъ сказалъ, что хоть дадите приговоръ, хоть не дадите—все равно укрѣплю" (вязн. у.). „Пріѣзжаютъ старшина съ писаремъ въ общество и поютъ:—Хорошо тому будетъ, кто укрѣпитъ землю. Тамъ-та-та, тамъ-та-та...—А укрѣпись—и неизвѣстно, что будетъ. Вдовы и старики начинаютъ продавать" (ковр. у.). Судя по тому, что бо̀льшая часть такихъ сообщеній идетъ изъ фабричнаго района, можно думать, что начальство обратило на него особенное вниманіе. „Сгонятъ всѣхъ, какъ стадо, и толкуютъ: —Вамъ такъ неудобно, а вотъ такъ лучше... —Должно быть, мужика-то еще ребенкомъ считаютъ. Перво-наперво нужно бы землицы прибавить, а такъ мы и сами бы разобрались, какъ поступить" (вязн. у.). Мелкая административная сошка, съ своей стороны, не забываетъ при этомъ случаѣ въ мутной водѣ рыбу половить и, гдѣ можно, поживиться. „У насъ волостные писаря злоупотребляютъ: дѣлаютъ сборы по этому дѣлу. Съ кого возьметъ — сдѣлаетъ собственникомъ; а кто не дастъ — по году и больше не пропуститъ дѣло къ земскому начальнику" (судог. у.). Большіе вообще разговоры идутъ сейчасъ въ деревнѣ. „Въ народѣ происходятъ волненія и недоумѣнія по земельному дѣлу" (юрьевск. у). „Много толковъ у крестьянъ на эту тему, которыхъ я здѣсь помѣстить не могу. Одно скажу (не вытерпѣлъ корреспондентъ): все отъ

мужика и съ мужика, а мужику—ничего!..“ (вязник. у.). Любопытный, однако, выводъ, любопытные, должно-быть, и разговоры...

Каковы же все-таки результаты всѣхъ этихъ усилій? Каковы тѣ плоды, которые успѣла пожать администрація? На вопросъ, не замѣчается ли среди крестьянъ стремленія къ укрѣпленію земли въ личную собственность, отвѣты корреспондентовъ различныхъ мѣстностей распредѣляются слѣдующимъ образомъ:

	Есть стремленіе.	Нѣтъ.
	%.	%.
Земледѣльческій районъ	57	43
Переходный районъ	70	30
Фабричный районъ	85	15

Стремленіе, несомнѣнно, существуетъ—и немалое. Однако, громадная опять разница между фабричнымъ и земледѣльческимъ районами: въ первомъ мы встрѣчаемся съ нимъ, приблизительно говоря, въ 85-ти селеніяхъ изъ 100, во второмъ—только въ 57. Вообще оно правильно падаетъ съ усиленіемъ земледѣльческаго характера мѣстности. Далеко неодинакова, затѣмъ, и самая степень этого стремленія, какъ видно изъ дальнѣйшей таблички, въ которой подробнѣе изученъ первый столбецъ предыдущихъ цифръ:

	Какая степень стремленія къ укрѣпленію?		
	Сильная.	Слабая.	Неопредѣл.
	%.	%.	
Земледѣльческій районъ	7	27	66
Переходный районъ	26	23	51
Фабричный районъ	42	12	46

Замѣтимъ, между прочимъ, что изъ фабричнаго района получены четыре извѣстія объ укрѣпленіи надѣльной земли въ собственность обществами въ полномъ составѣ, а изъ обоихъ остальныхъ вмѣстѣ—только два извѣстія. Сила стремленія въ различныхъ мѣстностяхъ рѣзко различна: она очень быстро и совершенно правильно растетъ по направленію отъ земледѣльческаго района къ фабричному. Относительное число показаній, констатирующихъ наличность сильнаго стремленія, въ фабричномъ районѣ въ шесть разъ больше, констатирующихъ слабое—вдвое меньше. Если въ земледѣльческомъ районѣ очень еще много такихъ мѣстъ, гдѣ „объ этомъ дѣлѣ и разговора нѣтъ“, а въ значительномъ числѣ другихъ все ограничивается покамѣстъ одними предположеніями, то въ фабричномъ районѣ предположенія, несомнѣнно, уже начали получать широкое практическое осуществленіе.

Впрочемъ, что касается собственно практическаго осуществленія,

то за нимъ дѣло, конечно, не постоитъ: юридическая обстановка вопроса такова, что было бы только желаніе, а средства всегда найдутся. Но вѣдь не въ этомъ, однако, главная суть. Вѣдь и самые даже похвальные успѣхи по части укрѣпленія въ собственность имѣютъ весьма сомнительное касательство къ задачамъ землеустройства, хотя бы и по современному плану. А какъ же обстоитъ дѣло съ этой-то стороны? Каковы успѣхи, достигнутые здѣсь? По имѣющимся у насъ точнымъ свѣдѣніямъ о дѣятельности землеустроительныхъ коммиссій, къ 1-му января 1910-го года было выдѣлено 94 хутора и нарѣзано 567 отрубовъ. Принимая во вниманіе довольно благопріятныя обстоятельства, эти цифры чрезвычайно скромныя. По даннымъ корреспондентовъ, подавляющее большинство (75%) укрѣпленій совершается черезполосно. Такимъ образомъ, въ землеустроительномъ собственно смыслѣ успѣхи, если здѣсь можно вообще говорить объ успѣхахъ, слабоватые и даже весьма слабоватые.

Преобладаніе черезполосныхъ укрѣпленій корреспонденты иногда объясняютъ нежеланіемъ укрѣпляющихся ломать установившіеся въ землепользованіи порядки, стремленіемъ фактически продолжать оставаться въ общинѣ. Возможно, конечно, что и это бываетъ; но правдоподобнѣе какъ разъ обратное объясненіе, что сама община налагаетъ veto на выдѣлъ къ одному мѣсту. „Остальные домохозяева не желаютъ переламывать всего поля ради одного какого-нибудь выскочки, а очень ужъ сильно желающихъ выдѣленія посылаютъ на абсолютно неудобную землю“ (вязн. у.). „Нѣкоторые и желали бы на отрубной участокъ, но боятся, что имъ нарѣжутъ самой худшей земли и на пустоши, въ отдаленности отъ своего родного дома“ (шуйск. у.). На то же отчасти намекаетъ постоянно встрѣчающаяся оговорка, что черезполосно выдѣляются „покамѣстъ“, „покуда“.

Врядъ ли, однако, этимъ однимъ все объясняется. Нѣкоторыя мѣстныя различія въ порядкѣ укрѣпленія говорятъ какъ-будто бы и еще кое о чемъ.

	Укрѣпл. черезпол. %	Укрѣпл. на отруба. %
Земледѣльческій районъ	71	29
Переходный районъ	71	29
Фабричный районъ	81	19

Земледѣльческія мѣстности, въ которыхъ, какъ мы знаемъ, населеніе лучше понимаетъ вредъ отъ мелкополосицы, дѣйствительно идутъ впереди фабричныхъ по числу образовавшихся отрубовъ. Находятъ же онѣ пути къ нимъ, несмотря на то, что именно здѣсь-то, казалось бы, община проявитъ себя особенно неуступчивой! И если

все-таки въ массѣ наблюдается такой громадный перевѣсъ черезполосныхъ укрѣпленій, то очевидно, что именно въ ней, въ этой самой массѣ, въ тѣхъ цѣляхъ, которыя она укрѣпленіемъ преслѣдуетъ, и лежитъ еще одна причина разсматриваемаго явленія.

Какіе преимущественно крестьяне укрѣпляютъ землю въ собственность? По имущественному положенію въ большинствѣ (73%)—многоземельные, по семейному—малосемейные (88%). Укрѣпляются, значитъ, тѣ, кому это въ томъ или другомъ отношеніи выгодно, хозяйства же малоземельныя или многосемейныя почти не укрѣпляются, потому что въ общинѣ видятъ для себя единственный оплотъ въ будущемъ.

Двѣ указанныя категоріи укрѣпляющихся, для которыхъ какъ будто бы спеціально и написанъ весь законъ 9-го ноября, по составу своему довольно разнообразны. Многоземельные—это, съ одной стороны, богатые люди, одержимые желаніемъ присовокупленія, а съ другой, тѣ семейства, у которыхъ, со времени послѣдняго передѣла оказались умершія души; имъ грозитъ опасность земельной отрѣзки, и они спѣшатъ укрѣпиться, большею частью для того, чтобы тутъ же и продать лишнюю землю. „У хорошихъ обыкновенныхъ крестьянъ покамѣстъ и мнѣнія нѣтъ объ укрѣпленіи; имѣютъ мнѣніе только бездѣтные крестьяне, у которыхъ большой душевой надѣлъ“ (покр. у.). „Выходятъ въ собственность тѣ только, у которыхъ нѣтъ наслѣдства, чтобы продать, а остальные хотятъ жить по-старому и дѣлить землю по-общинному“ (меленк. у.). „Замѣчается стремленіе единственно съ цѣлью захвата до передѣла у малосемейныхъ, чтобы укрѣпить и продать“ (горох. у.). Два эти разряда „выходцевъ“, какъ называютъ иногда это новое явленіе корреспонденты, представляютъ особенно тяжелое новообразованіе въ современной деревенской жизни; къ нимъ больше всего относятся слова одного изъ корреспондентовъ, что на такихъ людей „смотрятъ какъ на отнимающихъ насильно общественную собственность“ (судог. у.). Онъ не понимаетъ, наивный человѣкъ, что они дѣлаютъ это отнюдь не насильно, а на самомъ законномъ основаніи. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, чтобы хоть отчасти гарантировать себя, общество хлопочетъ о передѣлѣ. „Остальные крестьяне очень стараются объ общемъ передѣлѣ, потому что малосемейные домохозяева, укрѣпившіе въ личную собственность, продаютъ свои надѣлы, а это многосемейнымъ кажется обиднымъ, такъ какъ они остаются безъ всякихъ средствъ къ жизни“ (горох. у.).

Къ малосемейнымъ относятся, далѣе, одиночки, бездѣтные старики и вдовы, которые стремятся „укрѣпить да продать, а деньги прожить“ (ковр. у.). Они, обыкновенно, „и сами сознаютъ, что дѣлаютъ общинѣ крайнія непріятности, но цѣль наживы отъ продажи земли беретъ свое“ (судз. у.). Можетъ быть, это даже и не нажива,

а крайняя необходимость, и люди эти только невольно играютъ въ руку аграрной политики; но, съ другой стороны, понятно также и негодованіе одного, напр., корреспондента, который разсказываетъ, что его сосѣдка, бездѣтная вдова, которую мужъ привелъ когда-то изъ Польши, владѣетъ двумя ревизскими надѣлами, сама ихъ не пашетъ, а сдаетъ въ сосѣднюю деревню, „стала просить утвердить ее въ личную собственность, чтобы выйти изъ общины и продать землю, повидимому, кому-то дальнему; общество этого не хотѣло, но земскій начальникъ ее утвердилъ. Мы считаемъ это неудобнымъ, также—и каждый хорошій крестьянинъ" (покр. у.). У самого корреспондента надѣлы тоже на двѣ души, при трехъ взрослыхъ работникахъ и большомъ малолѣтнемъ семействѣ.

Укрѣпляются, наконецъ, и продаютъ землю люди, порвавшіе съ нею всякую связь, а такихъ во владимірской губерніи, конечно, немало. „Крестьяне, живущіе на фабрикахъ и не имѣющіе ни домовъ, ни сельскаго хозяйства, ходатайствуютъ предъ правительствомъ объ укрѣпленіи надѣльной земли въ личную собственность" (меленк. у.). Не появись такъ кстати законъ, имъ и въ голову бы не пришло безпокоиться о землѣ. „Замѣчается стремленіе укрѣпить землю у отсутствующихъ крестьянъ, проживающихъ въ городахъ и на фабрикахъ и не имѣющихъ никакой осѣдлости—чтобы продать" (ковр. у.). Продаетъ и тотъ, кто собирается порвать связи, напр. переселенцы. „Хотятъ выдѣла только тѣ крестьяне, которые желаютъ переселиться въ Сибирь" (меленк. у.).

Таковъ преобладающій контингентъ лицъ, которыя пожелали воспользоваться правомъ укрѣпить землю въ собственность. Главнымъ образомъ, какъ видимъ, „это — люди, кому лично земля не нужна" (вязник. у.). „Они выходятъ не для того, чтобы какъ улучшить хозяйство, а только чтобы продать, и земля эта должна попасть въ руки богача; а тогда и гляди, что будетъ..." (меленк. у.). Ну, тѣ-то, разумѣется, могли бы на это сказать: „Après nous le déluge". Понятно теперь, почему громадное большинство укрѣпляется черезполосно: имъ совершенно незачѣмъ возиться съ отрубами—лишь бы поскорѣй укрѣпиться да продать. Кто можетъ быть дѣйствительно заинтересованъ въ отрубахъ и въ хуторахъ, такъ это тѣ упомянутые выше богатые многоземельные „выходцы", на которыхъ возложена роль новыхъ „собирателей земли русской". Уготованная для нихъ почва приноситъ свои плоды; теперь имъ только бы отдышаться, а то они все еще дрожатъ за свое существованіе, въ виду слишкомъ памятныхъ уроковъ недавняго прошлаго, и, не смѣя выступать открыто, заняты покамѣстъ мобилизаціей своихъ силъ. „Въ собственность укрѣпляются кулаки и несостоятельные крестьяне, послѣдніе—съ

тѣмъ, чтобы продать участокъ тому же кулаку; тотъ можетъ накупить такихъ участковъ нѣсколько, въ ущербъ всему обществу. Этотъ указъ вовсе нежелательный!" (муромск. у). „Нерѣдко встрѣтить такія сужденія среди крестьянъ, что законъ 9-го ноября не полезенъ для крестьянъ, что черезъ нѣсколько лѣтъ крестьяне рѣшительно останутся безъ земли, что и теперь наблюдается: которые укрѣпились или еще только просятъ укрѣпиться, а ужъ надѣлы продали за безцѣнокъ. Скупаютъ кулаки. Часто такъ случается, что крестьянинъ ѣдетъ укрѣпляться, а съ нимъ ѣдетъ кулакъ совершать продажную сдѣлку" (муромск. у.). Картинка прямо съ натуры!..

Итакъ, „собирачиль" идетъ. Фигура эта до такой степени поражаетъ наблюдателя своей ничѣмъ неприкрытой наготой, она такъ цинично откровенна въ каждомъ своемъ тѣлодвиженіи и словѣ, что крестьянинъ видитъ ее насквозь и заклеймилъ уже готовой печатью „врага общества и кровопійцы" (горох. у.). „Въ то время (т.-е. когда придетъ „собирачиль") образуется въ каждомъ селеніи пролетаріатъ и въ родѣ какъ помѣщики, скупившіе землю" (юрьевск. у.). Послѣ того наступитъ царство „крѣпкаго крестьянства". Смыслъ грядущихъ временъ такъ вообще простъ, что онъ ни для кого не тайна. „Съ укрѣпленіемъ земля будетъ, какъ ходячая монета, которой нынѣ владѣю я, а завтра—другой" (влад. у.). „Разъ укрѣпится какая-либо часть земли въ собственность, то возрастающее молодое поколѣніе должно оставаться безземельными батраками. Въ землѣ и такъ ощущается острая нужда; землеустроительныя коммиссіи не удовлетворяютъ требованіямъ народа. Если заглянуть впередъ — что будетъ тогда?!" (судог. у.). „Сильно большая будетъ безземелица въ будущее время—и большое насильство, и масса грабежей" (сузд. у.). Мрачныя вообще картины, и тяжелыя мысли онѣ ведутъ за собой. „Крестьяне мрачно представляютъ будущее: гдѣ будутъ селиться ихъ сыновья? Грозитъ полное обнищаніе" (горох. у.).

Община, разумѣется, безсильна и не можетъ ничего предпринять, чтобы отвратить отъ себя тяжелыя испытанія, которыя подстерегаютъ ее въ самомъ недалекомъ времени. Въ ея рукахъ, въ сущности, одно только средство: чисто пассивное сопротивленіе. Имъ она, дѣйствительно, и пользуется въ широкихъ размѣрахъ, отказывая въ приговорахъ на укрѣпленіе и оставаясь при этомъ совершенно глухой какъ къ угрозамъ, такъ и къ убѣжденіямъ. Одинъ корреспондентъ, неоднократно, но безуспѣшно добивавшійся общественнаго приговора, съ раздраженіемъ жалуется, что его „совсѣмъ поѣдомъ сожрали; что-жъ ты тутъ съ ними будешь дѣлать! Ихъ безъ дубины не уговорить" (покр. у.).

Отказъ въ приговорѣ—это какъ бы своего рода выраженіе обще-

ственнаго порицанія—черпаетъ свою моральную силу въ той глубинѣ граничащаго то съ негодованіемъ, то съ презрѣніемъ несочувствія, какое встрѣчаютъ по отношенію къ себѣ „выходцы“ въ широкихъ кругахъ деревенскаго населенія, — несочувствія, выраженнаго тѣмъ сильнѣе, чѣмъ больше развиты земледѣльческіе интересы мѣстности.

	Какъ относятся остальные кр-не къ выходу изъ общины?		
	Сочувств.	Безразлично.	Несочувств.
		%‎ %.	
Земледѣльческій районъ . . .	—	8	92
Переходный районъ.	6	5	89
Фабричный районъ	6	10	84

„Враждебно“, съ „большимъ негодованіемъ и даже презрѣніемъ“, „противно даже и слушать имъ“—таковы постоянные отзывы корреспондентовъ. Отказавши въ приговорѣ, община какъ бы умываетъ руки и всю отвѣтственность за дальнѣйшее слагаетъ на голову „выходца“. Съ этого момента онъ попадаетъ въ условія своего рода экстерриторіальности, становится какъ бы внѣ защиты общинныхъ порядковъ и долженъ постоянно чувствовать себя въ щекотливомъ положеніи изгоя. Въ настоящее время это далеко не безопасно, и потому отказъ въ приговорѣ или даже одна только возможность отказа часто въ самомъ началѣ убиваетъ всякія попытки въ этомъ направленіи. „Были желанія укрѣпиться, но разбились о большинство нежелающихъ“ (влад. у.).

Однако, въ атмосферѣ деревенскихъ отношеній чувствуется такая сейчасъ напряженность, столько успѣло скопиться въ ней всякихъ горючихъ матеріаловъ, что не обходится дѣло и безъ эксцессовъ. Кругъ интересовъ, затронутыхъ закономъ 9-го ноября, такъ широкъ, жизненность ихъ такъ глубока, что—помимо всего прочаго—онъ легче всего можетъ дать въ руки желающему способъ внести раздраженіе въ сферу не только общественныхъ, но и семейныхъ отношеній. Очень распространены указанія, что укрѣпляется „отецъ, который живетъ въ непріятности съ дѣтьми“ (юрьевск. у.), укрѣпляются „крестьяне, въ ущербъ сыну, брату и вообще младшимъ членамъ семьи, дабы держать ихъ въ рукахъ“ (муромск. у.). Все это вмѣстѣ взятое порождаетъ такое нервное и неустойчивое настроеніе, что при первомъ же удобномъ поводѣ оно проявляетъ себя бурными взрывами. „Десять домохозяевъ изъ д. Шанькова осенью прошлаго 1908 г. надумали перейти въ собственники; но остальные домохозяева выразили имъ протестъ и здорово поколотили ихъ на сходѣ, такъ что пришлось вызывать становаго со стражниками и унимать“ (вязн. у.).

Безъ преувеличенія можно сказать, что создавшійся въ деревнѣ

порядокъ вещей представляетъ какъ бы нарочитую и самую подходящую почву, на которой одна часть населенія возбуждается противъ другой. Но, повторяемъ, не община отвѣтственна за это, какъ и за все прочее, что совершается сейчасъ въ деревнѣ. До сихъ поръ, въ большинствѣ случаевъ, она заявляетъ только моральный протестъ, не нарушая поставленныхъ ей юридическихъ рамокъ. „Когда я подалъ черезъ сельскаго старосту заявленіе обществу, то оно его отвергло; когда я вынесъ законъ и сталъ объяснять, что если общество несогласно, то я и безъ его согласія сдѣлаю, то они сказали:—а если сдѣлаешь, то зачѣмъ насъ и спрашиваешь?“—(алекс. у.). Прекрасный и достойный отвѣтъ!.. Иди, и „что хочешь дѣлать, дѣлай скорѣе!“

Вс. Н.

РЕФОРМА УГОЛОВНАГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ВЪ ГЕРМАНІИ

Медленно, но неуклонно пробиваетъ себѣ путь къ господству голосъ криминалистовъ, стремящихся превратить уголовное законодательство въ дѣйствительное средство борьбы съ преступностью. Творчество не процвѣтаетъ въ наши дни; юридическая мысль благополучно обходится сейчасъ доставшимся ей по наслѣдству капиталомъ. Но, говоря словами мудреца, „всемірный духъ далъ времени приказъ идти впередъ“. И какъ ни тяжела работа, малыя дѣла, цѣпляясь другъ за друга, образуютъ постепенно значительный вкладъ въ общую сумму правового и соціальнаго прогресса.

Серьезныя уступки требованіямъ такъ-называемой позитивной криминалистической школы—фактъ, съ которымъ правовѣрная юриспруденція не можетъ дольше не считаться. Въ цѣломъ рядѣ государствъ введенъ институтъ условнаго осужденія. Повсюду измѣняются мѣры противодѣйствія возрастающей преступности малолѣтнихъ. Подготовляется радикальная перестройка господствующей системы борьбы съ рецидивомъ. А за послѣдніе годы предпринимаются уже энергическія попытки распространенія „новыхъ“ идей и на все вообще уголовное законодательство. Маленькая Норвегія, съ ея неисчерпаемымъ богатствомъ моральныхъ и творческихъ силъ, и въ этомъ случаѣ опередила всю Европу. Кодексъ 22-го мая 1902 г. еще очень далекъ отъ совершенства; но онъ начинаетъ собой новую эпоху. И каковы бы ни были достоинства и преимущества дальнѣйшихъ опытовъ, въ исторіи

ему обезпечено мѣсто рядомъ съ замѣчательнѣйшими памятниками уголовно-правовыхъ исканій.

Въ настоящее время закончены уже предварительныя работы по реформѣ кодексовъ швейцарскаго, австрійскаго и германскаго. И всѣ три проекта отражаютъ, въ большей или меньшей мѣрѣ, заявляемыя прогрессивной криминалистикой домогательства. Соціологическая школа заняла на законодательномъ горизонтѣ вполнѣ опредѣленное мѣсто. Сейчасъ уже нельзя себѣ представить случая, когда бы сколько-нибудь серьезная реформа карательнаго права прошла равнодушно мимо тѣхъ практическихъ требованій, которыя написаны на знамени „модернистовъ".

Успѣхъ, какъ мы видимъ, несомнѣнный. Но до того тріумфа, о которомъ мечтали въ 80-хъ годахъ только-что сорганизовавшіеся тогда протестанты, очень еще далеко. Отъ звука іерихонскихъ трубъ стѣны классической криминалистики не рухнули. Чѣмъ суровѣе на нее нападали, тѣмъ ярче выступала незыблемость ея юридическаго фундамента. Атакующіе останавливались, взвѣшивали еще разъ свои требованія, отбрасывали иныя изъ нихъ, какъ совершенно негодныя, признавали другія практически въ настоящій моментъ неосуществимыми. Отъ года къ году характеръ кампаніи постепенно измѣнялся. И сейчасъ борьба ведется уже подъ знакомъ компромисса, съ молчаливымъ признаніемъ за противной стороной права на львиную долю законодательной добычи.

Я не хочу уменьшить этимъ значенія достигнутыхъ уступокъ. Иначе, очевидно, и быть не могло. Именно въ области уголовной юстиціи сдерживающее вліяніе укоренившихся взглядовъ должно отличаться особою силою. Родиной цѣлаго ряда новшествъ не даромъ является въ этой сферѣ Америка. На почвѣ, свободной отъ тяжелаго груза историческихъ и культурныхъ традицій, производятся съ одинаковой легкостью совершенно, казалось бы, несовмѣстимые опыты. Тутъ и заманчивая картина будущаго—великодушный планъ устройства спеціальныхъ школъ для *излеченія* унаслѣдованныхъ провинившимися дѣтьми дурныхъ наклонностей,—и запоздавшій на нѣсколько вѣковъ проектъ кастраціи „неисправимыхъ" преступниковъ. Въ одной изъ своихъ беллетристическихъ шутокъ Оскаръ Уальдъ съ большимъ блескомъ, хотя и нѣсколько утрированно, изобразилъ равнодушіе заокеанской республики къ предразсудкамъ стараго свѣта. Это относится въ равной мѣрѣ ко злу и къ добру. Европа обнаруживаетъ въ обоихъ направленіяхъ гораздо бóльшую сдержанность.

I.

Смертная казнь и тѣлесныя наказанія.

Въ связи съ общими тенденціями нашей эпохи криминалистика проявляетъ сейчасъ слабую заботливость объ отдѣльномъ человѣкѣ. Все, что въ этомъ смыслѣ заключаютъ въ себѣ уголовные кодексы, является лишь реализаціей требованій, выдвинутыхъ философами и гуманистами еще во второй половинѣ XVIII-го столѣтія. Беккарія и Филанжьери, Монтескье и Вольтеръ, Джонъ Говардъ въ различной формѣ, но съ одинаковой силой возстали противъ жестокостей закона, произвола судовъ, варварскаго режима тогдашнихъ тюремъ. Очарованію провозглашенныхъ ими лозунговъ поддались благороднѣйшіе умы того времени. Началось движеніе, идеи котораго и по сей еще день окончательно не исчерпаны. Теперь пришла ему на смѣну другая волна. Не интересы личности, а *общее благо*—вотъ въ какую сторону устремлена сейчасъ всецѣло мысль криминалиста. Холодность, съ которою въ XX-мъ вѣкѣ разсматривается вопросъ о смертной казни—характернѣйшій показатель этого опаснаго во многихъ отношеніяхъ поворота.

Принципъ соціальной охраны проникаетъ насквозь и всѣ реформаторскія начинанія въ разработанныхъ за послѣдніе годы уголовно-правовыхъ кодексахъ. Объяснительныя записки изобилуютъ аргументами наивнѣйшаго утилитаризма. „Неотъемлемыя права человѣка" тщательно, напротивъ, исключаются изъ всѣхъ разсчетовъ.

Этимъ духомъ охваченъ и *предварительный проектъ германскаго уголовнаго уложенія*. Сорокъ лѣтъ тому назадъ, когда партикулярные нѣмецкіе кодексы впервые должны были уступить мѣсто общегерманскому законодательству, надъ всѣми текущими спорами безраздѣльно господствовалъ вопросъ о правѣ государства на жизнь гражданина. Объединеніе Германіи воскресило въ памяти эпоху франкфуртскаго парламента, съ провозглашенной въ „основныхъ правахъ нѣмецкаго народа" торжественной отмѣной смертной казни. Наступившая реакція, вмѣстѣ съ другими завоеваніями мартовскихъ дней, ликвидировала очень скоро и это. Въ 1870 г. проблема всплыла снова съ такой остротой, что изъ-за нея чуть было не рушился весь проектъ общаго уголовнаго кодекса. Сѣверогерманскій рейхстагъ стоялъ на томъ, что въ союзномъ законодательствѣ не мѣсто отжившему институту. Большинствомъ 118 противъ 81 голоса смертная казнь вычеркнута была, при второмъ чтеніи, изъ нѣмецкой карательной системы. Правительство объявило съ своей стороны, что въ двухъ слу-

чаяхъ—при умышленномъ убійствѣ и при покушеніи на жизнь одного изъ государей,—оно безусловно не можетъ отказаться отъ этого крайняго средства. Только въ самый послѣдній моментъ мысль о вредѣ уголовно-правового партикуляризма одержала верхъ надъ всѣми остальными мотивами—да и то предложенія союзнаго совѣта приняты были лишь 127 голосами противъ 119.

Какой контрастъ съ тѣмъ равнодушіемъ, которымъ эта роковая тема окутана въ настоящее время! Составители предварительнаго проекта съ большою легкостью проходятъ мимо вопроса. Они знаютъ, что онъ причинитъ имъ очень мало заботъ. Все, что писалось и говорилось юристами за послѣднюю четверть вѣка, скорѣе укрѣпило сторонниковъ смертной казни, чѣмъ ослабило ихъ. И достаточно вспомнить о томъ фіаско, которое постигло недавно враговъ смертной казни въ французской палатѣ депутатовъ, чтобы отдать себѣ отчетъ въ успѣхѣ агитаціи, предостерегающей законодателя и общество противъ увлеченія чувствомъ „фальшивой гуманности". Вопросъ, въ лучшемъ случаѣ, сошелъ, что называется, съ очереди. Сотни страницъ посвящены въ безчисленныхъ отзывахъ на германскій проектъ всевозможнымъ деталямъ принятой имъ карательной системы—но лишь изрѣдка тотъ или другой авторъ напомнитъ вскользь о томъ, что во главѣ ея остается попрежнему смертная казнь. Достоинства и недостатки уголовныхъ кодексовъ опредѣляются теперь иными критеріями.

Но какъ ни мало благопріятны условія, всепобѣждающая сила времени должна была, очевидно, сказаться и здѣсь. Смертная казнь съ 1881 г. неизвѣстна *голландскому* законодательству. Она исключена изъ дѣйствующихъ итальянскаго (1889 г.) и норвежскаго (1902 г.) кодексовъ. Не упоминаетъ о ней и нашумѣвшій швейцарскій проектъ (1903 г.) [1]). На значительныя уступки идетъ, наконецъ, и правительственная коммиссія, разработавшая основы реформы уголовнаго права въ Германіи. Именно тамъ, гдѣ фактически только и примѣняется здѣсь смертная казнь — при заранѣе обдуманномъ предумышленномъ убійствѣ,—она перестаетъ быть *обязательнымъ* наказаніемъ (§ 212). Смягчающія вину обстоятельства, которыхъ не знаетъ соотвѣтствующая статья (§ 211) нынѣшняго кодекса, даютъ судьѣ право понизить кару до 10-ти лѣтъ каторжной тюрьмы. Такъ достигается теперь безъ

---

[1]) Сохраняютъ смертную казнь изъ новыхъ кодексовъ: *финляндское* уложеніе 19-го декабря 1889 г., *болгарское*—2-го февраля 1896 г., *русское*—22-го марта 1903 г., *японское*—23-го апрѣля 1907 г. и проекты: австрійскій—1891 г. и аргентинскій—1906 г. См. „Vorentwurf zu einem deutschen Strafgesetzbuch", Begründung, Allg. Teil, стр. 24.

борьбы добрая половина того, что сорокъ лѣтъ тому назадъ оказалось не подъ силу сѣверо-германскому рейхстагу.

Въ принципіальномъ отношеніи вопросъ ни на шагъ не сдвинулся съ мѣста. Не чуждые вообще краснорѣчію, составители предварительнаго проекта какъ бы нарочно извлекаютъ въ этомъ случаѣ изъ своего лексикона самые будничные обороты. Объяснительная записка вполнѣ гармонически заканчиваетъ главу о смертной казни вопросомъ, какъ слѣдуетъ отрубать осужденному голову—простымъ или механическимъ топоромъ. Въ отдѣльныхъ частяхъ германской имперіи установились издавна различные способы казни. И проектъ находитъ, что „хотя желательно также и въ этой области достигнуть на всей территоріи извѣстнаго единообразія, но сохраненіе нынѣшнихъ различій, не затрогивающихъ самаго существа кары, является безвреднымъ и отдаетъ одновременно дань укоренившимся въ населеніи привычкамъ“.

Тѣлесное наказаніе юристы правительственной коммиссіи рѣшительно отвергаютъ. Но печать попятнаго движенія отъ гуманныхъ лозунговъ классической криминалистики лежитъ и на этомъ вопросѣ. Съ различныхъ сторонъ призываютъ за послѣднее время законодателя къ большей „строгости“. И признавая ее въ нѣкоторыхъ случаяхъ неумѣстной, онъ считаетъ, однако, долгомъ входить въ обсужденіе вопросовъ, казалось бы—разъ навсегда разрѣшенныхъ.

Что же дѣлать, когда и въ просвѣщеннѣйшихъ странахъ обширные круги общества продолжаютъ все еще вѣрить въ спасительную силу палки. Конецъ прошлаго вѣка ознаменовался въ Англіи цѣлымъ рядомъ петицій, въ которыхъ граждане настаивали предъ парламентомъ на расширеніи границъ, установленныхъ закономъ 1863 г., согласно которому тѣлесное наказаніе, разсчитанное вообще на дѣтей, можетъ быть распространено въ двухъ случаяхъ также и на взрослыхъ. Хорошо еще, что въ палатахъ „реформа“ эта заранѣе обречена была на гибель. Но тотъ фактъ, что она нашла въ странѣ извѣстное число горячихъ приверженцевъ, самъ по себѣ объ очень многомъ свидѣтельствуетъ... Въ Даніи тѣлесное наказаніе для взрослыхъ уголовному кодексу неизвѣстно. Законъ 1-го апрѣля 1905 г., изданный въ отмѣну порядка, допускавшаго эту кару для дѣтей обоего пола, оставлялъ ее только для мальчиковъ. Подъ впечатлѣніемъ ряда возмутительныхъ насилій принятъ былъ въ томъ же году, въ видѣ опыта, срокомъ на шесть лѣтъ, законъ, по которому къ побоямъ разрѣшается присуждать также и совершеннолѣтнихъ. Условіе—рецидивъ, при отсутствіи надежды на исправленіе. Недалеко уже время, когда мы узнаемъ, къ чему привела эта проба... Наконецъ, въ сѣверо-американскомъ штатѣ Орегонъ задумали испытать палку въ качествѣ способа воздѣйствія

на мужей, жестоко обращающихся со своими женами (законъ 22-го февраля 1905 г.).

Приверженцы тѣлеснаго наказанія, — а они имѣются и среди юристовъ,—указывали на всѣ эти обстоятельства авторамъ нѣмецкаго проекта. Но исторія вопроса въ самой Германіи позволяла съ легкостью отразить всѣ домогательства этого рода. Изъ партикулярныхъ кодексовъ розги и родственныя имъ мѣры торжественно изгнаны были въ эпоху революціи. А гдѣ онѣ снова затѣмъ появились, тамъ отмѣнило ихъ уже однимъ ударомъ дѣйствующее имперское законодательство. Коммиссія нашла, что „отъ средства, находящагося въ рѣзкомъ противорѣчіи съ господствующими въ народѣ воззрѣніями, нельзя вообще ожидать благопріятныхъ результатовъ". Палка не получитъ доступа въ новое германское уложеніе.

II.

Борьба школъ.

Въ Германіи и за ея предѣлами расточаются по адресу предварительнаго проекта самыя неумѣренныя похвалы. Безспорно, онъ представляетъ во многихъ отношеніяхъ значительный шагъ впередъ. Но изъ этого еще не слѣдуетъ, что мы должны закрывать глаза на его темныя стороны и прежде всего на то узкосердечіе, въ атмосферѣ котораго протекали работы созванной правительствомъ коммиссіи. Передъ нами въ данномъ случаѣ не вина отдѣльныхъ людей, а несомнѣнная „болѣзнь вѣка".

Жесточайшій упрекъ, посылаемый по адресу дѣйствующаго нѣмецкаго кодекса, это—указаніе на полную его практическую безплодность. Суды работаютъ не покладая рукъ, тюрьмы переполнены, къ старымъ уголовнымъ законамъ присоединяются новые—а число преступленій, въ особенности наиболѣе опасныхъ, непрерывно растетъ.

Не будемъ касаться вопроса о мѣстѣ репрессіи въ системѣ мѣръ борьбы съ различными проявленіями преступности. Построенные на отвлеченныхъ предпосылкахъ, нынѣшніе кодексы страдаютъ цѣлымъ рядомъ дефектовъ, до крайности ослабляющихъ предупредительную роль уголовнаго закона. Законодатель долженъ позаботиться о томъ, чтобы работа судовъ и тюремныхъ служителей создавала извѣстнаго рода преграду широко разливающемуся потоку преступленій. Цѣль эта сознательно теперь всѣми ставится. Другой вопросъ, какими путями она лучше всего можетъ быть достигнута.

Принципъ, положенный въ основу карательной системы большинства нынѣшнихъ кодексовъ, достаточно хорошо извѣстенъ. Сущность

его сводится къ тому, что человѣкъ вполнѣ свободенъ въ своихъ поступкахъ и каждый долженъ быть, поэтому, наказанъ по дѣламъ его. Масштабомъ заслуженнаго осужденнымъ зла является прежде всего, если не исключительно, тяжесть совершеннаго имъ преступленія.

Справедливое возмездіе—вотъ въ чемъ, согласно этой теоріи, сущность всякаго правосудія. Его характеристическая черта заключается въ томъ, что оно сосредоточиваетъ всѣ свои заботы исключительно на прошедшемъ. Опредѣлить дѣйствительные размѣры вины, найти приличествующій имъ карательный эквивалентъ—и больше ничего. До будущаго служителямъ нынѣшней юстиціи, по духу и буквѣ закона, нѣтъ никакого дѣла.

Эта доктрина какъ бы исключаетъ борьбу съ преступникомъ изъ круга своихъ стремленій. Критики ея, напротивъ, именно въ такой борьбѣ видятъ основную задачу земного правосудія. Кара важна для нихъ лишь какъ способъ противодѣйствія дальнѣйшимъ нарушеніямъ правоохраненнаго интереса. Вотъ почему они такъ легко отказываются отъ нея тамъ, гдѣ та же цѣль можетъ быть лучше достигнута другими средствами. Вотъ почему они не удовлетворяются наказаніемъ въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ оно не служитъ достаточно сильнымъ противовѣсомъ склонности отдѣльныхъ людей продолжать свою преступную дѣятельность. Условное осужденіе, воспитательный режимъ для малолѣтнихъ и maximum снисходительности къ случайнымъ преступникамъ съ одной стороны, суровая борьба съ рецидивомъ и всѣ вообще охранительныя мѣропріятія съ другой — непосредственный логическій выводъ изъ этихъ посылокъ.

Въ наукѣ и литературѣ весь комплексъ перечисленныхъ новшествъ прочно соединенъ съ представленіемъ о такъ-называемой соціологической школѣ. Во имя ихъ принятія модернисты громили много лѣтъ подъ-рядъ на всѣхъ криминалистическихъ соборахъ дѣйствующее уголовное законодательство. И въ качествѣ „нигилистическихъ домогательствъ" требованія эти подвергались одно время жесточайшимъ нападкамъ изъ лагеря классиковъ. Борьба отличалась особенно рѣзкимъ характеромъ въ Германіи. Но отсюда же стали раздаваться—въ видахъ скорѣйшаго осуществленія реформы—первые призывы къ перемирію. Практическій интересъ выдвинулъ идею компромисса. Она легла въ основу грандіознаго подготовительнаго труда спеціалистовъ [1]. И ею же продиктована законодательная работа созванной правительствомъ особой коммиссіи.

[1]) Рядъ монографій по главнѣйшимъ вопросамъ общей и особенной части уголовнаго права объединенъ въ многотомномъ трудѣ: „Vergleichende Darstellung des deutschen und ausländischen Strafrechts".

„Поскольку,—читаемъ мы въ мотивахъ,—поддается вообще научной характеристикѣ исходная точка зрѣнія проекта, можно опредѣлить ее такъ, что хотя онъ и основывается въ цѣломъ на фундаментѣ классической уголовно-правовой доктрины, но принимаетъ также въ разсчетъ и требованія новой школы, тамъ, гдѣ они подсказываются дѣйствительными нуждами нашего времени. Уступки выражаются, главнымъ образомъ, въ институтѣ такъ-называемаго условнаго осужденія и въ системѣ различныхъ охранительныхъ мѣропріятій, которыя не могутъ быть оправданы одной лишь идеей возмездія, а имѣютъ прежде всего въ виду предупрежденіе преступленій. Такъ же поступаютъ и другія новыя законодательства, въ особенности швейцарское и норвежское. Эту платформу объявили, наконецъ, пріемлемой и правильной видные ученые изъ обоихъ лагерей, признавъ, что компромиссъ между двумя крайними флангами уголовной теоріи осуществимъ и желателенъ".

Если и не совсѣмъ открыто, то по существу Рубиконъ, такимъ образомъ, перейденъ. Проектъ выступаетъ съ рядомъ предложеній, игнорирующихъ многовѣковую основу уголовнаго права—начало воздающей справедливости. И задачи, до сихъ поръ неизвѣстныя, отнынѣ должны будутъ встать предъ германскими судами. Въ настоящее время юстиція удовлетворяется тѣмъ, что представляетъ обвиняемому болѣе или менѣе точный счетъ за содѣянное имъ. Мысль о будущемъ—новый элементъ, настоятельно выдвигаемый не одною лишь статистикой преступности, но и всѣмъ вообще ходомъ нашего соціальнаго развитія. Разъ вступивъ на этотъ путь, законодательство никогда уже, разумѣется, его не покинетъ.

Въ выборѣ и конструкціи *предупредительныхъ мѣръ* коммиссія обнаруживаетъ незаурядное практическое чутье. Тѣмъ, что въ этомъ направленіи предпринято, опредѣляется и степень уголовно-политическаго прогресса, вносимаго проектомъ въ дѣйствующіе порядки.

III.

Условное осужденіе.

Не дать *случайному* правонарушителю превратиться въ подлиннаго „лихого человѣка",—устранить опасность, которою обществу угрожаютъ *неуравновѣшенные* и присуждаемые въ силу этого къ незначительнымъ карамъ субъекты,—обезвредить, по возможности, настоящаго *закоренѣлаго* преступника: таковы исходные пункты реформаторскихъ начинаній послѣдняго тридцатилѣтія. Многіе изъ нихъ вполнѣ совмѣстимы съ традиціями классической криминалистики. И

только близорукая ортодоксія привела къ тому, что такъ-называемая соціологическая школа трактуетъ соотвѣтствующія домогательства, какъ исключительно ей принадлежащее идейное достояніе.

Начать хотя бы съ заботы о томъ, чтобы человѣкъ, почему-либо попавшій однажды подъ судъ, не оказался въ силу этого разъ навсегда выброшеннымъ изъ общежитія. О гибельномъ вліяніи тюремъ и говорить какъ-то неловко — настолько это заѣзженная тема. Сто лѣтъ тому назадъ она обсуждалась отнюдь не менѣе краснорѣчиво, чѣмъ сейчасъ. За нашимъ временемъ только заслуга новой постановки этого вопроса, въ смыслѣ замѣны краткосрочнаго отнятія свободы другими средствами принудительнаго воздѣйствія. *Условному осужденію* по праву принадлежитъ въ ихъ ряду наиболѣе видное мѣсто.

Слѣпые приверженцы старины отвергаютъ этотъ популярный институтъ, какъ замаскированный отказъ отъ идеи возмездія, осложняемый посягательствомъ на принадлежащее одному лишь монарху право помилованія. Составители германскаго проекта не испугались, къ счастью, этого жупела. Условное осужденіе, проникшее за послѣднюю четверть вѣка во всѣ передовыя законодательства, имѣетъ теперь шансы стать твердой ногой и въ Германіи.

Теорія признаетъ эту мѣру далеко не при всѣхъ обстоятельствахъ одинаково цѣлесообразной. Если не исключительно, то во всякомъ случаѣ преимущественно условное осужденіе разсчитано на новичковъ, которымъ оно должно показать всѣ выгоды согласнаго съ закономъ и всѣ неудобства идущаго въ разрѣзъ съ нимъ поведенія. Перспектива двойной кары — весьма серьезный задерживающій мотивъ. Но предупредительная сила его не всегда одинакова. Если инкриминируемый поступокъ не свидѣтельствуетъ самъ по себѣ о порочности обвиняемаго, а ходъ процесса убѣждаетъ судей въ томъ, что опасность рецидива весьма незначительна, то слѣдуетъ, разумѣется, предпочесть эту *мирную* кару всякому другому виду уголовной репрессіи, заключающему въ себѣ элементъ разрушенія тѣхъ или иныхъ жизненныхъ благъ.

Составители германскаго проекта раздѣляютъ господствующій въ литературѣ и законодательной практикѣ взглядъ, что условной отмѣнѣ можетъ подлежать далеко не всякое наказаніе. Но самый кругъ дѣлъ, на которыя распространяется условное осужденіе, формально заранѣе не ограниченъ: судьѣ предоставляется въ этой области извѣстная свобода усмотрѣнія.

Въ связи съ исходными предпосылками института устанавливается, прежде всего, что онъ имѣетъ въ виду только лицъ, *еще не присуждавшихся къ лишенію свободы*. Приговоривъ такого новичка къ тюрьмѣ или аресту срокомъ *не болѣе, чѣмъ на шесть мѣсяцевъ*,

судья можетъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, постановить, чтобы вердиктъ этотъ въ теченіе опредѣленнаго промежутка времени не исполнялся. Цѣль— дать обвиненному возможность „заслужить хорошимъ поведеніемъ полную отмѣну кары". Срокъ испытанія въ тяжелыхъ случаяхъ—отъ 2-хъ до 5-ти лѣтъ, въ менѣе серьезныхъ—отъ одного года до двухъ лѣтъ.

Огромному большинству лицъ, въ первый разъ осужденныхъ, открывается, такимъ образомъ, возможность избѣжать гибельнаго во всѣхъ смыслахъ тюремнаго клейма. Но проектъ находитъ, что вновь вводимая мѣра должна сохранять при всѣхъ обстоятельствахъ характеръ исключенія. И служителямъ юстиціи преподаются въ этихъ видахъ извѣстныя общія директивы.

Реализація наказанія можетъ быть отложена въ томъ только случаѣ, когда „личность виновника, судя по обстановкѣ совершеннаго имъ поступка и по условіямъ его предыдущей жизни, представляется заслуживающей особаго вниманія и позволяетъ разсчитывать, что онъ будетъ вести себя впредь хорошо и безъ того, чтобы кара фактически была исполнена". Рекомендуется, далѣе, „учитывать побудительные мотивы поступка и образъ дѣйствій осужденнаго послѣ того, какъ совершено было преступленіе,—старался ли онъ, въ особенности, по мѣрѣ силъ своихъ исправить причиненный вредъ". Условная отмѣна наказанія имѣетъ въ виду главнымъ образомъ несовершеннолѣтнихъ, но она можетъ быть, въ случаѣ надобности, примѣняема и къ взрослымъ.

Теоретически передъ нами здѣсь не что иное, какъ дальнѣйшій этапъ въ развитіи великаго принципа индивидуализаціи. Его первоначальное обоснованіе—одна изъ величайшихъ заслугъ классической школы. Этого не могутъ, къ счастью, позабыть и тѣ криминалисты, которые стараются изо всѣхъ силъ изолировать свою науку отъ голоса живой дѣйствительности. Даже такой упорный буквоѣдъ, какъ извѣстный мюнхенскій профессоръ *Карлъ Биркмейеръ*, находитъ, что „личныя отношенія" преступника недостаточно, de facto, въ настоящее время учитываются. „Для того, чтобы опредѣлить степень виновности,—говоритъ онъ въ одной изъ своихъ работъ,—судья долженъ знать, не подвергались ли когда-либо тяжелой уголовной карѣ родители или ближайшіе родственники обвиняемаго, не предавались ли они пьянству, не страдаютъ ли наслѣдственнымъ умопомѣшательствомъ. Необходимо, далѣе, ознакомиться съ характеромъ полученнаго подсудимымъ воспитанія, съ исторіей его жизни, въ общихъ, по крайней мѣрѣ, чертахъ, съ семейнымъ его положеніемъ, родомъ занятій, средой, въ которой онъ вращался и прочими соціальными условіями". Поскольку, стало быть, моментъ индивидуализаціи призванъ регулировать оцѣнку „заслуженной преступникомъ кары",

правовѣрные юристы готовы идти ему на встрѣчу. Не надо лишь „врываться въ сферу полицейской иниціативы“ и думать о будущемъ. Но развѣ, опредѣляя наказаніе, судья способенъ провести въ своемъ умѣ подобную границу? И развѣ самая идея возмездія не требуетъ того, чтобы человѣку „менѣе виновному“ не ставились на жизненномъ пути препятствія, связанныя обыкновенно съ фактомъ тюремнаго сидѣнья?!

Проектъ поборолъ враждебные доводы. Благодѣтельному дѣйствію мѣры, примѣняемой съ успѣхомъ въ цѣломъ рядѣ государствъ, откроется новое широкое поприще. Надо поставить юристамъ правительственной коммиссіи въ особую заслугу, что предложенная ими конструкція института не является для суда слишкомъ стѣснительной. Даже новая кара, навлеченная на себя испытуемымъ, не обращается ему обязательно во вредъ. Съ другой стороны, отмѣна наказанія можетъ быть взята обратно и безъ того, чтобы осужденный вторично нарушилъ охраняемую уголовнымъ закономъ норму. Понятіе „хорошаго поведенія“ страдаетъ, конечно, нѣкоторой растяжимостью. Если оно окажется практически несостоятельнымъ, на смѣну ему должны будутъ придти извѣстные формальные признаки. A priori, однако, критерій этотъ является совершенно пріемлемымъ, лишь бы только уголовная юстиція обладала достаточной независимостью.

IV.

Особенно легкіе случаи.

Къ сходной съ условнымъ осужденіемъ цѣли стремится и другая мѣра, точно также неизвѣстная дѣйствующему уголовному кодексу. „Въ особенно легкихъ случаяхъ“ суду предоставляется право по собственному „свободному усмотрѣнію“ понижать кару, а тамъ, „гдѣ это непосредственно разрѣшено, и совершенно отъ нея отказываться“. Между регулярнымъ наказаніемъ и условной его отмѣной возникаетъ, такимъ образомъ, промежуточная ступень, разсчитанная на безконечное разнообразіе жизненныхъ казусовъ, рѣзко отклоняющихся отъ предположеннаго законодателемъ средняго типа. Обычныя „смягчающія вину обстоятельства“ оказываются здѣсь уже недостаточными: юстиціи ставится преграда только въ принятыхъ для отдѣльныхъ видовъ кары minimum'ахъ, спускающихся, согласно проекту, до одного дня тюрьмы или ареста или одной марки штрафа. Мало того: среди „особенно легкихъ случаевъ“ могутъ быть и такіе, когда становится излишнимъ даже самое ничтожное наказаніе. Въ видѣ общей нормы суду предоставлено признавать наличность та-

кихъ исключительныхъ обстоятельствъ при покушеніи и по всѣмъ мелкимъ дѣламъ, объединеннымъ въ группу такъ-называемыхъ нарушеній. Но кромѣ того привилегія эта распространяется и на нѣкоторыя отдѣльныя преступленія. Таковы, напр., лжесвидѣтельство безъ присяги, посягательство на тѣлесную неприкосновенность, вызванная нуждою кража съѣстныхъ припасовъ и другихъ предметовъ хозяйственной необходимости. Индивидуализація идетъ настолько далеко, что допускается *отказъ* отъ кары тамъ, гдѣ предусмотрѣнный закономъ maximum ея достигаетъ трехъ лѣтъ тюрьмы (§ 227). Въ свободномъ *смягченіи* репрессіи судъ не ограниченъ ничѣмъ, кромѣ формулы, опредѣляющей характеристическіе признаки „особенно легкаго случая". Проектъ усматриваетъ ихъ въ томъ, что „противоправныя послѣдствія поступка незначительны, а преступная воля виновнаго заслуживаетъ, по обстоятельствамъ дѣла, извиненія". Судебной практикѣ эта редакція оставляетъ достаточную долю простора. Во всѣхъ тѣхъ коллизіяхъ, гдѣ присяжные въ настоящее время такъ или иначе игнорируютъ расходящееся съ народной совѣстію писанное право, создана теперь возможность вполнѣ легальнаго выхода [1]). Составители проекта, правда, думаютъ, что предлагаемая ими мѣра не должна распространяться на „тяжелые по самой своей природѣ деликты". Но мотивы открыто признаютъ, что текстъ закона не установляетъ въ этомъ направленіи никакихъ юридическихъ границъ. Собственный и чужой жизненный опытъ краснорѣчиво повѣствуетъ о случаяхъ, когда весь ядъ объективно опаснаго дѣйствія растворяется безъ остатка въ исключительныхъ условіяхъ той или иной конкретной драмы. Нельзя, поэтому, предусмотрѣть заранѣе всѣ тѣ благопріятныя возможности, открывающіяся здѣсь для вѣрнаго своимъ непреходящимъ цѣлямъ правосудія.

V.

Малолѣтніе.

Уголовная кара только вредна, если и поскольку она не абсолютно необходима. Изъ этой молчаливой предпосылки вытекаютъ, въ конечномъ результатѣ, и „условное осужденіе", и понятіе „особенно легкаго случая". Она же положена въ основу принятой проектомъ системы воздѣйствія на *малолѣтнихъ*.

Господствующая въ законодательствѣ доктрина,—жестоко крити-

---

[1]) Вотъ почему аналогичная статья была бы чрезвычайно кстати у насъ, гдѣ случаи уклоненія отъ буквы закона происходятъ особенно часто.

куемая далеко не одними лишь „модернистами“,—примѣняетъ и въ этой области свой обычный шаблонъ. Преступленіе—продуктъ злой человѣческой воли. Кто виноватъ, тотъ обязательно долженъ быть наказанъ. Необходимо, такимъ образомъ, прежде всего опредѣлить, обладаетъ ли малолѣтній предполагаемой, по общему правилу, *вмѣняемостью*. Утвердительный отвѣтъ влечетъ за собою обычное послѣдствіе—тюрьму. И юный возрастъ является тогда лишь смягчающимъ вину обстоятельствомъ.

Противъ этой идейной конструкціи выступилъ особенно энергично „Международный Союзъ Криминалистовъ“. И ни въ какой другой области агитація его не была въ такой мѣрѣ плодотворной. Малолѣтній тюремный сидѣлецъ—почти неизбѣжно будущій закоренѣлый преступникъ. Исходя изъ этого факта, приверженцы реформы провозгласили прежде всего лозунгъ: не кара, а перевоспитаніе. Репрессія допустима лишь въ самыхъ исключительныхъ случаяхъ, когда судья, по обстоятельствамъ дѣла, не можетъ разсчитывать на успѣхъ другихъ средствъ. Да и то она должна отличаться здѣсь совершенно особымъ характеромъ.

Эти общіе тезисы влекутъ за собой рядъ конкретныхъ практическихъ требованій. По вопросу о возрастѣ полной безотвѣтственности предъ уголовнымъ закономъ дѣйствующее германское право остановилось на двѣнадцати годахъ. „Международный Союзъ Криминалистовъ“, имѣя главнымъ образомъ въ виду ту роль, которую играетъ въ жизни огромнаго большинства подростковъ моментъ окончанія обязательнаго начальнаго обученія, энергично выдвигалъ четырнадцатилѣтнюю границу. Вокругъ этой проблемы загорѣлся въ свое время жесточайшій бой. Но преимущество критерія, опирающагося на извѣстную соціальную основу, должно было, силою вещей, выступать съ годами все ярче и ярче. И сейчасъ число сторонниковъ его повсюду очень уже велико. Разсмотрѣвъ всѣ доводы противъ и за, остановились твердо на этой границѣ и авторы германскаго проекта. „Карѣ не подлежитъ тотъ, кому при совершеніи запрещеннаго дѣйствія еще не было четырнадцати лѣтъ“. Можно съ увѣренностью сказать, что не одна сотня дѣтей вырвана будетъ, благодаря этому принципу, изъ цѣпкихъ объятій преступной карьеры.

Но это, очевидно, только половина дѣла. Юношескій возрастъ открываетъ для спасительной работы ничуть не менѣе широкое поприще. Господствующій порядокъ пытается разрѣшить задачу при помощи чисто формальнаго признака. За чертою абсолютной безотвѣтственности слѣдуетъ промежуточная ступень — періодъ *условной* вмѣняемости. Чтобы установить ее, судья въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ выясняетъ, дѣйствовалъ ли несовершеннолѣтній съ надлежа-

щимъ „разумѣніемъ". И если послѣднее налицо, то, каковы бы ни были обстоятельства дѣла, виновнаго отправляютъ въ тюрьму, т.-е. посвящаютъ въ преступники.

„Международный Союзъ Криминалистовъ" уже на бернскомъ съѣздѣ въ 1891 г. рѣшительно осудилъ такую постановку вопроса. Центральнымъ пунктомъ дебатовъ явился докладъ И. Я. Фойницкаго на тему: слѣдуетъ ли и цѣлесообразно ли ставить обхожденіе съ юными преступниками въ зависимость отъ того, обладаютъ ли они развитіемъ, необходимымъ для пониманія наказуемости совершеннаго дѣйствія". Съѣздъ признàлъ, что выборъ между репрессивными и предупредительными мѣрами вообще не долженъ опредѣляться отвѣтомъ на вопросъ о вмѣняемости. Если несовершеннолѣтній нуждается въ „общественной опекѣ", то никакія причины не могутъ быть помѣхой къ тому, чтобы судья остановился именно на этомъ способѣ воздѣйствія.

Предварительный проектъ германскаго уголовнаго кодекса всецѣло присоединяется къ изложенному выводу. Оковы пресловутаго „разумѣнія" сняты. Съ тѣмъ довѣріемъ, которое особенно необходимо въ этомъ вопросѣ, законодатель предоставляетъ органамъ юстиціи принимать въ каждомъ данномъ случаѣ соотвѣтствующія его спеціальнымъ условіямъ мѣры. Если окажется, что противоправный поступокъ лица, недостигшаго восемнадцати лѣтъ, является преимущественно результатомъ дурного вліянія окружающей среды, „или будетъ вообще признано, что необходимъ попечительный уходъ для того, чтобы поселить въ обвиняемомъ привычку къ закономѣрному образу жизни, то судъ можетъ назначить, рядомъ съ уголовной карой или же вмѣсто нея, принудительное государственное воспитаніе". Несовершеннолѣтніе, присужденные къ тюрьмѣ, помѣщаются въ отдѣльныхъ, спеціально предназначенныхъ для этой цѣли помѣщеніяхъ. Обладающіе полной вмѣняемостью совершенно при этомъ изолируются отъ менѣе сознательныхъ, легче поддающихся исправительному воздѣйствію элементовъ. Это—въ сущности вся схема требованій, выставленныхъ „новой школой" относительно юнаго возраста. Модернисты одержали здѣсь несомнѣнно побѣду по всей линіи.

VI.

Охранительныя мѣропріятія.

Черта, присущая всѣмъ разсмотрѣннымъ до сихъ поръ новшествамъ, это—maximum снисходительности къ правонарушителю. Имѣется, очевидно, въ виду категорія лицъ, только случайно попавшихъ на скамью подсудимыхъ. Законодатель исходитъ изъ вполнѣ основательной пред-

посылки, что мягкость въ данномъ случаѣ одинаково отвѣчаетъ какъ интересамъ общества, такъ и благу самого осужденнаго.

Такая гармонія существуетъ, однако, далеко не всегда. Задача борьбы съ преступностью очень часто требуетъ энергичнѣйшаго вторженія въ сферу личной свободы виновнаго. И тогда наступаетъ обратное несоотвѣтствіе: размѣры репрессіи значительно превосходятъ тяжесть непосредственно вызвавшаго ее поступка.

Проектъ считается съ этой необходимостью въ цѣломъ рядѣ статей, разбросанныхъ по различнымъ главамъ такъ-называемой общей части. Рабочіе дома для бродягъ и тунеядцевъ, лечебницы для провинившихся алкоголиковъ, заведенія для лицъ, оправданныхъ по причинѣ душевной болѣзни или приговоренныхъ къ незначительнымъ карамъ въ виду уменьшенной вмѣняемости, особыя мѣропріятія противъ рецидивистовъ, привычныхъ и профессіональныхъ преступниковъ—всѣмъ этимъ традиціонный масштабъ оцѣнки наказуемыхъ дѣйствій рѣзко нарушается во вредъ осужденному. Спасительное возмездіе отступаетъ далеко на задній планъ предъ другими уголовно-политическими задачами. Во имя принципа соціальной охраны преступникъ изъемлется на болѣе или менѣе продолжительное время изъ общественнаго оборота.

Въ зачаточной формѣ нѣкоторыя изъ этихъ мѣропріятій извѣстны дѣйствующему нѣмецкому кодексу. Таковы его постановленія о сутенерахъ, объ упорныхъ пьяницахъ, о людяхъ, превратившихъ въ ремесло игру или нищенство и о всякихъ вообще любителяхъ легкой наживы. Наличность одного изъ такихъ признаковъ открываетъ возможность приговорить виновнаго къ отдачѣ —по отбытіи кары—въ распоряженіе полиціи, которая получаетъ въ силу этого право помѣстить его на время до двухъ лѣтъ въ рабочій домъ.

Согласно проекту, роль администраціи ограничена сначала чисто исполнительными функціями. Длительность заключенія—отъ 6-ти мѣсяцевъ до 3-хъ лѣтъ—опредѣляется въ самомъ судебномъ вердиктѣ. Лишь послѣ того, какъ протекла половина назначеннаго времени, полиція можетъ вознаградить хорошее поведеніе осужденнаго досрочнымъ отпускомъ его на свободу. Въ рабочій домъ водворяются лица, совершившія наказуемый поступокъ „вслѣдствіе распущенности или страха передъ работой“ и приговоренные не менѣе чѣмъ къ четыремъ недѣлямъ тюрьмы. Необходимая предпосылка такой мѣры—надежда „вернуть осужденнаго къ согласному съ законами и трудовому образу жизни“.

Вполнѣ основательно проектъ выдѣляетъ въ особую категорію преступные эксцессы, возникшіе на почвѣ различныхъ видовъ злоупотребленія спиртными напитками. Имѣется ли налицо привычное

пьянство—это, конечно, вопросъ факта. Но утвердительный отвѣтъ даетъ судьѣ право распорядиться отдачей виновнаго впредь до излеченія, не болѣе чѣмъ на два года, въ лечебницу для алкоголиковъ. Граница избрана въ связи съ указаніями медицинскаго опыта, признающаго двухлѣтній срокъ достаточнымъ для случаевъ, въ которыхъ вообще можетъ быть достигнутъ благопріятный результатъ. Чтобы ничтожнѣйшіе сами по себѣ проступки не вызывали столь тяжелыхъ послѣдствій, установлено, что мѣра эта можетъ быть принимаема лишь при заключеніи въ тюрьму не меньше чѣмъ на двухнедѣльный срокъ. Права полиціи—такія же, какъ и относительно заключенія въ рабочій домъ.

Противъ учинившихъ преступное дѣйствіе въ пьяномъ видѣ,—а таковъ именно генезисъ весьма значительнаго числа тѣлесныхъ повреждений, —проектъ выдвигаетъ вспомогательное средство, которое можетъ несомнѣнно оказаться, при извѣстныхъ условіяхъ, очень успѣшнымъ. Суду предоставляется запрещать такимъ лицамъ на срокъ до одного года посѣщеніе всякихъ вообще трактировъ. Это, прежде всего, удаляетъ человѣка отъ той обстановки, въ которой его разрушительныя наклонности находятъ особенно благопріятную почву. А страстный охотникъ выпить „въ хорошемъ обществѣ“ обрекается на лишеніе, весьма для него чувствительное. Пройдя чрезъ тяжелый искусъ алкогольнаго одиночества, не всякій гуляка скоро рискнетъ подвергнуть себя ему снова.

Родственнымъ характеромъ, но безконечно большей напряженностью отличается другая мѣра, точно также призванная служить одной только цѣли предупрежденія. Разъ допустивъ возможность спеціальныхъ запретовъ, проектъ естественно примѣнилъ ихъ не къ однимъ только пьяницамъ. „Если родъ совершеннаго наказуемаго поступка или личность дѣятеля заставляютъ предполагать, что пребываніе его въ извѣстныхъ мѣстностяхъ сопряжено будетъ съ особою опасностью для другого лица или для общественнаго спокойствія,... то судъ можетъ въ указанныхъ закономъ случаяхъ объявить дозволеннымъ подобное ограниченіе свободы осужденнаго на время до пяти лѣтъ“, считая съ момента отбытія кары. Авторы проекта хорошо сознаютъ остроту этого средства и разрѣшаютъ связывать его только съ такими тяжелыми видами репрессіи, какъ каторга или обыкновенная тюрьма срокомъ не менѣе года. Число наказуемыхъ дѣйствій, на которыя указанная мѣра разсчитана, очень невелико. Это—почти все различные виды торговли женщинами, угрожающіе осужденному, помимо регулярной кары, еще и заключеніемъ въ рабочій домъ. Отъ строгости уголовнаго закона едва ли можно ожидать гдѣ-либо такой пользы, какъ въ этой именно области.

Мы подходимъ къ институту, въ которомъ духъ реформаторскихъ домогательствъ нашего времени отразился особенно ярко. Господствующее право сводитъ всю работу суда къ тому, чтобы установить виновность и отмѣрить соотвѣтствующую ей кару. Невмѣняемость—это свобода. По какимъ бы причинамъ оправдательный вердиктъ ни послѣдовалъ, между служителями юстиціи и объектами ея онъ порываетъ всякую связь. Иная конструкція немыслима въ кодексѣ, оперирующемъ только такими величинами, какъ тяжесть поступка и отношеніе къ нему воли виновнаго. Предварительный проектъ, поставившій себѣ задачу соціальной охраны, долженъ былъ рѣзко порвать съ этимъ порядкомъ. Хотя бы юридическая вина была ничтожна или совершенно отсутствовала, судья не можетъ пройти равнодушно мимо развернувшейся картины тяжелой опасности. Законодательная власть предусмотрительно снабжаетъ его не одними лишь тюремными ключами, но и другими средствами общественной самозащиты.

Душевно-больные, сумасшедшіе, временно лишившіеся всякаго сознанія не могутъ подлежать уголовной карѣ, какова бы ни была сама по себѣ тяжесть причиненнаго ими вреда. Положеніе это издавна признано кодексами всѣхъ культурныхъ народовъ. Слѣдуя нѣкоторымъ старымъ законодательнымъ образцамъ, предварительный проектъ вводитъ еще особое понятіе уменьшенной вмѣняемости, естественно связывая съ нимъ смягченную наказуемость. Но въ противоположность тому, что происходитъ въ настоящее время, дѣло далеко еще этимъ однимъ не исчерпывается. Человѣка, который только-что доказалъ, какъ опасна его свобода для окружающихъ, не отпускаютъ на всѣ четыре стороны. И оправданнаго по причинѣ сумасшествія, и приговореннаго къ ничтожной карѣ вслѣдствіе крайней душевной неуравновѣшенности судья, „когда этого требуетъ общественное спокойствіе, предписываетъ помѣстить въ лечебное или попечительное заведеніе“. Согласно цѣлямъ и характеру мѣры, длительность ея не можетъ быть опредѣлена a priori и устанавливается въ каждомъ данномъ случаѣ органами администраціи. По жалобѣ заинтересованныхъ, рѣшенія послѣдней могутъ быть судомъ измѣнены.

Система охранительныхъ средствъ завершается спеціальными правилами о наказуемости рецидива. Судьба этой мѣры рѣшена была еще въ 1903 г., на 26-мъ съѣздѣ нѣмецкихъ юристовъ, когда видный представитель классической школы открыто призналъ основательность заявленныхъ модернистами требованій. „При выборѣ рода и мѣры репрессіи,—гласилъ одинъ изъ тезисовъ, выставленныхъ страсбургскимъ профессоромъ фонъ-Калькеромъ,—необходимо... болѣе послѣдовательно, чѣмъ это имѣетъ мѣсто въ дѣйствующемъ правѣ, учитывать на ряду съ внѣшними результатами дѣйствія также и *степень*

напряженности преступнаго образа мыслей... Будущій уголовный кодексъ долженъ, поэтому, предоставить суду право, въ случаяхъ, когда *преступныя свойства* лица угрожаютъ обществу длительной опасностью, принимать параллельно съ карою еще и охранительныя мѣры". Ближайшая практическая цѣль этой отвлеченной конструкціи—возможность успѣшной борьбы съ рецидивомъ. Лицъ, обнаружившихъ „такую склонность къ совершенію противозаконныхъ поступковъ, что, насколько можно предвидѣть, они, послѣ отбытія назначенной кары, снова займутся преступной дѣятельностью", рекомендуется отдавать въ руки мѣстной полиціи, для помѣщенія на срокъ отъ одного года до 15-ти лѣтъ въ рабочій домъ. Это уже, horribile dictu, нѣчто въ родѣ неопредѣленнаго наказанія, противъ котораго, какъ извѣстно, съ такой яростью возстаетъ вся правовѣрная криминалистика.

Авторы предварительнаго проекта съ большой осторожностью подходятъ къ проблемѣ борьбы съ рецидивомъ. Но они нескрываютъ отъ себя, что на одномъ „возмездіи" въ этомъ вопросѣ далеко не уѣдешь. Объяснительная записка признаетъ, что правосудіе должно поставить себѣ въ данномъ случаѣ задачу „посредствомъ долгосрочнаго лишенія свободы *на возможно болѣе продолжительное время обезвредить преступника*".

Въ противоположность дѣйствующему кодексу, устанавливается, прежде всего, общее понятіе повторенія. Кара обязательно при наличности его повышается. Въ случаѣ третьяго рецидива и дальше, наказаніе колеблется между четвертью [2]) и двойнымъ размѣромъ положенной за извѣстный проступокъ максимальной кары, съ тѣмъ, однако, чтобы она не выходила за предѣлы указанной въ законѣ высшей мѣры даннаго вида репрессіи. Это значитъ, что тамъ, гдѣ человѣку, въ первый разъ провинившемуся, угрожала бы тюрьма до двухъ лѣтъ, судья свободенъ теперь назначить любую кару между шестью мѣсяцами и четырьмя годами лишенія свободы. Низшая мѣра—если принять въ разсчетъ, что законный minimum простой тюрьмы равенъ *одному дню*,—очень чувствительная.

Если штрафной регистръ обвиняемаго свидѣтельствуетъ о томъ, что противозаконная дѣятельность превратилась для него въ ремесло или привычку, то, сообразно тяжести новаго преступленія, ему назначается кара въ размѣрѣ отъ 5-ти до 15-ти или отъ 2-хъ до 10-ти лѣтъ каторжной тюрьмы. Это — дальнѣйшій шагъ на встрѣчу громко раздающемуся въ послѣднее время требованію перенести въ нѣкоторыхъ случаяхъ центръ тяжести съ оцѣнки объективныхъ результа-

---

[2]) „Особыя обстоятельства" даютъ, впрочемъ, суду возможность перейти за эту границу.

товъ поступка на индивидуальность дѣятеля. Исходнымъ началамъ классической школы принципъ этотъ нисколько не противорѣчитъ. Постепенное проникновеніе его въ законодательство обѣщаетъ значительно смягчить дефекты господствующей карательной системы. Суровый призывъ къ строгости — печальный, но, увы, неизбѣжный на первыхъ порахъ спутникъ намѣчающейся эволюціи.

VII.

Стремленіе къ компромиссу проходитъ красной нитью черезъ всѣ предлагаемыя проектомъ новшества, сообщая имъ характеръ какой-то сѣроватой половинчатости. Несправедливо было бы, однако, обвинять коммиссію въ отсутствіи надлежащаго радикализма. Она очень критически относится къ существующему и порываетъ съ весьма значительнымъ числомъ предразсудковъ. Сомнѣнія вызываетъ не то, *что* даетъ проектъ, а то, *какъ* онъ это дѣлаетъ. Мотивы не усиливаютъ, а большей частью только ослабляютъ впечатлѣніе, производимое текстомъ. И это можетъ парализовать на практикѣ добрую половину открываемыхъ реформой богатыхъ возможностей.

Какъ мало значатъ сами по себѣ законы—нагляднѣе всего свидѣтельствуетъ именно опытъ борьбы съ рецидивомъ. Криминалисты хлопочутъ о новыхъ мѣрахъ уголовной репрессіи—а юстиція далеко не исчерпываетъ всѣхъ, и теперь уже во власти ея находящихся карательныхъ средствъ. Въ нѣкоторыхъ заваленныхъ дѣлами округахъ проходятъ нерѣдко многіе годы, въ теченіе которыхъ допускаемый, согласно дѣйствующему праву, максимумъ кары ни разу не былъ судомъ примѣненъ. Вопреки буквѣ закона, обычнымъ отвѣтомъ на рецидивъ,—тамъ, гдѣ послѣдній является увеличивающимъ вину обстоятельствомъ,—служитъ не каторжная, а простая тюрьма.

Мы видѣли, что проектъ вноситъ въ господствующій порядокъ весьма существенныя перемѣны. Рецидивъ влечетъ за собой, по общему правилу, усиленную репрессію. Факультативное увеличеніе кары уступаетъ мѣсто обязательному. Соотвѣтствіе между тяжестью преступнаго дѣйствія и напряженностью послѣдующей государственной реакціи рѣшительно нарушено.

Все это, однако, совсѣмъ не устраняетъ потребность въ открыто поставленномъ, рельефно формулированномъ идеалѣ. Конечная цѣль законодателя должна ясно чувствоваться не въ отдѣльныхъ лишь словахъ и параграфахъ, а больше еще во всей совокупности ихъ. Только тогда рука практика и можетъ отличаться столь необходимой въ этомъ

дѣлѣ твердостью [1]). Но авторы проекта не видѣли спасенія внѣ компромисса. И въ качествѣ миротворцевъ они скорѣе стали затушевывать, чѣмъ выявлять характернѣйшія особенности задуманной реформы. Зажжетъ ли будущій германскій кодексъ, при такихъ условіяхъ, судейскія сердца—сказать очень трудно. А въ уголовной юстиціи больше, чѣмъ гдѣ бы то ни было, отъ этого зависитъ успѣхъ всякаго начинанія.

Г. Штильманъ.

ВЫМЫСЕЛЪ И ДѢЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ

По поводу одной книги.

Мнѣ хотѣлось бы подѣлиться съ читателями содержаніемъ одной случайно попавшей мнѣ въ руки книги-лѣтописи, которая съ поразительною ясностью показываетъ, какъ близка къ жизни, къ реальной русской жизни „Исторія одного города", четыре десятилѣтія тому назадъ написанная М. Е. Салтыковымъ. Многія изъ административныхъ мѣръ славныхъ градоправителей города Глупова, обычно принимаемыя за аллегорію, за злую сатиру на характеръ и направленіе нашей бюрократіи, оказываются просто-напросто реальными фактами.

Книга, о которой я говорю — „Записки генералъ-маіора Ивана Васильевича Чернова"—издана въ 1907 г. оффиціальнымъ учрежденіемъ, какъ часть „Трудовъ Оренбургской архивной коммиссіи" (вып. XVIII). Изъ предпосланной „Запискамъ" краткой біографіи умершаго въ 1902-мъ году отставного генералъ-маіора Оренбургскаго казачьяго войска И. В. Чернова видно, что это былъ типичный провинціальный чиновникъ, добросовѣстный и исполнительный, сдѣлавшій всю свою карьеру въ оренбургскихъ канцеляріяхъ. Преданный начальству, смирный, строго соблюдающій всѣ церковные обряды и посты, Черновъ являлъ собою типъ безусловно благонамѣреннаго человѣка. И вотъ, именно записки такого ультра „благонадежнаго" генерала и представляютъ удивительное сходство съ исторіей города Глупова. И. В. Черновъ написалъ, подобно Щедрину, исторію цѣлаго ряда губернаторовъ. „Основаніемъ настоящихъ замѣтокъ — говоритъ онъ— служитъ то, что я лично видѣлъ, слышалъ отъ достовѣрныхъ людей

[1]) Общую критику идеи компромисса см. въ статьѣ автора: „Нарушенный миръ" („Право", 1910, № 15).

или взялъ изъ дѣлъ и другихъ источниковъ, нисколько не отступая отъ правды".

„Тайный совѣтникъ Иванъ Ивановичъ Неплюевъ (1742—1757)—читаемъ мы въ „Запискахъ"—былъ разумный, дѣятельный, но строгій до жестокости въ исполненіи своихъ приказаній, которыя не отмѣнялъ, каждое дѣло доводилъ до конца, не стѣсняясь въ принятіи мѣръ къ устраненію препятствій. Онъ строгими мѣрами усмирилъ второй бунтъ башкиръ, казнями, имъ самимъ придуманными. Изъ нихъ приведу одну. Онъ приказалъ построить на льду рѣки Сакмары, когда она замерзла, избу; потомъ выкликивались изъ собранныхъ по именамъ башкиры, замѣченные въ неблагонадежности, для допроса. Какъ только входилъ башкиръ въ избу, стоявшіе внутри солдаты спускали его въ прорубь, подъ ледъ. Такимъ образомъ исчезали съ лица земли всѣ входившіе, и возвращавшихся не было; хотя и было оповѣщено, что народъ собирался для совѣщанія, но по объему избы догадались, что входящіе въ избу спускаются безъ всякаго шума въ воду, и народъ съ берега разбѣжался. Эта мѣра была принята послѣ повелѣнія сажать на колъ и тѣлеснаго наказанія къ тѣмъ бунтовщикамъ, которые не попали въ руки правительства".—Развѣ этотъ разсказъ не могъ бы быть вставленъ безъ всякихъ измѣненій въ исторію города Глупова? Замѣчательно здѣсь, помимо всего прочаго, то, что въ проруби топили не осужденныхъ или признанныхъ виновными башкиръ, а просто „замѣченныхъ въ неблагонадежности". Кѣмъ замѣченныхъ? И какъ должно быть хорошо и прочно въ свое время подобныя мѣры укрѣпляли среди инородцевъ престижъ русской твердой власти! Приглашали народъ „для совѣщанія"—и совѣщались „безъ всякаго шума".

Этотъ же администраторъ реально исполнялъ то, что Щедринъ приписываетъ своему девятому (по описи лѣтописца) градоначальнику, Двоекурову. Статскій совѣтникъ Двоекуровъ „ввелъ въ употребленіе горчицу и лавровый листъ". Тѣмъ же прославился пятнадцатый градоначальникъ—Беневоленскій, который „вновь ввелъ въ употребленіе, яко полезные, горчицу, лавровый листъ и прованское масло". Читатели, конечно, помнятъ тѣ административныя мѣры увѣщеванія и твердой строгости, которыя принимались, чтобы понудить глуповцевъ сѣять горчицу. И вотъ, оказывается, что даже эти горчица и лавровый листъ совсѣмъ не вымыселъ, а дѣйствительность. „Въ управленіе Неплюева основалась Каргала (Сеитовскій посадъ) богатыми татарами... Сеитовцы, получивъ съ Высочайшаго соизволенія извѣстныя привилегіи, обязывались завести посѣвъ хлопка, сорочинскаго пшена и марены. Однакоже опытъ не удался. Неплюевъ требовалъ и принуждалъ долгое время сѣять упомянутыя растенія, для чего указалъ имъ мѣсто недалеко отъ Оренбурга, по нынѣшней почтовой дорогѣ

на Уфу. Сеитовцы очистили это мѣсто отъ росшаго тутъ лѣса, но ничего хорошаго не выходило, и оставили посѣвъ за увольненіемъ Неплюева".

Изъ этихъ краткихъ строкъ видна вся картина исключительнаго административнаго начинанія. Природныхъ степняковъ заставляли культивировать совершенно незнакомыя имъ растенія, требующія совсѣмъ особеннаго ухода, особыхъ пріемовъ обработки почвы. Къ довершенію всего власть указывала точно даже мѣсто, гдѣ должны быть разведены плантаціи этихъ растеній. Это—густой дѣвственный лѣсъ, и на мѣстѣ лѣсныхъ трущобъ, сѣвернѣе Оренбурга, должны были появиться плантаціи хлопка и марены, наперекоръ даже климату. И можно себѣ представить, что̀ скрывается въ безхитростныхъ словахъ генерала-лѣтописца: „Неплюевъ требовалъ и принуждалъ долгое время сѣять упомянутыя растенія"? Сколько тутъ было принято „мѣръ воздѣйствія", и какихъ мѣръ?

Щедринскій Бородавкинъ „спалилъ 33 деревни и съ помощью сихъ мѣръ взыскалъ недоимокъ два рубля съ полтиною". Знаменитый Угрюмъ-Бурчеевъ „разрушилъ старый городъ и построилъ другой на новомъ мѣстѣ". А вотъ чѣмъ замѣчателенъ оренбургскій губернаторъ Н. Н. Бахметевъ (1798—1803): „въ его время Оренбургъ состоялъ изъ бѣдныхъ домиковъ, въ которыхъ жили казаки. Силою выселять ихъ изъ города Бахметевъ не желалъ или считалъ незаконнымъ. По народной молвѣ, онъ черезъ особыхъ людей заставлялъ поджигать кварталы съ плохими домами и такимъ образомъ переселилъ ихъ изъ города въ форштадтъ, населенный тогда какъ казаками, такъ и солдатами, жившими въ нижнихъ улицахъ къ Георгіевской церкви, гдѣ тогда расположенъ былъ артиллерійскій паркъ. Въ городѣ остались одни казачьи чиновники; они одни имѣли на это право, и распоряженіе это было подтверждаемо не разъ во время управленія военнаго губернатора Эссена, о чемъ я видѣлъ переписку въ архивѣ канцеляріи губернатора". Тутъ особенно привлекательны наивныя слова лѣтописца: „силою выселять... не желалъ или считалъ незаконнымъ".

Но и у Щедрина не всѣ градоначальники свирѣпствуютъ, караютъ и разрушаютъ; есть и статскій совѣтникъ Грустиловъ. Этотъ „другъ Карамзина отличался нѣжностью и чувствительностью сердца, любилъ копить чай въ городской рощѣ" и т. п. Есть и князь Макаладзе, который „былъ столь охочъ до женскаго пола, что увеличилъ глуповское народонаселеніе почти вдвое". Въ Оренбургѣ на смѣну генерала Бахметева въ 1803 г. губернаторомъ былъ назначенъ князь Гр. Сем. Волконскій (1803 — 1817). О немъ читаемъ у Чернова слѣдующее: „По общему отзыву, онъ былъ человѣкъ старый, неспособный для боевой службы, которая требовалась въ то время, со странностями

и привычками, рѣзко отличавшимися отъ общепринятыхъ условій жизни: ходилъ по городу въ ночномъ колпакѣ, спальной курткѣ и простыхъ панталонахъ; при встрѣчѣ съ женщиной, если была молодая, красивая, цѣловалъ ее, давалъ денегъ, которыя за нимъ носилъ камердинеръ". Это ли не административная идиллія!

Послѣ описанія нехитрыхъ и, употребляя выраженіе Щедрина, „простыхъ" дѣлъ этого губернатора, И. В. Черновъ пишетъ о немъ такъ: „А когда князь сталъ старикомъ, то занимался дѣлами мало, кромѣ важныхъ, направлять которыя безъ его вѣдома и указанія было невозможно. Говорятъ, что присылаемыя для подписанія бумаги на ночь клалъ къ святымъ иконамъ, молился передъ послѣдними, а утромъ, перекрестясь, все подписывалъ, не читая, и дѣло сходило благополучно". Не было ли это время золотымъ вѣкомъ славнаго города?

Послѣ князя Волконскаго губернаторомъ въ Оренбургъ былъ назначенъ генералъ П. К. Эссенъ (1817—1830), блестящая карьера котораго сложилась весьма просто. Онъ былъ офицеромъ Павловскаго полка въ царствованіе Павла I. Однажды, „встрѣтивъ Эссена на дорогѣ идущимъ или ѣдущимъ въ Гатчину, государь посадилъ его въ свою карету и, разговаривая съ нимъ, за умные отвѣты пожаловалъ въ чинъ капитана, а черезъ часъ, когда высадилъ его изъ кареты, въ полковники, потомъ очень скоро въ генералъ-маіоры". Это былъ довольно спокойный губернаторъ, совершавшій тоже по преимуществу дѣла „малыя". Отсюда, однако, не слѣдуетъ, чтобы онъ не имѣлъ административной изобрѣтательности. Черновъ пишетъ о немъ, что „управленіе генерала Эссена, продолжавшееся болѣе 10 лѣтъ, не было ознаменовано никакими реформами, которыя хотя и были проектированы, но высшимъ начальствомъ не приняты".

Не менѣе характернымъ, хотя и совершенно инымъ, было правленіе самаго умнаго изъ всѣхъ оренбургскихъ губернаторовъ (я, конечно, говорю только о губернаторахъ „добраго стараго времени"), именно графа В. А. Перовскаго. Онъ правилъ краемъ дважды: въ первый разъ съ 1833 по 1842 г., во второй разъ съ 1851 по 1857 г. Этотъ дѣятельный и неутомимый администраторъ, пользовавшійся личнымъ расположеніемъ и довѣріемъ императора Николая I, творилъ преимущественно дѣла „великія". Онъ успѣшно усмирялъ большіе и малые бунты, каралъ и миловалъ, ходилъ воевать Хиву, но, заморозивъ и сморивъ въ степи голодомъ $^2/_3$ отряда, вернулся обратно, не видавъ непріятеля. Занимаясь дѣлами „внѣшними", Перовскій не оставлялъ своимъ административнымъ попеченіемъ и дѣлъ „внутреннихъ" и не менѣе своихъ славныхъ предшественниковъ заботился о благоустройствѣ и красотѣ города. Вѣдь и градоначальники города

Глупова проявляли отеческую заботливость о красотѣ и благоустройствѣ ввѣреннаго имъ города. Такъ, напр., Бородавкинъ „замостилъ базарную площадь и засадилъ березками улицу, ведущую къ присутственнымъ мѣстамъ“. Смѣнившій Бородавкина градоначальникъ Негодяевъ, Онуфрій Ивановичъ, бывшій гатчинскій истопникъ, „размостилъ вымощенныя предмѣстниками его улицы и изъ добытаго камня настроилъ монументовъ“.

О дѣлахъ Перовскаго Черновъ пишетъ, между прочимъ, такъ: „Для того, чтобы привести городъ въ лучшій видъ, Перовскій въ 1835-мъ году назначилъ особую коммиссію, поручивъ ей осмотрѣть въ городѣ всѣ дома, ветхіе назначить къ слому черезъ два или три года, обязавъ владѣльцевъ въ этотъ срокъ построить новые дома по планамъ, а кто по бѣдности не въ состояніи былъ этого сдѣлать, тому предложено убрать свое строеніе, получить даромъ 50 бревенъ и 50 руб. ас. и перейти на житье во вновь образовавшуюся слободу. Освободившіяся же мѣста въ городѣ отводились сосѣднимъ владѣльцамъ, которые уплачивали за нихъ стоимость полученнаго прежнимъ хозяиномъ пособія“.

Еще замѣчательнѣе исторія постройки караванъ-сарая — одного изъ самыхъ (и нынѣ) больших зданій Оренбурга. „Караванъ-сарай былъ начатъ постройкою Перовскимъ чрезъ оповѣщеніе циркулярами башкирскихъ кантонныхъ начальниковъ, для объявленія народу, что зданіе строится для пріѣзжающихъ въ Оренбургъ по своимъ дѣламъ башкиръ, останавливавшихся ранѣе въ частныхъ домахъ, а съ постройкою караванъ-сарая будутъ имѣть болѣе удобное помѣщеніе для себя и своихъ лошадей. Зданіе въ началѣ было построено съ большими комнатами въ видѣ казармъ, съ нарами, а въ нижнемъ этажѣ конюшни. Все показываетъ, что Перовскій думалъ перенести на русскую землю азіатскіе караванъ-сараи для странствующихъ мусульманъ и торговцевъ“. Въ серединѣ огромнаго караванъ-сарая была устроена большая мечеть, на сооруженіе которой, равно какъ и на сооруженіе самаго караванъ-сарая „приглашали башкиръ дѣлать пожертвованія“, которыхъ и было собрано деньгами около 30.000 рублей. Кромѣ того, какъ разсказывали автору этихъ строкъ въ Оренбургѣ мѣстные знающіе люди, башкиры принимали участіе въ постройкѣ „своего“ караванъ-сарая натурою, подвозя строительные матеріалы и работая на постройкѣ. Открытіе караванъ-сарая было обставлено большою торжественностью. Но... „въ концѣ 1841 г. въ караванъ-сарай перевели канцелярію командующаго башкирскимъ войскомъ“, а затѣмъ перенесли туда же квартиру губернатора, его канцелярію и другія присутственныя мѣста, которыя всѣ и поднесь тамъ пребываютъ. Черновъ сообщаетъ объ этомъ со свойственнымъ ему убѣ-

жденіемъ въ правильности всѣхъ мѣръ, отъ высшаго начальства исходящихъ. „Помѣщенія для башкиръ не думали открывать и никто изъ нихъ никогда тамъ не останавливался. Обращеніе зданія въ постоялый дворъ стоило бы дорого по отопленію, содержанію въ чистотѣ и ремонту. Правый фасадъ зданія, гдѣ были казармы съ нарами, передѣлали подъ помѣщеніе канцеляріи, а лѣвый обратили въ помѣщеніе для губернатора; въ нижнемъ этажѣ, гдѣ были стойла для лошадей, оставшіеся своды показываютъ первое его назначеніе". Странное впечатлѣніе производитъ и теперь это удивительное зданіе—центръ губернской администраціи, съ квартирою губернатора и съ большою мечетью во дворѣ. И какъ это мечеть осталась мечетью!... Тотъ же Перовскій въ 1851 г. построилъ особое зданіе для помѣщенія архива и архивной коммиссіи. Но „временно" зданіе это было занято подъ гауптвахту, которая, конечно, пребываетъ тамъ и сегодня, а архивная коммиссія (очень почтенное учрежденіе, организовавшее историческій, этнографическій и геологическій музей) все еще ютится въ жалкомъ и до невозможности тѣсномъ помѣщеніи.

За Перовскимъ послѣдовалъ рядъ другихъ губернаторовъ, о которыхъ болѣе или менѣе подробно говорится въ „Запискахъ" Чернова. Заканчиваются „Записки" правленіемъ генералъ-адъютанта Н. А. Крыжановскаго (1864 — 1881 г.), который больше всѣхъ предшественниковъ прославился извѣстнымъ дѣломъ о башкирскихъ земляхъ.

Я привелъ, разумѣется, только отдѣльные примѣры на выдержку; но вся безхитростная книга ген. Чернова производитъ впечатлѣніе именно своимъ сходствомъ съ Щедринскою лѣтописью. Оба автора описываютъ зачастую вполнѣ аналогичныя событія, почти тождественныя административныя мѣропріятія, кары, проявленія твердой власти; оба одинаково говорятъ тономъ полнѣйшаго убѣжденія въ правильности, мудрости и цѣлесообразности всего, что дѣлается администраціей; оба, наконецъ, преклоняются передъ волею всегда благодѣтельнаго начальства. Только генералъ-маіоръ Черновъ пишетъ искренно, „не мудрствуя лукаво", и передаетъ реальные факты—а Щедринъ, со своимъ дивнымъ сарказмомъ и юморомъ, творитъ неподражаемую сатиру. Я не знаю, извѣстны ли были Щедрину факты изъ дѣяній оренбургскихъ правителей и поэтому не берусь утверждать, чтобы онъ имѣлъ въ виду именно ихъ. Едва ли, впрочемъ, Оренбургъ представлялъ собою рѣзкое исключеніе сравнительно съ другими русскими губернаторствами того времени.

Къ сожалѣнію, интересныя „Записки" Чернова подверглись, изъ боязни „раздразнить гусей", значительнымъ сокращеніямъ. Но и въ настоящемъ своемъ видѣ эта живая лѣтопись города Оренбурга дышетъ глубокою правдою. Читая ее, все время думаешь словами Гри-

боѣдова (служащими эпиграфомъ къ „Губернскимъ очеркамъ“ Щедрина): „свѣжо преданіе, а вѣрится съ трудомъ“. И лишній разъ удивляешься силѣ таланта и ума Щедрина, этого поистинѣ великаго сатирика.

Евгеній Елачичъ.

ПОДЪ ВПЕЧАТЛѢНІЕМЪ СЛАВЯНСКАГО СОБОРА

(Письмо изъ Софіи.)

— Изволите ли видѣть, ваше превосходительство, — сказалъ Петръ Ивановичъ Бобчинскій Ивану Александровичу Хлестакову,— есть у меня сынъ, рожденный внѣ брака, но совершенно тѣмъ же способомъ, какъ бы и во бракѣ; такъ вотъ я бы желалъ, чтобы онъ назывался тоже Бобчинскій.

— Пусть называется!—отвѣтилъ Хлестаковъ.

— Изволите ли видѣть, ваши превосходительства и ваши сіятельства,—обратился на софійскомъ соборѣ его предсѣдатель, Степанъ Савичъ Бобчевъ, къ „русской делегаціи“,—я очень хорошо знаю, что ваши воззрѣнія на славянскій вопросъ не имѣютъ ничего общаго съ неославизмомъ, что вы боролись и словомъ, и дѣломъ противъ пражскихъ резолюцій, что вы напрягали всѣ свои силы для превращенія формулы „свобода, равенство и братство всѣхъ славянскихъ народовъ“ въ формулу „угнетеніе поляковъ и украинцевъ всѣми зависящими отъ васъ средствами“; но для спасенія аппарансовъ я бы желалъ, чтобы вы назвали ваши дѣйствія также стоящими на почвѣ пражскихъ резолюцій. Согласны?

— Пусть называются, — хоромъ отвѣтили гг. Черепъ - Спиридовичъ, Башмаковъ и другіе.

— Вы, господа, тоже, конечно, противъ этого ничего не имѣете?— спросилъ С. С. Бобчевъ депутатовъ изъ Галиціи.

— О, конечно, конечно, нѣтъ. Пусть называются, — воскликнули въ одинъ голосъ галиційскіе „москофилы“.

— Ну, вотъ и прекрасно. Обстоятельства весьма намъ благопріятствуютъ; у насъ на соборѣ нѣтъ ни поляковъ, ни украинцевъ, ни представителей московскаго общества славянской культуры, ни кадетовъ изъ Россіи, ни Масарика изъ Чехіи, ни Скерлича изъ Сербіи, ни Бабича-Джальскаго изъ Хорватіи, словомъ, никого изъ этихъ без-

покойныхъ людей, которые могли бы внести непріятный диссонансъ. Крамаржъ будетъ разливаться соловьемъ о томъ, что „тотъ не славянинъ, кто утѣсняетъ другого славянина", вы будете апплодировать его рѣчамъ,—а ему больше ничего и не нужно,—и кто тогда осмѣлится сказать, что софійскій соборъ не стоялъ на почвѣ пражскихъ резолюцій? Такъ пусть постановленія нашего собора будутъ называться тождественными съ пражскими? Не правда ли?

— Пусть называются, пусть называются!..

Такой сцены въ дѣйствительности, разумѣется, не было, но именно такой духъ проникалъ всю русско-галиційскую депутацію софійскаго собора. Въ отличіе отъ прежняго реакціоннаго „славизма" въ Прагѣ были выдвинуты принципы „неославизма", провозглашена формула „свобода, равенство и братство" всѣхъ славянскихъ народовъ. И что же? Теперь смѣло можно сказать, что гг. Крамаржъ, Бобчевъ и К° или лишены самой элементарной способности логическаго мышленія, или пражскія резолюціи являются въ ихъ глазахъ лишь красивыми фразами, рѣшительно никого ни къ чему не обязывающими. Иначе совершенно необъяснимо, какимъ образомъ—даже оставляя въ сторонѣ предъявленное А. А. Стаховичемъ софійскому организаціонному комитету обвиненіе въ весьма некрасивыхъ дѣйствіяхъ, клонившихся къ созданію опредѣленнаго состава русской делегаціи на софійскомъ соборѣ,—какимъ образомъ могли организаторы этого собора приглашать къ участію въ немъ людей, пражскимъ резолюціямъ явно враждебныхъ? Провозгласивъ опредѣленные принципы, устроители софійскаго конгресса — это должно было бы, кажется, быть ясно и для малаго ребенка—были обязаны приглашать на конгрессъ людей исключительно по признаку ихъ солидарности или несолидарности съ этими принципами. Между тѣмъ русская делегація оказалась, въ своемъ подавляющемъ большинствѣ, состоящею изъ самыхъ непримиримыхъ враговъ провозглашенныхъ въ Прагѣ началъ. Въ ея составъ вошли, между прочимъ, гг. Вергунъ, Комаровъ, гр. Бобринскій, профессоръ Флоринскій, одесскій генералъ Кардиналовскій.

А г. Крамаржъ? Онъ чего же смотрѣлъ? Отчего не принялъ мѣръ противъ такого вопіющаго поруганія всякой логики, уничтожающаго морально-политическій смыслъ собора? Да именно оттого, что и г. Крамаржу, очевидно, ровно столько же дѣла до дѣйствительнаго смысла пражскихъ резолюцій, какъ и г. Бобчеву. Трескъ, блескъ, фраза—вотъ и весь г. Крамаржъ. Вѣдь подтвердилъ же софійскій соборъ пражскія резолюціи—чего-жъ вамъ еще надо? А если созданъ прецедентъ, показывающій, что можно одновременно „стоять на почвѣ пражскихъ резолюцій" и дѣлать то дѣло, которое дѣлаютъ въ Россіи гр. Бобринскій со товарищами, если на другой же день послѣ собора

г. Башмаковъ могъ говорить въ публичномъ собраніи (на жалкомъ докладѣ о „неославизмѣ“, г. Каменскаго) о возвращеніи славянскаго движенія его „майкѣ“ [1])—то какое до всего этого дѣло г. Крамаржу?..

Удивительно ли, что въ виду такого положенія вещей софійскій соборъ встрѣтилъ среди лучшей части болгарскаго общества не только безусловно отрицательное отношеніе, но и явную враждебность, выразившуюся въ цѣлой газетной кампаніи, во множествѣ митинговъ, въ организаціи спеціальнаго комитета протеста, иниціаторами котораго явились писатели съ самыми громкими въ Болгаріи именами: драматургъ Петко Тодоровъ, знаменитый поэтъ, директоръ національной библіотеки въ Софіи Пенчо Славейковъ, поэтъ, директоръ національнаго театра Пѣю Яваровъ, публицистъ д-ръ Кристо Разовскій. О дѣятельности протестантовъ, о присоединеніи къ нимъ софійскаго студенчества, союза народныхъ учителей (самой сильной въ Болгаріи организаціи) и другихъ интеллигентныхъ силъ извѣстно всѣмъ, слѣдившимъ за корреспонденціями изъ Софіи въ русскихъ прогрессивныхъ газетахъ.

Мнѣ хочется поставить вопросъ: правильно ли поступили кадеты, московское общество славянской культуры и другіе прогрессивные элементы въ Россіи, отказавшись отъ участія въ софійскомъ съѣздѣ?

Я не сторонникъ „бойкотистской“ тактики, но въ данномъ случаѣ убѣжденъ безусловно, что русскіе прогрессивные дѣятели поступили правильно. Приславъ привѣтъ не собору, а главѣ протестантовъ противъ него, Пенчо Славейкову, московское общество славянской культуры сдѣлало именно то что нужно. „Скажите Грановскому, что я въ неприличныхъ мѣстахъ свиданій друзьямъ не назначаю“,—сказалъ когда-то Бѣлинскій на предложеніе работать въ „Москвитянинѣ“ вмѣстѣ съ Погодинымъ и Шевыревымъ...

Попробовали пріѣхать А. Л. Погодинъ и д-ръ Луценко—и что же? Насмотрѣлись и наслушались такого, что изъ „русской делегаціи“ имъ пришлось выйти на другой же день. Пріѣздъ другихъ русскихъ прогрессистовъ ничего не измѣнилъ бы къ лучшему.

Что же, однако, дальше? Будетъ съѣздъ третій, можетъ быть четвертый. Что же, такъ и предоставить все славянское движеніе его нынѣшнему теченію, отстраниться отъ него совершенно?

Существуетъ точка зрѣнія, отрицающая „неославизмъ“ въ самомъ его корнѣ и считающая его ученіемъ реакціоннымъ, не потому, что *на практикѣ*, кромѣ ни къ чему не обязывающихъ фразъ, отъ „старославизма“ онъ въ настоящее время ничѣмъ не отличается, а на томъ основаніи, что въ своихъ принципахъ („свобода, равенство и братство

---

[1]) По-болгарски „майка“ значитъ мать.

всѣхъ славянскихъ народовъ") онъ заключаетъ въ себѣ, будто бы, элементы противные духу общечеловѣческой культуры. Она призываетъ къ единенію, безъ различія національностей—а неославизмъ, какъ и всякое ученіе съ національной окраской, ведетъ къ разъединенію, къ распаденію человѣчества на враждебныя между собою части. Объединеніе людей,—говорятъ принципіальные противники неославизма,—должно совершаться на другой почвѣ: на почвѣ классовыхъ интересовъ пролетаріата всего міра — по мнѣнію соціалъ-демократовъ; на почвѣ проникновенія однимъ и тѣмъ же религіозно-общественнымъ сознаніемъ—по мнѣнію Льва Толстого.

Несмотря на противоположность этихъ точекъ зрѣнія, изъ которыхъ одна проповѣдуетъ борьбу общественныхъ классовъ, другая—христіанское примиреніе людей путемъ самоотверженія и самоотреченія, онѣ обѣ отличаются логическою послѣдовательностью, обѣ выдвигаютъ опредѣленную систему практическихъ дѣйствій. Но жизнь человѣческихъ обществъ не укладывается ни въ какія теоретическія схемы: она безконечно сложнѣе. Въ приведенныхъ выше формулахъ не находитъ мѣста „національное чувство"—а оно является такимъ живымъ, такимъ повсемѣстнымъ факторомъ жизни человѣческихъ обществъ, что проходить мимо него, разъ что стоишь не на облакахъ, а на землѣ, значитъ обрекать общественно-политическое дѣло на несомнѣнную неудачу. Любить свою страну больше, чѣмъ другія—это фактъ психической структуры людей, завѣщанный имъ всею предыдущею исторіей человѣчества, столь же древній, какъ сами человѣческія общества, на всѣхъ наложившій свою неизгладимую печать.

„Я сначала нѣмецъ, а потомъ уже соціалистъ"—сказалъ одинъ изъ вождей нѣмецкой соціалъ-демократіи. Обращаясь даже къ такой, совершенно исключительной по своимъ духовнымъ силамъ личности, какъ Левъ Толстой, не видимъ ли мы въ его письмѣ къ софійскому собору той же самой идеи? Съ всегда отличающей его неустрашимостью, искренностью и правдивостью мысли и чувства Левъ Толстой излагаетъ здѣсь свои принципы, отрицающіе національность, патріотизмъ и государственность — и въ то же время пишетъ слѣдующее: „Думаю, почти увѣренъ, что высказанныя мною мысли будутъ признаны неприложимыми и неправильными, но я счелъ своимъ долгомъ вполнѣ откровенно высказать ихъ людямъ, которые, несмотря на мое отрицаніе племенного и народнаго патріотизма, *все-таки ближе мнѣ*, чѣмъ люди другихъ народовъ (т.-е. неславяне). Скажу болѣе, откинувъ соображенія о томъ, что по этимъ словамъ моимъ меня могутъ уличить *въ непослѣдовательности и противорѣчіи самому себѣ*,—скажу, что особенно побудила меня высказать то, что я высказалъ, моя вѣра, что та основа всеобщаго религіознаго единенія, которая

одна можетъ все болѣе и болѣе соединять людей, вести ихъ къ свойственному имъ благу, что эта основа будетъ принята прежде всѣхъ другихъ народовъ христіанскаго міра народами именно славянскаго племени".

Конечно, здѣсь есть непослѣдовательность, есть пристрастіе къ своему. А развѣ Герценъ былъ болѣе послѣдователенъ, когда писалъ: „я русскій и *вездѣ* становлюсь, какъ русскій"? Тургеневъ называлъ его „непослѣдовательнымъ славянофиломъ", прибавляя при этомъ: „чему, однако, я очень радъ". А Тургеневъ развѣ не былъ пристрастенъ къ „великому, могучему, свободному и правдивому русскому языку"? Если такая непослѣдовательность, такое пристрастіе—грѣхъ, то грѣхъ общій, первородный, и не считаться съ нимъ невозможно.

Но любить Россію больше другихъ странъ—не значитъ любить ее такъ, какъ, употребляя сравненіе Чаадаева, „любитъ самоѣдъ разъѣдающій глаза дымъ своей юрты и прогорклый жиръ своихъ оленей". Между тѣмъ, софійскіе „соборяне", кощунственно называющіе себя духовными потомками Хомякова и Константина Аксакова, считаютъ именно „разъѣдающій глаза дымъ и прогорклый жиръ" современной Россіи тѣми высшими цѣнностями, которыя слѣдуетъ навязать и „братьямъ-славянамъ". Прогрессивные дѣятели Россіи должны, мнѣ кажется, дать имъ самый рѣшительный отпоръ, невозможный при одной лишь системѣ пассивнаго уклоненія отъ участія въ начавшемся среди славянъ движеніи.

На одномъ изъ митинговъ протеста противъ состава софійскаго собора Пенчо Славейковъ произнесъ много комментировавшіяся въ болгарскомъ обществѣ слова: „Въ разговорѣ, который я имѣлъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ съ Милюковымъ, я сказалъ ему съ удивленіемъ: отчего прогрессивная Россія смотритъ на насъ нехорошо, отчего нашему болгарскому слову не даютъ мѣста ни „Вѣстникъ Европы", ни другіе серьезные органы русской печати? — Оттого, — отвѣчалъ мнѣ Милюковъ,—что вы, болгары, въ глазахъ прогрессивной Россіи себя скомпрометтировали; вы не доказали ни словомъ, ни дѣломъ, что вы доросли до ея уваженія, и она смотритъ на васъ, какъ на поборниковъ мракобѣсія, какъ на „братушекъ", какъ на людей, вѣчно просящихъ подаянія, какъ на орудіе, которымъ *намъ стукаютъ по головамъ и задерживаютъ наше движеніе*. Станете людьми, пріобрѣтете и уваженіе".

Если съ того времени, какъ имѣлъ мѣсто этотъ разговоръ, въ Болгаріи произошла большая перемѣна, — а это, по моему мнѣнію, безспорно,—то ее менѣе всего можно приписать русскимъ прогрессивнымъ дѣятелямъ. За исключеніемъ самого П. Н. Милюкова, много поработавшаго среди славянъ и заслуженно пользующагося на Балканскомъ

полуостровѣ большимъ авторитетомъ, я затруднился бы назвать русскихъ прогрессивныхъ дѣятелей, которые были бы извѣстны болѣе или менѣе широкимъ кругамъ балканской интеллигенціи иначе, какъ изъ книгъ или газетъ. У реакціонеровъ личныхъ связей здѣсь несравненно больше. Между тѣмъ, Балканами попрежнему могутъ еще, и даже очень и очень больно, „стукать намъ по головамъ и задерживать наше движеніе". Простой политическій разсчетъ, поэтому, долженъ заставить русскихъ прогрессивныхъ дѣятелей обратить на эту сторону дѣла серьезное вниманіе. Конечно, сильно преувеличивалъ въ разговорѣ со мною вождь партіи „тѣсныхъ" соціалистовъ въ Болгаріи, Кирковъ, утверждавшій, что, кромѣ пролетаріата, всѣ остальные слои и группы населенія Болгаріи (крестьянство, буржуазія крупная и мелкая, интеллигенція) настроены крайне „русофильски" (въ дурномъ смыслѣ этого слова); но все же для того, чтобы „стукнуть насъ по головамъ", т.-е. запутать общественное сознаніе въ Россіи, элементовъ и въ Болгаріи, а въ Сербіи или Черногоріи—тѣмъ болѣе, найдется очень и очень достаточно. Для предотвращенія возможности въ будущемъ такого „стуканія по головамъ" недостаточно, разумѣется, однѣхъ литературныхъ работъ, выясняющихъ исторически отношеніе Россіи и русскихъ къ балканскимъ славянамъ; необходимо широкое *личное* общеніе между интеллигентными силами различныхъ славянскихъ земель.

Насъ могутъ спросить: развѣ такое общеніе приведетъ къ разрѣшенію наиболѣе острыхъ и, слѣдовательно, наиболѣе чреватыхъ опасностями вопросовъ, какъ русско-польскій, сербско-болгарскій, сербско-хорватскій, македонскій? Разрѣшить ихъ, конечно, никакіе славянскіе конгрессы не въ силахъ, но помочь ихъ разрѣшенію путемъ всесторонняго изученія, постояннаго обсужденія, безспорно могутъ. И было бы крайне желательно, чтобы за это дѣло взялось именно такое выдающееся по богатству умственныхъ силъ общество, какъ московское общество славянской культуры. Откликъ въ другихъ славянскихъ странахъ, думается мнѣ, нашелся бы большой. Не только свѣта въ окошкѣ, что гг. Крамаржъ да Бобчевъ. Можно и даже должно обойтись безъ нихъ, завязывая съ интеллигенціей славянскихъ странъ самостоятельныя сношенія, а затѣмъ и устраивая самостоятельные конгрессы.

Таковы мысли и пожеланія, навѣянныя на меня печальной и тяжелой картиной „всеславянскаго собора въ Софіи".

В. Богучарскій.

4-го іюля 1910 г.

КОНСТИТУЦІЯ И ШКОЛА ВЪ ШВЕЙЦАРІИ

(Письмо изъ Швейцаріи.)

Исторія швейцарской школы неразрывно сплетена съ исторіей швейцарской демократіи. Швейцарская демократія въ своемъ поступательномъ историческомъ движеніи формировала школу, отъ низшей до высшей, по своему образу и подобію. Она давно поняла, какую огромную политическую роль играетъ школа, подготовляющая новое поколѣніе гражданъ и этимъ самымъ въ значительной степени опредѣляющая характеръ ближайшаго будущаго страны.

„Ребенокъ — отецъ мужчины; школьникъ — отецъ гражданина". Истину, заключающуюся въ этой англійской поговоркѣ, всегда отчетливо сознавала и твердо помнила швейцарская демократія. Сосредоточивъ въ рукахъ народа всю полноту политической власти, она и всей постановкѣ школьнаго воспитанія и преподаванія придала характеръ подготовки гражданъ свободной демократіи.

По выраженію Кондорсе, „народъ никогда не будетъ пользоваться прочной свободой, если въ его средѣ не получитъ общаго распространенія преподаваніе политическихъ знаній. Чтя законы, необходимо умѣть въ нихъ разбираться". На этомъ пути швейцарская школа достигла очень многаго. Но жизнь не останавливается. Широкое развитіе политическаго самоуправленія, выдвигая передъ каждымъ гражданиномъ все болѣе сложныя задачи и требуя отъ него все большей политической сознательности, ставитъ и передъ швейцарской школой все новыя, болѣе обширныя и сложныя задачи. И сейчасъ въ общей и спеціальной печати Швейцаріи усердно обсуждается вопросъ о дальнѣйшемъ расширеніи преподаванія политическихъ знаній. Что нынѣшніе швейцарскіе педагоги считаютъ въ этой области пройденною ступенью, то является не только для Россіи, но и для Германіи идеаломъ, подлежащимъ реализаціи лишь въ болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ. Швейцарскіе педагоги хорошо знаютъ, что они готовятъ своихъ учениковъ не только для поступленія въ высшее учебное заведеніе, но и для дѣла гораздо болѣе важнаго и отвѣтственнаго—для вступленія въ жизнь. А для швейцарца вступить въ жизнь—значитъ сдѣлаться полноправнымъ гражданиномъ, получить голосъ при рѣшеніи безусловно всѣхъ вопросовъ общей политики и

мѣстной жизни. Какъ только швейцарцу исполняется двадцать лѣтъ, передъ нимъ широко раскрывается поприще самой разнообразной политической и общественной дѣятельности. Онъ подаетъ голосъ не только при выборѣ депутатовъ парламента, но, во многихъ кантонахъ, и при выборѣ судей, чиновниковъ, учителей, священниковъ и т. д. Всенародныя голосованія то и дѣло призываютъ весь швейцарскій народъ сказать свое рѣшающее слово по крупнымъ и сложнымъ вопросамъ политической и экономической жизни страны. И зная, что ея питомцы, едва сойдя со школьной скамьи, должны будутъ принять самое широкое и отвѣтственное участіе въ этой интенсивной жизни, швейцарская школа спѣшитъ снабдить ихъ нужными, хотя бы основными политическими знаніями и, главное, выработать въ нихъ умѣнье и потребность независимо дѣйствовать, отвѣчать за свои слова и поступки, самостоятельно мыслить. Она готовитъ будущихъ политическихъ хозяевъ страны.

Какъ безконечно далекъ идеалъ швейцарскихъ педагоговъ отъ идеала нашихъ „педагоговъ въ футлярѣ"! Послѣдніе упали бы въ обморокъ въ своемъ футлярѣ, если бы познакомились съ преподаваніемъ въ швейцарскихъ школахъ. Швейцарскаго педагога они признали бы, конечно, „карбонаріемъ", который „властей не признаетъ". На самомъ дѣлѣ мирный швейцарскій учитель—менѣе всего карбонарій и нимало не повиненъ въ „непризнаніи властей". Въ его странѣ власть принадлежитъ народу—и учитель знаетъ, что въ лицѣ своихъ учениковъ онъ воспитываетъ и обучаетъ будущую власть. По мѣрѣ силъ онъ стремится къ тому, чтобы эта власть была самостоятельна, культурна, просвѣщенна, терпима. Швейцарскій педагогъ такъ опредѣляетъ задачи учителя по отношенію къ ученику: „школа представляетъ собою демократію. Если демократія слѣдуетъ девизу: *все для народа и черезъ народъ*, то по отношенію къ школѣ этотъ девизъ долженъ гласить: *все для учениковъ и все черезъ учениковъ*. Девизъ: все для учениковъ—долженъ быть золотыми буквами выбитъ на дверяхъ каждой школы. Учитель, какъ истинный послѣдователь Песталлоцци, долженъ жертвовать собою для своихъ учениковъ. Но при этомъ все должно дѣлаться не только для учениковъ, но и черезъ учениковъ. Преподавательское искусство учителя должно быть направлено на то, чтобы сдѣлать учениковъ самостоятельными. Шагъ за шагомъ учитель долженъ побуждать и пріучать ребенка къ самостоятельности, поддерживая его сначала всею рукою, потомъ только пальцемъ, потомъ только соломинкою, а затѣмъ слѣдя за нимъ лишь глазами, да и то лишь до тѣхъ поръ, пока ученикъ не научится самъ руководить собою, самъ свободно двигаться въ опредѣленномъ кругу идей. Ученикъ долженъ научиться *самъ* искать, *самъ* находить, *самъ* все дѣлать,

прибѣгая лишь къ руководству старшихъ" (см. сборникъ „Moderne Democratie", Цюрихъ, 1904).

Сообщеніе ученикамъ политическихъ знаній начинается уже съ низшей школы. Во всѣхъ швейцарскихъ школахъ учителя стараются ознакомить учениковъ съ общими основами конституціоннаго права. Въ низшей школѣ, гдѣ учатся дѣти до девяти лѣтъ, политическая наука въ видѣ особой отрасли знанія, конечно, еще не преподается. Но уже и здѣсь учителямъ исторіи вмѣняется въ обязанность на конкретныхъ примѣрахъ указывать различные типы государства и его организаціи.

Къ преподаванію политическихъ знаній приступаютъ непосредственно въ такъ-называемыхъ Sekundärschulen, куда переходятъ ученики, окончившіе начальную школу. Здѣсь учатся до 14—15 лѣтъ. Преподаваніе политическихъ знаній возлагается на учителей исторіи: они должны вводить ученика въ основныя понятія конституціоннаго права, знакомить его съ историческимъ ходомъ развитія правового государства.

Не желая обременить учениковъ городскихъ школъ новыми предметами, швейцарскіе школьные совѣты пока не ввели въ программу этихъ школъ конституціонное право, какъ особый предметъ преподаванія; но они зорко слѣдятъ за тѣмъ, чтобы учителя исторіи непремѣнно выясняли ученикамъ основныя положенія и понятія политическихъ наукъ. Въ коммерческихъ и сельско-хозяйственныхъ школахъ конституціонное право введено какъ отдѣльный предметъ преподаванія.

Послѣ окончанія городской школы швейцарскій юноша поступаетъ въ такъ-называемую дополнительную школу. Посѣщеніе ея въ большинствѣ кантоновъ обязательно. И вотъ въ этихъ-то школахъ, гдѣ обучаются юноши 15—17 лѣтъ, особенно большое вниманіе удѣляется преподаванію политическихъ наукъ. Здѣсь съ учениками проходятъ довольно обстоятельный курсъ законовѣдѣнія и конституціоннаго права, твердо помня, что черезъ 3—4 года ученики станутъ полноправными гражданами. Сознавая, что и городскія, и дополнительныя школы, тяжело нагруженныя множествомъ предметовъ, не могутъ удѣлить много мѣста политическимъ наукамъ, и заботясь о томъ, чтобы школы выпускали юношей по возможности подготовленными къ предстоящей имъ роли законодателей, швейцарскіе педагоги въ послѣднее время стали учреждать спеціальныя „гражданскія школы", одною изъ главныхъ цѣлей которыхъ является политическое воспитаніе и обученіе юношества. Въ эти „гражданскія школы" принимаются юноши 17—19 лѣтъ. Курсъ—двухлѣтній. Преподаваніе производится только зимою, по три часа въ недѣлю. Въ этихъ шко-

лахъ учениковъ подробно знакомятъ съ швейцарскою конституцiей и съ основами конституціоннаго права вообще. Въ „гражданскихъ" школахъ, какъ и въ дополнительныхъ, на учителей возлагается обязанность развивать въ ученикахъ ясное сознаніе „правъ и обязанностей гражданина".

Въ дополнительныхъ школахъ, посѣщеніе которыхъ обязательно, преподаванію государственныхъ знаній въ различныхъ кантонахъ удѣляется различное число часовъ (отъ 40 до 120 въ году).

Весьма крупную роль, въ качествѣ разсадника политическихъ знаній, играютъ въ Швейцаріи такъ-называемые рекрутскіе курсы. Союзное правительство, въ видахъ контроля, насколько кантоны выполняютъ возложенную на нихъ 27 § союзной конституціи обязанность заботиться о всеобщемъ народномъ образованіи, установило въ 1875 г. особые экзамены для всѣхъ отбывающихъ воинскую повинность. Всѣ новобранцы, прежде медицинскаго осмотра, подвергаются, такъ сказать, осмотру педагогическому: провѣряются ихъ познанія по географіи, исторіи, грамматикѣ. Эти рекрутскіе экзамены, данныя о которыхъ публикуются, вызвали среди кантоновъ чрезвычайно напряженное соревнованіе. Каждый кантонъ стремится къ тому, чтобы на этихъ испытаніяхъ его „ученики", т.-е. получившіе образованіе въ его школахъ, обнаружили широкія и прочныя знанія. Отсюда сильный толчокъ развитію народнаго образованія въ отсталыхъ кантонахъ. Кантоны стали учреждать у себя особые рекрутскіе курсы, подготовляющіе новобранцевъ къ „педагогическому освидѣтельствованію". Въ семнадцати швейцарскихъ кантонахъ введены подобные курсы; въ четырнадцати изъ нихъ они обязательны. Курсы эти читаются юношамъ, которымъ въ будущемъ году предстоитъ отбывать воинскую повинность. Цѣль ихъ—освѣжить школьныя познанія. И вотъ этими-то курсами, имѣющими дѣло съ юношами, стоящими уже на порогѣ полной политической возмужалости, воспользовались для распространенія политическихъ знаній. Такъ какъ новобранцевъ подробно спрашиваютъ о политическомъ устройствѣ страны, объ ея основныхъ законахъ, о правахъ и обязанностяхъ ея гражданъ, то юношамъ прочитываютъ сжатый курсъ конституціонаго права, съ особенною подробностью останавливаясь, конечно, на швейцарскихъ государственныхъ учрежденіяхъ и на швейцарской политической жизни. Какъ показываютъ итоги изъ года въ годъ повторяющихся испытаній, швейцарцы выносятъ изъ народной школы достаточное, отчетливое и прочное понятіе объ общихъ основахъ политическаго строя Швейцаріи. Въ отсталыхъ кантонахъ отмѣчается еще иногда политическое невѣжество молодыхъ людей, но въ общемъ и цѣломъ швейцарская школа можетъ смѣло гордиться итогами испытаній: они обнаруживаютъ не только высокую общую

грамотность населенія, но, такъ сказать, его политическую грамотность.

Нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, когда нѣмецкій другъ Пуришкевича, гр. Ольденбургъ, произнесъ свою историческую фразу о правѣ германскаго императора послать офицера съ десятью солдатами, чтобы разогнать рейхстагъ, одинъ нѣмецкій педагогъ произвелъ любопытную анкету среди гимназистовъ, школьниковъ, студентовъ и т. д. Всѣмъ имъ были заданы элементарные вопросы изъ области германской конституціи. Отвѣты поражаютъ своею политическою безграмотностью. Достаточно сравнить данныя этой анкеты съ итогами швейцарскихъ рекрутскихъ испытаній, чтобы убѣдиться, что въ общемъ швейцарцы, окончившіе народную школу, лучше разбираются въ политическихъ вопросахъ и больше имѣютъ свѣдѣній по конституціонному праву родной страны, чѣмъ нѣмцы, получающіе среднее и даже высшее спеціальное образованіе. И въ этомъ широкомъ распространеніи политическихъ знаній — одна изъ серьезнѣйшихъ заслугъ швейцарской школы.

Швейцарскіе педагоги все еще не довольны достигнутыми результатами. Прежде всего предполагается выдѣлить преподаваніе политическихъ знаній въ народной школѣ въ отдѣльный предметъ и назначить для него, въ старшемъ отдѣленіи, нѣсколько часовъ въ недѣлю. Проектируется, дальше, придать этому преподаванію жизненный характеръ, сблизивъ „сѣрую“ теорію государственнаго права съ зеленѣющею жизнью. Съ этою цѣлью на урокахъ государственныхъ знаній предполагается комментировать и теоретически разъяснять текущія событія въ государственной жизни Швейцаріи и другихъ странъ. Событія эти должны освѣщаться съ формально-правовой стороны: по поводу того или иного народнаго голосованія или постановленія парламента будетъ выясняться, какимъ путемъ это постановленіе возникло, какія стадіи оно прошло, какими путями оно должно быть воплощено въ жизнь и т. д.

Съ цѣлью еще больше сблизить политическую теорію съ политическою жизнью нѣкоторые швейцарскіе педагоги предлагаютъ въ старшихъ классахъ, на урокахъ государственнаго права, читать съ учениками текущій номеръ газеты и толковать прочитанное съ точки зрѣнія конституціоннаго права. Этимъ достигается двойная цѣль: во-первыхъ, ученики легче схватываютъ и тверже запоминаютъ основныя положенія государственнаго права, когда изучаютъ ихъ на живыхъ событіяхъ текущей жизни, какъ бы съ помощью политической вивисекціи; во-вторыхъ, они пріучаются вдумчиво относиться къ текущимъ событіямъ и умѣло въ нихъ разбираться, сознательно относясь къ чтенію газетъ.

У русскаго читателя можетъ родиться опасеніе: не внесетъ ли въ школу подобное преподаваніе атмосферу политическихъ страстей? Не воспользуются ли имъ швейцарскіе педагоги, чтобы превратить своихъ юныхъ слушателей въ приверженцевъ той или иной политической партіи, къ которой они сами принадлежатъ? Швейцарскіе педагоги этого не боятся. Они знаютъ, что въ странѣ, гдѣ всѣмъ открыта возможность свободно исповѣдывать и свободно распространять свои убѣжденія, нѣтъ никакихъ основаній опасаться внесенія въ школу политическаго азарта и политической борьбы. Въ странѣ, гдѣ взрослые граждане обладаютъ полною политическою свободою, подрастающее поколѣніе не спѣшитъ окунуться въ политическую жизнь, зная, что она отъ него не уйдетъ.

И швейцарскіе педагоги единогласно свидѣтельствуютъ о томъ, что преподаваніе политическихъ наукъ нигдѣ не возбуждало политическихъ страстей; повсюду ученики относились къ нему съ чисто научнымъ интересомъ. Какъ во всѣхъ истинно-свободныхъ странахъ, школьники Швейцаріи держатся въ сторонѣ отъ активнаго участія въ политикѣ, хотя имъ этого никто не запрещаетъ.

До сихъ поръ мы говорили о *преподаваніи* политическихъ знаній швейцарскимъ школьникамъ. Скажемъ, въ заключеніе, нѣсколько словъ о *воспитаніи* изъ школьниковъ гражданъ.

Швейцарскіе учителя, какую бы они науку ни преподавали, не устаютъ подчеркивать необходимость вполнѣ самостоятельнаго и критическаго отношенія учениковъ къ предмету. Они никогда не дѣйствуютъ на ученика авторитетомъ; они пріучаютъ его не вѣрить, а провѣрять (мы говоримъ, конечно, о лучшихъ представителяхъ швейцарской школы). Но однимъ методомъ преподаванія дѣло, конечно, не ограничивается. Швейцарскіе педагоги всячески поощряютъ образованіе ученическихъ обществъ, союзовъ, преслѣдующихъ самыя различныя цѣли и устраивающихъ оживленные „дискуссіонные вечера“ на самыя разнообразныя, въ томъ числѣ и политическія темы. Учителя сплошь и рядомъ принимаютъ дѣятельнѣйшее участіе въ дискуссіяхъ; нерѣдко между учителемъ и ученикомъ идетъ долгій и оживленный политическій споръ. Швейцарскіе педагоги иногда шутя называютъ эти ученическіе клубы „предварительными парламентами“. И дѣйствительно, уже здѣсь закладываются прочныя психологическія основанія конституціоннаго строя. Швейцарская школа не готовитъ учениковъ для какой-либо опредѣленной политической партіи, но зато несомнѣнно готовитъ ихъ для жизни и дѣятельности въ странѣ съ вполнѣ опредѣленнымъ политическимъ строемъ.

И къ какой бы политической партіи впослѣдствіи ни примкнулъ воспитанникъ школы, ему пригодятся и тѣ политическія знанія, которыми она его снабдила, и тѣ черты характера, которыя она въ немъ воспитала. Станетъ ли онъ либераломъ, соціалистомъ, радикаломъ или даже — конечно, въ швейцарскомъ смыслѣ — консерваторомъ, онъ будетъ самостоятельно разбираться въ цѣломъ рядѣ сложныхъ вопросовъ, онъ сумѣетъ выслушивать, возражать, говорить, работать съ людьми иныхъ убѣжденій. Всему этому научила и ко всему этому его пріучила школа. Она развиваетъ ту привычку полагаться на самого себя, самостоятельно думать и поступать, свободно выражать свои мнѣнія и сомнѣнія, которая является могущественною прививкою конституціоннаго духа и служитъ твердымъ отпоромъ гнету и деспотизму во всѣхъ видахъ и формахъ.

П. Берлинъ.

СОВРЕМЕННАЯ ИСПАНІЯ

(Письмо изъ Барселоны.)

Огромныя, нелѣпыя очертанья на фонѣ яркаго синяго неба. Чудовищная путаница изъ каменныхъ кружевъ съ летящими, точно падающими ангелами, какихъ-то дикихъ и безобразныхъ головъ съ низвергающимися и неподвижно застывшими каскадами сѣраго камня; уродливыя, кривыя колонны, подпирающія нѣчто неуклюжее, пузатое, нагло выпятившееся впередъ... Что это? Кошмаръ? Тяжелый бредъ? Нѣтъ — это передній фасадъ „Sagrada Familia“ — еще неоконченнаго постройкой храма современнаго, воинствующаго католицизма въ Испаніи!

Тридцать лѣтъ тому назадъ барселонскіе монахи ордена „Святого Семейства“ задумали построить свой собственный храмъ, который долженъ былъ явиться выразителемъ неумирающей мощи и величія католической идеи. Храмъ — доказательство, храмъ — вызовъ всему антиклерикальному, храмъ — при видѣ котораго сердца вѣрующихъ должны наполняться тихимъ умиленіемъ, сердца же нечестивцевъ — трепетать.

Лучшіе католическіе архитекторы и художники взялись за постройку. Для большей „убѣдительности“ храмъ предполагалось соорудить единственно на средства, собранныя общественной подпиской,

дабы имѣть возможность воздвигнуть новый памятникъ непоколебимой преданности испанскаго народа святой церкви. Работа закипѣла съ лихорадочной быстротой. Собранные по всей Испаніи „трудовыми сантимами" огромныя деньги позволили въ первые же два-три года довести зданіе до значительной высоты.

— Лѣтъ черезъ 10-15 готово будетъ! — радостно потирали руки святые отцы, похаживая вокругъ растущихъ съ чудодѣйственной скоростью стѣнъ.

Но покамѣстъ росли стѣны „Sagrada Familia", росло и пробуждалось рядомъ съ ними нѣчто другое, на что не разсчитывали преждевременно ликовавшіе монахи. Прошло тридцать лѣтъ: великолѣпный и суетный храмъ такъ и остался печальнымъ воспоминаньемъ неудавшейся попытки воскресить былыя и, слава Богу, навсегда уже прошедшія времена. Теперь даже въ Испаніи нельзя построить ни Notre Dame de Paris, ни Кёльнскаго собора!

Уныло смотрятъ на зеленѣющіе вокругъ сады недоконченныя, гордыя башни. Святые и апостолы, сперва-было побѣдоносной толпой выступившіе изъ сѣрыхъ стѣнъ, неожиданно сконфузились и остановились. Они имѣютъ сейчасъ такой видъ, точно поняли всю несвоевременность своего выступленія, и имъ хочется уйти обратно — да нельзя. Волей художника закрылись для нихъ навсегда разступившіеся передъ ними мертвые камни. Приходится теперь одиноко жаться въ своихъ высокихъ нишахъ, да терпѣливо ждать. Но чего?—„Не течетъ рѣка обратно. Что прошло—того не будетъ!"—Грустно и обидно такъ неосторожно опоздать!

— Подвигается работа? — спрашиваю я у вышедшаго мнѣ на встрѣчу завѣдующаго постройкой.

Онъ неопредѣленно пожимаетъ плечами.

— Н-да... понемножку,—неохотно отвѣчаетъ онъ.—Денегъ нѣтъ...

— Такъ что не скоро кончите?

— Лѣтъ черезъ 50-60... если кончимъ!

Разговоръ обрывается. Тишина. Гдѣ-то наверху глухо, точно дятелъ клювомъ, постукиваетъ далекій молоточекъ.

— Много рабочихъ у васъ?—снова начинаю я.

Завѣдующій неожиданно раздражается.

— Четыре на башняхъ — да внизу, въ модельной, двое... всего шесть!—отвѣчаетъ онъ такимъ тономъ, точно собирается меня укусить.

Я уже не рискую высказывать своихъ соображеній по этому поводу и скромно молчу.

— Желаете посмотрѣть капеллу?—смягчившись, спрашиваетъ наконецъ завѣдующій.—Одна капелла у насъ совсѣмъ готова.

— Съ удовольствіемъ.

— Проводи сеньора въ „анархическую"! — киваетъ онъ на меня вышедшему изъ зіяющаго своей пустотой портала рабочему, „одному изъ шести", которому въ этотъ моментъ очевидно ровно нечего дѣлать. Тотъ неторопливо закуриваетъ даже на свѣжемъ воздухѣ убійственную сигару и съ равнодушнымъ видомъ идетъ впереди меня.

— Вотъ!—заявляетъ онъ, распахивая какую-то дверь.

Передо мной невысокая сѣрая часовня. Убожествомъ духа и скудостью фантазіи вѣетъ отъ каждаго орнамента, отъ каждой фигуры апостоловъ и святыхъ, такъ же растерянно застывшихъ вдоль карнизовъ, въ напряженныхъ и неестественныхъ позахъ, какъ и на главномъ фасадѣ.

Одна фигура невольно останавливаетъ мое вниманіе: дико растрепанный и плохо одѣтый человѣкъ, въ современномъ костюмѣ, съ звѣрскимъ выраженіемъ изможденнаго лица, полусогнувшись, держитъ въ рукѣ огромную бомбу. Среди кудрявыхъ и затѣйливыхъ облаковъ изъ бѣлаго мрамора и благообразныхъ апостоловъ въ ниспадающихъ складками хитонахъ онъ производитъ странное впечатлѣніе.

— Это кто же такой?—обращаюсь я къ своему провожатому.

— А это—рабочій ухмыляется и дѣлаетъ рукой широкій, пояснительный жестъ—анархистъ тутъ одинъ...

— Какъ же онъ сюда попалъ?—изумляюсь я:—со святыми вмѣстѣ?

— Да онъ не вмѣстѣ. Видите—онъ ниже помѣщенъ. Значитъ недостоинъ царствія небеснаго... За грѣхи...

Я внимательно смотрю на апатичное лицо моего провожатаго. Никакого впечатлѣнія. Нѣтъ! Художникъ своей цѣли не достигъ!

— Съ натуры сдѣлано,— одобрительнымъ тономъ продолжаетъ рабочій, — нашъ это... барселонскій. Замѣчательный былъ анархистъ. Извѣстный во всей Европѣ!

И опять не разберешь: не то къ назидательности изображенія относится это одобреніе, не то къ изображаемому лицу?

— А дальше у насъ ничего еще не готово...—заканчиваетъ онъ.

Мы выходимъ обратно изъ капеллы.

Нѣтъ! Богъ съ нимъ, съ этимъ мертвымъ памятникомъ старчески одряхлѣвшей силы! Исчезла искренность, оскудѣло воображеніе, и даже муки ада, которыми такъ легко было раньше „уловлять сердца", превратились теперь въ безвѣріи самихъ носителей церковной идеи въ жалкое и незначительное подражаніе.

Кончилась легенда объ инквизиціонной Испаніи! Минули славные дни Аранжуэса, когда „на призывъ плѣнительной пери шелъ воинъ, купецъ и пастухъ", когда, по мановенію руки католическаго архіепископа, благородные сеньоры мгновенно забывали свои распри и раздоры и бросались на защиту „дѣла вѣры" рядомъ съ оставившими

свои пашни мужиками. Теперь — увы! — картина рѣзко измѣнилась: былого единодушія и въ поминѣ нѣтъ — да и само „дѣло вѣры“ изъ прежней, эффектно задрапированной высокими идеями эксплуатаціи невѣжественныхъ массъ стало просто коммерческимъ предпріятіемъ, безъ всякой драпировки.

Эпоха фабричныхъ трубъ, оскорбительными силуэтами вырастающихъ повсюду на фонѣ романтическаго пейзажа старой Испаніи, задѣла своими все увлекающими крыльями и тихія обители „отцовъ пустынниковъ и непорочныхъ женъ“, превративъ былыя мѣста молитвы въ современные фабрики и заводы. Чего только не фабрикуютъ теперь монахи и монахини въ Испаніи, за какую отрасль производства не берутся? Все, начиная съ четокъ и изображеній святыхъ и кончая кружевами для дамскаго бѣлья, можно получить въ любомъ монастырѣ гораздо дешевле, скорѣе и удобнѣе, чѣмъ въ спеціально занимающемся этимъ заведеніи. Даровой трудъ многочисленныхъ послушниковъ и братіи позволяетъ монастырямъ вести, въ широкихъ размѣрахъ, самыя разностороннія индустріальныя предпріятія, подрывая дешевизной возникающія рядомъ свѣтскія производства. Въ настоящій моментъ монастыри въ Испаніи владѣютъ собственностью на сумму болѣе 1.550 милліоновъ пезетъ, будучи свободными отъ какихъ бы то ни было государственныхъ повинностей и отъ всякаго контроля за своей все болѣе и болѣе развивающейся коммерціей. По конкордату второй половины прошлаго столѣтія свѣтскія власти совершенно безсильны передъ духовными конгрегаціями, отвѣтственными въ своихъ даже торговыхъ дѣлахъ предъ однимъ лишь Господомъ Богомъ. Но это отчужденіе отъ міра не мѣшаетъ имъ ввязываться рѣшительно во всѣ проявленія общественной жизни и налагать свое veto на все, что имѣетъ хотя малѣйшій характеръ стремленія къ духовному и физическому раскрѣпощенію народа.

При ежегодномъ собственномъ доходѣ въ 773 милліона пезетъ, черная Испанія умудряется еще получать „небольшую“ субсидію отъ правительства, въ видѣ 44 милліоновъ пезетъ въ годъ. А на народное образованіе, которое, кстати сказать, всецѣло находится въ рукахъ все тѣхъ же монаховъ и поповъ, правительствомъ тратится ежегодно только *восемь* милліоновъ.

Немудрено, поэтому, что со всѣхъ сторонъ свѣта бѣгутъ и садятся на шею испанскаго народа смиренные любители легкой наживы и безнаказанной эксплуатаціи, которымъ почему-либо не посчастливилось у себя дома. Такъ, напримѣръ, изгнанные изъ Франціи монахи и монахини чуть ли не in corpore переселились въ Испанію со всѣми своими пожитками и немедленно же съ жадностью принялись стричь овецъ новаго, ввѣреннаго ихъ духовному попеченію стада.

Но стригомая паства давно уже оказалась безъ послѣдняго клока шерсти. Дальше стричь уже нечего: „пастырскія“ ножницы рѣжутъ куски живого мяса. Терпѣніе истощается. Подъ вліяніемъ непосредственной боли невольно и неизбѣжно открываются когда-то довѣрчиво закрытые глаза. И уже не прежнимъ умиленнымъ взглядомъ встрѣчаютъ вѣрующіе испанцы недавняго руководителя своихъ земныхъ и небесныхъ судебъ!

Вотъ маленькая сценка, въ которой, какъ въ каплѣ воды, отражается отношеніе современнаго средняго испанца къ своему духовенству.

Въ вагонѣ душно и невыносимая тѣснота. По принятому испанской желѣзнодорожной администраціей обыкновенію, въ купэ на 10 человѣкъ напихано уже около пятнадцати. Мы сидимъ, сжатые до послѣдней возможности; но настроеніе у насъ превосходное. Нигдѣ, кромѣ Россіи до періода „усмиренія и возстановленія тишины“, я не видѣлъ такой необыкновенно быстро сходящейся и завязывающей путевыя знакомства толпы, какъ въ Испаніи. И сейчасъ оживленный, веселый разговоръ не прекращается ни на минуту. Въ окнѣ мелькаютъ унылыя равнины, похожія на наши, только страннаго, бурово-краснаго оттѣнка. Несмотря на опущенныя стекла, табачный дымъ виситъ сизой пеленой. Всѣ хохочутъ, болтаютъ, время быстро мчится—поѣздъ же нашъ неторопливо, и точно нехотя, ползетъ.

На какой-то станціи кондукторъ распахиваетъ дверцы. Тощій донъ-Базиліо, въ черной, надвинутой на брови шляпѣ, съ смиренно поджатыми бритыми губами съ трудомъ втискивается между подслѣповатой, съ трясущейся головой, старушкой и моимъ сосѣдомъ, жирнымъ и добродушнымъ толстякомъ.

Поѣздъ трогается. Почему-то наступаетъ враждебное молчаніе. Патеръ достаетъ изъ кармана молитвенникъ и, повидимому, углубляется въ чтеніе. Тонкія губы его внимательно шевелятся. Острый носъ точно ищетъ чего-то въ обтрепанной и порыжѣлой книжкѣ. Молчаніе продолжается.

— А по моему мнѣнію самое правильное—это свободная любовь!—начинаетъ вдругъ изъ противоположнаго угла жукообразный господинъ съ плутовато бѣгающими, веселыми глазами. Я удивленно смотрю на него. Мы только-что разговаривали о послѣдней „cogiola“ (неудачномъ паденіи во время боя быковъ) въ Барселонѣ знаменитаго тореадора Бомбиты; не понимаю, какое это можетъ имѣть отношеніе къ свободной любви?

Мой сосѣдъ подмигиваетъ мнѣ; его толстая шея багровѣетъ отъ сдерживаемаго смѣха.

— Я тоже, какъ домой пріѣду обязательно жену свою брошу,—

съ серьезнымъ видомъ отзывается онъ.—Надоѣла мнѣ она. Старая стала...

Всѣ смѣются и переглядываются между собой. И громче всѣхъ заливается жена моего сосѣда.

— А у васъ, въ вашей странѣ, можно разводиться,—обращается ко мнѣ неугомонный сосѣдъ,—въ случаѣ, напримѣръ, супружеской невѣрности, неизлечимой болѣзни, и т. д.?

— Можно.

— А у насъ такъ нельзя. Хоть сумасшедшая будь твоя жена или я самъ дурной болѣзнью захвораю, что бы тамъ ни случилось—живи вмѣстѣ! Богъ, молъ, такъ повелѣлъ... Вѣнчаютъ-то они у насъ безъ всякихъ документовъ, хоть по багажной квитанціи—только заплати. А развода нѣтъ!

— Такъ попамъ-то что?—поддерживаетъ изъ своего угла жукообразный господинъ.—Они вѣдь этого не понимаютъ. Плоти у нихъ нашей грѣшной нѣтъ. Они больше насчетъ молитвъ только...

— Попы и монахи—это солитеръ въ организмѣ Испаніи!—неожиданно изрекаетъ до тѣхъ поръ угрюмо молчавшій мой визави, неопредѣленныхъ лѣтъ и наружности мужчина. Голосъ его мраченъ. Бѣлки глазъ угрожающе сверкаютъ.

— И какъ всякій живой организмъ хирѣетъ и чахнетъ,—повышая голосъ, продолжаетъ онъ,—если внутри его заводится солитеръ, такъ зачахла и захирѣла наша Испанія...

Окончивъ эту сентенцію, онъ съ глубокомысленнымъ видомъ умолкаетъ. Патеръ невозмутимо продолжаетъ шарить носомъ по страницамъ своего молитвенника. Но на лбу его замѣтно вздувается напряженная жила.

— А что̀ я вамъ разскажу!—заранѣе прыская отъ веселости, начинаетъ снова мой сосѣдъ... Далѣе слѣдуетъ скабрезный анекдотъ насчетъ монаховъ и монахинь въ стилѣ Боккачіо, только еще болѣе ядовитый и злой. Начинается травля. Всякій вноситъ свою посильную дань. У каждаго имѣется въ запасѣ что-нибудь характеризующее попа и монаха со стороны жадности, трусости, развращенности и т. д.

Патеръ съ героическими усиліями продолжаетъ ничего не замѣчать. Я съ удивленіемъ вижу, что и ѣдущая съ нами дряхлая старушка тоже принимаетъ участіе въ общемъ весельѣ: она изрѣдка усмѣхается своимъ беззубымъ ртомъ въ особенно „характерныхъ“ мѣстахъ и что-то шамкаетъ и шепчетъ про себя. Но удивленіе мое достигло крайней степени, когда жена моего сосѣда, толстая и смѣшливая дама, въ свою очередь „вспомнила“ одинъ, не скажу чтобы очень приличный анекдотъ.

Такъ продолжалось около часу, покамѣстъ несчастный патеръ не

слѣзъ на одной станціи вмѣстѣ со своимъ молитвенникомъ и заплетающейся между ногъ отъ поспѣшности сутаной. Съ его уходомъ прежняя миролюбивая атмосфера возстановилась. Мы продолжали свой путь, снова болтая о всякихъ пустякахъ. Но ни одинъ голосъ не поднялся въ защиту такъ жестоко и безжалостно осмѣяннаго представителя „черной власти“.

Очень характерно въ этомъ отношеніи слѣдующее опредѣленіе самаго талантливаго изъ современныхъ испанскихъ писателей, Переца Гальдоса, который всю свою жизнь посвятилъ борьбѣ съ клерикализмомъ.

— Я считаю нынѣшнюю Испанію одной изъ самыхъ нерелигіозныхъ странъ на свѣтѣ,—сказалъ онъ посѣтившему его итальянскому журналисту Джузеппе Пагано. — Смѣшно говорить о религіозности такого города, какъ Мадридъ, гдѣ не переставая болтаютъ о религіи, но до сихъ поръ еще не сумѣли построить храма, достойнаго имени столь часто призываемаго всуе Господа Бога... Въ Мадридѣ, гдѣ масса богачей-католиковъ, мы имѣемъ больше театровъ, чѣмъ въ Лондонѣ, „plaza de toros“, которая сама по себѣ уже цѣлый архитектурный монументъ, десятки и сотни кафе-шантановъ—и ни одной новой церкви, которая не была бы похожа на свиной хлѣвъ. И то же самое по всей остальной Испаніи... Изъ страны, гдѣ религія была когда-то неразрывно связана со всей моральной и физической жизнью народа, съ его героизмомъ, съ его искусствомъ, съ войной, съ богатствомъ и бѣдностью — мы стали страной, гдѣ религія существуетъ теперь сама по себѣ, безъ всякой связи со всѣмъ прочимъ. Современныя театральныя манифестаціи благочестія и преданности церкви на мой взглядъ имѣютъ лишь исключительно политическій, а не религіозный характеръ...

И дѣйствительно: манифестаціи, вызванныя превозглашеніемъ свободы вѣроисповѣданій, наглядно показали, какіе именно элементы принимаютъ участіе въ борьбѣ со стороны клерикаловъ и какіе— со стороны противниковъ клерикализма.

Я нарочно пошелъ посмотрѣть на обѣ демонстраціи, которыя, кстати, были назначены на одинъ и тотъ же день. Первая изъ нихъ должна была пройти подъ окнами губернатора Барселоны, для выраженія своего одобренія либеральнымъ начинаніямъ правительства; вторая устраивалась въ театрахъ Rivoli и Novedades, съ цѣлью протеста „истинныхъ сыновъ церкви“ противъ потрясенія клерикальныхъ основъ.

Широкая, вся покрытая тѣнью отъ громадныхъ платановъ улица передъ губернаторскимъ дворцомъ была сплошь залита волнующимся и глухо шумящимъ моремъ человѣческихъ головъ. Повсюду, насколько хватало зрѣнья, шевелились и прибывали все новыя и еще болѣе

многочисленныя толпы народа — и въ стройномъ порядкѣ присоединялись къ уже стоящимъ у дворца. Прежде всего меня поразилъ демократическій видъ манифестантовъ: подавляющее большинство— рабочіе и ихъ жены, пришедшіе сюда даже съ дѣтьми, что придавало толпѣ характеръ какого-то семейнаго сборища. Элегантныхъ костюмовъ почти нѣтъ, нарядныхъ дамскихъ туалетовъ—тоже.

Чего еще нѣтъ — такъ это полиціи. Кое-гдѣ только мелькаютъ два-три красныхъ мундира „urbanos"—городовыхъ, содержащихся на счетъ Барселонскаго муниципалитета. „Тащить и не пущать" они не смогутъ—да и незачѣмъ: порядокъ и дисциплина толпы образцовые. Видно, что всѣхъ объединяетъ сейчасъ одна общая идея: она глубоко проникла въ сознаніе и придаетъ живую осмысленность малѣйшему движенію этихъ медленно катящихся людскихъ волнъ. На другой день я узналъ изъ газетъ, что, по приблизительному подсчету, въ манифестаціи принимало участіе больше 50 тысячъ человѣкъ.

Громадное знамя неподвижно высится надъ всѣми. „Да здравствуетъ свобода вѣроисповѣданій!" — написано на немъ. Въ Испаніи испанцевъ не-католиковъ почти нѣтъ. Всѣ протестанты и вообще иновѣрцы — обыкновенно иностранцы, такъ что въ данномъ случаѣ дѣло идетъ не о собственныхъ интересахъ манифестантовъ, а объ отвлеченной прогрессивной идеѣ.

Внезапно бурнымъ и срывающимся вихремъ проносятся многотысячные аплодисменты. Губернаторъ принялъ делегатовъ отъ толпы, и они выходятъ на балконъ дворца, чтобы передать результаты состоявшагося свиданія. Какой-то сѣдоватый господинъ, наклонившись черезъ перила, начинаетъ говорить. До меня доносятся лишь отдѣльные обрывки:

— Испанія задыхается въ тискахъ клерикализма... Намъ нужны либеральныя реформы... Свобода, какъ воздухъ—безъ нея невозможно жить... Клерикальныя угрозы намъ не страшны. Мы—сила, и намъ принадлежитъ будущее!..

Аплодисменты то и дѣло прерываютъ эту рѣчь. Манифестація кончается при общемъ восторженномъ и радостномъ возбужденіи.

Меня несетъ вмѣстѣ съ расходящейся толпой по маленькимъ и кривымъ улицамъ рабочаго предмѣстья Барселоны. Я вижу вокругъ себя сіяющія, довольныя лица, слышу добрые разговоры о томъ, какъ все хорошо удалось сегодня и какъ нельзя теперь будетъ клерикаламъ протестовать противъ прогрессивныхъ реформъ отъ имени „всего испанскаго народа". Свѣтло и ясно становится на душѣ: чувствуется, гдѣ-то тутъ, рядомъ, выросло что-то мощное, большое. Трудно будетъ затоптать и засыпать мусоромъ старыхъ пережитковъ эту все разгорающуюся искру народнаго самосознанія.

Веселое лѣтнее утро тоже какъ будто смѣется и радуется вокругъ. Сіяетъ солнце на нахмуренныхъ и грязныхъ домахъ средневѣковаго квартала. Съ жизнерадостнымъ журчаньемъ разсыпается мелкими ручейками занесшій меня въ эту сѣть прихотливо переплетающихся переулковъ людской потокъ. Чѣмъ ближе я подвигаюсь къ аристократической части города, гдѣ должны состояться сегодняшніе митинги клерикаловъ, тѣмъ все дальше отстаютъ отъ меня эти плохо одѣтые люди съ открытыми, простыми лицами и грубыми, мозолистыми руками...

Наконецъ, изъ всѣхъ бывшихъ со мной передъ губернаторскимъ домомъ я остаюсь одинъ. На встрѣчу начинаютъ попадаться уже другія физіономіи. Это — участники оканчивающагося клерикальнаго митинга въ театрѣ „Novedades“. Подхожу къ дверямъ. Небольшая кучка молодыхъ людей въ изящныхъ лѣтнихъ костюмахъ охраняетъ входъ. Оказывается — проникнуть внутрь можно не всякому: допускаются только „свои“. На слѣдующій день узнаю изъ газетъ, что этихъ „избранныхъ“ было въ обоихъ театрахъ около шести тысячъ.

Усаживаюсь возлѣ дверей на террасѣ сосѣдняго ресторана и начинаю разсматривать выходящихъ. Нѣтъ! рѣшительно я ихъ всѣхъ гдѣ-то раньше видѣлъ! Вотъ бодрой походкой проходитъ необыкновенно прямо держащійся старичокъ съ сѣдыми бакенбардами и съ гвоздикой въ петличкѣ. Онъ дѣлаетъ масляные глаза сидящимъ на террасѣ дамамъ и, торопливо приволакивая лѣвую ножку, усаживается въ дожидающійся его экипажъ. Группа угреватыхъ и тощихъ юношей выходитъ съ скучающимъ видомъ. Движенія ихъ разслаблены, модные пиджаки уныло обвисли на тщедушныхъ плечахъ. Безукоризненные господа въ панамахъ и съ моноклями слѣдуютъ за ними... А вотъ и рабочіе!.. Что за родныя, знакомыя лица! — всѣ, какъ на подборъ, въ широчайшихъ каскеткахъ, лихо сдвинутыхъ на затылокъ; зычные голоса, молодецкія сплевыванья въ сторону, сиплые окрики черезъ всю улицу...

Все прибывающая конная и пѣшая полиція оцѣпляетъ гуляющую по бульвару публику плотнымъ охранительнымъ кольцомъ: начинается выходъ „истинно испанскихъ людей“ съ митинга протеста противъ свободы вѣроисповѣданій въ Испаніи!

„Пріидите ко мнѣ всѣ труждающіеся и обремененные и Азъ успокою вы!..“ Не знаю, какъ это будетъ по-латыни, но знаю и видѣлъ, что въ современномъ испанскомъ храмѣ труждающимся и обремененнымъ мѣста нѣтъ! Посмотрите на торжественное богослуженіе въ Барселонскомъ соборѣ: горятъ тысячи свѣчей, гремятъ подъ мрачными сводами величественные звуки чудеснаго по силѣ и красотѣ органа, сіяютъ золото и парча на облаченіяхъ духовенства — вѣру-

ющіе же равнодушно слушають грозныя проповѣди и оперные напѣвы. Разодѣтыя въ пухъ и прахъ синьоры показываютъ свои туалеты, завидуютъ, ревнуютъ, злословятъ между собой, равно какъ и припомаженные, элегантные „кабальеро", которые не для молитвы толпятся возлѣ этихъ сурово темнѣющихъ колоннъ...

Въ будніе дни — пустынно и грустно въ средневѣковомъ соборѣ. Бормочатъ что-то себѣ подъ носъ на скорую руку отбывающіе ежедневную повинность патеры, одиноко играетъ органъ и въ печальной тишинѣ покинутаго храма двѣ-три богомольныя старушки, прижимаясь лбомъ къ холоднымъ каменнымъ плитамъ, сокрушенно отмаливаютъ свои прошедшіе грѣхи...

Молодая испанская демократія ушла отсюда и болѣе не вернется. Теперь религія въ Испаніи не объединяетъ, какъ прежде, различные классы общества на когда-то для всѣхъ одинаковой платформѣ „единаго стада и единаго пастыря". Наоборотъ, она служитъ поводомъ для рѣзкаго разграниченія.

Понятіе: „клерикалъ" выражаетъ для средняго испанскаго обывателя экономическіе аппетиты и политическія стремленія вполнѣ опредѣленной общественной группы. Терминъ: „антиклерикалъ" является синонимомъ борьбы прогрессивныхъ элементовъ противъ реакціонныхъ поползновеній, во имя освободительныхъ и гуманитарныхъ идей. Старая романтика кончилась. Католицизмъ въ Испаніи, какъ и въ другихъ странахъ, вышелъ изъ-подъ темныхъ сводовъ соборовъ и монастырей на улицу—и успѣвшія къ этому моменту немного разобраться въ своихъ интересахъ народныя массы увидѣли, безъ привычной декораціи „святого мѣста" и „дѣла вѣры", что изъ-за облаковъ кадильнаго дыма, изъ-за чудотворныхъ статуй выглядываетъ — *партія*. А партія, защитница эксплуататоровъ, рано или поздно неминуемо должна потерять точку опоры въ широкихъ народныхъ массахъ.

Но темная сила, въ продолженіе столькихъ вѣковъ глушившая малѣйшіе жизненные ростки несчастной и интересной страны, вошла сейчасъ въ новый фазисъ своего развитія и нисколько не ослабѣла. Она жива и увѣрена въ себѣ. Испаніи предстоятъ еще тяжкія испытанія. Отъ исхода ихъ зависитъ вся ея будущая судьба. Теперь обратимся къ другому тормазу, быть можетъ еще болѣе сильному, чѣмъ клерикализмъ, тормазу, задерживающему и замедляющему всякія попытки искренно любящихъ свою родину людей ускорить ея освобожденіе. Этотъ тормазъ — „касикизмъ".

Революція 1868-го года, окончательно уничтоживъ послѣдніе остатки „внѣ-конституціонной" королевской власти и даже учредивъ

на ея развалинахъ эфемерную республику, не замѣтила, среди всеобщей суматохи во время грандіознаго пожара, что фундаментъ разрушеннаго зданія остался прежній. Съ тѣхъ поръ, какую бы либеральную постройку ни пытались возводить государственные зодчіе обновленной Испаніи, феодальный фундаментъ, на которомъ имъ волею судебъ приходилось закладывать первые камни, неизбѣжно давалъ предательскую трещину, и въ ней погребались всякія демократическія начинанія.

Къ моменту выступленія молодой Испаніи противъ отживающаго феодализма старые феодалы, распоряжавшіеся страной по личному усмотрѣнію, успѣли уже уступить свое мѣсто новому поколѣнію, не такому блестящему и шумному, но зато еще болѣе опасному, благодаря своему сѣренькому и будничному одѣянію.

Яркія краски романтическаго прошлаго выцвѣли и полиняли. Теперь здѣсь даже тореадоры и ихъ „Кармены“ ходятъ въ безцвѣтныхъ современныхъ пиджакахъ и въ уродующихъ все самобытное общеевропейскихъ платьяхъ. Немудрено, что и прежніе владѣтельные синьоры, носившіе право управлять Испаніей на остріѣ своего меча, потеряли прежнія пышныя перья, обратившись въ современныхъ политиковъ, торгующихъ, точно въ лавочкѣ, избирательными бюллетенями.

И эту-то незамѣтную трансформацію проглядѣла испанская революція 1868-го года, сметая съ своего пути рѣзко и опредѣленно бросавшіеся въ глаза пережитки феодальныхъ отношеній. У стараго режима срубили стволъ, сожгли его и пепелъ развѣяли по вѣтру—но забытые въ землѣ глубокіе корни продолжаютъ глушить молодые побѣги посаженнаго на томъ же мѣстѣ дерева свободы.

— Есть два правительства въ Испаніи—пишетъ извѣстный испанскій экономистъ и историкъ Іоахимъ Коста, въ своемъ замѣчательномъ трудѣ „Sobre oligarquia y el casiquismo moderno“.—Одно—на виду у всей Европы: оно законодательствуетъ, разсуждаетъ въ кортесахъ о народныхъ нуждахъ съ депутатами, выбранными на основѣ всеобщей и тайной подачи голосовъ и т. д.; другое, незримое, безотвѣтственное, желѣзными и цѣпкими руками обхватываетъ и парализуетъ проведеніе въ жизнь какого бы то ни было прогрессивнаго закона...

— Что̀ такое современная Испанія?—спрашиваетъ онъ далѣе. И немедленно отвѣчаетъ:—это страна, въ которой двѣ-три тысячи человѣкъ живутъ на счетъ сотенъ тысячъ и милліоновъ. Къ ихъ услугамъ все: армія, флотъ, государственное устройство, палата депутатовъ, судъ. Церковь заключила съ ними тѣсный союзъ. Они никого и ничего не боятся — передъ ними же трепещутъ и пресмыкаются всѣ. Ихъ ненавидятъ; но горе поднявшему противъ нихъ голову!

Онъ будетъ немедленно раздавленъ... Испаніей правитъ не „нація", о которой такъ гордо говорится въ первыхъ параграфахъ конституціи, что она якобы „свободна и суверенна" и что ей одной „предоставляется право издавать законы". Нѣтъ! Испаніей правитъ маленькая кучка олигарховъ, связанная между собой во всей странѣ тысячами мельчайшихъ, взаимно переплетающихся между собою нитей. Своего рода особое масонство, въ которое входятъ области, провинціи, муниципіи, мелкія деревенскія мѣстечки и большіе города.

— Не убивайтесь понапрасну, милѣйшій сеньоръ Коста!—посовѣтовалъ цитируемому мною ученому въ дружескомъ разговорѣ одинъ жизнерадостный министерскій секретарь, когда Коста, по поводу судебнаго дѣла, въ которомъ противная сторона была оправдана вопреки всѣмъ законамъ правосудія, обивалъ пороги мадридскихъ канцелярій.—Это все равно ни къ чему не приведетъ! Если вы хотите найти управу на вашего противника, который, какъ я знаю, имѣетъ хорошія связи, то сдѣлайтесь депутатомъ или редакторомъ большой политической газеты. Они одни у насъ въ Испаніи, за исключеніемъ еще сенаторовъ, пользуются правами и преимуществами. Остальные граждане—при либеральномъ или реакціонномъ правительствѣ, все равно—лица юридически безправныя, живущія и пользующіяся жизнью лишь по милости своихъ олигархическихъ владыкъ.

И дѣйствительно: всѣ существующія въ настоящее время въ Испаніи демократическія учрежденія—муниципальныя самоуправленія, судъ, палата народныхъ представителей и т. д.,—все это лишь блестящія съ виду механическія игрушки, которыя заводитъ и пускаетъ въ ходъ все тотъ же таинственный и многоликій, неизмѣнно остающійся въ тѣни своего кажущагося ничтожества „Касикъ".

Но что же это за странное существо, которое, какъ червь, сверлитъ и точитъ жизненную сердцевину современной Испаніи? Въ большинствѣ случаевъ это какой-нибудь бывшій мошенникъ или воръ, котораго—по выраженію газеты „Cronica Meridional de Almeria (10-го октября 1900-го года) — „выручила изъ тюрьмы или изъ-подъ судебнаго слѣдствія политика, чтобы сдѣлать его орудіемъ своихъ низменныхъ цѣлей". Эти подонки общества, поступая на содержаніе стоящей въ данный моментъ у власти партіи (либеральной или реакціонной—безразлично), дѣлаются ея избирательными агентами и собираютъ, при помощи самаго беззастѣнчиваго насилія, нужные правительству голоса. Обыкновенно мѣстныя власти даютъ такому „касику" возможность утвердиться въ своемъ округѣ, „пустить корни", для большаго вліянія на населеніе, а слѣдовательно и для выколачиванія „свободныхъ и тайныхъ" голосовъ.

Это—первая, самая низшая ступень касиковъ: нѣчто въ родѣ средне-

вѣковыхъ „bravi" на службѣ у исковерканнаго современнаго демократизма. Далѣе идетъ слѣдующая ступень своеобразной іерархической лѣстницы, которая, постепенно подымаясь, приводитъ наконецъ на самый олигархическій Олимпъ. Здѣсь возсѣдаютъ касики съ громкими историческими именами, съ несмѣтными богатствами, накопленными рядомъ столѣтій насилія и грабежа. Всѣ эти бывшіе кубанскіе работорговцы и филиппинскіе плантаторы, южно-американскіе культуртрегеры и флибустьеры, современные крупные промышленники и старые аристократы, вмѣстѣ съ разжирѣвшими сельскими кулаками и мелкими сошками „отъ касикизма", превратили народное представительство въ Испаніи въ комедію, продѣлываемую лишь для отвода глазъ европейскаго общественнаго мнѣнія.

Обыкновенно въ Мадридѣ еще задолго до выборовъ уже знаютъ, каково будетъ нынче правительственное большинство и кто именно пройдетъ въ депутаты изъ выставленныхъ въ избирательныхъ участкахъ кандидатовъ. Тонкая и прочная сѣть касикизма оплетаетъ испанскаго избирателя, въ особенности деревенскаго, съ головы до ногъ. „До Бога высоко—до Мадрида далеко!"—а свой мѣстный касикъ, у котораго въ горсти зажата вся округа, тутъ, близко... И безошибочно „избирательный агентъ" заявляетъ въ соотвѣтствующее правительственное учрежденіе: въ моемъ участкѣ будутъ избраны такіе-то!.. Самъ касикъ никогда не баллотируется, считая это ниже своего достоинства.

Въ награду за услугу касикамъ предоставляется администраціей полная возможность дѣлать, что угодно; безнаказанность обезпечена имъ заранѣе. Касикъ, даже изъ небольшихъ, въ родѣ какого-нибудь деревенскаго ростовщика, имѣетъ право вмѣшиваться въ распредѣленіе податей и налоговъ, назначать и смѣнять по своему усмотрѣнію судей и полицейскихъ чиновниковъ, присваивать себѣ чужое имущество и... даже убивать! Громкій процессъ (въ Барселонѣ, 19-го января 1902-го года) касика Ріера, обвинявшагося въ убійствѣ, изъ личной мести, нѣкоего Гарсія, далъ потрясающую картину невѣроятныхъ нравовъ, царящихъ въ низахъ деревенскаго касикизма, и удивительной снисходительности къ нимъ со стороны испанскихъ властей.

Еще 18 октября 1883-го года мадридская газета „El Imparcial", говоря объ ужасахъ касикизма, обратилась къ правительству и къ обществу съ слѣдующимъ призывомъ: „пора покончить съ порядкомъ вещей, когда одинъ человѣкъ, даже далекій отъ всякаго оффиціальнаго положенія и свободный отъ малѣйшей отвѣтственности передъ закономъ, представляетъ собой анонимную и всемогущую власть. Это—деспотизмъ, въ тысячу разъ худшій деспотизма прежнихъ автократическихъ королей!"

Этотъ призывъ остался гласомъ вопіющаго въ пустынѣ. Касикизмъ продолжаетъ и донынѣ висѣть дамокловымъ мечемъ надъ каждымъ прогрессивнымъ общественнымъ и даже правительственнымъ начинаніемъ. „Жалуетъ царь, да не жалуетъ псарь!“—и въ результатѣ либеральный законъ, проведенный въ палатѣ депутатовъ огромнымъ большинствомъ голосовъ, съ одобренія и благословенія министровъ и короля, рискуетъ не выйти изъ-подъ сукна мадридскихъ бюрократическихъ канцелярій, если проведенію его въ жизнь почему-либо воспротивятся мѣстные касики.

Въ общихъ чертахъ организація касикизма слѣдующая: во главѣ стоятъ олигархи — кучка наиболѣе вліятельныхъ касиковъ и лицъ, связанныхъ съ ними узами родства или дружбы, или необходимостью совмѣстнаго „обдѣлыванія дѣлъ“. Почти каждая провинція имѣетъ своего „верховнаго касика“, а наиболѣе несчастныя изъ нихъ—въ родѣ Астуріи и Галисіи, откуда происходятъ почти всѣ современные испанскіе министры — даже нѣсколькихъ. Эти верховные касики составляютъ fine fleur касикизма. Безъ преувеличенія можно сказать, что они управляютъ Испаніей, какъ покоренной и отданной имъ „на потокъ и разореніе“ страной.

По словамъ историка Лабра, испанское общество раздѣлено на двѣ неравныя группы: одна сидитъ спокойно, пользуется всѣми благами жизни, объявляетъ съ легкимъ сердцемъ войны; другая выноситъ первую на своихъ плечахъ цѣною тысячи лишеній и идетъ умирать за нее [1]). Никому не безызвѣстно въ Испаніи, что недавняя марокканская авантюра, втянувшая испанскій народъ въ безславную и дорого обошедшуюся войну, была вызвана стремленіемъ тогдашняго правительства защитить интересы графа Романонеса, богатѣйшаго и вліятельнѣйшаго изъ нынѣшнихъ касиковъ, изъ-за серебряныхъ рудниковъ котораго и загорѣлся весь сыръ-боръ.

Непосредственно за олигархами идутъ касики низшихъ степеней, изъ которыхъ каждый находится въ извѣстной іерархической зависимости отъ болѣе высокаго по своему общественному положенію: редакторы и журналисты продажной уличной прессы, оцѣпляющей своимъ враждебнымъ молчаніемъ или жестокой травлей все выходящее изъ рамокъ удовлетворенія личныхъ аппетитовъ; фабриканты, заводчики, желающіе при помощи касикизма увеличить свои барыши—и такъ далѣе, до глубокихъ провинціальныхъ нѣдръ, гдѣ недавно выпущенные изъ тюрьмы отбросы населенія становятся вершителями судебъ сотенъ и тысячъ честныхъ людей.

[1]) Въ Испаніи всеобщей воинской повинности нѣтъ. Всякій внесшій 1.500 пезетъ освобождается отъ необходимости идти въ солдаты. Разумѣется, идутъ только тѣ, кому нечѣмъ заплатить.

Посредниками между мѣстными касиками и правительственнымъ центромъ служатъ губернаторы провинцій, назначеніе которыхъ,—какъ говоритъ Іоахимъ Коста въ своемъ изслѣдованіи: „Sobre el casiquismo"—„не управлять,—а быть управляемыми касиками, слушаться ихъ совѣтовъ и приказаній". Губернаторы въ Испаніи являются главнымъ образомъ высшими агентами по фальсификаціи выборовъ въ парламентъ. На бумагѣ отдѣльныя провинціи пользуются большими, чуть ли не автономными правами; на дѣлѣ всѣ якобы самоуправляющіяся муниципіи подчинены всецѣло губернатору, который самъ ходитъ на помочахъ у мѣстныхъ касиковъ. И вся сложная государственная машина оказывается сведенной къ тому же маленькому, ржавому винту, который одинъ замедляетъ, а нерѣдко и совсѣмъ останавливаетъ огромныя колеса.

О касикизмѣ въ испанской историко-экономической литературѣ имѣется теперь цѣлый рядъ изслѣдованій. Представители самыхъ противоположныхъ политическихъ направленій одинаково горячо заявляютъ о необходимости немедленной борьбы съ этимъ ужаснымъ зломъ.

Но бороться съ касикизмомъ можно только при помощи все развивающагося общественнаго самосознанія. Всякія бумажныя постановленія передъ нимъ безсильны. Необходимо, чтобы испанскій народъ самъ понялъ, гдѣ главный корень его нищеты, въ чемъ главная причина его безпросвѣтной, темной жизни. Остальное приложится само собой. И повидимому это время уже наступило.

Раньше, по выраженію поэта Рюиса Зорильи, „испанцы ждали избавленія отъ всѣхъ своихъ бѣдъ при помощи свѣчки, поставленной Святой Дѣвѣ, или же при помощи билета въ національную лотерею, который обязательно долженъ выиграть первый призъ". Теперь свѣчки ставятся все рѣже и рѣже; билеты въ лотерею хотя и покупаются съ прежнимъ азартомъ, но народная мысль одновременно ищетъ другихъ выходовъ на дорогу къ новой жизни.

Бывшіе этой весной выборы въ кортесы наглядно показали, что испанскій народъ серьезно хочетъ избавиться отъ касикизма и связанной съ нимъ олигархической опеки. Несмотря на экономическую зависимость и всякаго рода другія давленія, населеніе даже самыхъ глухихъ и отдаленныхъ отъ центровъ мѣстечекъ и городовъ вступило со своими касиками въ отчаянный бой. По всей странѣ предвыборная агитація была на этотъ разъ не шутовской комедіей, какъ „въ доброе старое время", а рядомъ битвъ между двумя воюющими сторонами. Повсюду происходили многочисленные митинги протеста противъ позорящаго Испанію касикизма, и граждане шли къ избирательнымъ урнамъ подъ общій единодушный кличъ:—Долой касиковъ! Да здравствуетъ свободное голосованіе!

Въ свою очередь касики, обезпокоенные неожиданнымъ пробужденіемъ такъ долго и безнаказанно эксплуатируемаго ими народа, стали настолько злоупотреблять своимъ исключительнымъ положеніемъ „превыше закона", что для незнакомаго съ испанскими порядками человѣка многое можетъ показаться невѣроятнымъ сномъ. Къ сожалѣнію, факты, зарегистрированные періодической печатью, подтверждаютъ, что испанская дѣйствительность зачастую превосходитъ самые фантастическіе сны.

Для иллюстраціи возьмемъ хотя бы методъ борьбы алькада мѣстечка Монфорте въ Галисіи, одной изъ наиболѣе пораженныхъ язвой касикизма провинцій Испаніи, съ избирателями, не желавшими голосовать за указаннаго имъ кандидата.

„Обитатели нашего мѣстечка—гласила телеграмма отъ 16-го мая—крайне встревожены взрывомъ бомбы, которую бросила сегодня утромъ группа мѣстныхъ чиновниковъ, съ алькадомъ во главѣ". Дальнѣйшія телеграммы разъяснили мотивы, побудившіе представителя мѣстной власти заняться столь непохвальнымъ дѣломъ. Оказывается, что избранный большинствомъ 298 голосовъ радикальный депутатъ Багамонте неожиданно былъ побитъ своимъ противникомъ, правительственнымъ кандидатомъ Осма, всѣ тѣми же 298 голосами...

— Чудо! — восклицали любители вмѣшательства „потустороннихъ силъ" въ наши мірскія дѣла.—Подлогъ!—отвѣчали невѣрующіе и скептики. Короче сказать: Монфортскій алькадъ, горячій партизанъ перваго мнѣнія, принужденъ былъ бросить вышеупомянутую бомбу для пресѣченія дальнѣйшаго скептицизма.

Избраннымъ окончательно оказался Осма. Противники умолкли, „убѣжденные" краснорѣчіемъ динамита. Но при торжественной встрѣчѣ, устроенной властями новому депутату отъ монфортскаго касикизма, произошелъ неожиданный скандалъ: едва только муниципальный оркестръ заигралъ привѣтственный маршъ „герою-побѣдителю", какъ около 300 монфортскихъ женщинъ набросились на музыкантовъ, вырвали у нихъ инструменты и растоптали ихъ. Все, какъ водится, окончилось появленіемъ конной полиціи и избіеніемъ манифестантовъ.

Всего характернѣе, что алькадъ Монфорте до сихъ поръ еще не смѣщенъ съ занимаемой имъ должности за свои динамитные подвиги. Дѣло это, несмотря на запросы прогрессивныхъ депутатовъ, канетъ въ Лету, при гробовомъ молчаніи правительства, не желающаго отдать своего черезчуръ расторопнаго агента на съѣденіе радикаламъ.

Въ цѣломъ рядѣ другихъ испанскихъ городовъ, даже въ такихъ, сравнительно, крупныхъ центрахъ, какъ Гренада, Валенсія, Кордова,

вмѣсто избранныхъ населеніемъ депутатовъ въ кортесы также вошли ставленники мѣстныхъ касиковъ, благодаря самому наглому подмѣну избирательныхъ бюллетеней, даже послѣ подсчета собранныхъ голосовъ. Благодаря этому Гренада, чуть ли не со временъ изгнанія мавровъ погрузившаяся въ тяжелую дремоту, подъ журчанье и плескъ своихъ меланхолическихъ фонтановъ, увидѣла среди своихъ старыхъ стѣнъ вполнѣ современныя сцены: всеобщую стачку, манифестацію студентовъ и рабочихъ, избіеніе тѣхъ и другихъ полиціей и т. д. въ томъ же родѣ. Въ Кордовѣ, Бильбао, Севильѣ и другихъ городахъ между избирателями и ставленниками касиковъ происходили отчаянныя, кровавыя схватки, при чемъ во многихъ мѣстностяхъ, несмотря на всяческія ухищренія, не прошелъ ни одинъ правительственный кандидатъ. А въ Мадридѣ и Барселонѣ побѣда радикаловъ была полная. Здѣсь касики даже не осмѣлились оказывать какое бы то ни было давленіе на голосованіе: ихъ бы просто разнесли въ клочки. И они благоразумно воздержались. Въ раньше неприступной стѣнѣ касикизма пробита первая серьезная брешь. Разумѣется, силы молодой испанской демократіи еще слишкомъ слабы, чтобы разрушить окончательно это вѣками созидавшееся сооруженіе; но важенъ тотъ фактъ, что теперь не только интеллигентное меньшинство понимаетъ и оцѣниваетъ весь вредъ касикизма, но и въ народныхъ массахъ уже назрѣло вполнѣ опредѣленное рѣшеніе сбросить съ себя его тяжелый гнетъ.

Усиленная пропаганда, которую ведутъ передовые слои испанскаго общества противъ касикизма, иллюстрировалась во время послѣднихъ выборовъ яркими примѣрами вопіющихъ злоупотребленій касиковъ и явнаго сочувствія къ нимъ среди правящихъ круговъ. Недавно, во время дебатовъ въ кортесахъ по поводу фальсификаціи бюллетеней, выяснилось, что правительство истратило во время предвыборной кампаніи 200.000 пезетъ на подкупъ избирателей. Такіе факты, въ связи съ все болѣе и болѣе раскрывающейся картиной совмѣстной работы стоящей у власти олигархіи и разъѣдающаго Испанію касикизма, могутъ только еще сильнѣе укрѣпить въ молодой испанской демократіи рѣшимость сражаться до конца.

Съ другой стороны правительство, прочность котораго въ значительной степени обусловливается поддержкой касиковъ и доставленіемъ ими послушныхъ депутатовъ, находится сейчасъ въ большомъ затрудненіи. Либеральныя реформы необходимы; безъ нихъ будетъ всеобщая анархія и хаосъ... Но какъ ихъ провести, чтобы не затронуть интересы тѣхъ общественныхъ группъ, на которыя правительству приходится опираться? И несмотря на искреннее желаніе всѣмъ угодить и никого не обидѣть, правительство въ настоящій моментъ невольно

возстанавливаетъ противъ себя свое любимое дѣтище — касикизмъ, который въ одинъ прекрасный день можетъ взбунтоваться и отложиться отъ Мадрида. Тогда молодой испанской демократіи легче будетъ справиться съ нимъ, ибо за фигурами касиковъ не станутъ больше сверкать подтверждающіе ихъ право распоряжаться Испаніей солдатскіе штыки и „лихо врѣзывающаяся" въ толпу протестующихъ противъ касикизма гражданъ „guardia civil" не будетъ больше растаптывать лошадиными копытами попытки добиться настоящаго народнаго представительства и не фальсифицированной свободы...

На другой день послѣ объявленія министерствомъ Каналехаса декрета, запрещающаго духовнымъ конгрегаціямъ открывать торгово-промышленныя заведенія безъ уплаты патентовъ и налоговъ наравнѣ со всѣми „свѣтскими" смертными, я поинтересовался узнать у моего хозяина, какого онъ мнѣнія объ этомъ „кощунственномъ" законѣ? А хозяинъ мой—отставной полковникъ и ожесточенный монархистъ, восемь лѣтъ пробывшій на Кубѣ подъ начальствомъ генерала Вейлера и съ скромной гордостью повѣствующій о томъ, какъ они тамъ жгли, вѣшали и разстрѣливали кубанцевъ, взбунтовавшихся противъ отечественной опеки Испаніи. Я готовился къ грому и молніямъ на голову несчастнаго министра-президента, но вмѣсто того услышалъ слѣдующій неожиданный отвѣтъ:

— И отлично сдѣлали, что сократили этихъ господъ! Давно пора... Помилуйте, какіе же это монахи, которые вмѣсто того, чтобы молиться, занимаются коммерціей? Если ты монахъ — такъ знай свое дѣло, а не торгуй въ лавочкѣ, да еще безъ всякаго патента!

Отношеніе рабочихъ массъ къ обузданію современнаго „торговаго клерикализма" ясно само собою. Даровой трудъ въ безчисленныхъ монастыряхъ сбиваетъ заработную плату до минимальныхъ размѣровъ, тогда какъ дороговизна жизни все растетъ. Поэтому декретъ Каналехаса былъ встрѣченъ рабочими съ большимъ удовольствіемъ. Довольны также и фабриканты, что избавились, наконецъ, отъ назойливой и опасной монастырской конкурренціи. Но кто очень недоволенъ—такъ это связанная съ церковью многовѣковыми узами земельная аристократія, и вмѣстѣ съ нею мелкій и крупный деревенскій касикизмъ.

Въ то время какъ касики изъ среды заводчиковъ и фабрикантовъ начинаютъ уже замѣчать все неудобство своего союза съ „добрымъ старымъ временемъ", то и дѣло тормозящимъ ихъ коммерческія начинанія пережитками феодальныхъ отношеній и баснословной дешевизной монастырскихъ издѣлій, далекая отъ области „меркантильныхъ разсчетовъ" земельная аристократія не имѣетъ съ церковью другихъ

точекъ соприкосновенія, кромѣ общаго имъ обѣимъ стремленія къ эксплуатаціи народныхъ массъ.

Необъятныя владѣнія касиковъ изъ высшей аристократіи въ Андалузіи, Астуріи, Эстрамадурѣ обрабатываются самымъ примитивнымъ образомъ при помощи сельско-хозяйственныхъ рабочихъ, представляющихъ въ Испаніи, по бѣдности своей и забитости, самый отсталый элементъ. Духовенство имѣетъ на него громадное вліяніе, и владѣтельные сеньоры весьма опасаются, какъ бы съ прекращеніемъ вліянія духовенства не прекратилась и ихъ собственная власть. Въ предпринятой сейчасъ кампаніи въ защиту „святой церкви“ отъ посягающаго на нее правительства принимаютъ участіе, поэтому, всѣ касики-землевладѣльцы—и очень немногіе изъ фабрикантовъ и буржуа.

Этотъ расколъ въ самомъ касикизмѣ можетъ быть очень полезенъ для демократіи, борящейся за начала истинной свободы. Не менѣе важно и то, что правительство и значительная часть касиковъ разошлись въ своемъ отношеніи къ клерикализму.

Исходъ борьбы покажетъ будущее; но уже теперь можно отмѣтить, что широкіе круги населенія начинаютъ понемногу разбираться въ своихъ жизненныхъ интересахъ, понимать задачи, безъ радикальнаго разрѣшенія которыхъ въ Испаніи невозможны ни истинная демократія, ни обще-европейскій прогрессъ. Для страны наступаетъ расцвѣтъ новой жизни. Темныя и уродливыя тѣни колеблются въ предразсвѣтномъ сумракѣ. Чуть брезжитъ на горизонтѣ яркая полоска начинающейся зари. Неизвѣстно еще, каково будетъ идущее вслѣдъ за нею утро. Можетъ быть—пасмурное и печальное, а можетъ быть—сіяющее всѣми красками молодой и жизнерадостной весны? Испанія ждетъ...

А. Дерненталь.

БАЛКАНСКІЯ ДѢЛА И РУССКАЯ ПОЛИТИКА

П. Милюковъ. Балканскій кризисъ и политика А. П. Извольскаго. Спб., 1910. Съ двумя картами.

Въ нашемъ обществѣ—какъ справедливо замѣчаетъ П. Н. Милюковъ въ одномъ изъ своихъ интересныхъ и поучительныхъ этюдовъ о балканскомъ кризисѣ—издавна установилось какое-то пренебрежительное отношеніе къ иностранной политикѣ. Многіе сомнѣваются даже, нужна ли вообще какая-нибудь внѣшняя политика и нельзя ли

ограничиться простымъ сохраненіемъ мирныхъ культурныхъ связей съ чужими народами и государствами, безъ всякаго активнаго участія въ общихъ международныхъ дѣлахъ и предпріятіяхъ.

Къ сожалѣнію, при современныхъ условіяхъ политической жизни ни одна великая нація не можетъ уклониться отъ прямого или косвеннаго участія въ международной политикѣ. Если бы мы пожелали добровольно отказаться отъ политики, то были бы вовлечены въ нее противъ воли: мы можемъ оставить политику въ сторонѣ, но политика насъ не оставитъ. Франція послѣ Седана сознательно избѣгала всякихъ внѣшнихъ политическихъ обязательствъ и долго не имѣла никакой внѣшней политики; изъ-за этого она вынуждена была періодически выдерживать опасные внѣшніе кризисы, вызываемые воинственными планами и агрессивною предпріимчивостью сосѣднихъ державъ. Пока французская республика довольствовалась своимъ международнымъ одиночествомъ, она постоянно находилась подъ страхомъ новаго германскаго нашествія и терпѣла сильный ущербъ въ области своихъ національныхъ интересовъ въ разныхъ отдаленныхъ краяхъ, напримѣръ въ Египтѣ и въ центральной Африкѣ; но положеніе сразу измѣнилось, когда она усвоила опредѣленную внѣшнюю политику и вступила на путь разсчетливыхъ международныхъ комбинацій. Россія, послѣ несчастной японской войны, также оказалась ослабленною и парализованною въ международномъ отношеніи, и ей предстояло бы чувствовать свою зависимость отъ доброй воли Германіи и Австро-Венгріи, если бы она не имѣла за собою обезпеченной поддержки со стороны Франціи и Англіи—а такая поддержка составляла результатъ опредѣленной политики, выразившейся въ извѣстныхъ дипломатическихъ соглашеніяхъ.

Россія, граничащая на сушѣ и на морѣ съ цѣлымъ рядомъ крупныхъ и могущественныхъ державъ, должна такъ или иначе охранять свои внѣшніе интересы при помощи цѣлесообразныхъ дипломатическихъ мѣръ. Огромная часть нашего государственнаго бюджета тратится на то, чтобы создать и поддерживать военную силу, какъ необходимую реальную опору для дипломатіи. Нужно только заботиться о правильномъ и разумномъ употребленіи этихъ народныхъ затратъ для дѣйствительной пользы Россіи. Другими словами, русская политика должна соотвѣтствовать жизненнымъ интересамъ и стремленіямъ русскаго общества и народа; она не можетъ быть иною, какъ только національною въ широкомъ смыслѣ этого слова.

Наша внѣшняя политика до послѣдняго времени вдохновлялась разными случайными мотивами и ставила себѣ цѣли, которыя признавались національными только по недоразумѣнію. П. Н. Милюковъ полагаетъ, что она слишкомъ часто имѣла завоевательный, наступа-

тельный, расширительный характеръ и что въ этомъ заключается главный ея недостатокъ въ глазахъ русскаго общества. „Но вина за это—говоритъ онъ—лежитъ и на русскомъ обществѣ. Оно грѣшило именно тѣмъ, что безконтрольно и безраздѣльно предоставляло своему правительству дѣлать эту политику, само не интересуясь ею". И автору кажется, что „время это прошло", что „русское общество въ настоящее время готово и этотъ вопросъ взять въ свои руки, что оно во всемъ своемъ составѣ начинаетъ интересоваться внѣшней политикой. Это, конечно, есть лучшій и единственный способъ — не давать политикѣ становиться монополіею какого-нибудь отдѣльнаго кружка, какого-нибудь отдѣльнаго общественнаго класса, какой-нибудь отдѣльной политической секты". Ибо „только тогда именно русская политика вступитъ на настоящій путь, только тогда она будетъ тверда въ своихъ цѣляхъ, послѣдовательна въ своихъ пріемахъ, проницательна и дальнозорка въ лицѣ своихъ отдѣльныхъ представителей, когда за нею будетъ стоять солидарное съ нею и просвѣщенное общественное мнѣніе".

Мы сдѣлали бы только одну поправку къ приведеннымъ словамъ П. Н. Милюкова: завоевательная, наступательная политика можетъ въ извѣстныхъ случаяхъ оправдываться соображеніями здравой національной разсчетливости, доставляя народу и государству крупныя политическія выгоды безъ прямого нарушенія интересовъ элементарной справедливости — но именно такой сознательной, разсчетливой политики у насъ не было и въ прошломъ. Самыя цѣнныя земельныя пріобрѣтенія и завоеванія производились у насъ стихійно, даже отчасти противъ воли центральной власти. Обыкновенно наши правители, наоборотъ, щеголяли безкорыстіемъ и неразсчетливостью своихъ внѣшнихъ предпріятій; они охотно жертвовали кровью и средствами своего народа для оказанія великодушной помощи чужимъ и даже враждебнымъ государствамъ, во имя уваженія или родственной дружбы къ той или другой иностранной династіи. Изъ всѣхъ нашихъ войнъ XIX-го вѣка самою національною могла считаться русско-турецкая война 1877—78 годовъ; но она была предпринята безъ обдуманнаго политическаго плана и велась въ высшей степени неразсчетливо, съ самоотверженнымъ предварительнымъ отказомъ отъ возможныхъ выгодъ для Россіи и съ передачей значительной части балканскихъ славянъ въ распоряженіе Австро-Венгріи. Оффиціальная Россія вела эту войну не по собственной волѣ, не для себя и даже не для славянства, а какъ бы по уполномочію Европы, для пользы австрійцевъ и англичанъ; она почти ничего не пріобрѣтала для себя по праву побѣды, тогда какъ не участвовавшая въ войнѣ Австрія даромъ получила Боснію съ Герцеговиною, а Англія—Кипръ. Для Россіи столковаться

съ Англіею было тогда столь же возможно, какъ и съ Австро-Венгріею,—но для этого нужно было, чтобы наша политика была не придворно-фантастическою, а трезво національною, положительною. Въ сущности у насъ не было тогда и равноправнаго соглашенія съ Австро-Венгріею, такъ какъ не было вообще никакой разумной политики: нельзя назвать сознательнымъ соглашеніемъ простую отдачу сопернику тѣхъ турецко-славянскихъ земель, судьба которыхъ столь горячо волновала русское общество со времени герцеговинскаго возстанія 1875-го года. Безотвѣтственной русской дипломатіи ничего не стоило отречься въ пользу Австріи отъ значительной части историческаго наслѣдія Россіи на Балканскомъ полуостровѣ.

Въ 1897-мъ году Россія и Австрія взяли на себя ближайшее наблюденіе за балканскими и, въ частности, македонскими дѣлами отъ имени всѣхъ великихъ державъ, подписавшихъ берлинскій трактатъ. Фактически руководящая роль въ сохраненіи турецкаго status quo была предоставлена одной Австріи. Россія пассивно слѣдовала за вѣнскимъ кабинетомъ во всѣхъ его охранительныхъ мѣропріятіяхъ на ближнемъ Востокѣ и закрѣпила это положеніе въ 1903 г. формальнымъ соглашеніемъ, подписаннымъ при свиданіи двухъ императоровъ въ Мюрцштегѣ. На долю русской дипломатіи выпала незавидная задача — заодно съ австрійцами хлопотать объ успокоеніи злосчастной Македоніи при помощи мелкихъ и завѣдомо безплодныхъ реформъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ оберегать турецкую власть въ этой странѣ отъ вмѣшательства сочувствующихъ македонцамъ народностей: болгаръ, сербовъ и грековъ. Главныя усилія дипломатіи были направлены не на устраненіе или смягченіе турецкаго режима, а на обузданіе тѣхъ недовольныхъ имъ элементовъ, которые могли бы нарушить или поколебать его господство. Англія пыталась добиться отъ Турціи болѣе существенныхъ уступокъ въ пользу Македоніи, тогда какъ Россія стояла на австрійской точкѣ зрѣнія status quo. Это жалкое, намѣренное ничтожество нашей балканской политики получило оттѣнокъ уже вынужденнаго безсилія послѣ русско-японской войны. Наконецъ, іюльскій государственный переворотъ 1908-го года въ Турціи заставилъ Европу радикально измѣнить прежнее отношеніе къ оттоманскому правительству и отнялъ у великихъ державъ законное право и возможность прибѣгать относительно Порты къ тѣмъ способамъ дѣйствія, какіе свободно практиковались раньше.

Новѣйшій фазисъ политическаго кризиса на Балканахъ начинается съ рѣчи барона Эренталя, произнесенной въ венгерской делегаціи 27-го января 1908-го года и возвѣщавшей рѣшимость Австро-Венгріи провести небольшую соединительную желѣзную дорогу въ предѣлахъ Новобазарскаго санджака, отдѣляющаго Сербію отъ Черногоріи. Но-

вая дорога должна была связать австро-боснійскую желѣзнодорожную сѣть съ турецкою линіею, идущею отъ Митровицы до Салоникъ, чѣмъ открывались бы новые горизонты для развитія торговли и культурнаго вліянія австро-венгерской монархіи въ прилегающихъ къ Средиземному морю странахъ. По берлинскому трактату Австро-Венгрія имѣла право держать свои гарнизоны и проводить дороги въ Новобазарскомъ санджакѣ, который, однако, въ другихъ отношеніяхъ оставался въ завѣдываніи турецкой администраціи. Планъ проведенія дороги отъ Сераева до Митровицы выработанъ былъ австро-венгерскими министрами еще въ октябрѣ 1900-го года; часть этой линіи, отъ Сераева до границы санджака, была окончена въ 1905-мъ году. О предстоявшемъ устройствѣ прямого желѣзнодорожнаго сообщенія между Вѣной и Салониками приводятся подробныя свѣдѣнія и соображенія въ книгѣ Шарля Луазо, напечатанной еще въ 1901-мъ году [1]. П. Н. Милюковъ также называетъ это предпріятіе „старымъ планомъ, который Австрія упорно преслѣдовала уже давно“. Тѣмъ не менѣе оффиціальное заявленіе барона Эренталя объ этомъ старомъ, постепенно осуществлявшемся планѣ было принято какъ нѣчто совершенно новое и произвело впечатлѣніе какого-то неожиданнаго удара, нанесеннаго Сербіи, всему южному славянству и, косвенно, Россіи. „Русская печать всѣхъ направленій рѣшительно заговорила противъ австрійскихъ притязаній. Нельзя, однако, сказать — замѣчаетъ П. Н. Милюковъ — чтобы отвѣтъ, придуманный русскою дипломатіей, былъ особенно силенъ“. А именно: „русская дипломатія противопоставила одной желѣзной дорогѣ другую; противъ австрійской дороги съ сѣверо-запада на юго-востокъ она выставила славянскую дорогу съ сѣверо-востока на юго-западъ, такъ называемую поперечную линію отъ Дуная до Адріатическаго моря“ — давно уже придуманный и отчасти уже подготовленный къ осуществленію проектъ желѣзнодорожной линіи черезъ Нишъ, Старую Сербію и Албанію до Скутари, съ развѣтвленіями до Антивари на черногорской территоріи и до Медуи—на турецкой. Ничего другого, болѣе внушительнаго и оригинальнаго, не могла бы, пожалуй, и предложить наша дипломатія въ противовѣсъ австрійскому „старому плану“.

Еще болѣе поразительный эффектъ произвела перемѣна названія или титула австрійской оккупаціи Босніи и Герцеговины, въ началѣ октября 1908 г. Вмѣсто оккупаціи объявлена была аннексія; полноправное фактическое владѣніе замѣнено правомъ собственности. Вѣнскій кабинетъ могъ бы устроить эту перемѣну безъ всякихъ затруд-

[1]) Charles Loiseau, „L'Équilibre adriatique“. Одна изъ главъ книги посвящена вопросу о балканскихъ желѣзныхъ дорогахъ (chap. V: Les chemins de fer du Balkan occidental, стр. 155—193).

ній, если бы выбралъ для нея подходящій моментъ—напр. во время русско-японской войны. Балканскія дѣла не существовали для Россіи въ тяжелые дни Мукдена и Цусимы; вниманіе всей Европы было поглощено событіями на дальнемъ Востокѣ, и австрійская аннексія прошла бы почти незамѣченною подъ могущественнымъ прикрытіемъ Германіи, при тогдашнемъ безсиліи турецкаго правительства. Австро-Венгрія пропустила этотъ благопріятный моментъ по двумъ причинамъ: во-первыхъ, потому, что не придавала значенія оффиціальному титулу своего безспорнаго и фактически ничѣмъ не ограниченнаго владычества надъ Босніею и Герцеговиною; во-вторыхъ, потому, что не предвидѣла политическаго переворота въ Турціи и преобразованія ея въ конституціонномъ духѣ. Введеніе конституціи въ Оттоманской имперіи внезапно выдвинуло на сцену вопросъ о политическихъ правахъ населенія обѣихъ турецкихъ провинцій, занятыхъ австрійцами. Туземные жители этихъ провинцій, оставаясь номинально подданными турецкаго султана, не могли быть лишены тѣхъ конституціонныхъ благъ, которыя выпали на долю ихъ турецкихъ соотечественниковъ; они естественно стали заявлять притязаніе на равноправность съ гражданами обновленной Турціи, и нельзя было отказать имъ въ этомъ справедливомъ требованіи. Съ точки зрѣнія турецкихъ патріотовъ самая оккупація теряла смыслъ со времени паденія стараго режима; мысль о возвращеніи Босніи съ Герцеговиною въ составъ обновленной турецкой имперіи находила благодарную почву въ общемъ патріотическомъ подъемѣ мѣстныхъ мусульманъ. Чтобы отвлечь населеніе обѣихъ областей отъ чрезмѣрныхъ симпатій къ восторжествовавшей въ Константинополѣ младотурецкой партіи, нужно было дать боснякамъ и герцеговинцамъ какую-нибудь самостоятельную конституцію—а этого нельзя было сдѣлать, пока они считались турецкими подданными. Вотъ почему для Австро-Венгріи оказалось безусловно необходимымъ въ 1908-мъ году формально измѣнить положеніе обѣихъ провинцій и окончательно порвать ихъ фиктивную связь съ Турціей.

Въ данномъ случаѣ дѣло шло только о томъ, чтобы надлежащимъ образомъ санкціонировать фактъ, признанный Европою и самимъ турецкимъ правительствомъ съ 1878-го года. Вѣнскій кабинетъ очень просто и безцеремонно разрѣшилъ предстоявшую ему щекотливую задачу: онъ объявилъ о распространеніи верховныхъ правъ императора Франца-Іосифа на Боснію съ Герцеговиною и довелъ объ этомъ до свѣдѣнія великихъ державъ, какъ о совершившемся фактѣ. Австро-венгерскій министръ иностранныхъ дѣлъ заручился для этого шага предварительными принципіальными бесѣдами и переговорами съ своимъ русскимъ коллегою, А. П. Извольскимъ, имѣя въ виду войти затѣмъ въ особое соглашеніе съ Портою, для избѣжанія международ-

ной европейской конференціи, которая была бы необходима для формальнаго пересмотра соотвѣтственныхъ статей берлинскаго трактата. Въ книгѣ П. Н. Милюкова подробно излагаются и остроумно анализируются всѣ имѣющіяся свѣдѣнія о дипломатическихъ сношеніяхъ нашего министра съ барономъ Эренталемъ по поводу аннексіи, причемъ непростительныя ошибки русской дипломатіи выяснены съ исчерпывающею полнотою. А. П. Извольскій думалъ воспользоваться планами и затрудненіями Австро-Венгріи, чтобы извлечь изъ нихъ какія-либо выгоды для Россіи и для Сербіи. Въ своихъ конфиденціальныхъ запискахъ и переговорахъ онъ отчасти шелъ на встрѣчу желаніямъ барона Эренталя, допускалъ или даже самъ предлагалъ аннексію, но подъ разными условіями, выставляя требованіе открытія Дарданеллъ для прохода русскихъ военныхъ судовъ и территоріальнаго вознагражденія для заинтересованныхъ славянскихъ государствъ. При свиданіи въ Бухлау, 2—3 сентября 1908-го года, эти разнообразныя условія были обстоятельно формулированы и обсуждены, хотя и въ академическомъ духѣ. Нѣкоторыя изъ предъявленныхъ требованій не вызывали возраженія, какъ напр., признаніе независимости Болгаріи и возвращеніе Новобазарскаго санджака Турціи; другія, предполагавшія непремѣнный созывъ международной конференціи, настойчиво оспаривались австрійскимъ министромъ. Послѣдній, однако, не отрицалъ общаго европейскаго характера затронутыхъ вопросовъ и принципіально соглашался на конференцію, съ заранѣе опредѣленною и точно ограниченною программою. А. П. Извольскій твердо надѣялся на Европу и на ея будущія дипломатическія совѣщанія: онъ обнадеживалъ и Сербію, побуждая ее терпѣливо ожидать рѣшенія великихъ державъ. Между тѣмъ баронъ Эренталь успѣлъ заключить полюбовную сдѣлку съ Турціею, точно такъ же какъ и Болгарія, которой помогла въ этомъ отношеніи русская же дипломатія; а разъ само турецкое правительство признало аннексію и болгарскую независимость, можно было уже не созывать никакой конференціи. Національно-патріотическіе протесты Сербіи, поощряемые выжидательною политикою Россіи, создали въ Босніи и Герцеговинѣ броженіе, которому австрійцы рѣшили положить конецъ; Австро-Венгрія серьезно грозила Сербіи военною расправою. Пока между западными кабинетами велись еще дипломатическіе переговоры, наше министерство иностранныхъ дѣлъ неожиданно сдалось на капитуляцію, выразивъ свое согласіе на аннексію безъ всякихъ условій и оговорокъ, подъ вліяніемъ категорическаго заявленія Германіи о полной солидарности ея съ вѣнскимъ кабинетомъ. Свиданіе въ Бухлау въ началѣ сентября 1908-го года, объявленіе австрійской аннексіи и болгарской независимости въ началѣ октября, хлопоты объ европей-

ской конференціи и заключительное внезапное отреченіе русской дипломатіи отъ всѣхъ занятыхъ ею позицій—таковы главные послѣдовательные этапы новѣйшей балканской политики, въ которой активно участвовала Россія.

Разбирая отдѣльныя частности этихъ безпочвенныхъ и нерѣдко загадочныхъ блужданій нашей иностранной политики, П. Н. Милюковъ не останавливается на оцѣнкѣ одного весьма характернаго обстоятельства, о которомъ ему приходится вскользь упоминать нѣсколько разъ въ своей книгѣ. Русская дипломатія усердно стремилась поднять вопросъ объ открытіи Босфора и Дарданеллъ для русскаго военнаго флота и высказывала готовность на всякія уступки для пріобрѣтенія австрійской поддержки въ этомъ вопросѣ. Спрашивается: зачѣмъ можетъ понадобиться Россіи право прохода военныхъ судовъ черезъ Дарданеллы? Гдѣ тотъ русскій военный флотъ, который будетъ свободно выходить изъ Чернаго моря на міровой просторъ, на встрѣчу возможнымъ врагамъ и соперникамъ? Не вѣрнѣе ли было бы заботиться о томъ, чтобы этотъ флотъ—когда онъ будетъ существовать—могъ спокойно держаться въ предѣлахъ черноморскихъ водъ, исполняя свои скромныя охранительныя функціи и избѣгая опасныхъ внѣшнихъ авантюръ? Притомъ, какое значеніе имѣло бы согласіе Австро-Венгріи и другихъ державъ на свободу прохода русскихъ броненосцевъ черезъ проливы, находящіеся фактически въ исключительномъ обладаніи одной лишь Турціи? Противъ воли Турціи ни одно военное судно не пройдетъ черезъ Босфоръ и Дарданеллы, хотя бы на это согласилась вся Европа—а Турція всегда будетъ имѣть возможность руководствоваться своими особыми интересами и соображеніями при закрытіи или открытіи проливовъ для военныхъ судовъ того или другого иностраннаго государства. Такъ какъ господство на моряхъ и океанахъ едва ли будетъ принадлежать Россіи даже въ отдаленномъ будущемъ, то для безопасности ея черноморскаго побережья чрезвычайно важно сохранить старое правило о недопущеніи прохода военныхъ кораблей черезъ Босфоръ и Дарданеллы. Требуя отмѣны этого правила въ силу какой-то непонятной рутины, наша дипломатія дѣйствовала, въ сущности, во вредъ Россіи, и большую услугу оказала намъ Англія, побудивъ наше министерство иностранныхъ дѣлъ исключить вопросъ о проливахъ изъ программы нашихъ текущихъ политическихъ заботъ. Надо только пожелать, чтобы этотъ вопросъ былъ окончательно сданъ въ архивъ и пересталъ служить предметомъ напрасныхъ недоразумѣній и соблазновъ для нашего дипломатическаго вѣдомства.

Что наша балканская политика была непростительно плоха, что она безъ всякой надобности, точно умышленно, впутывала насъ въ

непримиримыя противорѣчія и затрудненія, — въ этомъ трудно сомнѣваться: факты слишкомъ громко говорятъ сами за себя. Но относительно того, какъ должна была бы дѣйствовать дипломатія и что̀ собственно слѣдовало предпринять въ интересахъ Россіи и славянства, взгляды расходятся. Мы думаемъ, что полное воздержаніе отъ сепаратныхъ переговоровъ съ Австро-Венгріею и добросовѣстное стремленіе къ постоянной солидарности съ Англіею и Франціею были для насъ безусловно обязательны при данномъ международномъ положеніи. Опираться на славянское движеніе и выступать прямо противъ аннексіи во имя самостоятельныхъ правъ сербской народности было бы безцѣльно, даже если бы мы располагали прежнимъ военнымъ могуществомъ. Воевать съ Австро-Венгріею и союзною съ нею Германіею изъ-за турецкихъ славянъ было бы чистѣйшимъ безуміемъ— а безъ риска войны дѣло не обошлось бы. П. Н. Милюковъ ставитъ въ вину А. П. Извольскому сказанныя имъ въ Бухлау слова, что Россія не станетъ воевать, такъ какъ послѣ этого признанія баронъ Эренталь, быть можетъ, „покинулъ Бухлау въ болѣе опредѣленномъ настроеніи, чѣмъ туда пріѣхалъ" (стр. 37). Въ другомъ мѣстѣ П. Н. Милюковъ замѣчаетъ, что „вѣдь съ тѣхъ поръ какъ русскій министръ сказалъ въ Бухлау барону Эренталю, что изъ-за Босніи и Герцеговины Россія не будетъ вести войны, судьба Босніи и Герцеговины была рѣшена" (стр. 133). Но, разумѣется, и безъ этихъ словъ австрійскій министръ отлично понималъ, что о войнѣ со стороны Россіи не можетъ быть и рѣчи. И самъ же П. Н. Милюковъ подтверждаетъ, что нашъ министръ сказалъ нѣчто общеизвѣстное и безспорное, что ничего другого не могли предполагать и надѣявшіеся на насъ сербы. Значитъ, ошибка А. П. Извольскаго заключалась не въ существѣ сказаннаго имъ, а въ томъ, что онъ говорилъ это австрійскому министру и раскрывалъ предъ нимъ свои карты. Подобное раскрываніе общеизвѣстныхъ картъ представляется, однако, довольно невиннымъ занятіемъ, и не имъ, конечно, была рѣшена судьба Босніи и Герцеговины.

Намъ кажется, что въ вопросѣ о судьбѣ Босніи и Герцеговины П. Н. Милюковъ нѣсколько умаляетъ значеніе реальныхъ фактовъ и придаетъ слишкомъ большую важность формально-правовымъ опредѣленіямъ и моральнымъ толкованіямъ, которыми вообще не принято руководствоваться въ области международной политики. Мы позволяемъ себѣ утверждать, что судьба Босніи и Герцеговины была рѣшена печальнымъ и постыднымъ фактомъ передачи ихъ австрійцамъ въ силу берлинскаго трактата, по иниціативѣ тогдашней русской дипломатіи, и что этотъ фактъ имѣлъ по существу характеръ безповоротный и окончательный. Передача была безсрочная, не обставленная

никакими ограничительными условіями или оговорками, кромѣ чисто-фиктивныхъ. П. Н. Милюковъ напоминаетъ содержаніе тѣхъ сдѣлокъ и актовъ, которыми рѣшалась судьба обѣихъ славянскихъ областей и которые все-таки, по его мнѣнію, оставляли еще открытымъ вопросъ объ ихъ политической будущности. Въ іюлѣ 1876-го года, при свиданіи императоровъ Александра II и Франца-Іосифа въ Рейхштадтѣ, состоялось соглашеніе, одинъ изъ пунктовъ котораго гласилъ: „если будетъ признана независимость Сербіи и Черногоріи и если окажется, что Турція не способна поддерживать порядокъ въ Босніи и Герцеговинѣ, то Австро-Венгрія получаетъ право занять эти провинціи и управлять ими“. При началѣ русско-турецкой войны это соглашеніе было превращено въ формальный договоръ, подписанный въ январѣ 1877-го года въ Будапештѣ. На берлинскомъ конгрессѣ, въ засѣданіи 22-го іюня, послѣ заявленій графа Андраши и лорда Сольсбери предоставлено было Австро-Венгріи взять на себя „оккупацію и администрацію“ Босніи и Герцеговины, взамѣнъ автономіи, предположенной санъ-стефанскимъ договоромъ. Графъ Андраши отъ имени своего правительства выразилъ согласіе на занятіе двухъ провинцій, но прибавилъ великодушно, что администрацію третьей провинціи—Новобазарскаго санджака—австро-венгерское правительство принять на себя не желаетъ, такъ какъ этотъ санджакъ не граничитъ непосредственно съ Австріей и можетъ остаться подъ оттоманской администраціей; „однако Австро-Венгрія—закончилъ графъ Андраши—должна оставить за собой право держать гарнизоны и имѣть военные и коммерческіе пути сообщенія въ санджакѣ“. Представитель Россіи, графъ Шуваловъ, счелъ долгомъ возразить противъ такого великодушія; онъ заявилъ, что принимаетъ сказанное къ свѣдѣнію, впредь до объясненія съ австрійскимъ представителемъ. Какъ видно изъ позднѣйшаго протокола, отъ 1-го іюля, графу Шувалову удалось уговорить графа Андраши согласиться принципіально и на занятіе Новобазарскаго санджака; въ этомъ протоколѣ значится, что „вслѣдствіе соглашенія съ графомъ Андраши русскій уполномоченный беретъ назадъ свои возраженія“. Текстъ этого удивительнаго соглашенія опубликованъ въ ноябрѣ прошлаго года нашею министерскою „Россіею“, въ видѣ отрывка секретной деклараціи, подписанной въ Берлинѣ 1-го іюля 1878-го года княземъ Горчаковымъ и графомъ Андраши. „Въ виду того, — читаемъ мы въ этомъ документѣ, — что австро-венгерское правительство отказалось представить на обсужденіе конгресса вопросъ о переходѣ оттоманской администраціи къ Австро-Венгріи въ Новобазарскомъ санджакѣ... императорское русское правительство обязуется, съ своей стороны, не дѣлать никакихъ возраженій, если вслѣдствіе неудобствъ, могущихъ произойти отъ сохраненія оттоманской администраціи въ Ново-

базарскомъ санджакѣ, Австро-Венгрія была бы вынуждена окончательно занять эту территорію, такъ-же какъ и остальную часть Босніи и Герцеговины („occuper définitivement comme le reste de la Bosnie et de l'Herzégovine").

Здѣсь оккупація Босніи съ Герцеговиною мимоходомъ названа „окончательною", и отъ воли вѣнскаго кабинета зависѣло бы столь-же окончательно занять и Новобазарскій санджакъ. П. Н. Милюковъ полагаетъ, что слово „окончательно" употреблено тутъ „довольно неудачно"; но, къ сожалѣнію, подобные документы приходится толковать по буквальному ихъ смыслу, хотя бы все содержаніе ихъ было болѣе чѣмъ неудачно—а буквальное значеніе приведенныхъ словъ не нуждается ни въ какихъ комментаріяхъ. Очевидно, по намѣренію участвующихъ лицъ, оккупація съ самаго начала предполагалась именно окончательною и въ сущности была лишь замаскированною аннексіею, отъ которой ничѣмъ фактически не отличалась. Вырвать отданныя провинціи обратно изъ австрійскихъ рукъ ни Турція, ни Россія не могли бы иначе, какъ путемъ побѣдоносной войны, т.-е. такимъ же способомъ, какимъ можно отнять у Австро-Венгріи всякую другую часть ея территоріи. Право Сербіи и Черногоріи на возсоединеніе съ оккупированными Австро-Венгріею землями принадлежитъ къ той же категоріи правъ, какъ наше право на Галичину или право Италіи на южную часть Тироля; это — только право завоевать извѣстную территорію, право, доступное могущественнымъ военнымъ державамъ, но совершенно не осуществимое для небольшихъ славянскихъ государствъ. Въ этомъ смыслѣ для славянства вполнѣ безразлично, владѣетъ ли Австро-Венгрія Босніею и Герцеговиною по праву оккупаціи или по праву аннексіи, и разница между обоими терминами, на которой такъ настаиваетъ П. Н. Милюковъ, не существуетъ для практической политики. Держава, устроившая для Босніи и Герцеговины австрійскую оккупацію, не имѣла нравственнаго права протестовать противъ аннексіи, и наша дипломатія, въ лицѣ А. П. Извольскаго, не безъ основанія признавала себя связанною старыми сдѣлками и обязательствами Россіи.

Въ полемикѣ противъ этого взгляда нашей дипломатіи П. Н. Милюковъ кажется намъ безусловно неправымъ. Приведя текстъ документа, въ которомъ оккупація названа окончательною, онъ не находитъ въ немъ ничего компрометтирующаго для нашего министерства иностранныхъ дѣлъ. „Вотъ и все содержаніе сенсаціоннаго секрета!"— говоритъ онъ. „Нѣтъ, если у австрійскихъ дипломатовъ нѣтъ въ карманѣ ничего болѣе серьезнаго, то можно только удивляться, какимъ образомъ наши дипломаты могли хоть на минуту смутиться и счесть себя связанными такого рода обязательствами". По его мнѣнію, „рус-

ская дипломатія можетъ съ чистою совѣстью считать свои руки совершенно развязанными. Послѣ опубликованія документа мы можемъ спокойно сказать: слава Богу, то былъ лишь сонъ,—очень дурной сонъ о нашихъ прошлыхъ грѣхахъ. Но теперь этотъ сонъ миновалъ" (стр. 334—335). Уважаемый авторъ въ данномъ случаѣ судитъ о нашихъ прошлыхъ грѣхахъ съ такимъ необыкновеннымъ оптимизмомъ, какого нельзя было ожидать отъ тонкаго знатока реальныхъ условій и фактовъ этого прошлаго.

Направляя главные удары своей критики на нашего нынѣшняго министра иностранныхъ дѣлъ, П. Н. Милюковъ, конечно, не теряетъ изъ виду особенной обстановки его дѣятельности. Вина за нашу „національную неудачу" въ боснійскомъ вопросѣ падаетъ, по его словамъ, не на одного А. П. Извольскаго. „То противорѣчіе между цѣлями и средствами, между нашими претензіями на самостоятельную политику и нашими рессурсами, которое являлось главной причиной нашего пораженія, едва ли вытекало только изъ личныхъ свойствъ и взглядовъ нашего дипломата. Если, съ одной стороны, противорѣчивость и неопредѣленность занятой имъ позиціи и являлась послѣдствіемъ его постояннаго лавированія между разными вліятельными теченіями въ Россіи, то, съ другой, очевидно, не въ его волѣ было устранить тѣ „безответственныя" вліянія, о которыхъ самъ онъ говорилъ въ одной изъ своихъ думскихъ рѣчей. Какъ бы то ни было, главная трудность его личнаго положенія была въ то же время и трудностью положенія только-что разгромленной и не сумѣвшей достаточно быстро оправиться отъ удара Россіи" (стр. 155). Мы сказали бы другое: бѣда не въ недостаткѣ рессурсовъ и не въ недавнихъ тяжкихъ испытаніяхъ на дальнемъ Востокѣ, а въ свойствахъ и характерѣ всей нашей ненормальной политической жизни. Еще слава Богу, что „національная неудача" не вышла изъ предѣловъ министерскихъ кабинетовъ и газетныхъ редакцій; могло бы быть гораздо хуже, если бы поправившіеся государственные рессурсы и возстановленныя военныя силы позволили нашимъ патріотамъ вновь заняться устройствомъ судебъ балканскихъ славянъ. Мы не знаемъ въ точности, какъ и почему происходятъ закулисныя перемѣны и внезапные скачки въ нашей внѣшней политикѣ; но личность министра играетъ при этомъ лишь второстепенную и пассивную роль. Покойный графъ Ламздорфъ горько жаловался на то, что иногда важные политическіе переговоры ведутся помимо него, безъ его вѣдома и участія, и онъ случайно узнаетъ о нихъ отъ лицъ посторонняго вѣдомства; нерѣдко весьма серьезныя рѣшенія принимаются подъ вліяніемъ какихъ-нибудь частныхъ заграничныхъ писемъ, содержаніе которыхъ никому неизвѣстно. Говорили то о настойчивыхъ со-

вѣтахъ или вмѣшательствѣ Вильгельма II, то о дружескихъ лондонскихъ внушеніяхъ, и въ результатѣ получалась та неопредѣленная цѣпь случайностей и противорѣчій, которая ставитъ въ тупикъ иностраннаго наблюдателя. Трудно предположить, чтобы А. П. Извольскій поставленъ былъ въ этомъ отношеніи въ болѣе благопріятныя условія, чѣмъ его предмѣстники.

Вполнѣ естественно, что при обсужденіи славянскихъ дѣлъ П. Н. Милюковъ стоитъ на національной точкѣ зрѣнія и относится отрицательно къ Австро-Венгріи; но нѣкоторыя стороны австрійской политики заслуживали бы болѣе безпристрастной оцѣнки. Не слѣдуетъ забывать, что вся исторія австрійской монархіи тѣснѣйшимъ образомъ переплетена съ судьбами южнаго славянства и что изъ того конгломерата народностей, который составляетъ теперь имперію Габсбурговъ, можетъ выдѣлиться со временемъ новая славянская федерація, не менѣе внушительная и жизнеспособная, чѣмъ предполагаемый балканскій союзъ. Въ австрійской спеціальной литературѣ давно уже разрабатывается вопросъ о правовомъ положеніи Босніи, входившей нѣкогда въ составъ самостоятельнаго хорватскаго королевства, которое въ свою очередь связано было личною уніею съ королями Венгріи [1]); поэтому сдѣланная въ австрійскомъ рескриптѣ объ аннексіи ссылка на древнюю связь между предками императора на венгерскомъ тронѣ и присоединенными провинціями едва ли имѣетъ тотъ скрытый задній смыслъ, который усматриваетъ въ ней П. Н. Милюковъ. Населенію дарована конституція „со всевозможными ограниченіями", а именно дано „лишь провинціальное представительство—ландтагъ, и его компетенція опредѣляется дѣлами законодательства и контроля, касающимися управленія и юстиціи въ одной Босніи-Герцеговинѣ" (стр. 330). Это немногое, данное, одновременно съ формальною аннексіею, сравнительно малокультурному населенію, будетъ, пожалуй, больше того, что̀ оставлено у насъ за культурною Финляндіею спустя сто лѣтъ послѣ аннексіи. При нашемъ положеніи мы должны быть болѣе снисходительны въ отзывахъ о чужихъ конституціонныхъ учрежденіяхъ, какъ и о чужой внутренней политикѣ.

Л. Слонимскій.

[1]) См. напр. книгу, подробно доказывающую историческую правомѣрность аннексіи Босніи съ точки зрѣнія хорватскаго государственнаго права: „Bosnien und das Kroatische Staatsrecht. Eine historisch-juridische Studie, von D-r Petrinjensis" (Аграмъ, 1898, стр. 261).

ПРОВИНЦІАЛЬНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

Когда, наконецъ, Россія примется за дѣйствительное внутреннее строительство—предсказать едва ли возьмется самый розовый оптимистъ. Одно только несомнѣнно: многое вокругъ насъ неслышно рушится, колеблется, разсыпается. Старые устои, вѣрованія, привычки, старая самоувѣренная власть и старое апатичное рабство — все это какъ будто подточено въ глубокихъ корняхъ невидимымъ разрушеніемъ, клонится, обваливается, сыплется. И въ этомъ смыслѣ можно, не впадая въ преувеличенный оптимизмъ, сравнить нынѣшнее хмурое время не съ черной осенью, а съ безрадостной весной. Бываютъ такіе унылые весенніе дни, когда безнадежной тоской сжимается сердце, когда свинцовое небо виснетъ надъ головой, а въ темныя ночи вѣтеръ угрожающе воетъ, мокрымъ снѣгомъ бьетъ въ окна... И только трезвая мысль утѣшающе подсказываетъ, что въ сырой мглѣ идетъ неустанно разрушеніе, что крѣпкая, злая сила мороза скоро совсѣмъ сойдетъ съ обмерзлаго лица земли, и брызнетъ зеленью, засмѣется цвѣтами освобожденная жизнь...

Можетъ быть, и та, напримѣръ, муть, которая разлетается сейчасъ изъ-подъ шаговъ „союза русскаго народа“, страннымъ образомъ символизируетъ далекую, но близящуюся весну. „Союзники“ растворили въ себѣ главные принципы поколебавшейся старой русской власти и, раздробивъ, исказивъ, окаррикатуривъ ихъ, въ мутныхъ потокахъ понесли мимо брезгливо сторонящагося общества...

Не въ такихъ рѣзкихъ тонахъ, но съ достаточной видимостью идетъ расшатыванье старыхъ устоевъ и въ другихъ областяхъ русской жизни. Глубоко знаменательно то, что совершается теперь въ средѣ низшаго и высшаго духовенства. Провинціальныя газеты несутъ изъ разныхъ угловъ страны удручающія вѣсти. Мелкихъ и крупныхъ фактовъ съ каждымъ днемъ накапливается все больше и больше, и вѣрующимъ людямъ, вѣроятно, требуется немалое напряженіе духа, чтобы не впасть въ отчаяніе, чтобы отдѣлять глубокую суть религіи отъ нынѣшнихъ оффиціальныхъ представителей ея.

Вотъ, напримѣръ, наиболѣе мелкіе факты. „Весной нынѣшняго года,—сообщаетъ „Смоленскій Вѣстникъ“,—крестьянинъ деревни Криволевки Филиппъ Лайковъ задумалъ женить своего сына. Подыскали

невѣсту, сладились, ударили по рукамъ. Невѣста была изъ другого прихода, и за метрикой пришлось обратиться къ священнику села Клѣтокъ, о. Леониду. Послѣдній потребовалъ за выпись 4 рубля 90 к.— 80 коп. марка и 4 р. 10 коп. за труды. Какъ ни упрашивалъ Лайковъ взять подешевле, о. Леонидъ стоялъ на своемъ. Дѣлать нечего, пришлось Лайкову продать пару овецъ и снести батюшкѣ деньги. Послѣ свадьбы Лайковъ подалъ на имя преосвященнаго прошеніе, въ которомъ указывалъ на свою бѣдность и на обременительность такого налога, и просилъ сдѣлать распоряженіе о возвращеніи ему излишне полученныхъ о. Леонидомъ 3 р. 10 коп., такъ какъ, по его мнѣнію, за метрику слѣдовало взять только одинъ рубль".

Сибирскія газеты отмѣчаютъ объявленіе священника села Ракитнаго, распространяемое среди переселенцевъ. „Объявленіе это—нижеслѣдующая такса, установленная священникомъ для совершенія требъ. Нѣсколько деревень, очевидно—въ виду бѣдственнаго матеріальнаго положенія, отказывались содержать церковные причты. Это обстоятельство и вызвало объявленіе, въ которомъ священникъ говоритъ, что отказы деревень вызвали его рѣшеніе—обложить всѣхъ обращающихся за требоисправленіями слѣдующимъ налогомъ: бракъ, безъ марокъ, но со свѣчками и вѣнцами 12 р. 50 к., погребеніе-отпѣваніе въ церкви 2 р., панихида въ церкви 50 к., исповѣдь со свѣчей 15 к., крещеніе со свѣчами и крестикомъ 1 р. 75 к., молебенъ о здравіи въ церкви 30 к., поминовеніе умершихъ или живыхъ при богослуженіи 15 к., освященіе воды 50 к., молитвы при нареченіи имени ребенку 15 к." Такое коммерческое отношеніе къ церковной службѣ не случайно и не единично. Извѣстія изъ многихъ другихъ мѣстъ деревенской Россіи говорятъ, что таксы на требы прочно внѣдряются въ обиходъ жизни духовенства. Многіе священники совершенствуютъ эту своеобразную бухгалтерію и заводятъ списки недоимщиковъ, примѣняя къ неисправнымъ должникамъ всѣ доступныя духовенству репрессіи и воздѣйствія.

Еще маленькій фактъ: „12 апрѣля, — сообщаетъ „Голосъ Пріуралья",—поселковый сборъ пос. Запиваловскаго, Травниковской станицы, постановилъ и отослалъ въ оренбургскую духовную консисторію приговоръ и актъ о странномъ поведеніи священника пос. Травниковскаго, о. Алексѣя Емельянова. Въ понедѣльникъ на четвертой недѣлѣ Великаго поста священникъ Емельяновъ, явившись по приглашенію запиваловцевъ въ поселокъ для исповѣди ихъ въ построенной ими недавно полуцеркви, обратился къ прихожанамъ съ проповѣдью, сущность которой сводится къ слѣдующему: „Вотъ вы собрались теперь въ своей полуцеркви и думаете, что для васъ все сдѣлается. Но я васъ называю богоотступниками за отказъ въ постройкѣ. Тѣхъ,

которые подписались подъ приговоромъ, я проклинаю и буду просить Божьяго проклятія навѣки. Вы хотите теперь свою полуцерковь превратить въ настоящую церковь и имѣть своего священника; но это вамъ удастся, можетъ быть, лѣтъ черезъ десять, потому что ходатайствовать о священникѣ будете черезъ насъ, а мы вамъ ногу подставимъ"... Назвавъ потомъ выборныхъ отъ сбора дураками и пригрозивъ, какъ передаютъ, помолиться „Пресвятой Богородицѣ, чтобы она послала неурожай", о. Алексѣй, исповѣдавъ, вмѣсто явившихся 200 человѣкъ, 20 человѣкъ, отправился домой. Въ чемъ же дѣло? А дѣло въ томъ, что запиваловцы, построивъ у себя полуцерковь, имѣя уже своего псаломщика и предполагая въ скоромъ времени пригласить себѣ священника, отдѣлились такимъ образомъ отъ травниковскаго прихода и не захотѣли, между прочимъ, нести раскладки на постройку купола въ Травникахъ. Объ этомъ своемъ нежеланіи запиваловцы составили приговоръ, мотивируя отказъ тяжестью двоекратныхъ налоговъ на свою полуцерковь и на травниковскую, и вручили его священнику. Съ этимъ-то приговоромъ и явился пастырь исповѣдывать своихъ отдѣлившихся овецъ".

Корреспондентъ „Саратовскаго Листка" передаетъ слѣдующій разсказъ крестьянки изъ Петровскаго уѣзда: „Сильно захворала моя сосѣдка Пелагея. Совсѣмъ плохо ей стало, того и гляди умретъ. Побѣжала я къ священнику. Долго упрашивала. Все-таки упросила. Ѣхать бы, а батюшка спрашиваетъ: — Да заплатятъ ли они за труды-то? — Ужъ я велю имъ заплатить,—говорю я ему. Пріѣхали. Сосѣдка чуть дышитъ. Надо бы соборовать скорѣе, а батюшка посмотрѣлъ—подъ хлѣбомъ полотенца нѣтъ. Бросились искать полотенце; не найдемъ. Побѣжала я тогда домой, схватила свое полотенце да и положила подъ калачъ. Батюшка увидалъ полотенце и спрашиваетъ: „Ихъ ли это полотенце?" Значитъ, безпокоится, можно ли будетъ его взять потомъ.—Ихъ!—говорю я. Кончилъ батюшка соборованье, свернулъ полотенце и положилъ его въ карманъ. Митрій подаетъ ему цѣлковый за труды. По положенію, значитъ, какъ ужъ у насъ заведено. Батюшка опять недоволенъ.—За исповѣдь-то что же?— Митрій говоритъ, что все тутъ считается. Батюшка еще пуще разсердился, кричать сталъ. Пелагея очнулась да черезъ силу и шепчетъ мужу: „Отдай"... Митрій вынулъ изъ кармана пятакъ и даетъ его батюшкѣ. Тотъ какъ броситъ его на столъ: „Вы что же, смѣетесь, что ли, надъ вашимъ духовнымъ отцомъ, пятаки-то суете!" Митрій не вытерпѣлъ: „Ну, батюшка, будетъ тебѣ. Тутъ не базаръ. Вѣдь женщина-то помираетъ". Хлопнулъ дверью батюшка. Уѣхалъ и пятака не взялъ".

Все это, конечно, мелочи. Но когда извѣстія о подобныхъ мело-

чахъ идутъ съ разныхъ сторонъ и когда, повидимому, изъ подобныхъ мелочей создаются во многихъ мѣстахъ отношенія между духовенствомъ и паствой, то дѣло принимаетъ довольно серьезный оборотъ. Столкновенія крестьянъ съ духовенствомъ, разумѣется, и раньше бывали. Давно ужъ крестьяне привыкли называть священниковъ и „обиралами", и „захребетниками", преувеличивая, подъ гнетомъ собственной бѣдности, и поповскую жадность, и сытую праздность духовенства. Но смягчались эти взаимоотношенія и мужицкимъ юморомъ, и взаимною терпимостью. Деревня и духовенство все же жили слитной жизнью. Нынѣшнія извѣстія о столкновеніяхъ крестьянъ съ духовенствомъ поражаютъ не столько своей численностью, сколько обоюднымъ раздраженіемъ, разрастающейся ненавистью. Крестьяне уже не подсмѣиваются надъ попами, а при всякой возможности жалуются на нихъ и свѣтскому начальству, и духовному, разыскиваютъ корреспондентовъ, чтобы написать язвительную замѣтку въ газеты и ославить такимъ образомъ своихъ „духовныхъ отцовъ" на всю Россію. Крестьяне склонны забывать, что священники, со своими семействами, тоже люди, которымъ надо пить, ѣсть, одѣваться и производить на себя всякія другія траты. Раздраженная деревня всякій рубль или гривенникъ даетъ духовенству съ неудовольствіемъ, приравнивая эти даянія къ вынужденнымъ поборамъ и налогамъ. Съ другой стороны, и въ духовенствѣ вольно или невольно развивается торгашеское, почти циническое отношеніе къ отправленію своихъ духовныхъ обязанностей. Газеты отмѣчаютъ такіе факты профессіональной жадности, которые никакой матеріальной нуждой нельзя оправдать. Разрывъ ширится съ обѣихъ сторонъ. Нерѣдко встрѣчаются, напримѣръ, такія сообщенія въ газетныхъ корреспонденціяхъ: „Прихожане Николаевской церкви с. Николаевки, Изюмскаго уѣзда, — пишутъ „Южному Краю",—обратились къ харьковскому архіепископу. Окруженные сектантами, прихожане с. Николаевки просятъ владыку о замѣнѣ находящагося при ихъ храмѣ священника А. другимъ, такъ какъ въ настоящее время ихъ отучили отъ посѣщенія храма и своевременнаго исполненія таинствъ крещенія и причащенія. Прихожане опасаются, что имъ, ради исполненія христіанскихъ требъ, придется обращаться къ сектантамъ". Угроза переходомъ къ сектантамъ весьма знаменательна. Она свидѣтельствуетъ не только о томъ, что все больше слабѣетъ органическая связь деревни съ православной церковью, но и о томъ, что растутъ и крѣпнутъ иныя религіозныя организаціи. Въ сектантскихъ и старообрядческихъ общинахъ, православное населеніе видитъ выборное духовенство, принужденное или жить со своей паствой въ мирѣ и согласіи, или совсѣмъ не жить, такъ какъ поборовъ и притѣсненій со стороны духовныхъ лицъ сектантская или старообрядческая община, владѣя правомъ

выбора, смѣщенія и перемѣщенія, не потерпитъ. Въ православныхъ же селахъ назначенный епископомъ священникъ, какъ бы онъ ни былъ неугоденъ населенію, неудалимъ и неприкосновененъ, подобно полицейской или другой какой-либо правительственной власти. Просьбы прихода о переводѣ священника далеко не всегда исполняются епархіальной властью. Да и какой особый толкъ въ подобныхъ просьбахъ, ежели все-таки нельзя избрать своего, достойнаго кандидата въ священники, а приходится ждать новаго назначенія все отъ той же духовной бюрократіи?... Жизнь, разрушая старые, закостенѣвшіе порядки, подсказываетъ естественныя и ближайшія реформы православной церкви. И на первомъ планѣ стоитъ ослабленіе мертвящаго бюрократическаго начала путемъ расширенія правъ прихода.

Однако, высшее духовенство безнадежно глухо къ требовательнымъ голосамъ жизни. Крупныя, насущныя реформы церкви не находятъ здѣсь ни иниціаторовъ, ни поборниковъ. Пустота существованія въ этой сферѣ возводитъ въ событія такіе, напримѣръ, случаи: „преосвященнымъ Алексіемъ,—сообщаютъ „Южныя Вѣдомости“,—во время его пребыванія въ Керчи было обращено вниманіе на то, что мѣстное духовенство позволяетъ себѣ подстригать волосы. По этому поводу преосвященный особымъ отношеніемъ къ благочинному церквей керченскаго округа предупреждаетъ священнослужителей, что на будущее время лица, замѣченныя въ подстриженіи „власовъ“, для отрощенія ихъ будутъ отсылаемы въ монастырь“. Какихъ же реформъ и какого проникновенія въ нужды населенія можно ожидать, если преосвященный при объѣздѣ епархіи ничего, кромѣ подстриженныхъ волосъ, не замѣтилъ и на нихъ излилъ весь гнѣвный жаръ архипастыря? О такой же холодной пустотѣ епископской жизни свидѣтельствуетъ маленькій фактъ, отмѣченный „Оренбургскимъ Краемъ“: „2-го іюня въ восьмомъ классѣ оренбургской гимназіи происходилъ экзаменъ по закону Божію. На экзаменѣ присутствовалъ викарій Діонисій, епископъ челябинскій. По окончаніи испытанія епископъ сталъ раздавать воспитанникамъ евангелія. Одинъ изъ первыхъ же подошедшихъ къ Діонисію ученикъ Шукшинцевъ, получая евангеліе, не поцѣловалъ архіерейской руки. Это вызвало необычайную вспышку епископскаго гнѣва. Діонисій закричалъ, что ученикъ не хочетъ принимать святыню, грозилъ донести о происшедшемъ въ учебный округъ; потомъ, взявъ экзаменаціонный листъ, вычеркнулъ поставленную раньше Шукшинцеву отмѣтку и выставилъ по экзамену закона Божія 2. Когда, уступая настойчивому требованію директора гимназіи, Шукшинцевъ принесъ епископу извиненіе и попросилъ прощенія, епископъ Діонисій смягчился, заявивъ, что прощаетъ Шукшинцева, и исправилъ экзаменаціонную отмѣтку

на тройку. Инцидентъ этотъ подвергся обсужденію педагогическаго совѣта гимназіи. Шукшинцеву грозила возможность быть лишеннымъ аттестата зрѣлости. Но, въ концѣ-концовъ, совѣтъ постановилъ ограничиться выдачей аттестата съ четверкой по поведенію".

Разрыву населенія съ духовенствомъ, несомнѣнно, много способствуетъ та вражда, съ которой многіе изъ среды духовенства относятся ко всему новому и свѣжему, пробивающемуся ростками въ русской жизни. Съ введеніемъ въ жизнь нѣкоторой вѣротерпимости значительное оживленіе замѣчается въ старообрядческой и сектантской средѣ. Православное духовенство не только не подошло къ ней съ протянутой рукой для примиренія въ вѣковой враждѣ, но стало проявлять особую нетерпимость и враждебность. „Въ с. Михайловкѣ, Каневскаго уѣзда, Кіевской губ.,—сообщаетъ, напримѣръ, корреспондентъ „Кіев. Вѣстей",—умерла штундистка. Мужъ ея обратился къ священнику съ просьбой указать мѣсто на кладбищѣ для погребенія умершей. Священникъ отвѣтилъ, что не дастъ для этого мѣста. Штундистъ обратился къ уряднику, но и тотъ ничего не могъ подѣлать со священникомъ. Тогда штундистъ отправился къ приставу, который приказалъ вырыть на кладбищѣ могилу. Но когда похоронная процессія подошла къ кладбищу, священникъ приказалъ запереть ворота. Урядникъ снова отправился къ приставу, который послалъ въ с. Михайловку чиновника Верхогляда. Послѣдній приказалъ сорвать замокъ съ воротъ кладбища, и только тогда похороны состоялись".

Низшее духовенство въ своей антихристіанской враждѣ къ сектантамъ и старообрядцамъ укрѣпляется примѣромъ высшаго духовенства. Послѣ изданія указа 17-го апрѣля въ старообрядчество стали переходить многіе православные священники. Если бы высшее православное духовенство было серьезно озабочено сближеніемъ православной церкви со старообрядческой, эти переходы должны были бы поощряться. Православный священникъ вноситъ въ старообрядческую среду свое православно-богословское образованіе, свои привычки, навыки и весь складъ души, воспитанной въ духѣ православной церкви. Онъ не можетъ переродиться вслѣдствіе одного перехода въ старообрядчество. И старообрядцы невольно свыкаются и примиряются съ чуждымъ для нихъ духомъ, замѣчая, что долгая вражда заставляла ихъ преувеличивать многія отрицательныя стороны и свойства духовно-православнаго быта. Переходящіе въ старообрядчество православные священники могли бы служить подготовительной основой для будущаго примиренія. Но высшее православное духовенство держится прежняго метода и, узнавая о переходахъ священниковъ въ старообрядчество, издаетъ такого рода распоряженія. „Курскій архіепископъ Питиримъ,—говоритъ „Южный Край",—обратился на-

днях въ духовную консисторію со слѣдующимъ предложеніемъ: „Изъ вырѣзокъ газеты „Волгарь" о всероссійскомъ съѣздѣ старообрядцевъ видно, что священникъ о. Александръ Ковалевскій, о самочинномъ побѣгѣ котораго изъ прихода Николаевской церкви г. Рыльска ведется въ консисторіи дѣло, проживая нынѣ въ Москвѣ, примкнулъ къ старообрядчеству, пріемлющему священниковъ отъ великороссійской церкви, и 12-го мая сего года принималъ дѣятельное участіе на всероссійскомъ съѣздѣ старообрядцевъ названнаго толка въ Нижнемъ-Новгородѣ въ качествѣ товарища предсѣдателя этого съѣзда. Вслѣдствіе этого предлагаю консисторіи немедленно распорядиться о запрещеніи Ковалевскому священнослуженія, ношенія креста, рясы и рукоблагословенія".

Еще рѣзче звучитъ нота нетерпимости въ распоряженіи уральскаго епископа. Старообрядческій журналъ „Церковь" приводитъ слѣдующій документъ: „Причту N—ской церкви г. Уральска. Одинъ изъ священниковъ Уральской области рапортомъ отъ 9-го марта за № 50 проситъ у его преосвященства, преосвященнѣйшаго Тихона, епископа уральскаго, разъясненія, можно ли допускать къ причастію св. Таинъ родителей, которые выдали своихъ дочерей въ замужество за старообрядцевъ, или же сыновей женили на старообрядкахъ австрійскаго толка, съ присоединеніемъ, помазаніемъ и вѣнчаніемъ австрійскимъ обрядомъ. На таковомъ рапортѣ онаго священника резолюція его преосвященства отъ 22 того же марта за № 1086 послѣдовала таковая: „Неужели есть такіе безумные люди, которые рѣшаются отдать своихъ дѣтей въ погибель? Неужели они не боятся проклятія и гнѣва Божія? Какъ они дерзнутъ приступить къ причастію Тѣла и Крови Христовой, ибо Христосъ скажетъ имъ: „Вы толкнули дѣтей своихъ въ адъ кромѣшный, въ погибель, а теперь идете спасаться". О, горе, горе такимъ. Если виновные искренно раскаются въ храмѣ передъ всѣми и если дадутъ обѣщаніе звать въ церковь не только дѣтей своихъ, но и всю заблудшую семью, то въ такомъ случаѣ, призывая милосердіе Божіе, разрѣшаю ихъ къ причастію св. Таинъ. При чемъ на таковыхъ необходимо наложить епитимію. Пусть они утромъ и вечеромъ кладутъ по три земныхъ поклона со словами: Господи, возврати въ святую церковь сына моего (или дочь мою). Поклоны надлежитъ класть до тѣхъ поръ, когда вернутся заблудшіе. Только въ случаѣ смерти разрѣшаю отъ епитиміи сей. Прочитать мою резолюцію въ праздникъ въ церкви передъ народомъ. Сообщить резолюцію всему духовенству".

Если вспомнить, что никогда православная церковь не находила никакой ереси въ старообрядчествѣ, а обѣ церкви — и старая, и новая—винили только другъ друга въ искаженіи обрядовъ, и притомъ

въ подробностяхъ второстепенныхъ; если вспомнить, что православная церковь всегда признавала крещеніе и другія таинства старообрядческой церкви, а старообрядцы брали и берутъ священниковъ и епископовъ изъ православнаго духовенства, то какими странными въ своей преувеличенности должны представиться грозныя слова уральскаго епископа о проклятіи и гнѣвѣ Божіемъ на православныхъ, вступившихъ въ родственное единеніе со старообрядцами. И особенно теперь, когда мало-по-малу церкви старая и новая начинаютъ закономъ уравниваться, когда загнанные и обезглавленные старообрядческіе храмы вновь вѣнчаются крестами и украшаются колоколами, т.-е. дѣлаются совершенно подобными православнымъ храмамъ, когда постепенно начинаетъ забываться двухвѣковая братоубійственная рознь въ православномъ и старообрядческомъ населеніи. Пастырю церкви слѣдовало одобрить и благословить естественное примиреніе, которое стало замѣчаться между неосмысленно враждовавшими частями населенія. И несомнѣнно, страшныя, проклинающія слова уральскаго архипастыря, опубликованныя, по его приказанію, съ церковныхъ каѳедръ, внесли немало смущенія въ довѣрчивыя души вѣрующихъ православныхъ. Въ нѣкоторыхъ сердцахъ шевельнулась, можетъ быть, отмершая было вражда къ старообрядцамъ, а въ другихъ, болѣе сознательныхъ, вѣроятно сказалось невольное осужденіе неосторожнымъ словамъ епископа. И въ томъ, и въ другомъ случаѣ вразумленіе, по своимъ результатамъ, далеко не носило христіанскій характеръ.

Сотрудникъ „Саратовскаго Листка“ извлекаетъ изъ мѣстнаго духовнаго „Братскаго Листка“ еще одно явно несправедливое нападеніе на старообрядцевъ. „Въ настоящее время,—пишетъ въ „Брат. Л.“ свящ. К. Люкшинъ,—раскольники освобождены отъ несенія церковныхъ повинностей (наемъ сторожей, просфорни, отопленія храма и т. п.), что служитъ немалымъ соблазномъ для православныхъ. Такъ какъ православные, въ массѣ своей, смотрятъ на церковь православную не только какъ на свою родную приходскую церковь, но и на церковь государственную, къ которой принадлежитъ Батюшка Царь и которая, поэтому, должна быть охраняема царскими законами, то потребные для господствующей церкви расходы должны нести всѣ, ибо у Царя всѣ равны. На практикѣ же получается, что православные платятъ церковные расходы, а раскольники какъ бы пользуются какою-то льготою и отъ этой платы освобождены“. Сотрудникъ саратовской газеты пробуетъ вразумить духовнаго публициста: „Но тогда нечего говорить объ однихъ старообрядцахъ; слѣдовало бы привлечь къ платежу денегъ на православные храмы и евреевъ, и католиковъ, и лютеранъ, и вообще всѣхъ! Нѣтъ, о. Люкшинъ, это не такъ. Всѣ—и старообрядцы, и католики, и лютеране, и евреи—всѣ

считаютъ своей обязанностью удѣлять отъ трудовъ своихъ лепту на содержаніе своихъ храмовъ и молитвенныхъ домовъ".

Конечно, эту элементарную истину отлично знаетъ и духовный православный публицистъ. Онъ о ней умышленно забываетъ, побуждаемый упорной враждой къ старообрядцамъ, которыхъ онъ притомъ продолжаетъ именовать обиднымъ старымъ прозвищемъ „раскольники", хотя ихъ теперь уже оффиціально называютъ старообрядцами.

Для характеристики отношеній высшаго православнаго духовенства къ прогрессивной части русскаго общества поучительные факты доставилъ миссіонерскій съѣздъ, состоявшійся недавно въ Казани. Казанскія газеты приводятъ длинные отчеты объ этомъ съѣздѣ. Извлекаемъ небольшую часть изъ отчета о засѣданіи отдѣла по вопросу о язычествѣ и борьбѣ съ нимъ. „Преосвященный предсѣдатель отдѣла, еп. саратовскій Гермогенъ, выдвинулъ вопросъ о церковной дисциплинѣ.—Дисциплина,—говорилъ онъ,—есть условіе, дѣлающее христіанство привлекательнымъ для язычниковъ. Представителями языческаго направленія въ интеллигентномъ обществѣ являются Л. Толстой, Розановъ, Мережковскій, Андреевъ и др. Среди правящихъ лицъ, отправляющихся въ логовища язычниковъ, замѣчается индифферентизмъ къ христіанству. Онъ охлаждаетъ ревность православныхъ, другихъ, наоборотъ, вооружаетъ ревностью къ оскорбленію христіанства. Переношу ваше вниманіе ко времени первыхъ вѣковъ христіанства, какъ тогда оскорбляли христіанство. Вспомните ослиную голову, съ каковой изображали распятаго Господа Нашего Іисуса Христа. То же совершается и сейчасъ. Я предлагаю внести на обсужденіе вопросъ о современномъ язычествѣ и мѣрахъ противодѣйствія язычеству въ жизни и литературѣ. В. М. Скворцовъ, въ подтвержденіе сказаннаго преосвященнымъ Гермогеномъ, показалъ брошку съ изображеніемъ страждущаго Спасителя, а также билетъ на входъ въ новый лѣтній Богородскій садъ. На оборотѣ билета изображеніе преподобныхъ св. Антонія и Феодосія, кіево-печерскихъ чудотворцевъ. Архіепископъ Никаноръ сказалъ, что есть указъ св. синода, запрещающій печатаніе священныхъ изображеній на наружной части книгъ; тѣмъ болѣе недопустимо печатаніе священныхъ изображеній на входныхъ билетахъ. Омскій еп. Гавріилъ указалъ на туфли съ изображеніемъ святыхъ ангеловъ. В. М. Скорцовъ въ подробной рѣчи заявилъ, что необходимо критическое богословское освѣщеніе литературныхъ произведеній современныхъ язычниковъ. Необходима, кромѣ того, критика своевременная, которая бы дала возможность устраненія такихъ позднихъ запрещеній, какія были наложены на „Анатэму" и „Анфису". Вѣдь противъ этихъ противохристіанскихъ пьесъ—ужасался г. Скворцовъ—

борьба началась послѣ того только, какъ раздался протестующій голосъ саратовскаго владыки. Свое впечатлѣніе отъ обоихъ произведеній Л. Андреева представитель синода характеризовалъ сильно: обѣ пьесы настолько ужасны — говорилъ онъ — по своему противохристіанскому содержанію, что когда онъ смотрѣлъ ихъ въ театрѣ, ему казалось, что отъ ужаса провалится театръ и рушится все вокругъ. Почему же наши богословскіе критики во время не ударили въ набатъ и не вызвали своевременнаго запрещенія? У католиковъ на это обращено большое вниманіе, и Золя, напримѣръ, за свой „Лурдъ", былъ отлученъ отъ церкви и отлученнымъ умеръ. Ужасался ораторъ и развалу церковной дисциплины. Онъ сообщилъ, со словъ одного священника, что семинаристы, только-что окончившіе семинарію, въ фотографическую группу своего выпуска помѣстили портреты Л. Толстого, Чехова и Л. Андреева. Необходимо поднять церковную дисциплину—таковъ выводъ В. М. Скворцова. Но какъ бороться съ „литературными язычниками", что дѣлать, когда, по сообщенію епископа Андрея, въ одномъ небольшомъ уѣздномъ городѣ, куда ему пришлось попасть, объ „Анатэмѣ" и „Анфисѣ" узнали только послѣ того, какъ этимъ произведеніямъ одинъ изъ мѣстныхъ священниковъ посвятилъ проповѣдь въ церкви. Оживленные дебаты вызвалъ вопросъ, кто изъ современныхъ литературныхъ „язычниковъ" грѣшнѣе. Симбирскій епископъ Іаковъ, примыкая къ тезисамъ, предложеннымъ саратовскимъ епископомъ, высказался противъ помѣщенія въ постановленіяхъ съѣзда имени Розанова, какъ перваго изъ современныхъ язычниковъ, съ которымъ нужно бороться церкви. Онъ предложилъ, по крайней мѣрѣ, не ставить Розанова первымъ, такъ какъ этотъ писатель—только заблуждающійся язычникъ. Относительно М. Горькаго, о которомъ въ постановленіяхъ, предложенныхъ Гермогеномъ, говорится съ небольшой оговоркой, епископъ Іаковъ заявилъ, что онъ во всякомъ случаѣ, какъ „чистый безбожникъ", долженъ быть поставленъ на первую доску. Епископъ Гермогенъ, особенно внимательно, по его словамъ, изучавшій произведенія Розанова, нашелъ въ немъ особенныя бѣсовскія тенденціи и особенное лукавство, которое покрывается фальшивой религіозностью. Кто-то изъ дальнихъ рядовъ внесъ предложеніе: Прибавьте Милюкова! — Да Караулова! — Епископъ Гермогенъ внесъ и Милюкова въ списокъ язычниковъ рядомъ съ Розановымъ и Андреевымъ. Карауловъ избѣжалъ участи Милюкова: саратовскій епископъ счелъ его не такой крупной величиной среди „безбожниковъ". Всѣ постановленія, предложенныя епископомъ Гермогеномъ, были приняты съѣздомъ. Одинъ изъ пунктовъ гласитъ слѣдующее: „Всепочтительнѣйше доложить св. синоду, что по мнѣнію съѣзда писатели: Андреевъ Леонидъ, Протопоповъ В., Розановъ Ва-

силій, а также въ немалой степени Пѣшковъ Алексѣй, онъ же Горькій Максимъ, Мережковскій Дмитрій, а также нѣкоторые издатели періодическихъ журналовъ („Вѣстникъ Знанія“) и газетъ и нѣкоторые дѣятели, въ особенности первыя три лица, являющіяся, подобно Льву Толстому, сущими язычниками по духу и направленію, какъ онъ ихъ учитель, такъ и они, собравъ вокругъ себя много послѣдователей, въ особенности преступно растлѣваютъ религіозную мысль и нравы нашего молодого поколѣнія, создали уже и продолжаютъ усиливать среди общества атмосферу безбожія, кощунства, хулы и даже проклятія, направленныхъ ко Христу, христіанству и православной церкви“.

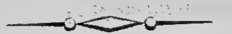
Разумѣется, съ такой ненавистью къ молодому русскому обществу и съ такой идейной нищетой церковные сановники не завоюютъ довѣрія мало-мальски сознательныхъ элементовъ населенія. При такой тактикѣ разрывъ между населеніемъ и православной церковью будетъ шириться съ каждымъ днемъ. Къ тому же имѣются еще причины, которыя, можетъ быть, всего сильнѣе отталкиваютъ населеніе отъ нынѣшнихъ представителей господствующей церкви. Значительная часть высшаго и низшаго духовенства ринулась въ политику, и притомъ въ политику откровенно-черносотенную. Вѣроятно, среди духовныхъ лицъ и въ настоящее время имѣются достойные люди прогрессивнаго направленія. Можетъ быть, ихъ и не мало. Но, волею непреодолимыхъ обстоятельствъ, они должны скрывать свои взгляды. Крикливо дѣйствуютъ сейчасъ духовныя лица противоположнаго типа. И въ силу этого впечатлѣніе получается такое, какъ будто Россія наводнена черносотенными священниками, обратившими церковную каѳедру въ политическую трибуну. Усердствуетъ духовенство, конечно, для того, чтобы заслужить благоволеніе высшаго свѣтскаго и церковнаго начальства—но усердствуетъ такъ, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ даже и начальство недовольно морщится. О любопытномъ фактѣ этого рода сообщаетъ „Южный Край“. Полтавскій корреспондентъ этой газеты пишетъ: „Для будущаго историка жизни духовенства полтавской епархіи не безынтересны отношенія этого духовенства къ союзу русскаго народа, къ тому союзу, во главѣ котораго стоитъ мѣстный архіерей преосвященный Іоаннъ, засѣдающій въ настоящее время въ синодѣ. Въ виду опредѣленнаго политическаго курса въ „верхахъ“, священники стали въ церквахъ произносить проповѣди на политическія темы въ духѣ Дубровина и Восторгова. Священники занимались политикой, зная, что встрѣтятъ сочувствіе въ верхахъ. И въ самомъ дѣлѣ, высшія духовныя сферы довольны такой пастырской дѣятельностью. Иначе посмотрѣла на это свѣтская власть, въ лицѣ губернатора графа Муравьева. Объѣзжая губернію, графъ выслушалъ при встрѣчахъ его священниками не-

мало политическихъ рѣчей опредѣленнаго содержанія. Каждый сельскій батюшка считалъ своимъ нравственнымъ долгомъ засвидѣтельствовать передъ властью свою „благонадежность“ програмной рѣчью. Результаты оказались печальные. По предложенію губернатора, мѣстной духовной консисторіей изданъ слѣдующій приказъ по епархіи: „Полтавскій губернаторъ въ письмѣ на мое имя отъ 1-го іюня сего года сообщилъ мнѣ, что при посѣщеніи имъ церквей Константиноградскаго уѣзда, во время объѣзда губерніи, нѣкоторые священники встрѣчали его програмными политическаго характера рѣчами, которыя болѣе присущи трибуннымъ ораторамъ, а не скромнымъ сельскимъ духовнымъ пастырямъ,—и проситъ сдѣлать распоряженіе, чтобы священники при посѣщеніи имъ церквей воздерживались отъ произнесенія политическихъ рѣчей. Находя со своей стороны произнесеніе политическихъ рѣчей при посѣщеніи губернаторомъ церквей неумѣстнымъ, я предлагаю консисторіи сдѣлать немедленно распоряженіе духовенству епаріи черезъ благочинныхъ, чтобы оно не произносило рѣчей на политическія темы при посѣщеніи губернаторомъ церквей епархіи“. Приказъ этотъ озаглавленъ: „О воспрещеніи духовенству произнесенія политическихъ рѣчей при посѣщеніи губернаторомъ церквей“. Такъ какъ въ приказѣ нѣсколько разъ повторяются слова: „при посѣщеніи губернаторомъ церквей“, то корреспондентъ съ полнымъ основаніемъ иронически спрашиваетъ: „Ну, а въ отсутствіе губернатора можно?“ Разумѣется, не только можно, но и должно. Пока духовенство будетъ думать, что оно своей черносотенной политикой угождаетъ властямъ, оно не очень поспѣшно станетъ выполнять внушенія губернаторской власти, случайной и преходящей... Другіе епископы въ своихъ распоряженіяхъ довольно прямолинейно объ этомъ и заявляютъ. Такъ, напримѣръ, корреспондентъ „Русскаго Слова“ сообщаетъ изъ Рязани: „На журналѣ 43-го очередного епархіальнаго съѣзда о желательности изданія особаго безпартійнаго органа для духовенства губерніи, вмѣсто неоффиціальной части „Епархіальныхъ Вѣдомостей“, епископомъ рязанскимъ и зарайскимъ Никодимомъ положена слѣдующая резолюція: „Что касается до положенія безпартійности, то если разумѣть подъ безпартійностью по отношенію къ органу: онъ не кадетскій, онъ не соціалъ-демократическій, онъ не монархическій и пр., то выйдетъ, что онъ полное ничтожество и произведеніе скудоумія и отталкивающаго безразличія или же онъ хромаетъ на колѣна всѣхъ партій, а заключаетъ въ себѣ всего понемножку—не прочь онъ едино мыслить и съ соціалистами, не прочь онъ и съ кадетами, не прочь онъ и съ октябристами — за конституцію, не прочь даже и за самодержавіе, если положить жалованье 1.200 рублей. Неужели такого безпартійнаго органа захотѣлось отцамъ съѣзда? И тутъ, видимо, краснотой

пахнетъ. Но да не будетъ сего! Кто любитъ свою родину, свои родныя начала духовной жизни, кто не хочетъ смѣшаться съ инородцами во имя космополитизма, а въ особенности—кто любитъ св. вѣру и чтитъ Божіе единодержавіе на небѣ и на землѣ, тотъ не можетъ быть безпартійнымъ. Безпартійность теперь хладность и въ жизни, и въ судьбахъ церкви, а это есть преступленіе противъ отечества и церкви, такъ какъ вѣдь не все же равно послѣдней, кто будетъ властвовать въ Россіи: соціалисты, кадеты, октябристы или монархисты, съ признаніемъ Царя самодержавнымъ".

Еще откровеннѣе дѣйствуютъ епископъ Гермогенъ, о. Иліодоръ, архимандритъ Виталій, о. Восторговъ и многіе другіе пастыри православной церкви. И вотъ эта горячая политическая дѣятельность, можетъ быть, всего рѣшительнѣе способствуетъ отклоненію отъ господствующей и воинствующей церкви новыхъ и новыхъ тысячъ православнаго населенія. Бывало и раньше православное—патріотичнымъ. Но въ тѣ времена не было еще явнаго разрыва значительной части населенія съ правительственною властью. Казенный и церковный патріотизмъ въ большой степени совпадалъ съ народнымъ патріотизмомъ. Въ настоящее время громадныя массы населенія переживаютъ глубокій психологическій переломъ. Народилась уже, растетъ и не умретъ новая государственность. Она еще слаба, она еще въ ранахъ и цѣпяхъ, а старая власть какъ будто попрежнему могущественна и всесильна. Но суть-то въ томъ, что въ Россіи уже живутъ двѣ гражданственности. И сознательно или безсознательно, но почти всякій живой человѣкъ на Руси чувствуетъ, что старый, мрачный режимъ доживаетъ послѣдніе дни или годы, при всемъ своемъ реставрированномъ господствѣ. Новая общественность, новая гражданственность гдѣ-то близко зрѣетъ у таинственнаго порога жизни, и не далекъ моментъ, когда она побѣдносно займетъ мѣсто, принадлежащее ей по праву. Въ роковой борьбѣ россійское духовенство встало на сторону старины. Воспитанному въ вѣковомъ раболѣпствѣ предъ могущественной свѣтской властью духовенству трудно свернуть съ привычной дороги; но пока оно связываетъ себя съ старыми порядками, оно неизбѣжно теряетъ сочувствіе населенія. Равнодушно взирая на смертныя казни, на карательныя экспедиціи, на всю внутреннюю борьбу одной части населенія противъ другой, оффиціальное духовенство возстаетъ противъ всего новаго, назрѣвающаго къ будущей жизни. И этотъ грѣхъ можетъ оказаться для него роковымъ. „Всякій грѣхъ прощается, но только не грѣхъ противъ духа живаго". Не проститъ его новая жизнь, водвореніе которой въ Россіи все же не за горами.

И. Жилкинъ.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ

Первые признаки приближенія общихъ выборовъ.—Несостоятельность дѣйствующей избирательной системы.—Предстоящіе дополнительные выборы въ Государственную Думу. — Государственный Совѣтъ въ до- и послѣ-конституціонное время. — Задачи ближайшаго будущаго.—Казанскій миссіонерскій съѣздъ и „Кишиневскія Епархіальныя Вѣдомости".

Какъ ни далеко еще до того дня, когда окончится срокъ полномочій третьей Государственной Думы, уже и теперь то здѣсь, то тамъ ставится вопросъ о вѣроятномъ исходѣ выборовъ 1912-го года, о вѣроятномъ составѣ четвертой Думы. Въ одной изъ статей, написанныхъ на эту тему, губернскіе выборщики пятидесяти губерній европейской Россіи распредѣлены между двумя группами: „буржуазной" и „пролетарской". Въ составъ первой входятъ 3332 выборщика (2594 отъ землевладѣльцевъ и 738 отъ первой городской куріи), въ составъ второй—1828 (1146 отъ сельскихъ обществъ, 570 отъ второй городской куріи и 112 отъ рабочихъ). Изъ этихъ цифръ авторъ статьи, г. Еропкинъ—членъ союза 17-го октября,—выводитъ заключеніе, что чрезвычайно опасно было бы признать октябристовъ партіей „оппозиціонной, неугодной правительству": это заставило бы ихъ заключить предвыборные блоки не съ правыми партіями, „угодными правительству", а съ лѣвыми—прогрессистами и кадетами. Большинство, такимъ образомъ, могло бы оказаться уже не на сторонѣ „буржуазной", а на сторонѣ пролетарской группы. При такомъ положеніи вещей, по мнѣнію г. Еропкина, „странно было бы рисковать умѣренною Думой въ иллюзорной надеждѣ получить болѣе правую Думу. На чемъ основана эта надежда? На перемѣнѣ общественныхъ настроеній? Но вѣдь сдвигъ вправо существуетъ лишь въ фантазіи крайнихъ правыхъ депутатовъ и ихъ апологетовъ въ печати. Стоитъ побывать въ провинціи и въ деревнѣ, чтобы ясно понять, куда на самомъ дѣлѣ наклоняется этотъ сдвигъ. Указъ 9-го ноября когда-то еще скажется, а пока онъ обозлилъ деревню, обозлилъ ея бѣдноту, а бѣдноты этой до сихъ поръ большинство, и она пошлетъ самыхъ крайнихъ, лѣвыхъ выборщиковъ".

Чрезвычайно характерна для октябризма тѣсная связь, устанавляемая здѣсь между образомъ дѣйствій партіи и отношеніемъ къ ней правительства. Степень оппозиціонности партіи обусловливается не сущностью ея стремленій, а оффиціальной ея оцѣнкой. Согласится

правительство видѣть въ октябристахъ, по прежнему, своихъ союзниковъ—они пойдутъ рука объ руку съ націоналистами, можетъ быть даже съ крайними правыми; не согласится — они вступятъ въ блокъ съ прогрессистами и кадетами... Не это откровенное сознаніе заставляетъ насъ, однако, остановиться на статьѣ г. Еропкина: ея интересъ заключается не въ ней самой, а въ комментаріяхъ, вызванныхъ ею въ оффиціозной газетѣ. Для г. Еропкина — читаемъ мы тамъ — „самой по себѣ Россія какъ будто не существуетъ. Есть только избиратели, которые то лѣвѣютъ, то правѣютъ, и есть политическія партіи, которыя заключаютъ между собою блоки... Россія будто бы не заботится о своемъ положеніи, не стремится къ культурному прогрессу... И притомъ въ Россіи какъ будто все осталось попрежнему, какъ было до реформъ... Вся грандіозная картина сдвинувшейся съ мертвой точки русской дѣловой жизни въ представленіи политическихъ пророковъ застлана пеленой партійныхъ интересовъ“.

Итакъ, съ точки зрѣнія оффиціозной газеты Россія *сама по себѣ*—одно, а русскіе избиратели—другое. Доля истины въ такомъ представленіи безспорно есть, но смыслъ ея далеко не благопріятенъ для казенныхъ публицистовъ. Да, между Россіей и русскими избирателями, при нынѣ дѣйствующемъ положеніи о выборахъ — дистанція огромнаго размѣра. Избирательная система, единственная въ своемъ родѣ по искусственности и узкой тенденціозности, не позволяетъ видѣть въ создаваемомъ ею законодательномъ собраніи дѣйствительное представительство народа. На ея почвѣ неизбѣжно возникаютъ неестественныя комбинаціи, вынужденные союзы, оптическіе обманы. Слабое, отжившее, вымирающее кажется сильнымъ; крѣпнущее и полное жизни заявляетъ о себѣ едва слышно. Чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно взглянуть на цифры, сгруппированныя г. Еропкинымъ. Нормально ли, что половина выборщиковъ приходится на долю сравнительно малочисленнаго класса землевладѣльцевъ? Нормально ли, что внутри этого класса громадное преимущество предоставлено, и de jure, и, тѣмъ болѣе, de facto, меньшинству, состоящему изъ крупныхъ собственниковъ? Нормально ли, что первая городская курія, обнимающая собою однѣ верхушки городского населенія—верхушки въ матеріальномъ, но отнюдь не интеллектуальномъ смыслѣ слова,—выставляетъ больше выборщиковъ, чѣмъ вторая? Нормально ли, что выборщики отъ сельскихъ обществъ, т.-е. отъ массы русскаго народа, составляютъ, вмѣстѣ съ выборщиками отъ рабочихъ, меньше одной четвертой части общаго числа выборщиковъ? Кто искренно желаетъ услышать неподдѣльный голосъ настоящей Россіи, тотъ долженъ, прежде всего, стоять за измѣненіе избирательныхъ порядковъ, за возвращеніе на тотъ путь, который былъ намѣченъ манифестомъ

17-го октября. Тогда, въ поворотный моментъ русской жизни, рѣшено было не только привлечь къ участію въ Государственной Думѣ тѣ классы населенія, которые, въ силу указа 6-го августа, были лишены избирательнаго права, но и „предоставить вновь установленному законодательному порядку дальнѣйшее развитіе начала общаго государственнаго права". Первая часть этого рѣшенія была исполнена, въ извѣстной мѣрѣ, указомъ 11-го декабря 1905-го года; вторая часть его не только осталась неисполненною, но сдѣланъ громадный шагъ въ прямо противоположную сторону. Не будемъ теперь говорить о томъ, насколько этотъ шагъ былъ необходимъ или неизбѣженъ; для насъ достаточно указать на одинъ изъ его результатовъ, невольно признаваемый даже присяжными хвалителями власти. Пока существуютъ правила 3-го іюня, до тѣхъ поръ о томъ, что думаетъ, чего желаетъ Россія, возможны только догадки—догадки, при данномъ настроеніи правительственныхъ сферъ неизмѣнно ведущія къ ошибкамъ. Устранить неизвѣстность, разсѣять мракъ, одинаково опасный для правящихъ и для управляемыхъ, было цѣлью преобразованій, предпринятыхъ пять лѣтъ тому назадъ. Теперь свѣта развѣ немногимъ больше, чѣмъ тогда — и его можетъ дать только продолженіе прерванной работы.

Россія, говорятъ намъ, „сдвинулась съ мертвой точки": она „работаетъ, развиваетъ промышленность, стремится къ культурному прогрессу". Повсюду „масса самыхъ спѣшныхъ, выдвинутыхъ жизнью вопросовъ, требующихъ немедленнаго разрѣшенія и ищущихъ людей, которые бы сумѣли „за нихъ взяться". Особенно много „жизненнаго" представляетъ собою, благодаря „принявшей стихійные размѣры земельной реформы", „необъятный міръ земли и хлѣба". Если все это такъ, то не слѣдуетъ ли дать просторъ наиболѣе активнымъ обитателямъ „необъятнаго міра", не слѣдуетъ ли снять съ нихъ подозрѣніе, лежащее на нихъ вотъ уже четвертый годъ? Мы нисколько не преувеличиваемъ: только такимъ подозрѣніемъ можно объяснить, напримѣръ, то правило, въ силу котораго представитель крестьянства выбирается теперь не одними выборщиками отъ волостей, какъ прежде, по законамъ 6-го августа и 11-го декабря, а *всѣми* губернскими выборщиками, большинство которыхъ принадлежитъ, за рѣдкими исключеніями, къ куріямъ землевладѣльческой и первой городской. А развѣ не „взятіемъ подъ сомнѣніе" народной массы вызвано другое правило, исключившее мѣстныхъ крестьянъ изъ числа избирателей-землевладѣльцевъ и очень значительно уменьшившее, тѣмъ самымъ, численный составъ землевладѣльческой куріи?.. Если „стихійные размѣры", принятые земельной реформой, свидѣтельствуютъ о гармоніи между настроеніемъ крестьянства и видами правитель-

ства, то не пора ли отказаться отъ явно недовѣрчиваго отношенія къ крестьянамъ, положеннаго въ основу преобразованной, 3-го іюня, избирательной системы? Съ другой стороны, если велика потребность въ людяхъ, „умѣющихъ взяться" за очередные вопросы, то не пора ли уничтожить безчисленныя преграды, стѣсняющія свободу выбора (напр. обязательность избранія членовъ Думы изъ среды выборщиковъ, и притомъ, отчасти, изъ опредѣленныхъ ихъ категорій)? Не пора ли, однимъ словомъ, осуществить „начало общаго избирательнаго права" или, по крайней мѣрѣ, приблизиться къ нему, уменьшивъ число избирательныхъ перегородокъ, сословныхъ, классовыхъ и цензовыхъ? Не пора ли замѣнить пестроту и казуистичность избирательнаго закона простыми, широкими основами, свободными отъ предвзятой цѣли? Тогда никому не придетъ въ голову проводить демаркаціонную черту между избирателями и Россіей и искать народную мысль, народную волю въ произвольныхъ предположеніяхъ или въ внушеніяхъ со стороны.

Несовершенство нашего избирательнаго закона и нашей избирательной практики влечетъ за собою еще одно неудобство. На Западѣ дополнительные выборы всегда имѣютъ симптоматическое значеніе: они позволяютъ судить о перемѣнахъ, совершившихся и совершающихся въ общественномъ настроеніи, и предугадывать, съ нѣкоторой вѣроятностью, исходъ ближайшей избирательной кампаніи. У насъ, въ огромномъ большинствѣ случаевъ, это немыслимо, по той простой причинѣ, что выборщики остаются тѣ же и, слѣдовательно, господствующимъ въ ихъ средѣ остается настроеніе, опредѣлившее собою результатъ предъидущихъ общихъ выборовъ. Нельзя сказать, чтобы такой порядокъ былъ неразрывно связанъ съ системой многостепенныхъ выборовъ: она допускаетъ повтореніе, въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, всей избирательной процедуры, т.-е. созывъ избирателей, избраніе новыхъ выборщиковъ и затѣмъ уже избраніе новаго депутата. У насъ это, пожалуй, также было бы осуществимо, хотя и сопряжено съ большими затрудненіями, въ виду крайней сложности нашего избирательнаго аппарата; но при дѣйствіи правилъ 3-го іюня для власти удобнѣе, конечно, не сходить съ почвы, уже испытанной и знакомой—и функція выборщиковъ, по самому своему существу приспособленная къ одному лишь данному моменту, признана длящейся и долгосрочной. Изъ пяти дополнительныхъ избраній, предстоящихъ въ августѣ и сентябрѣ, только одно представляетъ, поэтому, значительный интересъ: избраніе члена Думы первою городскою куріею въ Одессѣ, гдѣ, какъ и въ шести другихъ большихъ городахъ, вве-

дена прямая подача голосовъ. Всѣмъ памятно еще впечатлѣніе, произведенное, осенью прошлаго года, побѣдой оппозиціонныхъ кандидатовъ въ Петербургѣ, Москвѣ и Одессѣ, побѣдой тѣмъ болѣе знаменательной, что въ двухъ послѣднихъ городахъ къ урнамъ была призвана первая курія—предполагаемый оплотъ благонадежныхъ элементовъ. Всего меньше можно было ожидать торжества оппозиціи среди привилегированныхъ избирателей Москвы, за два года передъ тѣмъ поднявшихъ на щитъ представителей октябризма. Въ Одессѣ гарантіей „желательныхъ“ выборовъ служилъ, повидимому, извѣстный режимъ генерала Толмачева. И все-таки первая курія ни тамъ, ни тутъ не оправдала возлагавшейся на нее надежды. Интересно будетъ узнать, что скажетъ она теперь въ Одессѣ, цѣлый годъ, вслѣдствіе печальнаго инцидента съ депутатомъ Бродскимъ, неполно представленной въ Государственной Думѣ... Конечно, не всякое предостереженіе принимается въ разсчетъ тѣми, по адресу которыхъ оно направлено. Избраніе гг. Кутлера, Щепкина и Бродскаго ничего, въ сущности, не измѣнило ни въ настроеніи министерства, ни въ образѣ дѣйствій побѣжденной партіи. Тревога въ средѣ октябристовъ скоро прошла; къ концу сессіи демаркаціонная черта между ними и сосѣдями справа оказалась болѣе стертой, чѣмъ когда бы то ни было. Значеніе факта, однако, отъ этого не пострадало: прошлогодніе выборы остались выраженіемъ недовольства, проникшаго даже въ наиболѣе спокойные и инертные слои населенія. Истекшій съ тѣхъ поръ годъ не принесъ съ собою ничего такого, что могло бы смягчить это недовольство или остановить его распространеніе.

Наличность, въ настоящую минуту, „массы самыхъ спѣшныхъ, выдвинутыхъ жизнью вопросовъ, требующихъ немедленнаго разрѣшенія“, признаетъ, какъ мы видѣли, даже оффиціозная газета. Что же сдѣлано и дѣлается въ этомъ направленіи какъ правительствомъ, такъ и законодательными собраніями? Правительствомъ не законченъ до сихъ поръ пересмотръ положеній земскаго и городового, не закончены давно обѣщанные законопроекты въ области рабочаго вопроса, не составленъ законопроектъ о печати, не внесены въ Государственную Думу взятые изъ нея обратно вѣроисповѣдные законопроекты. Въ Государственной Думѣ, послѣ трехъ длинныхъ сессій, лежатъ не разсмотрѣнными законопроекты о неприкосновенности личности, объ исключительномъ положеніи, о страхованіи рабочихъ, о смертной казни, о бюджетныхъ правахъ законодательныхъ собраній. Изъ Государственнаго Совѣта вышли готовыми, въ теченіе послѣдней сессіи, только два крупныхъ закона: о выдѣлѣ изъ общины и о такъ-назы-

ваемомъ общеимперскомъ законодательствѣ. Остановимся подольше на результатахъ дѣятельности нашей верхней палаты: они заслуживаютъ особаго вниманія.

Если двухпалатная система принята въ настоящее время почти всѣми культурными государствами, это объясняется вовсе не тѣмъ, чтобы надъ каждымъ законопроектомъ одинаково должны были трудиться, примѣняя тѣ же пріемы, останавливаясь на тѣхъ же деталяхъ, два законодательныхъ собранія. Работа не становится лучше отъ многократныхъ повтореній: наоборотъ, они легко могутъ нарушить ея цѣльность и стройность. Прежде, чѣмъ получить ходъ въ законодательномъ порядкѣ, законопроектъ разсматривается въ соотвѣтствующемъ вѣдомствѣ, часто передается на заключеніе экспертовъ, проходитъ черезъ совѣтъ министровъ; въ нижней палатѣ, куда онъ поступаетъ, его подробно разсматриваетъ коммиссія, и только послѣ всей этой длинной и сложной процедуры его принимаетъ, съ измѣненіями или безъ измѣненій, общее собраніе палаты. Очевидно, что не для воспроизведенія того же труда существуетъ верхняя палата. Ея raison d'être заключается въ предупрежденіи ошибокъ, обусловливаемыхъ торопливостью, односторонностью или увлеченіемъ, въ предотвращеніи рѣзкихъ столкновеній между верховной властью и народнымъ представительствомъ. Она умѣряетъ темпъ движенія—все равно, впередъ или назадъ,—если быстрота его грозитъ серьезными затрудненіями; она охраняетъ забытые или намѣренно нарушенные интересы; она смягчаетъ опасность, которою иногда грозитъ меньшинству слишкомъ полное торжество большинства. Степень успѣшности всѣхъ этихъ функцій зависитъ, конечно, отъ организаціи и состава верхней палаты. Чтобы исполнить свое назначеніе, она не должна быть точнымъ снимкомъ съ нижней палаты, простымъ ея дубликатомъ; способъ образованія ея долженъ быть настолько своеобразенъ, насколько это необходимо для ея независимости—и насколько это совмѣстимо съ ея нравственнымъ авторитетомъ. Всего больше верхняя палата отличается отъ нижней, конечно, тогда, когда въ основаніи одной изъ нихъ лежитъ назначеніе, въ основаніи другой—избраніе; но, въ большинствѣ случаевъ, самая глубина различія мѣшаетъ правильному взаимодѣйствію силъ, не столько сопоставленныхъ одна съ другою, сколько противопоставленныхъ одна другой. Наиболѣе высокое мѣсто верхняя палата занимаетъ тамъ, гдѣ она пополняется путемъ избранія, но избранія, построеннаго на иныхъ началахъ, чѣмъ выборъ членовъ нижней палаты. Таковъ, напримѣръ, Сенатъ во Франціи, въ Бельгіи, въ Соединенныхъ Штатахъ сѣверной Америки; такова первая палата въ Нидерландахъ. Вездѣ, гдѣ члены верхней палаты назначаются верховною властью, или отчасти назначаются, отчасти избираются,

отчасти получаютъ это званіе въ силу занимаемыхъ ими должностей или положеній, верхняя палата играетъ мало замѣтную и мало почетную роль парламентскаго „привѣска", а по временамъ — еще менѣе завидную роль тормаза преобразовательныхъ начинаній. Такова палата господъ (или магнатовъ) въ Пруссіи, Австріи и Венгріи, таковъ сенатъ въ Италіи и Испаніи.

Наша верхняя палата принадлежитъ ко второму типу. Составъ Государственнаго Совѣта—смѣшанный; число избираемыхъ членовъ равно числу назначенныхъ, но способъ избранія таковъ, что меньше всего обезпечиваетъ близость избранныхъ къ живымъ силамъ страны. Можно было думать, что значеніе составленной такимъ образомъ палаты будетъ столь же невелико, какъ и значеніе однородныхъ съ нею западно-европейскихъ учрежденій; можно было ожидать, что она удовольствуется пассивною ролью, лишь изрѣдка выходя изъ нея, чтобы отстоять исполнительную власть въ борьбѣ съ Государственной Думой. Такъ, вѣроятно, и случилось бы, если бы не роспускъ первыхъ двухъ Думъ и не положеніе о выборахъ 3-го іюня. Правительство оказалось не нуждающимся въ поддержкѣ—но Государственная Дума оказалась нуждающеюся въ опекѣ. Государственный Совѣтъ явился строгимъ менторомъ, наблюдающимъ за каждымъ шагомъ неопытнаго новичка, тщательно провѣряющимъ все имъ сдѣланное, какъ учитель провѣряетъ работу мало способнаго ученика. Отсюда, прежде всего, крайняя медленность, съ которою дѣйствуетъ Государственный Совѣтъ. Его коммиссіи трудятся по цѣлымъ мѣсяцамъ надъ законопроектами, столь же неспѣшно двигавшимися въ коммиссіяхъ Государственной Думы. Въ теченіе *пяти* мѣсяцевъ, съ октября по мартъ, Государственный Совѣтъ имѣлъ только двадцать четыре общихъ засѣданія, терпѣливо ожидая, пока выйдетъ изъ коммиссіи первый законопроектъ о землеустройствѣ. Въ концѣ сессіи засѣданія назначались чаще, но изъ трехъ вѣроисповѣдныхъ законопроектовъ на очередь былъ все-таки поставленъ только одинъ; два остальные, принятые Думой весною прошлаго года, перешли неразсмотрѣнными въ запасъ слѣдующаго законодательнаго періода. Необыкновенную энергію Государственный Совѣтъ, по примѣру Думы, проявилъ только въ обсужденіи законопроекта объ общимперскомъ законодательствѣ. Меньше, чѣмъ въ три мѣсяца, этотъ проектъ прошелъ по всѣмъ ступенямъ законодательной лѣстницы, и судьба Финляндіи была рѣшена съ такою быстротою, какъ будто бы рѣчь шла объ отраженіи Аннибала, стоящаго у воротъ Рима.

Какъ объяснить положеніе, занятое Государственнымъ Совѣтомъ въ ряду нашихъ молодыхъ законодательныхъ учрежденій? Отчасти, безъ сомнѣнія, тѣмъ, что онъ въ значительной мѣрѣ представляетъ

собою учрежденіе старое. Когда въ западно-европейскихъ государствахъ возникала конституціонная жизнь, верхняя палата формировалась, обыкновенно, заново; изъ высшихъ правительственныхъ слоевъ, сложившихся при прежнемъ режимѣ, въ ея среду вступали отдѣльныя лица, а не цѣлыя коллегіи. Прусская палата господъ, напримѣръ, вовсе не была продолженіемъ до-конституціоннаго государственнаго совѣта, игравшаго, притомъ, гораздо менѣе важную, менѣе активную роль, чѣмъ нашъ до-реформенный Государственный Совѣтъ. Въ новое устройство верхняя палата не вносила, поэтому, опредѣленныхъ традицій, твердо укоренившихся привычекъ, непоколебимой вѣры въ собственную мудрость. Не то мы видимъ у насъ. Старый Государственный Совѣтъ почти цѣликомъ вошелъ въ составъ новаго—и, конечно, остался старымъ. Его члены, знакомые съ техникой законодательной работы, видѣли въ этомъ большое преимущество свое какъ передъ товарищами, внезапно очутившимися рядомъ съ ними, такъ и передъ нижней палатой, самая основа которой—избраніе—несимпатична или, по меньшей мѣрѣ, чужда бюрократическому взгляду. Преобладанію старыхъ, назначенныхъ членовъ Государственнаго Совѣта надъ новыми, выборными благопріятствовали, въ добавокъ, обстоятельства, при которыхъ происходили выборы. Нетрудно было предвидѣть, что власть традиціи не встрѣтитъ противодѣйствія ни со стороны представителей духовенства, ни со стороны избранниковъ дворянства. Немногаго можно было ожидать, въ этомъ отношеніи, и отъ представителей промышленности и торговли, какъ въ виду полуоффиціальнаго характера учрежденій, которымъ ввѣрено ихъ избраніе, такъ и въ виду зависимости торгово-промышленнаго міра отъ правительственныхъ вліяній. Элементъ самостоятельности и близости къ жизни могли, повидимому, внести въ Государственный Совѣтъ представители земскихъ собраній; но организація верхней палаты совпала, по времени, съ торжествомъ въ средѣ земства новыхъ теченій, родственныхъ бюрократическому духу—и вторые выборы (1909-го года) дали результатъ еще менѣе утѣшительный, чѣмъ первые. Новый элементъ внесли въ Государственный Совѣтъ представители академіи и университетовъ—но ихъ немного, и съ присоединеніемъ къ нимъ нѣсколькихъ избранниковъ земства и землевладѣльцевъ вся лѣвая сторона Государственнаго Совѣта располагаетъ только десятью голосами [1]). Рука объ руку съ нею идутъ иногда нѣкоторые изъ безпартійныхъ членовъ Совѣта (ихъ всего насчитывается шестнадцать); но уравновѣсить союзъ громаднаго большинства назначенныхъ съ такимъ же большинствомъ выборныхъ членовъ оппозиція, конечно, не

[1]) См. статью члена Государственнаго Совѣта А. В. Васильева въ № 22 „Запросовъ жизни“.

въ силахъ—а въ этомъ союзѣ господствующая роль естественно принадлежитъ ветеранамъ бюрократіи.

Было же, однако, время, когда изъ среды такихъ ветерановъ выходили сторонники прогресса или, по меньшей мѣрѣ, противники реакціи; было же время, когда въ Государственномъ Совѣтѣ находило хоть нѣкоторый оплотъ то новое, что успѣлъ внести въ русскую жизнь короткій періодъ преобразовательнаго творчества. Да, такое время было; историческія заслуги Государственнаго Совѣта—Совѣта семидесятыхъ и восьмидесятыхъ годовъ — не подлежатъ сомнѣнію. Но, во-первыхъ, обстоятельства тогда были другія, и стоять за сравнительно лучшее противъ несомнѣнно худого было не особенно трудно; во-вторыхъ, движеніе назадъ, продолжавшееся непрерывно болѣе четверти вѣка, не могло не отразиться на составѣ и духѣ высшаго государственнаго учрежденія. Сошли со сцены, одинъ за другимъ, люди, вскормленные идеями сороковыхъ годовъ и выдвинувшіеся на первый планъ благодаря эпохѣ великихъ реформъ—А. П. Заблоцкій-Десятовскій, Е. П. Старицкій, К. К. Гротъ, Е. А. Перетцъ, Н. Х. Бунге и другіе. Ихъ мѣсто заняли, по большей части, дѣятели той мрачной исторической полосы, тѣнь которой лежитъ на всѣхъ сторонахъ настоящаго. Не называя именъ, достаточно припомнить, какъ широко раскрылись двери Государственнаго Совѣта для сподвижниковъ Д. С. Сипягина и В. К. Плеве, когда, въ 1904-мъ году, перестала быть возможной ихъ дальнѣйшая активная дѣятельность. Характеръ назначеній остался, въ главныхъ чертахъ, тотъ же самый и послѣ вступленія Государственнаго Совѣта въ число конституціонныхъ учрежденій. Мѣсто въ Государственномъ Совѣтѣ является, по большей части, завершеніемъ долгой административной карьеры — и вмѣстѣ съ тѣмъ наградой за „правильный" образъ мыслей назначаемаго. Прибавимъ къ этому установившійся на практикѣ порядокъ, въ силу котораго списокъ *присутствующихъ* членовъ Государственнаго Совѣта ежегодно подвергается пересмотру—порядокъ, уничтожающій, de facto, единственную гарантію независимости назначенныхъ членовъ: несмѣняемость. Особую важность пріобрѣтаетъ, въ такой обстановкѣ, *назначеніе* предсѣдателя Государственнаго Совѣта. Сохранять сдержанность, оставаться въ предѣлахъ своей власти назначенному предсѣдателю всегда труднѣе, чѣмъ выборному—но трудное становится почти невозможнымъ, когда собраніе состоитъ изъ двухъ разнородныхъ частей, равныхъ de jure, но неравныхъ de facto, и не привилегированная часть его, въ громадномъ своемъ большинствѣ, не считаетъ ни нужнымъ, ни возможнымъ энергично отстаивать свою равноправность. Мы приводили недавно образцы замѣчаній — или наставленій, — съ которыми предсѣдатель Государственнаго Совѣта обращается иногда къ ораторамъ (большею частью—

изъ числа выборныхъ членовъ). При отсутствіи какихъ бы то ни было путей и средствъ реагированія противъ злоупотребленія предсѣдательскою властью, они не могутъ не отражаться на ходѣ дѣлъ въ Государственномъ Совѣтѣ, еще болѣе нарушая равновѣсіе между элементами, входящими въ составъ нашей верхней палаты.

Ярче, чѣмъ когда-либо, всѣ указанныя нами черты обрисовались въ теченіе послѣдней сессіи Государственнаго Совѣта, можетъ быть потому, что въ то же время окончательно выяснилось „лицо" нынѣшней нижней палаты. Доведенный до nec plus ultra цинизмъ крайней правой, безнадежное убожество вновь явленнаго „націонализма", безграничная уступчивость и непослѣдовательность союза 17-го октября—все это подорвало въ конецъ авторитетъ Государственной Думы (конечно—не народнаго представительства вообще, а только его суррогата, созданнаго положеніемъ 3-го іюня 1907-го года). Часть потеряннаго Думой была, какъ будто бы, пріобрѣтена Государственнымъ Совѣтомъ; сравненіе, невольно напрашивающееся на мысль, оказалось благопріятнымъ для верхней палаты. Въ сущности это не что иное, какъ оптическій обманъ. Въ нѣсколько болѣе приличныхъ формахъ большинство Совѣта дѣлало и дѣлаетъ то же самое, что и большинство Думы: замедляетъ законодательную работу, подчиняется внушеніямъ министерства, стѣсняетъ свободу меньшинства, съ сожалѣніемъ оглядывается на прошлое, преклоняется передъ узко толкуемой формулой: „Россія для русскихъ". Въ концѣ-концовъ активъ Государственной Думы все же богаче, чѣмъ активъ Государственнаго Совѣта. Дума все же не только приняла, но и измѣнила къ лучшему нѣсколько вѣроисповѣдныхъ законопроектовъ—а Государственный Совѣтъ совершенно испортилъ тотъ изъ нихъ, который прошелъ черезъ его руки. Дума высказалась за условное осужденіе, за расширеніе круга дѣйствій защиты; Государственный Совѣтъ отклонилъ и то, и другое, надолго отсрочивъ давно ожидаемый шагъ впередъ въ области уголовнаго процесса. Мы не видимъ, поэтому, никакой причины превозносить нашу верхнюю палату за счетъ нижней. Если событія послѣднихъ трехъ лѣтъ доказали съ полною ясностью недостатки закона, опредѣляющаго составъ Государственной Думы, то столь же ясно они раскрыли настоятельность коренной реформы Государственнаго Совѣта. Если онъ мѣшаетъ перемѣнамъ къ лучшему даже теперь, когда ихъ предпринимается такъ немного, то чего же можно ожидать отъ него тогда, когда закончится эпоха застоя и регресса?

Существуетъ французская поговорка: dis moi qui tu hantes—je te dirai qui tu es. Ее можно было бы передѣлать такъ: „скажи мнѣ, кто тебя хвалитъ—я скажу тебѣ, что ты такое". Непріятнѣе самаго рѣзкаго порицанія должны быть для Государственнаго Совѣта похвалы,

идущія изъ мутнаго источника. „Что дѣлаетъ большую честь Государственному Совѣту“ — говоритъ одинъ изъ наименѣе почтенныхъ его панегиристовъ,—„здѣсь гораздо болѣе, чѣмъ въ Государственной Думѣ, чувствуется скрытая, закулисная государственная работа. Сюда являются люди многоопытные въ государственномъ отношеніи, люди, которыхъ жизнь учила и такъ, и этакъ, и для которыхъ ничего нѣтъ новаго подъ солнцемъ. Всѣ мыслимые вопросы на ихъ памяти поднимались не разъ, и не разъ опускались въ бездну небытія. О каждомъ вопросѣ приходилось не однажды и читать, и думать“. Читая эти строки, можно предположить, что онѣ касаются не бывшихъ губернаторовъ, прокуроровъ, министровъ, корпусныхъ командировъ, а мудрецовъ, извѣдавшихъ все земное, глубоко проникшихъ мыслью въ прошлое, не разъ задумывавшихся надъ будущимъ. На самомъ дѣлѣ къ работѣ, которую несло большинство назначенныхъ членовъ Государственнаго Совѣта, меньше всего примѣнимо названіе *государственной*; въ лучшемъ случаѣ она была дѣловою, въ худшемъ—формальною, канцелярскою, бумажною. Вопросовъ, которыхъ она не затрагивала вовсе, несравненно больше, чѣмъ вопросовъ, сколько-нибудь ею выясненныхъ и освѣщенныхъ. На высшихъ ступеняхъ государственной службы, многія задачи первостепенной важности еще недавно считались какъ бы несуществующими и не имѣющими права на существованіе; ихъ нельзя было ставить — и, слѣдовательно, въ оффиціальныхъ сферахъ о нихъ незачѣмъ было и помышлять. Тѣ изъ нихъ, которыя внезапно и неожиданно были выдвинуты на очередь, были, сплошь и рядомъ, новыми именно для сановниковъ, состарившихся вдали отъ народной жизни—болѣе новыми, быть можетъ, чѣмъ для молодыхъ людей, выросшихъ и созрѣвшихъ въ самой скромной житейской обстановкѣ...

Мудрость, всеобъемлющая и все предусмотрѣвшая— не единственное свойство, приписываемое Государственному Совѣту. Члены его— разумѣется, за исключеніемъ „оппозиціонныхъ“ (къ категоріи каковыхъ причисляются гг. Манухинъ, Шиповъ, Извольскій, кн. Оболенскій!), обладаютъ еще другимъ драгоцѣннымъ качествомъ: любовью, доходящею до „чуднаго безумія“. Необходимо—говорятъ намъ—„такъ любить отечество, чтобы это чувство застилало глаза и чтобы даже дурное сознавалось какъ хорошее; вѣдь нуженъ же хлороформъ при операціяхъ“. И вотъ, именно такъ любящихъ Россію въ Государственномъ Совѣтѣ оказывается особенно много. Доказательство этому приводится только одно: принятіе громаднымъ большинствомъ финляндскаго законопроекта!... Съ завязанными глазами изображали до сихъ поръ только правосудіе, въ лицѣ Ѳемиды; никому не приходило въ голову примѣнять этотъ аттрибутъ къ олицетворенію законодательныхъ функцій. Новѣйшіе апологеты реакціонныхъ силъ

ont changé tout cela; имъ нужно достигнуть, такъ или иначе, того, чтобы „дурное сознавалось хорошимъ". Они упускаютъ изъ виду, что хлороформъ во время операцій нуженъ для больныхъ, а не для операторовъ... И что это за любовь, производящая нѣчто въ родѣ наркоза? Какъ отличить ее отъ другихъ чувствъ, вовсе на нее не похожихъ? Мы лучшаго мнѣнія о большинствѣ Государственнаго Совѣта, чѣмъ его черезчуръ усердный хвалитель: мы убѣждены, что оно отдавало себѣ ясный отчетъ въ смыслѣ своихъ рѣшеній и меньше всего руководилось чѣмъ-то въ родѣ сентиментальнаго аффекта.

„Населеніе — такъ заканчивается статья „Россіи", о которой мы говорили въ началѣ обозрѣнія—идетъ впередъ, и долгъ законодателя— облегчить и упорядочить поступательное движеніе страны". Въ другой статьѣ оффиціозная газета даетъ перечень того, что нужно для достиженія этой цѣли: „практическая система школьнаго образованія, прочное административное устройство и практическое самоуправленіе, простой и доступный народу судъ, твердое и ясное право собственности". „Выработать все это —читаемъ мы дальше — и согласить въ разрѣшеніи этихъ задачъ права народа-строителя имперіи съ правами другихъ русскихъ подданныхъ, сохранить имперію русской, а не космополитической — вотъ тѣ основы русскаго законодательства, за которыя должно быть и будетъ благомыслящее большинство русскаго народа. Ибо не въ борьбѣ партій—залогъ лучшаго будущаго, а въ практичности ихъ работы, въ пониманіи потребностей русской жизни и въ здравой оцѣнкѣ мѣръ къ ихъ удовлетворенію". Оставимъ въ сторонѣ вопросъ о правѣ казенныхъ перьевъ говорить отъ имени русскаго народа или хотя бы отъ имени „благомыслящаго" его большинства; не будемъ останавливаться ни на пробѣлахъ программы, претендующей на исчерпывающую полноту, ни на странномъ представленіи о „борьбѣ партій", какъ о чемъ-то совершающемся въ безвоздушномъ пространствѣ, а не на почвѣ различнаго пониманія „потребностей жизни и мѣръ къ ихъ удовлетворенію". Для нашей цѣли достаточно отмѣтить настойчивость, съ которою имперія *русская* противопоставляется имперіи *космополитической*. Русскою въ смыслѣ одноцвѣтности и однохарактерности россійская имперія могла бы стать лишь въ такомъ случаѣ, если бы русская національность поглотила или ассимилировала всѣ остальныя части населенія—а это не только нежелательно, но и неосуществимо. Не можетъ россійская имперія, съ другой стороны, и перестать быть русскою—въ смыслѣ естественнаго, ничѣмъ не вынуждаемаго преобладанія русской національности,— если къ численному перевѣсу русскаго племени присоединится

перевѣсъ культурный или, по меньшей мѣрѣ, культурное равенство. *Сохранить* имперію русскою, въ послѣднемъ, единственномъ мыслимомъ значеніи этого слова, можетъ только непрерывное, свободное развитіе русскаго народа. Попытки искусственной или насильственной руссификаціи не удавались даже тогда, когда условія для нихъ были, повидимому, гораздо болѣе благопріятны. *Согласованіе* правъ, о которомъ говоритъ „Россія", не можетъ быть ничѣмъ инымъ, какъ нарушеніемъ правъ одной стороны, безъ всякой пользы для другой. Въ самомъ дѣлѣ, что могутъ выиграть коренные русскіе отъ ограниченій, налагаемыхъ на не-русское и не-русскихъ? На этотъ вопросъ нетрудно найти отвѣтъ въ недавнемъ прошломъ. Никогда русскому народу не жилось хуже, чѣмъ въ эпоху торжества формулы: „Россія для русскихъ"—и никогда не терпѣла столь тяжелыхъ ударовъ русская имперія. Безправіе однихъ не можетъ служить для другихъ прочной опорой права. Съ развитіемъ истинной гражданственности несовмѣстимо существованіе „гражданъ второго разряда". А между тѣмъ, созданіе и увѣковѣченіе такого разряда принадлежитъ къ числу модныхъ мечтаній, стоящихъ, быть можетъ—въ той или другой своей части—на порогѣ факта. На страницахъ изданій, замалчивающихъ худшія черты современной дѣйствительности, слышатся зловѣщія рѣчи о „національномъ цензѣ"—и смягченнымъ ихъ отголоскомъ являются приведенныя нами выше слова „Россіи". Ничего добраго не предвѣщаетъ усиленное подчеркиваніе заслугъ русскаго народа, какъ *строителя имперіи*. Какъ сложилось государство — это вопросъ прошлаго; въ современномъ его устройствѣ не должно быть различій между завоевателями и завоеванными, особенно когда послѣ завоеваній прошли десятилѣтія, прошли вѣка. Ужъ если нужно почтить чѣмъ-нибудь „строителя имперіи", то всего правильнѣе было бы снять съ него подозрѣніе, тяготѣющее, какъ мы видѣли, надъ народной массой, и возвратить крестьянству хотя бы то положеніе, которое оно занимало въ политической жизни страны до 3-го іюня 1907-го года.

Кто дорожитъ душевнымъ спокойствіемъ, тому не слѣдовало бы, въ настоящее время, слѣдить за западно-европейскаго жизнью: слишкомъ великъ, во многомъ, контрастъ между нею и русскою дѣйствительностью. Ограничимся двумя примѣрами, заимствуемыми изъ „Русскихъ Вѣдомостей" (№ 159). Въ баварскомъ ландтагѣ разсматривалось недавно предложеніе о закрытіи южно-германскаго союза желѣзнодорожныхъ рабочихъ, на томъ основаніи, что онъ находится подъ вліяніемъ соціалъ-демократовъ. Министръ путей сообщенія, фонъ-Фрауэндорферъ, отклонилъ это предложеніе, сказавъ, между прочимъ, слѣдующее: „Достаточно было бы росчерка пера для того, чтобы закрыть союзъ; но осторожный человѣкъ долженъ задать себѣ вопросъ,

чего онъ такимъ мѣропріятіемъ достигнетъ. Тщательно взвѣшивая всѣ условія, я прихожу къ заключенію, что этого дѣлать не слѣдуетъ. Такимъ способомъ мы не истребимъ соціалъ-демократіи среди желѣзнодорожныхъ служащихъ... Мы, наоборотъ, этимъ достигли бы лишь того, что радикальные элементы возьмутъ верхъ. Историческій опытъ показываетъ ошибочность мнѣнія, что подобнаго рода мѣропріятіями можно уничтожить сильное движеніе. Мы теперь знаемъ, что князь Бисмаркъ совершилъ ошибку, издавъ законъ противъ соціалистовъ... Я не хочу повторить даже въ малыхъ размѣрахъ такой ошибки. Съ соціалъ-демократіей можно бороться только путемъ исполненія справедливыхъ требованій рабочихъ, въ смыслѣ соціально-реформаторской политики".

Почти въ то же время въ верхней палатѣ баденскаго парламента министръ фонъ-Бодманъ также коснулся вопроса объ отношеніи къ соціалъ-демократіи. „Нельзя видѣть въ соціалъ-демократическомъ движеніи,—сказалъ онъ,—только ненормальное явленіе. Слѣдуетъ признать утопическимъ отрицаніе монархіи и борьбу противъ капиталистическаго строя. Но соціалъ-демократія является вмѣстѣ съ тѣмъ значительнымъ движеніемъ, направленнымъ къ поднятію четвертаго сословія, незажиточныхъ слоевъ населенія, которые также желаютъ участвовать въ развитіи нашего государственнаго и общественнаго организма. Имъ мы должны пойти на встрѣчу. Мы должны изучить ихъ требованія. Неудовлетвореніе во-время обоснованныхъ требованій является ошибкой". Къ словамъ министра вполнѣ присоединился и предсѣдатель баденской верхней палаты, принцъ Максъ, наслѣдникъ баденскаго престола... Намъ могутъ замѣтить, что крайніе лѣвые въ Германіи, особенно въ Баваріи и Баденѣ, не сходятъ съ легальной почвы, вслѣдствіе чего оказывается возможнымъ и строго легальное, даже благожелательное къ нимъ отношеніе; но развѣ нельзя переставить обѣ части этого положенія одну на мѣсто другой и сказать, что легальнымъ отношеніемъ къ партіи обусловливается ея вѣрность легальной почвѣ?

Два года тому назадъ печальнымъ „признакомъ времени" явился миссіонерскій съѣздъ, засѣдавшій въ Кіевѣ. Закрывшійся недавно казанскій миссіонерскій съѣздъ отличается отъ кіевскаго, въ сущности, только тѣмъ, что, собравшись на восточной окраинѣ европейской Россіи, онъ неизбѣжно долженъ былъ заняться, прежде всего и больше всего, вопросами борьбы съ язычествомъ и магометанствомъ [1]). Въ одной симбирской губерніи за четыре послѣдніе года перешло въ му-

---

[1]) См. №№ 146 и 148 „Русскихъ Вѣдомостей".

сульманство около четырехъ тысячъ человѣкъ, въ томъ числѣ немало исконныхъ православныхъ. Опаснымъ соперникомъ является и ламаизмъ, изъ духовныхъ школъ котораго выходятъ широко образованные и умственно развитые люди. А между тѣмъ, православная миссія, по признанію авторитетныхъ членовъ съѣзда, обратилась въ профессію, въ способъ кормленья; ей недостаетъ одинаково и духовной ревности, и матеріальныхъ средствъ. Таково положеніе дѣлъ, созданное недавно господствовавшей системой. Ея недостатки были открыто признаны органами печати, близкими къ духовенству: одинъ изъ нихъ—„Сотрудникъ Братства св. Гурія“ — прямо рекомендовалъ съѣзду „не надѣяться ни на какую внѣцерковную помощь“. Ту же мысль выразилъ даже носитель побѣдоносцевскихъ завѣтовъ, г. Скворцовъ: „не поворотами назадъ,—воскликнулъ онъ,—не репрессіями и не полицейскими мѣрами должна дѣйствовать миссія“. Нелегко и нескоро, однако, исчезаютъ глубоко вкоренившіяся привычки. По предложенію ламайской своей секціи, казанскій съѣздъ постановилъ, между прочимъ: 1) „представить на благоусмотрѣніе высшаго начальства свѣдѣнія о существованіи (среди калмыковъ) невызываемыхъ духовными нуждами населенія хуруловъ, имѣющихся иногда въ одной и той же станицѣ рядомъ, и 2) обратить вниманіе высшаго начальства на несоотвѣтствіе съ званіемъ членовъ духовенства участія ихъ въ дѣлахъ станичнаго правленія, въ виду того, что ламайское духовенство есть орденъ монашескій и должно вести отшельническую жизнь, а не мірскую“. Когда одинъ изъ членовъ съѣзда замѣтилъ, что подобныя мѣры имѣютъ чисто-полицейскій характеръ, ему возразили, что постановленія съѣзда—только *освѣдомительныя*, что онъ обращается къ правительству не съ требованіями, а съ просьбами. Но развѣ прежніе призывы „къ свѣтской рукѣ“ предъявлялись въ видѣ требованій? Развѣ центръ тяжести лежитъ въ томъ, въ какой формѣ „высшее начальство“ освѣдомляется о желаніяхъ духовенства, а не въ томъ, чего касается самая суть этихъ желаній? Не очевидно ли, что къ мѣрамъ духовнаго воздѣйствія, къ „духовнымъ лекарствамъ противъ духовной болѣзни“ нельзя отнести ни сокращеніе числа мѣстъ, гдѣ ламаиты собираются для молитвы, ни ограниченіе свѣтскихъ функцій ламайскаго духовенства? И кого могутъ ввести въ заблужденіе увѣренія членовъ съѣзда, что ими руководитъ „состраданіе къ калмыцкому народу, безсовѣстно обираемому ламайскимъ духовенствомъ“?

Болѣе общее значеніе имѣютъ постановленія съѣзда, касающіяся „упорнаго и мятежнаго противохристіанскаго духа и направленія въ жизни современнаго общества“—направленія, въ которомъ повинны не только „нѣкоторые литературные писатели, издатели и сотрудники періодическихъ журналовъ и газетъ“, но и „нѣ-

которые государственные дѣятели" [1]). Съѣздъ рѣшилъ ходатайствовать передъ синодомъ о примѣненіи ко всѣмъ подобнымъ лицамъ церковныхъ правилъ и постановленій, „во всей ихъ полнотѣ и силѣ", и объ учрежденіи при синодѣ особаго комитета для наблюденія „за всей церковной и свѣтской печатью". Если бы рѣчь шла только о составленіи списка „предосудительныхъ", съ извѣстной точки зрѣнія, сочиненій и періодическихъ изданій, столь же мало обязательнаго, какъ римскій index librorum prohibitorum, то съ этимъ нетрудно было бы примириться; но не таковъ, повидимому, истинный смыслъ резолюціи казанскаго съѣзда. Платоническимъ осужденіемъ духовная власть, издавна привыкшая искать и находить опору въ власти свѣтской, довольствоваться не можетъ: за „особымъ комитетомъ" виднѣются попытки возстановленія духовной, а можетъ быть и свѣтской цензуры. Вѣдь не ограничились же іерархи, возставшіе противъ „Анатэмы", увѣщаніемъ не ходить на представленія этой пьесы: они успокоились только тогда, когда она была изъята изъ театральнаго репертуара... Любопытно было бы узнать, кого именно имѣлъ въ виду казанскій съѣздъ, говоря о „государственныхъ дѣятеляхъ", зараженныхъ „языческимъ духомъ"? Отчего онъ не назвалъ, хотя бы для примѣра, нѣсколькихъ именъ, въ pendant къ Леониду Андрееву и другимъ литераторамъ-язычникамъ? И гдѣ онъ усматриваетъ опасность для церкви: въ средѣ ли только народныхъ представителей, или также—horribile dictu!—въ средѣ высшей бюрократіи?..

Что носители церковной власти не отступаютъ передъ борьбой съ государственными дѣятелями—объ этомъ свидѣтельствуетъ походъ, предпринятый въ бессарабской епархіи противъ министерства народнаго просвѣщенія. Приведемъ in extenso характерное заявленіе, появившееся на-дняхъ въ „Кишиневскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ": „Однимъ изъ главныхъ оплотовъ русской имперіи всегда было, есть и будетъ русское православное духовенство, русская православная церковь. И эта русская твердыня, православная церковь, унижена. Она унижена Госуд. Думой. Въ засѣданіи 5 іюня обсуждался законопроектъ, внесенный оберъ-прокуроромъ св. синода, объ ассигнованіи изъ казны 232 тыс. руб. на увеличеніе содержанія служащихъ въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ, примѣнительно къ окладу жалованья, установленному министромъ народнаго просвѣщенія. Этотъ законопроектъ въ томъ же засѣданіи былъ отклоненъ Гос. Думой. Мы склонны видѣть причины такого отношенія Гос. Думы къ духовенству въ томъ, что какъ сама Дума, такъ и министерство народнаго просвѣщенія боятся, какъ бы духовная школа не оказалась выше ми-

---

[1]) См. выше, провинціальное обозрѣніе.

нистерской. Эта боязнь, очевидно приспѣшниковъ министерства народнаго просвѣщенія, сказалась и въ отклоненіи законопроекта о прибавкѣ жалованья служащимъ въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ. М-во народнаго просвѣщенія, подобно библейскимъ тощимъ египетскимъ коровамъ фараона, пожиравшимъ тучныхъ коровъ и остававшимся тощими, пожирая въ своихъ нѣдрахъ лучшія силы духовнаго вѣдомства, благодаря приманкѣ въ болѣе обезпеченномъ положеніи служащихъ по министерству, само остается попрежнему тощимъ: оно изъ года въ годъ оставляетъ многія штатныя каѳедры при университетахъ и многія среднія заведенія безъ педагоговъ по важнѣйшимъ предметамъ. Министерство народнаго просвѣщенія умѣетъ держать духовенство въ черномъ тѣлѣ. Одной рукой вырывая изъ рукъ духовнаго вѣдомства церковныя школы, другой рукой опустошая духовно-учебныя заведенія, покупая изъ него 30 серебренниками лучшихъ сыновъ русскаго православнаго духовенства,—это министерство и является самымъ главнымъ недоброжелателемъ русскаго православнаго духовенства, русской православной церкви".

Чтобы оцѣнить по достоинству эту выходку, необходимо имѣть въ виду, что въ засѣданіи 5-го іюня коммиссія по народному образованію—къ членамъ которой только и можетъ быть примѣненъ, хотя и безъ достаточныхъ основаній, терминъ: „приспѣшники министерства народнаго просвѣщенія" — высказалась за ассигнованіе всей суммы, о которой ходатайствовалъ синодальный оберъ-прокуроръ. Бюджетная коммиссія возражала противъ части этой суммы (46 тысячъ), по соображеніямъ, не заключавшимъ въ себѣ ничего оскорбительнаго для духовнаго вѣдомства. Въ этихъ предѣлахъ и вращались пренія, въ которыхъ не принимали участія ни представители синода, ни представители министерства народнаго просвѣщенія, а изъ среды членовъ Думы говорили лишь трое, и всѣ — за спорную ассигновку. Отклоненіе *всего* законопроекта, только-что передъ тѣмъ признаннаго спѣшнымъ, было, очевидно, случайностью, зависѣвшею, по всей вѣроятности, отъ незначительности числа присутствовавшихъ (противъ законопроекта было подано 83 голоса, за—65, при шести воздержавшихся). Въ протестѣ, заявленномъ епископомъ Митрофаномъ противъ рѣшенія Думы, нѣтъ ни малѣйшаго намека на какое-нибудь закулисное вліяніе, на соперничество между вѣдомствами. Онъ назвалъ отклоненіе кредита „политической демонстраціей"—а въ такой демонстраціи ни прямо, ни косвенно не могло участвовать министерство народнаго просвѣщенія, столь же „согласно мыслящее", какъ и вѣдомство православнаго исповѣданія. О боязни, какъ бы духовная школа не оказалась выше министерской, не можетъ быть и рѣчи: какъ ни много оставляетъ желать послѣдняя, всѣмъ извѣстно, что

еще менѣе удовлетворительна первая. Въ *вырываніи* церковно-приходской школы изъ рукъ духовнаго вѣдомства министерство народнаго просвѣщенія, къ сожалѣнію, неповинно: если оно и идетъ къ объединенію начальнаго образованія, къ прекращенію двоевластія, такъ вредно отражающагося на его развитіи, то слишкомъ робкими, слишкомъ нерѣшительными шагами... И что это за „лучшіе сыны“ русскаго православнаго духовенства, которыхъ можно купить „тридцатью серебренниками?...

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ

Русско-японское соглашеніе.—Новыя манчжурскія заботы и обязательства.—Опасныя послѣдствія старыхъ ошибокъ.—Вызывающая политика Ватикана.—Политическій кризисъ въ Испаніи.—Внутреннія дѣла въ Германіи и во Франціи.

Новая русско-японская конвенція, подписанная 21-го іюня (4-го іюля нов. ст.) нашимъ министромъ иностранныхъ дѣлъ А. П. Извольскимъ и японскимъ посломъ въ Петербургѣ барономъ Мотоно, достаточно ясно опредѣляетъ новый курсъ нашей политики на Дальнемъ Востокѣ. Россія не отказывается отъ своихъ „пріобрѣтенныхъ правъ“ въ Манчжуріи и думаетъ сохранить ихъ при помощи японской дружбы. Недавніе враги и соперники становятся для насъ союзниками, съ которыми мы готовимся, въ случаѣ надобности, совмѣстно дѣйствовать въ Китаѣ для защиты существующаго statu quo отъ возможныхъ притязаній другихъ державъ. Въ 1907-мъ году, послѣ состоявшихся конвенцій о манчжурскихъ желѣзныхъ дорогахъ и о рыбной ловлѣ, Россія и Японія въ особомъ дипломатическомъ актѣ выразили рѣшимость „укрѣпить столь счастливо возстановленныя мирныя дружескія и добрососѣдскія отношенія и устранить возможность будущихъ недоразумѣній между обѣими имперіями“. Теперь сдѣланъ дальнѣйшій шагъ на этомъ пути—шагъ болѣе серьезный, чѣмъ всѣ предыдущіе. Приводимъ оффиціальный текстъ конвенціи 21-го іюня:

„Императорское россійское правительство и императорское японское правительство, будучи искренне привержены тѣмъ принципамъ, которые установлены заключенной между ними 17 (30) іюля 1907 года конвенціею и желая развить дѣйствіе этой конвенціи въ видахъ упроченія мира на Дальнемъ Востокѣ, условились дополнить сказанное соглашеніе нижеслѣдующими постановленіями:

„Статья 1. Съ цѣлью облегченія сообщенія и развитія международной торговли обѣ высокія договаривающіяся стороны обязуются оказать взаимное свое дружеское содѣйствіе въ видахъ улучшенія ихъ желѣзнодорожныхъ линій въ Манчжуріи и введенія усовершенствованій въ дѣлѣ соединенія сказанныхъ желѣзныхъ дорогъ и воздерживаться отъ всякаго вреднаго для осуществленія этой цѣли соперничества.

„Статья 2. Каждая изъ высокихъ договаривающихся сторонъ обязуется поддерживать и уважать statu quo Манчжуріи въ томъ видѣ, какъ оно установлено всѣми договорами, конвенціями и прочими соглашеніями, заключенными до сего дня какъ между Россіей и Японіей, такъ и между этими двумя державами и Китаемъ. Копіи вышесказанныхъ соглашеній были обмѣнены между Россіей и Японіей.

„Статья 3. Въ случаѣ возникновенія какихъ-либо событій, могущихъ угрожать вышеупомянутому statu quo, обѣ высокія договаривающіяся стороны будутъ входить между собою каждый разъ въ сношенія, дабы условиться относительно тѣхъ мѣръ, которыя онѣ сочтутъ нужнымъ принять для поддержанія сказаннаго statu quo.

„Въ удостовѣреніе чего нижеподписавшіеся, надлежаще уполномоченные своими правительствами, подписали эту конвенцію и приложили къ ней свои печати“.

Общій смыслъ этой конвенціи сводится къ тому, что Россія и Японія какъ будто подѣлили между собою Манчжурію и условились не допускать никакихъ „постороннихъ“ государствъ къ участію въ ея внутреннихъ дѣлахъ. Первый пунктъ, касающійся взаимнаго дружескаго содѣйствія въ улучшеніи и развитіи желѣзнодорожной сѣти, категорически устраняетъ такіе проекты, какъ недавнее американское предложеніе о нейтрализаціи манчжурскихъ дорогъ, съ передачей ихъ международному синдикату, для обезпеченія интересовъ свободной торговли по принципу „открытыхъ дверей“. О коммерческихъ и прочихъ правахъ другихъ культурныхъ державъ совершенно не упоминается въ конвенціи; ничего не сказано также о правахъ самого Китая. Поддержаніе statu quo имѣетъ въ виду положеніе вещей, созданное договорами какъ между Россіею и Японіею, такъ между послѣдними и Китаемъ; но нѣтъ и намека на то, что кромѣ этихъ международныхъ договоровъ существуетъ еще внутренняя формальная связь между Манчжуріею и Китайской имперіей. Изъ текста конвенціи можно заключить, что Манчжурія вовсе не признается китайской провинціею и что Китай не имѣетъ на нее никакихъ реальныхъ правъ; оттого и обязанность охранять ея statu quo берутъ на себя Японія и Россія, безъ всякаго участія китайскаго правительства. Самый важный пунктъ — третій — поражаетъ крайней неопредѣлен-

ностью и эластичностью своей формулировки. Какія событія будутъ считаться „могущими угрожать“ упомянутому status quo—объ этомъ трудно гадать заранѣе, такъ какъ въ подобныхъ случаяхъ все зависитъ отъ субъективныхъ взглядовъ и впечатлѣній заинтересованныхъ сторонъ. „Угрожающимъ“ для Японіи можетъ оказаться нѣчто безразличное или даже благопріятное для Россіи, и наоборотъ, такъ что для совмѣстной оцѣнки положенія не всегда найдется подходящая почва, а практическій выводъ будетъ дѣлаться обѣими державами по взаимному соглашенію, безъ вѣдома и согласія Китая. Японія и Россія „будутъ входить между собою каждый разъ въ сношенія“, чтобы условиться относительно необходимыхъ мѣръ для охраны status quo; но къ этимъ переговорамъ не привлекается именно та держава, къ составу которой принадлежитъ охраняемая область. Притомъ во второмъ и третьемъ пунктахъ конвенціи нѣтъ уже и рѣчи о желѣзныхъ дорогахъ, а говорится вообще объ охранѣ даннаго положенія Манчжуріи. Какъ же опредѣлить теперь это положеніе съ точки зрѣнія новой русско-японской сдѣлки? Манчжурія не занята иностранными войсками; она не отдѣлена отъ Китая, и всѣ существующіе договоры разсматриваютъ ее какъ несомнѣнную часть Китайской имперіи. Между тѣмъ, Китай фактически устраняется даже отъ охраны status quo въ Манчжуріи, и эта забота цѣликомъ передается двумъ постороннимъ государствамъ, къ которымъ китайцы не могутъ относиться иначе какъ враждебно и которыя еще недавно воевали между собою именно изъ-за Манчжуріи.

Новая конвенція встрѣчена была многими, у насъ и за границей, какъ залогъ дальнѣйшаго упроченія мира на Дальнемъ Востокѣ. Въ дѣйствительности она сильно запутываетъ наши отношенія съ Китаемъ и создаетъ для Россіи постоянный источникъ опасныхъ затрудненій и конфликтовъ, изъ которыхъ будетъ извлекать пользу одна Японія. Мы не сомнѣваемся, что наше министерство иностранныхъ дѣлъ при заключеніи конвенціи имѣло ту хорошую цѣль, которая указана въ ея вступительныхъ словахъ, а именно—„упроченіе мира на Дальнемъ Востокѣ“; но средства, выбранныя для этой цѣли, должны быть признаны крайне неудачными. Прежде всего является непонятнымъ, на чемъ можетъ основываться предположеніе безусловнаго взаимнаго довѣрія и солидарности между Россіею и Японіею послѣ всѣхъ событій послѣдняго десятилѣтія. Японія призвана къ активной, наступательной роли на Дальнемъ Востокѣ; въ сущности она—единственная активная, сознательно дѣйствующая держава въ восточной Азіи, и быть заодно съ нею, дѣйствовать съ нею совмѣстно, значило бы для Россіи заранѣе подчиниться японскому руководству. Русская дипломатія не имѣла никакого разумнаго основанія ставить политику и

интересы Россіи въ зависимость отъ намѣреній и цѣлей Японіи. Если японцы соперничаютъ съ американцами въ восточно-азіатской торговлѣ и стараются вытѣснить ихъ изъ Манчжуріи, то намъ нѣтъ смысла ссориться изъ-за этого съ Соединенными Штатами. Японія можетъ съ успѣхомъ распоряжаться въ доступныхъ ей областяхъ Китая, не заботясь о чувствахъ китайскаго населенія; она можетъ со временемъ—если пожелаетъ—помириться съ Китаемъ и вступить съ нимъ въ союзъ противъ иностранцевъ, потому что все-таки китайцевъ связываетъ съ японцами расовое родство и общность культурныхъ традицій. Россія же крайне заинтересована въ томъ, чтобы возстановить и упрочить мирныя довѣрчивыя отношенія съ Китаемъ, и она должна была бы рѣшительно избѣгать всякихъ мѣръ, способныхъ возбудить противъ нея вражду и ненависть китайскаго народа. Манчжурская дорога приноситъ намъ только одни убытки, никакихъ выгодъ мы не получимъ отъ нея и въ будущемъ; поэтому мы могли бы только выиграть при продажѣ ея въ другія руки, тогда какъ для Японіи манчжурская желѣзнодорожная сѣть служитъ орудіемъ торговаго преобладанія и господства въ значительной части Китая. Сближеніе съ Японіею само по себѣ въ высшей степени намъ желательно и полезно, но еще болѣе необходимо для насъ возстановленіе старинныхъ связей добраго сосѣдства съ пограничною Китайской имперіей. Соглашеніе съ Японіею для вызывающихъ дѣйствій противъ Китая, съ цѣлью удержанія какихъ-то эфемерныхъ правъ на Манчжурію—это самая худшая политика, какую можно было бы придумать для Россіи. Очень можетъ быть, что вредныя стороны конвенціи 21-го іюня останутся безъ осуществленія на практикѣ и что никакихъ совмѣстныхъ вызывающихъ мѣръ противъ Китая предпринято не будетъ; но нельзя отрицать, что вся конвенція, по внутреннему своему смыслу, представляетъ собою безпричинный вызовъ по адресу Китая и китайскаго правительства. Когда побѣдоносныя державы распоряжаются въ предѣлахъ чужой территоріи, это объясняется правомъ силы, и побѣжденные невольно мирятся съ своею печальною участью. Китайцы отчасти уже привыкли къ тому, что въ Манчжуріи хозяйничаютъ могущественные иностранные пришельцы; но когда это фактическое хозяйничанье дѣлается предметомъ публичныхъ оффиціальныхъ соглашеній, игнорирующихъ права дѣйствительныхъ хозяевъ страны, то къ элементу насилія и произвола присоединяется еще элементъ жгучей обиды и насмѣшки, особенно нестерпимой для такого народа, который только вслѣдствіе несчастныхъ временныхъ обстоятельствъ чувствуетъ себя неспособнымъ къ сопротивленію.

Это сознаніе неспособности къ сопротивленію сказывается въ дипломатическомъ отвѣтѣ китайскаго правительства на сообщенный ему

текстъ конвенціи. „Обстоятельно ознакомившись съ содержаніемъ договора,—говорится въ китайской нотѣ,—правительство твердо убѣждено, что это соглашеніе обязываетъ Россію и Японію подобающимъ образомъ соблюдать различные договоры между Китаемъ и Японіею, Китаемъ и Россіею, Россіею и Японіею; слѣдовательно, оно является новымъ и серьезнымъ подтвержденіемъ признанныхъ Россіею и Японіею по договору 1905-го года верховныхъ правъ Китая въ Манчжуріи, принципа равноправности иностранныхъ державъ и поддержки Китая въ развитіи его торговли и промышленности въ Манчжуріи, а также проведенія принципа открытыхъ дверей, предусмотрѣннаго китайско-японскимъ договоромъ 1905-го года. Руководимое выставленнымъ въ русско-японскомъ договорѣ принципомъ, китайское правительство считаетъ нужнымъ осуществить для себя лежащій въ основѣ китайско-японскаго соглашенія принципъ и все свое вниманіе обратить на проведеніе и обезпеченіе принимаемыхъ имъ мѣръ въ предѣлахъ своихъ верховныхъ правъ, на соблюденіе равноправности всѣхъ иностранныхъ державъ и на развитіе торговли и промышленности въ Манчжуріи для общей пользы".

Попытка китайской дипломатіи, путемъ толкованія, включить въ конвенцію то, чего въ ней нѣтъ, и приписать договорившимся державамъ намѣренія, которыя ими не высказываются, только сильнѣе подчеркиваетъ истинный характеръ этого дипломатическаго акта. Китай не рѣшается прямо указать на существенные пробѣлы конвенціи—на умолчаніе въ ней о верховныхъ правахъ Китая, о принципахъ равноправности и свободы иностранной торговли,—но косвенно отмѣчаетъ забытые принципы, дѣлая предположеніе, что они молчаливо вновь подтверждены или обязательность ихъ подразумѣвается сама собою. Ничего другого китайцамъ и не оставалось дѣлать, какъ только съ довѣрчивымъ видомъ напомнить о пропущенномъ и этимъ дать понять „благодѣтелямъ", что Китай въ заблужденіе не введенъ.

Манчжуріи долго еще придется, какъ видно, подвергаться различнымъ международнымъ опытамъ, прежде чѣмъ окончательно разрѣшится ея судьба. Дипломатическая формула охраны status quo окажется столь же зловѣщею на Дальнемъ Востокѣ, какъ и на Ближнемъ. Русская дипломатія всегда обнаруживала какое-то удивительное пристрастіе къ этой въ сущности безсодержательной, ничего не выражающей формулѣ, и подъ ея прикрытіемъ не разъ навлекала на Россію крупныя нравственныя пораженія и политическія неудачи. Въ теченіе многихъ лѣтъ мы упорно охраняли интересы Австро-Венгріи на Балканахъ, подъ видомъ сохраненія status quo, а теперь дѣлается то же самое въ Манчжуріи и Китаѣ, для пользы Японіи. Разница только въ томъ, что на Балканскомъ полуостровѣ

мы своею политикою отталкивали отъ себя лишь разрозненныя славянскія народности, а въ Манчжуріи мы вызываемъ и поддерживаемъ вражду многомилліоннаго, тѣсно сплоченнаго китайскаго народа, съ которымъ намъ суждено жить въ ближайшемъ сосѣдствѣ на огромномъ протяженіи нашей азіатской границы. Что побуждаетъ наше дипломатическое вѣдомство жертвовать хорошими отношеніями съ мирнымъ и терпѣливымъ Китаемъ ради сомнительной дружбы честолюбивой и предпріимчивой Японіи—намъ неизвѣстно; но во всякомъ случаѣ не слѣдуетъ забывать, что со времени жестокой русско-японской войны прошло всего пять лѣтъ, и потому нѣкоторая сдержанность въ дружескихъ соглашеніяхъ съ Японіею была бы для насъ далеко не безполезна, особенно когда эти соглашенія направлены противъ другихъ государствъ. Было бы слишкомъ самонадѣянно съ нашей стороны предполагать, что намъ удастся въ союзѣ съ Японіею проводить свою собственную политику и охранять въ Манчжуріи наши собственные интересы. Вмѣсто того, чтобы избавить насъ отъ дальнѣйшихъ заботъ о манчжурскихъ дѣлахъ, конвенція 21-го іюня налагаетъ на насъ новыя обязательства и новую отвѣтственность за будущій ходъ событій на Дальнемъ Востокѣ.

Политика римско-католической церкви — или, вѣрнѣе, папства — издавна славится своею гибкостью, своимъ умѣньемъ приспособляться къ обстоятельствамъ и условіямъ различныхъ странъ. Безъ этого традиціоннаго дипломатическаго искусства католичество не могло бы съ такимъ успѣхомъ поддерживать свое господствующее положеніе въ значительной части культурнаго міра. Высшіе представители католической церкви обыкновенно внимательно слѣдили за требованіями и стремленіями народныхъ массъ; они пытались завладѣть и рабочимъ движеніемъ, стараясь отвлечь его отъ революціонной соціалъ-демократіи и направить на путь смиреннаго христіанскаго соціализма. Покойный папа Левъ XIII, тонкій дипломатъ и изящный писатель, выпустилъ въ свѣтъ на латинскомъ языкѣ цѣлую книгу о соціальномъ вопросѣ, въ видѣ энциклики, которая въ свое время надѣлала много шуму въ Европѣ и Америкѣ. Преемникъ его Пій X отличается другими качествами: не обладая большимъ образованіемъ, при искренней убѣжденности, онъ часто отступаетъ отъ правилъ мягкаго оппортунизма и дѣйствуетъ слишкомъ прямолинейно и круто, иногда въ ущербъ авторитету церкви. Ближайшіе совѣтники его, съ статсъ-секретаремъ Мерри дель-Валемъ во главѣ, принадлежатъ къ категоріи узкихъ фанатиковъ, неспособныхъ ни къ какимъ компромиссамъ. Подъ руководствомъ такого рода дѣятелей создается цѣлый рядъ не-

нужныхъ инцидентовъ и конфликтовъ, изъ которыхъ папство, кромѣ урона, ничего не выноситъ.

Еще недавно, по поводу чествованія памяти извѣстнаго противника и искоренителя реформаціи, св. Борромея, разослана была Ватиканомъ папская энциклика съ такими рѣзкими и оскорбительными сужденіями о всемъ реформаціонномъ движеніи и участвовавшихъ въ немъ нѣмецкихъ государяхъ и князьяхъ, что даже клерикальная пресса была смущена. Эта неожиданная и ничѣмъ не мотивированная выходка противъ реформаціи и ея защитниковъ вызвала сначала недоумѣніе, а потомъ раздраженіе и протесты во всѣхъ протестантскихъ странахъ, особенно въ Германіи. Дипломаты Ватикана должны были сознаться, что они допустили невольный промахъ или недосмотръ, что они вовсе не имѣли въ виду оскорбить германскихъ государей и ихъ подданныхъ, примкнувшихъ къ реформѣ. Распространеніе энциклики въ нѣмецкомъ переводѣ было остановлено приказомъ изъ Рима; но и публикація латинскаго текста въ оффиціальныхъ церковныхъ изданіяхъ признавалась обидною и неумѣстною для государствъ съ протестантскимъ населеніемъ. Въ Австро-Венгріи усилилась агитація въ смыслѣ отпаденія отъ Рима. Въ Нидерландахъ представитель римской куріи сообщилъ кабинету, что папа крайне огорченъ непріятнымъ впечатлѣніемъ, произведеннымъ на протестантовъ нѣкоторыми мѣстами энциклики, и что въ дѣйствительности онъ не думалъ обидѣть ни королеву Вильгельмину, ни Оранскихъ принцевъ, ни голландскихъ гражданъ. Волненіе мало-по-малу улеглось, послѣ всѣхъ этихъ оффиціальныхъ объясненій; но публика узнала и поняла, что сановники Ватикана и солидарные съ ними клерикалы, предоставленные своимъ собственнымъ чувствамъ и взглядамъ, не могутъ говорить о реформаціи иначе какъ въ злобно-полемическомъ тонѣ XVI-го вѣка. Отдѣльные факты убѣждаютъ насъ на каждомъ шагу, что духъ средневѣковаго католичества сохранился въ полной силѣ среди іерарховъ римской церкви. При папѣ Львѣ XIII-мъ этотъ духъ скрывался или облекался въ дипломатическія формы; при нынѣшнемъ папѣ онъ выступаетъ открыто, съ наивною убѣжденностью. Католическіе органы не стѣсняются заявлять, напр., что церковь не признаетъ законности брака принцессы Агаты Ратиборъ съ сыномъ императора Вильгельма II, принцемъ Фридрихомъ-Вильгельмомъ, на томъ основаніи, что принцесса, въ качествѣ католички, обязана была предварительно заручиться согласіемъ мужа на воспитаніе будущихъ дѣтей въ католической религіи, тогда какъ протестантская фамилія Гогенцоллерновъ такого обязательства не даетъ. Въ Португаліи францисканскіе монахи издавали журналъ, въ которомъ высказывали иногда мнѣнія, несогласныя съ идеями господствующей въ Ватиканѣ партіи

или клики. Изъ Рима пришло распоряженіе прекратить изданіе, и францисканцы повиновались. Португальское правительство усмотрѣло въ этомъ незаконное вмѣшательство во внутреннія дѣла страны, связанное съ нарушеніемъ конституціи, которая обезпечиваетъ всѣмъ гражданамъ свободу мнѣній. Министры утверждаютъ, что церковная власть не имѣла права передавать свое распоряженіе издателямъ черезъ мѣстнаго епископа, помимо свѣтской администраціи, ибо для дѣйствительности такого приказа требовалась санкція короля; представители Ватикана съ своей стороны ссылаются на то, что францисканцы, издававшіе журналъ, безусловно подчинены правиламъ церковной дисциплины и что принятая мѣра не выходитъ изъ круга заботъ о внутреннемъ порядкѣ церкви. На этой почвѣ разгорѣлась полемика въ португальской печати, и хотя съ формальной стороны трудно оспаривать доводы клерикаловъ, тѣмъ не менѣе общественное мнѣніе склоняется на сторону правительства.

Наиболѣе серьезныя и острыя пререканія религіозно-политическаго свойства возникли за послѣднее время въ классической странѣ католичества—Испаніи. И здѣсь папа Пій X и его приближенные, разсчитывая на преданность невѣжественнаго большинства населенія и на поддержку значительной части высшихъ классовъ, сумѣли возбудить противъ себя движеніе, захватывающее все болѣе широкіе круги испанскаго общества. Политика папства достигла того, что въ борьбѣ противъ клерикализма объединились самые разнородные и враждующіе между собою элементы, начиная съ министровъ и кончая соціалистами и республиканцами. Всѣ либеральныя, прогрессивныя и радикальныя группы политическихъ и общественныхъ дѣятелей сплотились вокругъ министерства Каналехаса во имя реформаторской программы, направленной къ избавленію страны отъ гнета монашества и къ возрожденію націи на началахъ свободной европейской культуры. Стремленія министра-президента, убѣжденнаго и рѣшительнаго прогрессиста, встрѣчаютъ сочувствіе и поддержку даже въ умѣренно-консервативномъ лагерѣ; не только бывшій глава либеральнаго кабинета Моретъ, но и вождь консерваторовъ Маура, виновникъ казни Феррера, относятся сочувственно къ начинаніямъ Каналехаса. Испанскія политическія партіи слѣдуютъ своеобразной тактикѣ, допускающей мирное общеніе между реакціонерами и либералами; невозможный съ нашей точки зрѣнія Маура живетъ въ мирѣ съ либеральнымъ Моретомъ и одобряетъ радикальнаго Каналехаса; завѣдомые республиканцы и соціалисты дѣйствуютъ подъ руководствомъ министерства и подчиняются его указаніямъ, безъ ущерба для своихъ партійныхъ принциповъ. Въ Испаніи, очевидно, нѣтъ той партійной обособленности, которая такъ мѣшаетъ парламентской жизни другихъ странъ; временныя сближенія

и соглашенія происходятъ здѣсь съ большею свободою, и оттого политическія манифестаціи легче принимаютъ характеръ общенародный. Извѣстная степень обузданія или ограниченія клерикализма признается желательною и необходимою всѣми образованными людьми въ Испаніи—и на этой почвѣ могло установиться единеніе между партіями, стоящими довольно далеко одна отъ другой. Умѣренные консерваторы готовы слѣдовать за радикалами до опредѣленнаго пункта; либералы идутъ нѣсколько дальше; соціалисты и республиканцы согласны содѣйствовать осуществленію тѣхъ скромныхъ прогрессивныхъ мѣръ, которыя правительство берется провести въ жизнь, и такимъ образомъ всѣ вмѣстѣ образуютъ коалицію для достиженія возможнаго при данныхъ условіяхъ положительнаго результата.

Въ главныхъ городахъ Испаніи организованы были республиканцами и соціалистами, 3-го іюля (нов. ст.), многолюдныя антиклерикальныя сборища и процессіи; въ Мадридѣ участвовало въ нихъ, по газетнымъ свѣдѣніямъ, болѣе ста тысячъ человѣкъ, при участіи всѣхъ выдающихся дѣятелей прогрессивныхъ и либеральныхъ партій; рядомъ съ бывшимъ либеральнымъ премьеромъ Моретомъ шли республиканцы Пабло Иглезіасъ и Пересъ Гальдосъ, члены городского управленія, множество женщинъ изъ различныхъ классовъ общества, рабочіе союзы со знаменами и т. д. Министру-президенту Каналехасу, проѣзжавшему съ семействомъ въ коляскѣ, была устроена шумная овація. На митингахъ произносились горячія рѣчи противъ монастырей, подрывающихъ заработную плату своими дешевыми издѣліями, и противъ католическихъ дамъ-аристократокъ, позволяющихъ себѣ говорить отъ имени испанскихъ женщинъ. Такія же манифестаціи происходили въ Барселонѣ, Бильбао, Севильѣ, Валенсіи, при участіи десятковъ тысячъ народа; только въ нѣкоторыхъ мѣстахъ состоялись также сборища клерикаловъ, безусловныхъ защитниковъ папства [1]).

Общій либерально-прогрессивный „блокъ“ противъ клерикализма установился самъ собою, благодаря чрезмѣрному воинственному усердію Ватикана. Правительство начало переговоры съ куріею о пересмотрѣ конкордата, а пока устраняло или измѣняло нѣкоторыя стѣснительныя постановленія, введенныя прежними консервативными министрами. Статья конституціи, запрещающая „внѣшнія проявленія культа“ для всѣхъ другихъ религій, кромѣ католической, толковалась до сихъ поръ въ смыслѣ недопущенія никакихъ надписей или эмблемъ на храмахъ и зданіяхъ чужихъ вѣроисповѣданій; новымъ декретомъ признаны запрещенными только публичныя религіозныя манифестаціи иновѣрцевъ, какъ напр. уличныя процессіи, а надписи и эмблемы на протестантскихъ хра-

1) См. выше, письмо изъ Барселоны.

махъ и еврейскихъ синагогахъ дозволены. Противъ этого скромнаго „дозволенія“, соотвѣтствующаго не только здравому смыслу, но и прямому содержанію 11-ой статьи испанской конституціи, энергически протестовала римская курія. Правительство пріостановило, далѣе, разрѣшеніе новыхъ духовныхъ конгрегацій впредь до выясненія исхода переговоровъ относительно соотвѣтственныхъ параграфовъ конкордата. Курія опять протестовала, указывая на то, что свѣтская власть вообще не можетъ и не должна, будто бы, принимать никакихъ самостоятельныхъ мѣръ по религіознымъ вопросамъ, пока ведутся еще переговоры съ Ватиканомъ. Министерство отвергаетъ эти указанія и протесты, какъ незаконныя попытки вмѣшательства въ дѣятельность государственной власти; римская курія съ своей стороны отказывается продолжать переговоры о конкордатѣ, пока правительствомъ не будутъ отмѣнены принятыя и объявленныя имъ постановленія. Правительство не можетъ уступить въ данномъ случаѣ, такъ какъ это значило бы подчинить государство авторитету церкви—а представители и органы папства разсчитываютъ добиться перемѣны министерства при помощи клерикальныхъ демонстрацій и закулисныхъ придворныхъ вліяній. Правительство имѣетъ за собою лучшую часть общественнаго мнѣнія и надѣется на сочувствіе и твердость короля, который до сихъ поръ, повидимому, вполнѣ одобряетъ взгляды и рѣшенія своего министра-президента; но устоитъ ли онъ подъ давленіемъ могущественныхъ клерикальныхъ вліяній, скрытыхъ и явныхъ—сказать трудно.

Вся обстановка современнаго политическаго кризиса въ Испаніи вполнѣ благопріятна для министерства и его союзниковъ. Если бы король склоненъ былъ лично къ уступчивости относительно Ватикана, то онъ былъ бы поставленъ въ невозможность слѣдовать этому влеченію, такъ какъ дѣло идетъ о достоинствѣ и авторитетѣ власти, даже о достоинствѣ самого монарха. Въ отвѣтъ на оскорбительный ультиматумъ римской куріи Испанія вынуждена была временно отозвать своего посланника изъ Ватикана; папскій нунцій также выѣхалъ изъ Мадрида, и дипломатическія сношенія съ конца іюля (нов. ст.) прерваны между правительствомъ короля Альфонса XIII и святѣйшимъ престоломъ. Этотъ разрывъ могъ бы послужить началомъ новой эры возрожденія для Испаніи, если бы династія Бурбоновъ была способна отрѣшиться отъ всего своего прошлаго и вступить на путь широкихъ, истинно-національныхъ реформъ. Къ сожалѣнію, на это надѣяться трудно.

Въ политической жизни Германіи все чаще повторяются симптомы ожидаемаго поворота къ чему-то новому и лучшему; отъ времени до времени происходятъ любопытные инциденты, указывающіе какъ будто

на энергическую внутреннюю творческую работу въ обществѣ и народѣ,—но инциденты проходятъ, симптомы исчезаютъ, и положеніе остается тѣмъ же, какимъ оно было. Говорили, что либеральныя и прогрессивныя группы сближаются между собою для болѣе успѣшнаго противодѣйствія союзу консерваторовъ и клерикаловъ; лѣвое крыло національ-либеральной партіи, предводимое депутатомъ Бассерманомъ, должно было отречься отъ консервативныхъ связей и примкнуть къ либерально-прогрессивному блоку. Съ другой стороны, многіе надѣялись, что передовые прогрессисты сойдутся, наконецъ, съ соціалъ-демократами и что послѣдніе не откажутся отъ соглашенія съ „буржуазными“ партіями для совмѣстной борьбы противъ элементовъ реакціи и застоя. Но „лѣвые“ націоналъ-либералы предпочли остаться въ распоряженіи государственной власти и въ составѣ существующаго парламентскаго большинства; они не пошли за Бассерманомъ и по старой привычкѣ стали вновь прислушиваться къ неопредѣленнымъ предположеніямъ резонерствующаго канцлера фонъ-Бетмана-Голльвега, въ безотчетной надеждѣ на будущія политическія комбинаціи, при которыхъ и націоналъ-либераламъ найдется соотвѣтственное мѣсто въ ряду правящихъ лицъ. Въ этихъ мнимыхъ „лѣвыхъ“ разочаровался даже ихъ собственный представитель и главный ораторъ, обычный выразитель ихъ излюбленныхъ стремленій и идеаловъ, Бассерманъ. Онъ до того былъ потрясенъ этимъ разочарованіемъ, что рѣшилъ отказаться отъ дальнѣйшей политической дѣятельности,—чѣмъ, въ свою очередь, взволновалъ не только націоналъ-либераловъ, но и прогрессистовъ; а этимъ общимъ волненіемъ онъ настолько увеличилъ свою популярность, что ему пришлось измѣнить свое рѣшеніе и остаться въ многообѣщающей роли проповѣдника и пророка будущей „лѣвой“ группы націоналъ-либеральной партіи. Въ способности этой партіи осуществить идею либеральнаго блока усомнился и умѣренно-консервативный вице-президентъ имперскаго сейма, принцъ Гогенлоэ-Лангенбургъ, который также почему-то возлагалъ надежды на „лѣвыхъ“, хотя самъ принадлежитъ къ числу правыхъ; принцъ также разочаровался, подобно Бассерману, и сложилъ съ себя званіе вице-президента, объяснивъ мотивы своего поступка въ особомъ дипломатическомъ письмѣ, которое сдѣлалось предметомъ оживленныхъ толковъ въ печати.

Оба событія—разочарованіе Бассермана и уходъ принца Гогенлоэ-Лангенбурга—являются уже симптомами отрицательными, свидѣтельствующими какъ будто о безнадежности всякихъ попытокъ внести новую свѣжую струю въ парламентскую жизнь Германіи. Газеты серьезнѣйшимъ образомъ обсуждали политическое значеніе фактовъ, которые сами по себѣ въ сущности ничего не доказывали и не вы-

ясняли. Только весьма немногіе наивные оптимисты могли предаваться иллюзіямъ насчетъ „лѣвыхъ“ національ-либераловъ, тѣмъ болѣе, что передвиженіе этой небольшой группы въ ту или другую сторону нисколько не повліяло бы на группировку главныхъ партій въ рейхстагѣ. Другая, болѣе существенная комбинація — сближеніе либераловъ съ соціалъ-демократіею—остается еще пока въ области утопій. Въ великомъ герцогствѣ Баденскомъ депутаты-соціалисты вступили въ оффиціальныя сношенія съ правительствомъ и подали голосъ за утвержденіе бюджета; они проводятъ свою политику въ реальныхъ условіяхъ дѣйствительности, добиваются результатовъ, которыхъ можно достигнуть, и стремятся извлечь изъ своихъ депутатскихъ полномочій всю возможную практическую пользу для рабочей демократіи и для всей страны. Они не пренебрегаютъ выгоднымъ союзомъ съ отдѣльными буржуазными партіями; они не довольствуются мечтаніями о будущемъ соціалъ-демократическомъ строѣ, а бодро идутъ на встрѣчу этому будущему, подготовляя его приближеніе своею практическою дѣятельностью. Но въ центрѣ германской соціалъ-демократіи эта тактика баденскихъ соціалистовъ считается недопустимою ересью, и противъ нея возстаетъ большинство, вѣрное традиціямъ непримиримой обособленности. И съ этой стороны не предвидится еще никакой крупной перемѣны въ общемъ политическомъ положеніи, хотя самая постановка вопроса о новой тактикѣ соціалъ-демократіи представляетъ несомнѣнную важность для дальнѣйшаго хода внутреннихъ дѣлъ Германіи.

Глава французскаго кабинета, Аристидъ Бріанъ, находится въ счастливомъ положеніи: республиканское большинство палаты депутатовъ выражаетъ ему свое довѣріе и сочувствіе; умѣренные либералы и консерваторы относятся къ нему въ высшей степени одобрительно; передовые радикалы и соціалисты возлагаютъ на него свои надежды, хотя иногда критикуютъ его не безъ рѣзкости; даже принципіальные противники ведутъ противъ него свою оппозицію въ сдержанныхъ и мягкихъ формахъ.

Аристидъ Бріанъ нравится даже врагамъ республики; его неизмѣнно хвалитъ и хроникеръ „Revue des deux Mondes“, выступающій въ то же время защитникомъ испанскихъ клерикаловъ. Настойчивыя аттаки, предпринятыя противъ министерства радикалами подъ предводительствомъ Бертò, при обсужденіи запросовъ объ общей политикѣ кабинета, окончились—какъ увѣряетъ консервативный Франсисъ Шармъ — постыдною капитуляціею; нападавшіе „были обращены въ безпорядочное бѣгство“, и они оказались въ „жалкомъ разстройствѣ“ послѣ нанесенныхъ имъ Бріаномъ ударовъ. Въ дѣйствительности на-

паденіе велось довольно благодушно, и самъ Бертò присоединился къ формулѣ, выражавшей довѣріе къ правительству, — такъ что не было вовсе матеріала ни для геройскихъ подвиговъ, ни для ужасовъ пораженія. Ораторскіе турниры занимаютъ почетное мѣсто въ дѣятельности французскаго парламента, и тѣ турниры, въ которыхъ участвуютъ Бріанъ и Жорèсъ, всегда имѣютъ заслуженный успѣхъ.

Подкрѣпленный довѣріемъ палаты, предсѣдатель совѣта министровъ можетъ уже приступить къ осуществленію своей практической программы: послѣ хорошихъ и блестящихъ рѣчей начнутся полезныя дѣла, практическія реформы и преобразованія. На очереди стоитъ выработка новаго избирательнаго закона, на основѣ пропорціональнаго представительства. Большинство депутатовъ при своемъ избраніи выставляло избирательную реформу важнѣйшей задачей современной внутренней политики во Франціи. Многимъ кажется, что введеніе выборовъ по спискамъ взамѣнъ выборовъ по округамъ, вмѣстѣ съ представительствомъ меньшинства, возвеличитъ республику, придастъ ей новыя силы и обезпечитъ ей блестящую будущность. Искренніе приверженцы реформы сознаютъ, что она можетъ только расширить предѣлы народнаго участія въ парламентскихъ выборахъ, оживить интересъ къ нимъ и косвенно улучшить условія политическаго развитія, но не усовершенствовать самую жизнь націи, внесеніемъ въ нее новой энергіи или открытіемъ ей новыхъ горизонтовъ. Самая лучшая и справедливая избирательная система не повыситъ уровня народнаго пониманія, не повліяетъ на нравы, стремленія и понятія обывателей. Дѣло идетъ пока объ улучшеніи внѣшнихъ формъ, независимо отъ того содержанія, которое можетъ ихъ наполнить,—а формы сильнѣе всего привлекаютъ вниманіе французовъ. Въ палатѣ насчитывается около 320 сторонниковъ новой системы выборовъ, и предводитель этой многочисленной группы депутатовъ, Шарль Бенуа, высказываетъ увѣренность въ успѣхѣ задуманной реформы.

Въ видѣ развлеченія, палата занялась разслѣдованіемъ исторіи спекулянта Рошетта, относительно котораго правительству приписаны были разныя неправильныя дѣйствія. Рошеттъ, основатель множества фиктивныхъ и дутыхъ предпріятій, былъ арестованъ будто бы по проискамъ его соперниковъ, темныхъ биржевыхъ дѣльцовъ, при прямомъ участіи нѣкоторыхъ вліятельныхъ представителей полицейской власти. Въ печати появились разоблаченія, которыми воспользовались оппозиціонные депутаты для внесенія соотвѣтственныхъ запросовъ. Крайніе лѣвые почему-то приняли на себя роль защитниковъ Рошетта, собиравшаго милліоны съ довѣрчивой публики, и потребовали назначенія особой парламентской коммиссіи для провѣрки причинъ и обстоятельствъ его ареста. Палата приняла это предложеніе, избрала ком-

миссію, и послѣдняя, подъ предсѣдательствомъ Жореса, стала разбирать дѣло, которое одновременно находилось въ производствѣ судебной власти. Коммиссія вызывала и допрашивала свидѣтелей,—банкировъ, заподозрѣнныхъ чиновниковъ и разныхъ предпринимателей, — выслушала префекта полиціи Лепина и отложила дальнѣйшее разбирательство до осени; а тѣмъ временемъ судъ успѣлъ постановить приговоръ, которымъ Рошеттъ признанъ виновнымъ въ цѣломъ рядѣ крупныхъ мошенничествъ и присужденъ къ тюремному заключенію на два года. Слѣдовательно, арестъ его не былъ дѣломъ произвола или злоупотребленія, и пока еще не удалось установить никакихъ фактовъ, которые указывали бы на участіе представителей администраціи въ биржевыхъ продѣлкахъ, имѣвшихъ цѣлью погубить Рошетта. Ожиданія, связанныя съ назначеніемъ коммиссіи, не оправдались, и дѣятельность Жореса въ новой роли слѣдственнаго судьи ничего не прибавитъ къ его славѣ.

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

— Несторъ Котляревскій. Міровая скорбь въ концѣ XVIII и въ началѣ XIX вѣка. Второе исправл. изданіе. Спб. 1910. Цѣна 2 руб.

Подъ терминомъ „міровая скорбь“ авторъ разумѣетъ „ту до крайностей доведенную пессимистическую оцѣнку всего міропорядка, которая такъ ярко проступала наружу въ сужденіяхъ, чувствахъ и мечтахъ въ концѣ XVIII и началѣ XIX вѣка“. Скорбное міросозерцаніе, покоющееся на житейскомъ опытѣ и на теоріи, само по себѣ не представляетъ въ исторической жизни человѣчества чего-либо исключительнаго: печальное раздумье надъ несовершенствами земного бытія не покидало человѣка съ первыхъ дней его сознательной жизни. Но указанная эпоха, положившая начало новому этапу въ жизни культурныхъ народовъ, въ особенности была богата и восторженною вѣрою человѣка въ наступающій золотой вѣкъ, и глубочайшими разочарованіями, доводившими людей до крайней грани скорби и раздраженія, до самопрезрѣнія, до черстваго индифферентизма и отвращенія къ людямъ. Общая задача автора — выяснить основные этическіе и соціальные мотивы этого умонастроенія и прослѣдить ихъ отраженіе въ художественномъ творчествѣ. Все это сведено въ общую картину единой душевной трагедіи, пережитой европейцемъ на про-

тяженіи нѣсколькихъ десятилѣтій. Развертывается эта трагедія въ такой послѣдовательности. Приблизительно со средины XVIII вѣка выступаетъ любящій, но пока еще слабый человѣкъ—сентименталистъ; единственное его оружіе—сентиментальная проповѣдь, противопоставляемая торжествующей и порочной цивилизаціи. Властитель думъ этого поколѣнія—Жанъ-Жакъ Руссо. Его соціальныя утопіи, его обвинительные акты противъ существующаго порядка разжигали сердца современниковъ, но самъ онъ осторожно опасался всякаго рѣшительнаго дѣйствія. Въ семидесятыхъ и восьмидесятыхъ годахъ XVIII вѣка въ Германіи чисто литературные „буря и натискъ“ уже громятъ, хотя только на словахъ, дѣйствительность. Сентименталистъ-реформаторъ превратился, въ мечтахъ, въ бойца, въ апостола насилія благодѣтельнаго для человѣчества; но онъ скоро разочаровывается въ этой программѣ, ибо насиліе будитъ только эгоизмъ и звѣрскіе инстинкты. То, что пережито было въ Германіи мысленно, то во Франціи, перенесшей подлинную великую революцію, было пережито реально. Послѣ кровавыхъ потрясеній, обманутый жизнью и революціей, гуманистъ подавленъ мракомъ отчаянія и скорби, тѣмъ болѣе непроницаемымъ, что эта скорбь—выводъ изъ дѣйствительно бывшаго. Въ литературѣ памятниками этого періода остались въ особенности романы Шатобріана, Сенанкура и Нодье, съ ихъ героями, близкими къ человѣконенавистничеству. Разочарованный и озлобленный идеалистъ доходитъ до предѣла отрѣшенія отъ соціальныхъ инстинктовъ въ лицѣ демоническихъ натуръ Байрона, съ ихъ угрюмымъ самообожаніемъ, отрицаніемъ сострадательности и гибелью отъ избытка страстей и силы, обращенной внутрь человѣка. Этотъ противообщественный пессимизмъ, съ теченіемъ времени и ростомъ новыхъ поколѣній, стушевывается предъ возрожденіемъ соціальныхъ чувствъ. Гуманистъ болѣе близкаго къ намъ времени, оглядываясь назадъ, видитъ ясно, какъ преувеличенна была самонадѣянность героя недавней эпохи, и ищетъ опоры въ воспитаніи и подъемѣ той массы, которую раньше игнорировали. Изъ пережитой человѣчествомъ трагедіи міровой скорби выростаетъ выводомъ надежда, что эта скорбь, неизбѣжный удѣлъ и спутникъ зрѣющаго человѣчества, не безотрадна: она сближаетъ людей. Говоря заключительными словами книги: „она смиритъ гордыню всякаго героя и подыметъ въ его глазахъ всякую толпу, сколь бы ни были велики ея умственныя и нравственныя погрѣшности. И родникомъ соціальнаго мира станетъ равенство всѣхъ людей передъ страданіемъ“.

Таковы основныя мысли интересной, увлекательно написанной книги г. Котляревскаго. Читатель не найдетъ въ ней ни изложенія внѣшнихъ историческихъ фактовъ, ни характеристики со-

ціальныхъ отношеній, составляющихъ подкладку моральныхъ настроеній эпохи. Для читателя мало подготовленнаго кое-что покажется, поэтому, черезчуръ отвлеченнымъ и неяснымъ. Не смотря на это, „Міровая скорбь" заслуживаетъ горячей рекомендаціи, какъ умно и живо написанная популярная книга. Она бросаетъ свѣтъ на явленіе огромной исторической важности, полное значенія, между прочимъ, и для исторіи русской литературы. Подъ знакомъ міровой скорби развертывались таланты Пушкина и Лермонтова; литература тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ, съ ея типами „прекрасныхъ душъ" и „лишнихъ людей", отражаетъ цѣлыя полосы „міровой скорби". И помимо этого, книга г. Котляревскаго не лишена довольно живого интереса современности, или по крайней мѣрѣ своевременности. Между освѣщенными въ ней явленіями европейской мысли и многимъ недавно пережитымъ и переживаемымъ у насъ можно было бы провести любопытныя параллели. Наша общественная реакція—осадокъ послѣ сентиментальнаго народничества, послѣ „бури" и „натиска" въ области соціальныхъ утопій и послѣ настоящей бури революціи. Въ настроеніи общества замѣчаются теперь признаки того же противообщественнаго пессимизма, который такъ характеренъ для эпохи „міровой скорби". Современный русскій человѣкъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ переживаетъ кризисъ, аналогичный кризису европейскаго гуманизма въ началѣ XIX вѣка. Примѣръ Запада даетъ намъ увѣренность въ благополучномъ разрѣшеніи русскаго кризиса, путемъ плодотворной работы непрерывно возрождающихся общественныхъ и народныхъ силъ.

— А. С. Изгоевъ. Русское общество и революція. Изданіе журнала „Русская Мысль". Москва, 1910. Цѣна 1 р.

Авторъ заявляетъ себя въ предисловіи „неортодоксальнымъ марксистомъ". Русскій марксизмъ въ его дореволюціонномъ прошломъ онъ считаетъ „незамѣнимой школой политическаго и соціальнаго реализма" для русской интеллигенціи, отрѣшившейся, благодаря ему, отъ фантастическихъ утопій народничества. Однако, въ революціонное время въ воспріятіи большинства русской интеллигенціи элементы подлиннаго марксизма уступили мѣсто фантастическому пророчеству о прыжкѣ изъ царства необходимости въ царство свободы. Рабочая соціалдемократическая партія, сплошь состоящая изъ интеллигенціи, „поддерживала свое званіе „рабочей" только тѣмъ, что демагогически плелась въ хвостѣ рабочей толпы, контрсигнуя всѣ ея нелѣпѣйшія требованія въ родѣ введенія явочнымъ порядкомъ восьмичасового рабочаго дня. Теоретически прекрасно сознанная и обоснованная истина,

что Россіи предстоитъ буржуазная революція — т.-е. такая, которая приведетъ къ гражданскому правовому строю,—въ жизни была подмѣнена утопической, нелѣпой теоріей перманентной революціи, непосредственно переходящей въ соціалистическую". Революція не удалась. Силы для конституціонной реформы—очередной задачи дня,—у „пролетаріата" не оказалось. „Только интеллигенція, лица свободныхъ профессій, педагоги, такъ-называемый третій элементъ, земскій и городской, всякаго рода техническіе работники, близко стоящіе къ населенію, могутъ сдѣлать эту огромной важности работу". И далѣе авторъ, какъ сотрудникъ „Вѣхъ" (ему принадлежитъ въ нихъ статья: „Объ интеллигентной молодежи", вошедшая и въ разбираемый нами сборникъ), поясняетъ, что именно изъ высокаго представленія о роли, которая предлежитъ интеллигенціи, родилось обличительное настроеніе „Вѣхъ".

Если отбросить общую у г. Изгоева съ „Вѣхами" черту—придирчиво-огульную и потому не доказательную манеру полемическихъ упрековъ по адресу интеллигенціи,—его можно назвать вдумчивымъ и не лишеннымъ темперамента публицистомъ, мѣтко характеризующимъ многія стороны нашей общественно-политической жизни. Такія его статьи, какъ „Самодержавіе и общественная жизнь", „П. А. Столыпинъ", „Три года", „Политическая провокація", „Процессъ выборгцевъ" содержатъ вѣрныя и острыя наблюденія. Онѣ рисуютъ современное торжество союза самодержавной бюрократіи и дворянскихъ 130 тысячъ, безвыходное вращеніе страны въ заколдованномъ кругу переплетающихся анархіи и беззаконія, игру въ Государственную Думу, предъ которой „сотни важныхъ, существенныхъ для населенія реформъ, точно волшебные шары, вылетаютъ неизвѣстно откуда, прыгаютъ, мѣшаются одни съ другими и затѣмъ неизвѣстно куда исчезаютъ, точно и на самомъ дѣлѣ это не реформы, а баллоны, выпускаемые съ развѣдочными цѣлями". Зло охарактеризована политика блокады, которою должна быть покорена третья Дума. Земельная политика Столыпина, стремящаяся къ созданію самостоятельнаго и зажиточнаго крестьянства въ управляемой беззаконіемъ странѣ, справедливо оцѣнена какъ „чистая утопія, самый несомнѣнный иллюзіонизмъ". Интересны также многіе отзывы и мнѣнія автора объ особенностяхъ психологіи русскихъ революціонеровъ. Но, многократно настаивая на необходимости организующей дѣятельности интеллигенціи, г. Изгоевъ не выходитъ, въ этомъ отношеніи, изъ области банальныхъ фразъ, въ родѣ сказаннаго имъ по поводу аграрныхъ программъ: „если бы наши общественныя силы, трезво отдавъ себѣ отчетъ въ потребностяхъ народа, двинулись къ массѣ съ реальной программой, онѣ могли бы стать не мнимыми величинами, а дѣйствительными силами, найти серьезную опору въ наиболѣе развитой и сознательной

части народа". „Реальной программы" въ точномъ смыслѣ слова читатель не найдетъ въ книгѣ г. Изгоева.

— И. П. Бѣлоконскій. — Земское движеніе (Земство и Конституція). Изд. книгоиздательства „Образованіе". Москва, 1910.

Авторъ предупреждаетъ, что „почти не касается земскаго движенія въ смыслѣ культурно-экономическомъ, а имѣетъ въ виду лишь политическое движеніе". Въ другомъ мѣстѣ онъ называетъ свою книгу „сокращеннымъ изложеніемъ земскаго освободительнаго движенія". Эти особенности значительно отразились на содержаніи книги, притомъ написанной, повидимому, на-спѣхъ. Вся она носитъ характеръ чисто внѣшняго пересказа отдѣльныхъ явленій и фактовъ изъ исторіи земской оппозиціи. Оставивъ въ сторонѣ культурно-экономическій ростъ страны, а сообразно съ этимъ — и роли земства, авторъ даетъ неправильное, умаленное представленіе о земскомъ движеніи: невольно оно сводится имъ на роль отдѣльныхъ личностей и политическихъ идей, почему-то взволновавшихъ земство. Существеннымъ пробѣломъ въ изложеніи является и то, что политическое движеніе земства разсматривается, отчасти, внѣ связи съ развитіемъ политическаго національнаго движенія въ его цѣломъ. Въ особенности въ 1903—1905 гг. земское движеніе не только шло параллельно съ болѣе демократическимъ революціоннымъ броженіемъ, но нерѣдко испытывало прямое давленіе со стороны послѣдняго. Такъ, даже земскій съѣздъ 6—8 ноября 1904 года состоялся не безъ многихъ предъявленныхъ членамъ его на мѣстахъ требованій рѣзко-демократической окраски (четырехчленная формула избирательнаго права). Губернскія земскія собранія въ концѣ этого и началѣ слѣдующаго года проходили при напряженномъ вниманіи къ нимъ со стороны революціонно настроенныхъ слоевъ общества и нерѣдко прерывались требованіями революціоннаго характера. „Сокращенностью" изложенія, вѣроятно, объясняются и нѣкоторые существенные фактическіе пробѣлы книги. Особенно бросилось намъ въ глаза отсутствіе свѣдѣній о томъ, какъ приняли уѣздныя земскія собранія 1904-го года возвѣщенную кн. Святополкомъ-Мірскимъ эру довѣрія. Неосвѣщеннымъ остался и финалъ земскаго движенія: расколъ въ земской средѣ, выдѣленіе конституціонно-демократической партіи и вытѣсненіе прежнихъ господъ положенія—освобожденцевъ—изъ земскихъ собраній и управъ октябристами и правыми. Послѣдній моментъ даже не затронутъ, а о расколѣ, который выразился уже на ноябрьскомъ съѣздѣ 1904-го года образованіемъ большинства и меньшинства, сообщены чисто внѣшнія свѣдѣнія.

При всемъ схематизмѣ и пробѣлахъ, книга г. Бѣлоконскаго заслу-

живаетъ вниманія, какъ единственный пока обзоръ движенія огромной важности, отражавшаго—даже въ своихъ колебаніяхъ и непослѣдовательностяхъ—тревогу національной жизни, стремленіе вырваться изъ-подъ гнета пережившей себя системы управленія.

Къ книгѣ приложены снимки группъ земскихъ дѣятелей, портретъ кн. Святополкъ-Мірскаго и факсимиле постановленій ноябрьскаго съѣзда.

— Полное собраніе сочиненій В. Г. Бѣлинскаго. Подъ редакціею и съ примѣчаніями С. А. Венгерова. Томъ IX. Спб. 1910. Ц. 1 р. 75 коп.

— Источники словаря русскихъ писателей. Собралъ С. А. Венгеровъ. Томъ II. Гогоцкая-Карамзинъ. Спб. 1910. Ц. 4 руб.

И собраніе сочиненій Бѣлинскаго, и источники словаря русскихъ писателей дѣлятъ злую судьбу другихъ широко задуманныхъ предпріятій почтеннаго изслѣдователя русской литературы: „Критико-біографическаго словаря", „Русской поэзіи", „Русскихъ книгъ". Всѣ эти изданія растягиваются на неопредѣленное число лѣтъ, и только содержательность и значеніе въ отдѣльности тѣхъ „началъ", которыя обычно даетъ г. Венгеровъ, оправдываютъ общее вниманіе читателей и изслѣдователей къ его трудамъ.—Собраніе сочиненій Бѣлинскаго, начатое десять лѣтъ назадъ, перешло уже, впрочемъ, половину общаго числа томовъ (ихъ будетъ четырнадцать). Это первое дѣйствительно полное собраніе сочиненій знаменитаго критика. Въ IX-ый томъ вошла 91 статья, изъ „Отечественныхъ Записокъ" 1844—45 гг. Изъ нихъ только 27 появляются въ настоящемъ изданіи въ томъ видѣ, въ какомъ онѣ печатались до сихъ поръ; всѣ остальныя напечатаны либо съ дополненіями противъ Солдатенковскаго изданія, либо впервые. Изъ статей, не вошедшихъ въ прежнія собранія, выдѣляются своимъ объемомъ и интересомъ извлеченныя изъ некрасовскаго сборника „Физіологія Петербурга": „Петербургская литература" и „Александринскій театръ". Замѣчательна также рецензія о книгѣ Жана Араго: „Воспоминанія слѣпого"; о русскомъ крѣпостномъ рабствѣ писать въ 1845 г. не полагалось, поэтому вниманіе читателей критикъ останавливалъ на ужасахъ невольничества негровъ въ Бразиліи... Начиная съ VIII-го тома примѣчанія къ тексту Бѣлинскаго переносятся редакторомъ въ послѣдній томъ, что едва ли удобно.

Первый томъ „Источниковъ словаря русскихъ писателей" вышелъ также десять лѣтъ тому назадъ. Составитель говоритъ въ предисловіи ко второму тому, что этотъ томъ есть продолженіе I-го и даетъ библіографическія указанія не позже 1899 г.; „указанія XX вѣка въ задачи настоящаго труда не входятъ". Это представляется намъ не

совсѣмъ удобнымъ: составитель, конечно, въ правѣ былъ ограничить свой трудъ писателями XIX вѣка, но отказъ отъ библіографическихъ указаній XX вѣка на этихъ писателей, разъ выходъ книги растягивается на десятокъ-другой лѣтъ, едва ли былъ желателенъ и дѣлаетъ справочникъ запоздалымъ. Сколько-нибудь существенныхъ пропусковъ именъ въ настоящемъ томѣ мы не замѣтили. Въ интересѣ полноты можемъ указать современныхъ провинціальныхъ публицистовъ (начавшихъ писать съ начала 1890-хъ годовъ): Гриневицкаго, Станислава Ивановича, и Жукова, Сергѣя Ивановича (оба—нижегородцы). Ошибочно показанъ въ качествѣ самостоятельнаго лица „современный беллетристъ" Г. П. Гроковъ: это — псевдонимъ уже умершаго Г. П. Демьянова (названнаго въ словарѣ). „Источники словаря русскихъ писателей" печатаются Академіею Наукъ: ей слѣдовало бы позаботиться, чтобы послѣдующіе томы этого изданія, существенно необходимаго для работниковъ по исторіи русской литературы, выходили въ свѣтъ безостановочно.—Ч. В—скій.

— Э. Фельсбергъ.—Братья Гракхи. Юрьевъ. 1910 г.

Величавые образы двухъ братьевъ-римскихъ трибуновъ всегда привлекали усиленное вниманіе историковъ и побуждали къ появленію новыхъ трудовъ и изслѣдованій. На изученіи Гракховъ ярко отразилась смѣна историческихъ направленій: чисто-біографическія описанія, съ преобладаніемъ внѣшнихъ подробностей, постепенно уступаютъ мѣсто критическому анализу первоисточниковъ и обслѣдованію историческихъ условій эпохи и соціально-экономическихъ отношеній. Наконецъ, сторонники модернизаціи древняго міра пытаются еще болѣе приблизить къ намъ римскихъ популяровъ, находя въ ихъ реформаторскихъ начинаніяхъ тѣ лозунги и формулы, которые волнуютъ современное человѣчество. До самаго послѣдняго времени въ ученой литературѣ Запада постоянно появляются новые труды о Гракхахъ; такъ, два года тому назадъ извѣстный нѣмецкій историкъ Пельманъ посвятилъ имъ цѣнное изслѣдованіе; яркую характеристику ихъ даетъ въ недавно вышедшихъ лекціяхъ по римской исторіи французскій ученый Буше-Леклеркъ. Въ этой научной работѣ русская историческая литература стояла изолированно; можно указать лишь прекрасно составленный проф. Э. Д. Гриммомъ біографическій очеркъ братьевъ Гракховъ (въ серіи Павленкова), да соотвѣтствующій отдѣлъ въ „Очеркахъ римской имперіи" г. Виппера. Поэтому нельзя не привѣтствовать книгу г. Фельсберга, посвященную одному изъ основныхъ вопросовъ римской исторіи.

Работа г. Фельсберга, лаконично озаглавленная „Братья Гракхи",

должна бы носить болѣе точное заглавіе „Этюды о Гракхахъ“. Она не представляетъ единаго, компактнаго цѣлаго, не являясь ни біографіей Тиберія и Кая Гракховъ, ни трудомъ о Гракхахъ и ихъ времени. Авторъ далъ рядъ тщательныхъ и обстоятельныхъ этюдовъ, носящихъ, однако, нѣсколько фрагментарный характеръ. Характеръ большинства первоисточниковъ, дошедшихъ до насъ въ *фрагментахъ*, сказался, повидимому, и на книгѣ г. Фельсберга. Она открывается отдѣломъ, озаглавленнымъ: „Очеркъ исторіи римскаго аграрнаго строя до времени Гракховъ“; первые два параграфа его трактуютъ объ источникахъ и литературѣ. Авторъ выходитъ здѣсь далеко за хронологическія рамки и говоритъ о римскихъ аграрныхъ отношеніяхъ вообще, включая даже періодъ имперіи. Такой масштабъ является излишне широкимъ, въ то же время отнюдь не охватывая всей литературы предмета. Въ дальнѣйшемъ авторъ не теряетъ хронологической перспективы и говоритъ о времени до Гракховъ. Здѣсь г. Фельсбергъ выказываетъ полную освѣдомленность въ источникахъ и литературѣ, но оригинальнаго даетъ мало. Его резюмирующіе выводы (стр. 46—47) давно уже прочно установлены и безспорны. Болѣе другихъ интереснымъ является экскурсъ VII-ой—объ аграрномъ законодательствѣ Лицинія и Секстія, касающійся извѣстной полемики, поднятой работами Низе и Машке. Заключительный параграфъ перваго отдѣла даетъ характеристику римскаго аграрнаго строя въ первой половинѣ II вѣка до Р. Х., по трактату Катона: De agri cultura. Центромъ тяжести изслѣдованія г. Фельсберга является обширный (стр. 55—161) второй отдѣлъ: „Наши главнѣйшіе источники для исторіи Гракховъ“. Здѣсь г. Фельсбергъ подвергаетъ внимательному и подробному разсмотрѣнію всѣ дошедшіе до насъ источники о Гракхахъ, устанавливаетъ ихъ взаимоотношеніе, выясняетъ первоисточники. Работа произведена большая, детальная и чрезвычайно важная. Прежде всего приведены цѣликомъ сохранившіеся фрагменты рѣчей Тиберія и Кая Гракховъ и рѣчей ихъ противниковъ. Эти краткіе и неполные отрывки производятъ сильное впечатлѣніе, являясь далекимъ отзвукомъ великихъ и бурныхъ событій. Далѣе г. Фельсбергъ переходитъ къ разбору всѣхъ дошедшихъ до насъ сочиненій древнихъ писателей, которыя такъ или иначе касаются Гракховъ. Особенно полно и обстоятельно разобраны фрагменты писемъ Корнеліи—матери Гракховъ, риторика „ad Herennium“, Цицеронъ, Діодоръ, Плутархъ и Аппіанъ. Въ анализѣ источниковъ г. Фельсбергъ выказываетъ тонкое критическое чутье, позволяющее ему легко разбираться въ многочисленныхъ и запутанныхъ контраверзахъ нѣмецкихъ историковъ и филологовъ. Безусловно интересны соображенія автора относительно первоисточниковъ Діодора, Плутарха и Аппіана (стр. 161). Въ упрекъ

автору можно поставить развѣ излишнюю осторожность сужденій, доходящую иногда до неполной ясности самыхъ взглядовъ автора.—Третій и послѣдній отдѣлъ книги (стр. 162—240) посвященъ жизни и дѣятельности братьевъ-трибуновъ. Это—подробный разсказъ, всецѣло основывающійся на источникахъ и изобилующій фактическими подробностями; но автору не удалось ни представить картину соціальной борьбы, ни нарисовать красочные портреты мятежныхъ вождей народной партіи—братьевъ-борцовъ за права и вольности римскаго народа. На страницахъ изслѣдованія мелькаютъ только мазки, такъ и не слившіеся въ общую композицію.—И. Бороздинъ.

— Ученые труды въ изданіи Императорскаго Московскаго Университета. Часть первая. Проф. А. И. Чупровъ. Желѣзнодорожное хозяйство. Томы I и II. Москва. 1910.

Настоящее изданіе извѣстнаго классическаго труда проф. А. И. Чупрова по желѣзнодорожному хозяйству составляетъ первую часть полнаго собранія его ученыхъ трудовъ, которое императорскій московскій университетъ рѣшилъ, согласно представленію своего юридическаго факультета, выпустить въ свѣтъ въ память покойнаго ученаго. Исполненіе этого рѣшенія возложено на особую коммиссію въ составѣ профессоровъ—А. А. Мануилова, Н. А. Каблукова и Д. М. Петрушевскаго.

Все изданіе предположено въ трехъ частяхъ. Въ только что вышедшей первой части помѣщены біографическій очеркъ проф. А. И. Чупрова, составленный очень живо и съ искренней любовью проф. Н. А. Каблуковымъ, и сочиненіе А. И.: „Желѣзнодорожное хозяйство", напечатанное при жизни автора въ двухъ томахъ. Первый изъ нихъ, посвященный изслѣдованію экономическихъ особенностей желѣзнодорожнаго хозяйства и его отношеній къ интересамъ страны, представлялъ собою магистерскую диссертацію А. И., а второй, содержащій въ себѣ изученіе условій, опредѣляющихъ движеніе и сборы на желѣзныхъ дорогахъ—докторскую.

Первое изданіе труда проф. А. И. Чупрова по желѣзнодорожному хозяйству, вышедшее въ срединѣ 70-хъ годовъ прошлаго столѣтія, давно стало библіографической рѣдкостью, а между тѣмъ и до сихъ поръ этотъ трудъ остается въ нашей экономической литературѣ наиболѣе полнымъ теоретическимъ изслѣдованіемъ общихъ основъ желѣзнодорожнаго хозяйства. Лица, обращающіяся у насъ къ систематическому изученію желѣзнодорожнаго дѣла, испытываютъ существенныя затрудненія вслѣдствіе отсутствія въ русской научной литературѣ самостоятельныхъ руководствъ по этому предмету. Даже пользованіе

иностранными источниками далеко не вполнѣ устраняетъ эти затрудненія, потому что общіе трактаты по желѣзнодорожному дѣлу какъ въ способахъ построенія своихъ положеній, такъ и въ соотношеніи частей въ значительной степени отражаютъ специфическія особенности, присущія желѣзнодорожному дѣлу въ данной странѣ. Нельзя поэтому не привѣтствовать изданіе московскаго университета, благодаря которому существенно облегчается для всѣхъ интересующихся у насъ желѣзнодорожнымъ дѣломъ систематическое изученіе его экономики. Вмѣстѣ съ постояннымъ ростомъ рельсовой сѣти и ея значенія въ общемъ ходѣ нашей экономической и государственной жизни, управленіе ею все болѣе и болѣе усложняется, повышая уровень необходимой спеціальной подготовки; въ то же время къ участію въ обсужденіи и разрѣшеніи вопросовъ, возникающихъ при сооруженіи и эксплоатаціи желѣзныхъ дорогъ, все болѣе и болѣе привлекаются самые разнообразные государственные и общественные элементы.

Наша спеціальная желѣзнодорожная литература очень небогата объективными научными изслѣдованіями даже по отдѣльнымъ спеціальнымъ вопросамъ желѣзнодорожнаго хозяйства и желѣзнодорожной политики. Изъ вышедшихъ послѣ разсматриваемаго труда проф. А. И. Чупрова сочиненій этого рода можно указать лишь три-четыре работы по желѣзнодорожнымъ тарифамъ, да столько же по исторіи желѣзнодорожной политики, преимущественно въ области финансовыхъ отношеній государства къ желѣзнымъ дорогамъ. Русская экономическая наука, подъ вліяніемъ весьма разнообразныхъ и въ значительной мѣрѣ вполнѣ уважительныхъ причинъ, сосредоточиваетъ свое вниманіе главнымъ образомъ на разработкѣ нѣкоторыхъ общихъ вопросовъ теоретической экономіи или такихъ первостепенныхъ вопросовъ экономической политики, какъ аграрный, рабочій и т. под., проявляя сравнительно гораздо меньше интереса къ вопросамъ желѣзнодорожнаго хозяйства. Разработка послѣднихъ попадаетъ большею частью въ руки практическихъ дѣятелей, заинтересованныхъ въ томъ или иномъ ихъ освѣщеніи. Значительно бо̀льшая часть работъ, имѣющихся въ нашей спеціальной желѣзнодорожной литературѣ какъ болѣе давняго, такъ и новѣйшаго времени, даже при богатствѣ фактическаго матеріала и серьезности его разработки, далеко не отличается безпристрастіемъ и объективностью ни въ выясненіи существующаго положенія желѣзнодорожнаго дѣла, ни въ обсужденіи очередныхъ задачъ нашей желѣзнодорожной политики. Нельзя, поэтому, не пожалѣть, что такой безпристрастный и авторитетный ученый, какимъ былъ А. И. Чупровъ, не успѣлъ осуществить тотъ планъ работъ по изслѣдованію желѣзнодорожнаго дѣла, который, какъ видно

изъ предисловія ко второму тому, намѣчался имъ еще при выпускѣ этого тома въ свѣтъ. Слѣдующій, третій томъ авторъ предполагалъ посвятить дальнѣйшему разсмотрѣнію факторовъ товарнаго движенія, а также выясненію условій пассажирской перевозки. Заключить свой трудъ покойный ученый хотѣлъ попыткой „примѣнить полученные результаты къ вопросамъ хозяйственной организаціи желѣзнодорожныхъ предпріятій, именно: къ выбору направленія желѣзныхъ дорогъ, системы ихъ постройки, размѣра предпріятій и, наконецъ, къ тарифной политикѣ“. Всѣ эти важнѣйшія стороны желѣзнодорожнаго дѣла остаются и до сихъ поръ безъ систематическаго научнаго изслѣдованія.

Научныя достоинства разсматриваемаго труда А. И. создали автору вполнѣ заслуженный успѣхъ. Результаты его изслѣдованія вошли неотъемлемой частью въ составъ экономической науки и остаются въ ней неуничтожимымъ вкладомъ. Всѣ сколько-нибудь существенныя теоретическія положенія, установленныя А. И. Чупровымъ, нашли блестящее подтвержденіе какъ въ дальнѣйшемъ движеніи теоретической мысли, такъ и въ фактическомъ развитіи желѣзнодорожнаго дѣла.

Остановимся на важнѣйшихъ изъ числа этихъ положеній. Вопросъ о значеніи желѣзнодорожнаго транспорта и его роли въ хозяйственномъ развитіи страны является однимъ изъ основныхъ вопросовъ теоріи желѣзнодорожнаго хозяйства. Разрѣшеніе его въ томъ или иномъ смыслѣ неизбѣжно опредѣляетъ то или иное направленіе желѣзнодорожной политики въ отношеніи какъ сооруженія новыхъ желѣзныхъ дорогъ, такъ и характера управленія существующими линіями. А. И. посвятилъ этому вопросу четыре первыя главы I-го тома, въ которыхъ, послѣ сравненія желѣзныхъ дорогъ съ другими видами путей сообщенія, весьма подробно разсмотрѣно вліяніе желѣзныхъ дорогъ на обмѣнъ, на цѣны и на производство. Общій результатъ всего этого изслѣдованія А. И. формулируетъ въ главѣ V-ой слѣдующимъ образомъ: „всѣ перемѣны, вызванныя ихъ (т.-е. рельсовыхъ путей) появленіемъ, сводятся къ одному главному пункту, къ удешевленію стоимости провоза; чѣмъ ниже спускается эта стоимость, тѣмъ больше значенія имѣютъ рельсовые пути для страны. Степень той пользы, которую извлекаетъ страна изъ своей желѣзнодорожной сѣти, обусловливается, поэтому, совокупностью всѣхъ обстоятельствъ, которыя опредѣляютъ мѣновую стоимость желѣзнодорожной перевозки“. Въ другомъ мѣстѣ та же мысль выражается съ еще большею опредѣлительностью: „многоразличныя вліянія желѣзныхъ дорогъ сводятся къ удешевленію перевозки. Степень этого удешевленія есть мѣра той пользы, которую получаетъ отъ нихъ нація“. Говоря объ „удешевленіи перевозки“, авторъ имѣетъ въ виду отнюдь не простыя произвольныя пониженія тарифовъ за счетъ желѣзнодорожныхъ предпріятій или за счетъ казны,

а дѣйствительное сокращеніе затратъ труда и капитала на удовлетвореніе потребности въ транспортѣ, достигаемое народнымъ хозяйствомъ благодаря желѣзнымъ дорогамъ. Этотъ взглядъ на роль желѣзнодорожнаго транспорта въ развитіи народнаго хозяйства является въ настоящее время общепринятымъ въ научной экономической литературѣ. Одинъ изъ новѣйшихъ спеціалистовъ по желѣзнодорожному дѣлу, французскій профессоръ Кольсонъ [1]), подвергнувъ подробному изслѣдованію прямыя выгоды, получаемыя отъ сооруженія или улучшенія путей сообщенія, выражаетъ ту же мысль слѣдующимъ образомъ: „мы остановились такъ долго на собственныхъ издержкахъ перевозки, потому что пониженіе ихъ составляетъ истинную выгоду, получаемую отъ улучшенія путей сообщенія какъ въ томъ случаѣ, когда она всецѣло удерживается владѣльцемъ пути въ свою пользу, такъ и въ томъ, когда она въ большей или меньшей мѣрѣ предоставляется частнымъ лицамъ, которыя пользуются имъ". Этотъ взглядъ, нисколько не умаляя огромнаго вліянія желѣзныхъ дорогъ, впервые открывающихъ иногда возможность разработки втунѣ лежащихъ богатствъ и заселенія новыхъ территорій, вмѣстѣ съ тѣмъ указываетъ истинную причину этого вліянія и даетъ прочный базисъ для разрѣшенія вопросовъ о выгодности или невыгодности, съ точки зрѣнія общихъ экономическихъ интересовъ, сооруженія тѣхъ или иныхъ новыхъ желѣзныхъ дорогъ. Насколько это мнѣніе въ научномъ отношеніи выше весьма популярной въ настоящее время среди представителей всякихъ правительственныхъ вѣдомствъ и торговопромышленныхъ и сельскохозяйственныхъ организацій точки зрѣнія такъ-называемаго „созданія новыхъ цѣнностей", по которой въ активъ желѣзныхъ дорогъ ставится вся сумма цѣнностей различныхъ производствъ, возникающихъ въ раіонѣ дороги! Эта точка зрѣнія смѣшиваетъ созданіе дѣйствительно новыхъ богатствъ благодаря улучшенію путей и способовъ транспорта—съ простымъ перемѣщеніемъ существовавшихъ уже богатствъ и производительныхъ силъ, которое всегда имѣетъ мѣсто въ болѣе или менѣе широкихъ размѣрахъ при сооруженіи новыхъ желѣзныхъ дорогъ. Соединяя подъ именемъ такъ-называемыхъ „косвенныхъ выгодъ" всю стоимость произведенныхъ въ раіонѣ дороги продуктовъ, всю сумму сборовъ, полученныхъ казною или общественными самоуправленіями, всѣ заработки, полученные населеніемъ, весьма легко дать экономическое оправданіе, за рѣдкими исключеніями, всякой, даже самой нелѣпой дорогѣ, обязанной своимъ существованіемъ давленію одностороннихъ корыстныхъ интересовъ, легкомыслію, ажіотажу, стремленію угодить тѣмъ или инымъ вліятельнымъ кругамъ. Тщательное изученіе и воз-

---

[1]) C. Colson, „Les travaux publics et les transports", Парижъ, 1907, стр. 190.

можно большее распространеніе положеній, установленныхъ въ изслѣдованіи А. И. Чупрова относительно условій, опредѣляющихъ доходность желѣзныхъ дорогъ, размѣръ тяготѣющихъ къ нимъ раіоновъ и т. под., несомнѣнно оказало бы сильное противодѣйствіе вліянію указанныхъ ошибочныхъ и вредныхъ взглядовъ.

То же самое можно сказать и о тѣхъ положеніяхъ, которыми покойный ученый характеризуетъ особенности желѣзнодорожныхъ предпріятій, взаимное соотношеніе различныхъ категорій издержекъ сооруженія и эксплоатаціи, зависимость ихъ отъ размѣровъ и условій движенія, вліяніе ихъ на стоимость транспортныхъ услугъ и на прибыль желѣзнодорожныхъ предпріятій. Все, сказанное имъ по этимъ сторонамъ желѣзнодорожнаго дѣла, до сихъ поръ сохраняетъ полную силу и значеніе объективныхъ научныхъ положеній. Отмѣтимъ, напр., взглядъ А. И. Чупрова по вопросу о томъ, въ какой мѣрѣ желѣзныя дороги могутъ посредствомъ своей тарифной политики измѣнять условія и размѣры движенія. Всякій, кто близко стоитъ къ тарифному дѣлу, согласится, что въ этомъ отношеніи и до сихъ поръ въ широкихъ заинтересованныхъ кругахъ „безмолвно допускается предположеніе, что провозная плата обладаетъ магической силой создавать движеніе изъ ничего". Анализъ всей совокупности условій, наличность которыхъ необходима, чтобы пониженіе провозныхъ платъ могло оказать воздѣйствіе на спросъ желѣзнодорожныхъ услугъ и вызвать выгодное для желѣзныхъ дорогъ развитіе перевозокъ, сдѣланъ А. И. Чупровымъ съ такой тонкостью и полнотой, съ такимъ обиліемъ фактическихъ указаній, что все послѣдующее время не могло прибавить къ нему ничего существенно новаго.

Что касается тѣхъ частей разсматриваемаго труда, которыя посвящены изслѣдованію размѣровъ движенія и его характера на отдѣльныхъ дорогахъ, среднихъ ставокъ провозныхъ платъ преобладающихъ грузовыхъ теченій на нашихъ дорогахъ того времени, то, конечно, во многія выведенныя А. И. Чупровымъ цифры должны быть въ настоящее время внесены существенныя измѣненія. Тѣмъ не менѣе, не только общія положенія и выводы, устанавливаемые въ этихъ частяхъ труда, но даже самыя цифры представляютъ большой историческій интересъ и сохраняютъ свое значеніе для нашего времени, такъ какъ значительная часть нашей современной рельсовой сѣти находится теперь, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, именно въ той стадіи развитія, которая была объектомъ изслѣдованія А. И. Протяженіе рельсовой сѣти, вмѣсто 8—16 тысячъ, превышаетъ въ настоящее время 60 тысячъ верстъ, желѣзнодорожная статистика и ея разработка чрезвычайно расширились, создалось спеціальное обширное желѣзнодорожное законодательство, всѣ желѣзныя дороги въ значительной степени объединены въ

эксплоатаціонномъ отношеніи въ одно цѣлое, подъ контролемъ и руководительствомъ правительственной власти. Возникли цѣлыя новыя отрасли промышленности и новые промышленные раіоны, напр. горнозаводское и каменноугольное дѣло въ донецкомъ краѣ, хлопковая промышленность въ Средней Азіи, маслодѣліе въ Сибири, нефтяная промышленность въ Баку, не говоря уже о чрезвычайномъ расширеніи земледѣльческой культуры на нашихъ восточныхъ и юго-восточныхъ окраинахъ—на Кавказѣ, въ Сибири.

Съ внѣшней стороны первая часть изданія ученыхъ трудовъ А. И. безукоризненна. Всѣ лица (профессора В. Э. Денъ, А. А. Чупровъ, Н. В. Сперанскій и инж.-мех. Е. В. Сперанскій), принявшія участіе въ подготовкѣ и исполненіи изданія, отнеслись къ своей задачѣ такъ, какъ того заслуживаютъ память покойнаго профессора и достоинство университета, которому онъ посвятилъ многіе годы своей жизни.

Къ изданію приложенъ прекрасный портретъ А. И., съ его факсимиле.—К. Загорскій.

— Проф. А. С. Алексѣевъ. Къ вопросу о юридической природѣ власти монарха въ конституціонномъ государствѣ. Ярославль, 1910 г.

Небольшая работа проф. Алексѣева (вышедшая въ видѣ отдѣльнаго оттиска раньше печатавшихся его статей) является цѣннымъ вкладомъ въ нашу юридическую литературу. Важная тема разработана авторомъ въ доступной и живой формѣ, въ связи съ самыми общими вопросами государствовѣдѣнія. Книга носитъ, главнымъ образомъ, полемическій характеръ; она направлена противъ господствующихъ въ Германіи воззрѣній на монархію. Проф. Алексѣевъ приходитъ къ выводу, что въ классификаціи государствъ монархія и республика не могутъ считаться высшими родами; и та, и другая—подчиненные виды одного рода: господствующаго теперь правового государства, противополагаемаго отошедшему въ прошлое государству абсолютному. Монархъ, какъ и президентъ нѣкоторыхъ республикъ, есть безотвѣтственный членъ правительства; компетенція монарха, вообще говоря, однородна компетенціи президента; единственное специфическое отличіе монарха—это его наслѣдственность. Сначала авторъ устанавливаетъ общій признакъ государственной власти какъ таковой, затѣмъ родовой признакъ правового государства, въ отличіе отъ государства абсолютнаго, наконецъ — специфическую особенность (differentia specifica) монархіи.

Въ связи съ воззрѣніемъ на государственную власть какъ на силу, предшествующую праву и потому господствующую надъ нимъ и имъ не ограниченную, стоитъ ученіе, по которому власть монарха возвышается

надъ правовымъ строемъ государства. Практическое выраженіе этой мысли авторъ находитъ въ „монархическомъ принципѣ“ конституцій реставрированной монархіи во Франціи и нѣмецкихъ государствъ первой половины XIX вѣка, а теоретическое обоснованіе той же мысли—въ ученіи Гербера и его послѣдователей. Проф. Алексѣевъ даетъ прекрасную исторію монархическаго принципа, начиная съ реставраціи. Принципъ этотъ въ его чистомъ видѣ сводился къ отрицанію какихъ-либо новыхъ началъ въ новомъ строѣ и къ утвержденію, что власть монарха осталась по прежнему неограниченной. Въ Германіи монархическій принципъ получаетъ нѣсколько иное, смягченное значеніе: признается, что монархъ въ извѣстной сферѣ ограниченъ представительствомъ населенія. Главѣ государства принадлежитъ вся власть, минусъ опредѣленная сфера, а представительству—только эта сфера. Обращаясь къ ученію, что власть государства предшествуетъ его праву, авторъ доказываетъ, что та или иная правовая организація всегда значительно предшествуетъ государству, и само государство есть уже правовая организація: не власть творитъ право, а она сама творится правомъ, и потому связывается имъ. „Существо права заключается въ его свойствѣ ограничивать и связывать“. Здѣсь мы видимъ у проф. Алексѣева нѣкоторую двойственность: то рѣшительно говорится, что власть есть право, то она разсматривается какъ нѣчто опредѣленное правомъ (т.-е. отличное отъ него). Очевидно, что въ первомъ случаѣ власть связана правомъ совсѣмъ въ другомъ смыслѣ, чѣмъ во второмъ. Подъ правомъ или правопорядкомъ авторъ понимаетъ правосознаніе, созрѣвшее въ нѣдрахъ народной жизни: законодатель связанъ правомъ въ томъ смыслѣ, что онъ лишь констатируетъ сложившееся уже право. Едва ли можно согласиться съ этой данью исторической школѣ. Конечно, всякое право, значитъ и всякій государственный правопорядокъ, покоится на правосознаніи народа; но вѣдь содержаніемъ правосознанія можетъ быть предоставленіе главѣ государства творить право, не заключенное въ сознаніи народа. Указавъ на подчиненный праву характеръ власти монарха, авторъ переходитъ къ выясненію природы монархіи, какъ вида правового государства. Здѣсь онъ сталкивается съ ученіемъ Іеллинека, по которому монархъ есть суверенный, высшій органъ государства. Проф. Алексѣевъ утверждаетъ, что въ правовомъ государствѣ вообще нѣтъ высшаго рѣшающаго органа, будь то народъ или государь, а есть лишь господство закона, какъ выраженія „правовыхъ представленій народа“. Правовой характеръ государства авторъ видитъ въ томъ, что мѣсто *одного* высшаго органа занимаетъ *система* органовъ. Подъ высшимъ органомъ понимается тотъ, который устанавливаетъ связывающія всѣхъ юридическія нормы и опредѣляетъ

дѣятельность остальныхъ органовъ. Проф. Алексѣевъ убѣдительно показываетъ, что такимъ органомъ современный монархъ отнюдь не является. Совершенно вѣрно, что въ конституціонномъ государствѣ нѣтъ одного высшаго органа; но совершенно невѣрно, что тамъ владыка — законъ, въ смыслѣ правосознанія народа. Владыкой является *система органовъ* (напр. парламентъ въ Англіи).

Тщательно разбирая компетенцію монарха, авторъ приходитъ къ полному уподобленію его президенту парламентарной республики. Съ этимъ нельзя согласиться безъ оговорки. Ни одинъ президентъ не обладаетъ такими правами, какими располагаютъ нѣкоторые монархи, напр. правомъ самостоятельно объявлять войну (при всей фактической неважности этого права). Далѣе, монархъ совершенно безотвѣтственень, тогда какъ президенты всегда отвѣтственны, хотя бы только за уголовныя правонарушенія. Врядъ ли также наслѣдственность есть такое твердое отличіе: вѣдь можетъ быть монархъ и не наслѣдственный (напр. первый монархъ новой династіи). Если, поэтому, трудно сказать, что уже теперь между монархіей и республикой въ правовомъ государствѣ нѣтъ принципіальнаго различія, то можно смѣло признать, что формы эти *стремятся* къ все большему и большему сходству.—Н. Болдыревъ.

Въ теченіе іюля мѣсяца поступили въ редакцію слѣдующія новыя книги и брошюры:

Бальмонтъ, К.—Змѣиные цвѣты. Москва, 1910 г. Цѣна 3 р.

Бельмонтъ, Лео.—Открытое письмо П. А. Столыпину. Варшава, 1910 г. Цѣна 30 коп.

Благовѣщенская, М. П., и *Измайловъ*, А. А.—Кнутъ Гамсунъ. Біографія по неизданнымъ источникамъ и литературная характеристика. Спб., 1910 г. Цѣна 1 р. 25 коп.

Гинсъ, Г. К.—Дѣйствующее водное право Туркестана и будущій водный законъ. Спб., 1910 г.

Гинтовтъ, С. И.—Бесѣды по методикѣ латинскаго языка. Спб., 1910 г. Цѣна 1 р.

Григорьевъ, Владиміръ.—Реформа мѣстнаго управленія при Екатеринѣ II. Спб., 1910 г. Цѣна 2 р. 50 коп.

Короленко, Владиміръ.—Бытовое явленіе. (Замѣтки публициста о смертной казни). Спб., 1910 г. Цѣна 15 коп.

Купластъ, А.—Семирѣченская область. Полтава, 1910 г.

Крыловъ, И. А.—Басни. Съ рисунками худ. Богатова и Спасскаго. Изд. 2. Москва, 1910 г. Цѣна 1 р.

Марголинъ, С. О.—Евреи-труженики. Спб., 1910 г. Цѣна 15 коп.

Меньшиковъ, А.—Опытъ изслѣдованія экономическаго положенія новоселовъ 1906, 1907 и 1908 гг. въ Приморской области. Подъ ред. М. Н. Савинскаго. Владивостокъ, 1910 г. Цѣна 2 р.

Митаревскій, А.—Акмолинская область. Полтава, 1910 г.

Музыченко, Александръ.—Отчетъ о спеціальныхъ занятіяхъ педагогикой за границей. Нѣжинъ, 1909 г.

Музыченко, А. Ѳ.—Реформа средняго женскаго образованія и его исторія въ Германіи. Спб., 1909 г.

Музыченко, Александръ.—Философско-педагогическая мысль и школьная практика въ современной Германіи. Нѣжинъ, 1909 г.

Никольскій, М.—Наставленіе ходокамъ и переселенцамъ. Полтава, 1910 г.

Новомбергскій, Н.—Ветеринарное дѣло въ Россіи въ половинѣ XVIII столѣтія. Томъ V. Томскъ, 1910 г. Цѣна 2 р.

Новосельскій, С. А.—Статистика самоубійствъ. Спб., 1910 г.

Обуховъ, А. М.—Ближайшіе практическіе вопросы народнаго образованія въ Россіи. Москва, 1910 г. Цѣна 1 р.

Обуховъ, А. М. и *Саввинъ*, Н. А.—Тридцатые и сороковые годы XIX ст. въ исторіи русскаго общества и литературы. Историко-литературная хрестоматія. Нижній-Новгородъ, 1909 г. Цѣна 80 коп.

Печальный, Георгій.—Стихотворенія. Керчь, 1909 г. Цѣна 1 р.

Розинъ, Н. Н., проф. — Объ оскорбленіи чести. Уголовно-юридическое изслѣдованіе. Второе перераб. и дополн. изданіе. Общая часть. Опозореніе. Томскъ, 1910 г. Цѣна 2 р. 50 коп.

Роковъ, Г.—Воспитатели, школа и молодое поколѣніе. Москва, 1910 г. Цѣна 75 коп.

Риттихъ, П. А.—У альпійскихъ егерей. Письма изъ Франціи. Спб., 1910 г. Цѣна 3 р.

Семеновъ-Волжскій, С.—Разсказы. Т. I. Спб., 1910 г. Цѣна 1 р.

Соколовъ, Г. А.—Въ защиту церковно-славянскаго языка. Астрахань, 1910 г.

Савари, А. М.—Краткія свѣдѣнія о Семипалатинской области. Полтава, 1910 г.

Сервантесъ, Мигель.—Славный рыцарь Донъ-Кихотъ Ламанчскій. Романъ въ 2-хъ томахъ. Новый полный переводъ С. М. Съ портретомъ и рисунками Густава Доре. Москва, 1910 г. Цѣна за два тома 3 р.

Спиноза, Бенедиктъ. Политическій трактатъ. Пер. съ латинскаго студента А. Б. Ставскаго, подъ ред. и съ пред. Е. В. Спекторскаго. Варшава, 1910 г. Цѣна 1 р.

Уэллсъ, Гербертъ-Джорджъ. Собраніе сочиненій. Томъ 9. Тоно-Бэнге. Спб, 1910 г. Цѣна 1 р. 25 коп.

Шалландъ, Л. А., проф. Безотвѣтственность и неприкосновенность депутатовъ во Франціи. Юрьевъ, 1910 г. Цѣна 80 к.

Шевкуновъ, А. Иркутская губернія. Полтава, 1910 г.

Шереметевъ, П. С., гр. Бонапартъ и русскіе въ 1789 году и о Заборовскомъ. Москва, 1910 г.

Шершеневичъ, Г. Ф. Соціологія. Лекціи. Москва, 1910 г. Цѣна 40 коп.

Ѳедоровъ, А. М. Бурунъ. Разсказъ. Москва, 1910 г. Цѣна 1 р. 25 коп.

———, А. М. Жатва. Разсказъ. Москва, 1910 г. Цѣна 1 р. 25 коп.

— Виды на урожай въ 1910 году. Москва, 1910 г.

— Журналъ ген.-адъют. графа К. Ѳ. Толь о декабрьскихъ событіяхъ 1825 года. Изд. и ред. гр. Е. Н. Толь. Спб., 1910 г. Цѣна 1 р.

— Матеріалы къ вопросу о борьбѣ съ холерой на водныхъ путяхъ Вытеграскаго Округа Путей Сообщенія. Д-ра мед. А. В. Чирикова. Вытегра, 1910 г.

— Отчетъ о состояніи учебныхъ заведеній Кавказскаго Учебнаго Округа за 1909 годъ. Тифлисъ, 1910 г.

— Сборникъ т-ва „Знаніе" за 1910 г. XXXI. Спб., 1910 г. Цѣна 1 р.

— Статистико-Экономическій Обзоръ Херсонской губ. за 1908 г. Годъ 22-ой. Херсонъ, 1910 г.

— Уроженцы и дѣятели Владимірской губ., получившіе извѣстность. Собр. и дополнилъ А. В. Смирновъ. Вып. 4. Владиміръ-губ., 1910 г. Цѣна 75 коп.

— Фракція народной свободы въ періодъ 10 окт. 1909 г.—5 іюня 1910 г. Отчетъ и рѣчи депутатовъ. Спб., 1910 г. Цѣна 50 коп.

— Экскурсіи учащихся Кавказскаго учебнаго округа въ 1909 году. Тифлисъ, 1910 г.

— 1910 годъ въ сельскохозяйственномъ отношеніи. Выпускъ I. Спб., 1910 г.

— Демократически Прѣгледъ. Година VIII, книга VI. София, 1910 годъ.

КУИНДЖИ и ЛЕВИТАНЪ

Цѣнный даръ творчества, однажды возгорѣвшись въ человѣческой душѣ, угасаетъ обыкновенно вмѣстѣ съ человѣкомъ. Какъ его ни тушитъ жизнь, какіе вихри ни поднимаетъ она, творческіе лучи все же проникаютъ сквозь тучи, и обычно художникъ видитъ жизнь освѣщенною свѣтомъ творчества до конца дней своихъ.

Но бываютъ исключенія. Начало самостоятельной творческой дѣятельности недавно скончавшагося художника относится къ концу семидесятыхъ годовъ; конецъ же—къ серединѣ восьмидесятыхъ. Съ тѣхъ поръ Куинджи, вплоть до самой смерти, не выставляетъ ни одной картины. Это двадцатипятилѣтнее бездѣйствіе талантливаго художника тѣмъ болѣе удивительно, что оно зависѣло только отъ свободнаго его рѣшенія. И совсѣмъ страннымъ покажется такое бездѣйствіе, если вспомнить, какъ счастливо выступилъ Куинджи, какую громкую славу завоевалъ своими картинами и какъ сразу былъ признанъ. И вотъ, не смотря на признаніе публики, не смотря на сочувствіе тогдашней передовой художественной молодежи, не смотря на шипѣнье художниковъ-рутинеровъ (тоже вѣдь хорошій показатель для таланта), не смотря на все это,—творчество Куинджи вдругъ сразу обрывается. Онъ добровольно обрекаетъ себя на молчаніе.

Будущій біографъ этого талантливаго художника и прямого человѣка выяснитъ, конечно, мотивы такого страннаго творческаго воздержанія. Намъ остается только догадываться. Было ли здѣсь разочарованіе въ цѣнности созданнаго? Думаю, что нѣтъ. Это видно изъ

того, что, перерѣзавъ нить своего творчества, Куинджи ничуть не порвалъ связи съ художественнымъ міромъ: наоборотъ, когда начались въ академіи реформы, онъ вошелъ въ тѣсное соприкосновеніе съ академической молодежью и пользовался ея любовью, не только въ качествѣ печальника о матеріальныхъ ея нуждахъ, но и въ качествѣ идейнаго руководителя передовой въ академіи партіи. Въ основѣ этого руководительства лежали тѣ художественныя цѣнности, которыми Куинджи создалъ себѣ имя за краткій періодъ своей творческой дѣятельности. И роль вождя была ему по душѣ. Слѣдовательно, не разочарованіе въ цѣнности созданнаго было причиною бездѣйствія его въ теченіе цѣлой четверти вѣка. Скорѣе можно приписать его неувѣренности Куинджи въ своихъ силахъ. Надо думать, что послѣ первыхъ тріумфовъ онъ уже не надѣялся сдѣлать нѣчто бо̀льшее, не надѣялся достигнуть еще бо̀льшей славы. Если это вѣрно, то такая черта показываетъ необычайную силу воли, ибо броженіе жизненныхъ силъ, направленныхъ въ сторону искусства, было въ немъ очень велико.

Какъ художникъ, онъ все время стремится къ искусству; какъ человѣкъ исключительнаго самолюбія, онъ налагаетъ на свое творчество запретъ, и въ сферѣ искусства ему остается лишь дѣятельность учителя, совѣтчика и радѣтеля о нуждахъ академической молодежи. Но къ тому времени, когда онъ окончательно завоевываетъ себѣ у этой молодежи любовь и уваженіе своей отзывчивостью и прямотой, подрастаетъ и крѣпнетъ иная художественная молодежь—не академическая. И вскорѣ она оказывается въ передовомъ художественномъ лагерѣ. Между тѣмъ, разъ отнесясь къ этимъ молодымъ силамъ отрицательно, Куинджи держится отрицательнаго о нихъ мнѣнія до конца своей жизни.

Какова художественная физіономія Куинджи? Принято говорить, что онъ былъ реалистъ. Да, конечно. Но вѣдь и Шишкинъ, и Левитанъ были реалистами,—однако разница между этими художниками очевидна.

Міръ многогранενъ. Многограненъ и духъ человѣческій. Отсюда неисчислимое количество возможныхъ комбинацій и соотношеній при соприкосновеніи творческаго духа съ міромъ. Творческіе замыслы двухъ художниковъ, изображающихъ одинъ и тотъ же объектъ, бываютъ такъ различны, что иной разъ диву даешься: какъ много вмѣщаетъ въ себя творческій духъ изъ многообразнаго міра, и какъ многообразно объясняетъ онъ намъ этотъ міръ. Художникъ объясняетъ, какимъ онъ его видитъ и какимъ, по его мнѣнію, этотъ міръ долженъ быть и въ нашихъ глазахъ. И вотъ, вспоминается завѣтъ Рафаэля: fare le cose non come le fa la natura, ma come ella

le dovrebbe fare. Завѣтъ—подлинно реалистическій: цѣнный металлъ реализма очищается тутъ отъ грубой натуралистической руды. И художникъ—подлинно реалистъ только тогда, когда изъ темныхъ нѣдръ природы искусно и по-своему добываетъ чистый металлъ — свое твореніе; кто мѣдь, кто золото, кто желѣзо, кто серебро. Иное по-своему добытое желѣзо здѣсь цѣннѣе бываетъ неумѣло отмытаго отъ руды золота: вѣдь кромѣ добытаго металла, пріобрѣтеніемъ для всѣхъ любящихъ землю является также искусный способъ извлеченія изъ нея богатствъ. Какія же богатства добывалъ Куинджи изъ нѣдръ природы и какъ добывалъ онъ ихъ?

Выше были названы имена двухъ не менѣе чѣмъ Куинджи извѣстныхъ художниковъ: Шишкина—старшаго собрата Куинджи,—и Левитана—младшаго его собрата по живописи. Сравненіе художественныхъ физіономій этихъ русскихъ пейзажистовъ будетъ тѣмъ болѣе умѣстно, что нынче какъ разъ исполнилось десятилѣтіе со дня смерти Левитана.

Тема Шишкина—лѣсъ, русская лѣсная глушь. Забравшись въ нее, Шишкинъ почти не выходитъ въ поле, занятый своими сосновыми стволами и вѣтками и солнечными бликами на нихъ. Природу передаетъ онъ съ удивительной точностью, подолгу останавливаясь на мелочахъ и подробностяхъ, часто даже впадая въ сухую фотографичность. Реалистическія богатства, добываемыя Шишкинымъ изъ нѣдръ природы, почти всегда содержатъ въ себѣ плохо отмытую руду натурализма.

Романтическая красивость маринъ учителя Куинджи — Айвазовскаго—отразилась и на пейзажахъ его ученика. Болѣе всего сказывается она въ выборѣ художникомъ темъ яркаго, контрастнаго освѣщенія. Знаменитыя, столь нашумѣвшія картины Куинджи: „Березовая роща“ и „Лунная ночь въ Малороссіи“ — вотъ образцы прекрасно понятаго и умѣло переданнаго яркаго освѣщенія, во всей его волшебной интенсивности. Здѣсь нѣтъ ничего похожаго на Шишкинскую трезвость. Передъ нами энтузіастъ. Нѣтъ ему надобности, подобно Шишкину, каждой вѣткой и каждымъ сучкомъ увѣрять васъ въ томъ, какъ хороша природа: чтобы убѣдить въ этомъ зрителя, для Куинджи достаточно восторженнаго возгласа—возгласа яркимъ красочнымъ пятномъ, рѣзкой и смѣлой тѣнью, четкимъ и мѣткимъ бликомъ. Отсюда его эффектность, быть можетъ иногда и театральная, но во всякомъ случаѣ прямая и непосредственная.

Картины Левитана также притягиваютъ своей непосредственностью, но все стремленіе этого художника — не къ фееричной красивости контрастныхъ тоновъ на сочной желто-зеленой травѣ или на бѣлыхъ украинскихъ мазанкахъ, а къ тихой углубленности задумчиваго великорусскаго пейзажа. Онъ говоритъ о тихой красотѣ не-

затѣйливыхъ березовыхъ лѣсковъ Новгородской губерніи, о печальной шири спокойныхъ русскихъ рѣкъ. За Левитаномъ по праву должна быть закрѣплена честь открытія простой и глубокой души русской природы.

Хорошо изучившій свою тему Шишкинъ дѣловито показываетъ: „вотъ точно такой — а не иной, — лѣсъ въ Россіи". Восторженный Куинджи восклицаетъ въ своихъ пейзажахъ: „смотрите, какъ прекрасна эта пышная красавица земля!" А Левитанъ думаетъ про себя: „какъ бы убога и проста ни была ты, родная земля—такою и люблю я тебя, тихую". И кто чуетъ душу своей земли, — тотъ безъ словъ и возгласовъ пойметъ Левитана.

Большія богатства извлекъ Левитанъ изъ нѣдръ родной земли, такъ какъ глубоко искалъ, и вѣрилъ, что найдетъ. Онъ нашелъ бо́льшія цѣнности, чѣмъ Куинджи, быть можетъ потому, что передъ нимъ лежалъ бо́льшій опытъ въ творчествѣ болѣе раннихъ художниковъ (въ разрѣшеніи проблемы свѣта и красокъ), — и онъ умѣло воспользовался этимъ опытомъ,—насколько вообще возможно въ области искусства чужимъ опытомъ воспользоваться. Куинджи долженъ былъ однимъ изъ первыхъ въ русской живописи пройти черезъ искусъ этого опыта. Онъ выдержалъ его съ достоинствомъ побѣдителя и въ этомъ его неувядаемая заслуга.

Конст. Эрбергъ.

ИЗЪ ОБЩЕСТВЕННОЙ ХРОНИКИ

Десятилѣтіе смерти В. С. Соловьева. — В. С. Соловьевъ и послѣконституціонная современность. — Религіозная свобода. — Походъ епископа противъ г. Шварца. — Изъ-за монастырскихъ доходовъ.—Эпизоды борьбы за церковную школу.—Еврейскій вопросъ. — Травля, преслѣдованіе и неуклонное соблюденіе закона. — Что ждетъ евреевъ въ ближайшемъ будущемъ? — В. С. Соловьевъ и смертная казнь. — В. А. Фаусекъ, Н. А. Шишковъ, В. М. Володиміровъ, А. П. Масловъ, М. В. Картавцева-Крестовская †.

31-го іюля 1900 г. скончался Владиміръ Сергѣевичъ Соловьевъ. Въ послѣдніе годы русское общество такъ много пережило, сейчасъ мы всѣ еще настолько находимся подъ впечатлѣніемъ пережитаго— общественнаго подъема, сперва, и революціоннаго взрыва, затѣмъ,— переживаемая послѣконституціонная реакція въ такой мѣрѣ если не всѣхъ насъ давитъ, то всѣхъ волнуетъ, — что при каждомъ воспоми-

наніи о людяхъ, ушедшихъ за грань земного до наступленія этихъ послѣднихъ лѣтъ, рѣшительно передъ всѣми, помимо воли, встаетъ вопросъ: на чьей сторонѣ и съ кѣмъ былъ бы теперь покойникъ? Этотъ вопросъ явственно звучалъ въ рѣчахъ и статьяхъ, посвященныхъ памяти К. Д. Кавелина, со дня смерти котораго 3-го мая минула четверть вѣка. Можно быть увѣреннымъ, что онъ же прозвучитъ въ томъ, что̀ будетъ сказано по поводу десятилѣтія кончины В. С. Соловьева. И въ отношеніи Соловьева такія поминки не будутъ имѣть и тѣни искусственности. Не нужно даже особаго усилія воображенія, чтобы представить себѣ Соловьева живымъ. Если бы смерть не похитила его десять лѣтъ тому назадъ, ему было бы теперь всего 57 лѣтъ. Онъ былъ бы среди насъ не отжившимъ старикомъ, не человѣкомъ сороковыхъ годовъ, даже не шестидесятникомъ, а полнымъ силъ и энергіи современникомъ. Въ области политики передъ нимъ стояло бы то самое, что̀ всего болѣе заставляло его болѣть и страдать при жизни: угнетеніе инородцевъ и иновѣрцевъ, тиски, наложенные на свободу совѣсти, мысли и слова, смертная казнь, торжество готтентотской морали.

Соловьевъ умеръ въ тотъ моментъ, когда въ русскомъ общественномъ сознаніи уже было формулировано слово „конституція". Оно еще только не было произнесено, главнымъ образомъ потому, что произносить его было нельзя. Споръ о неразрывной связи между формой государственнаго строя и содержаніемъ государственной дѣятельности былъ оконченъ въ половинѣ девятидесятыхъ годовъ. Въ неравномъ спорѣ, въ которомъ могла громко возвышать голосъ только сторона, отрицавшая неустранимую причинную зависимость содержанія законодательства и пріемовъ управленія отъ формы строя и выдвигавшая, какъ принципъ, безразличіе той или другой формы—послѣ несбывшихся ожиданій начала новаго царствованія, побѣда осталась за стороной, вынужденно молчавшей. Прогрессивные слои общества въ послѣдній годъ XIX-го вѣка уже были объединены желаніемъ—конечно, не требованіемъ—„реформы", а не „реформъ". Соловьевъ оказался внѣ создавшагося объединенія. Вѣрный своему общему религіозно-философскому міросозерцанію, онъ и въ работахъ научныхъ, особенно въ „Исторіи и будущности теократіи", всегда проводилъ мысль о неограниченной монархіи—правда, своеобразно понимаемой,—какъ единственной нормальной съ его точки зрѣнія формѣ государственнаго строя. Широкой публикѣ, однако, эти его работы частью были неизвѣстны, частью по цензурнымъ условіямъ недоступны. Въ работахъ же публицистическихъ, пока шелъ споръ о безразличіи формы правленія, онъ прямо по предмету спора не высказывался. Но когда

споръ сталъ клониться къ концу, Соловьевъ съ полной опредѣленностью объявилъ себя противникомъ конституціонализма.

Въ этомъ удаленіи Соловьева отъ русла, въ которое вошло общественное настроеніе и въ которомъ оно твердо тогда обосновалось, лежитъ причина того, что его смерть не была общественнымъ событіемъ. Сопровождавшихъ его тѣло на мѣсто послѣдняго упокоенія считать тысячами не приходилось. Едва ли ихъ были сотни. Соловьевъ умиралъ весь охваченный мыслью о „желтой опасности“ для христіанства и для европейской культуры. Черезъ возгорѣвшееся боксерское возстаніе въ Китаѣ онъ глядѣлъ на много лѣтъ впередъ. Русское же общество въ то время цѣликомъ отдавалось своей домашней современности. Для насъ боксерское возстаніе было эпизодомъ, если не чуждымъ, то далекимъ: какъ опасность — далекимъ во времени, какъ фактъ—далекимъ въ пространствѣ. Насъ оно тревожило не столько само по себѣ, сколько тѣмъ, что могло отвлечь вниманіе отъ внутреннихъ дѣлъ, въ которыхъ чувствовалось, что идейный абсолютизмъ уже выродился въ безсиліе кажущагося приказнаго всемогущества и что въ борьбѣ съ теченіемъ въ пользу „реформы“ онъ шатается и дѣлается съ каждымъ шагомъ слабѣе. Плеве тогда еще не былъ у власти. Тогда только-что взошла звѣзда иного типа—звѣзда Сипягина.

Черезъ четыре-пять лѣтъ Соловьевъ не былъ бы, конечно, ни членомъ союза освобожденія, ни участникомъ съѣздовъ и митинговъ, ни составителемъ партійныхъ программъ. Подобно Льву Толстому, онъ не примкнулъ бы къ освободительному движенію, ибо главнымъ лозунгомъ движенія была конституція. Но Толстой во всемъ стоялъ въ сторонѣ отъ движенія, Соловьевъ же, безъ сомнѣнія, далъ бы свою подпись и подъ датированную 12-мъ января 1905 г. записку трехсотъ сорока двухъ ученыхъ, и подъ каждую резолюцію, требовавшую равноправія національностей, свободы слова и вѣроисповѣданія или отмѣны смертной казни. Онъ съ энтузіазмомъ привѣтствовалъ бы манифестъ 17-го октября, поскольку этимъ актомъ не только была дарована конституція, но вмѣстѣ съ конституціей были провозглашены „незыблемыя“ основы гражданской свободы. Онъ привѣтствовалъ бы навѣрное и адресъ первой Думы. Словомъ, не будучи ни кадетомъ, ни октябристомъ, ни мирнообновленцемъ, ни тѣмъ болѣе соціалъ-демократомъ или трудовикомъ, Соловьевъ, всетаки, во многомъ былъ бы съ конституціоналистами. Отъ конституціоналистовъ его отдѣлялъ бы отвлеченный принципъ. А отъ абсолютистовъ—непереходимая реальная пропасть ихъ злобы, мстительности и человѣконенавистничества.

Въ настоящій моментъ, когда слово конституція, въ приложеніи къ нашему новому государственному строю, все больше и больше стано-

вится только словомъ, когда „реформа“ создала возможность такихъ „реформъ“, передъ которыми останавливалась реакція восьмидесятыхъ годовъ,—въ настоящій моментъ отвлеченный принципъ, отдѣлявшій Соловьева отъ прогрессивныхъ слоевъ общества поднялся въ такую высь, откуда онъ раздѣлять людей не можетъ. Лѣвыя партійныя перегородки если еще не упали, то готовы упасть подъ тяжестью торжества реакціи. Реакція торжествуетъ безудержно и торопится закрѣпить свое торжество. Она мечется отъ Финляндіи къ Холмщинѣ и къ Западному краю, отъ насильственнаго разрушенія общины къ раздачѣ дворянамъ излишне взятыхъ съ крестьянъ крестьянскимъ банкомъ рублей, отъ „потѣшныхъ ротъ“ къ разрушенію университетской автономіи и къ насажденію въ студенчествѣ пуришкевичевскаго академизма, отъ разжиганія племенной вражды противъ евреевъ къ преслѣдованію евреевъ въ „законномъ“ и циркулярномъ порядкѣ, отъ расширенія „охранныхъ“ полномочій и увеличенія каръ, какъ единственно вѣрнаго средства борьбы съ преступностью, къ возрожденію смертной казни за общеуголовныя правонарушенія. Въ такой моментъ индивидуальныя обособленія исчезаютъ сами собою и люди, высоко стоящіе надъ толпой, входятъ въ толпу. Въ толпу снова вошелъ Левъ Толстой. Онъ идетъ сейчасъ своей тропой, но среди насъ. Вошелъ бы въ толпу и Владиміръ Соловьевъ. И онъ, всего себя отдававшій оправданію вѣры отцовъ и оправданію добра, сильнѣйшій борецъ съ человѣконенавистничествомъ и съ угнетеніемъ въ людяхъ живого духа, онъ былъ бы принятъ толпой конституціоналистовъ какъ первый соратникъ. Въ короткіе дни свободы паломничества въ Ясную Поляну не было. А теперь, кого не тянетъ и кто не идетъ къ великому старцу? Русское прогрессивное общество вѣры въ конституціонализмъ не утратило. Но оно на горькомъ опытѣ познало, что измѣненіе формы государственнаго строя, само по себѣ, ничего не предрѣшаетъ: въ рамки народнаго представительства можетъ быть вложена Дума 3-го іюня.

Завѣтной мечтой Соловьева былъ созывъ православнаго церковнаго собора. Онъ считалъ, что этотъ соборъ будетъ первымъ шагомъ къ созыву собора вселенскаго и къ возстановленію христіанскаго единства. Въ періодъ конституціонныхъ ожиданій его мечта была близка къ осуществленію. Первымъ вступилъ въ новое объединенное министерство, въ кабинетъ гр. С. Ю. Витте, личный другъ Соловьева и идейно близкій ему человѣкъ, князь А. Д. Оболенскій. Кн. Оболенскій былъ назначенъ оберъ-прокуроромъ синода, т.-е. занялъ мѣсто, съ котораго двадцать пять лѣтъ главенствовалъ надъ вѣдомствомъ православнаго исповѣданія и надъ православнымъ духовенствомъ К. П.

Побѣдоносцевъ. Одинъ этотъ фактъ, даже самъ по себѣ взятый, знаменовалъ бы для Соловьева полный отказъ отъ религіозныхъ гоненій и отъ принудительныхъ мѣръ въ дѣлахъ вѣры. Кн. Оболенскій энергично взялся за мысль о церковномъ соборѣ. Едва ли православный церковный соборъ, вопросъ о которомъ въ 1906 г. былъ детально разработанъ, явился бы дѣйствительно шагомъ къ возсоединенію церквей. Но въ глазахъ Соловьева необходимость помѣстнаго собора обусловливалась отнюдь не только его посредствующимъ значеніемъ.

Прошло четыре года. По ироніи судьбы, постъ оберъ-прокурора синода занимаетъ тоже личный знакомый Соловьева, г. Лукьяновъ. Мысль о соборѣ оставлена. Вмѣсто собора, въ Кіевѣ былъ одинъ миссіонерскій съѣздъ, въ Казани—другой. Резолюціи этихъ съѣздовъ, особенно кіевскаго, хорошо извѣстны и долго будутъ памятны. Содѣйствіе гражданскихъ властей, кары и запреты снова провозглашены, какъ главное средство охраны православія. По деревнямъ священники вызываютъ прихожанъ для исполненія долга исповѣди и причастія черезъ урядниковъ. Покойному О. Я. Пергаменту чуть не было отказано въ христіанскомъ погребеніи, такъ какъ его родственники не могли представить удостовѣренія о томъ, что онъ каждогодно бывалъ у исповѣди. Усердствующіе губернаторы и градоначальники широко идутъ на встрѣчу требованію если не юридически, то фактически аннулировать значеніе указа 17-го апрѣля 1905 г. о вѣротерпимости. Петербургскимъ градоначальникомъ было сдѣлано распоряженіе о томъ, чтобы отъ лицъ православнаго исповѣданія, подающихъ заявленія о перемѣнѣ вѣры, требовались указанія, въ приходѣ какой церкви они проживаютъ и кого имѣютъ своимъ духовнымъ отцомъ. Понадобилось вмѣшательство министра внутреннихъ дѣлъ для разъясненія казалось бы азбучной истины, что лица, подающія заявленія о переходѣ изъ православія въ другое исповѣданіе, „безъ сомнѣнія задолго до исполненія требуемыхъ закономъ для легализаціи вѣроисповѣдной перемѣны формальностей прекращаютъ общеніе съ православной церковью и ея служителями и фактически едва ли имѣютъ среди православныхъ пастырей духовнаго отца въ смыслѣ руководителя ихъ духовной жизни“.

Изъ другого циркуляра министра внутреннихъ дѣлъ извѣстно, что были примѣры, когда губернаторы обусловливали разрѣшеніе публичныхъ собраній сектантовъ представленіемъ списковъ лицъ, принадлежащихъ къ сектѣ въ данной мѣстности, провѣркой этихъ списковъ, опросомъ вошедшихъ на собраніе лицъ и отобраніемъ подписки о дѣйствительной принадлежности къ сектѣ — т.-е. мѣрами, имѣвшими характеръ отписки, равносильной запрету. Отъ проповѣдниковъ отнималось право свободнаго передвиженія. Однимъ полицеймейстеромъ было

отказано въ разрѣшеніи собранія евангельскимъ христіанамъ-баптистамъ, „во-первыхъ, въ виду имѣвшихся у полицеймейстера свѣдѣній, что собранія эти имѣютъ цѣлью совращеніе православныхъ, и во-вторыхъ, потому, что въ данномъ городѣ не существовало зарегистрированной законнымъ порядкомъ общины христіанъ-баптистовъ“. Опять понадобилось вмѣшательство министра для разъясненія, что „отсутствіе зарегистрированной общины не можетъ служить основаніемъ къ воспрещенію устройства сектантами молитвенныхъ собраній“ и что „съ дарованіемъ по Высочайшему указу 17-го апрѣля 1905-го года православнымъ права свободнаго перехода въ другія христіанскія вѣроисповѣданія и вѣроученія, возможность отпаденія православныхъ отъ своей вѣры подъ вліяніемъ иноземнаго богослуженія или молитвословія не является препятствіемъ къ совершенію таковыхъ“.

На первый взглядъ приведенныя разъясненія должны вызывать чувство удовлетворенія. Все-таки, есть хоть власть министра, которая охраняетъ возглашенное начало терпимости въ дѣлахъ вѣры и останавливаетъ азбучными соображеніями не въ мѣру усердствующихъ мѣстныхъ администраторовъ. Но ничему, вызывающему чувство удовлетворенія, по нынѣшнимъ временамъ, нельзя отдаваться. Считая допустимымъ иновѣрное богослуженіе или молитвословіе, не смотря на создаваемую ими возможность отпаденія православныхъ отъ своей вѣры, тотъ же министръ и въ тѣхъ же циркулярахъ объявляетъ: „очевидно, не можетъ почитаться дозволенной раздача приглашеній на молитвенныя собранія сектантовъ среди лицъ, къ данной сектѣ не принадлежащихъ, или какого-либо иного рода призывы на сектантское богомоленіе, призывныя афиши, плакаты и т. п.“. А съ другой стороны необходимо оговориться, что всѣ эти разъясненія были напечатаны въ газетахъ еще въ мартѣ. Состоялись же они тому назадъ, можетъ быть, полгода, а можетъ быть — и цѣлый годъ. Въ нарастаніи современной реакціи и въ неуклонно послѣдовательномъ эволюціонированіи въ реакціонномъ направленіи министерства П. А. Столыпина годъ и даже полгода — срокъ не малый. Намъ лишь случайно попадаютъ въ руки „Земщина“ и „Колоколъ“, и мы не помнимъ, что именно печатали они по поводу „радикальныхъ“ и „безбожническихъ“ разъясненій. Органы гг. Маркова и Замысловскаго и синодскаго чиновника, г. Скворцова, конечно, не молчали и, конечно же — какъ ни грустно быть въ этомъ увѣреннымъ à priori, — ихъ окрики и вопли возымѣли дѣйствіе. А потому весьма и весьма вѣроятно, что губернаторы къ настоящему времени уже успѣли получить новѣйшія разъясненія разъясненій — секретныя разъясненія по чьей-то нескромности опубликованныхъ циркуляровъ. Что такое предположеніе не фантастично, подтверждаетъ слѣдующая телеграмма отъ 14-го іюля

изъ Твери („Русское Слово", № 161): „Группѣ христіанъ-евангелистовъ администраціей запрещены собранія. Полиціей отбирались подписки въ томъ, что собраній, чтенія и толкованія Евангелія они производить не будутъ".

Отказавшись отъ собора, высшее православное духовенство не только вернулось къ прежнему, насажденному Побѣдоносцевымъ возрѣнію на свои пастырскія задачи. Оно вплотную вошло въ политику. Имена архіепископа Антонія волынскаго, епископовъ Серафима кишиневскаго и Гермогена саратовскаго, а также протоіерея Восторгова по праву заняли мѣсто среди именъ передовыхъ борцовъ контръ-революціи. Ихъ имена пріобрѣли такую же извѣстность, какъ имена гг. Дубровина, Пуришкевича или гр. Коновницына. За высшимъ духовенствомъ потянулись Иліодоры. Закономъ 3-го іюня православные священники массой введены въ Государственную Думу. Тамъ, подъ главенствомъ двухъ епископовъ, они составляютъ вѣрную реакціи внушительную силу, спаянную священнослужительской дисциплиной, политическое значеніе которой духовная власть такъ ярко демонстрировала на лишенныхъ сана священникахъ-членахъ первой и второй Думы. Выбранные народомъ въ его представители бывшіе священники Огневъ, Афанасьевъ, Тихвинскій, Бриллiантовъ тоже отдались политикѣ. На ихъ примѣрѣ и на многихъ случаяхъ лишенія однихъ священниковъ за внѣдумскую политическую дѣятельность сана и награжденія другихъ высшая церковная власть, въ полномъ согласіи съ властью свѣтской, сказала подначальнымъ служителямъ церкви: заниматься политикой — вашъ долгъ, но никакой свободы политическаго самоопредѣленія для васъ нѣтъ. Въ результатѣ священники-члены Думы голосуютъ за смертную казнь, за уничтоженіе деревенской общины, за ограниченіе правъ инородцевъ, за охрану интересовъ крупныхъ землевладѣльцевъ-дворянъ, хотя бы въ ущербъ интересамъ крестьянъ. Думское духовенство своими голосами закрѣпило афоризмъ г. Маркова 2-го: земству нуженъ дворянинъ, „ибо это мозгъ русскаго народа"...

Петербургскій викарный епископъ Антонинъ, слово котораго еще такъ недавно раздавалось съ церковнаго амвона—въ монастырѣ „на покоѣ". Преосвященный подольскій Порфирій уволенъ за то, что при объѣздѣ епархіи объяснялся съ паствой на единственно понятномъ ей языкѣ—по-малорусски („Петербургскія Вѣдомости", № 144). Когда умеръ протопресвитеръ военнаго и морского духовенства, толки о кандидатахъ на вакантный постъ вращались исключительно вокругъ свѣдѣній о политической окраскѣ и о партійной принадлежности того или другого кандидата. О пастырскихъ ихъ заслугахъ даже не упоминалось. То же самое повторилось послѣ смерти придворнаго прото-

пресвитера. Въ русской современности послѣдовательно проводится подчиненіе всего и всѣхъ политикѣ: школы, земства, арміи, церкви. Политическое безразличіе солдатъ и офицеровъ, учащихъ и учащихся, а также служителей алтаря объявлено вздорной „кадетской“ выдумкой. Для всѣхъ и вездѣ политика обязательна. Только, конечно, политика однобокая, „истинно-русская“.

Уподобившись свѣтскимъ главарямъ черносотенства, церковные іерархи полемизируютъ между собой, на соблазнъ вѣрующихъ ведутъ другъ противъ друга подпольную и надпольную войну и преуспѣваютъ въ розыскахъ корней крамолы. Бессарабскій епископъ Серафимъ узрѣлъ крамольника... въ г. Шварцѣ! Нынѣшній министръ народнаго просвѣщенія—и крамола! Даже г. Меньшиковъ до этого не договаривался; даже его епископъ Серафимъ превзошелъ. Поводомъ для епископскаго гнѣва противъ министерства народнаго просвѣщенія послужилъ отказъ Государственной Думы въ ассигновкѣ 232 тысячъ рублей на увеличеніе содержанія служащихъ въ духовныхъ учебныхъ заведеніяхъ [1]). „Бессарабское духовенство!—взываютъ въ отвѣтъ на рѣшеніе Думы „Кишиневскія Епархіальныя Вѣдомости“, оффиціальный органъ мѣстнаго преосвященнаго.—Вы должны показать, что стоите на стражѣ государственныхъ интересовъ Россіи, какъ православнаго государства. Вы должны понять, что наши главные враги—это инородцы, чуждые намъ по духу, если не по вѣрѣ, засѣдающіе въ министерствѣ народнаго помраченія, — да простятъ это слово тѣ, кто понимаетъ, какой мракъ наводитъ на Русь министерство народнаго просвѣщенія своимъ проектомъ отнятія церковныхъ школъ, проводимымъ черезъ Государственную Думу, и своимъ отношеніемъ къ духовному вѣдомству“. И очевидно для полноты состава преступнаго дѣянія, предусмотрѣннаго ст. 129 уголовнаго уложенія, которая, какъ отлично извѣстно епископу Серафиму, написана не для него и не для его политическихъ союзниковъ, газета на цитированныхъ словахъ точки не ставитъ: она тутъ же указываетъ и средство „преступнаго“ противодѣйствія „видамъ правительства“. „А когда это поймете, — такъ заканчивается „возбуждающій“ призывъ,—то первымъ вашимъ долгомъ будетъ написать въ редакцію „Кишиневскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей“, за подлинною подписью всѣхъ единомыслящихъ и за приложеніемъ церковной печати, о нежелательности иноплеменнаго и особенно иновѣрческаго начала въ русскомъ министерствѣ народнаго просвѣщенія“.

Не намъ, конечно, становиться въ какомъ бы то ни было отношеніи на защиту политики г. Шварца. Не взялъ бы ее подъ свою защиту и Владиміръ Соловьевъ. Для насъ распря между епископомъ

---

[1]) См. выше, внутреннее обозрѣніе.

Серафимомъ и г. Шварцемъ—внутреннее, домашнее дѣло „истинно-русскихъ“ славянскаго происхожденія съ „истинно-русскими“ нѣмцами. Такъ было бы и для Соловьева. Но онъ не прошелъ бы мимо факта политическаго сыска, чинимаго епископомъ, мимо начальственнаго подстрекательства бессарабскаго духовенства къ тому, за что людей другого политическаго образа мыслей, не исключая православныхъ священниковъ, современная русская государственность ежедневно подвергаетъ суровымъ карамъ. Легко представить себѣ, какая судьба постигла бы того бессарабскаго священника, который счелъ бы долгомъ своей совѣсти откликнуться на возбуждающій призывъ — „за подлинной подписью единомыслящихъ и за приложеніемъ церковной печати“, но въ направленіи, обратномъ желаніямъ епископа Серафима. Соловьевъ не прошелъ бы мимо того, что оффиціальный духовный органъ относитъ церковныя бѣды—допустимъ, что отказъ въ ассигнованіи 232 тысячъ есть церковная бѣда—на счетъ „политической спячки“ духовенства. „Пора проснуться намъ отъ политической спячки“ — такъ начинается призывъ къ походу противъ г. Шварца.

Тотъ же кишиневскій епископъ Серафимъ не поладилъ съ другимъ Серафимомъ, епископомъ подольскимъ, насчетъ чтимаго мѣстнымъ населеніемъ балтскаго Ѳеодосіевскаго монастыря. О своей борьбѣ съ паломничествомъ въ этотъ монастырь, гдѣ, по его словамъ, „эксплоатація молдаванъ была обставлена весьма хитро—при покровительствѣ начальства монастыря, намѣревавшагося деньгами довѣрчивыхъ молдаванъ матеріально обставить бѣдный свой монастырь“,— кишиневскій епископъ оповѣщаетъ въ мѣстныхъ „Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ“. Онъ велъ борьбу энергично, сносясь съ подольскимъ епископомъ, а равно обращаясь за содѣйствіемъ къ губернатору. Настоятель монастыря отвѣчалъ въ „Подоліи“, что „никакихъ злоупотребленій въ балтско-ѳеодосіевскомъ монастырѣ, въ родѣ тѣхъ, на какія указываетъ преосвященный кишиневскій, въ дѣйствительности не было и нѣтъ“. „Это—писалъ онъ—я заявляю рѣшительно, ибо это хорошо извѣстно мнѣ, какъ настоятелю монастыря“. Теперь, въ корреспонденціи, напечатанной 29-го іюня въ „Петербургскихъ Вѣдомостяхъ“, г. Дурново вскрылъ закулисную сторону епископской полемики. Дѣло, оказывается, хотя и недавно возникло, но уже имѣетъ любопытную исторію.

Умершій нѣсколько лѣтъ тому назадъ, священникъ Ѳеодосій Левицкій завѣщалъ на оставленныя имъ средства основать въ г. Балтѣ мужской Ѳеодосіевъ монастырь. Монастырь открыли въ 1908 г., и настоятелемъ былъ назначенъ архимандритъ. Вскорѣ занимавшій подольскую каѳедру епископъ Порфирій былъ удаленъ. Его преемникомъ назначили викарія московскаго митрополита, епископа Серафима

Голубятникова. „Въ Москвѣ—пишетъ г. Дурново—епископъ Серафимъ жилъ какъ архимандритъ Высокопетровскаго монастыря со своею дочерью и держалъ въ келіяхъ открыто женскую прислугу. О поведеніи его и о томъ примѣрѣ, который онъ подавалъ братіи, лучше не говорить. Знатокъ самыхъ лучшихъ и дорогихъ иностранныхъ винъ, владыка послѣ обѣда долгое время отдыхалъ и прекращалъ на 5—6 часовъ пріемы; электрическій звонокъ въ это время бездѣйствовалъ". „Такому владыкѣ — продолжаетъ разсказъ авторъ корреспонденціи — въ Каменецъ-Подольскѣ понадобились большія средства. Пришлось выпросить у синода самый богатый въ епархіи монастырь въ Шаргородѣ, могилевскаго уѣзда. Но тогда и викарій пожелалъ тоже увеличить и свои доходы. Рѣшено было такъ: викарію предоставляется на эксплуатацію монастырь въ Балтѣ; епископъ подольскій закрываетъ глаза на все происходящее въ балтскомъ монастырѣ, а викарій молчитъ о дѣйствіяхъ шаргородскихъ монаховъ, которые, обходя села и деревни съ иконою св. Николая Чудотворца, назначаютъ за молебны несоразмѣрную плату, открыто заявляя, что шаргородскій монастырь отнынѣ—архіерейскій, что архіерей—вдовецъ и ему нужны деньги... Сосѣдъ, кишиневскій киръ-Серафимъ все это знаетъ, и ему желательно выжить сосѣда, который не обращаетъ вниманія на его письма. Но здѣсь коса нашла на камень. У киръ-Серафима сила во власти гражданской, у киръ-подольскаго Серафима сила—въ московскомъ киръ-Владимірѣ, о. Восторговѣ и В. М. Скворцовѣ, съ которыми и преосв. кишиневскій въ дружескихъ отношеніяхъ. Оба епископа другъ друга не долюбливаютъ. Одинъ—дворянинъ, а другой не разъ выражался, что дворяне—царскіе холопы".

Чѣмъ эти безпримѣрныя разоблаченія отличаются отъ того, что печатаютъ другъ про друга, про „темныя деньги", про „темные ходы" и дѣла свѣтскіе главари черносотенства—Дубровинъ, Пуришкевичъ, Юскевичъ-Красковскій и т. д., и т. д.?! Призывая къ походу противъ г. Шварца, „Кишиневскія Епархіальныя Вѣдомости" характеризуютъ переживаемые дни какъ „годину общественной разрухи". Да, вѣрно: наступила ужасная разруха, и глубоко она втянула въ себя тѣхъ, кому, во всякомъ случаѣ, не мѣсто въ боевыхъ рядахъ политической реакціи, кого политика вовсе не должна была бы касаться...

Воинствующее духовенство, въ лицѣ волынскаго архіепископа Антонія, кишиневскаго епископа Серафима и думскихъ священниковъ, въ первую голову ставитъ вопросъ о церковно-приходской школѣ. О школѣ земской архіепископъ Антоній недавно писалъ въ „Колоколѣ" (№ 1266): „Пусть никто не повторяетъ глупой и фальшивой

фразы, что и въ той школѣ преподается законъ Божій". Когда коммиссія Государственной Думы высказалась за объединеніе низшей народной школы, съ подчиненіемъ школы церковной вѣдомству министерства народнаго просвѣщенія, оба епископа, принадлежащіе къ составу Думы, и 32 думскихъ священника опубликовали въ „Новомъ Времени" (№ 12225) протестъ. „Опираясь на историческое свое право", они заявляли, что „духовенство не пойдетъ ни на какіе компромисы по вопросу объ условіяхъ передачи церковной школы въ вѣдѣніе министерства народнаго просвѣщенія, ибо тутъ несомнѣнно заключается явное посягательство на самобытность и независимость церковной школы". „У насъ — писали они—могутъ взять школу, но только силою, если пожелаютъ ее примѣнить, если найдутъ нужнымъ силою отстранить духовенство отъ этого дѣла, которому оно по внутреннему своему расположенію готово посвятить всѣ свои силы". Авторы протеста съ негодованіемъ отвергали „неправильные толки о томъ, что будто бы само духовенство, въ значительной своей части, втайнѣ сочувствуетъ такой передачѣ".

И послѣ столь авторитетныхъ заявленій, смоленскій епархіальный съѣздъ, большинствомъ 74 голосовъ противъ 3-хъ, отклонилъ предложеніе о дополнительномъ обложеніи церквей на церковно-школьное дѣло („Рѣчь", 9-го іюля, № 185). Участвовавшіе въ съѣздѣ церковные старосты, справедливо отмѣчая, что церковныя школы только тѣмъ отличаются отъ земскихъ, что онѣ во всемъ хуже — и по составу учащихъ, и по постановкѣ преподаванія, и по приспособленности помѣщеній,—говорили: „Теперь земство съ каждымъ годомъ увеличиваетъ число своихъ школъ... Церковная школа можетъ только напортить: гдѣ будетъ торчать плохая церковная школа, тамъ не выстроятъ хорошей земской". Изъ устъ „батюшекъ" подобныя рѣчи не раздавались. Но голосованіемъ, которое производилось въ отсутствіи епархіальнаго наблюдателя церковныхъ школъ и уѣздныхъ наблюдателей, они ясно обнаружили свои мысли... Правъ кишиневскій епископъ: массы духовенства еще находятся въ состояніи „политической спячки". Представители духовенства въ Думѣ напрасно берутъ на себя смѣлость дѣлать заявленія отъ имени всего духовенства. Ихъ послалъ въ Думу законъ 3-го іюня, а не свободная воля русскихъ православныхъ священниковъ. Священники въ массѣ еще не отдались политической реакціи и сохранили способность чувствовать и понимать дѣйствительные насущные интересы того крестьянства, которое, по увѣренію архіепископа Антонія (см. „Рѣчь", 12 іюня, № 158), ждетъ торжества церковной школы, чтобы послать на школу земскую „краснаго пѣтушка". Призывы проснуться отъ „спячки" свидѣтельствуютъ, что и внутри клира идетъ „разруха"...

Въ описаніи послѣднихъ минутъ жизни В. С. Соловьева кн. Трубецкой передавалъ, что, находясь уже безъ сознанія, Соловьевъ въ бреду молился за еврейскій народъ. Знатокъ еврейства, его исторіи, языка и вѣроученія, Соловьевъ являлъ собою примѣръ истинно христіанскаго отношенія къ еврейскому вопросу. Безсмысленныя легенды о евреяхъ, употребляющихъ по пасхальному ритуалу христіанскую кровь, и правовыя стѣсненія еврейства его всегда волновали и мучили. О погромахъ, конечно, нечего и упоминать. Онъ не могъ спокойно думать о чертѣ осѣдлости, о процентной нормѣ и о всей той сѣти ограниченій, которою опутано у насъ еврейство. Одно время онъ живо интересовался теченіемъ среди евреевъ въ пользу сіонизма и эмиграціей въ Аргентину, не надѣясь, что въ Россіи роковой вопросъ получитъ когда-нибудь разрѣшеніе. Какіе моменты не разрѣшенія, а развитія еврейскаго вопроса пришлось бы переживать Соловьеву, еслибы судьба не судила ему скончаться десять лѣтъ тому назадъ?

Онъ пережилъ бы ужасъ кишиневскаго погрома 1903-го года. Затѣмъ—ужасъ октябрьскихъ погромовъ 1905-го года. Потомъ—для него наступила бы короткая полоса надежды на возможность увидѣть торжество справедливости въ отношеніи евреевъ. Выборнымъ закономъ 11 декабря 1905 г. евреи, на общихъ основаніяхъ съ гражданами другихъ національностей — тогда въ Россіи были граждане!— получили политическое право избранія народныхъ представителей. Въ законѣ впервые не оказалось никакой запретительнаго свойства оговорки о евреяхъ. И это было настолько непривычнымъ новшествомъ, что сами евреи не сразу повѣрили. Они долго и тщательно перечитывали законъ, въ твердой увѣренности, что въ немъ непремѣнно должно быть обычное изъятіе, если не въ текстѣ статей, то гдѣ-нибудь въ примѣчаніяхъ или приложеніяхъ. Въ то же время получившая автономію высшая школа фактически отмѣнила процентную норму. Министерство юстиціи утвердило присяжными повѣренными всѣхъ евреевъ-помощниковъ, выполнившихъ условія стажа. Отмѣна черты осѣдлости стала вопросомъ времени. Никто и въ мысляхъ не имѣлъ, чтобы, въ случаѣ его принятія Государственной Думой, законопроектъ по этому предмету могъ встрѣтить какія бы то ни было препятствія. Также точно, въ соотвѣтствіе съ указомъ 12-го декабря 1904 г., только до созыва первой Думы и до вотированія ею законопроекта былъ отложенъ вопросъ о правѣ участія евреевъ въ земствѣ и въ городскомъ самоуправленіи.

И вотъ, Соловьевъ увидѣлъ бы, какъ съ роспускомъ первой Думы сразу измѣнились „виды“ правительства по еврейскому вопросу. На одномъ изъ прошлогоднихъ предвыборныхъ собраній въ Петербургѣ

Н. Д. Соколовъ говорилъ, что за долгую свою адвокатскую дѣятельность ему приходилось встрѣчаться и сталкиваться съ безчисленнымъ множествомъ военныхъ и гражданскихъ чиновниковъ-администраторовъ, и что онъ встрѣчалъ чиновниковъ добрыхъ и злыхъ, умныхъ и глупыхъ, честныхъ и взяточниковъ, но не встрѣтилъ ни одного, который не былъ бы антисемитомъ. Если въ этомъ есть преувеличеніе, то развѣ только въ словахъ: „ни одного". Антисемитизмъ свилъ прочное гнѣздо въ нашей бюрократіи. Тѣмъ легче въ данномъ отношеніи былъ успѣхъ „истинно-русской" агитаціи. Съ перваго же раза, какъ она раскрыла ротъ, вслѣдъ за крикомъ: „долой подлую конституцію!" полились непрерывной струей повторенія на всѣ лады: „все зло отъ евреевъ". Крикъ на первыхъ порахъ только слушали, струѣ повтореній внимали и скоро вняли. Изъ своей августовской программы 1906 г. министерство П. А. Столыпина еврейскій вопросъ выкинуло. Оно умыло руки заявленіемъ, что оставляетъ изысканіе способовъ его разрѣшенія свободной иниціативѣ народнаго представительства. Вслѣдъ затѣмъ министерство стало примѣнять къ евреямъ „дѣйствующій законъ" и, постепенно переходя все къ большей суровости, подъ вліяніемъ безудержно нараставшаго и нарастающаго юдофобства третьей Думы, возстановило въ полной силѣ всѣ архаическія ограниченія и стѣсненія.

Наконецъ, Соловьеву довелось бы быть зрителемъ той дикой вакханаліи, въ которой вертится сейчасъ реакція вокругъ еврейскаго вопроса. Освободительное движеніе и революціонный взрывъ, даже проигранная война—объявлены дѣломъ рукъ евреевъ. Правда, еврейство, какъ національность, этимъ поднято на недосягаемую духовную высоту, а стомилліонное русское населеніе незаслуженно принижено. Но въ пылу ненависти и злобы одни наши антисемиты этого не замѣчаютъ, другіе сознательно все готовы признать за евреями, лишь бы ничто не было для нихъ препятствіемъ травить ненавистное племя. Травля давно перешла границы преступнаго возбужденія вражды между отдѣльными частями или классами населенія. Но такъ какъ евреи—исключительные виновники освободительнаго движенія и революціи, а въ отношеніи участниковъ движенія и особенно революціи нѣтъ, по нынѣшнимъ временамъ, большой разницы между допустимымъ и недопустимымъ,—то травля не встрѣчаетъ ни малѣйшаго противодѣйствія. Евреи чуть только что формально не объявлены стоящими внѣ охраны закона. За посягательства противъ нихъ судятъ лишь погромщиковъ. Судятъ, караютъ, а затѣмъ, по неизмѣнно возбуждаемому ходатайству „союза русскаго народа", даруютъ помилованіе. Одни евреи-Азефы находятся подъ зоркой уголовной охраной.

Еврейскій вопросъ сдѣлался центромъ, къ которому рѣшительно все сводится. О чемъ только ни пишетъ г. Меньшиковъ въ „Новомъ Времени“—и не найти ни одной его статьи, въ которой такъ или иначе не упоминалось бы о евреяхъ. Какъ для тургеневскаго Пигасова всегда и во всемъ была виновата женщина, такъ наши союзники и націоналисты, чего бы они ни касались, непремѣнно все сведутъ къ евреямъ и къ еврейству, будетъ ли то разсужденіе объ авіаціи или о новомъ министрѣ, о шахматной игрѣ или о Польшѣ, о картинной выставкѣ или объ аграрныхъ безпорядкахъ—совершенно безразлично. „Еврейскія Извѣстія“ (№ 13) сдѣлали любопытный подсчетъ: въ теченіе минувшей сессіи Государственной Думы еврейскому вопросу посвящено было 53 засѣданія, или около половины общаго числа засѣданій сессіи, если отбросить предканикулярныя засѣданія, а также посвященныя выборамъ президіума; выступало противъ евреевъ 87 ораторовъ; говорили по еврейскому вопросу Марковъ 2-ой—17 разъ, Замысловскій—12, Тимошкинъ—11, Пуришкевичъ—10; еврейскіе дебаты возникали въ связи съ слѣдующими безконечно разнообразными законопроектами, поправками и формулами перехода: о неприкосновенности личности, о налогѣ съ недвижимыхъ имуществъ въ городахъ, мѣстечкахъ и посадахъ, о виленской центральной фельдшерской школѣ, о правѣ застройки, о введеніи земства въ 6 западныхъ губ., о праздничномъ отдыхѣ торговыхъ служащихъ, о мѣстномъ судѣ, объ удаленіи евреевъ съ земской службы по вольному найму, о сдачѣ евреямъ въ аренду казенныхъ земель, о замѣнѣ для евреевъ натуральной воинской повинности денежною, объ удаленіи евреевъ изъ военно-медицинской академіи.

Министерство, создавшее закономъ 3-го іюня фикцію народнаго представительства, всѣ три года дѣятельности третьей Думы держалось пассивнаго отношенія къ законодательству по еврейскому вопросу. Оно дѣлало и дѣлаетъ видъ, будто бы дѣйствительно принимаетъ злопыхательства думской черной сотни и готовность къ послушанію октябристовъ за вѣрное выраженіе воли и требованій народа. Въ 1908-мъ году П. А. Столыпинымъ изданъ былъ сравнительно льготный циркуляръ о правѣ жительства евреевъ внѣ черты осѣдлости. Въ Думѣ послѣдовалъ запросъ—и даже раньше его обсужденія циркуляръ фактически утратилъ примѣненіе. Послѣконституціонная практика вообще научила, что значитъ у насъ неуклонное принятіе дѣйствующаго закона за единственную регулирующую норму. А въ отношеніи евреевъ особенно легко создалась возможность обратить примѣненіе закона въ систематическое преслѣдованіе. Во-первыхъ, законы, опредѣляющіе ихъ права, въ громадномъ большинствѣ случаевъ такъ конструированы, что реализація правъ отдается всецѣло усмо-

трѣнію центральной или мѣстной администраціи. Во-вторыхъ, поскольку законъ касается еврейскихъ правоограниченій, онъ всегда предусматриваетъ недопустимость ихъ обхода и на этотъ предметъ снабжаетъ администрацію сверхзаконными полномочіями. Въ 1905 и 1906 гг. министръ юстиціи безпрепятственно утверждалъ присяжныхъ повѣренныхъ евреевъ. Теперь двери присяжной адвокатуры для евреевъ снова закрыты. И то было безупречно законно, и это. Еврей Гринбергъ, призывавшійся въ 1904 г. къ отправленію воинской повинности, опоздалъ явкой въ воинское присутствіе. На службу онъ, все-таки, былъ принятъ. По окончаніи срока его службы съ матери Гринберга требуютъ уплаты штрафа въ 300 рублей. Она прислала телеграмму члену Думы Н. М. Фридману, умоляя заступиться. Администрація можетъ мольбу уважить, но можетъ и отказать. Въ обоихъ случаяхъ законъ будетъ соблюденъ. Въ Смоленскѣ на-дняхъ, какъ сообщали газеты, получено увѣдомленіе отъ министерства внутреннихъ дѣлъ о томъ, „что постройка еврейской молельни можетъ быть окончена при условіи, чтобы послѣдняя по своему внѣшнему виду не напоминала храма, для чего должны быть сняты съ ея фасада купола, башни и эмблемы, и чтобы внѣшній фасадъ ея ничѣмъ не отличался отъ обыкновенныхъ городскихъ] зданій". А въ Петербургѣ, при дѣйствіи одного и того же закона, на Большой Мастерской уже много лѣтъ стоитъ синагога, фасадъ которой сразу говоритъ, что это не обыкновенное городское зданіе.

Съ процентной нормой получилось слѣдующее. Въ пріемы слушателей высшихъ учебныхъ заведеній въ 1906 г. и отчасти въ 1907 г. процентная норма не соблюдалась. А потому наличное число студентовъ-евреевъ значительно норму превысило. Казалось бы, что при возвратѣ къ точному соблюденію формально не отмѣненнаго и потому дѣйствующаго закона элементарная справедливость требовала, чтобы норма исчислялась въ процентномъ отношеніи къ числу вновь принимаемыхъ слушателей, а отнюдь не къ общему ихъ числу. Юдофобская мораль подсказала какъ разъ обратное. Въ результатѣ уже второй годъ многія учебныя заведенія публикуютъ, что пріема евреевъ производиться не будетъ, и такимъ образомъ, вопреки закону, для вновь подрастающихъ поколѣній евреевъ на неопредѣленное число лѣтъ доступъ къ цѣлому ряду отраслей высшаго образованія закрытъ вовсе. Во исполненіе закона о чертѣ осѣдлости, выселяютъ евреевъ-провизоровъ, зубныхъ врачей, солдатъ. Въ дачныхъ мѣстностяхъ на евреевъ дѣлали облавы, какъ на дикихъ звѣрей. Ихъ разыскивали въ лѣсахъ и немедленно выселяли. Въ Москвѣ былъ примѣръ распоряженія о выселеніи, какъ неимѣющихъ „самостоятельнаго" права жительства, сыновей еврея Райцына, 8 и 10 лѣтъ, и дочери, 4 лѣтъ, а также

4-хъ-лѣтняго сына еврейки Юделіовичъ. И товарищъ министра внутреннихъ дѣлъ доказывалъ передъ сенатомъ закономѣрность этого распоряженія...

А что ждетъ евреевъ въ ближайшемъ будущемъ? Въ какія юридическія формулы выливаютъ свои мысли о способахъ разрѣшенія еврейскаго вопроса тѣ, чьи воззрѣнія такъ полно восторжествовали въ вопросахъ финляндскомъ и о земствѣ въ Западномъ краѣ и чьему торжеству не видно еще начала конца? На эти вопросы отвѣтилъ мартовскій дворянскій съѣздъ. Докладчикъ, г. Панчулидзевъ, проектировалъ, кромѣ сохраненія всѣхъ существующихъ ограниченій, съ распространеніемъ ихъ также на „выкрестовъ изъ евреевъ", лишеніе евреевъ и „выкрестовъ" права участія въ выборахъ въ Государственную Думу, права общественной службы по найму и права быть присяжными и частными повѣренными. Дворянинъ Пашковъ, подъ бурное одобреніе, предлагалъ дополнить перечень ограниченій отстраненіемъ (!) евреевъ отъ участія въ періодической печати, „такъ какъ послѣдняя въ ихъ рукахъ—могучее орудіе развращенія народа". „Евреи—заявлялъ дворянинъ Кушелевъ изъ Пскова—терпимы лишь постольку, поскольку они намъ полезны". Такъ судятъ о еврействѣ гг. объединенные дворяне, многіе изъ которыхъ, по злому, но мѣткому замѣчанію Ѳ. И. Родичева, съ принципіальной ненавистью къ евреямъ соединяютъ любовь къ еврейскимъ деньгамъ и готовность отдавать евреямъ свои имена напрокатъ для пріобрѣтенія евреями лѣсовъ. При жизни В. С. Соловьева до такой циничной откровенности въ сужденіяхъ по еврейскому вопросу не доходили. Тогда, все-таки, былъ стыдъ...

Соловьевъ поднялъ голосъ противъ смертной казни въ 1881 г.— въ тотъ моментъ, когда воздвигалась висѣлица для казни виновниковъ убійства имп. Александра II. Христіанинъ, вѣрный послѣдователь евангелія, никогда и ни при какихъ обстоятельствахъ не можетъ мириться съ насильственнымъ прекращеніемъ жизни человѣка, все равно — неправомѣрнымъ или по закону. Кромѣ христіанской точки зрѣнія, Соловьевъ въ своей извѣстной рѣчи развивалъ тогда точку зрѣнія историческую. „Смертная казнь—говорилъ онъ—претитъ духу русскаго народа".

Если бы онъ прожилъ съ нами эти десять лѣтъ, минувшія со дня его смерти, онъ увидѣлъ бы громкое, на весь міръ, подтвержденіе своихъ словъ. Онъ узналъ бы, что первые въ Россіи избранники народа пришли въ Государственную Думу съ наказомъ отмѣнить смертную казнь и что Дума, какъ святой долгъ, исполнила наказъ избирателей: единогласно приняла законопроектъ, гласившій: „смертная казнь отмѣ-

няется навсегда". Но недолго было бы его ликованіе. Черезъ два мѣсяца онъ увидѣлъ бы военно-полевые суды. А затѣмъ—лѣсъ висѣлицъ, которымъ обросла вся Россія, и тысячи казнимыхъ. Онъ содрогался бы ежедневно, читая лаконическія телеграммы о казняхъ. Онъ услышалъ бы изъ Таврическаго дворца призывы къ крови и крики: „мало!"... „Земщина" недавно писала: „У насъ заведенъ обычай, согласно которому лица, покушающіяся на жизнь представителей власти, предаются смертной казни. Обычай этотъ заслуживаетъ всяческаго одобренія, что бы ни говорили кадетствующіе юристы, ибо самой суровой кары заслуживаетъ тотъ, кто ослабляетъ власть, основу всякаго гражданскаго и политическаго порядка". И дѣйствительно: для наказанія тюрьмой и арестомъ за кражу и за оскорбленіе у насъ есть законъ, а для наказанія смертью — „заведенъ обычай". Тутъ надъ закономъ стоитъ безапелляціонное усмотрѣніе: захочу—повѣшу, захочу—замѣню казнь недѣльнымъ арестомъ. Соловьевъ узналъ бы про завѣренныя послѣ казни судебныя ошибки, про лживые оговоры, дѣлаемые изъ страха завтра быть лишеннымъ жизни, про всѣ эти тенета, въ которыя попало правосудіе. Онъ вмѣстѣ съ нами съ ужасомъ ждалъ бы, что „заслуживающій всяческаго одобренія обычай" станетъ нормальной карой русскаго уголовнаго кодекса.

Но онъ видѣлъ бы и всю глубину неправды, выдающей призывы къ кровавой расправѣ за вѣрное выраженіе народной воли. Отъ его взора не укрылся бы эпизодъ, передаваемый корреспондентомъ „Русскаго Слова" (№ 161): „Крестьянинъ Шинкаренко, присужденный къ казни за вымогательство и убійство, а затѣмъ помилованный и долго исполнявшій въ Екатеринославѣ обязанности палача, задумалъ вернуться въ родную деревню Мануиловку и поселиться тамъ. Крестьяне высказались противъ этого. Былъ созванъ сходъ, на которомъ единогласно было постановлено ходатайствовать о выселеніи Шинкаренко въ Сибирь. Бывшій палачъ послалъ въ министерство жалобу. Въ ней онъ разсказывалъ о своихъ „заслугахъ", перечисляя казненныхъ имъ по приговору военно-окружныхъ судовъ. Министерство предложило новомосковскому предводителю дворянства, г. Родзянко, еще разъ созвать сходъ. Г. Родзянко исполнилъ порученіе и вновь созвалъ сходъ. На сходѣ онъ опрашивалъ каждаго крестьянина въ отдѣльности. Голосованіе было поименное. Но и это не помогло: сходъ подтвердилъ свое первоначальное постановленіе"...

На чьей сторонѣ и съ кѣмъ былъ бы теперь Соловьевъ?..

Въ короткое время, въ теченіе одного мѣсяца, русское общество лишилось многихъ крупныхъ общественныхъ дѣятелей и дѣятелей

науки и литературы. Одни за другими скончались В. А. Фаусекъ, Н. А. Шишковъ, В. М. Володиміровъ, А. П. Масловъ, М. В. Крестовская, А. И. Куинджи [1]).

Викторъ Андреевичъ Фаусекъ былъ профессоромъ зоологіи: съ 1891 г.—петербургскаго университета, съ 1897 г.—бестужевскихъ высшихъ женскихъ курсовъ. Его перу принадлежитъ рядъ спеціальныхъ изслѣдованій и работъ. Главнѣйшія изъ нихъ: „Къ природѣ степей сѣвернаго Кавказа", „Этюды по анатоміи и исторіи развитія пауковъ-сѣнокосцевъ", „Изслѣдованія надъ исторіей развитія головоногихъ", „Біологическія наблюденія надъ пластинчатожаберными моллюсками", „Этюды по вопросамъ біологической эволюціи" и мн. др. Онъ принималъ ближайшее участіе въ изданіи „Энциклопедическаго Словаря" Брокгауза-Ефрона, гдѣ помѣстилъ множество статей по предмету своей спеціальности [2]). Послѣ изданія указа 27 августа 1905 г. совѣтъ профессоровъ избралъ его директоромъ курсовъ. Эту должность онъ занималъ до смерти. Покойный пользовался на курсахъ исключительной популярностью, какъ среди профессоровъ, такъ и среди слушательницъ. „Трудно сейчасъ говорить о Викторѣ Андреевичѣ, какъ о директорѣ,—писали по поводу его смерти слушательницы,—трудно потому, что слишкомъ много сдѣлалъ онъ для курсовъ. Это былъ директоръ-руководитель, директоръ-защитникъ. Пять тяжелыхъ лѣтъ стоялъ онъ на передовомъ посту, принимая на себя всѣ удары. Ни въ одномъ изъ высшихъ учебныхъ заведеній эти годы не прошли такъ мирно, какъ на высшихъ женскихъ курсахъ. За это время у насъ не было ни одного серьезнаго внутренняго конфликта. И этимъ курсы обязаны только обаянію его личности. Виктора Андреевича глубоко уважали, какъ профессора, ему были безконечно благодарны, какъ директору, но любили его больше всего просто, какъ человѣка"... Между нѣкоторыми изъ окончившихъ курсы возникла мысль учрежденіемъ стипендіи навсегда связать имя покойнаго съ курсами. Съ этой цѣлью онѣ составили воззваніе, которое просятъ всѣ изданія перепечатать. Съ полной готовностью исполняемъ ихъ желаніе.

„Объединенныя общей печалью о безвременно угасшемъ Викторѣ Андреевичѣ, мы хотѣли бы сдѣлать что-нибудь, что говорило бы о томъ чувствѣ любви и признательности, которое питали къ Виктору Андреевичу всѣ, знавшіе его, и которое каждая изъ насъ навсегда

---

[1]) Памяти А. И. Куинджи посвящена выше особая статья.

[2]) Въ „Вѣстникѣ Европы" В. А., кромѣ статей, имѣющихъ отношеніе къ его спеціальности: „На зоологической станціи" (1889, май—іюнь) и „На далекомъ сѣверѣ" (1891, авг.), помѣстилъ блестящій этюдъ о „Жерминалѣ" Э. Зола (подъ псевдонимомъ В. Андреевича, 1892, іюль).

сохранить въ своемъ сердцѣ. Мы рѣшили, что наиболѣе подходящимъ для этой цѣли было бы учрежденіе стипендіи имени В. А. на высшихъ женскихъ курсахъ, къ которымъ онъ относился такъ сердечно, отдавая столько энергіи, и забота о которыхъ не покидала его до послѣдней минуты его недолгой, такъ неожиданно, такъ внезапно оборвавшейся жизни.

„Всѣхъ окончившихъ высшіе женскіе курсы и раздѣляющихъ нашу мысль просимъ откликнуться.

„Деньги можно направлять въ контору газеты „Рѣчь".

Въ апрѣльской книгѣ „Вѣстника Европы" за нынѣшній годъ мы отмѣтили дѣятельность самарскаго общества народныхъ университетовъ и появленіе перваго номера „Извѣстій Общества". Но мы не назвали имени того, кому самарскій народный университетъ обязанъ своимъ процвѣтаніемъ, кто его создалъ, кто ему преданъ былъ всей душой. Это былъ нынѣ скончавшійся старѣйшій самарскій земецъ, Николай Александровичъ Шишковъ. Н. А. являлъ собою типъ рѣдкаго, по цѣльности натуры, человѣка. Въ области вопросовъ народнаго образованія онъ былъ незауряднымъ знатокомъ. Земецъ въ лучшемъ смыслѣ слова, Н. А. принималъ участіе въ земскихъ съѣздахъ 1904 и 1905 гг., занимая среди другихъ участниковъ всегда наиболѣе лѣвое мѣсто. Во время первой Думы онъ былъ членомъ Государственнаго Совѣта отъ самарскаго земства. Послѣ роспуска Думы Н. А. сложилъ съ себя званіе члена Совѣта, вернулся на родину, въ Самару, и тамъ весь отдался организаціонной работѣ въ народномъ университетѣ. Покойный нерѣдко выступалъ въ печати. Въ „Вѣстникѣ Европы" имъ была помѣщена статья: „Наше земство, его труды и недочеты" (1901, сент.).

Владиміръ Михайловичъ Володиміровъ бо̀льшую часть своей жизни отдалъ профессорской дѣятельности въ военно-юридической академіи, гдѣ въ теченіе многихъ лѣтъ занималъ каѳедру военно-уголовнаго судопроизводства. Нѣкоторое время онъ состоялъ редакторомъ „Журнала гражданскаго и уголовнаго права". Послѣ выхода въ отставку В. М. съ 1904 г. по 1909-ый былъ гласнымъ петербургской городской думы. Покойный въ послѣдніе годы принадлежалъ къ ревностнымъ сторонникамъ неославизма, увлекался сокольствомъ, неоднократно ѣздилъ въ Прагу и былъ однимъ изъ устроителей пріема въ Петербургѣ д-ра Крамаржа.

Скончавшійся въ Горячеводскѣ отъ холеры А. П. Масловъ былъ однимъ изъ тѣхъ членовъ первой Думы, жизнь которыхъ послѣ короткаго блестящаго трехмѣсячнаго промежутка оказалась вдругъ безвозвратно разбитой. До избранія въ Думу онъ занималъ скромную должность учителя въ гор. Грозномъ. Въ Думѣ это былъ часто выступавшій ораторъ-трудовикъ, горячій, нервный, всегда подкупавшій своей искренностью. Послѣ роспуска Думы онъ сталъ объектомъ непрерывныхъ преслѣдованій: сначала—какъ привлеченный по дѣлу о выборгскомъ воззваніи, затѣмъ—какъ осужденный. Учительская дѣятельность для него была закрыта. За нимъ оставлено было одно право: право постоянной борьбы съ нуждой, въ тщетныхъ поискахъ заработка.

Память о безвременно скончавшейся М. В. Картавцевой-Крестовской особенно дорога нашему журналу, въ которомъ она помѣстила главное свое произведеніе—романъ: „Артистка“ (1891, апр.-дек.), а также разсказъ: „Сынъ“ (1893, ноябрь-декабрь). Обладая недюжиннымъ художественнымъ дарованіемъ, она глубоко проникала въ міръ женской души, въ развитіе чувства и страсти; ей хорошо удавалось изображеніе мало замѣтныхъ, но тяжелыхъ драмъ, возникающихъ на фонѣ семейной жизни. Быстро слабѣвшее здоровье давно заставило ее ограничить, затѣмъ прекратить литературную дѣятельность; но ея лучшія вещи—къ которымъ, кромѣ названныхъ выше, принадлежатъ еще „Раннія грозы“,—едва ли скоро будутъ забыты.

Издатель М. М. Ковалевскій. Редакторъ К. К. Арсеньевъ.

ИЗВѢЩЕНІЕ

От Комитета по сбору пожертвованій на увѣковѣченіе памяти Пирогова.

13-го ноября с. г. исполняется столѣтіе со дня рожденія отца русской хирургіи и великаго русскаго мыслителя и учителя Николая Ивановича Пирогова, послѣднія 20 лѣтъ своей жизни подвизавшагося, какъ врачъ и общественный дѣятель, въ с. Вишнѣ подъ г. Винницей Подольской губерніи, гдѣ и похороненъ въ 1881 г.

Желая увѣковѣчить память Пирогова достойно его имени, Подольское земство, по иниціативѣ общества винницкихъ врачей, считаетъ своимъ долгомъ ознаменовать это событіе постройкой больницы въ г. Винницѣ въ 3 верстахъ отъ мѣста послѣдняго его упокоенія.

Государь Императоръ первый отозвался на это благое дѣло, давъ разрѣшеніе на всероссійскую подписку.

Комитетъ по сбору пожертвованій обращается ко всѣмъ русскимъ гражданамъ, сочувствующимъ истинному просвѣщенію родины и чтущимъ память ея великихъ сыновъ, съ просьбой удѣлить свою посильную лепту на увѣковѣченіе памяти Пирогова. Пожертвованія благоволятъ присылать въ г. Винницу, на имя предводителя дворянства графа Д. Ф. Гейдена.

СОДЕРЖАНІЕ.

КНИГА ВОСЬМАЯ.—АВГУСТЪ.

